

Клио

Александр Шубин

Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ИСТОРИИ — НЕ ДОПУСКАТЬ ЛЖИ

Александр Шубин

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ:
ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ
1917 ГОДА**

Москва
2014

УДК 323.272(47+57)<1917>

ББК 63.3(2)611

Ш95

Ответственный редактор А. Н. Романов

Шубин А.В.

Великая Российская революция: от Февраля к Октябрю 1917 года –
М.: ООО «Родина МЕДИА», 2014, 452 с.

Книга известного российского историка Александра Шубина представляет собой комплексный анализ основных проблем зарождения и развития Великой Российской революции от Февраля к Октябрю 1917 года. В монографии подробно рассматриваются дискуссии отечественных авторов о причинах революции, развитие событий, позиции политических партий, политика правительств, обстоятельства прихода к власти большевиков и мифы об участии в этом процессе германских властей, альтернативы большевизму.

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018 годы)

УДК 323.272(47+57)<1917>

ББК 63.3(2)611

Ш95

ISBN 978-5-905350-25-2

© А. В. Шубин, 2014

© ООО «Родина МЕДИА», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА I. ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЧЕМУ ОНА ПРОИСХОДИТ	6
Таран истории.....	6
Задачи революции в формационной системе координат	13
Революция и реформа	16
Необходимость и случайность	19
ГЛАВА II. НЕИЗБЕЖНОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ	24
Болезни роста или пороки системы?	24
Спор о благосостоянии: система и голод	32
Голод и экспорт.....	45
Городская революция и аграрный вопрос	54
Народники и столыпинисты.....	61
ГЛАВА III. ДЕПУТАТЫ И ЗАГОВОРЩИКИ	94
Заговоры и разговоры	94
Масоны, масоны, кругом одни масоны	110
Рука Берлина. Или Лондона?	119
ГЛАВА IV. ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЗРЫВ.....	125
Бабий бунт	125
Психоз хулиганов?	132
«Добрый государь».....	136
Вооруженное восстание и интриги	140
Кто вас выбрал?	154
Финал империи	167
ГЛАВА V. ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ.....	179
Либерализм против демократии	179
Революция и самоорганизация	189
Явление Ленина	202
Битва за проливы.....	207
Триумф центризма.....	217
Лебедь, рак и щука.....	219
Июльский кризис.....	236

ГЛАВА VI. БЫЛ ЛИ ЛЕНИН НЕМЕЦКИМ ШПИОНОМ?.....	260
Как немцы задолжали Ленину деньги.....	261
Дело Ганецкого	263
На что нужны деньги?	270
Враг государства	276
ГЛАВА VII. ДВА БОНАПАРТА.....	285
Июльские победители	285
Грозящая катастрофа.....	291
Взлет генерала	297
Государственное совещание	314
Кто кого предал?	326
Недоворот.....	356
ГЛАВА VIII. ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЕМОКРАТИИ	369
Большевики протягивают руку	369
Демократическое совещание	381
Капитуляция демократии.....	389
ГЛАВА IX. ОКТЯБРЬ УЖ НАСТУПИЛ	395
«Мы все ахнули»	395
Навстречу съезду	405
Переворот и революция	410
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: АЛЬТЕРНАТИВЫ 1917 ГОДА.....	435
Россия без революции?.....	435
Выбор времени	437
Либерализм и центризм	438
Советские альтернативы.....	441
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	445

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революция представляется обывателю адом крошечным. Послушать сегодняшних бойцов идеологического фронта, заполнивших телеэфир, – так в революции участвовали сплошь идиоты, бандиты и жулики. Миллионы людей сошли с ума, поскольку перестали думать о своих маленьких житейских заботах, а принялись сообща решать судьбы страны. Вертикаль власти, в которой добропорядочный обыватель видит основу благополучия отечества, затрещала да рухнула, похоронив под обломками золотую мишуру Российской империи. Вчерашние экстремисты и рабочие заполнили коридоры власти, где прежде нельзя было появиться без высокой протекции. Ужас, кошмар прошлого. Или будущего?

Сейчас снова гниют стропила «вертикали». И почти век спустя самое время вернуться к урокам той революции, к ее загадкам. Если Российская империя рухнула потому, что всех запутали, обманули загадочные масоны, то почему умнейшие люди старой элиты оказались в дураках? Если Ленин – полоумный авантюрист, да еще и разоблаченный немецкий агент, почему за ним пошла четверть населения России, причем самая сплоченная и активная? И могла ли история страны сложиться иначе, была ли тогда альтернатива крушению империи и победе большевизма? А значит – альтернатива всей советской эпохе с террором и прорывом в космос, с победой над нацизмом и с чернобыльской катастрофой, с индустриализацией и перестройкой.

В феврале 1917 г. не «белая кость», наследники древних вырождающихся родов, а люди из толщи народной получили шанс определить судьбу страны на десятилетия. Впервые со времен Смуты XVII в. миллионы людей смогли выйти из скотного двора, где их держала Система, на холодный, ветреный простор Истории. Впервые за несколько поколений они почувствовали себя людьми, а не тварями дрожащими. Одни принялись грабить, другие в ужасе бросились назад в теплый хлев, но третьи – и таких тоже были миллионы – стали писать нашу историю. Пусть неумело, с ошибками. Но спасибо им за это. Лучше так, чем история, напечатанная чиновниками под копируку.

ГЛАВА I

ЧТО ТАКОЕ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЧЕМУ ОНА ПРОИСХОДИТ

Революция – явление всеобъемлющее, охватывающее все стороны жизни общества. Под революцией понимались и прорывы эволюционного развития, и качественные скачки в развитии, и переходы от одной социально-экономической формации к другой, и социальные перевороты, связанные с вторжениями в отношения собственности, и разрушительные социальные взрывы, и политические перевороты, своего рода «обвалы власти», либо просто «нарушения системного равновесия». Некоторые из этих точек зрения совместимы между собой, но, на мой взгляд, они трактуют явление либо расширительно, либо, напротив, зауженно.

Таран истории

К сожалению, понятие революции, как правило, формировалось индуктивно, как логическая конструкция, основанная на том, что важнее всего для автора – конституционное устройство либо экономика, смена правительства или мифы общественного сознания. В итоге исследователи, предлагающие определения, нередко перечисляют самые разные стороны процесса, перемежая их трудноопределимыми понятиями вроде «радикальное», «быстрое», «фундаментальное», «качественное», «сбой», «нарушение равновесия». Иногда выдвигаются критерии, которые автор считает положительными или отрицательными в силу своей идеологии, и на этом основании считает их критерием революции (например, «далеко идущие изменения», направленные на модернизацию и централизацию)¹. Все эти критерии не позволяют четко отделять революцию как явление от других похожих процессов, четко датировать революции. Более того, классические политологиче-

¹ См. напр., Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6; Там же. Т. 21. С. 115; Коваль Б. И. Революционный опыт XX в. М., 1987. С. 372–374; Хохлюк Г. С. Уроки борьбы с контрреволюцией. М., 1981. С. 21; Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1984. С. 351; Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 53. Обзор определений революции, выдвигаемых зарубежной политологией и социологией, см.: О причинах русской революции. М., 2010. С. 9–11; Концепт «революция» в современном политическом дискурсе. СПб., 2008. С. 131–142.

ские определения, как мы увидим, бывают и вовсе не применимы к реальным революциям.

Историк В. П. Булдаков пытается отождествить революцию с архаичной смутой: «Революция может рассматриваться как дикая реакция на латентные формы насилия, которые приняли социально-удушающую форму... Революционный хаос можно рассматривать как раскрытие «варварского» человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой «цивилизаторского» насилия власти»². Нет, не может революция так рассматриваться, в её сути во всяком случае. Дело в том, что конфликт «цивилизаторского насилия» и «варварского» естества существует от начала цивилизации, а революции, о которых идет речь – явление куда более позднее. Вопрос о том, были ли революции в древности и что под ними понимать – остается дискуссионным, но события, которые принято называть революциями в современном понимании слова, возникают только в Новом времени. Более того, они отличаются от многочисленных бунтов, «бессмысленных и беспощадных», а главное – не результативных в смысле общественных преобразований. То, что современники могут воспринимать как смуту – может быть и революцией. Революции могут сопровождаться погромами и убийствами архаичного типа (хотя они происходят и без всяких революций тоже). Но суть революции – не в смуте, не в архаичном погроме. Да и не противопоставляют себя революции «цивилизаторству» (которое к тому же не сводится к насилию), скорее наоборот.

Проблему пытаются решить и филологи, ибо они создают толковые словари русского языка. Но при этом филологи и консультирующие их историки могут быть далеки от научной проблематики революции и вынуждены опираться на марксистско-ленинскую концепцию, слегка причесанную в духе времени, например: «низвержение, разрушение отжившего общественного и государственного строя, приход к власти нового, передового класса и утверждение нового, прогрессивного строя»³. Получается, что в ходе одной революции разрушается один общественный строй, целая социальная система, и сразу же утверждается новый строй.

Между тем для историка в столь сложном случае логичнее отталкиваться от реальных событий, которые уже вошли в историю как «клас-

² Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 7. Не случайно, как признает Булдаков, его «книга оказалась менее всего востребована теми, кому адресовывалась в первую очередь – историками» (С. 5). Предложенное им сочетание либеральной идеологии и «психопатологии» вряд ли могло получить широкую поддержку в историографии. Но привлекаемый автором эмпирический материал о насилии периода революции ценен для уточнения картины революционного процесса.

³ Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999.

сические революции»: как минимум Великая Французская и революция в России, начавшаяся в феврале 1917 г. В этот «обязательный» список включаются также другие французские революции XIX в. и революция, начавшаяся в 1905 г. в России (как правило, она датируется 1905–1907 гг.). Также «желательно», чтобы определение учитывало и более ранние революции, по крайней мере Английскую революцию XVII в. («Великий мятеж»). Эти события являются революциями несомненно, и определение революции должно им соответствовать.

Рассмотрим на примере этих революций пять определений, приведенные Д. Пэйджем как наиболее типичные для западной науки (Т. Скочпол, С. Хантингтон, Э. Гидденс и Ч. Тилли)⁴.

Т. Скочпол: «Стремительная, коренная трансформация государственных и классовых структур общества, сопровождаемая и частично поддерживаемая классовыми восстаниями снизу». Прежде всего бросается в глаза отсутствие причинно-следственной связи трансформации и восстаний, которые как бы совпадают по времени. Но это – полбеда. Беда в том, что в ходе большинства из перечисленных революций коренной трансформации классовых структур не происходит. Применительно к революции 1905–1907 гг. трудно говорить даже о коренном изменении государственных структур (при всем уважении к введению Государственной думы). Коренная трансформация классовых структур может происходить и без революции, сопровождаясь при этом крестьянскими восстаниями, – так было в России в 1860-е гг. Но, по общему мнению, социально-политической революции в собственном смысле слова тогда не произошло. А ведь глубина классовой трансформации была ничуть не меньше, чем в 1905–1907 гг. Остается «стремительность». Но это – тоже очень слабый критерий. «Стремительно» – это сколько лет? Великая Французская революция, по разным оценкам, длилась от 5 до 15 лет (это если не включать в революционный период империю Наполеона), наиболее обоснованная, на мой взгляд, датировка – 1789–1799 гг. Английская революция «тянулась» 20 лет. Бывают революции и «постремительнее», но и периоды «эволюции» также бывают сопоставимы по длительности с длинными революциями. Реставрация после Английской революции длилась 28 лет, после Наполеоновских войн – 15 лет.

Может быть, лучше определение С. Хантингтона? «Стремительное, фундаментальное и насильственное внутривнутриполитическое изменение в доминирующих ценностях и мифах общества, его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности правительства и политике». Это – типичное определение через перечисле-

⁴ Концепт «революция»... С. 150.

ние, в котором причинно-следственные связи между явлениями автора не очень интересуют. Каждое из таких изменений может вполне свершиться без революции. Одни мифы чего стоят. А все вместе они не встречаются в ходе большинства революций. О фундаментальном (качественном) изменении социальной структуры уже в ходе (а не после) революции мы говорили выше. А тут еще и ценности с мифами. Беда Хантингтона заключается в том, что он применительно к таким сложным материям характеризует общество как целое (а революция его как раз раскалывает). Можно ли сказать, что вся Франция целиком даже во время Великой революции отказалась от католических ценностей и мифов? Количество их противников увеличилось, но это – количественное, а не качественное изменение. Остались массы, приверженные прежним ценностям – одна Вандея чего стоит. Что уж говорить о революциях XIX в., куда слабее перепахавших французское общество.

Поняв слабость определений, преувеличивающих совершаемый революцией прогресс, Э. Гидденс переносит центр тяжести в политическую сферу: «Захват государственной власти посредством насильственных средств лидерами массового движения, когда впоследствии эта власть используется для инициирования основных процессов социальных реформ». Ближе, но все равно не то. Во-первых, Гидденс забыл о таких революциях, как 1905–1907 гг., где означенный захват не произошел. Более того, даже классические революции могут долго протекать и даже добиваться результатов до момента насильственного захвата власти революционными лидерами масс (Франция 1789–1791 гг., например). Во-вторых, не ясен критерий «основных социальных реформ». Можно догадаться, что Гидденс подчеркивает их глубину. Но бывает, что глубокие реформы даже в условиях революции проводят не лидеры массовых движений, так как революция может начаться с переворота (Португалия 1974 г., например). После этого массы могут поддержать новую власть, но это не значит, что к власти пришли именно лидеры массового движения (отчасти это относится и к ситуации февраля 1917 г. в России, когда выяснилось, что лидерами масс являются не министры Временного правительства, а Советы). В-третьих, революция может начаться с ненасильственного прихода к власти, после чего социальные реформы провоцируют революцию (Чили 1970–1973 гг.).

Еще более политологичным и потому слабым является определение Ч. Тилли: «Насильственная передача власти над государством, в ходе которой, по меньшей мере, две различные коалиции соперников предъявляют взаимоисключающие требования в отношении права контролировать государство, и некоторая значительная часть населе-

ния подчиняется юрисдикции государства и подчиняется требованиям каждой коалиции». У Тилли недостатки определения Гидденса гипертрофированы, сущностные особенности революции забыты настолько, что такое определение можно отнести и к междоусобицам, обычным гражданским войнам со времен Древнего Рима и даже некоторым выборам, после которых стороны не могут договориться, кто победил, даже если в основе расхождений лежат разногласия, второстепенные по сравнению с революционными.

Сам Д. Пэйдж, приведя эти определения, справедливо отмечает, что они «в гораздо большей степени охватывают перспективу, нежели то, что могло иметь место с самого начала...»⁵, но нас-то интересует именно то, что характеризует революцию от начала до конца.

И здесь мы сталкиваемся с большой проблемой датировки революций. С одной стороны, Великая Французская революция длилась много лет и сопровождалась несколькими восстаниями, свергавшими существовавший режим. С другой – мы знаем о Февральской и Октябрьской революциях 1917 г., длившихся несколько дней или месяцев и явно связанных единым революционным процессом – как восстания времен Великой Французской революции.

В. И. Миллер стремился преодолеть противоречия между различными трактовками революции путем выделения революции как события («обвал власти»), революции как процесса («ломка» отношений и системы власти) и революции как периода истории, под которым понимается «этап в развитии страны, обычно следующий за падением старой власти или за ее острым кризисом, для которого характерны политическая (а подчас и экономическая) нестабильность, вполне естественная в этих условиях поляризация сил и, как следствие, непредсказуемость последующего развития событий»⁶. Этот подход не представляется нам вполне обоснованным. Во-первых, революция-событие – это политический

⁵ Там же. Увы, сам Пэйдж не смог преодолеть этот недостаток. Характеризуя революцию лишь на основе одного из эпизодов каждой из них (выбранных по своему усмотрению), он добавляет в определение про «фундаментальную трансформацию» еще один критерий: «в результате широкого массового признания утопической альтернативы существующему социальному порядку» (Там же. С. 157). В таком определении сохраняются старые недостатки, но возникают новые неясности. Какую альтернативу считать утопической, а какую реалистичной? Скажем, введение парламента – это утопическое требование. А ведь многие революции этого добивались. А «свержение самодержавия» и введение республики – это обязательно утопия? Если под утопией понимать конструктивную альтернативу, то сомнительно, что она овладевает массами в самом начале революции, а не до или после этого. И слово «утопический» в силу его многозначности, и слова «в результате» как претензия на единственную причину революций, найденную автором, – следует исключить. А вот необходимость широкого распространения представлений об альтернативе существующему порядку – действительно важный, хотя и не единственный, фактор начала революции.

⁶ Миллер В. Осторожно: история! М., 1997. С. 175.

переворот, который может быть частью революции, а может и не быть (крушение нацистского режима в Германии в 1945 г., многие военные перевороты). Революция как процесс и как период практически неотличимы друг от друга, но их критерии (кризис власти, нестабильность, поляризация сил и непредсказуемость событий) недостаточны, так как могут встречаться все вместе безо всякой революции.

Но в идее В. И. Миллера есть существенное рациональное зерно, обусловленное особенностью языка. Социально-политические революции (а речь не идет о революциях в ином смысле слова, например о научно-технических революциях) являются процессом, но в них выделяются события, которые современники также единодушно называют революциями. Так, в феврале (марте) 1917 г. началась Великая Российская революция, в составе которой выделяются два социально-политических переворота – «Февральская революция» и «Октябрьская революция». Тем не менее период революционных перемен имел место и в мае 1917 г., и в 1918 г. Революция не сводится к этим двум переворотам, это – более длительный процесс, протекавший с февраля 1917 г. до начала 1920-х гг. и прошедший в своем развитии несколько фаз⁷.

Более того, как показывает опыт 1905 г., революция – это нечто, что может обойтись без политического переворота. **1905 год разделил понятия революции и переворота (как говорилось в XIX – начале XX вв. – «политической» и «социальной» революции).**

Если говорить о социально-политической революции как о конкретном историческом событии, то это – хронологически ограниченный процесс от нескольких месяцев до нескольких лет. Характеризуя революцию, мы можем исходить из «классических» примеров: английского «Великого мятежа» середины XVII в., Великой французской революции конца XVIII в., серии французских революций 1830 г., 1848–1852 гг., 1870–1871 гг.; российских революций 1905–1907 гг. и 1917–1922 гг. (по поводу даты окончания последней идут споры).

Сущность этих явлений не может быть определена через изменения отношений собственности (в Английской революции этот фактор играет незначительную роль и в центре внимания стоят религиозно-политические мотивы, разделяющие представителей одной группы собственников) или смену правящей элиты (чего не случилось в революции 1905–1907 гг.). Речь не может идти о смене общественной формации в ходе одной революции.

⁷ Эта точка зрения публиковалась нами: см.: Тоталитаризм в Европе в XX в. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 46–64. Аналогичный подход предлагает и Т. Шанин: *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М., 1997.

В то же время можно выделить ряд черт, которые объединяют как минимум все «классические» революции.

1. Революция – это социально-политический конфликт, то есть такой конфликт, в который вовлечены широкие социальные слои, массовые движения, а также политическая элита (это сопровождается либо расколом существующей властной элиты, либо ее сменой, либо существенным дополнением представителями иных социальных слоев). Важный признак революции (в отличие от локального бунта) – раскол в масштабе всего социума (общенациональный характер там, где сложилась нация).

2. Революция предполагает стремление одной или нескольких сторон конфликта к изменению принципов общественного устройства, системообразующих институтов. Определение этих системообразующих принципов, критериев изменения «качества» системы – предмет дискуссии историков. Но дело в том, что в ходе революции ведущие социально-политические силы сами указывают, какие социальные институты считают наиболее важными, системообразующими. Далеко не всегда это отношения собственности, как правило – принципы формирования элиты.

3. Революция – это социальное творчество, она преодолевает ограничения, связанные с существующими институтами разрешения противоречий и принятия решений. Революция стремится к созданию новых «правил игры». Она отрицает существующую легитимность (иногда опираясь на прежнюю традицию легитимности, как Английская революция). Поэтому революционные действия преимущественно незаконны и неинституционализированы. Революция не ограничена существующими институтами и законом, что иногда приводит к насильственной конфронтации.

Таким образом, революцию можно определить как общенациональную социально-политическую конфронтацию по поводу системообразующих институтов общества (как правило – принципов формирования правящей и имущественной элиты), при которой социальное творчество преодолевает существующую легитимность. Или короче. **Революция – это процесс преодоления системообразующих структур общества путем социально-политической конфронтации.**

С учетом сказанного мы можем также отредактировать и приведенное выше определение из Историко-этимологического словаря (хотя и в этом случае оно останется несколько размытым, но уже будет соответствовать реальным революциям: «*процесс* низвержения, разрушения отжившего общественного и государственного строя, прихода к власти *сторонников принципиально* нового, прогрессив-

ного строя». При этом следует иметь в виду, что процесс – это не результат. Процесс низвержения начинается с момента массовых выступлений против этого строя, а утверждение принципиально новых отношений происходит уже после прихода к власти (иногда – частичного) сторонников нового строя. Процесс революции, как правило, прерывист. Останавливается процесс – прекращается и революция. Затем процесс может продолжиться, причем не всегда в виде революции. Чтобы отличить именно революцию, нужно ориентироваться на указанные выше критерии, включая социально-политическую конфронтацию, преодолевающую существующие системообразующие институты.

Массовые убийства не являются таким критерием, а реформы не являются критерием отсутствия революции. Обычно насилие встречается в революции эпизодически, как встречается оно во всяком историческом процессе. Частью революции могут быть и реформы, и войны, и выборные кампании, и полемика в печати. Все это может существовать и без революции, хотя, спору нет, революция делает исторический процесс более интенсивным и вариативным.

Задачи революции в формационной системе координат

Понимание характера революций связано с формационной теорией, которая в нашей стране получила наибольшее распространение в марксистском варианте. При всем различии взглядов на этот предмет и марксисты, и их оппоненты согласны, что общество в своем развитии претерпевает ряд качественных изменений, проходит различные по своим системообразующим принципам эпохи, фазы общественного развития. В марксистской историографии употребляется понятие «социально-экономические формации». Мы будем употреблять привычное понятие «формация», имея в виду, что формации носят не социально-экономический, а комплексный социальный характер. В истории экономическая детерминанта действует далеко не всегда. Так что формации для нас – это структуры общества, обладающие рядом определенных системообразующих черт и сменяющие друг друга во времени. Причем мы предполагаем, что порядок смены формаций в Англии, Германии, России и т. п. один и тот же.

При всем разнообразии формационных концепций вполне очевидно, что существуют качественные различия между традиционным (аграрным) и индустриальным обществами. Переход к специализации, управляемости и рационализму привел к социальным сдвигам, кото-

рые определили изменения практически всех сторон жизни общества. Часть задач этого перехода может быть решена эволюционным путем, но изменение принципов строительства социальной иерархии, характера элит не может произойти без системного конфликта социальных интересов, чреватого революцией.

Движение от аграрного традиционного общества к индустриальному городскому обществу⁸ имеет определенную динамику, которая на материале XIX–XX вв. позволяет говорить о нескольких этапах («формациях»): «зрелое» традиционное общество («феодализм»), начальный этап перехода к индустриализму («абсолютизм»), индустриальный переход (решающая фаза перехода к индустриальному обществу, эпоха революций и капитализма), «зрелое» индустриальное общество (государственно-монополистическое общество, «социальное государство»), начальный этап перехода к гипотетическому постиндустриальному («моделирующему») обществу.

Революции традиционно рассматриваются как водораздел между формациями. Но в действительности смена формации не происходит во время одной революции. Это более плавный процесс. И все же революции играют в нем важную роль, взламывая препятствия для обновления социальной иерархии, которые не были устранены эволюционным путем.

Как писал Н. Г. Чернышевский, существуют периоды напряженной работы, когда человечество за короткий срок решает гораздо больше назревших задач, чем в периоды эволюционного развития. Но во время революционных периодов неизбежно наступает утомление масс, нередко происходит частичное разрушение социально-культурной среды, составлявшей почву для дальнейшего развития страны, и ряд задач революционного прорыва остаются нерешенными. Наступает откат, стагнация, а иногда и реакция. Эволюция и последующие революции вынуждены «доделывать», «доводить» работу, которая была намечена

⁸ Этот процесс часто называется «модернизацией». Термин не является вполне удачным из-за своей бессодержательности, ведь «модернизация» – это переход к современности, а современность в каждой эпохе своя. Однако в историографии термин закрепился, хотя разные авторы не всегда понимают под «осовремениванием» и «современностью» одно и то же. Обсуждая дискуссии о «модернизации» России, мы также будем употреблять этот термин, чтобы изложение было более понятным. Мы будем понимать под модернизацией социальные явления, вызванные переходом от традиционного аграрного общества к индустриальному городскому обществу. Более широкий процесс, включающий и переход к «постсовременности» (которая в случае своего наступления также становится современностью) уместнее назвать креативизацией, то есть распространением в обществе инновационных, творческих явлений – первоначально в противостоянии традиционным институтам и явлениям, а затем и в противостоянии индустриальной инструментализации человека.

предыдущей революцией. С этой точки зрения, понимание характера прошедших революций важно для определения задач последующих.

С учетом этих замечаний мы можем предложить типологию революций в рамках одной исторической фазы («формации»).

А. Межформационные революции. К началу таковой новые общественные отношения уже вызрели. Задача этой революции – разрушить то в структуре общества, что препятствует переходу к новой формации. Нередко это не удается сделать с первого натиска.

Б. Ранние революции. В условиях зрелой формации начинают вызревать предпосылки следующей эпохи. Но они еще очень слабы, чтобы произошла новая смена формации. Именно в такие периоды случаются революции, которые в марксистской традиции получили удачную приставку «ранне-». «Раннебуржуазные», например. Эти революции не создают капиталистической системы, а служат стартовым выстрелом в забеге к ней. Классическим примером такой революции является английский «Великий мятеж».

В. Доводящие революции – доделывают, доводят работу межформационных революций в случае их частичной неудачи. Примером «доводящих» революций являются, например, «Славная революция» 1688 г. в Англии, которая является доводящей в отношении «Великого мятежа» XVII в., Июльская революция 1830 г. (как процесс эта революция длилась как минимум до 1834 г.) во Франции вслед Великой Французской революции.

Революции решают три группы задач: социальные, национальные, гражданско-демократические.

– Решение социальных задач должно обеспечить расширение социальных прав большинства населения, укрепление социальной защиты, снижение уровня социального расслоения.

– Решение «национальных вопросов» обеспечивает этногенетические задачи – либо организацию социально-культурного пространства (нации, национальной общности), либо защиту этнонациональных меньшинств или ликвидацию национально-колониального господства. Отсюда следует разделение национальных задач на объединительные (например, революции в Германии и Италии 1848–1849 гг.) и национально-освободительные (например, Нидерландская революция XVI в.). При этом нужно иметь в виду, что решение только национальных задач (без социальных) может происходить и без революции.

– Решение гражданско-демократических задач призвано укрепить гражданские права личности, механизмы обратной связи между правящей элитой и населением, расширить социальные слои, допущенные в правящую элиту и влияющие на ее политику.

Революция и реформа

Можно ли реализовать задачи революции, не прибегая к столь сильному средству, как революция? Часто на этот вопрос отвечают положительно, противопоставляя революции реформу. Действительно, если есть перемены, которые совершаются после столкновений, как правило (хотя не обязательно) сопровождающихся многочисленными жертвами и материальными разрушениями, то почему их нельзя совершить загодя, сверху, путем мудрых, хорошо продуманных реформ?

Начнем с того, что противопоставление реформ и революций не вполне точно. В ходе революций тоже совершаются реформы. Это могут быть как реформы, вынужденно принятые режимом под давлением революции (как в России в 1905–1906 гг.), так и революционные реформы (скажем, законодательство времен Великой Французской и Великой Российской революций). Это «пересечение двух множеств» – реформы и революции – наводит на мысль, что «превентивные реформы» революционного масштаба могут иметь место в истории скорее как исключение. Ведь, чтобы заставить господствующий слой пойти на такие существенные, системообразующие уступки, на него нужно оказать очень сильное давление. Речь идет ни много ни мало о том, чтобы изменить сами принципы отбора этого господствующего слоя. Это кардинально должно повлиять на жизнь как раз тех людей, которые должны санкционировать (либо могут не санкционировать) проведение реформ и осуществлять их хотя бы на начальном этапе. Реформа такого формационного масштаба – это демонтаж системы собственными руками. Но станут ли руки подчиняться таким приказам или прекратят процесс, стукнув себя по голове? Ведь очевидно, что планы глубоких реформ вызовут поляризацию позиций и на самом верху власти, в штабе правящего слоя.

Можно предположить, что делу «межформационной» реформы может помочь авторитарный характер режима. Грозный и мудрый правитель способен заставить господствующий слой подчиниться. Но и это не так просто. Во-первых, подобная реформа неизбежно столкнется с саботажем и скорее всего в нем увязнет. Во-вторых, даже абсолютная власть ограничена – переворотом. В-третьих, реформы такого масштаба приводят к ухудшению социально-экономического положения на время «перестройки», что также ведет к поляризации и повышает угрозу либо консервативного переворота (или просто отстранения реформатора от власти законным путем), либо все того же социально-политического раскола, который сам по себе суть революция.

В общем, межформационный переход без революции – это путь между Сциллой и Харибдой, который требует крайне благоприятного

стечения обстоятельств вкупе с невероятной мудростью правителей и лояльностью им со стороны влиятельных групп правящего слоя.

Возможно ли пройти таким путем? Есть прецеденты развитых стран, которые обошлись без революций в своей истории (например, Дания и Австралия). Незначительность количества таких стран – уже само по себе свидетельство того, что полностью нереволуционный путь индустриального перехода – счастливое исключение, связанное со специфическими условиями. Можно расширить список «счастливых исключений», рассматривая те страны, которые на одних этапах сталкивались с революциями, но затем, «наученные опытом», избегали их при следующей фазе межформационного перехода (Англия-Великобритания в XVII и XIX вв.). Но не будем забывать, что и эти страны сталкивались на своем «мирном пути» с тем, что Ленин удачно называл «революционной ситуацией».

«1. Невозможность для господствующих классов сохранить в неизменном виде свое господство; тот или иной кризис «верхов», кризис политики господствующего класса, создающий трещину, в которую прорывается недовольство и возмущение угнетенных классов. Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы «верхи не могли» жить по-старому.

2. Обострение, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов.

3. Значительное повышение, в силу указанных причин, активности масс, в «мирную» эпоху дающих себя грабить спокойно, а в бурные времена привлекаемых, как всей обстановкой кризиса, *так и самими «верхами»*, к самостоятельному историческому выступлению»⁹. «Революционная ситуация» – объективная база для революции, которая, однако, еще не предопределяет ее начало. Многое зависит от «субъективного фактора»: способность революционного класса на массовые действия, могущие нести угрозу режиму, потому что правительство не «упадет», если его не «уронят»¹⁰.

Некоторые положения этой конструкции не согласуются с историческим материалом. Способность к чему-либо класса в целом сомнительна. В реальности революционные расколы проходят и по классам, деля и буржуа, и пролетариев на консерваторов и радикалов. Мы также увидим, что не все так просто с обострением выше обычного нужды и бедствий.

Присмотримся к «субъективному фактору». У него две составляющие. Во-первых, распространенность в обществе идей, которые пред-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 218.

¹⁰ Там же. С. 219.

лагают конкретную альтернативу существующему обществу. Без этого массы не двинутся на штурм старых порядков ради новых, хотя могут и бунтовать, не зная, что предложить взамен, перемещая свой гнев с социальных отношений на всех, кто находится рядом, – от врачей, прибывших лечить холеру, до инородцев. Во-вторых, соединение идей и социальных структур, «волю класса» осуществляют организации, от решительности и эффективности которых в значительной степени зависят начало и ход революции.

Оба эти субъективных фактора могут быть освоены и использованы самим режимом. Он может предложить реформистскую альтернативу проблемам, инициировать перемены, привлечь на свою сторону часть массовых организаций и идеологов перемен. Поэтому до начала революции наиболее важным субъективным фактором является деятельность самого правительства, которое либо «рассасывает» революционный кризис, либо провоцирует массы на революционные выступления.

Применительно к Великобритании «революционная ситуация» 1839–1848 гг. вплотную подходит к понятию революции – здесь дело доходило до восстаний и массовых уличных столкновений, не говоря уже о гигантских мирных шествиях и «войны идей» в прессе. Почти революция 1905–1907 гг. в России, но с той разницей, что требуемые чартизмом реформы были проведены позднее – режим, устояв, выдержал паузу.

Таким образом, первая причина успеха межформационных реформ – это выраженный страх перед революцией, вызванный опытом прошлого («Великий мятеж» в Англии для Великобритании, Смута и крестьянские войны для России в XIX в.) и опытом современного реформатора мира (революции 1848–1849 гг. и революционные войны 1850–1860-х гг.). Чтобы начать «революцию сверху», необходима революционная ситуация. Реформатор фактически опирается на массы, которые готовы выйти на улицы, но не выходят, пока проводятся реформы. А иногда уже и выходят на улицы, но еще не громят поместья и дворцы, пока реформы дают надежду. Реформатор может указывать консерваторам на эти массы или на бунтующих соседей и тем самым защищаться от консервативного переворота. Но в то же время он ходит по краю революции. К тому же правящий слой в целом не всегда внемлет доводам реформаторов, даже подкрепленным такими аргументами, его часть проявляет готовность сокрушить революционеров, если те ринутся в бой. Поэтому, двигаясь между Сциллой и Харибдой, реформатор строит свои преобразования на компромиссе, который не удовлетворяет обе стороны, но все же снижает их готовность биться

на смерть. Классический пример подобного компромисса – крестьянская реформа в России 1861 г. Преодолеть назревшую фазу «межформационного перехода» таким образом возможно, но часть фундаментальных противоречий переносится в будущее. Поэтому возникает сомнение – можно ли завершить весь процесс без революции, или революция просто отложена.

Второй важнейший ресурс межформационной реформы – благоприятное стечение международных (иногда – природных) обстоятельств в момент нарастания революционного кризиса, которые способствуют его «рассасыванию». Это может быть и внешняя помощь, распространение пришедших извне технических средств, получение новых ресурсов в результате удачной внешней экспансии или консолидация нации в результате военного конфликта. Попытки использовать эти средства (как не вспомнить «маленькую победоносную войну») чреваты авантюрами, но макрополитические факторы могут оказаться сильнее локальных революционных ситуаций. В таком случае страна может избежать революции, косвенно воспользовавшись результатами чужих революций.

Необходимость и случайность

Но, может быть, межформационные кризисы могут «рассосаться» под действием обычной социальной эволюции? Ведь революционные ситуации, как правило, непродолжительны, и, может быть, потенциал эволюционного прогресса в этот момент недостаточен, необходимо превентивно расправиться со смутьянами и подождать еще. При таком взгляде революции рассматриваются как контрпродуктивные исторические срывы. В пользу этой точки зрения есть своя аргументация, где консерваторы пытаются побить марксистов их же средствами. Дело в том, что глубокие революции вызывают экономические откаты назад. Если следовать логике экономического детерминизма, то революция не проталкивает общество вперед, а отбрасывает его вспять.

Уже в советской историографии указывалось, что результаты Великой Французской революции замедлили переход к промышленному перевороту, укрепили доиндустриальные отношения во Франции¹¹. Современный историк А. В. Чудинов идет дальше: «Значительное и все более углублявшееся на протяжении первой половины XIX в. экономическое отставание Франции от Англии, а во второй половине столетия и от Германии заставляет серьезно задуматься над тем, происходило ли развитие капитализма “благодаря революции” или “несмотря на нее”»¹².

¹¹ *Адо А. В.* Крестьяне и Великая Французская революция. М., 1987. С. 365.

¹² *Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 127.

Задумавшись над этим, мы вспомним, что Германия не обошлась без революции и затем доводящей «революции сверху», не говоря уже о потрясениях XX в. Да и Великобритания получила фору после потрясений XVII в. Так что соотношение «благодаря» и «вопреки» на протяжении всего XIX в. нуждается в конкретном анализе спадов и ускорений в развитии этих трех стран. Однако очевидно, что афоризм Маркса о том, что «революция – локомотив истории» не работает, потому что революция не «перетаскивает» общество вперед по пути технико-экономического прогресса. Историческая роль революции заключается в чем-то ином.

Причиной революции традиционно считается ухудшение уровня жизни населения. Между тем легко установить, что такое ухудшение – вплоть до бедственного, голодного состояния – в большинстве случаев не приводит к революциям. Социальные причины революции – более сложный процесс, который не определяется статистикой среднего уровня жизни в стране или даже в трудящихся классах.

«Горячим материалом» социальных волнений и революции является не все население. Во-первых, это не столько просто наиболее обездоленные, «опустившиеся» слои, сколько слои, бедствующие от своей маргинальности, переходности. Они уже «выломались» из прежней социальной структуры, но еще не встроились в новую. У них есть перспектива «нормальной» устойчивой жизни, стабильного роста благосостояния. Но переход к ней мучителен, и пока поток людей из одного социального состояния в другое (например, из деревни в город) продолжается – социальная система взрывоопасна.

Однако маргинальные, движущиеся слои – недостаточная сила для глубокой революции. Их авторитет в обществе «ниже среднего». Революция происходит тогда, когда раскалываются «несущие конструкции» социума, устойчивые социальные слои. Условием этого раскола является торможение роста благосостояния значительной части населения, связанное с жесткостью, негибкостью, неизменностью существующих социально-политических институтов.

Революция вовсе не обязательно происходит в результате доведения населения до голодного существования. Более того, как правило, в условиях голода никакой революции не происходит – активная часть населения бежит из дома, а пассивная впадает в апатию и вымирает. **Революция – продукт предыдущего прогресса, роста благосостояния, который достиг «пределов роста»¹³.** Предыдущий рост породил

¹³ Это объяснение причин революционных процессов применимо не только к ситуации начала XX в., но и к другим эпохам, например – к предистории перестройки. См.: Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1977–1985 гг. М., 2001. С. 173.

ожидания, надежды на выход из существующего состояния, которое воспринимается как стесненное, неблагоприятное, недостойное «такого человека, как я». В условиях безысходности нет и надежд на благоприятные перемены. Рост благосостояния, медленный, эволюционный прогресс дает человеку модель благоприятного будущего, а невозможность осуществить эти планы в обозримой перспективе – кризис надежд, разочарование, поиск причин неудачи жизненного проекта. Этот поиск – столь же неизбежное последствие предыдущего роста благосостояния, как и его, пусть временное, прекращение. В результате у все большего числа людей происходит переход от материальной мотивации к идейной – к стремлению изменить общество вокруг себя¹⁴. Человек ведет себя не рефлекторно, просто реагируя на ухудшение положения – не каждый сбой роста вызывает революцию.

Революцию вызывают такие сбои, которые отождествляются недовольными именно с чертами существующей системы. С одной стороны, это – результат действия «субъективного фактора» (от развития общественной мысли до эффективности пропагандистов). Но, с другой – это результат реального кризиса системы общественных отношений, которая не может обеспечить реализацию назревших потребностей миллионов людей, потребностей, которые воспринимаются как реальные. Более того, часть населения, не только высшая каста, но и средние слои, и даже часть соседей, представителей того же слоя, уже приобщаются к удовлетворению этих потребностей. По мере модернизации сознания имущественное и правовое неравенство уже не воспринимается как норма, существующая социальная иерархия становится синонимом несправедливости, легитимность существующего порядка подрывается. Новый сбой в росте благосостояния или нарушение прав, которые уже считаются естественными, ведут к активным массовым действиям против режима.

Таким образом, причины революции связаны друг с другом. «Революционная ситуация» или комплекс причин революции – это свидетельство пределов роста данной социальной системы. Если система не претерпевает принципиальных изменений, а возможности дальнейшего развития в ее рамках ограничены, то как в низах, так и в элите накапливаются социальные группы, заинтересованные в разрушении существующего порядка. Прежде лояльные, ориентированные на традиционную карьеру и стабильность слои также меняются. Если раньше их потребности и планы роста благосостояния чаще реализовыв-

¹⁴ Об этом психологическом механизме см.: Шубин А. В. Неформалы как фактор общественной жизни. // Политика. Вестник фонда «Российский общественно-политический центр». №2(4). 1997. С. 19.

вались, то теперь чаще – нет. Система просто не имела возможности стабильно удовлетворять растущие потребности, особенно в условиях роста населения. У людей, систематически сталкивавшихся с таким личным кризисом, происходил долгосрочный психологический сдвиг, они становились более открытыми к поиску социальных, «больших» причин, к альтернативным идеологиям. Даже если в дальнейшем материальное положение снова улучшалось, человек уже не переходил на сторону «партии порядка». Во всяком случае, защищать режим от активных массовых оппозиционных групп он уже не станет.

Таким образом, кризис низов возникает не только и даже не столько от «обострения выше обычного нужды и бедствий народных масс», сколько в результате торможения, а для части социальных слоев – и прекращения улучшения, а иногда и внезапного падения благосостояния.

Те же пределы роста системы создавали проблемы для карьерного роста в элите, что вызывает недовольство иного рода. В прежней социальной системе социальных ниш не хватает на всех – как в элите, так и в низах. Кризис системы – время «лишних людей».

Ленинскую формулу «революционной ситуации» и причин революции можно переформулировать.

1. Кризис верхов. Нарастание трудностей при управлении новыми процессами старыми средствами; рост числа «лишних людей» в элите, недовольных своим положением и трудностями его изменения; образование «трещин» в господствующих элитах, которые в своей борьбе начинают использовать недовольство «низов».

Для наступления революции обычно бывает недостаточно, чтобы «низы не хотели», а требуется еще, чтобы часть «верхов» не хотела жить по-старому, а другая – управлять по-старому.

2. Торможение роста и хотя бы частичное падение благосостояния трудящихся классов, увеличение маргинализированных слоев.

А вот «значительное повышение активности масс» накануне революции происходит не всегда – массы могут накапливать недовольство, но не решаться перейти к более активным формам борьбы за свои права, не имея опыта и опасаясь последствий. Каждый боится «первым ступить на землю Трои». И это – последний шанс для правящей группы взять инициативу преобразований в свои руки.

Итак, революция – явление распространенное и в принципе естественное. При всех своих издержках это – средство осуществления назревших перемен. Может быть, социальные перемены, необходимые для индустриального перехода, могут осуществиться без революции

или хотя бы рискованной «революции сверху», межформационной реформы? Чтобы установить, что в данном случае революции или революционной реформы можно избежать, нужно доказать, что в рамках наличной системы социально-политических институтов маргинальные слои не накапливаются, длительность пребывания человека в переходных социальных слоях сокращается и дальнейший рост благосостояния, техническое развитие могут проходить в рамках существующих социальных структур сколь угодно долго, сопровождаясь лишь частичными, но не системными изменениями.

Революция почти всегда неслучайна. Как правило, даже ее начало бывает спровоцировано не революционерами, а действиями правящего режима. Но именно это позволяет ставить вопрос о возможной альтернативе по «оттягиванию» времени революции и его последствий. Усиливается или «рассасывается» кризис в таком случае? И если второе – то на какое время?

Если существующие социальные институты приводят к накоплению социальных проблем, это значит, что общество в своем развитии подошло к стене, которую нужно преодолеть. Если не удастся «перемахнуть» ее с помощью филигранно проведенных реформ, то общество упирается в стену, и по ней под давлением «напирающих» начинает «размазывать» живых людей. И путь спасения для них – взорвать, проломить стену. Даже если при взрыве погибнет часть этого несчастного авангарда, даже если пострадают многие иные, даже если при ударе о стену общество на какое-то время остановится в развитии, даже если образуется груда развалин, которую затем будет расчищать эволюция и «доводящая» революция. Путь должен быть расчищен.

Революция – это не «локомотив истории», а «таран истории». А уж как страна распорядится своей судьбой после того, как таран сыграт свою роль, – вопрос новых исторических альтернатив.

НЕИЗБЕЖНОСТЬ И СЛУЧАЙНОСТЬ

Всякое событие имеет объективные причины, но во многом зависит и от субъективных обстоятельств, от того, как в рамках необходимости поведут себя люди. И уже поэтому оно почти никогда не является неизбежным в том виде, в котором совершилось. Альтернатива той или иной глубины существует всегда. Но была ли альтернатива революционным потрясениям в России вообще или речь может идти только о разных вариантах революционного сценария в первой четверти XX в.?

Болезни роста или пороки системы?

Россия встретила XX в. в состоянии перехода от традиционного аграрного к индустриальному урбанизированному обществу, а такой переход всегда чреват социальными потрясениями.

Суть проблемы заключается в том, что разложение старых социальных слоев происходит быстрее, чем появляется возможность их встраивания в принципиально новую социальную структуру, адаптации к новым условиям жизни. Новые социальные слои тоже формируются неравномерно – система индустриального общества не складывается сразу во всей полноте. А с учетом того, что старые слои не собираются просто так уступать позиции и менять свой образ жизни, ситуация становится еще более напряженной.

Подсистемой этого кризиса является и мальтузианская проблема – форсированный переход к индустриальному обществу, как правило, вызывает демографический взрыв. Возникают новые возможности, новые надежды. Ускоряется прогресс медицины. Смертность снижается, а рождаемость, подчиняясь законам традиционного общества, остается высокой и дополнительно стимулируется надеждами на увеличение благосостояния. Увы, население растет гораздо быстрее, чем индустриальный сектор, и возникают излишки рабочей силы. Когда дети подрастут – прогресс как раз исчерпает прежний потенциал.

Происходит накопление неустроившихся, маргинальных слоев как в деревне, так и в городе, как в низах, так и в средних слоях (разночинцы, не нашедшие применения своим способностям в существующей социальной структуре).

Скорость и эффективность преодоления этого кризиса зависят от того, насколько быстро происходит изменение социально-экономической и социально-политической структуры: как растут промышленность и города, способные трудоустроить все больший процент населения; облегчается ли вертикальная мобильность в элите, обратная связь между властью и разными социальными слоями, включая как большинство трудящихся, так и новые средние слои – интеллигенцию, технократию. На первый взгляд будущее России было оптимистично в силу относительно быстрого промышленного роста. Однако с другими условиями модернизации¹ дело обстояло хуже. Успехи модернизации России конца XIX – начала XX в. были ограничены, с одной стороны, кандалами непоследовательности реформы 1861 г., а с другой – периферийным местом российской экономики в мировом разделении труда.

Анализируя различие в типах капитализма разных стран, идеолог неонароднической партии эсеров В. М. Чернов утверждал, что у социально-экономического развития есть и положительные, и сугубо негативные стороны. «Взаимное соотношение между этими положительными и отрицательными сторонами, более благоприятное в высших отраслях индустрии и в странах классического капитализма, становится все менее и менее благоприятным при переходе к различным отраслям промышленности добывающей, в особенности же к земледелию, и к целым странам, хуже поставленным в международной экономической борьбе»². Уже в начале XX в. капиталистическая глобализация вела к глубокому разделению зон капиталистического «процветания» и «загнивания»: «Наличность “обетованных земель капитализма”, стран, где капитализм пользуется монопольным положением в мировой борьбе за хозяйственную мощь, предполагает наличность и других стран, стран-данниц»³. В них соотношение благоприятных и разрушительных сторон капитализма гораздо хуже.

Сегодня эта идея получила развитие в виде концепции «периферийного капитализма». Как пишет Б. Ю. Кагарлицкий, «по существу, народники были первыми, кто почувствовал специфику периферийного капитализма»⁴. Прежде всего речь идет о том, что «главным агентом капиталистического развития» является не национальная буржуазия, а старые институты и элиты, прежде всего самодержавие, встроенное в систему международного разделения труда. Такая ми-

¹ Под модернизацией здесь и далее, как уже упоминалось, понимается переход от аграрного традиционного общества к индустриальному урбанизированному обществу.

² Чернов В. М. К обоснованию партийной программы. Пг., 1918. С. 273–274.

³ Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 113.

⁴ Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 371.

ровая система и встроенная в нее российская социальная структура определяли сырьевой, придаточный характер развития капитализма, обрекали Россию на вечное отставание даже при высоких валовых показателях роста, ибо рост этот идет в отраслях, обслуживающих центр «мир-системы» и периферийную структуру российской экономики. Структура промышленности соответствовала этой периферийности. В 1908 г. пищевая промышленность производила 32,4% стоимости продукции, обработка хлопка – 19,6%, а обработка металлов и машиностроение – 9,9%⁵. Но даже такое скромное машиностроение было представлено прежде всего сельскохозяйственным и выпуском паровозов. Слабым местом российской экономики было станкостроение, производство машин для предприятий. Российская промышленность жила с импортным «сердцем». В 1907–1909 гг. в России изготавливалось в среднем по 29 штук двигателей внутреннего сгорания, а в 1913 г. это количество возросло аж до 114 штук. Для сравнения в те же годы было произведено соответственно 669 и 654 паровозов и 16 800 и 110 900 молотилок⁶. Впрочем, даже в строительстве «сельхозмашин» (в эту статью попадают и механизмы, включая даже плуги) Россия не обеспечивала своих в общем скромных потребностей – в 1904–1912 гг. ввоз сельхозмашин вырос с 3,9 до 10,5 млн пудов⁷. Как отметил М. И. Туган-Барановский, «промышленный подъем приводит у нас к значительно более быстрому росту импорта, чем экспорта»⁸. «Отличительная черта периферийного общества – узость внутреннего рынка... если посмотреть на размеры российского внутреннего рынка, обнаруживается, что по сравнению с ними развитие капитализма не только не было недостаточным, но, напротив, оказывалось избыточным, непропорциональным, по сравнению с внутренними потребностями – чрезмерным... Конкуренция за границей была трудной, требовала низких цен и военно-политической поддержки государства. И то и другое должно было оплачивать собственное население»⁹. В том числе – и за счет перекалывания издержек неэффективного промышленного производства на плечи покупателей. Как писал Туган-Барановский, «русский промышленный капитал питается не только соками эксплуатируемых им рабочих, но и соками других, не капиталистических производителей, прежде всего земледельца-крестьянина. Земледелец, который покупает плуг или косу по

⁵ Воронкова С. В. Российская промышленность начала XX века: источники и методы изучения. М., 1996. С. 67.

⁶ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. М., 1997. С. 44.

⁷ Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 144.

⁸ Цит. по: Кагарлицкий Б. Ю. Указ. соч. С. 429.

⁹ Там же. С. 377.

цене, вдвое высшей стоимости производства, еще больше участвует в создании высокой нормы прибыли Юзов, Коккерилей и прочих владельцев металлических заводов, чем их собственные рабочие. В этой возможности стричь овец, так сказать, вдвойне, жечь свечу с обоих концов, и заключается секрет привлекательности России для иностранных капиталистов»¹⁰. Это имело два важных последствия. С одной стороны, тормозило техническую модернизацию крестьянского хозяйства. С другой – делало капиталистическое накопление в промышленности неустойчивым, так как капитал при любом колебании конъюнктуры мог быть переведен из периферийной России в западном направлении.

Иностранный капитал контролировал 40% капитала крупнейших банков, которые держали 75% всего банковского капитала России. Однако в 80–90-е гг. шла острая борьба между немецким, английским и французским капиталом, в итоге которой последний возобладал. В 1897 г. в Россию было вложено около 6 млрд франков, а в 1902 г. – уже более 9 млрд, то есть почти половина французских вложений в Европе. Это, кстати, не могло не влиять на российскую внешнюю политику, которую определяли не личные предпочтения Николая II, а более объективные факторы.

Высокая рентабельность вложений в России обеспечивалась государственной поддержкой промышленного роста, государственными заказами. «План Витте заключался в искусственной индустриализации страны при помощи системы государственных мероприятий. Средства для осуществления последних могли быть взяты только от сельского хозяйства, которое при всем своем оскудении все же оставалось важнейшим источником реальных ценностей. Налоговая система Витте, основанная на косвенном обложении, всю тяжесть своею опиралась на сельского потребителя»¹¹, – считал либеральный экономист начала XX в. Л. Н. Литошенко.

Эту точку зрения (в интерпретации американского историка А. Гершенкрона, проводящего аналогию между источниками накопления в Российской империи и СССР 1930-х гг.) в наши дни оспаривает Ю. А. Петров, ссылаясь на исследование П. Грегори: «Не было обнаружено перелива капитала через бюджет из аграрного в индустриальный сектор, бюджетная политика позднеимперской России была по крайней мере нейтральной... С 1880-х гг., когда Россия вступила в стадию современного индустриального развития, произошел решающий структурный сдвиг в податной системе: промышленно-

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 400.

¹¹ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 131.

торговая сфера становится главным источником прямого налогообложения, тяжесть налогового бремени смещается с сельского населения на предпринимательские слои города. Они стали основным объектом как прямого, так и косвенного обложения, поскольку являлись массовым потребителем товаров, облагаемых акцизом. Поэтому нет оснований для вывода, бытующего среди последователей А. Гершенкрона, что крестьянам пришлось оплачивать ускоренную индустриализацию страны за счет снижения своего жизненного уровня (тезис этот верен применительно к советскому периоду нашей истории, но никак не к дореволюционному). Доля горожан, особенно занимавшихся частным предпринимательством, в этом процессе во всяком случае была не меньшей»¹².

Однако не все так просто. Как мы видели, уже в начале XX в. исследователи показывали, что «горожане, занимающиеся частным предпринимательством», перекладывали свои издержки (в том числе налоговые) на массового потребителя, то есть прежде всего на крестьян, рабочих и незлитарные слои города. Так что крестьянам в значительной степени пришлось оплачивать индустриализацию, в том числе и военные и железнодорожные программы правительства, важную роль которых в индустриальном рывке никто не отрицает. Литошенко и Гершенкрон ошибаются только в своей категоричности, забывая о вкладе горожан (впрочем, и советская индустриализация осуществлялась не только за счет крестьянства). Налоговая система стала опираться «всею тяжестью» не только на крестьян, но и в большей степени, чем раньше, на городские низы, что имеет прямое отношение к поиску причин революции.

Подпитываясь государственными и зарубежными инвестициями, в конце XIX в. промышленность России развивалась опережающими темпами: прирост продукции увеличился в 90-е гг. с 5 до 8% в год. Производство тяжелой промышленности, обеспечивавшей развитие других отраслей, выросло за 90-е гг. более чем в два раза. Уровень концентрации промышленного производства в России к началу XX в. был самым высоким в мире. Так, например, в 1910 г. на крупных предприятиях с числом рабочих более 500 было занято 53,5% всех рабочих страны, тогда как в США – только 30%.

Задачи государственного регулирования развитой индустриальной экономики очень тяжелы. Позднее их с трудом осваивала технократическая элита стран Запада, формирующаяся на основе ценза квалификации. Еще проблематичнее, чтобы такие сложные задачи могла эффективно решать бюрократическая элита России, в комплектовании

¹² Россия в начале XX века. М., 2002. С. 218–219.

которой большую роль играли не только личные способности, но и происхождение, принадлежность к аристократии.

Промышленное «ускорение» конца XIX в. зависело от воли государственных чиновников и конъюнктуры мирового рынка, что делало сам рост неустойчивым.

Рост экономики разгонял потребности населения, но возможности его продолжения были ограниченными, торможение роста – неизбежным. А именно такое торможение и было чревато социальными волнениями и при определенных условиях – революцией.

В 1900 г. начался мировой экономический кризис, который в России принял затяжную форму. Причины длительности российской депрессии были внутренними. Инвестиционная программа правительства завершилась – казна увязла в долгах. К тому же неурожаи терзали сельское хозяйство. Мировой кризис датируется 1900–1903 гг. В России депрессия продолжалась до 1909 г. Не удивительно, что именно в этот период произошла революция 1905–1907 гг.

Число промышленных рабочих в 1900–1913 гг. выросло с 2,3 млн до свыше 3 млн человек¹³. С учетом сельских батраков и поденщиков пролетарские и полупролетарские слои в начале века превышали 10 млн, а в 1913 г. – 17 млн человек¹⁴. Только десятая часть рабочих не имела связей с селом, остальные же обладали землей и даже вели свое сельское хозяйство¹⁵. Так что социальная ситуация в городе была тесно связана с положением в деревне.

Хотя Россия уже давно ступила на путь модернизации, урбанизация страны была скромной. В 1897 г. жители городов составляли 13,4% населения России. Однако многие населенные пункты, на практике уже ставшие городами, не имели статуса города, поэтому горожан было несколько больше. Но города «не резиновые», их емкость росла медленно.

При этом многие крестьяне занимались отходничеством, часть времени работая на селе, а часть – в промышленности. Из-за притока крестьян на городской рынок труда качество большей части рабочей силы оставалось низким, а предприниматель мог диктовать рабочим свои условия – ведь он всегда мог нанять других людей «с улицы».

¹³ Воронкова С. В. Указ. соч. С. 49.

¹⁴ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. С. 526.

¹⁵ Там же. С. 528.

Один рабочий производил продукции на 1500–2000 руб. в год¹⁶, что при зарплате в 187–264 руб. давало значительные резервы для ее роста. Предприниматели пытались сделать продукцию более конкурентоспособной, экономя на зарплате, что в свою очередь сказывалось и на качестве продукции.

Уровень зарплаты рабочих – вопрос, крайне важный при обсуждении причин революции, – является предметом дискуссии. «Годовая заработная плата рабочих, находившихся под надзором фабричной инспекции, – пишет Б. Н. Миронов, – с 1897 по 1913 г. выросла с 187 до 264 руб. – на 41%, а индекс петербургских потребительских цен – на 27%. Значит, реальная заработная плата поднялась, но очень скромно: за 16 лет лишь на 11%. Причем зарплата повышалась во всех отраслях и во всех губерниях, в Петербурге несколько быстрее, чем в провинции»¹⁷.

А. В. Островский возражает на это: «Как Миронов определял «индекс петербургских потребительских цен», неизвестно, однако существует индекс розничных цен в Петербурге, составленный С. Г. Струмилиным и скорректированный Ю. И. Кирьяновым. Из него явствует, что с 1897 по 1913 г. цены на продукты в Петербурге возросли на 52%, а общий индекс цен составил – 44%. В соответствии с этим в 1897–1913 гг. вместо повышения реальной заработной платы на 11% имело место ее снижение»¹⁸. Отвечая Островскому, Миронов разобрал эту статистику и занял уже более осторожную позицию: «Расчет показывает, что с 1897–1901 гг. по 1910–1913 гг. реальная зарплата и строителей столицы, и фабричных рабочих России повысилась на 5%»¹⁹. Миронов относит рабочих в имущественном отношении к низшим 10% населения, что не вполне очевидно. Но очевидно, что средний рабочий стоял в имущественном отношении ниже крестьянина-середняка. При этом прожиточный минимум для рабочего в Петербурге в 1904 г. составлял 252 руб. в год, и то при условии, если он жил без семьи²⁰. То есть рабочие еле сводили концы с концами. А ведь многие отсылали часть зарплаты в деревню.

А вот что вспоминал о своей рабочей жизни в 1914 г. большевик А. Г. Шляпников: «Мастерские, даже вновь построенные, отличались отсутствием вспомогательных средств – кранов, вагонеток, подъемников и т.п., необходимых для обслуживания мелких нужд мастерской. Подъем тяжестей, установка на станках предметов обработки, подь-

¹⁶ Воронкова С. В. Указ. соч. С. 73.

¹⁷ Миронов Б. Н. Указ. соч. С. 520–521.

¹⁸ <http://hist1.narod.ru/Science/Russia/Mironov/3.htm/>.

¹⁹ <http://bmironov.spb.ru/sochist.php?mn=2&lm=1&lc=art24/>.

²⁰ Олейников Д. И. История России с 1801 по 1917 год. М., 2005. С. 292.

ем при слаживании и сборке почти всюду совершались руками живой рабочей силы. Подобная организация предприятий требовала большого количества чернорабочих, и ими были действительно переполнены все питерские заводы. Деревенский необученный рабочий оплачивался крайне низко»²¹.

Условия труда являлись очень тяжелыми: рабочий день продолжался 12–14 часов, жили, как правило, в казармах. Труд работника был прежде всего ручным и физически тяжелым, техника безопасности не соблюдалась, рабочие гибли и получали увечья в авариях, часто – по вине плохой организации труда предпринимателями.

И все же рабочие были готовы трудиться в таких условиях, потому что миллионы людей стремились покинуть свои села и переехать от нужды в города. Часть из них долго не могла устроиться на работу, пополняя маргинализированные и пауперизированные слои города. Это создавало в городах взрывоопасную социальную обстановку.

Надо сказать, что под давлением выступлений трудящихся правительство обращалось к «рабочему вопросу». В 1882 г. была введена должность государственного фабричного инспектора для контроля за отношениями рабочих и предпринимателей. В 1885 г., после Морозовской стачки, запретили ночную работу подростков и женщин в текстильной промышленности. Закон 1886 г. требовал обязательного заключения договора между работником и предпринимателем с перечислением условий труда и оплаты, регулировал штрафы, но устанавливал наказание за участие в стачках до 8 месяцев тюрьмы (хотя именно стачка стала импульсом к принятию закона). В 1897 г., после крупных стачек в столице в 1896 г., была впервые ограничена продолжительность рабочего дня (11,5 часа). Все эти законы распространялись только на часть рабочих и включали положения, которые позволяли фабрикантам обходить закон. В 1903 г., когда стачки и столкновения с полицией и войсками охватили десятки городов юга России, включая Киев и Баку, было введено страхование работников при несчастных случаях на производстве. Самодержавие показало, что может принимать некоторые меры в направлении социального государства, но преимущественно под давлением снизу. опередить события, пойти на принятие мер в сфере «рабочего вопроса» было бы для бюрократии во главе с Николаем II крайне важно в целях предотвращения социального взрыва. Последний шанс на это имелся в январе 1905 г., и он был упущен именно в силу самодержавной политической культуры.

²¹ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 1. М., 1992. С. 36.

Однако, чтобы социальные волнения превратились в революцию, недостаточно только бедственного положения низов. Многое зависело от средних слоев.

Новым социальным слоем XIX в., порожденным модернизацией, была интеллигенция. Индустриальное общество требовало большого числа образованных кадров. Но к концу XIX в. численность интеллигенции составляла незначительную величину – приблизительно 800 тыс. человек, с семьями они составляли 2,2% населения страны. Этот слой уже во времена разночинцев стал основной социальной базой элементов гражданского общества и общественного мнения страны. Это определяло его значение даже в большей степени, чем участие в технической модернизации.

Однако авторитарная политическая структура сужала возможности для самореализации образованного человека, что питало оппозиционные настроения. Также интеллигенция все более критично относилась к существующей социально-политической системе из-за ее тесной связи с церковью. Распространение рационального знания способствовало секуляризации сознания, его выходу из-под влияния традиционных, прежде всего православных представлений.

Неэффективность прежней системы комплектования правящей и шире – господствующей элиты ставила вопрос о ее качественном изменении. И в городах сложились массовые слои, стремящиеся потеснить и по возможности заменить аристократию в этой социальной нише.

Связь технической отсталости и неповоротливости государственного аппарата с внешнеполитической слабостью государства очевидно проявилась во время Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Одновременно модернизация вела к стандартизации, в том числе и культурной, что вызвало встречные процессы русификации и нациестроительства. В авангарде национальных движений также шла интеллигенция.

Таким образом, наиболее опасный для Российской империи социальный кризис назревал в городах. Но подпитывался он кризисом аграрных отношений.

Спор о благосостоянии: система и голод

В 2009 г. развернулась дискуссия о благосостоянии российского крестьянства, которая с легкой руки одного из ее участников С. А. Нефедова получила неофициальное название «о причинах русской

революции»²². Мы уже упоминали, что благосостояние большинства населения – далеко не единственный и даже не главный фактор, вызывающий и объясняющий революцию. Голод в большинстве случаев не ведет к революции. Революция – результат не столько безысходности, сколько обманутых ожиданий. К тому же обе российские революции начались не в деревне, а в городах.

Тем не менее ситуация в городах зависит от аграрной периферии, и если принять подчиненное значение аграрной проблемы для понимания причин революции, можно признать ее важность для нашей темы.

В центре дискуссии оказался уровень жизни крестьянства, точнее – было ли это балансирование на грани голода, или дела обстояли лучше. Нефедов, опираясь на неомальтузианский подход, придерживается первой точки зрения, а исследователь социальной истории дореволюционной России Б. Н. Миронов – второй.

Нефедов использует мальтузианскую модель, которая уже в начале XX в. служила объяснением основных аграрных проблем, с которыми столкнулась Россия²³. Этот взгляд был выражен, например, экономистом-аграрником Литошенко: «Теперь все одинаково сходятся в том, что русский аграрный кризис конца XIX в. был не чем иным, как проявлением аграрного перенаселения или несоответствия между увеличением продукции сельского хозяйства и ростом сельского населения»²⁴. Нефедов выносит демографический приговор империи: «Фактически демографический взрыв был приговором старой России: при существовавшем распределении ресурсов страна не могла прокормить нарождающиеся новые поколения»²⁵.

Миронов, возражая Нефедову, утверждает: «Таким образом, весь XIX и начало XX в. в России отмечены ростом сельскохозяйственно-

²² Так называется статья С. А. Нефедова, где обсуждается проблема благосостояния, и сборник, в котором, помимо Интернета и исторических журналов, высказались основные участники дискуссии.

²³ В соответствии со взглядами Т. Мальтуса быстрый рост населения ведет к голоду. Мальтузианский кризис, с чем согласны и участники дискуссии, характерен прежде всего для аграрного общества. Но появление индустриального сектора не отменяет этот кризис сразу. Просто наряду с мальтузианской тенденцией появляется другая, которая постепенно усиливается. Более того, начало индустриального перехода может спровоцировать демографический кризис, несколько снижая смертность и стимулируя рождаемость новыми надеждами для населения (иногда напрасными), что ведет к демографическому буму. Явление, хорошо известное для индустриального перехода. Проблема решается только после того, как лишняя рабочая сила устраивается в индустриальном секторе. Но это ведь происходит далеко не сразу. Соответственно, мальтузианский кризис оказывается одной из составляющих болезненной социальной ломки, которая сопровождает переход от аграрного общества к индустриальному. И в этом качестве он существовал в России, влиял на ситуацию, но ключевым фактором, тем более основной причиной революции не был.

²⁴ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 104.

²⁵ Нефедов С. А. О причинах Русской революции // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 55.

го производства и доходов крестьянства, снижением налогового бремени, что вело к повышению уровня жизни. Эта позитивная для крестьян тенденция была особенно заметна после Великих реформ. Тезис о мальтузианском кризисе в России в XIX – начале XX в. не находит подтверждения и, на наш взгляд, должен быть пересмотрен»²⁶. Росло благосостояние или падало – это половина проблемы. Важно, в каких пределах и на каком уровне оно менялось. Даже повышающийся уровень жизни трудно назвать благосостоянием, если это медленный рост на уровне нищеты.

Обсуждение социальной ситуации конца XIX – начала XX в. неизбежно связано с оценкой крестьянской реформы 1861 г., которая создала систему аграрных отношений, просуществовавшую до 1906–1917 гг. Социальная ситуация в России обуславливалась тремя факторами: индустриальной модернизацией (о проблемах которой речь шла выше), демографической ситуацией и этой системой 1861 г.

Миронов полагает, что «уровень жизни крестьян повышался, и этому способствовали три принципиальных фактора: получение в результате крестьянской реформы достаточных наделов, умеренный выкуп за полученную землю и уменьшение налогового бремени в пореформенное время»²⁷. Прежде всего непонятно, почему полученные крестьянами наделы названы «достаточными». Достаточными для чего? До реформы помещичьи крестьяне владели большими наделами.

Миронов высоко оценивает результаты преобразований 1861 г.: «Условия проведения реформы способствовали тому, что большинство крестьян взяли надел, который обеспечивал их стабильное существование, и остались в деревне»²⁸. Упомянутое «большинство» – это прежде всего государственные и удельные крестьяне. То, что положение бывших государственных и удельных крестьян было относительно благополучным, утверждает и Нефедов. А вот с помещичьими крестьянами, жизни которых реформа коснулась в наибольшей степени, не все так однозначно.

Откуда бы взялись периодическим голодовкам, если положение крестьян было «стабильным». А уж то, что крестьяне «остались в деревне», – это и вовсе не аргумент. Возможно, – это даже главный «не аргумент» апологетов пореформенной России – в городе просто не было социальных ниш, чтобы принять большинство крестьянства. И куда бы крестьянин мог податься, если не был доволен своей жиз-

²⁶ *Миронов Б. Н.* Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис? Доходы и повинности российского крестьянства в 1801–1914 гг. // О причинах Русской революции. М., 2010. С. 105.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ *Миронов Б. Н.* Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис? С. 88.

нию, даже если иногда голодал? Емкость рынка труда в России была ограничена уровнем урбанизации и развития наемного труда в деревне. Наличествовавшие вакансии быстро занимались, и остальным крестьянам было некуда деться из деревни.

Важнейшие социально-экономические черты реформы – это разрезание обрабатываемой крестьянами земли на крестьянскую и помещичью, а также изменение платежей. По реформе 1861 г. были определены максимальные и низшие пределы наделов – для Черноземной и Нечерноземной зон от 7 до 1 десятины и даже меньше – 2200 сажен²⁹. Средний надел при освобождении составлял 4,8 десятины на человека, а к 1900 г. упал вдвое³⁰. В результате реформы 1861 г. у помещичьих крестьян отрезали в Нечерноземной и Черноземной зонах от 10,9 до 32% земли³¹. Впрочем, тут уже и Миронов признаёт, что часть бывших помещичьих крестьян получила недостаточные наделы, но, ссылаясь на работы А. А. Кауфмана 1908 г. и Л. Д. Ходского 1891 г., оценивает количество таких наделов в 28%³². Учитывая масштабы «урезаний», это очень скромная оценка. По мнению Миронова, «в большинстве случаев в ходе крестьянской реформы исчезли очень большие и очень маленькие наделы и произошло массовое их выравнивание...»³³. В черноземной зоне землю потеряли 50,1% крестьян и получили 6,7%, в нечерноземной – потеряли 57,3%, получили 14%³⁴. Таким образом, произошло не просто выравнивание, а выравнивание на более низком уровне, чем размеры крестьянских наделов до реформы.

По мере роста населения наделы еще сокращались. Сохраняли ли они при этом «достаточность»? В 1877–1914 гг. крестьяне купили у помещиков 27 млн десятин (около 30% их первоначальных владений) и еще столько же арендовали³⁵. Судя по тому, что крестьяне арендовали землю помещиков и тратили немалые средства на ее покупку (вместо того, чтобы тратить эти деньги на интенсификацию производства на своих наделах или на рост потребления), сами крестьяне не считали свои наделы достаточными.

Участник дискуссии Л. Е. Гринин считает, что «следовало бы разделить две стороны проблемы, которые у С. А. Нефедова являются практически синонимичными: малоземелье и балансирование на гра-

²⁹ Литвак Б. Г. Переворот 1861 г. в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С. 145.

³⁰ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 105.

³¹ Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 157–159.

³² Миронов Б. Н. Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис? С. 87.

³³ Там же. С. 88.

³⁴ Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 157, 160.

³⁵ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 102.

ни физиологического вымирания. Малоземелье, причем постоянно усиливающееся, – да. Но балансирования на грани голодного физиологического выживания, как описывает Нефедов, или не было, или оно постепенно ослабевало, хотя было немало «голодных районов». В деревне могли убить за землю (или за коня-кормильца), но не за хлеб»³⁶. Это не совсем так. В 1905 г. в голодающих районах крестьяне, рискуя жизнью, не останавливаясь перед насилием, растаскивали помещичий хлеб³⁷. Малоземелье и недоедание были тесно связаны, несмотря на попытки крестьян решать проблему с помощью заработков на стороне.

Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, правительственная комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн, а процент излишних рабочих к наличному их числу составлял 53%. Особенно высоким этот процент был в Центральном Черноземье, где он составлял от 64 до 67%³⁸. Люди, которые не могли приложить свои руки к получению пропитания, найти себе работу ни на селе, ни в городе, – это бедствующая масса.

Миронов трактует наличие излишков рабочей силы иначе – «они существовали не столько вследствие аграрного перенаселения и невозможности найти работу, сколько ввиду того, что русские православные крестьяне следовали принципам моральной экономики. Как установили А. В. Чаянов и его коллеги по организационно-производственной школе, для крестьян нормы напряжения труда, или степень самоэксплуатации, значительно ниже полного использования труда...»³⁹. Если бы крестьяне хотели жить лучше, они могли бы трудиться понапряженнее. Однако проблема в том, что у крестьян не было возможности применить этот более интенсивный труд, так как они не имели пока навыков и оборудования для того, чтобы увеличить производительность труда на своих клочках земли. Если бы они располагали большим количеством земли, может быть, и трудились бы больше, а так сокращали рабочее время. Литошенко писал: «Русская земельная община превратилась в своеобразный институт страхования от безработицы»⁴⁰. Миронов полагает, что крестьяне могли трудиться на стороне, но для этого индустриальный сектор должен был развиваться

³⁶ *Гринин Л. Е.* Мальтузианско-марксова ловушка и русские революции // О причинах Русской революции. С. 205.

³⁷ Например: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 2. М., 1955. С. 369.

³⁸ *Нефедов С. А.* Указ. соч. С. 50.

³⁹ *Миронов Б. Н.* Ленин жил, Ленин жив, но вряд ли будет жить // О причинах Русской революции. С. 117.

⁴⁰ *Литошенко Л. Н.* Указ. соч. С. 116.

ся быстрее, дабы обеспечить большой рынок труда. Таким образом, «резервы рабочей силы» в деревне все же являются свидетельством системного социально-экономического кризиса, связанного с малоземельем, а не с благополучной ленью крестьян.

Какова была ситуация к началу Первой российской революции? Пригодными для земледелия в 1905 г. являлись 440 млн десятин. 154,7 млн десятин находилось в руках государства и в большинстве своем не обрабатывалось или не могло обрабатываться (леса, болота, северные территории). 138,7 млн было под общинными наделами, а 101,6 млн – в частной собственности. Из частных земель 53,2 млн десятин принадлежали дворянам, 13,2 млн – крестьянам, остальные – другим сословиям и обществам. При этом во владении 28 тыс. крупных собственников, имевших свыше 500 десятин, находилось 62 млн десятин (2,2 тыс. десятин на каждого) – 72,2% всей земли личного владения⁴¹. Литошенко считал, что «не паразитарные», то есть капиталистические помещичьи хозяйства, имели только 8 млн десятин⁴².

То, что земельные наделы при сложившихся условиях недостаточны, признавал и министр земледелия А. С. Ермолов: «Дело... в недостатке земли для сохранения стародавних форм экстенсивного хозяйства, не соответствовавших более ни изменившимся условиям жизни, ни современной численности населения»⁴³. Отметим и мальтузианский мотив у министра. Конечно, лучше бы, если бы крестьяне перешли от стародавних экстенсивных методов обработки земли к современным интенсивным, лучше всего – с применением сельскохозяйственной техники (если, конечно, она сможет развернуться на крестьянских клочках земли). Но ведь для всего этого нужны вложения средств, а средств не хватает, потому что при данных условиях земли недостаточно, а средства уходят на арендные платежи, прямые и косвенные налоги и в лучшем случае – на покупку земли у помещиков. Замкнутый круг.

По мнению Миронова, доля платежей в доходе крестьянского хозяйства составляла 38,6% в 1850-е гг. и снизилась к началу XX в. до 20,6% (8,71 руб. на душу), а в 1912 г. – до 14,6%⁴⁴.

Большинство оброчных крестьян платило помещикам 7–9 руб. на мужскую душу⁴⁵. Нефедов, ссылаясь на А. М. Анфимова, оценивает

⁴¹ Корелин А. П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 242.

⁴² Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 16.

⁴³ Цит. по: Давыдов М. А. Об уровне потребления в России в конце XIX – начале XX в. // О причинах Русской революции. С. 233.

⁴⁴ Миронов Б. Н. Наблюдался ли в позднейперской России мальтузианский кризис? С. 98.

⁴⁵ Литвак Б. Г. Указ. соч. С. 155.

совокупные арендные платежи в 340 млн руб.⁴⁶ Миронов не оспаривает эту цифру. Получается около 4 руб. на душу (включая и тех крестьян, которые не арендовали землю). Но это – в среднем. Землю арендовала примерно половина крестьян, преимущественно бывшие помещицы. Получается, что для той части крестьян, которые оказывались вынуждены арендовать помещичью землю, нагрузка повышалась еще примерно на 4 руб. Учитывая, что хозяйство в условиях малоземелья вести тяжелее, то и доходы здесь были ниже средних. Так что если соотношение платежей и доходов у бывших помещичьих крестьян и уменьшилось, то незначительно. Жизнь стала легче для тех крестьян, кто мог позволить себе не арендовать землю. Для них платежи сводились к государственным.

Миронов обращается и к изменениям налоговой политики, о которых уже упоминалось выше: «Важнейшим фактором повышения жизненного уровня трудящихся была налоговая политика правительства. Рабочие налогов не платили, а обремененность налогами крестьянства уменьшилась благодаря тому, что в пореформенное время в налоговой политике произошли три важных изменения»: к платежу прямых налогов были привлечены новые группы населения, налоговая система стала переходить с подушных на прогрессивные налоги, рост цен обгонял номинальный рост прямых платежей, повысилось значение косвенного налогообложения. «Но благодаря этому податное бремя еще более сместилось с крестьянства на относительно зажиточные городские слои, так как косвенные налоги ложились главным образом на горожанина»⁴⁷. А почему только на зажиточные? А как же быть с рабочими, которые «налогов не платили», если центр тяжести налогообложения перемещается на косвенные налоги, которые платили горожане вообще, зависящие от покупной продукции, а не только богатые люди? Налоговая политика правительства, таким образом, перемещала давление с крестьян не только на средние и высшие слои, но и на рабочих. Они тоже покупали спички, керосин, табак и сахар, пили водку. Да и крестьян из числаплательщиков косвенных налогов нельзя исключать.

При этом Миронов настаивает, что тяжесть косвенных налогов ложилась преимущественно на город: «Спички, нефть, табак, сахар и даже водка потреблялись в большей степени в городе». Например, питейный доход с сельского населения в 1901 г. дал в государственный бюджет лишь 30,2% общего питейного дохода этого года, в 1912 г. – 26,9%⁴⁸. Запомним этот аргумент, потому что ниже Миронов и его со-

⁴⁶ Нефедов С. А. Указ. соч. С. 43.

⁴⁷ Миронов Б. Н. Наблюдался ли в поздней имперской России мальтузианский кризис? С. 93–94.

⁴⁸ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России. С. 324.

юзники в споре будут приводить увеличение потребления крестьянами спичек и водки как свидетельство их растущего благосостояния. Но тогда нужно признать и вклад крестьян в уплату повышающихся косвенных налогов.

Другая черта реформы 1861 г. – выкупные платежи. Миронов также относит их к «принципиальным факторам» повышения уровня жизни крестьян⁴⁹. Замечательный парадокс – чтобы лучше жить, нужно платить бывшим барам. Сомнительно, чтобы изъятие в первые двадцать лет после реформы 15,31 руб. в год выкупных платежей с каждого хозяйства способствовало росту уровня жизни. Для сравнения, одна корова приносила хозяйству 7 руб. в год⁵⁰. Получается, что две коровы работали на выкупные платежи, а не на крестьянское благосостояние.

Исследователь земельных отношений П. Н. Зырянов отмечает: «В первые пореформенные годы в наиболее трудном положении оказались крестьяне нечерноземных губерний, чья земля была обложена выкупными платежами выше ее доходности»⁵¹.

Выкупные платежи в совокупности были на 20,1% меньше прежнего оброка. На этом основании Б. Г. Литвак делает вывод: «Итак, из двух хищников, обиравших крестьян, предпочтительнее в данном случае была казна, так как в год крестьяне должны были платить выкупных платежей на 20% меньше, чем оброка»⁵². Это было бы так, если бы не урезание крестьянских наделов. Ведь оброк платился за несколько большую землю. И второй хищник теперь никуда не исчез. Как и раньше, крестьян «обирали» два «хищника», и к выкупным платежам нужно прибавить арендную плату.

Пытаясь отделить выкупные платежи от государственных налогов, доказать полезность выкупа для крестьян, Миронов приводит интересную аналогию: «Как бы ни оценивать величину и справедливость выкупа, его нельзя считать налогом ни по существу, ни по форме. Это все равно, что в настоящее время принимать за налог платеж за купленную в кредит землю или квартиру»⁵³. Это было бы верно, если бы крестьянин решил прикупить новую землю, а современный горожанин – новую квартиру. Но в 1861 г. большинство крестьян не получило, а потеряло часть земли, которой распоряжались. Так что и с квартирой уместна другая аналогия – в 1992 г. было признано, что государственная собственность на жилье должна быть отменена, а жилье должно

⁴⁹ *Миронов Б. Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 87.

⁵⁰ Там же. С. 72.

⁵¹ *Зырянов П. Н.* Поземельные отношения в Русской крестьянской общине во второй половине XIX – начале XX века // *Собственность на землю в России: история и современность.* С. 160.

⁵² *Литвак Б. Г.* Указ. соч. С. 179.

⁵³ *Миронов Б. Н.* Наблюдался ли в позднеимперской России мальтузианский кризис? С. 99.

находиться в частной собственности. Если бы реформаторы брали пример с Александра II, то часть жилплощади бы урезали, а за остальное нас всех посадили бы на ипотеку. Думаю, что в этом случае состояние против Ельцина в 1993 г. было бы на порядок сильнее.

Нет, не подходят выкупные платежи под обычную ипотеку. Ипотека по форме, а по сути – платежи помещикам и государству, оправданность которых, мягко говоря, сомнительна.

Уровень жизни крестьян, таким образом, мог расти не в результате введения этого «умеренного выкупа», а вопреки ему – в результате его сокращения со временем. В 1881 г., вняв жалобам крестьян на непосильность платежей, правительство понизило их до 11,22 руб. с хозяйства. То есть речь и здесь идет все о том же снижении платежей, в среднем весьма незначительном.

Итак, к какому «достаточному» или «недостаточному» уровню жизни вела система 1861 г., наложенная на демографические и модернизационные процессы?

Оценивая минимальную норму нормального питания крестьянина в 15,5 пуда в пересчете на хлеб, а потребление фуража в 7 пудов, С. А. Нефедов делает вывод: «Таким образом, падение душевых сборов в первой половине XIX в. привело к тому, что потребление приблизилось к минимально возможной норме»⁵⁴ и в начале XX в. балансировало на уровне 19,5–22,7 пуда, то есть ниже минимальной нормы в 24,6 пуда⁵⁵. Таким образом, по Нефедову, половина крестьян вела полуголодное существование. Это подтверждается оценками общего объема произведенного в стране хлеба за вычетом посевов, потребления горожан, а также помещичьего хлеба или экспорта (эти два показателя сопоставимы, и, по Нефедову, это – хлеб, выпадающий из крестьянского потребления).

Нефедов считает, что «потребление крестьян даже в лучшие для России времена поддерживалось лишь на уровне минимальной нормы». Но были годы, когда среднее потребление было меньше нормы, и тогда «недоедало больше половины населения»⁵⁶. При этом Нефе-

⁵⁴ Нефедов С. А. О причинах Русской революции, с. 30.

⁵⁵ Нефедов С. А. Указ. соч. С. 36. По его оценке, затраты на фураж возросли до 7 пудов в начале века из-за распашки пастбищ (С. 353). При этом в современной историографии встречаются и более критические оценки ситуации в Российской империи. По мнению А. П. Корелина, минимальное необходимое потребление с учетом фуража составляло 25,5 пуда на человека, а душевые сборы – только 16,6–18 пудов См.: Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 42.

⁵⁶ Нефедов С. А. Указ. соч. С. 38.

дов напоминает о недавнем выводе Миронова: «рацион низшей экономической группы крестьян, составлявшей 30% всего сословия, не обеспечивал их достаточной энергией»⁵⁷. Но любой специалист имеет право корректировать свои взгляды в ходе дальнейших исследований. Миронов оценивает минимальное потребление в 237 кг (14,8 пуда), а затраты на фураж и другие траты в 68 кг (4,3 пуда). Итого 305 кг⁵⁸. В 1890–1913 гг. среднее потребление крестьян по оценкам Миронова выросло с 317 до 405 кг⁵⁹. Это поделенный на число крестьян валовый сбор хлеба и картофеля (в пересчете на калорийность хлеба) минус семена на посев, поставки в города, армии, экспорт и винокурение. Нефедов считает оценку затрат на фураж Мироновым явно заниженной и приводит данные Министерства продовольствия, где они оцениваются даже в 154 кг⁶⁰.

Подвергнув статистические аргументы друг друга острой критике, участники дискуссии подтвердили, что сельскохозяйственная статистика Российской империи далека от точности и всеохватности⁶¹.

Нужно искать дополнительные источники. «Конек» Миронова – биологические параметры населения (биостатус), которые можно определить, например, через рост новобранцев. В Российской империи он увеличивался начиная еще с XVIII в., при чем в пореформенное время – быстрее. Это должно свидетельствовать об улучшении питания и здоровья. Но доказательность этого аргумента также вызывает множество возражений у оппонентов. Нефедов обращает внимание на то, что до 1901 г. увеличение роста призывников сопровождалось и

⁵⁷ *Миронов Б. Н.* Сыт конь – богатырь, голоден – сирота: питание, здоровье и рост населения России второй половины XIX – начала XX века // Отечественная история. 2002. № 2. С. 37.

⁵⁸ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 293. С учетом поправок на сайте bmironov.spb.ru/. В издании своей книги 2013 г. (Далее: *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... 2013.) Миронов считает, что если оценки затрат на фураж выше (как в случае с известным статистиком Е. А. Лосицким), то неточна статистика (С. 229). Очевидно, что это не может убедить Нефедова.

⁵⁹ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... 2013. С. 236.

⁶⁰ *Нефедов С. А.* Уровень жизни населения дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 128.

⁶¹ *Миронов и М. А. Давыдов* считают, что статистические данные Центрального статистического комитета (ЦСК) МВД, на которые опираются Нефедов и другие исследователи, занижены и необходима поправка в 10%, чтобы обосновать более высокое потребление крестьян. Давыдов, подвергнув критике российскую сельскохозяйственную статистику, утверждает: «вышесказанное не означает, что 100% показаний российской сельскохозяйственной статистики неверны. Однако по меньшей мере наивно на этих данных строить безоговорочную модель душевого потребления с подсчетом якобы реальных сотых долей пудов и процентов и полагать, что эти построения соответствуют действительности» (Указ. соч. С. 231). Впрочем, это замечание бьет не только по Нефедову, но и по Миронову. Нефедов, критикуя источники Миронова, утверждает: «Таким образом, из данных Б. Н. Миронова нельзя сделать никаких выводов о динамике доходов крестьянского населения России и, тем более, о пересмотре мальгузианской трактовки российского кризиса». *Нефедов С. А.* О мальгузианском кризисе в России // О причинах русской революции. С. 113.

увеличением числа отбракованных по здоровью новобранцев, что ставит под сомнение значение роста призывников как четкого индикатора здоровья и, следовательно, благосостояния⁶². Рост населения и, в частности, новобранцев – важный показатель, но все же для начала XX в. – не безусловный аргумент при оценке уровня жизни.

Однако даже с этими поправками биостатус – важный показатель благосостояния. И, что важно для нашей темы, в 1901–1905 гг. он снижался⁶³. Миронов демонстрирует график роста новобранцев и мужского населения с XVIII в. по 1915 г. и делает вывод: «Таким образом, только со вступлением России в эпоху рыночной экономики после Великих реформ произошел прорыв в уровне биостатуса и соответственно благосостояния»⁶⁴. Однако рост новобранцев, согласно тому же графику, в 1890-е гг. «проваливается» ниже дореформенного уровня и «возвращает позиции» уже после революции 1905–1907 гг.⁶⁵ Так что можно говорить, что бесспорный «прорыв» произошел только после революции. А вот насколько он был фундаментальным и мог ли стать долговременным – трудно судить, если учесть, что «устойчивый» подъем наблюдается на материале всего нескольких лет. Нет согласия и в том, о чем точно свидетельствует средний рост людей. Ведь они растут много лет, и все это время питание сказывается на темпах роста человека. Как напомнил Нефедов, повышение роста людей относится не только к годам рождения 1906–1914 гг., но и к последующим, включая Гражданскую войну. А ведь в 1919–1921 гг. положение населения явно ухудшилось. Но если учесть, что люди «набирали рост» несколько лет, то улучшение показателей, которое Миронов относит к заслугам Российской империи, в большей степени вызвано благополучием более позднего советского нэпа⁶⁶.

⁶² Нефедов С. А. Россия в плену виртуальной реальности // О причинах русской революции. С. 357. Согласно статистике Миронова число отбракованных было выше 35% до призыва 1901 г., затем снизилось до 29,3% и 27,2%, но в призыв 1912–1916 гг. произошел новый всплеск до 32,8% (Миронов Б. Н. Благосостояние населения... 2013. С. 384). Уверенной позитивной динамики в этом отношении действительно не было.

⁶³ Миронов Б. Н. Благосостояние населения... С. 279.

⁶⁴ Там же. С. 653.

⁶⁵ Миронов пишет: «Позитивная тенденция действовала до Первой мировой войны, дважды прерываясь – в 1891–1895 гг. по причине неурожая и в 1901–1905 гг. в связи с Русско-японской войной и революцией» (Миронов Б. Н. Благосостояние населения... 2013. С. 295.). Но в-первых, неурожай 90-х гг. был не единственным, в Российской империи бывали неурожай и позднее – вплоть до 1911 г. А во-вторых, Русско-японская война и революция начались не в 1901 г., а существенно позднее, так что нельзя только на них «списать сбой» в росте благосостояния. В силу самой социальной структуры империи этот рост был не столь уж устойчивым, скорее волнообразным.

⁶⁶ Нефедов С. А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 131–133. Пройгнорировав этот аргумент, в новом издании своей монографии Миронов сравнивает показатели XVIII в. с показателями мужчин, рожденных в 1911–1915 гг.,

По мнению С. В. Циреля, «удовлетворительные средние значения индекса массы тела новобранцев и увеличение среднего роста населения (даже если данные не содержат погрешностей), говорят лишь о том, что в среднем питание людей находилось в пределах нормы, но отнюдь не отрицают того, что отдельные области и слои населения могли сильно недоедать, а все продовольственное благополучие живущей в долг страны висело на ниточке, которая могла оборваться во время войн, климатических флуктуаций и внутренних катаклизмов»⁶⁷. А ведь для того, чтобы в стране складывалась «революционная ситуация», необходимо, чтобы существовали массовые группы бедствующих людей, не обязательно большинства населения.

Важный аргумент в пользу роста уровня жизни – падение смертности (впрочем, очень неустойчивое и медленное). Уровень смертности 35–41 человек на 1000 населения, характерный для пореформенного периода XIX в., был окончательно преодолен в конце 1890-х гг. и после этого колебался в пределах 26,5–33,3. По мнению Нефедова, «потребление в этот период не оказывало почти никакого влияния на смертность», и причиной ее падения является прогресс медицины и гигиены. Раскритиковав статистические аргументы Нефедова, Миронов предложил свой статистический анализ, в результате которого признал за санитарно-гигиеническим фактором более скромные заслуги в снижении смертности (на уровне 4–18% от общего снижения)⁶⁸.

И все же различие точек зрения Миронова и Нефедова применительно к нашей теме не носит качественного, принципиального характера. Тем более, что дискуссия о благосостоянии крестьян, при всей ее полемической жесткости и излишней политизации, привела к сближению взглядов сторон.

Уже в ходе дискуссии Миронов иногда высказывался более осторожно, сопровождая отрицание хронического недопотребления крестьян оговорками: «...хроническое (именно хроническое, а не эпизодическое ввиду неурожая) недопотребление многомиллионных масс крестьянства»...⁶⁹ Вообще-то ситуация, где «эпизодически» голодают миллионы крестьян, далека от прежней оптимистической картины «стабильного существования» на «нормальных наделах». Или: «пита-

то есть тех, кто продолжал расти уже после падения Российской империи, в период НЭПа. При этом среди факторов роста он называет и «экономическую политику правительства» (Миронов Б. Н. *Благосостояние населения...* 2013. С. 294). О каком правительстве идет речь? Неужели в том числе и о советском?

⁶⁷ Цирель С. В. Почему в России произошла революция? // О причинах русской революции. С. 186.

⁶⁸ Миронов Б. Н. Ленин жил... С. 127.

⁶⁹ Там же. С. 117.

ние, за исключением неурожайных лет, находилось в норме»⁷⁰. Учитывая, что неурожайные годы – это почти половина периода начала XX в., ту же фразу можно сформулировать иначе: «Питание крестьян почти половину времени находилось ниже нормы». Учитывая, что норма – это биологический минимум, картина не выглядит оптимистично. Во всяком случае, позиция Нефедова не так уж далека от этой картины.

Конкретизируя свою позицию в итоге дискуссии, Миронов писал, что широкие массы «жили по-прежнему небогато, уступая населению западноевропейских стран. Но уровень их жизни, несмотря на циклические колебания, имел позитивную тенденцию – медленно, но верно увеличиваться... Прогресс был бы, несомненно, большим, если бы крестьяне работали в полную меру своих сил, используя все рабочее время»⁷¹. Интересно, где бы крестьяне в условиях преимущественно экстенсивного хозяйства могли применить свои силы? Крестьянство было стеснено в своем главном средстве производства, возможности отходничества лимитировались темпом урбанизации, который был недостаточен для того, чтобы проблема рассосалась сама собой. А чтобы успешно шла интенсификация аграрного производства, требовалось вложение средств, которых у крестьян было явно недостаточно. Этот порочный круг и вызывал «циклические колебания», в которых заключалось все дело, – каждое из них создавало ситуацию, которая могла закончиться революцией. Но только при условии, что возникнут и другие необходимые для нее причины.

Спор ведется о том, улучшалось ли положение крестьян или ухудшалось. Но если улучшалось, то крайне медленно (недостаточно быстро, чтобы выйти из кризиса) и с откатами, которые как раз и могли провоцировать социальные конфликты. Но не обязательно революцию.

Цирель предлагает шире смотреть на уровень жизни: «Независимо от того, росло или сокращалось потребление хлеба на душу населения в начале XX в., с одной стороны, общий уровень жизни населения, безусловно, в среднем поднимался (рост грамотности, уровня медицинской помощи, усвоение гигиенических навыков (пресловутые мыло и карболка), снижение смертности, увеличение потребления мяса и овощей и т.д.), а с другой стороны, расстояние до порога голода оставалось очень малым. И относительно небольшие расхождения в данных между двумя оппонентами не в состоянии изменить неопределенный прогноз ни на положительный, ни на отрицательный»⁷².

⁷⁰ Там же. С. 125.

⁷¹ *Миронов Б. Н.* Развитие без мальтузианского кризиса. Гиперцикл российской модернизации в XVIII – начале XX в. // О причинах русской революции. С. 337.

⁷² *Цирель С. В.* Указ. соч. С. 194.

Итоги дискуссии не подтвердили полностью ни «идеалистическую» позицию Миронова, ни «апокалипсическую» позицию Нефедова. Уровень жизни большинства жителей России повышался, но медленно, неустойчиво, с откатами, оставаясь для значительной части населения европейской части России (от трети и, может быть, выше) уровнем на грани нищеты и голода. **Периодически часть крестьянства и городского населения оказывалась в ситуации голода – в случае либо недорода, либо временной потери источников доходов.** Однако, вопреки мнению Нефедова, такое положение не вело к революции само по себе. Тогда бы революция должна была разразиться уже в начале 1890-х гг., когда положение крестьян оказалось наиболее бедственным.

Голод и экспорт

Из-за неурожая в 1891 г. на Россию обрушился страшный голод, поразивший 29 губерний с населением 35 млн человек. От голода и последующей эпидемии холеры умерли сотни тысяч людей. Этот факт серьезно подрывает модель «достаточного» благосостояния. Миронов относит к сильным неурожаям только 1871–1872 и 1891–1892 гг., ссылаясь на то, что железные дороги позднее позволяли перебрасывать продовольствие в голодающие районы, в том числе за счет импорта. Но не приводит цифры этого спасительного импорта в голодные годы⁷³. Однако этот хронологический ряд надо бы расширить. Голод вызывали также неурожай 1901–1902, 1905–1907 и 1911–1912 гг. Каждый раз голодали десятки миллионов крестьян.

Чаще всего, 17–21 раз, неурожай в 1861–1908 гг. происходили в Таврической, Самарской, Пензенской, Оренбургской и Новгородской губерниях⁷⁴. А ведь это не были территории наиболее тяжелого малоземелья. Но причины неустойчивости сельского хозяйства в Малороссии и Заволжье не имели прямой связи с малоземельем – из-за земельного голода в центре России крестьянство вытеснялось в зону рискованного земледелия.

Само наличие голода в Российской империи, конечно, подрывает вывод о некоем «нормальном» питании среднего крестьянина. Впрочем, М. А. Давыдов, поддержавший в дискуссии Миронова, не склонен считать, что голод в Российской империи – это принципиальный аргумент в пользу Нефедова. Разве ж это голод: «одни и те же слова с течением времени могут обретать иной смысл, менять семантику. Что, в частности,

⁷³ *Миронов Б. Н. Ленин жил...* С. 125–126.

⁷⁴ *Давыдов М. А. Указ. соч.* С. 249.

представления людей конца XIX – начала XX в. о голоде и сопряженных с ними бедствиях народа весьма отличаются от наших современных, воспитанных на историческом опыте советской эпохи»⁷⁵. Прежде чем перевернуть страницу, я попытался постичь этот вклад в методологию исследования голода. Действительно, в тот период советской эпохи, который протекал на наших глазах (вряд ли взгляды Нефедова и Давыдова формировались в сталинские времена), голода не было. И чем этот наш советский опыт меняет смысл слова «голод»?

Перевернув страницу, я понял, что под советским опытом Давыдов имеет в виду только период 1920–1940-х гг., будто после Сталина советская история прекратила течение свое. Но даже с учетом этого раннесоветского опыта остается непонятным, чем очень страшный голод 1932–1933 гг. оправдывает для Давыдова просто страшный голод 1891 г., количество жертв которого он оценивает в 400 тыс. человек⁷⁶. Что случилось у Давыдова с семантикой и этикой, если при таких жертвах он ссылается на «меру вещей»? Миллионы жертв оправдывают сотни тысяч? Сотни тысяч жизней в 1891–1892 гг. – допустимая погрешность?

Советская история дает примеры гигантских катастроф и трагедий. Но – и достижений, которые оказались не по плечу Российской империи. И одно из них – СССР научился десятилетиями обходиться без голода. Именно это сформировало наше отношение к термину «голод» и к нравственной мере вещей, в которой голодное существование миллионов – это нравственный приговор существующей во время голода социальной системе: и сталинской, и царской.

Давыдова справедливо возмущает экспорт продовольствия в 1932 г., который он называет голодным экспортом без кавычек. А вот экспорт накануне и в начале голода 1891 г. его не возмущает. «Мера вещей».

Экспорт хлеба вырос в последние 40 лет XIX в. с 1,55 млн т до 6,5 млн т. За границу шла половина товарного зерна, $\frac{3}{4}$ льна, яиц, половина масла. Не удивительно, что вопрос о «голодном экспорте» стал одним из центральных в дискуссии о благосостоянии. Логика Нефедова такова: «Потребление оставалось на уровне минимальной нормы, но душевой чистый сбор в период с середины XIX в. по начало XX в. существенно вырос. *Если бы все произведенное зерно оставалось в стране, потребление в начале XX в. достигло бы примерно 25 пудов на душу – уровня социальной стабильности...* На связь экспорта с помещичьим

⁷⁵ Там же. С. 259.

⁷⁶ Там же. С. 260. Б. Н. Миронов оценивает число жертв в 500 тыс., из которых около 300 тыс. умерли от холеры, сопутствовавшей голоду (Миронов Б. Н. Благосостояние населения... С. 571).

землевланием указывали ранее многие авторы (см.: Кауфман 1918). При 712 млн пудов среднего ежегодного вывоза в 1909–1913 гг. помещики непосредственно поставляли на рынок 275 млн пудов (Ковальченко 1971: 190). Эта, казалось бы, небольшая цифра объясняется тем, что крупные землевладельцы вели собственное хозяйство лишь на меньшей части своих земель; другую часть они сдавали в аренду, получая за это около 340 млн руб. арендной платы (Анфимов 1962: 502). Чтобы оплатить аренду, арендаторы должны были продать (если использовать среднюю экспортную цену) не менее 360 млн пудов хлеба. В целом с помещичьей земли на рынок поступало примерно 635 млн пудов – эта цифра вполне сопоставима с размерами вывоза.

Конечно, часть поступавшего на рынок зерна поступала с крестьянских земель, крестьяне были вынуждены продавать некоторое количество зерна, чтобы оплатить налоги и купить необходимые промтовары; но это количество (около 700 млн пудов) примерно соответствовало потреблению городского населения. Можно условно представить, что зерно с помещичьих полей шло на экспорт, а зерно с крестьянских – на внутренний рынок, и тогда получится, что основная часть помещичьих земель как бы и не принадлежала России, население страны не получало продовольствия от этих земель, они не входили в состав экологической ниши русского этноса.

Но, может быть, Россия получала от хлебного экспорта какие-то другие преимущества? Возьмем для примера данные за 1907 г. В этом году было вывезено хлеба на 431 млн руб.; взамен были ввезены высококачественные потребительские товары для высших классов (в основном для тех же помещиков) на 180 млн руб., и примерно 140 млн руб. составили расходы русских за границей – дело в том, что часть русской аристократии практически постоянно жила за границей. Для сравнения, в том же году было ввезено машин и промышленного оборудования на 40 млн руб., сельскохозяйственной техники – на 18 млн руб. (Ежегодник России... 1910: 191–193; Покровский 1947: 383). Таким образом, помещики продавали свой хлеб за границу, покупали на эти деньги заграничные потребительские товары и даже жили частью за границей. На нужды индустриализации шла лишь очень небольшая часть доходов, полученных от хлебного экспорта»⁷⁷.

⁷⁷ *Нефедов С. А.* О причинах русской революции, с. 42–43. Автор ссылается на следующие работы: *Анфимов А. М.* Налоги и земельные платежи крестьян Европейской России в начале XX в. (1901–1912 гг.). // Ежегодник по аграрной истории за 1962 г. Минск, 1962; *Кауфман А. А.* Аграрный вопрос в России. М., 1918; *Ковальченко И. Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйства в земледельческом производстве капиталистической России. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971; Ежегодник России 1909 г. СПб., 1910.; *Покровский С. А.* Внешняя торговля и внешняя торговая политика России.

Миронов утверждает, что в указанных источниках этих данных нет, и «Ежегодник» рисует иную картину – ввозились прежде всего товары широкого потребления⁷⁸.

Другой участник дискуссии Л. Е. Гринин обращает внимание на положительные стороны экспорта хлеба, который стимулирует высокие цены на хлеб, выгодные крестьянам (но выгодны ли они рабочим, что так важно именно для понимания причин революции. – *А. Ш.*), позволяет делать внутренние займы, что снижает налоговую нагрузку (но ведь займы нужно возвращать с процентами, что увеличивает налоговую нагрузку. – *А. Ш.*), ввозить капиталы и машины⁷⁹. Но ввоз капиталов напрямую не связан с доходами от хлебного экспорта – капитал шел туда, где есть сырье, дешевая рабочая сила и другие возможности получить повышенную прибыль. В условиях периферийного характера российской экономики, производя металл, уголь, нефть и другое промышленное сырье и полуфабрикаты, Россия ввозила машины, потребительские товары, в том числе, конечно, и предметы роскоши.

Миронов выступает категорически против тезиса о голодном экспорте: «В условиях рыночного хозяйства хлеб из внутренних регионов мог идти на экспорт только в том случае, если бы не находил спроса на внутреннем рынке по соответствующей цене»⁸⁰. Это, по мнению данного автора, свидетельствует о том, что продовольственные потребности в пореформенной России удовлетворялись. Нефедову было нетрудно показать, что Россия экспортировала хлеб и во время неурожая, ведущего к голоду. Так, в 1889/1890–1890/1891 гг., накануне страшного голода 1891 г., из страны было вывезено 29% чистого сбора хлебов⁸¹. Либеральный догмат предполагает, что если человек не покупает продовольствие по соответствующей (в данном случае – мировой) цене, то он сыт. А человек при этом может и голодать, но не иметь средств, чтобы заплатить «по соответствующей цене». Не случайна и фраза министра финансов И. А. Вышнеградского, сказанная при сведениях о надвигающемся неурожее 1891 г.: «Сами не будем есть, но будем вывозить»⁸². Впрочем, сам министр не ограничивал себя в еде, когда крестьяне голодали.

М., 1947. Давыдов показывает, что в дальнейшем объемы импорта машин выросли, и спрашивает, почему Нефедов берет «для примера» 1907 г. (С. 232). Это как раз понятно – Нефедов обсуждает причины революции 1905–1907 гг., а не результаты столыпинской реформы. А вот Миронов полностью отрицает правомерность данных Нефедова, ссылаясь на приведенный им источник.

⁷⁸ *Миронов Б. Н.* Развитие без мальтузианского кризиса... С. 295.

⁷⁹ *Гринин Л. Е.* Указ. соч. С. 207.

⁸⁰ *Миронов Б. Н.* Ленин жил... С. 115.

⁸¹ *Нефедов С. А.* А при чем тут Ленин? // О причинах русской революции. С. 137.

⁸² *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 644.

Миронов считает, «что изъятие хлеба на продажу «изо ртов голодных детей» – вещь легендарная и маловероятная. Человек устроен так, что удовлетворяет потребности в порядке их важности, начиная с самых важных. У людей самое насущное – удовлетворение физиологических нужд. Уплата налогов, расходы на водку, керосин, спички или ситец несравненно менее настоятельны, чем спасение от голодной смерти»⁸³. Позвольте, но ведь выше тот же автор показывал, что рост потребления ситца и водки во многом объясняется ростом городов (тогда именно с помощью этого аргумента Миронов доказывал, что снижается налоговый пресс). А теперь потребление ситца, водки и керосина в губернии позволит доказать, что крестьяне не голодали.

Тут уж одно из двух. Или крестьянин страдает от косвенных налогов, или все покупные прелести цивилизации потребляет не тот крестьянин, который голодает. В действительности, крестьяне участвовали в потреблении этих продуктов и страдали от косвенных налогов. Но это не значит, что они не голодали.

Экономика Российской империи и многих других стран, движущихся по пути капиталистической модернизации, устроена не так, как описанный Мироновым человек. В этих странах голодные дети существуют рядом с роскошью и товарными излишками. Н. Г. Чернышевский мог убеждать своих современников, что нравственно здоровый человек не может наслаждаться обедом, когда рядом – голодные. Но проповедовать эти «провокационные идеи» ему позволяли недолго. Разгадка проблемы голодного экспорта (то есть ситуации, при которой в одном и том же государстве есть и голод, и экспорт продовольствия) не так сложна. Просто голодают одни, а спички и ситец покупают другие. А помещикам и вовсе ничто не мешает экспортировать хлеб и наслаждаться обедом – Чернышевского с его упреками уже убрали с глаз долой.

Цирель напоминает, что «на экспорт шла в основном пшеница, слишком дорогая для российской бедноты и специально производимая в количествах, превосходящих спрос на внутреннем рынке (в среднем экспортировалось от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ ее чистого сбора)»⁸⁴. Однако экспортировалась не только пшеница. Давыдов считает, что против «голодного экспорта» свидетельствует тот факт, что «экспорт ржи стабильно снижался»⁸⁵. Из приводимой ниже таблицы видно, что это стабильное снижение с уровня 6,4–8,1% от сбора до 2,7–5,6% произошло в

⁸³ Миронов Б. Н. Развитие без мальтузианского кризиса... С. 289.

⁸⁴ Цирель С. В. Указ. соч. С. 180.

⁸⁵ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 243.

1906 г.⁸⁶, то есть, получается, – уже в результате революции 1905–1907 гг. и ее последствий.

По данным Давыдова, экспорт пшеницы составлял в 1893–1898 гг. в среднем 32,7%, в 1899–1903 гг. – 21,7%, в 1904–1908 гг. – 24,2%; экспорт ячменя в те же периоды соответственно – 30,5; 25 и 32,4%. После революции 1905–1907 гг. население стало потреблять больше пшеницы, что свидетельствует о росте благосостояния. Но то – после революции, когда действительно произошел подъем уровня жизни – непродолжительный и неустойчивый.

Тем не менее, рожь сохраняла свою роль хлеба для народа. И это скажется в дни начала революции 1917 г. – мы еще будем иметь возможность вернуться к булкам и «черняшке» как фактору начала Февральской революции.

Поставщики хлеба на внешний и внутренний рынок различаются и географически. Основную часть вывозной пшеницы давали Новороссия и Предкавказье, «главными поставщиками пшеницы на внутренний рынок были Самарская и Саратовская губернии, а также Донская область»⁸⁷. Однако после строительства железных дорог, если бы не поощрялся экспорт, новороссийский хлеб тоже мог направляться на спасение российских крестьян (в том числе и саратовских) от недоедания.

Давыдов в своих исследованиях показал, что в 12 случаях, большинство которых приходится на время неурожаев 1901, 1908 и 1911 гг., вывоз зерна из губернии «превышает, иногда более чем вдвое (!), урожай данного года», что кажется ему надежным доказательством занижения данных об урожае⁸⁸.

Однако Нефедов без большого труда парировал этот аргумент: «Это «недоразумение», однако, легко объяснить тем, что до сентября 1911 г. (а может быть, и позже) вывозился хлеб предыдущего урожая, который был исключительно обильным»⁸⁹. Характерно, что такие данные Давыдова как раз свидетельствуют в пользу концепции «голодного экспорта». В стране неурожай, часть населения голодает, но огромные массы хлеба, превышающие нынешний скудный урожай, продолжают вывозиться.

Раз в голодные годы хлеб направлялся не голодающим, а на экспорт – такой экспорт является «голодным». Давыдов убедительно показал, что этот экспорт сокращался, но он сохранялся и во время последнего голода в Российской империи в 1911 г. – было вывезено

⁸⁶ Там же. С. 244–245. Миронов, ссылаясь на данные Давыдова, не заметил этого обстоятельства и пишет о снижении доли экспорта в период с 1889–1893 гг. до 1909–1913 гг. (С. 286).

Между тем при обсуждении причин революции 1905 г. такое «сглаживание» недопустимо.
⁸⁷ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 248.

⁸⁸ Там же. С. 227.

⁸⁹ Нефедов С. А. Давайте будем корректны... // О причинах русской революции, с. 280.

33,7% пшеницы, 48,9% ячменя, 12,1% овса и 3,1% ржи⁹⁰. Из общего количества хлеба, перевезенного по железным дорогам, даже в 1912 г. 48,8% предназначалось на экспорт⁹¹.

Вывоз усугублял продовольственные проблемы, хотя не был их причиной.

А вот обратная сторона медали – земский отряд борется с голодом в столыпинском 1911 г. Количество голодающих существенно превышает возможности благотворителей: «На сходке крестьяне выбрали из своей среды двух уполномоченных, доверенных людей, и этим уполномоченным поручено было составить список двухсот человек самых бедных. На следующее утро вновь собрали сход, и уполномоченные представили список. Список этот раза в три превышал норму, и мы читали его вслух и всем миром обсуждали, кого оставить, кого пока выбросить. На каждом шагу сходка останавливалась в недоумении, не зная, как быть, так как многих крестьяне не находили возможным выкинуть, а увеличить список мы тоже не могли. Как бы то ни было, список в конце концов был фиксирован, сходка разошлась, и на душе у нас осталось очень тяжелое чувство.

Когда мы ехали на голод, то много думали о том, как и откуда будем получать хлеб и другие продукты. В действительности же оказалось, что почти всюду, где нам пришлось кормить, можно было или в этом же селе, или по соседству найти богатых мужиков, у которых хлеба сколько угодно»⁹².

Приедут благотворители, заплатят – выживут бедные голодающие крестьяне. Не приедут спасители в эту деревню – голодающие умрут (формально – от болезни, реально – от вызвавшего ее голода), а хлеб пойдет в города или на экспорт. Впрочем, многих «доходят» столыпинской поры не могли спасти и благотворители: «Масса народу не попала в столовые; они целыми днями осаждали нашу избу, ловили нас на улицах и умоляли «пожалеть», «подписать на столовую». Мы разъясняли, что не можем больше никого «подписывать», что ведь мы на сходке говорили миру и выясняли, что больше 200 человек мы не можем кормить, но все это было для них непонятно. Иной раз для нас ясно было, что данному человеку необходимо помочь как можно скорее, что он «дошел», но чем помочь?» Государственная помощь была недостаточна, и даже там, где она поступала, ее при скромном расходе хватало только на 20 дней месяца⁹³.

⁹⁰ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 244–245.

⁹¹ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 145.

⁹² Поездка «на голод». Записки члена отряда помощи голодающим Поволжья (1912 г.) // Милосердие. ru // URL: <http://www.miloserdie.ru/index.php?ss=2&s=12&id=502>. Дата обращения: 5 июня 2011 г.

⁹³ Там же.

Критики наличия «голодного экспорта» приводят еще один важный аргумент: пьянство. Давыдов показывает, что даже в голодные годы крестьянство продолжало потреблять алкоголь, тратя на него значительные средства. Так, в 12 голодающих губерниях в 1906–1907 гг. крестьяне получили государственную помощь на 128 329 000 руб., а пропито здесь было 130 505 000 руб.⁹⁴ Правда, нет гарантии, что на водку тратились те же самые люди, которые и голодали (по Давыдову получается – делали вид, что голодали?), но это возможно – пересекающиеся множества.

Значит ли это, что на самом деле крестьяне не бедствовали, а просто хитро прикидывались, чтобы получить и пропить казенные денежки. Сомнительно – даже министр земледелия А. С. Ермолов, рассуждая о пьянстве, признает, что 1906 год был голодным⁹⁵. Оценивая выпитое в губернии, не будем забывать: Миронов утверждает, что этот вид «роста благосостояния» шел в большей степени за счет города.

Но действительно, «подсаженные» на водку (не без участия все того же самодержавия) крестьяне нуждались в ней, как и в продовольствии. Эту трагическую ситуацию иллюстрируют и сообщения о крестьянских волнениях в 1905 г., когда крестьяне, рискуя жизнью и свободой, растаскивают помещичий хлеб, но тут же и требуют у помещика налить им водки. Алкоголизм сродни наркомании – не доест, но выпить. Однако это никак не отменяет сам факт голода, который усугубляется голодным пьянством, как и голодным экспортом. Две беды – одна не отменяет другую. И обе беды имеют социальную природу. Алкоголь связан с казенным интересом, пьянство крестьян стимулировалось веками. Бедственное социальное положение и низкий культурный уровень способствуют пьянству.

Но дело не только в алкоголизме. Русские мужики хоть и любили выпить, но, как справедливо отмечает Давыдов, «по потреблению алкоголя на душу населения Россия отнюдь не была в числе европейских лидеров»⁹⁶. Дело в ценах, установленных государством, в «пьяном бюджете» самодержавия.

По мнению Нефедова, голод 1905–1906 гг., который привел к всплеску смертности по сравнению с соседними годами в 350 тыс. человек⁹⁷, «превратил тлеющую революцию 1905 г. в крестьянскую

⁹⁴ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 254–255.

⁹⁵ Там же. С. 254.

⁹⁶ Там же. С. 259.

⁹⁷ Тогда уж на долю недоедания может приходиться около 300 тыс. жизней, так как в 1905 г.

войну»⁹⁸. Получается, что революция была вызвана чем-то другим, а тяжелое положение крестьянства только придало ей дополнительный масштаб. Ведь еще более страшный голод 1891 г. не вызвал никакой революции и крестьянской войны.

Более того, **переход революции от «тлеющей» фазы к осенне-зимней кульминации 1905 г. был вызван событиями в городах и на железных дорогах, а крестьяне воспользовались ситуацией, чтобы попытаться осуществить свою вековую мечту – изгнать помещиков из села.**

При этом против помещиков выступила не беднейшая часть, а большинство крестьянства (что подтвердили и выборы 1906 г.). Не только беднейшие, но и другие слои крестьянства участвовали в нападениях на помещичьи усадьбы. Помещичьи земли стесняли развитие крестьянского хозяйства. Если тяжким трудом крестьяне смогли накопить средства, они, как правило, шли не на интенсификацию, а на покупку помещичьих земель. Но ни в силу истории приобретения этих земель, ни в силу экономической эффективности помещики не имели на эту землю морального или экономически обоснованного права. Так почему же зажиточный крестьянин должен был быть сторонником сохранения собственности помещиков в большей степени, чем бедный, готовый сам уйти из деревни в город?

События 9 января, а не выступления крестьян стали спусковым механизмом революции 1905–1907 гг. Ударной силой этой революции являлись городские низы, но деревня служила ее важным тылом. Во время подъема революционного движения в октябре очагами наиболее сильных крестьянских волнений были Саратовская, Тамбовская и Черниговская губернии. Крестьяне жгли усадьбы и захватывали хлеб, приготовленный к вывозу. При этом управляющий Министерством внутренних дел П. Дурново признавал, что «при недостаточности войск в Саратовской губ. преступное крестьянское движение не могло быть локализовано»⁹⁹ – то есть крестьян можно сдерживать только войсками, а не убеждением или какими-то мерами помощи. Во всяком случае губернатор Столыпин обратился за войсками и, пока они не прибыли, ничего поделать не мог. Плохая рекомендация для благосостояния крестьян в Российской империи. Волнения в это время происходили также в Полтавской, Харьковской, Курской, Пензенской, Воронежской, Казанской, Екатеринославской, Нижего-

продолжалась Русско-японская война, которая унесла несколько десятков тысяч жизней, а в 1905–1906 гг. происходили вооруженные столкновения в самой России.

⁹⁸ Нефедов С. А. О причинах русской революции. С. 41.

⁹⁹ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 2. М., 1955. С. 369.

родской губерниях. В конце года восстаниями были охвачены также Эстляндия, Лифляндия и Бессарабия. Можно ли этот ряд привязать к очагам оскудения? Мы видим здесь и Центральное Черноземье, и Новороссию, и Запад империи. Везде крестьяне не считали оправданным право частной собственности помещика на землю, которая, по мнению самих крестьян, была полита «кровью их дедов при крепостном праве»¹⁰⁰.

Сообщения о крестьянских выступлениях рисуют разные картины. Одни крестьяне готовы рисковать жизнью и свободой за хлеб, потому что очень голодны. Другие борются за землю и стремятся изгнать помещика из своей местности. Третьи – маргинальные элементы – гуляют и пьянствуют. Но бунтующие иногда выдвигали очень умеренные требования: чтобы помещики отдавали им землю в аренду по 2–6 рублей¹⁰¹. Это показывает, насколько тяжелой являлась арендная плата, если крестьяне готовы были идти на бунт ради ее снижения.

Таким образом, не столько голод, сколько весь комплекс последствий половинчатой реформы 1861 г. и связанных с ними особенностей модернизации вел к накоплению горючего материала для будущей революции. Но эту революцию начал город. И ее исход зависел от города.

Городская революция и аграрный вопрос

Итак, медленный рост благосостояния крестьян не спасал страну от угрозы революции, а балансирование уровня жизни значительной части населения на грани голода еще не являлось достаточным условием начала революции или хотя бы крестьянской войны.

Поскольку дискуссия о благосостоянии крестьянства была анонсирована как поиск причин российских революций, участники обсуждения застрагивают и другие факторы социальной дестабилизации. Прежде всего, как видно и из приведенного мной определения революции, их внимание не должно было пройти мимо обострения борьбы в элите.

В. П. Турчин считает, что дело в «перепроизводстве элиты». Численность учащих в 1857–1897 гг. выросла в 4 раза, а число чиновников – на 21%. В результате образовался значительный слой лишних людей, которые принялись бороться со старой элитой за место под солнцем. «Перепроизводство элиты, которое развилось к концу века, оказалось гораздо более серьезной проблемой и привело (вкуче с шоком Первой мировой войны) к краху государства и гражданской

¹⁰⁰ Там же. С. 394.

¹⁰¹ Там же. С. 435–436.

войне»¹⁰². Набежала образованщина, сбила народ с панталыку и заставила простых людей резать друг дружку. Турчин трактует этот процесс как аналогичный мальтузианскому. Но вызывает возражение само понятие «перепроизводство» элиты – получается, что «лишние люди» не были нужны стране, а это совершенно не так, учитывая дефицит квалифицированных кадров в России. Дело не в том, что ненужные образованцы принялись ломать здоровое древо империи, а в том, что имевшаяся в империи полуаристократическая система вертикальной мобильности не обеспечивала нормального продвижения нужных стране образованных кадров.

Миронов убедительно показывает, что «перепроизводства элиты» в России не было, так как развивающийся индустриальный сектор и растущий государственный аппарат создавали новые вакансии¹⁰³. Российская экономика и государство испытывали дефицит в образованных кадрах, существовала объективная потребность в них.

Проблема заключалась не в том, что «расплодилось» слишком много людей, претендовавших на место в элите, а в том, что система сделала из нужных стране образованных людей слой враждебной режиму «общественности». Аристократия сдавала свои позиции постепенно, уровень компетентности старой бюрократии вызывал критику со стороны представителей новых, современных слоев. Это создавало напряженность в отношениях «общества» и «власти» вплоть до полной враждебности. Квалифицированным умственным трудом были заняты около полумиллиона жителей России, из которых гораздо легче рекрутировался офицерский состав армии революции, чем сторонники «отечества спокойствия».

Фактически отрицая наличие глубокого социального кризиса в России, который привел к революции, Миронов и Давыдов ищут причины революций в субъективных, случайных и внешних обстоятельствах. Давыдов гипертрофирует роль Русско-японской войны в начале революции 1905–1907 гг., чтобы сгладить роль внутренних и более закономерных факторов (хотя и Русско-японскую войну нельзя считать явлением совершенно случайным). В итоге картина представляется таким образом: «Власти нужно было испугаться всерьез, для чего понадобилась несчастная Японская война и спровоцированная ею революция,

¹⁰² Турчин В. П. Причины революционного кризиса в России 1905–1917 гг. // О причинах русской революции. С. 173.

¹⁰³ Миронов Б. Н. Развитие без мальтузианского кризиса. С. 299.

поставившие Россию на грань катастрофы, чтобы наконец уйти от нелепых представлений о своей стране и своем народе и начать осознавать, что она делала после 1861 г., какую на самом деле политику она проводила, чтобы наконец прислушаться к голосу здравого смысла»¹⁰⁴. Увы, под «здравым смыслом» понимается политика Столыпина. Но во всяком случае после такого заявления Давыдову трудно отрицать закономерность и даже благотворность встряски 1905–1907 гг.

Власть десятилетиями шла не туда, куда требовал «здравый смысл», – революция «понадобилась». Так если понадобилась, значит, не война ее «спровоцировала», а вся ситуация, которая без революции не могла разрешиться. И все же Давыдов спрашивает своих оппонентов: «...на фоне, предположим, известий о победах в Маньчжурии, о разгроме японцев при Порт-Артуре и пр. к Зимнему дворцу 9 января двинулись бы люди, чем-то недовольные, чего-то требующие? Что рабочие поддались бы на провокационную агитацию?»¹⁰⁵ Чтобы ответить на этот вопрос, полезно поинтересоваться, а чем были недовольны люди, «поддавшиеся на провокационную агитацию».

Если Гапон и часть его окружения еще учитывали фактор внешнеполитических неудач, то для рабочих масс он не играл существенной роли. Когда эти неудачи действительно стали очевидными – после падения Порт-Артура, организаторам шествия 9 января было уже не до них¹⁰⁶. Поводом для выступления послужило вовсе не падение Порт-Артура, а забастовка на Путиловском заводе. Составляя петицию, лидеры ориентировались на рабочие настроения. И что же мы видим в ней? «Мы, рабочие и жители города Санкт-Петербурга разных сословий, наши жены и дети и беспомощные старцы – родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты. Мы обнищали, нас угнетают, обременяют непосильным трудом, над нами надругаются, в нас не признают людей, к нам относятся как к рабам, которые должны терпеть свою горькую участь и молчать»¹⁰⁷. Пока никакой войны – петиция посвящена невыносимому положению рабочих и рассказывает об их минимальных требованиях: 8-часовой рабочий день, учет мнения рабочих при определении цены за труд, нормальные условия труда, чтобы «можно было работать, а не находить там смерть от страшных сквозняков, дождя и снега»¹⁰⁸. Чем бы способствовали победы в Маньчжурии в затыкании дыр в цеховых крышах? И чем гипотетическая

¹⁰⁴ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 265.

¹⁰⁵ Там же. С. 272.

¹⁰⁶ Каэторин В. Первый шаг к катастрофе. 9 января 1905 года. Л., 1992. С. 315; Ксенофонов И. Н. Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 69.

¹⁰⁷ Цит. по: Пазин М. «Кровавое воскресенье». За кулисами трагедии. М., 2009. С. 122–123.

¹⁰⁸ Там же. С. 123.

победа под Порт-Артуром помогла бы рабочим и безработным накормить свои семьи?

«Государь, нас здесь многие тысячи, а все это люди только по виду, только по наружности, – в действительности же за нами, равно как и за всем русским народом, не признают ни одного человеческого права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать меры к улучшению нашего положения. Нас поработили, и поработили под покровительством твоих чиновников, с их помощью, при их содействии. Всякого из нас, кто осмелился поднять голос в защиту интересов рабочего класса и народа, бросают в тюрьму, отправляют в ссылку. Карают, как за преступление, за доброе сердце, за отзывчивую душу...»¹⁰⁹ Так где же война? Ах, вот здесь между делом: «Чиновничье правительство довело страну до полного разорения, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведет Россию к гибели. Мы, рабочие и народ, не имеем никакого голоса в расходовании взимаемых с нас огромных поборов. Мы даже не знаем, куда и на что деньги, собираемые с обнищавшего народа, уходят... Государь! Разве это согласно с божескими законами, милостью которых ты царствуешь?»¹¹⁰

Петиция призывает царя разрушить стену между ним и его народом путем введения народного представительства. В последний момент перед распространением были вписаны требования свободы слова, печати, отделения церкви от государства и прекращения Русско-японской войны (о котором раньше как-то забыли)¹¹¹. Требование прекращения войны вошло 4-м пунктом во второй раздел, став одним из 18 требований и одним из самых неконкретных (как прекратить, на каких условиях?). Куда подробнее расписаны политические требования, включая политическую амнистию, ответственность министров перед народом (то есть – парламентом), всеобщее образование за государственный счет. Рабочих не устраивало и то, что государство стимулирует не свою, а чужую экономику, – они требовали размещения военных заказов только на отечественных предприятиях. Среди мер «против нищеты народной» – и отмена косвенных налогов с заменой их прогрессивным налогообложением, и создание для решения спорных вопросов с предпринимателями выборных рабочих комиссий на предприятиях, без согласия которых невозможны увольнения. Здесь и 8-часовой рабочий день, и выработка закона о страховании рабочих¹¹². Нет, не военные поражения привели к революции, а социальный кризис в городах.

¹⁰⁹ Там же. С. 123–124.

¹¹⁰ Там же. С. 124.

¹¹¹ Ксенофонтов И. Н. Указ. соч. С. 88.

¹¹² Пазин М. Указ. соч. С. 126.

Не будем забывать, что решающий натиск революции на самодержавие, который привел к изменению политической структуры России, произошел в октябре 1905 г. К этому времени война-то уже кончилась. И среди требований забастовщиков нет никакой войны, их волнуют совсем другие вопросы – те же, что и 9 января.

Так что и начало революционных событий, и лозунги рабочего движения не подтверждают версию о решающей роли военных поражений в начале революции. И уже совсем странно видеть в Русско-японской войне причины октябрьского и последующих всплесков революции. **Революция 1905–1907 гг. имела прежде всего внутренние, социальные причины, и первойшая из них – положение рабочего класса.** Это положение было связано с аграрным кризисом, но он, как мы видели, являлся не единственной причиной проблем.

В начале XX века основные кризисы, с которыми столкнулась страна, принято было называть «вопросами». Основными причинами начала революций в 1905 и 1917 гг. стали рабочий и аграрный вопросы, отягощенные также национальным вопросом (проблемой развития различных этнических культур в многонациональном государстве в условиях модернизации) и отсутствием эффективной обратной связи между властью и обществом (проблема самодержавия).

Была ли в конце 1904 – январе 1905 г. у самодержавия возможность избежать революции, проведя межформационную реформу? Возможно. Однако вполне закономерно, что правящая в то время бюрократия с ее социальной базой, воспитанием и идеологией этим шансом не воспользовалась.

Трагическая неспособность пойти на диалог с рабочим движением 9 января 1905 г. привела к катастрофе, которая прежде всего подрывала легитимность самодержавия в глазах городских слоев. Никто не заставлял власть устраивать эту бойню. Или во всем опять виноваты хитрецы из «контрэлиты»?

Миронов, в ходе этой дискуссии увлекшийся теорией заговора, считает, что «разрушение идеологических основ империи произошло не стихийно, а было тщательно и умело осуществлено оппозицией в борьбе за власть»¹¹³. Я еще понимаю, что оппозиция воспользовалась недовольством масс. Но она не могла быть причиной этого недоволь-

¹¹³ *Миронов Б. Н.* Развитие без мальтузианского кризиса... С. 290.

ства. И уж во всяком случае не оппозиция приняла решение разгонять массы населения войсками 9 января.

Солидаризируясь со сторонниками теории заговора применительно к событиям 1917 г., Миронов обосновывает свою позицию публикацией С. В. Куликова, в которой вроде бы «приводятся новые данные», подтверждающие, что в ходе Февральской революции был осуществлен план переворота А. И. Гучкова и его сотрудников¹¹⁴. Но эта «сенсация» не убедила оппонентов Миронова, ведь на поверку оказалось, что «новые данные» – это гипотетические рассуждения социал-демократа Н. И. Иорданского о возможности такого заговора¹¹⁵. Очень хрупкое основание для объяснения революционного процесса.

Надо сказать, что в итоге дискуссии Миронов занял более взвешенную позицию. Отвечая А. В. Островскому (которого он в свою очередь критикует за приверженность теории заговора, правда, применительно совсем к другим темам), он так пишет о причинах революции: «Модернизация протекала неравномерно, в различной степени охватывая экономические, социальные, этнические, территориальные сегменты общества; город больше, чем деревню, промышленность больше, чем сельское хозяйство. Наблюдались побочные разрушительные последствия в форме роста социальной напряженности, девиантности, насилия, преступности и т.д. На этой основе возникали серьезные противоречия и конфликты. Рост экономики стал дестабилизирующим фактором даже в большей степени, чем стагнация, так как вызвал изменения в ожиданиях, образцах потребления, социальных отношениях и политической культуре, которые подрывали традиционные устои старого режима. Если бедность плодит голодных, то улучшения вызывают более высокие ожидания. Военные трудности после длительного периода повышения уровня жизни также послужили важным фактором революции.

Таким образом, именно высокие темпы и успехи модернизации создавали новые противоречия, порождали новые проблемы, вызывали *временные и локальные кризисы, которые при неблагоприятных обстоятельствах перерастали в большие, а при благоприятных могли бы благополучно разрешиться*. Революции на фоне бесспорных успехов модернизации — один из главных и принципиальных выводов книги... Общество, находящееся в процессе трансформации от традиционализма к современности, является хрупкой структурой вследствие болезненности перестройки и роста напряженности и конфликтности. Серьезные испытания переносятся с трудом, и при перенапря-

¹¹⁴ Там же. С. 341.

¹¹⁵ Нефедов С. А. Россия в плену виртуальной реальности. С. 361.

жении сил возможна революция как откат в прошлое или как прыжок в будущее»¹¹⁶.

Этот взгляд уже вызывает куда меньше возражений и показывает, что дискуссия благотворно сказалась на позиции либеральной историографии. Спасительные «благоприятные обстоятельства» не явились, кризисы разрослись и погубили «хрупкую структуру». Уже одно это показывает, насколько противоречив «принципиальный вывод» о «бесспорных успехах». Успехи были, но, мягко говоря, спорные, противоречивые и «болезненные». Однако в своей книге Миронов упорно сдвигает акценты в оптимистическую сторону. В этом оптимизме есть актуально-политический смысл: «Если цель всех социальных изменений состоит в том, чтобы улучшить жизнь людей, модернизацию имперской России следует признать успешной, несмотря на все издержки. Это дает основания для исторического оптимизма, который тем более оправдан, что самых впечатляющих успехов Россия добилась в 1861–1914 гг. – после Великих реформ, в условиях рыночного хозяйства и относительной гражданской и экономической свободы. Примерно в таких обстоятельствах наша страна находится в настоящее время, и ничто не мешает ей повторить успех 150-летней давности – занимать в течение длительного времени первое место в Европе по темпам экономического роста и общего развития»¹¹⁷. При всем скептическом отношении к «общему развитию» нынешней РФ все же в XXI веке у нас пока не было ничего подобного голоду 1891 г., баррикадных боев в крупных городах и прочих черт «общего развития» Российской империи.

Раз дела у империи обстояли оптимистично, а кончилось все крахом, значит, кто-то подставил подножку России, бодро шагавшей в светлое завтра. В своей книге Миронов придает тайным политическим пружинам, «PR-кампании» либералов значение решающего фактора революции, ссылаясь при этом то на домыслы потерпевших крах царских чиновников, то на современных публицистов (вроде памфлета Н. Старикова «Не революция, а спецоперация!»)¹¹⁸.

Дискуссия, таким образом, показала однобокость оценки причин революции обеими сторонами. Нефедов видит эти причины в активности недовольного своей жизнью (в том числе и голодающего) крестьянства, а Миронов – в сознательных действиях либеральной интеллигенции. **Между тем революция не могла бы состояться, если бы действовала лишь одна из этих сил. Более того, и вместе они не смогли бы совершить революцию без рабочего класса.**

¹¹⁶ <http://bmironov.spb.ru/sochist.php?mn=2&lm=1&lc=art24/>. Дата обращения: 01.08.2012 г.

¹¹⁷ *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 690.

¹¹⁸ Там же. С. 665–666.

В споре о причинах революций в России нужно различать причины событий 1905 и 1917 гг. Причины первой революции более очевидны (в том числе и с учетом дискуссии) – это прежде всего рабочий, затем аграрный и в меньшей степени национальный вопросы, а также конфликт «общества» и «власти», то есть стремление к демократии части населения во главе с интеллигенцией. Сохранились ли эти причины после революции 1905–1907 гг.? Несмотря на поражение радикалов, революция привела к важным сдвигам. Во-первых, в Российской империи самодержавие впервые было ограничено законодательными органами власти. Во-вторых, были провозглашены и частично соблюдались гражданские права и свободы. В-третьих, рабочие получили право создавать свои организации – профсоюзы, – которые отстаивали права пролетариев в борьбе с предпринимателями. В-четвертых, государство пошло на уступки и крестьянам – с 1906 г. отменили выкупные платежи, которые крестьяне вынуждены были платить, начиная с реформы 1861 г. В этом же году правительство Столыпина приступило к аграрным реформам. Сняли ли эти достижения перспективу новой революции?

Народники и столыпинисты

К сожалению, Миронов пошел по пути политизации дискуссии, бросив Нефедову обвинение в марксизме-ленинизме. Это уже само по себе должно было бы доказать ненаучность позиции оппонента, потому что «ленинская схема» является «классовой, идеологизированной и политизированной»¹¹⁹ (хотя в данном эпизоде идеологизированность проявил скорее Миронов). По мнению Миронова, вместо того чтобы, как и пристало добропорядочному мальтузианцу, указывать на демографические факторы и этим ограничиваться, Нефедов пишет также о половинчатости крестьянской реформы 1861 г., феодальном по происхождению крупном землевладении, голодном экспорте, в результате чего «крестьяне буквально беднели, голодали и вымирали», что свидетельствует об «экзистенциальном кризисе» – главной причине революций начала XX века.¹²⁰

При этом Миронов не ссылается ни на какие-то работы Ленина, ни на единую его цитату, поэтому непонятно, что именно марксистско-ленинское нашлось в работах Нефедова. Это оказалось загадкой и для самого Нефедова: «Да позволено будет спросить: а что, не было ни крестьянских волнений, ни голодовок, ни недоимок, не было

¹¹⁹ *Миронов Б. Н.* Ленин жил... С. 132.

¹²⁰ Там же. С. 114–115.

обезземеливания, социального расслоения, истощения почвы? Все это придумали марксисты-ленинцы с целью совершить октябрьский переворот? Вообще-то все эти явления наблюдались – и это банальная истина, которую можно найти в десятках немарксистских работ – от книг лидера кадетов А. А. Кауфмана до вполне официальных Материалов высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния сельского населения»¹²¹.

Если бы Миронов обратился к главному труду Ленина по обсуждаемой теме – «Развитие капитализма в России», он обнаружил бы там, например, такой вывод: «Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка... Целый ряд ошибок народнических писателей истекает из их попыток доказать, что это непропорциональное, скачкообразное, азартное развитие не есть развитие»¹²². Вообще-то точка зрения Ленина на проблему модернизации России, пожалуй, ближе к позиции Миронова, чем Нефедова.

Не случайно энергично солидаризировавшийся с Мироновым Давыдов, углубляя политизацию полемики, в этом вопросе занял прямо противоположную позицию и стал искать истоки аргументов Нефедова уже в народничестве: «Невольно создается впечатление, что значительную часть аргументации своих тезисов С. А. Нефедов почерпнул из дореволюционной народнической публицистики и литературы и советской историографии соответствующего спектра». Советская историография народнического спектра – это уже интересно, но настоящие открытия ждут нас дальше: «Идея бедствия крестьян из-за малоземелья, в котором виновато правительство, определяла все остальные построения народнической мысли, да и большей части российского общества в целом»¹²³. Разумеется, были у народников не только их специфические «построения мысли», но и взгляды, роднившие их с «большой частью российского общества в целом». Такие взгляды не являются специфически народническими и «определявшими все остальные построения». В основе идеологии народничества лежит и многое другое: общинный социализм, стремление к освобождению личности, из которой вытекает и борьба с самодержавием. Борьба с помещичьим землевладением – тактическая задача, которая должна быть решена на

¹²¹ Нефедов С. А. А при чем здесь Ленин. С. 136.

¹²² Ленин В. И. ПСС. Т. 3. С. 597–598.

¹²³ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 225.

пути к главной цели – социализму. Об этой цели писал основоположник народнической идеологии А. И. Герцен: «Мы русским социализмом называем тот социализм, который идет от земли и крестьянского быта... от общинного владения и общинного управления... навстречу той экономической справедливости, к которой стремится социализм вообще и который подтверждает наука»¹²⁴. Аналогичные мысли можно найти и у других авторитетных идеологов народничества от Лаврова до Михайловского.

Давыдов позиционирует себя как человек, который в отличие от его оппонентов профессионально занимается этой эпохой. Таким образом, он пытается поставить Нефедова в положение оппонента второго сорта: «Тому, кто не занимается профессионально пореформенной эпохой, чрезвычайно трудно представить степень политизированности общества того времени»¹²⁵. Думаю, что Давыдов напрасно беспокоится – постоянно сталкиваясь с политизацией в научных спорах нашего времени, мы как-нибудь выдержим и политизацию столетней давности – благо, научный метод критики идеологической тенденциозности применим к обеим эпохам. Но лично я как читатель обрадовался, что можно будет узнать аргументы истинного профессионала – специалиста в области перевозки продовольствия. Перевернув страницу и пролистав статью далее, я обнаружил, что речь продолжает идти все о том же народничестве (как раз предмете моих изысканий). Что же – тоже интересно, и, посвятив столько места этой теме, как истинный профессионал, Давыдов должен был обратиться к текстам самих народников. Но этого я ожидал напрасно: критик народничества судит о нем по пересказам противников народничества и социализма вообще (цитируя не народников, а противников социализма Н. Макарова и К. Головина, которые, признаться, характеризуют сей предмет карикатурно и противоречиво). Эти противоречия в понимании критиков народничества Давыдов характеризует как свидетельство... неискренности народничества – эти хитрые народники

¹²⁴ Герцен А. И. Собр. соч. М., 1954–1966. Т. 19. С. 193.

¹²⁵ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 225. Профессионализм Давыдова простирается вообще очень широко, что было бы похвально, если бы он подкреплял смелые выводы в области истории СССР какими-то аргументами или хотя бы ссылками. Так, он надеется внести свой вклад в решение сложной проблемы оценки числа жертв голода 1932–1933 гг., но не объясняет, почему ему больше нравятся цифры 7–8 млн, а не 5 или 10 (С. 260). Давыдов претендует и на роль исследователя связи войны в Афганистане и распада СССР (С. 273), но из его текста трудно понять, чем эта связь аргументируется, в чем определено заключается и каким образом доказывает не самую убедительную мысль Давыдова о причинах революции 1905–1907 гг. И все это богатство профессиональных во всех отношениях суждений призвано доказать непрофессионализм и неубедительность точки зрения Нефедова, рассуждающего по крайней мере конкретной.

совсем запутали противников социализма, утверждая вещи, которые расходятся с концепцией Нефедова, мол, «деревня не умирает», «деревня не разлагается»¹²⁶. Ведь именно эту народническую ересь проповедует не Нефедов, а Миронов, а его отождествлять со зловредными народниками Давыдову никак не хочется. В общем, чтобы как-то объяснить эти несоответствия в своей линии нападения, Давыдов обвиняет народников в «двуличии».

Конечно, и в народнической публицистике, и в консервативной или либеральной можно найти немало глупостей. На то она и публицистика. Поэтому для характеристики идейных течений, их отличий друг от друга корректнее обращаться к авторитетным идеологам этих направлений. Увы, в статье Давыдова мы не находим даже цитат с глупостями из народнической публицистики – только из либеральной и консервативной. В ней народники предстают врагами железных дорог как «пагубного дара буржуазной цивилизации» (цитата не из народников, а из монархиста Головина), в то время как народников не устраивало, что Россия является сырьевым придатком капиталистических стран, и, соответственно, они критиковали вывозное направление железных дорог. Тот же Головин так характеризовал взгляды народников: «Пусть урожаи будут низки, пусть русское производство сохранит свое теперешнее однообразие, и у русского мужика не окажется свободных денег, – лишь бы он был сыт и твердо сохранился у него старинный общинный уклад, – об остальном заботиться нечем»¹²⁷. Здесь верно только одно: «лишь бы он был сыт». Это «лишь бы» отличает народников и от либералов, и от консерваторов, и от марксистов. Но ни Давыдов, ни Головин не обнаружили цитат, где идеологи народников выступали бы за снижение урожая, консервацию существующей в Российской империи структуры производства и даже консервацию общины в ее нынешнем виде.

¹²⁶ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 226. Трудности, которые Давыдов испытывает в понимании логики народничества, и нежелание знакомиться с их текстами не мешают ему доводить взгляды анонимных авторов народнической публицистики до абсурда, в чем он сам откровенно и признается, считая, что в данном случае довести до абсурда – это тоже, что довести до логического конца (С. 235). Хотя это, конечно, не одно и то же. То у Давыдова народники строят все свои теории на малоземелье крестьян, то, доведя их взгляды до абсурда, он утверждает, что главной и «чуть ли не единственной» (хорошо хоть, что «чуть») причиной недоедания народники считают голодный экспорт. Так малоземелье или экспорт? Не лучше ли было обратиться к цитатам самих народников? Следуя за Давыдовым, Миронов продолжает выдвигать абсурдные обвинения против народников (тоже, разумеется, без цитат). Он считает, что, удлинив срок выкупа и ограничив свободу передвижения крестьян, правительство осуществляло меры, о необходимости которых «твердила» народническая интеллигенция (С. 286). Достаточно напомнить, что народники выступали вовсе против выкупа, за ликвидацию помещичьей собственности на землю без выкупа.

¹²⁷ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 236.

Народнический идеолог Н. К. Михайловский обрушивался на идеализацию общины: «Идеализация мужика есть не только ложь, но ложь особенно вредная. Изображение приятных во всех отношениях мужиков и баб, когда-то бывшее у нас в моде, возможно только там, где изображаемый мужик и изображающий писатель находятся за тридевять нравственных земель друг от друга»¹²⁸. Эта критика не означает отказа от поиска именно в народной среде принципов будущего общественного устройства, которое должно соответствовать народной психологии: «Что мужик сплошь и рядом живет по-свински – в этом не может быть никакого сомнения, да и странно бы было, если бы этого не было. Но каждый порядочный мужик имеет в своем распоряжении полную систему Правды, хотя и в смутном, зародышевом состоянии, или ищет ее – это тоже несомненно»¹²⁹.

К тому же либеральная альтернатива общинному коллективизму еще дальше от всеобъемлющей свободы: «Скажет: община стесняет свободу личности. Это старая сказка. Что такое свобода, независимость, длинная инициатива? Для практиков это устланный розами путь в бездонную пропасть... Свободен ли безземельный наемник, брошенный на произвол стихийного, т.е. бессмысленного и безнравственного закона спроса и предложения труда?.. Личная инициатива возможна в экономическом порядке вещей только для собственника. Бойтесь же прежде всего и больше всего такого общественного строя, который отделит собственность от труда. Он именно лишит народ возможности личной инициативы, независимости, свободы»¹³⁰. Личная свобода без социально-экономической – просто фикция, по мнению Михайловского и других народников. Но и хозяйствование без личной свободы – та же животная беспросветность. «В ней нет свободы, а без свободы всякое общественное движение немыслимо»¹³¹, – писал М. А. Бакунин об общине. Но это не мешало ему считать общинную организацию моделью социалистического устройства, а русский народ – стихийным социалистом. Общину необходимо было во что бы то ни стало соединить с сознательной свободой культурно развитой личности.

Герцен писал об общине: «Ее экономический принцип – полная противоположность знаменитому положению Мальтуса: она предоставляет каждому место за своим столом»¹³². Народники искали спасения России от социальных проблем, включая мальтузианские, не в общине как реальности, а в общине как модели.

¹²⁸ Михайловский Н. К. ПСС. Т. 10. СПб., 1911–1914. Стб. 797.

¹²⁹ Там же. Т. 4. Стб. 405.

¹³⁰ Утопический социализм в России. М., 1985. С. 479.

¹³¹ Цит. по: Пирумова Н. М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. М., 1990. С. 190.

¹³² Утопический социализм... С. 400.

Народники не были противниками технического прогресса как такового, их не устраивала капиталистическая форма его осуществления. Михайловский писал о возможностях, которые открывала перед человечеством «система наибольшего производства»: «Пока система наибольшего производства только освобождала личность, разбивая узы цехов и монополий, на нее возлагались всяческие надежды, а по мере того, как стал обнаруживаться ее двусмысленный характер, ее стремление заменить одни узы другими – надежды стали ослабевать. Старые узы оказались в некоторых отношениях сноснее новых потому, что они все-таки гарантировали личность от бурь и непогод. Явилась мысль применить их старые принципы к требованиям нового времени...»¹³³ То есть народники не зовут назад, они просто предлагают в условиях «нового времени» использовать и все полезное, что можно унаследовать от прошлого.

Н. Рusanов, подытоживая народнические исследования экономического развития, утверждал: «капитализм развивается у нас почти исключительно как форма эксплуатации (ростовщической, кулацкой, скупщицкой), а не как форма национального производства...» Крупные промышленные центры существуют лишь в нескольких местах, говоря современным языком – анклавах. Когда крестьянин разоряется, он, вопреки марксистской схеме, обычно направляется не на фабрики, а «бредет куда попало»¹³⁴. Народнический экономист критикует не фабрики, а российский капитализм.

Давыдов видит причины кризиса экономической системы в государственном патернализме, боязни просвещения со стороны власти и в искусственном сохранении и поддержании общинных отношений в деревне¹³⁵. В двух первых пунктах он идет вслед народникам, которые также выступали против государственной опеки (а частью были просто анархистами) и жаждали просвещения, много делали для него, встречая сопротивление самодержавия. Так что принципиальное разногласие между народничеством и либерализмом (в данном случае в лице Давыдова) одно – народники выступали против искусственного разрушения общины в интересах капитализма.

Еще одна претензия Давыдова: «Народническая интерпретация проблемы потребления российской деревни в отечественной историографии, в русле которой идет С. А. Нефедов, попросту игнорирует

¹³³ Михайловский Н. К. ПСС. Т. 1. Стб. 440.

¹³⁴ Блохин В. На переломе. 1881–1904. Н. К. Михайловский в идейно-политической борьбе в 80–90-е годы XIX века. Исторические этюды. М., 2004. С. 191.

¹³⁵ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 262. Еще Давыдов высоко ценит кооперацию, что также сближает его с народниками.

наличие в стране продовольственной системы, гарантирующей нормальное питание населения в голодные годы»¹³⁶.

Но дело в том, что народники были современниками этой «гарантирующей» системы, и им был известен «секрет Полишинеля» – она ничего не гарантировала. Ведь эта система существовала и в 1891 г., но не спасла крестьян от голода. Или считать питание голодающих крестьян «нормальным»?

Позднее ситуация несколько улучшилась, но даже после 1905 г. и начала столыпинских реформ часть крестьянства голодала, и система государственной помощи, как мы видели, была недостаточна.

Впрочем, когда Давыдову нужно выяснить, как обстояли дела в сельском хозяйстве, а не в выдуманном «народничестве», он обращается к народническому автору Н. П. Огановскому и вполне с ним соглашается.

Чтобы бросить дополнительную тень на социалистический плен, Давыдов пытается увязать социалистические идеи и политику самодержавия. Он сетует, что «в литературе пока недостаточно освещен вопрос о том, что социализм был некоторым образом привлекателен и для тогдашней бюрократии, поскольку открывал для нее принципиально новые возможности для усиления ее роли в стране»¹³⁷. Да уж, тяжело искать черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Зато теснейшая связь либеральных государственников и «тогдашней бюрократии» вполне на свету¹³⁸. Надо как-то переложить с больной головы на здоровую. Впрочем, историография сделала, что смогла, подробно исследовав вопрос о «полицейском социализме»¹³⁹. Результаты этого куцевого псевдосоциалистического эксперимента оказались плачевными для государственных мужей: самодержавие с ужасом отшатнулось даже от умеренных социалистических проектов. Неприятие социализма консервативной бюрократией понятно – в то время социализм был неотделим от демократических идей, и проекты вроде лассальянского могли осуществляться только при условии существенного изменения чиновничьих кадров, что вызывало ужас в бюрократических кругах.

Идеолог неонароднической партии эсеров В. М. Чернов писал о ее программе: «П.С.-Р. предостерегает рабочий класс против того «государственного социализма», который является отчасти системой полумер для усыпления рабочего класса, отчасти же своеобразным государственным капитализмом, сосредотачивая различные отрасли

¹³⁶ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 249.

¹³⁷ Там же. С. 264.

¹³⁸ См., например, Олейников Д. И. Указ. соч. С. 214–215.

¹³⁹ См., например, Каторнин В. Указ. соч. ; Ксенофонтов И. Н. Указ. соч. С. 26–40; Пазин М. Указ. соч. С. 17–23.

производства и торговли в руках правящей бюрократии ради ее фискальных и политических целей»¹⁴⁰.

Однако при всей, скажем так, публицистической и идеологической заостренности публикации Давыдова с ним можно согласиться в очень важных положениях: «Потенциал Великих реформ в большой степени был исчерпан, притом будучи использован далеко не полностью. Лишь в эпоху Александра III началась масштабная индустриализация. При этом на фоне пресловутого роста экспорта хлеба из России к концу XIX в. в сельском хозяйстве ряда регионов страны нарастали кризисные явления. Их концентрированным выражением стали участвовавшие неурожайные годы и голод 1891 г. Это был своего рода суммарный индекс, который говорил о неэффективности той модели развития народного хозяйства, которая установилась после 1861 г., и о том, что его пореформенная эволюция заводит и отчасти уже завела сельское хозяйство в тупик»¹⁴¹.

Мы должны быть благодарны Давыдову за то, что своим негодованием он ярко выявил значение народнической альтернативы столыпинскому пути развития России. Своими резкими суждениями на этот счет апологет Столыпина еще раз подтвердил, что вовсе не марксизм, а именно народнический взгляд на вещи несет наибольшую угрозу столыпинскому мифу. Ведь именно народники (эсеры) предложили демократическую альтернативу модернизации общины, которая сочеталась с передовыми агротехническими тенденциями в самой общине.

Итак, кредо народников связано с общиной, и это важно для нашей темы. Ибо вокруг общины шли споры о стратегии выхода из кризиса, в котором оказалась Россия.

Община («мир») – самоуправляющаяся организация крестьян деревни. Общинное самоуправление, время от времени проводившее переделы земли, выделяло новую землю для подрастающих поколений крестьян, обеспечивало более равномерное распределение оставшегося в руках крестьян небольшого количества земли между членами общины и возможность выпаса скота на общинных угодьях. Считается, что в результате переделов снижалась заинтересованность крестьян в улучшении качества земли. В 1893 г. было запрещено проводить переделы земли в общине чаще, чем в один раз в 12 лет. Это решение не имело принципиального значения, так как в действительности переде-

¹⁴⁰ Партия социалистов-революционеров. С. 278.

¹⁴¹ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 262.

лы, как правило, проводились еще реже, а в некоторых губерниях почти прекратились. Однако и в этих случаях община сохраняла свое значение как структура самоуправления и распорядитель земли общего пользования (например, лугов). Там, где крестьяне считали нужным, они обменивались землей в промежутке между большими переделами (это называлось «скидки-накидки»).

Либеральные авторы обычно указывают на общину как на важнейшее объяснение проблем сельского хозяйства. Даже таких: «В меру своего распространения и в соответствии со степенью уравнилельно-передельных функций земельная община искусственно накапливала сельское население, тормозила внутреннюю миграцию и задерживала колонизацию пустынных окраин. В этом, повторяю, главное и далеко не изжитое еще зло, которое принесла русскому народному хозяйству земельная община»¹⁴². Либеральный критик общины не объясняет, однако, почему на эти окраины не двинулись широким потоком крестьяне, живущие вне общины? Да и как бы им двинуться, не имея к тому средств? И почему значительная часть тех, кто осваивал окраины и уходил в города, были как раз общинниками?

Не община держала крестьян в земельной тесноте, а помещичья и государственная земельная собственность, низкий уровень агротехнической грамотности, бедность, не позволявшая перемещаться на дальние расстояния, и отсутствие условий для того, чтобы вести там, вдалеке, успешное хозяйство, отсутствие достаточного количества социальных ниш в городах. Одним словом – вся система аграрных отношений, сложившаяся после 1861 г. и включавшая общину как один из элементов.

Критика общины связана прежде всего с переделами земли, нарушающими священное право частной собственности, без которого для либерала эффективное хозяйство вряд ли возможно. При этом треть бывших помещичьих крестьян перешла на подворное землевладение, и там переделы были остановлены. В 46 губерниях, за исключением казачьих земель, в 1905 г. на общинном праве земель владели 8,7 млн дворов с 91,2 млн десятин. Подворное владение охватывало 2,7 млн дворов с 20,5 млн десятин и преобладало в западных губерниях. В Центральном промышленном районе, на Нижней Волге, в Заволжье и Новороссии преобладало общинное землевладение, но исследователи отмечают, что «здесь община не имела вековых традиций и не отличалась прочностью»¹⁴³. Насчет

¹⁴² Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 117.

¹⁴³ Зырянов П. Н. Поземельные отношения в Русской крестьянской общине во второй половине XIX – начале XX века // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 154.

прочности есть основания усомниться. Ведь община здесь пережила столыпинские реформы. Более того, именно здесь развернулось, например, массовое махновское движение, в ходе которого крестьяне недвусмысленно выступали против частной собственности на землю. Так, на II съезде повстанцев, рабочих и крестьян в феврале 1919 г. они постановили: «Исходя из принципа, что «земля – ничья» и пользоваться ею могут только те, которые трудятся на ней, кто обрабатывает ее – земля должна перейти в пользование трудового крестьянства Украины бесплатно по норме уравнительно-трудовой, т.е. должна обеспечивать потребительную норму на основании приложения собственного труда»¹⁴⁴.

Подворное землевладение не было более экономически прогрессивным, чем общинно-передельное, там также была развита чересполосица, «поземельные отношения отличаются здесь еще большей запутанностью, чем в общинной деревне. Переход от традиционного трехполья к более совершенным севооборотам для подворной деревни был даже более труден, чем для общинной»¹⁴⁵. К тому же община определяла сроки сева и уборки, что было необходимо в условиях мало-земельной тесноты.

«Даже чересполосица, возникавшая при переделах и сильно мешавшая крестьянскому хозяйству, преследовала всю ту же цель ограждения его от разорения и сохранения в нем наличной рабочей силы. Имея участки в разных местах, крестьянин мог рассчитывать на ежегодный средний урожай. В засушливый год выручали полосы в низинах и лощинах, в дождливый – на взгорках»¹⁴⁶, – пишет исследователь общины П. Н. Зырянов.

Когда крестьяне не хотели проводить переделы, они были вольны их не делать. Община вовсе не была каким-то «крепостным правом», она действовала демократически. Переделы происходили не от хорошей жизни. Так, по мере усиления земельной тесноты в Черноземье вернулись земельные переделы, которые там почти прекратились в 1860–1870-е гг.¹⁴⁷

Говоря о роли общины в хозяйственном развитии, следует помнить, что она способствовала распространению трехполья, причем ей «приходилось вступать в противоборство со стремлением некоторых хозяев, захваченных ажиотажем рынка, «выжать» из земли наибольшую прибыль. Ежегодное засеивание всей пахотной земли, даже очень пло-

¹⁴⁴ Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921. Документы и материалы. М., 2006. С. 90.

¹⁴⁵ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 155.

¹⁴⁶ Там же. С. 159.

¹⁴⁷ Там же. С. 164–165.

дородной, приводило к ее истощению»¹⁴⁸. Также община содействовала внедрению органических удобрений, не только учитывая унавоживание почвы при переделах, но и требуя от общинников «землю удобрять назьмом»¹⁴⁹. Некоторые общины с помощью земских агрономов переходили к многополью и травосеянию¹⁵⁰.

Итак, недостатки общины нередко преувеличиваются её критиками, у нее есть свои социально-экономические достоинства. Народники отталкивались от этого в своих дальнейших размышлениях о возможности преодолеть проблемы страны с учетом экспорта.

Преодолеть аграрный голод можно было, только решив две задачи: вывести из села в город и трудоустроить там лишнее население и в то же время увеличить производительность труда настолько, чтобы оставшиеся на селе работники могли обеспечивать продовольствием все население страны. Вторая задача требовала не только социальных изменений, но и технико-культурной модернизации. Она по определению не могла совершиться быстро, и даже при условии оптимальных социальных преобразований на селе для последующего скачка производительности труда требовалось время. Во второй половине XIX в. это время у России еще было, а в начале XX в. уже нет – революционный кризис надвигался быстрее.

В условиях острой нехватки земли для решения аграрной проблемы требовалась фора по времени, и ее мог дать раздел помещичьих земель, за который выступали левые силы. Но долгосрочного решения проблемы не мог гарантировать ни он, ни переселенческая политика, для которой в реальности в России были очень небольшие возможности.

Народнический автор Огановский, оценивая результаты раздела помещичьих земель после революции 1917 г., утверждал, что уже до нее крестьяне контролировали половину бывших помещичьих земель в виде купчей и арендованной. В результате раздела земель надел на одного едока увеличился с 1,87 до 2,26 десятины – на 0,39 десятины, а без учета арендованной – 0,2¹⁵¹. Это означает расширение крестьян-

¹⁴⁸ Там же. С. 169.

¹⁴⁹ Там же. С. 172.

¹⁵⁰ Там же. С. 174.

¹⁵¹ *Давыдов М. А.* Указ. соч. С. 238. Давыдов считает, что эти данные должны как-то опровергнуть аргументацию Нефедова. Но добавка 21% земли при одновременном освобождении от арендных платежей – это существенная прибавка. А ведь крестьяне ценой огромных усилий до революции еще выкупили около половины помещичьей земли.

ских наделов на 21% (11% без учета арендуемой земли) при одновременном снятии прессы арендных платежей. Это – заметное улучшение, учитывая, что размеры излишков рабочей силы сопоставимы с ним. Уровень жизни крестьян явно выигрывал от отмены арендных платежей и расширения наделов, пусть и скромного. Аграрные проблемы России это не снимало, но давало «передышку», которую можно было использовать для решения задач интенсификации производства (как, собственно, рассчитывали сделать народники). У Столыпина не было возможности получить такую передышку, так как он стоял на страже помещичьей собственности. Кстати, Миронов считает ошибкой Временного правительства отказ от быстрого распределения помещичьих земель¹⁵² (и с этим трудно не согласиться), но не признает ту же ошибку за Столыпиным.

Синтез идеи раздела помещичьих земель и переселенчества предлагали эсеры с их идеей социализации земли. Отмена сложившейся в начале XX в. частной собственности на землю позволяла бы осуществить более равномерное расселение крестьянства, более рациональную внутреннюю колонизацию, которая имела свои преимущества по сравнению с перемещением на дальние расстояния, в непривычные климатические зоны, которым занималось царское правительство.

Программа ПСР формулировала этот план так: «Социализованная земля поступает в распоряжение центральных и местных органов народного самоуправления, начиная от демократически организованных бессословных сельских общин и кончая государством (расслоение и переселение, заведование резервными земельными фондами и т.д.). Пользование социализованной землей должно быть уравнилительно-трудовым, т.е. обеспечивать потребительную норму при условии приложения собственного труда единолично или в товариществе при обращении рентных доходов путем обложения на общественные нужды; при переходе пользования землей от одного лица и группы к другим устанавливается вознаграждение за произведенные улучшения в земле. Земля переходит в общественную собственность без всякого выкупа; за пострадавшими от этого имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым хозяйственным условиям»¹⁵³.

В дальнейшем эти положения были конкретизированы эсерами и превратились в 1917 г. в подробнейшие планы аграрных преобразований. Было определено, как вычисляется земельная норма в зависимости от региона проживания крестьян, каким образом стимулировать

¹⁵² *Миронов Б. Н.* Благополучие населения... С. 668.

¹⁵³ *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 1. М., 1996. С. 277–278.

приближение к этим нормам различных по размерам хозяйств. Не углубляясь здесь в детали, обратим внимание на принцип, лежавший в основе эсеровского аграрного плана. Это – замена собственности владением. Земля требует обработки, и, как кормилица человека, она должна каждому дать место. Отсюда – право работника на получение собственной доли земли как места приложения труда, и отсутствие у хозяина права эксплуатировать чужой труд с помощью монопольного права на землю. Эсеры не стремились запрещать сезонные наемные отношения, как позднее большевики, но эсеровская реформа делала устойчивые капиталистические отношения невыгодными. Зачем быть батраком, если можно получить землю для своего хозяйства? Зачем расширять земельный участок, если придется платить за это? Не лучше ли интенсифицировать собственное хозяйство, расположенное на участке оптимального размера?

Идеолог эсеров Чернов был против полного закрепления земли не только за хозяевами, но даже за общинами. Общинная собственность могла привести к раздроблению земли между сельскими обществами, прикреплению к общине крестьян, желавших иметь доступ к земле. Гражданин России на всей ее территории должен был иметь возможность получить свою земельную норму. Аграрную проблему должно было решить не только общинное землевладение, но и внутренняя колонизация – перераспределение земли в масштабах всей страны. Это могло привести к некоторой сдвигке расслоения. Но распределение земли должно было определять не государство, а нормы права. Поэтому эсеры выступали против национализации земли.

Передача права верховного распоряжения землей государству создавала для бюрократии возможность злоупотребления при распределении этого ресурса. Чтобы избежать этой угрозы, и требуется тщательное определение в нормах права принципов распределения земли, дабы сам процесс в минимальной степени зависел от чиновника.

Эсеров не смущали возражения по поводу эффективности пользования «ничьей землей». Во-первых, крестьяне, объединенные в общины и органы местного самоуправления, найдут разные условия землепользования в зависимости от местных условий. А во-вторых, движение технологий к машинной обработке земли должно привести к превращению распределительного обобществления в производственное, в «коллективную обработку земли»¹⁵⁴. Чернов полагал, «что в смысле производства социализация земли еще не означает никакого коренного переворота. Производство, пользование землей остается индивидуаль-

¹⁵⁴ Чернов В. М. Указ. соч. С. 50; См. также: Лавров В. М. «Крестьянский парламент» России. (Всероссийские съезды советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996. С. 73.

ным. Социализация земли в деревне может, конечно, явиться прекрасным фундаментом для дальнейшей органической, творческой работы в духе обобществления крестьянского труда, развития кооперативного и общинного хозяйства и т.д.»¹⁵⁵.

План решения земельной проблемы в аграрном обществе был также моделью для решения рабочего вопроса в индустриальной системе: человек должен иметь доступ к рабочему месту и к управлению производством. Этот вопрос дискутировался эсерами, но общая позиция сформирована не была.

Значительное повышение производительности сельскохозяйственного труда, его техническая модернизация могли быть проведены тремя различными путями, за которые выступали противостоящие политические силы.

1. Разорение большинства крестьян и раздел их земли между более эффективными капиталистическими хозяйствами.

2. Переход земли к государственным хозяйствам, на которых бывшие крестьяне трудятся в качестве рабочих.

3. Кооперация и общинная самоорганизация крестьян, позволяющая оптимизировать распределение земли, сбыт продукции, внедрять технику и в перспективе, если это сочтут нужным члены общин и кооперативов, перейти к коллективной обработке земли.

Проект капиталистической модернизации российского села через разрушение общины осуществлялся в ходе реформ премьер-министра П. А. Столыпина. Насколько его реформы позволяли выйти из социально-экономического кризиса, миновав дальнейшие революционные потрясения?

Реформы Столыпина сразу же вызвали острые споры, которые не прекращаются до сих пор. Оценки этих преобразований во многих случаях зависят от политических взглядов оценивающего. С одной стороны, Столыпин – столп принципа частной собственности, с другой – государственного порядка. Настоящий идеал для современной господствующей элиты.

С 1909 г. экономика России росла вплоть до войны, которая «все сорвала». Впрочем, это очень недолго (1909–1914 гг.), не дольше, чем обычный экономический цикл роста, и нет никаких доказательств, что такой «стольпинский цикл» мог длиться дольше, и уж тем более – 20 лет. Второй вопрос, который невольно закрадывается при обсужде-

¹⁵⁵ Чернов В. М. Указ. соч. С. 29.

нии этого роста 1909–1914 гг., – а насколько он вообще был результатом именно столыпинской политики. Скорее уж – предвоенной гонки вооружений и очередного витка мировой экономической конъюнктуры, который после кризиса проявился бы в любом случае – и без Столыпина тоже.

Реформы Столыпина, проект которых был разработан в государственных структурах еще до его прихода к власти¹⁵⁶, были запущены в условиях революции. Историки указывают на неэкономические мотивы реформ: «К этому времени положение в деревне стало угрожающим, и в ликвидации общины правительство и помещичьи круги рассчитывали найти панацею от всех бед... Первоочередной, двуединой задачей реформы были разрушение крестьянской общины, придававшей крестьянским выступлениям определенную организованность, и создание крепкой консервативной опоры власти из зажиточных крестьян-собственников»¹⁵⁷. Община казалась и громоотводом от помещичьего землевладения, на которое демократы указывали как на истинную причину отсталости аграрной сферы.

9 ноября 1906 г. был принят указ, который (формально в связи с прекращением выкупной операции) разрешал крестьянам выделять свое хозяйство из общины вместе с землей. Указ Столыпина, подтвержденный законом 1910 г., поощрял выход из общины: «каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собою в собственность причитающейся ему части из означенной земли»¹⁵⁸. Если крестьянин продолжал жить в деревне, его участок назывался отрубом. В случае согласия общины участки крестьянина, разбросанные по разным местам, обменивались так, чтобы отруб стал единым участком. Крестьянин мог выделиться из деревни на хутор, в удаленное место. Земля для хутора отрезалась от угодий общины, что затрудняло выпас скота и другую хозяйственную деятельность крестьянского мира. Таким образом, интересы хуторян (как правило – зажиточных) входили в конфликт с интересами остального крестьянства.

Крестьяне беспеределных общин, где переделы земли не проводились после 1861 г. (подворники), автоматически получали право на оформление земли в частную собственность.

¹⁵⁶ См., например, *Чернышев И. В.* Аграрно-крестьянская политика за 150 лет. Крестьяне об общине накануне 9 ноября 1906 года. М., 1997. С. 305–309; Первая революция в России. Взгляд через столетие. С. 472.

¹⁵⁷ *Корелин А. П., Шацлло К. Ф.* П. А. Столыпин. Попытка модернизации сельского хозяйства России // Революция в начале века: революция и реформа. М., 1995. С. 23, 27.

¹⁵⁸ Цит. по: *Чернышев И. В.* Указ. соч. С. 322.

В деревнях, где крестьяне прежде уже прекратили переделы земли, почти ничего нового не произошло, а в селениях, где община была сильна и экономически оправдана, происходили конфликты между общинниками и выделившимися из общины крестьянами, на стороне которых выступали власти. Эта борьба отвлекла крестьян от действий против помещиков. Постепенно (уже после смерти Столыпина) реформа вошла в более спокойное русло. Если до реформы 2,8 млн дворов уже жило вне передельной общины, то в 1914 г. это число выросло до 5,5 млн (44% крестьян). Всего из общины вышло 1,9 млн домохозяев (22,1% общинников) с площадью почти в 14 млн десятин (14% общинной земли)¹⁵⁹. Еще 469 тыс. членов беспередельных общин получили акты на свои наделы¹⁶⁰. Было подано 2,7 млн заявлений на выход¹⁶¹, но 256 тыс. крестьян забрали свои заявления¹⁶². Таким образом 27,2% из тех, кто заявил о желании укрепить землю, не успели или не смогли этого сделать к 1 мая 1915 года¹⁶³. То есть даже в перспективе показатели могли увеличиться разве что на треть. Пик подач заявлений (650 тыс.) и выхода из общины (579 тыс.) приходится на 1909 год¹⁶⁴. **В общем, результат реформ Столыпина, как бы к ним ни относиться, весьма скромн.**

Наибольший процент вышедших – 40,3% – пришелся на южные губернии (Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Харьковская), но и там община устояла. В Черноземье и Поволжье вышло 22% общинников¹⁶⁵.

Из общины не стали выходить и 87,4% хозяев беспередельных общин¹⁶⁶. И это не удивительно. Сам по себе выход из общины, даже беспередельной, создавал для крестьян дополнительные трудности без очевидного немедленного выигрыша. Как пишет А. П. Корелин, «дело в том, что само по себе укрепление земли в личную собственность в хозяйственном плане не давало «выделенцам» никаких преимуществ, ставя общину зачастую в тупиковую ситуацию... Производство единоличных выделов вносило полное расстройство в земельные отношения обществ и не давало каких-либо преимуществ выходящим из общины, за исключением, может быть, желавших продать укрепленную землю»¹⁶⁷. Хозяева теперь мешали друг другу в работе из-за че-

¹⁵⁹ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 66.

¹⁶⁰ Корелин А.П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности. С. 283.

¹⁶¹ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 66.

¹⁶² Корелин А.П. Указ. соч. С. 283.

¹⁶³ Россия 1913 год. Статистико-документальный справочник. С. 66.

¹⁶⁴ С. 284.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Там же. С. 285.

¹⁶⁷ Там же.

респолосицы, возникали всё большие проблемы с выпасом скота, и приходилось больше тратиться на фураж, вынимая продовольствие из собственного рациона.

Преимущества должны были возникнуть при выделении на хутора и отруба, но этот процесс землеустройства в условиях малоземелья был очень сложен и куда более скромнен по масштабам. Пик заявлений о землеустройстве приходится на 1912–1914 гг., всего было подано 6,174 млн заявлений и землеустроено 2,376 млн хозяйств¹⁶⁸. На наделных землях создали 300 тыс. хуторов и 1,3 млн отрубов, которые занимали 11% наделных земель, а вместе с укрепившими землю подворниками – 28%¹⁶⁹.

Землеустроительный процесс мог продолжаться и дальше. К 1916 г. была закончена подготовка землеустроительных дел для 3,8 млн домохозяйств площадью 34,3 млн десятин¹⁷⁰. Но возможности улучшать положение крестьян даже с помощью такого межевания в условиях земельной тесноты оставались незначительными.

К тому же, «реформа натолкнулась на нежелание большей части финансовой бюрократии империи поддерживать и кредитовать то специфическое видение, которое предлагалось Столыпиным и его сторонниками»¹⁷¹.

Апологеты столыпинских реформ прежде всего стремятся представить их неким вторым изданием 1861 г., показать глубочайший и широчайший размах преобразований 1906-го и последующих годов: «По масштабам и громадности последствий столыпинская аграрная реформа выходила далеко за рамки сугубо сельскохозяйственной сферы, так или иначе затрагивая важнейшие стороны жизни как минимум 75% населения страны, воздействуя тем самым не только на экономическую составляющую модернизации, но также и на психологическую, культурную, социально-юридическую и т.д.»¹⁷². Просто восторг и эйфория. Но число затронутых «так или иначе» жителей России еще не объясняет нам всей «громадности последствий». Вот в наше время иногда меняют правила уличного движения, и это затрагивает почти всех жителей России, которые делятся на автомобилистов и пешеходов. Но, скажем прямо, глубина воздействия может быть невелика. У какого процента жителей России столыпинские реформы затронули именно «важнейшие стороны жизни», изменили их жизнь существенно? У «как минимум 75%»?

¹⁶⁸ Там же. С. 286.

¹⁶⁹ Там же. С. 287.

¹⁷⁰ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 268.

¹⁷¹ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми. Сельскохозяйственные кооперативы и аграрный район в России. 1861–1914 гг. М., 2006. С. 98.

¹⁷² Давыдов М. А. Указ. соч. С. 267.

Корелин комментирует попытки преувеличения масштабов столыпинских реформ: «Однако общее количество вышедших из общин дворов нельзя определять простым, механическим сложением числа домохозяев, вышедших из обществ по указу 9 ноября 1906 г. и закону 14 июня 1910 г. и землеустроившихся по закону 29 мая 1911 г. Поэтому приводимая рядом авторов цифра 60%, а то и более, явно завышена как за счет отнесения к выделившимся из общин всех членов беспредельных обществ (3,5–3,7 млн дворов), так и за счет зачисления в «выделенцы» всех подавших заявление о выделе или землеустройстве, а также за счет двойного учета части «укрепленцев» среди землеустроенных крестьян. С учетом этих оговорок удельный вес вышедших из общин, видимо, составлял 1/3 всех домохозяев»¹⁷³.

Но реально жизнь изменилась только у отрубников, хуторян и переселенцев, которые сумели наладить хозяйство. А это еще более скромная цифра.

Столыпинисты утверждают, что благодаря их кумиру аж 100 млн крестьян «должны были наконец сами решать, как им жить, не считаясь с тем, что думают на этот счет незнакомые им люди в Петербурге, Москве и других населенных пунктах»¹⁷⁴. Могли ли крестьяне действительно «решать, как им жить»? Крестьянин хочет жить на просторном участке в русском Черноземье. Но где здесь взять столько земли, чтобы на всех хватило? С самого 1861 г. у крестьян была возможность, выбиваясь из сил, прикупать землю, или уйти в город, или здесь на месте корчевать кусты, удобрять почву. Община не препятствовала этой хозяйственной свободе, не запрещала этого, а иногда и прямо поощряла агротехнические улучшения. Удар по общине не делал крестьян более свободными, потому что их свободу сковывал земельный голод.

«Можно предположить, что, освободившись от предпринимательских и пролетарских слоев, община несколько даже стабилизировалась». Она сохранилась в качестве «института социальной защиты» и сумела «обеспечить в определенной мере хозяйственный и агрикультурный прогресс»¹⁷⁵, – считают исследователи реформ Столыпина А. П. Корелин и К. Ф. Шацлло. Более того, «Немецкий профессор Аухаген, посетивший в 1911–1913 гг. ряд российских губерний в целях выяснения хода реформы, будучи ее приверженцем, все же отмечал, что община не является врагом прогресса, что она вовсе не противится применению усовершенствованных орудий и машин, лучших се-

¹⁷³ Корелин А. П. Указ. соч. С. 287.

¹⁷⁴ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 267.

¹⁷⁵ Корелин А. П., Шацлло К. Ф. Указ. соч. С. 30.

мян, введению рациональных способов обработки полей и т.д. К тому же в общинах к улучшению своего хозяйства приступают не отдельные, особенно развитые и предприимчивые крестьяне, а целиком вся община»¹⁷⁶.

«Накануне Первой мировой войны, когда в крестьянский обиход стали входить жатки, многие общества оказались перед вопросом: либо машины, либо прежняя мелкополосица, допускавшая только серп. Правительство, как мы знаем, предлагало крестьянам устранить чересполосицу путем выхода на хутора и отруба. Однако еще до столыпинской аграрной реформы крестьянство выдвинуло свой план смягчения чересполосицы при сохранении общинного землевладения. Переход на «широкие полосы», начавшийся в первые годы XX в., продолжился и позднее»¹⁷⁷, – пишет Зырянов.

Администрация оказывала противодействие этой работе, так как она противоречила принципам столыпинской реформы, решая проблему чересполосицы иначе и часто более эффективно – ведь «укрепленные» наделы мешали укрупнению, и власти запрещали его, даже когда сами хозяева наделов не возражали. «В приведенных случаях мы видим столыпинскую аграрную реформу с малоизвестной до сих пор стороны, – суммирует Зырянов. – Считалось, что эта реформа, несмотря на свою узость и, несомненно, насильственный характер, все же несла с собой агротехнический прогресс. Оказывается, что насаждался только тот прогресс, который предписывался в законах, циркулярах и инструкциях. Насаждался сверху, не очень считаясь с обстоятельствами (например, с тем, что не все малоземельные крестьяне готовы выйти на отруба, потому что это усиливало их зависимость от капризов погоды). А тот прогресс, который шел снизу, от самого крестьянства, чаще всего без колебаний пресекался, если он так или иначе затрагивал реформу»¹⁷⁸. Не случайно на Всероссийском сельскохозяйственном съезде 1913 г., собравшем агрономов, большинство остро критиковало реформу, например, так: «Землеустроительный закон выдвинут во имя агрономического прогресса, а на каждом шагу парализуются усилия, направленные к его достижению»¹⁷⁹. Земства в большинстве своём вскоре также отказали в поддержке реформе. Они предпочитали поддерживать кооперативы, основанные не на частной собственности, а на коллективной ответственности – как общины. И для центральных ведомств «кооперативы стали главной составляющей аграрной поли-

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 189.

¹⁷⁸ Там же. С. 191.

¹⁷⁹ Там же.

тики в период после 1910 г.»¹⁸⁰. Это стало косвенным подтверждением неудачи или по крайней мере недостаточности реформ, направленных на укрепление именно частной собственности.

С точки зрения апологетов столыпинских реформ, они были призваны повысить благосостояние крестьян, избавив их «от гнета общины»¹⁸¹ (гнет помещиков с их арендными платежами, не говоря уже о гнете самодержавия, поклонников Столыпина, естественно, не смущает). Одна загвоздка – если бы этот гнет общины существовал, крестьяне передельных общин разбежались бы из нее после выхода столыпинских законов. Но этого не произошло.

Однако община не была, подобно помещичьему землевладению, пережитком крепостничества, она не могла остановить крестьянина, решившего уйти в город. Но она и сохраняла землю за теми, кто решил остаться на селе и обрабатывать ее дальше. И в этом отношении столыпинская реформа внесла очень неприятное для крестьян нововведение. Теперь бывший крестьянин мог эту землю продать. Уже потерявшие связь с землей бывшие крестьяне возвращались на время, чтобы «укрепить» (один корень с крепостничеством), отрезать от крестьян часть земли. Более того, возможность продать свою часть бывшей крестьянской земли и получить таким образом «подъемные» привела к тому, что столыпинская реформа усилила приток населения в города – явно к тому не готовые. Деньги, вырученные от продажи надела, быстро кончались, и в городах нарастала маргинальная, разочарованная масса бывших крестьян, не нашедших себе места в новой жизни. 1914 год на время «трудоустроил» этих людей. Самодержавие снова наступило на те же грабли, произвольно найдя лекарство от революции в войне.

Чтобы уменьшить остроту «земельного голода», Столыпин проводил политику освоения азиатских земель. Миронов считает, что Россия «обладала огромным массивом свободных земель, которые продолжали осваиваться, и имела большой опыт колонизации»¹⁸². Переселенчество происходило и раньше – в 1885–1905 гг. за Урал переселилось 1,5 млн человек. В 1906–1914 гг. – 3,5 млн. 1 млн вернулся, «пополнив, видимо, пауперизированные слои города и деревни»¹⁸³. При этом и часть оставшихся в Сибири не смогла наладить хозяйство, но просто стала здесь жить. Переселение в Среднюю Азию было связано с большими трудностями из-за климата и сопротивления местного населения. «Переселен-

¹⁸⁰ См. Коцюнис Я. Указ. соч. С. 99, 135, 139.

¹⁸¹ Давыдов М. А. Указ. соч. С. 267.

¹⁸² Миронов Б. Н. Ленин жил... С. 115.

¹⁸³ Корелин А. П. Указ. соч. С. 289.

ческий поток направлялся почти исключительно в сравнительно узкую полосу земледельческой Сибири. Здесь свободный запас земель скоро оказался исчерпанным. Оставалось или втискивать новых переселенцев на занятые уже места и заменять один перенаселенный район другим, или перестать смотреть на переселение как на средство облегчения земельной нужды во внутренних районах России»¹⁸⁴.

В итоге результаты аграрной реформы Столыпина оказались противоречивыми. Прирост сборов основных сельскохозяйственных культур в годы реформ снизился, еще хуже ситуация была в скотоводстве¹⁸⁵. Это неудивительно, учитывая раздел общинных угодий. «В экономическом плане выдел хуторян и отрубников часто был связан с нарушением привычных севооборотов и всего сельскохозяйственного цикла работ, что крайне отрицательно сказывалось на хозяйстве общинников»¹⁸⁶. При этом, благодаря поддержке чиновников, выделяющиеся могли получить лучшие земли. Крестьяне протестовали против «закрепощения земли в собственность», на что власти могли ответить арестами¹⁸⁷. Протесты вызывали и спровоцированные реформой действия горожан, потерявших связь с деревней, а теперь возвращавшихся, чтобы выделить и продать надел.

Оборотная сторона столыпинской аграрной политики и ее результативности – голод 1911–1912 гг. Врач Л. Н. Липеровский, работавший «на голоде» в 1911 г., рассказывает: «Когда вечером все члены нашего отряда собрались вместе и обменялись впечатлениями, то для нас стало совершенно ясно, что мы приехали в местность, где крестьяне действительно голодают, где на почве голода развивается масса болезней с преждевременной смертью»¹⁸⁸.

Усилилось расслоение крестьянства. Но Столыпин ошибся в своих надеждах на то, что зажиточные слои станут союзниками помещиков и самодержавия. Даже сторонник его реформ Л. Н. Литошенко признавал: «С точки зрения социального мира разрушение общины и обезземеление значительной части ее членов не могло уравновесить и успокоить крестьянскую среду.

Политическая ставка на «крепкого мужика» была опасной игрой»¹⁸⁹.

¹⁸⁴ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 134.

¹⁸⁵ Корелин А. П., Шаццло К. Ф. Указ. соч. С. 32.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 192.

¹⁸⁸ Поездка «на голод». Записки члена отряда помощи голодающим Поволжья (1912 г.).

¹⁸⁹ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 169.

В 1909 г. в России начался экономический подъем. Рост промышленности составлял 8,8% в год¹⁹⁰. По темпам роста производства Россия вышла на первое место в мире. Выплавка чугуна в 1909–1913 гг. увеличилась в мире на 32%, а в России – на 64%. Капиталы в России выросли на 2 млрд рублей. Но в столыпинской ли реформе дело? Государство размещало на заводах крупные военные заказы – после Русско-японской войны Россия более тщательно готовилась к новым международным конфликтам. Это способствовало ускоренному росту тяжелой промышленности.

Нефедов предостерегает от экстраполяции тенденции подъема 1909–1914 гг. на возможное долгосрочное «мирное будущее» России: «Судя по этим материалам, в пятилетие 1908/09–1913/14 гг. был действительно достигнут максимум потребления, но примерно такой же максимум имелся в предыдущем цикле в пятилетие 1900/01–1904/05. Таким образом, вполне вероятно, что подъем 1909–1913 года был очередным циклическим подъемом, и мы не можем уверенно экстраполировать в будущее рост 1909–1913 годов»¹⁹¹. И в этом с ним можно согласиться.

Апологеты Столыпина весьма оптимистично смотрят на перспективы империи, если бы политика Столыпина не была прервана: «Модернизация П. А. Столыпина, которая продолжалась и после его гибели, открывала перед Россией совершенно новые перспективы, и на этом пути страна не знала бы ни ГУЛАГа, ни «Большого скачка», ни «Большого террора»...»¹⁹² Звон колоколов, слезы на глазах...

Но позвольте, отсюда хотелось бы поподробнее... Я еще понимаю, что получи Столыпин «20 лет спокойствия» (утопия, конечно, полная, но допустим на минуту) – и в России не было бы колхозов. Их функции выполняли бы крупные фермы на прусский манер, где бывшие крестьяне трудились бы за скромную зарплату. Но ведь «20 лет спокойствия» в условиях наличия недовольной части населения нужно как-то поддерживать силой. И Столыпин вовсе не был в этом отношении вегетарианцем. Даже относительно слабый толчок снизу 1905–1907 гг. обратил самодержавие к использованию бессудных расстрелов и военно-полевых судов, каковыми политические казни не ограничились.

В 1866–1895 гг. по политическим делам было казнено 44 человека (приговорено 137). С января 1905 г. в России принялись казнить без суда по подозрению в терроризме и вооруженном сопротивлении

¹⁹⁰ Воронкова С. В. Указ. соч. С. 43.

¹⁹¹ Нефедов С. А. О причинах русской революции. С. 40.

¹⁹² Давыдов М. А. Указ. соч. С. 272.

властям. Только в декабре было казнено без суда 376 человек (это еще были «цветочки» от Витте), в первые три месяца 1906 г. – 670 человек. «Ягодки» последовали, когда при Столыпине были введены военно-полевые суды. В 1907 г. в России было казнено 1139 человек, в 1908-м – 1340, в 1909-м – 717. Затем расправы пошли на спад¹⁹³. Конечно, по сравнению со сталинскими временами – капля, но по сравнению с XIX в. – качественный скачок. «Красное колесо» стало раскручиваться до прихода к власти большевиков.

Столыпин утверждал: «Государство может, государство обязано, когда находится в опасности, принимать самые строгие, самые исключительные законы, чтобы оградить себя от распада». Он считал, что правительство может приостанавливать «все нормы права»¹⁹⁴. Так Столыпин предвосхитил аргументацию сначала Ленина, а затем и Сталина – в тяжелую годину государство имеет право игнорировать право в борьбе со своими врагами.

Столыпинские реформы не прибавили ему авторитета среди широких слоев интеллигенции, вызывали недовольство значительной части крестьян. Куда же отправлять всех этих смутьянов, если они будут переходить границы дозволенного в «спокойственном» режиме? В ГУЛАГ нельзя – значит, сразу «приводить в исполнение»? Как показал опыт белого движения, приверженность властей идеям, подобным столыпинским, прекрасно сочетается с использованием ими террористических методов в условиях обострения социальной борьбы.

Как бы ни оценивать столыпинские реформы, их масштаб был недостаточен, чтобы справиться с усугублявшимися в России проблемами. Рост 1910–1914 гг., вызванный разными причинами, а не только реформами, вполне укладывается в понятие циклического подъема, который неизбежно сменяется спадом. Так что с Давыдовым можно согласиться по крайней мере в том, что «большого скачка» (в смысле роста производства) в столыпинской России не произошло бы. А значит – обострение социальных проблем продолжилось бы. Война лишь отложила, заморозила этот процесс.

Между Россией первых лет XX в. и 1920-х гг. есть множество количественных и внешних различий. Но есть и три качественных – помещичье землевладение, полуаристократический характер вертикальной мобильности, значительное влияние иностранного капитала. Первое обстоятельство препятствовало интенсификации крестьянского производства, потому что часть ресурсов крестьян уходила на арендные платежи, а прибыль, которую можно было вложить в интенсифика-

¹⁹³ Шишов О. Ф. Смертная казнь в истории России // Смертная казнь: за и против. М., 1989. С. 64.

¹⁹⁴ Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия. М., 1991. С. 74.

цию, вкладывалась в покупку земли у помещиков. Это откладывало постановку вопроса об интенсификации до момента, пока все помещичьи земли не будут разделены между крестьянами и хозяйствами индустриального типа. Второе обстоятельство препятствовало продвижению более динамичных, современно мыслящих технократических кадров. Третье подчиняло хозяйство России интересам западного капитала, закрепляло ее периферийное положение.

В 1905 г. самодержавие «не поняло намека истории». Завалы на пути дальнейшей модернизации России сохранялись, реформы не обеспечивали «рассасывание» кризиса аграрного сектора, связанного с малоземельем, помещичьей системой, низкой производительностью труда на селе. Это вело к накоплению «горючего материала» в городе. Нарастал и конфликт в элитных слоях, вызванный аристократически-бюрократическим характером правящего слоя. **Система осталась самодержавной, то есть авторитарной**, хотя и поделилась толикой власти с «общественностью» (то есть с интеллигенцией, технократическими слоями и политизированной частью буржуазии). Поделилась только под сильнейшим давлением. Что же удивляться, что «общественность» относилась к самодержавию критически и по мере сил интриговала против имперской бюрократии, эффективность работы которой оставляла желать лучшего.

После очевидно незавершенной революции 1905–1907 гг. новая революция была предопределена. Но ее формы и результаты могли быть совершенно различными. На повестке дня стояла «доводящая» революция, которая должна была заставить монархический режим пойти на дальнейшие уступки по вопросам, поставленным первой русской революцией. Эта альтернатива может моделироваться с учетом таких революций относительно низкой интенсивности, как «Славная революция» в Англии и революция 1830 г. во Франции. Собственно, такая повестка дня и ставилась либеральной оппозицией в феврале 1917 г. Но российская революция не остановилась на этой повестке дня, двинувшись вглубь. Это произошло по двум причинам: во-первых, процесс индустриальной модернизации уже к 1905 г. выдвинул на повестку дня «рабочий вопрос», во-вторых, мировая война обострила все внутренние российские кризисы и придала характеру революции примесь солдатской. Если применять французские модели, то речь может идти уже о революциях 1848–1849 и 1870–1871 гг. Эти параллели рассматривались социалистами уже в 1905 году¹⁹⁵, и повестка дня не изменилась в период между революциями.

¹⁹⁵ См.: Шубин А. В. Социализм: «Золотой век» теории. М., 2007. С. 573, 584.

Первая мировая война справедливо считается фактором, который усугубил социальную ситуацию в России. Но это не значит, что она является единственной и даже главной причиной революции. Тем более что ухудшение положения широких масс произошло далеко не сразу. Летом 1914 г. патриотический подъем погасил стачечную волну.

Воздействие войны на аграрный сектор были противоречивым: «Важнейшими факторами, непосредственно отражавшимися во время войны на положении русского земледелия, были: 1) мобилизация людской рабочей силы; 2) принудительное отчуждение для нужд войны лошадей, рабочего скота и транспортного инвентаря; 3) установление твердых цен по закупке продовольствия для армии; 4) расстройство транспорта; 5) физические разрушения, произведенные военными действиями; 6) сокращение вывоза за границу; 7) увеличение спроса сельскохозяйственной продукции для снабжения армии; 8) повышение цен на сельскохозяйственные продукты; 9) выдача денежных пособий семьям мобилизованных; 10) запрещение винной торговли; 11) труд военнопленных.

Как видно из этого далеко не исчерпывающего перечня, война принесла для сельского хозяйства не только минусы, но и некоторые несомненные плюсы»¹⁹⁶.

На фронт было призвано более 15 млн человек, из которых – 12,8 млн крестьян¹⁹⁷, но это только разгрузило деревню от перенаселения. Ушли лишние рабочие руки, а если и возник недостаток, то его компенсировали военнопленные и беженцы (около 2 млн человек).

От мобилизаций лошадей крестьян отчасти защищало их плохое качество, так что в большей степени от этого пострадало помещичье хозяйство, где было больше лошадей, «годных к службе». «И люди, и особенно животные, питались на войне лучше, чем дома»¹⁹⁸, – заключал Литошенко.

С промышленностью, в том числе военной, ситуация не была благополучной, что катастрофически сказалось на положении фронта. Запас снарядов был в значительной степени израсходован к концу 1914 г., и восстановить его промышленность могла только через год¹⁹⁹. «Снарядный голод» стал одной из важнейших причин тяжелого поражения российской армии в середине 1915 года.

¹⁹⁶ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 149.

¹⁹⁷ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 30.

¹⁹⁸ Литошенко Л. Н. Указ. соч. С. 155.

¹⁹⁹ Кюнг П. А. Мобилизация экономики и частный бизнес в России в годы Первой мировой войны. М., 2012. С. 46.

В 1915–1916 гг. было сделано много для решения проблемы снабжения армии. Производство винтовок в августе 1916 г. выросло более чем вдвое с начала войны. За 1916 г. более чем в два раза выросло производство 76-миллиметровых орудий, и в три – снарядов. Правда, производство пороха и взрывчатых веществ выросло только на 250–300%²⁰⁰. Этот рывок позволил компенсировать к началу 1917 г. убыль боеприпасов при Брусилловском прорыве. Но нагрузка для экономики в целом была слишком тяжела.

Правительство шло по пути усиления государственного регулирования через определение предельных цен (на железнодорожные перевозки, хлеб, нефть и др.), реквизиции и госмонополии. Так, 13 января 1917 г. было принято решение «воспрещать повсеместно в Империи или в отдельных ее местностях продажу либо передачу иным способом сырых кож иначе как в казну» по установленной цене. За нарушение предполагалось тюремное заключение²⁰¹. Государственный аппарат брал на себя всё больше экономических задач, не имея для их осуществления достаточного количества кадров. После некоторого улучшения, с 1916 г. ситуация стала ухудшаться.

В 1915 г. прирост стоимости промышленного производства повысился с 4,3 до 15%, но в 1916 г. снова упал до 4%. Этих темпов было недостаточно, потому что для развития военного производства следовало реконструировать и смежные отрасли, а какие-то создавать. Во время войны были заложены основы моторостроения в России²⁰². Но только основы – на большее не было ресурсов. Это значит, что Россия подошла к новой качественной грани своего развития. Но вытянуть этот военно-промышленный рывок она не смогла – не выдерживали ни бюджет, ни имевшаяся промышленная база.

Программа запланированного строительства военных предприятий стоила 600 млн рублей²⁰³. Военный бюджет достиг в 1916 г. 25 млрд рублей и покрывался за счет доходов государства, внутренних и внешних займов, но 8 млрд не хватало²⁰⁴. Удар по бюджету нанес и «сухой закон». Приходилось печатать деньги больше обеспечения, провоцируя рост цен. К 1917 г. они выросли более чем в два раза²⁰⁵. Это дестабилизировало экономическую систему и усиливало социальную напряженность в городах.

²⁰⁰ Струмилин С. Г. *Очерки экономической истории России*. М., 1969. С.263.

²⁰¹ *Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг.* 1917 год. М., 2009. С. 70–71.

²⁰² *Воронкова С. В.* Указ. соч. С. 77.

²⁰³ *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 337.

²⁰⁴ *Никонов В. А.* Крушение России. М., 2011. С. 415.

²⁰⁵ *Лейберов И. П., Рудаченко С. Д.* Революция и хлеб. М., 1990. С. 38.

Уже в 1916 г., до начала революции, пошло падение производства в ряде промышленных отраслей. Так, производительность горнорабочих Донбасса снизилась с 960 пудов в месяц в первой половине 1914 г. до 474 пудов в начале 1917 года. Выплавка чугуна на юге России уменьшилась с 16,4 млн пудов в октябре 1916 г. до 9,6 млн пудов в феврале 1917-го. Что характерно, после начала революции в мае 1917 г. она выросла до 13 млн пудов²⁰⁶. Сокращалось производство потребительской продукции, так как промышленные мощности были загружены военными заказами. Производство предметов первой необходимости упало на 11,2% по сравнению с 1913 годом²⁰⁷.

Не выдерживал нагрузки транспорт. В 1913–1916 гг. погрузка выросла с 58 тыс. до 91,1 тыс. вагонов в день. Рост производства вагонов отставал, хотя тоже рос (в 1913–1915 гг. – с 13801 до 23486)²⁰⁸. Нехватка вагонов вела к проблемам с поставками сырья для промышленности и продовольствия в города и на фронт.

В конце 1916 г. подвоз продовольствия для армии составлял 61% от нормы, а в феврале 1917 г. – 42%²⁰⁹. При этом после тяжелых потерь 1915–1916 гг. в армию поступали массы новобранцев, не подготовленных к армейской жизни.

Тыловые гарнизоны и флот превратились в настоящие социальные бомбы: «Вместе с тем вчерашние крестьяне не переносили муштры, зубрежки уставов, порой принимавшей издевательские над здравым смыслом формы, сложной системы титулования и «зряшной» (рытье окопов, строительство блиндажей) работы. Во флоте положение было еще тяжелее... По свидетельству начальника морского отдела при Ставке Верховного главнокомандующего адмирала Д. Ненюкова, на флоте «повторились павловские и аракчеевские времена»: главное внимание обращалось на чистоту палуб и вахтенную службу, при этом считалось необходимым, чтобы каждый моряк знал парусное дело. Понять целесообразность всего этого не мог ни рабочий (на флоте их удельный вес был довольно высок), ни тем более сельский житель... Не случайно в послефевральском разложении армии наиболее впечатляет ненависть к офицерским погонам, различного рода нарядам по службе, а также плебейски-вызывающее поведение»²¹⁰, – пишет В. П. Булдаков.

²⁰⁶ *Ауэрбах В. А.* Революционное общество по личным воспоминаниям // Архив русской революции. Т. 14. М., 1992. С. 28.

²⁰⁷ *Лейберов И. П., Рудаченко С. Д.* Указ. соч. С. 13.

²⁰⁸ *Кюнг П. А.* Указ. соч. С. 43.

²⁰⁹ *Соколов Б. В.* К вопросу о возможности русско-германского сепаратного мира в феврале 1917 г. // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 38.

²¹⁰ *Булдаков В. П.* Указ. соч. С. 56–57.

А солдаты, воевавшие с 1914 г., уже в крайней степени устали от окопов. К 1917 г. из армии дезертировало более миллиона солдат. В начале 1916 г. «цензоры констатировали резкий рост антивоенных настроений в солдатской массе, желание мира во что бы то ни стало»²¹¹. Во всем этом кроются причины разложения армии в 1917 г. в куда большей степени, чем в пресловутой большевистской агитации. Гигантские потери в войне – около миллиона только убитыми – деморализующе действовали на население России.

При этом фронт потреблял 250–300 млн пудов из 1,3–2 млрд пудов товарного хлеба. Это пошатнуло продовольственный рынок. Город теперь тоже работал на оборону, а производство товаров народного потребления упало. Крестьяне опасались везти хлеб на продажу, как бы самим не остаться без хлеба. Даже на ЦК оппозиционной партии кадетов обсуждалась необходимость продразверстки и реквизиций хлеба²¹². Теперь эта идея станет постоянным спутником истории страны вплоть до 1930-х гг.

Царское чиновничество пыталось бороться с продовольственным кризисом, но от этого становилось только хуже. 9 сентября 1916 г. были введены твердые цены на продовольствие. При подготовке этой меры обнаружились противоречия между потребителями и производителями продовольствия. Причем, по словам министра земледелия А. А. Ритиха, «совершенно неожиданно» для правительства возникли «противопоставления интересов производителей и потребителей»²¹³. Отныне эти «противопоставления» будут одной из важнейших черт развития страны. Цены были установлены несколько ниже рыночных, что, естественно, усилило дефицит. Начались реквизиции продовольствия в пользу армии, после чего «солидная» торговля затаилась, и крупные запасы хлеба исчезли²¹⁴. Распыленные запасы оставались у крестьян, но кто теперь станет их собирать? Министерство оказалось не готово к такой ситуации и с трудом смогло создать относительно небольшой запас 85 млн пудов²¹⁵. Отныне на несколько лет создавалась ситуация, когда каждое новое правительство оказывалось в худшей ситуации, чем предыдущее, потому что не могло застать торговцев врасплох. Но уже при царе оборотной стороной твердых цен стали реквизиции и дефицит.

²¹¹ Там же. С. 61.

²¹² Протоколы Центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 350.

²¹³ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. М., 1995. С. 226.

²¹⁴ Там же. С. 227.

²¹⁵ Там же.

Риттих считал, что «не было никакой необходимости распространять эти твердые цены на частную торговлю»²¹⁶. Но тогда государство должно было дотировать продовольствие. А бюджета едва хватало и на военные затраты.

Поэтому 29 ноября 1916 г. правительство предпочло пойти по пути продовольственной разверстки, то есть сообщения на места обязательных норм сдачи хлеба по твердым ценам. Сбору продовольствия, который осуществлялся прежде всего земствами, содействовала патриотическая агитация. Но поскольку сами земства были настроены оппозиционно, дело скоро забуксовало. К тому же твердые цены не учитывали в полной мере цену доставки хлеба к станциям²¹⁷. Поэтому, несмотря на то, что крестьяне производили достаточно муки, она не доходила до потребителя в нужных объемах. Риттих ввел доплату за доставку хлеба к станции, что было сделано в пользу крупных поставщиков (помещиков и торговцев). Приток хлеба по словам Риттиха удвоился в декабре и вырос еще на 30% в январе²¹⁸. Однако эта доплата сама по себе не могла иметь долгосрочный эффект, ведь причина проблем – незаинтересованность крестьян – не была преодолена, и «хлеб как будто кто-то заморозил», в значительной части он оставался даже необмолоченным²¹⁹. Зимой на рынок ушел тот хлеб, который спекулянты придерживали после введения твердых цен, и теперь, дождавшись небольшой уступки, сбросили, так как держать его дальше не имело смысла. Это увеличение не позволило «нагнать» «тот страшный недостаток, тот дефицит, который оказался за первые четыре месяца»²²⁰, – сообщил депутатам Риттих с надеждой, что «нагнать» удастся позднее. Положение усугублялось тем, что разверстка касалась нужд армии, но в нее не были включены крупные города. То есть армия худо ли бедно получала хлеб благодаря разверстке, а города оставались на воле рынка с его ростом цен.

Правительство не имело аппарата для изъятия хлеба, а хлеботорговцы не торопились продавать его по твердым ценам. Не было и аппарата распределения заготовленного хлеба. Чиновники ревниво бо-

²¹⁶ Там же. С. 228.

²¹⁷ Там же. С. 229–230.

²¹⁸ Там же. С. 231. Милоков оспорил цифры Риттиха, считая, что нужно сравнивать не с предыдущими месяцами, а с соответствующими месяцами прошлого года (С. 253). Тогда получится, что заготовка не выросла, а упала в полтора раза. Риттих, уточнив цифры, признал ошибку в том, что поступление хлеба по сравнению с предыдущим месяцем составило не 200, а 188%. В сравнении с теми же месяцами прошлого года рост составил в декабре 196%, а в январе 148% (С. 274). Это выглядело странно: получалось, что рост по сравнению с предыдущим благополучным годом оказался выше, чем по сравнению со временем дефицита осени 1916 г.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

ролись с земцами и городским самоуправлением, вместо того чтобы опираться на них.

Изрядную долю дезорганизации вносила милитаризация управления в прифронтовых губерниях. Генерал П. Г. Курлов вспоминал: «Конечно, вся власть была сосредоточена по закону в руках высшего начальства, но так как оно было занято почти исключительно военным делом и надлежащей практикой в административной сфере не обладало, то фактически почти безграничная власть сосредоточилась у нижних чинов. Лучшим примером может служить деятельность этапных комендантов из младших офицеров, которые считали себя чуть ли не начальством над губернаторами». Они производили произвольные реквизиции, грозя расстрелами²²¹. В дальнейшем эти повадки офицеров с диктаторскими полномочиями стали важной чертой белых режимов в период Гражданской войны. Военные власти и губернаторы ограничивали, а то и запрещали вывоз продовольствия из своих прифронтовых губерний, что способствовало дезорганизации продовольственного рынка.

В итоге в конце 1916 г. в столице впервые возник дефицит дешевого хлеба. Этому способствовала и ошибочная оценка правительством тенденций на хлебном рынке. По данным Министерства земледелия, недостаток в пшеничной муке по стране должен был составить в 1917 г. 86 миллионов пудов, «и то лишь при условии использования 52 миллионов пудов избытков пшеницы, находящихся на правом берегу Днепра, которые вследствие запрещения военных властей не могут быть вывезены в районы, испытывающие недостаток в пшенице»²²². Исходя из того, что потребление пшеницы рабочими и крестьянами в предыдущий период возросло, Риттих рекомендовал ограничить внешние поставки пшеницы за счет ржаной муки²²³. Это тоже было ошибкой, потому что цены на белый хлеб уже выросли настолько, что он стал не по карману значительной части городского населения, а позиция министерства, отчасти поддержанная Советом министров 10 января 1917 г. (поправки к предложениям Риттиха касались технических обстоятельств), способствовала усилению дефицита черного хлеба²²⁴.

²²¹ Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992 С. 178.

²²² Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1917 год. М., 2009. С. 53.

²²³ Там же.

²²⁴ Когда перебои в продовольственном снабжении привели к началу Февральской революции, некоторые консервативные чиновники (например, начальник Петроградского охранного отделения К. Глобачев, помощник начальника канцелярии Совета министров А. Путилов и др.) сделали вывод о том, что сами перебои были результатом сознательного вредительства. Это не мудро – не понимая социальных причин явлений, современники нередко ищут причины «невероятных» событий в заговоре. В дальнейшем, уже в советский период, такое

В 1914 г. цены на продовольствие выросли на 16%, в 1915 г. – на 53%, а к концу 1916 г. составляли 200% довоенных. Стоимость жилья в городах росла еще быстрее. Цены на промтовары подтягивались за сельскохозяйственными, но не сразу. Так что «вместе с потоком бумажных денег в деревню потекли предметы городской культуры и комфорта. Крестьянин стал обзаводиться лучшей одеждой, обувью, граммофоном, мягкой мебелью»²²⁵. А вот по городским низам, напротив, был нанесен удар. Историк экономики С. Г. Струмилин подсчитал, что реальная заработная плата в 1914–1916 гг. в России упала на 9%²²⁶. То есть речь идет о возвращении к зарплатам периода кризиса начала века, чреватого революцией 1905–1907 гг. В Петрограде ситуация была хуже. По подсчетам И. П. Лейберова, зарплата петроградских рабочих в 1913–1916 гг. упала на 5–10%, а в феврале 1917 г. составила лишь 75–80% от уровня 1913 года²²⁷.

Для низкооплачиваемых слоев рабочих дороговизна была настоящим бедствием. В условиях инфляции рабочие не могли накопить средства «на черный день», что ставило семью на грань катастрофы в случае увольнения. К тому же, по данным Рабочей группы ЦВПК, рабочий день, как правило, был удлиннен до 12 часов и больше плюс обязательные воскресные работы. Рабочая неделя выросла на 50%. Перенапряжение вело к росту заболеваний²²⁸. Всё это усугубило ситуацию в городах.

На массовые социальные выступления власти реагировали как и прежде – с помощью войск. 10 августа 1915 г. в Иваново-Вознесенске была расстреляна демонстрация рабочих, погибло несколько десятков человек.

Но все же нет оснований считать, что именно война стала основной причиной революции как таковой. Социально-экономические послед-

объяснение социальных проблем стало важной частью репрессивной политики. А в наше время домыслы о вредительстве взяты на вооружение сторонниками теории заговора для объяснения рабочих волнений 23–26 февраля 1917 г. (См., например, *Куликов С. В.* «Революции неизменно идут сверху...»: Падение царизма через призму элитистской парадигмы. // *Нестор.* 2007. №11. С.176; *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России... М., 2013. С.575.).

²²⁵ *Литошенко Л. Н.* Указ. соч. С. 156–157.

²²⁶ *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1963. С. 378, 382. Миронов, ссылаясь как на Струмилина, так и на С. Н. Прокоповича, считает, что падение было «умеренным», так как следует учитывать помощь рабочим со стороны предпринимателей и государства, которая составляла 8,3% зарплаты. (*Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России... М., 2013. С. 571.) Но ведь такая помощь оказывалась и раньше, и эти факторы не могли существенно скорректировать цифры падения зарплаты. Сам Прокопович считал, что доходы рабочих за войну даже выросли, но Миронов понимает, что эта оценка излишне оптимистична, и признает факт падения реальной зарплаты.

²²⁷ *Лейберов И. П.* На штурм самодержавия: Петроградский пролетариат в годы Первой мировой войны и Февральской революции (июль 1914 – март 1917 г.). М., 1979. С. 20.

²²⁸ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 300.

ствия Первой мировой были противоречивыми. Как и последствия столыпинских реформ, они накладывались на более глубокие и масштабные кризисные явления, не меняя ситуацию качественно. В России начала XX в. оставались причины для повторения революции, и столыпинская реформа не сняла их и не могла снять даже при условии более длительного осуществления. Война сначала даже подморозила нарастание революционного кризиса, а затем усугубила его разрушительность.

Итак, с нашей точки зрения, уже к 1914 г. в России в ближайшие годы была неизбежна глубокая социальная революция, однако не столь разрушительная, как случилось в 1917 году. Во всяком случае, сохранялись возможности избежать обрушения власти, очаги социального возмущения могли быть локализованы, преобразования могли удержаться в рамках социал-либеральных. Однако необходимо оговориться, что более скромный размах революции мог быть обеспечен в случае гибкой политики властей, готовности сочетать репрессивные меры и реформы. Опыт 1917 г. показывает: правящие слои Российской империи действовали таким образом, что это способствовало эскалации революции.

В основе революционного кризиса лежал все тот же индустриальный переход, модернизация. Она порождает и кризис аграрного общества (включая его демографические аспекты), и рационализацию сознания как низов, так и верхов (которая на Западе была связана с Реформацией, а в России – с ростом атеистических настроений), и неадекватность новым вызовам политики аристократической элиты, и обострение борьбы в элите, куда продвигаются технократически мыслящие новые кадры; и нациестроительство, вызывающее обострение конфликтов между этносами, прежде уживавшимися на одной территории.

Из общего корня индустриальной модернизации идет множество побегов разной величины. Но не будем забывать, что революция начинается в городах, и прежде всего в столицах. Поэтому магистральной линией, из которой вытекает социальный кризис революционного типа, является накопление недовольства в городских слоях. С одной стороны, это недовольная своим положением и положением дел в стране технократическая элита, которая обеспечивает политическую составляющую революции (раскол элиты), с другой – это вытесняемые из деревни люди (и в этом отношении аграрные проблемы важны для понимания событий в городах), которые приходят в город за лучшей жизнью и не находят ее. Давление бедной деревни на рынок труда тормозит рост уровня жизни рабочего класса, способствует увеличе-

нию переходных, неустоявшихся, не закрепивших своего положения в социальной структуре, а иногда и прямо бедствующих слоев. Так образуются два очага социального кризиса, усиление которых и формирует революционную ситуацию.

Экономический рост и модернизация России закономерно приближали ее к революциям. Революции были глубоко закономерными, а не случайными явлениями. Случайности могли определять время начала, формы и глубину протекания революций. Если бы России удалось обойтись без революций, это была бы случайность – удивительное сочетание факторов. Но такая случайность не произошла – закономерности, ведущие к революционным взрывам, оказались сильнее.

Все это делает альтернативу «Россия без революции» невозможной, а «Революции после войны» (а не во время войны) – маловероятной.

Однако если шанс избежать революции в 1917–1918 гг. у России был, то Николай II и его окружение свели этот шанс к нулю.

ДЕПУТАТЫ И ЗАГОВОРЩИКИ

Заговоры и разговоры

Приняв под давлением революции манифест 17 октября 1905 г. и согласившись на создание парламента с урезанными правами, Николай II перекраивал избирательное законодательство, чтобы обеспечить более выгодный для самодержавия состав депутатского корпуса. Делиться властью с «общественностью» он не желал. Что же удивляться, что «общественность» (то есть интеллигенция и политизированная часть буржуазии) относилась к самодержавию критически и по мере сил интриговала против имперской бюрократии, эффективность работы которой оставляла желать лучшего. Закрытость круга, где принимались ключевые для страны решения, порождала множество слухов, а уж затем оппозиционная пресса могла раздуть реальные и выдуманные сообщения о злоупотреблениях царского окружения. Эта ситуация встречается во многих странах, где разлагаются аристократические порядки. В основе революции лежит социальный кризис, вызванный трудностями индустриальной модернизации страны, на пути которой встал социальный эгоизм аристократии и бюрократии.

В начале XX в. в России возникла сеть многообразных связей между общественными деятелями, активистами самых разных, публично противостоящих друг другу организаций, подпольных и легальных. В этой «тусовке» можно было встретить и влиятельного предпринимателя, недовольного властями, и революционера, и либерально мыслящего офицера, и кадетского депутата. Это – нормальное явление, естественное следствие появления гражданского общества, которое как раз и состоит из разнообразных контактов. Но это не значит, что все люди, причастные этим контактам, – участники одного разветвленного заговора. Заговорщики должны согласовывать свои действия, подчиняться единому центру, выполнять его указания. Иначе – единого заговора нет.

Либеральные деятели видели, что страна погружается в глубокий военно-политический и социально-экономический кризис. Как говорил с парламентской трибуны В. А. Маклаков, «Россия сейчас – это воинская часть перед паникой; по инерции еще стреляют ружья, по привычке еще повинуются власти, но подозрение закралось – раздастся крик «спасайся, кто может», и все побегут». Это положение вызывало не столько злорадство, сколько страх перед будущим. Либо

смута и развал фронта, либо глухая абсолютистская реакция, которая, впрочем, почти наверняка наступит и после смуты. В этих условиях либеральная оппозиция выдвигала идею, характерную для элитарного сознания: «Если Россия увидит, что ей навстречу пошли, что властью назначены не эти ставленники режима, а слуги России, если она увидит тех людей, которым она может поверить, то Россия... ухватится за эту власть»¹, – уверял депутат Маклаков. «Слуги России» считали, что Россия поверит им авансом. Но такая вера длится недолго. А затем люди оценивают меры новой власти. Если меры не приведут к улучшению ситуации, то от любви масс до их ненависти – лишь один шаг.

В середине 1915 г. разразилась военная катастрофа, «снарядный голод» и отступление российской армии. Резко упала дисциплина, царю поступали рапорты о таких ее нарушениях, как вооруженный мятеж, мародерство, разбой². Так начинались процессы, характерные для 1917 года. Николай II отстранил от командования великого князя Николая Николаевича и 23 августа 1915 г. назначил себя главнокомандующим. Таким образом, Николай II взял на себя ответственность за ход войны на Восточном фронте.

Этим император надеялся решить проблему слабой координации государственного управления на фронте и в тылу. Военные власти требовали мобилизации усилий тыла, но не имели для этого рычагов. Как писал начальник Главного артиллерийского управления А. А. Маниковский, военный министр не мог ничего поделаться «с путями сообщений, с торговлей и промышленностью, с земледелием и прочими «удельными княжествами», каждое из которых вело «свою политику» и стремилось показать, что я де мол «сам с усам»³.

Генералитет стремился установить связь с тылом. Конечно, генералы предпочли бы командовать им. В 1916 г. генерал М. В. Алексеев даже предложил императору план введения поста министра обороны, которому бы подчинялись остальные министры. Однако царь увидел в этом дублирование его собственных полномочий и отверг проект. Провалу проекта содействовал и Родзянко⁴ – думские круги опасались военной диктатуры в тылу, но были готовы предложить военным взаимовыгодное сотрудничество.

Проблема организации тыла встала особенно остро в связи с поражениями 1915 г., и либеральные круги попытались увязать эту задачу с расширением влияния «общественности» на государственное управ-

¹ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. М., 1995. С. 66.

² *Мультипули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. М., 2013. С. 65.

³ *Маниковский А. А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. М., 1937. С. 670.

⁴ *Флоринский М. Ф.* Кризис государственного управления в России в годы Первой мировой войны. Л., 1988. С. 129–135.

ление. Предприниматели и либеральная интеллигенция готовы были более энергично включиться в работу на победу, но не без условий.

Собравшаяся 19 июля 1915 г. Государственная дума горячо обсуждала причины поражений. К 22 августа в Думе был создан Прогрессивный блок, в который вошло 6 фракций (кроме крайне правых и левых – трудовиков и социал-демократов), 236 депутатов из 442, а также десятки членов Государственного совета. Блок выступал за «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения в ближайший срок определенной программы...»⁵ Впрочем, программа Прогрессивного блока была сформулирована настолько абстрактно (законность, обновление местной власти, разумность политики), что главным требованием было, конечно, согласие правительства с законодательными учреждениями. В этой же программе прозвучало слово «двоевластие» – критиковалось дублирование гражданской власти военной. Однако для одного из лидеров блока, конституционного демократа П. Н. Милюкова, было важно не только то, что это правительство будет ответственным перед парламентом. Кабинет должен состоять из лиц, «объединенных однородным пониманием задач переживаемого момента»⁶. То есть, Прогрессивный блок, являвшийся коалицией, должен выдвинуть однородное, монолитное правительство. Либеральная идея «ответственного министерства» отождествлялась с лозунгом «министерства, пользующегося доверием страны»⁷. Сначала казалось, что это – формула компромисса с самодержавием. Но в ходе крушения самодержавия выяснилось, что министерство, «пользующееся доверием страны» (то есть состоящее из известных и пока популярных фигур) – это не обязательно правительство, ответственное перед парламентом. Популярные фигуры уважают парламент, пока идут к власти, а в дальнейшем парламент начинает им мешать.

Парламент мешал и Николаю II. 3 сентября 1915 г. работа осмелевшей Государственной думы была приостановлена. Когда депутаты расходились, один из них выкрикнул: «Да здравствует русский народ!» Это был А. Ф. Керенский.

Концентрация полномочий в руках Николая II не способствовала успешной координации высшего управления, так как царь был занят сразу очень многими делами. При этом председатель правительства не контролировал министров, которые выходили напрямую на государя. Император отказывался от уступок парламентаризму, чурался

⁵ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 105.

⁶ Там же. С. 104.

⁷ Милюков П. Н. История Второй русской революции. М., 2001. С. 29.

перемен, заменяя действия колебаниями. Результатом этих колебаний и внутренней борьбы между консерваторами и прогрессистами⁸ в государственно-аристократической элите стала «министерская чехарда», дезорганизующая управление: за четыре года сменились четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел, три министра иностранных дел, четыре министра земледелия, три министра путей сообщения. Только в 1916 г. произошло 17 министерских отставок. 20 января 1916 г. был отставлен председатель правительства И. Л. Горемыкин, 10 ноября – Б. В. Штюрмер, 27 декабря – А. Ф. Трепов. Он считался сильной личностью, выступал за удаление из столицы Григория Распутина и вскоре был смнен на безынициативного Н. Д. Голицына⁹. Государю не нужен был новый Столыпин или даже его тень.

Как выразился депутат Маклаков, происходит «министерский калейдоскоп, когда мы не успеваем рассмотреть лицо тех министров, которые падают»¹⁰. При такой кадровой политике любая другая воспринималась как более удачная.

Неудачные назначения приписывали влиянию «старца» Распутина на царскую семью. 17 декабря 1916 г. Распутин был убит группой заговорщиков-монархистов, но это не помогло монархии – оказалось, что его влияние было преувеличено.

Неэффективность работы правительства была связана не только с «чехардой», рассогласованностью и ревностным вмешательством императора в правительственную текучку, но и самим характером этой текучки. Правительство было перегружено «вермишелью» - решением множества мелких вопросов. Это было неизбежно при самодержавной системе власти, сверцентрализации принятия решений, и вело к невозможности проведения стратегической линии. Работа правительства тонула в «вермишели», принятие важных решений задерживалось, тем более, что оно требовало еще и согласования с Николаем II. Высшее чиновничество ревностно оберегало своё право на принятие решений, опасаясь расширения прав «общественности», которая могла иметь лишь совещательный голос.

Если правитель не привлекает к сотрудничеству «общественность», она начинает работать в режиме «теневого кабинета» – искать пути воплощения в жизнь своих идей вопреки воле «некомпетентной» и эгоистичной власти.

⁸ Прогрессивному блоку симпатизировали главнокомандующий великий князь Николай Николаевич, министр иностранных дел С. Д. Сазонов, главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин, военный министр А. А. Поливанов.

⁹ Флоринский М. Ф. Указ. соч. С. 61.

¹⁰ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 64.

Пропагандистская кампания Прогрессивного блока сделала Думу центром общественного недовольства самодержавием и снискала ей значительную популярность, в том числе и в армии.

Каково было соотношение легальных и нелегальных действий либеральной оппозиции? В 1915 г. «общественность» имела вполне легальные структуры, которые занимались поддержкой армии, с одной стороны, и критикой правительства – с другой. Это – думский Прогрессивный блок, лидерами которого были спикер Думы, октябрист Родзянко и кадет Милоков, Центральный военно-промышленный комитет (ЦВПК) во главе с октябристом А. И. Гучковым, сеть военно-промышленных комитетов (ВПК), земско-городской союз (Земгор), лидерами которого были князь Г. Е. Львов и московский городской голова М. В. Челноков. При ЦВПК была создана Рабочая группа. Её состав определялся не руководством ЦВПК – были проведены выборы. Рабочие избрали туда группу профсоюзных лидеров во главе с социал-демократом К. А. Гвоздевым. Они были противниками не только самодержавия, но и буржуазии из руководства ЦВПК, которую воспринимали как временного союзника.

Неэффективность работы бюрократического аппарата, особенно проявившаяся в 1915 г., позволила «общественности» активно включиться в дело снабжения армии через «Красный крест», земские организации и военно-промышленные комитеты. Последние получили не более 4% от общего числа военных заказов, из которых выполнили не более 70%¹¹. Генерал Маниковский, глава Главного артиллерийского управления, считал, что частный бизнес завышает цены, и ставку нужно делать на казенные производства¹². Исследователь истории ВПК П. А. Кюнг суммирует: «Безусловно, их деятельность во многом помогала закрывать «узкие места» в производстве предметов материального довольствия и вооружения для действующей армии. Следует отметить, что их заслуги в деле мобилизации промышленности в годы Первой мировой войны явно несоразмерны с их общественной активностью... Все мероприятия комитетов, включая строительство новых заводов и переоборудование старых, оплачивались из казны. Поэтому, несмотря на то, что ВПК претендовали на роль центра либеральной оппозиции правительству, они являлись

¹¹ Кюнг П. А. Указ. соч. С. 113.

¹² См. Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в 1914–1918 гг. Ч. 2. М., 1922. С. 232; Ч. 3. М., 1922. С. 92.

структурой, встроенной в существующий политический и экономический режим»¹³. Однако само правительство прибегло к такой системе государственного регулирования частной промышленности, которая в силу своей внутренней конфликтности была экономически неэффективна, но и провоцировала дальнейшее углубление конфликта правящего режима и бизнеса.

Дело было не только в ВПК и других общественных посредниках между бизнесом и казной. Когда заказы распределялись напрямую, капиталисты тоже не забывали заложить сверхприбыли. Военные заказы оказались «золотым дном». В Думе с возмущением говорилось о том, что «доходы различных товариществ и промышленных предприятий во время войны выросли до ужасающих цифр, нередко превышающих значительно, а иногда даже в два-три раза их основные капиталы... Например, товарищество Тверской мануфактуры бумажных изделий за последние годы получило на основной капитал в 6 000 000 чистой прибыли до 10 000 000. (Голос справа: и Коновалов тоже.) Товарищество латунных меднопрокатных заводов на основной капитал в 10 000 000 имело чистой прибыли 12 250 000...»¹⁴

Самодержавный режим не мог обойтись без экономических возможностей частного бизнеса для решения военно-экономических проблем. Но бюджет не выдерживал военных затрат. Лидеры либерального крыла буржуазии считали, что смогут решить эти проблемы лучше, избавившись от самодержавного режима.

Более важной структурой военно-государственного регулирования экономики в России, где «общественность» взаимодействовала с генералитетом и чиновничеством, были Особые совещания. Их возникновение было связано с парламентской активностью. По замечанию Кюнга, «первым в череде сменяющих друг друга малосильных учреждений по регулированию различных отраслей экономики Российской империи» стал Центральный комитет по снабжению топливом. Его деятельность дублировалась местными комитетами. В комитет входили представители заинтересованных ведомств и предпринимательских союзов¹⁵. По этой же модели строились и Особые совещания. В мае 1915 г. было создано временное Особое совещание по обеспечению армии предметами снабжения во главе с военным министром. В него вошли также представители Государственной думы. Несмотря на то, что совещание работало всего два месяца, оно содействовало налаживанию химического производства. Но все же орган, который не имел

¹³ Кюнг П. А. Указ. соч. С. 93–94.

¹⁴ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 263.

¹⁵ Там же. С. 46.

реальных полномочий и только обсуждал проблемы с министром, не мог быть структурой эффективного государственного регулирования. Зато Особые совещания способствовали укреплению отношений генералов с либеральными политиками.

Временный опыт решено было сделать постоянным – 17 августа 1915 г. был принят закон об Особых совещаниях (по обороне, перевозкам, продовольствию и топливу), которые возглавлялись соответствующим министром и включали представителей ведомств, законодательных палат, Земского и городского союзов, ВПК. Тот же закон давал министрам как председателям совещаний широкие полномочия по регулированию промышленности включая секвестр и вмешательство в кадровую политику частного бизнеса. Некоторое время совещания были неподконтрольны правительству, что усиливало рассогласованность управления. 1 июля 1916 г. Совет министров подчинил Особые совещания премьер-министру (хотя это было незаконно и вызвало недовольство либеральных кругов).

Практиковались совещания министров – глав совещаний. На совещаниях ставились сложные вопросы координации разных отраслей управления, например, об улучшении снабжения Петрограда и Москвы осенью-зимой 1915 и 1916 гг. Но поставить вопрос было проще, чем его разрешить. Совещания принимали обтекаемые рекомендации министрам, например – составить план обеспечения столиц продуктами первой необходимости¹⁶. Удовлетворительное обеспечение налажено не было.

Решающие полномочия в совещаниях сохраняло чиновничество (оно вело работу в комиссиях совещаний), но как бы под присмотром общественности. Власть оставалась в руках самодержавных институтов, но они оказывались в противоречивой связи с либеральными кругами. С одной стороны либералы лоббировали коммерческие интересы, с другой – были недовольны работой бюрократии в подконтрольных совещаниям сферах.

Интеллигенция и буржуазия в своей общественно-активной части отдавали предпочтение организациям «общественности», а консервативное чиновничество относилось к сети общественных организаций с недоверием. 10 декабря 1916 г. был разогнан Земско-городской съезд, 28 января 1917 г. была арестована большая часть членов Рабочих групп ЦВПК и Петроградского ВПК во главе с Гвоздевым – за призыв к массовой мирной демонстрации в поддержку Государственной думы и создание Временного революционного правительства. Разгоны и аресты не стабилизировали ситуацию, скорее привели к радикализации общественности.

¹⁶См. *Флоринский М. Ф.* Указ. соч. С. 116–122, 141–145.

Стороны обвиняли друг друга в коррупции и некомпетентности. Соперничество между чиновничеством и «общественностью» в деле «организации тыла» только усиливало оппозиционность буржуазных кругов. 1 ноября 1916 г. лидер кадетов Милюков говорил с думской трибуны: «Когда с всё большей настойчивостью Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной борьбы, а власть продолжает твердить, что организовать страну – значит организовать революцию, и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию, что это: **глупость или измена**... Вы должны понять и то, почему у нас сегодня не остается никакой другой задачи, кроме той задачи, которую я уже указал: добиваться ухода этого правительства»¹⁷.

Подобного рода выступления способствовали росту авторитета Думы в глазах оппозиционной общественности. Начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев докладывал: «Дума в своем нынешнем составе еще недавно считалась левой прессой и демократическим кругами «черносотенной», «буржуазной», «собранием прихвостней Горемыкина» и пр. Заседание 1 ноября 1916 г. заставило широкие массы более доверчиво отнестись к Думе, в которой вдруг сразу увидели «лучших избранных народа», «представителей Всея Руси» и пр.»¹⁸. Характерно, что генерал Глобачев признал: демократические круги – это достаточно широкие массы.

На депутатов как на людей известных выходили всё новые недозволенные. В условиях военных поражений это были и военные, готовые поиграть в «декабристов» ради того, чтобы сделать войну более «толковой» и победоносной. Не удивительно, что потенциальные военные заговорщики обращались к Гучкову, который одно время возглавлял комиссию Думы по вопросам обороны и вообще слыл ведущим военным специалистом в депутатском корпусе. Во время войны он возглавлял Центральный военно-промышленный комитет. По признанию самого Гучкова, он вел секретные беседы о возможности дворцового переворота. Вот, наконец, и заговор. Привел ли заговор Гучкова к свержению самодержавия, или речь идет о салонных конспирациях, которые так и остались разговорами, а самодержавие рухнуло в результате народных выступлений, которые начались по своим причинам?

Сам Гучков не считал свои контакты с оппозиционно настроенными военными чем-то опасным, не скрывал их и даже любил бахвалить-

¹⁷ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 48. Милюков приписал общественному мнению убеждение, будто эта речь стала «началом русской революции» (*Милюков П. Н.* История Второй русской революции. С. 35), что можно расценить разве что как проявление нескромности лидера кадетов. Реальная революция началась четыре месяца спустя.

¹⁸ *Глобачев К. И.* Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 363.

ся ими¹⁹. Так что об этих встречах, имевших легальное обоснование по части Военно-промышленного комитета, знала половина петроградского света. В узком кругу обсуждались и решительные действия, но практических приготовлений сделано не было. Высокоставленный чиновник-путеец Ю. В. Ломоносов вспоминал о разговорах подобного рода, которые велись «даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»²⁰.

Генералы сотрудничали с руководством военно-промышленных комитетов, занимавшихся поставками войскам, и продолжали проникаться либеральными идеями. Либеральные идеи не были чужды великому князю Николаю Николаевичу²¹, генералам М. В. Алексееву, Н. В. Рузскому, А. С. Лукомскому, А. А. Брусилову, А. И. Деникину, Ю. Н. Данилову, А. А. Поливанову, А. М. Крымову и др. А ведь они в ходе войны возглавляли фронты и штабы фронтов, занимали и более высокие должности, а Алексеев – возглавлял штаб Ставки. Поливанов в 1915–1916 гг. был военным министром, усиливая кадровые позиции либералов. Благодаря Поливанову военно-промышленные комитеты получили широкие права по распределению государственных военных заказов между заводами.

Военных раздражало, что самодержавная система не могла обеспечить нужды армии, и поэтому им нравилось потакать либеральной критике. На заседаниях Особого совещания по обороне под председательством Поливанова Родзянко и Гучков могли позволять себе самые ехидные замечания в адрес правительства.

Либерализм военных был оборотной стороной их недовольства правительством и самим Николаем, о котором генерал Лукомский в бытность заместителем военного министра говорил: «Мало ли что Государь находит достойным одобрения! Всем вам известна неустойчивость его взглядов»²².

Алексеев отзывался о правительстве: «Это не люди, а сумасшедшие куклы, которые решительно ничего не понимают»²³. Очевидно, что Алексеев предпочел бы такому правительству кабинет либералов,

¹⁹ *Кобылин В.* Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М. В. Алексеев. Истоки антимоноархического заговора. СПб., 1998. С. 172.

²⁰ *Станкевич В. Б.* Воспоминания. 1914–1919; *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года. М., 1994. С. 219.

²¹ В январе 1917 г. тифлисский городской голова А. Хатисов даже поставил перед Николаем Николаевичем вопрос о совершении переворота в его пользу. Великий князь, пораздумав, отказал, но и императору не сообщил о заговорщических беседах (*Николаевский Б. И.* Русские масоны и революция. М., 1990. С. 143).

²² *Наумов А.* Из увлечших воспоминаний. Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 421.

²³ Цит. по: *Мельгунов С. П.* На путях к дворцовому перевороту. Париж, 1931. С. 94.

тем более – знакомых ему лично. Казалось, что если правительство будет сформировано из представителей либерального крыла Думы, то власть будет иметь более прочную опору в обществе, можно будет легче привлечь частные капиталы к делу снабжения армии. Эти надежды были в значительной степени иллюзорными, но вполне естественными для того времени.

В канун Февральской революции либералы в патриотическом рвении искали предательство в окружении царя, где, по распространенной версии, свили гнездо «темные силы». Их оплотом считалась императрица Александра Федоровна. Либералы видели в императрице сильную личность, которая вредно влияет на слабовольного мужа в интересах германофильской партии (немка все-таки). Депутатам казалось, что они будут лучше смотреться у государственных рычагов. Им не приходило в голову, что источник проблем может крыться в устройстве самой бюрократической машины, которую либералы готовы были, чуть почистив, запустить «в нужном направлении».

В либеральных салонах оживленно обсуждались составы будущего правительства. Результаты этих обсуждений впоследствии пригодились.

Многие люди во фраках или погонах считали тогда, что было бы неплохо ограничить произвол двора и его чиновников правильно организованным представительством «общественности», сделать «как в Англии». Эта простая идея приходила в голову интеллигенции и в начале, и в конце XX века. Люди, которые считают себя интеллектуальной элитой, уверены, что они сохраняют эту роль в обществе, устроенном по западному образцу, и не будут отброшены капитализмом в социальный осадок...

При этом и многие участники досужих политических разговоров того времени рассуждали так же, как и современные сторонники теорий заговора. М. В. Родзянко вспоминал: «Мысль о принудительном отречении царя упорно проводилась в Петрограде в конце 1916 и в начале 1917 года. Ко мне неоднократно и с разных сторон обращались представители высшего общества с заявлением, что Дума и ее председатель обязаны взять на себя эту ответственность перед страной и спасти армию и Россию... Многие при этом были совершенно искренне убеждены, что я подготавливаю переворот и что мне в этом помогают многие гвардейские офицеры и английский посол Бьюкенен»²⁴. Родзянко пишет об этом с иронией, но многими такие версии воспринимались и воспринимаются всерьез.

В легендах о заговоре упоминается совещание у Родзянко 9 февраля 1917 г. В совещании участвовали Гучков, генерал Рузский и ко-

²⁴ Родзянко М. В. Крушение империи. – Харьков, 1990. С. 202.

мандующий кавалерийской бригадой Крымов. Но сам Родзянко в своих мемуарах об этом не вспоминает и вообще подчеркивает, что молва приписывала ему лишнее по заговорщической части. Согласно слухам, пересказанным затем социалистом Н. Соколовым, обсуждалась возможность ареста царя во время его пребывания в районе дислокации армии Рузского. Арест, вероятно, должен был осуществить Крымов с группой офицеров²⁵. Это уже больше похоже на то, что произошло во время Февральской революции. Но за одним исключением. Если бы не случилась революция, то группа заговорщиков оказалась бы один на один с остальной империей, все еще лояльной Николаю II. В Петрограде оставалось бы назначенное им правительство, в Ставке – не посвященный в эти планы Алексеев, рядом – верные пока царю части. Это обрекало попытку переворота на крах, даже если бы она готовилась реально.

Разговоров было много, но дело шло медленно. Максимум успеха – поддержка идеи переворота командиром кавалерийской бригады Крымовым. Но он служил на Румынском фронте и мог только поддержать переворот, а не совершить его.

Гучков надеялся, может быть с помощью солдат, находившихся под командой князя Д. Вяземского, или некоей группы офицеров перехватить императорский поезд и заставить царя отречься. Но и здесь все осталось на уровне разговоров – боевую группу не сформировали. Гучков настаивал, что принципиально не желал гибели государя, а лишь его отречения в пользу Алексея: «Мне казалось, что чувство презрения и гадливости, то чувство злобы, которое все больше нарастало по адресу Верховной власти, все это было бы смыто, разрушено тем, что в качестве носителя верховной власти появится мальчик, по отношению к которому нельзя ничего сказать дурного»²⁶. Этот ключевой элемент «плана Гучкова» не сработал, потому что он не был тем архитектором Февральской революции, которого из него пытаются сделать.

Полиция знала, что группа Гучкова «все свои надежды и упования основывает на исключительной уверенности в неизбежности «в самом ближайшем будущем» дворцового переворота, поддержанного всего-навсего лишь одной-двумя сочувствующими этому перевороту воинскими частями»²⁷. Разговоры, конечно, опасные, но поскольку практи-

²⁵ *Николаевский Б. И.* Указ. соч. С. 95–96. Гучков отрицал связь Крымова с заговором (Александр Иванович Гучков рассказывает. Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. // www.rulit.net/books/aleksandr-ivanovich-guchkov-rasskazyvaet-read-264480-14.html).

²⁶ Александр Иванович Гучков рассказывает... Очевидно, если бы Николай II отказался отречься, группа офицеров могла бы его убить. Или сдаться на милость государя?

²⁷ Цит. по: *Мультатули П. В.* Указ. соч. С. 136.

ческих мер по подготовке такого переворота кругом Гучкова полиция не нашла (в силу их отсутствия в реальности), то и арестовывать Гучкова оснований не было.

Захват поезда вроде бы планировался то ли на март, то ли на апрель. Апрель возникает из пересказов слухов о совещании у Родзянко 9 февраля²⁸, март (даже 1 марта) – из пересказа разговоров Гучкова вскоре после переворота, когда ему было еще выгодно преувеличивать свою роль в событиях²⁹. В обоих случаях нет достоверных сведений о реальной вооруженной силе, которая могла бы осуществить этот план. Март называл также причастный к заговорщическим разговорам М. И. Терещенко, но в связи с надеждами на генерала Крымова, который вроде бы должен был приехать в столицу в марте³⁰. Что бы он там сделал без своей бригады? Лично с пистолетом бросился бы на царский поезд? Очевидна общая наивность такого плана – без одновременных действий в Петрограде и Ставке закрепить подобную смену власти было невозможно, не убив Николая II. Переход власти к цареубийцам в условиях сохранения правительственного аппарата в столице был невозможен – скорее могла наступить ответная реакция, как после убийства Александра II.

Высокопоставленные военные иногда тоже строили абстрактные планы путчей, но отдельно от Гучкова. По рассказам Львова, он консультировался на эту тему с Алексеевым осенью 1916 года. Генерал считал, что все зло – в царице и нужно ее арестовать и заточить³¹. Этот план не лучшим образом характеризует умственные способности генерала. Сколько бы Александра Федоровна просидела в заточении, а заговорщики, ее арестовавшие, – в своих креслах? Ведь Николаю-то Алексеев при этом собирался оставить власть. Он был противником широкомасштабного переворота, так как «государственные потрясения» несут «смертельную угрозу фронту»³². Этот эпизод можно расценивать как доказательство раздражения Алексеева ситуацией при дворе, но никак не реальной подготовки переворота. Высказав курьезный план решения всех проблем с помощью ареста царицы, Алексеев явно был не в курсе идей Гучкова и Крымова. Может быть, Алексеев просто водил Львова за нос? Вряд ли. Если бы генерал был вовлечен в заговор Гучкова – Крымова, то мог бы легко перебросить группу офицеров Крымова к царскому поезду, особенно во время Февральской револю-

²⁸ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 95–96.

²⁹ Верховский А. И. На трудном перевале. М., 1959. С. 228.

³⁰ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 79.

³¹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 92.

³² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Февраль–сентябрь 1917 г. М., 1991. С. 107.

ции. Но этим «инструментом» не воспользовались. Так что Гучков, хотя пытался «распропагандировать» Алексеева в ходе их переписки, не посвящал генерала в планы захвата царя. Ни у Гучкова, ни у Крымова, ни у Алексеева на практике не имелось никакой реальной группы боевиков, которой можно было бы воспользоваться в февральские дни.

Сам Гучков признал позднее: «Сделано было много для того, чтобы быть повешенным, но мало реального осуществления, ибо никого из крупных военных к заговору привлечь не удалось»³³. Историк Н. Н. Яковлев был не согласен с таким самоуничижением: «А Маниковский?»³⁴ С ним установил контакт масон Некрасов, обсуждавший возможность переворота с Гучковым. Это вам не шутки! Ведь во время февральских событий Некрасов предложил Маниковского в диктаторы. Правда, кандидатура эта при обсуждении продержалась с минуту, другие «заговорщики» отмахнулись от нее, из чего видно, что заранее Маниковский в диктаторы не готовился, а просто Некрасов имел с ним хорошие личные отношения. К тому же Маниковский, как уже упоминалось выше, негативно относился к вмешательству общественности в организацию снабжения армии и не относился к числу сторонников Гучкова. В. А. Никонов признает, что доказательств причастности Маниковского к масонству нет, но упускать такой соблазнительный след заговора не хочет. Все-таки у Маниковского с Керенским в феврале 1917 г. была «близость», потому что осенью (!) Керенский назначил Маниковского управляющим военным ведомством. Правда, как раз Керенский и сместил Маниковского с этой же должности в мае. А осенью пришедшие к власти большевики тоже доверили эту работу Маниковскому. Если использовать метод Никонова, то получается, что Маниковский в начале 1917 г. и с большевиками был «близок». Но это вряд ли³⁵. Просто Маниковский был лоялен всем режимам и неодно-

³³ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 183.

³⁴ Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 1993. С. 258.

³⁵ Когда я писал эти строки, абсурдность причастности Маниковского к большевизму в феврале 1917 г. казалась мне очевидной, не требующей доказательств. Но оказывается нет пределов алогичности конспирологической мысли. П. В. Мультагули утверждает: «Если учесть, что Маниковский после Октябрьского переворота вступил в РККА, то связь его в феврале 1917 года с большевиками можно считать почти доказанной» (*Мультагули П. В. Указ. соч. С. 151*). Даже как-то неудобно за Мультагули, дрогнувшего и употребившего слово «почти». Уж если сокрушать законы логики, то негоже останавливаться на полпути. Вот вступил человек в армию нового режима – значит, уже давно работал на его лидеров. Если позволительны такие «логические» заключения, то слово «почти» тут неуместно. Нужно прямо заявить – все десятки тысяч офицеров, которые во время Гражданской войны служили в РККА – все работали на большевиков еще до свержения самодержавия. Гучков – это мелочи игры, когда у Ленина пол-армии были под контролем в феврале 1917 года. Можно только поздравить Мультагули с раскрытием обширного большевистского военного заговора в высших эшелонах императорской армии. Разумеется, подобные умозаключения о связи Маниковского с большевизмом в феврале 1917 г. не имеют отношения к научным методам исследования.

кратно становился руководителем ведомства в качестве технического исполнителя.

Никонов тоже считает, что Гучков скромничает при оценке своей роли в свержении самодержавия: «И вновь возьму на себя смелость сказать, что заговор Гучкова и военной верхушки не просто имел место, он зашел гораздо дальше, чем потом будут признавать его лидеры»³⁶. Но тут одной смелости мало – нужны еще доказательства наличия до 23 февраля 1917 г. конкретных договоренностей между Гучковым и «военной верхушкой» о совершении переворота. Каковы же эти доказательства? Хорошо известно, что Александр Иванович как бывший председатель думской комиссии по обороне имел широкие связи в военных кругах, но связи связями, а согласие генералов на государственное преступление – совсем другое дело. Пересказав известные планы Гучкова по захвату поезда, Никонов не приводит доказательств, что с этими планами до февраля 1917 г. был согласен или даже знаком кто-то из командующих фронтами или командиров крупных воинских частей в районе Могилева и Петрограда.

Не обнаружив доказательств заговора генералов во главе с Гучковым, Никонов идет от обратного: «План (или планы) Гучкова не имели бы ни малейшего смысла, если бы их не поддержала значимая часть армии или хотя бы часть её верхушки. Одного приказа из Ставки было бы достаточно, чтобы перечеркнуть результаты любого заговора»³⁷. Совершенно верно, и логически из этого следует, что те планы, которые обсуждались до начала революции, не могли увенчаться успехом. Это честно признал Гучков. Но Никонов начинает искать черную кошку в темной комнате: если Гучков излагает не реалистичные планы, значит, скрывает реалистичные. С какой-то стати в эмиграции Гучкову вздумалось выставлять себя глупцом во имя сокрытия истинных механизмов свержения императора? Может быть, ему стало стыдно за соучастие в свержении Николая? Нет, своего отношения к царю, желания его свергнуть и участия в февральских событиях Гучков не отрицает. Отрицает лишь роль архитектора и творца переворота, которую ему навязывают сторонники конспирологических концепций³⁸.

Вот другой известный факт – Гучков переписывался с генералом Алексеевым, настраивал его против монарха и самодержавия. Это,

³⁶ Никонов В. А. Указ. соч. С. 515.

³⁷ Там же. С. 522.

³⁸ Под конспирологией мы имеем в виду не исследование заговоров (которые, конечно же, в обилии существовали в истории), а публицистические версии, которые реконструируют заговорщические связи, основываясь на предположениях, и объявляют такие заговоры причиной более широких социальных и политических явлений, которые якобы были организованы заговорщиками.

кстати, было известно и Николаю II, который запретил генералу дальнейшую переписку, не считя, впрочем, этот факт признаком заговора³⁹. Согласимся с императором – критика главы государства в частных письмах даже высокопоставленному генералу – это еще не заговор. Есть ли свидетельства договоренности Алексеева и Гучкова о свержении Николая II? Никонов уходит в повествование о других контактах генерала с оппозицией – помимо Гучкова, об оппозиционных взглядах самого Алексеева. Если верить начальнику московского жандармского управления А. П. Мартынову, осенью 1916 г. было перехвачено письмо какого-то общественного деятеля о том, что думцам удалось уговорить Алексеева оказывать им «полное содействие». Во всяком случае, так это запомнил Мартынов и воспринял «общественный деятель». При каких условиях и в чем конкретно должно было оказываться содействие – остается под вопросом. Никонов понимает, что это пока очень шаткое доказательство «заговора Гучкова и военной верхушки», и констатирует, что Алексей не давал согласия на участие в каких-то заговорщических планах⁴⁰. Были слухи, что посланники Думы прямо говорили генералу о возможности переворота, и он то ли отказался его поддержать, то ли сказал, что и противодействовать не будет⁴¹. Но в-первых, это слухи, и не очень конкретные. А во-вторых, даже если так и было, получается, что Алексей отдал инициативу депутатам, у которых реальной военной силы не было. И ссориться с либералами не хотел, и возможности реально произвести переворот им не предоставил.

Тогда может быть в «заговоре Гучкова и военной верхушки» участвовали какие-то другие члены этой «верхушки»? Никонов рассказывает об оппозиционных взглядах генерала В. И. Гурко, который до 17 февраля 1917 г. исполнял обязанности начальника штаба Верховного главнокомандующего во время болезни Алексеева, а также командующих фронтами Рузского и Брусилова. Но и здесь не приводится доказательств подготовки им переворота⁴².

В общем, Никонову приходится констатировать: «Точной даты, на которую Гучков и его соратники готовили переворот, установить уже невозможно»⁴³. Это вполне естественно – имеющиеся источники не позволяют доказать, что она вообще была. Ведь до февраля 1917 г. у оппозиции не было главного условия для переворота – военной силы, готовой к выступлению. Сочувствующие либерализму генералы не

³⁹ Переписка Николая II и Александры Романовых. Т. 5. С. 38, 43, 47–48, 53, 58.

⁴⁰ Никонов В. А. Указ. соч. С. 531–532.

⁴¹ Там же. С. 537–538.

⁴² Там же. С. 233–237.

⁴³ Там же. С. 542. Полиция питалась слухами, что нечто должно произойти 8 февраля, но ничего не случилось.

проявляли желания рисковать (за исключением Крымова на Румынском фронте). Не удалось найти доказательств того, что до февраля Гучкову удалось заручиться поддержкой «военной верхушки» или даже группы офицеров для практического осуществления ареста Николая II.

Принципиально важно, что во всех слухах об обсуждении планов дворцового переворота нет планов организации рабочих волнений. Даже преувеличивая степень подготовки верхушечного переворота, либералы сожалеют, что не успели ничего сделать до начала рабочих волнений. Это якобы могло предотвратить выход на улицы широких масс. **В действительности только выход масс и открыл перед думскими деятелями возможность начать воплощать в жизнь свои мечты об отстранении Николая II от власти. Только вот, вопреки их мечтаниям, верхушечные перемены не могли остановить социального движения, потому что не снимали его социальные причины.**

Существует мнение, что перемены могло предотвратить наступление на фронте, и вообще оппозиция могла совершить переворот только до апреля 1917 года. «Для революционного переворота в России имелся один месяц, до 1 апреля. Дальнейшее промедление срывало революцию, ибо начались бы военные успехи, а вместе с ними ускользнула бы благоприятная почва»⁴⁴, – писал полицейский генерал Глобачев. Это мнение, которое поддерживают и некоторые современные авторы⁴⁵, весьма уязвимо. Во-первых, не было никаких гарантий, что гипотетическое наступление российской армии привело бы к поражению Германии. План кампании предполагал нанесение главного удара по Австро-Венгрии в направлении Львова и в Румынии. Против Германии планировались лишь вспомогательные удары⁴⁶. И это понятно – даже во время Брусиловского прорыва не удалось пробить фронт германской армии. Неудачной оказалась и попытка пробить германский фронт под Митавой в январе 1917-го. Австро-венгерская армия была послабее, но и она не исчезла бы даже в случае оставления Львова (что тоже не гарантировано, если вспомнить, что в ходе Брусиловского прорыва не удалось взять Ковель). Львов уже бывал в руках российской армии, и это вовсе не привело к краху Австро-Венгрии, не говоря о Германии. Австрийцев били не впервой, и победа на этом фронте – опять ценой огромных потерь – вовсе не гарантировала Россию от

⁴⁴ Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 118.

⁴⁵ См., например: *Мультилати П. В.* Внешняя политика Императора Николая II (1894–1917). М., 2012. С. 770.

⁴⁶ Мировые войны XX века. Первая мировая война. Т. 2. М., 2002. С. 228.

революции. Ведь Брусиловский прорыв, который произошел всего за несколько месяцев до Февраля 1917-го, не предотвратил революцию. Почему ее должен был предотвратить гипотетический «Львовский прорыв»? Разве что отложить на несколько месяцев. Во-вторых, «благоприятная почва» для революции зависела от социальной ситуации, которая никак не улучшалась в случае наступления.

Даже если «грязные заговорщики» и боялись грядущего наступления, они не нашли реальных инструментов для совершения верхушечного переворота – то есть переворота без революции снизу. Одно дело – хотеть, другое – мочь. **Нужно различать заговоры и разговоры. Контактируя с отдельными офицерами и даже генералами, либеральным политикам не удалось заручиться поддержкой тех военных руководителей, которые могли бы приступить к подготовке военного переворота в столице.** А без этого можно вести либеральные беседы еще долго, пока кризис самодержавия не вызвал настоящую революцию.

Но эта пропаганда имела важный результат – значительная часть офицерского корпуса склонялась к мысли, что конституционная монархия является оптимальным государственным устройством.

Масоны, масоны, кругом одни масоны

Легальная деятельность оппозиции и консультации либералов с военными переплетались с загадочной деятельностью масонов. Не смыкается ли реальная политическая игра кануна революции со средневековыми мистическими ритуалами? Может быть, империю погубил тайный заговор мистического ордена масонов?

Возникнув как оппозиция католическому мировоззрению и европейскому абсолютизму, масоны превратились в накопитель разнообразных нелегальных религиозных, философских и политических идей. На заре Нового времени они приучились скрывать свои цели за ритуалами и шифрами. Понятно и всеобщее недоверие к масонам, которые считают всех остальных профанами, и интерес к их секретам – а вдруг они действительно определяли ход мировой истории или обладали сверхзнанием, которое меняет наш мир. Не будем разочаровывать искателей масонских тайн позапрошлых веков. Но раз уж масонов объявляют творцами истории XX в., давайте разберемся, что известно достоверно и рассмотрим их роль в Февральской революции.

Источники по реальной истории масонских организаций немногочисленны и противоречивы. Историки (не путать с публицистами и драматургами) провели разбор этих источников, указав на очевидно

недостовверные и путаные свидетельства, после чего круг достоверных сведений сузился еще сильнее⁴⁷.

При этом важно учитывать, что ряд деятелей дореволюционной оппозиции увлеклись модной масонской игрой в эмигрантском бездельи. Например, писательница Нина Берберова решительно расширила круг масонов, ссылаясь на эмигрантские слухи, впрочем, сами по себе противоречивые⁴⁸. Участие политика в эмигрантском масонстве не доказывает его принадлежность к ложе до февраля 1917 года. Не утруждая себя доказательствами, Берберова использовала «презумпцию» масонства: если либеральный или правосоциалистический политик, замешанный в интригах против государя, не отмежевался, причем решительно, от масонов – значит, он этот самый масон и есть. Так в масоны попали и Родзянко, и командующие фронтами, и генерал Алексеев. К таким «свидетельствам» следует относиться осторожно.

Масонство было модной игрой российской элиты между двумя революциями, элементом культуры эпохи Серебряного века, заимствованным из Франции (прежде всего от ложи «Великого Востока Франции»). Первые российские ложи XX в. сохранили следы традиционного масонства – с мистическими атрибутами, которые могут вызывать улыбку или обвинения в сатанизме. Их политическое влияние было минимальным. В 1909–1910 гг. масоны были замечены охранкой, и филиал «Великого Востока Франции» в России формально самораспустился. Ряд бывших членов франкмасонства и действующих оппозиционных политиков решили использовать масонскую форму для создания независимой от зарубежных масонов подпольной политической организации. В 1910–1912 гг. была создана новая организация «Великий Восток народов России», где уже не было масонских ритуалов, зато под покровом «масонской» секретности велись оппозиционные политические консультации и согласовывались некоторые политические акции. Верховный совет организации был выборным, характерную для настоящих масонов иерархию упростили, разрешили прием в ложи женщин. В эту организацию вошел ряд деятелей кадетской партии, а также некоторые умеренные социалисты, включая депутата-трудовика А. Ф. Керенского и социал-демократов Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели и М. И. Скобелева.

Такова «объективка». Но искатели тайн задают многочисленные вопросы. Были ли новые масоны враждебны империи не по политическим, а по религиозным мотивам сатанинского или иудаистского неприятия православной державы? Кто входил в состав масонской ор-

⁴⁷ См. Николаевский Б. И. Указ. соч. ; Аврех А. Я. Масоны и революция. М., 1990. С. 12–67.

⁴⁸ Берберова Н. Люди и ложи. Русские масоны XX столетия // Вопросы литературы. 1990. № 1.

ганизации и насколько широки были связи масонства и всеохватен его заговор? Насколько организация управляла своими членами? То есть была она клубом политических консультаций или действенной сплочённой централизованной организацией? Каковы были конкретные действия масонов во время Февральской революции, которые были продиктованы масонской дисциплиной? Иными словами, организовали ли масоны Февральскую революцию?

Устав «Великого Востока народов России», принятый на съезде 1912 г., разочаровывает искателей мистических мотивов масонской деятельности: «Масонство имеет целью искание истины и достижение нравственного совершенства человечества путем объединения людей на началах братской любви, взаимопомощи, терпимости и полной свободы совести. Отсюда девиз масонов: свобода, равенство и братство»⁴⁹. Просто клуб демократов, связанных взаимным уважением. От «регулярного масонства» осталась одна оболочка – и цели другие, и темы, и порядки. Главное сходство – строгая тайна всего, что происходит внутри. Но ведь не только масоны являются тайной организацией.

Нет, не годятся такие масоны на роль заговорщического штаба. Наверное, устав не отражает их боевой сущности?

Историк Н. Н. Яковлев, активный защитник советской державы от происков диссидентов, неумоимо расследовал также и подрывную работу масонов против России. Он был уверен, что после роспуска ложи «Великого Востока» «другие ложи, неизмеримо усилив конспирацию, продолжили свою работу по овладению ключевыми постами в государственной иерархии Российской империи»⁵⁰. Что это за ложи и на какие ключевые посты сумели они провести своих членов?

Масоны вроде бы руководили «Прогрессивным блоком» в Государственной думе. Но он, как известно, не смог добиться контроля над правительством, после чего «те, кто считали себя руководителями русской буржуазии, решили из мозаики лож, орденов и братств отковать единую тайную организацию»⁵¹. Здесь Яковлев загадочен, как масон. Кто эти загадочные «те»? Что за мозаика «лож, орденов и братств» и чем они отличаются друг от друга? Впрочем, стоит ли вникать в такие детали, когда вот-вот возникнет единая «откованная» тайная организа-

⁴⁹ Цит. по: *Старцев В. И.* Русское политическое масонство начала XX века. СПб., 1996. С. 124.

⁵⁰ *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 12.

⁵¹ Там же. С. 13.

ция, которая заменит собой «мозаику» и будет действовать под руководством «тех» самых вождей буржуазии.

Размах «заговора по типу масонских лож» оказался нешуточным: «организация пронизывает и охватывает высшую структуру Российской империи, особенно двор, бюрократию, технократию и армию»⁵². Тут бы неплохо привести примеры масонов, руливших двором и правительством. И почему, раз все так «схвачено», Прогрессивный блок не сумел договориться с правительством. Кругом одни загадки, но Яковлева это не пугало. У него была улика – найденная в материалах полиции «Диспозиция № 1» «Комитета народного спасения» 1915 года. Полиция изъяла бумагу у французского журналиста, к которому она попала от депутата Петроградской думы А. Н. Брянчанинова – издателя «Церковно-общественного вестника» и прогрессиста. Брянчанинов сообщил, что воспринял бумагу как курьез и не помнит, от кого ее получил. Полиция успокоилась, но масоноведы – нет. Ведь, как оказалось, «Диспозиция» имелась и в бумагах Гучкова.

Депутат и предприниматель Гучков, как мы видели, мечтал о перевороте. Так что он – фигура, во всех отношениях пригодная для того, чтобы объявить его главой заговора масонской буржуазии (или буржуазного масонства – все едино). Да и бумага суровая, составленная с офицерской прямоотой: «немедленно назначить штаб верховного командования из десяти лиц, предоставив сие основной ячейке: кн. Львов, А. И. Гучков и А. Ф. Керенский... Верховное командование, организованное народом в борьбе за свои права, принять на себя А. И. Гучкову, как объединяющему в себе доверие армии и Москвы, отныне не только сердца, но и волевого центра России»⁵³. Так что по этому плану Гучкову следовало обосноваться в Москве и командовать оттуда «штабом десяти», армией, прессой и петербургскими депутатами.

Правда, ничего масонского здесь нет: стиль военной канцелярии. Гучков был более опытным политиком, чтобы писать такие вещи. Во всяком случае, появление «диспозиции» в его архиве еще никак не доказывает, что именно он – автор и даже что он согласен с планом создания «комитета». Мало ли прожектов передают депутату.

Сам текст по стилистике очень сильно отличается от депутатских и масонских документов, и, читая его и тем более сопутствующую ему «Диспозицию № 2», историк А. Я. Аврех пришел к логичному выводу, что это – «типичный образец политической графомании»⁵⁴. Автор,

⁵² Там же.

⁵³ Аврех А.Я. Указ. соч. С. 82–83.

⁵⁴ Там же. С. 86.

судя по стилю – офицер, который надеялся своей диспозицией заставить разношерстных политиков ходить строем под командой Гучкова. Вероятно – связанный с московскими кругами. Автор «Диспозиций» пытался донести свое мнение до своего кумира и других центристских деятелей – так эти документы попали в соответствующие архивы. «Диспозиции» отражают настроения не масонских, а праволиберальных офицерских кругов, которые будут затем тяготеть к генералу Корнилову.

Пусть забавная «Диспозиция № 1» 1915 года – исторический курьез. Но ведь Гучков действительно строил планы переворота, хоть и малореальные. Насколько он мог опереться при этом на масонскую организацию? Начнем с того, что нет надежных свидетельств участия Гучкова в масонстве до революции (он стал масоном уже в эмиграции)⁵⁵. Вспоминая о действиях масонов в канун Февральской революции, один из их лидеров Н. В. Некрасов видел важное достижение в том, что удалось «нащупать» группу Гучкова и связанных с ним военных⁵⁶. То есть, по Некрасову, Гучков был союзником масонов, а не участником их организации.

Гучков взаимодействовал с масоном Некрасовым. Но планы их не совпадали. В феврале Гучков рассказал о своем плане апрельского переворота, после которого Крымов должен был быть назначен генерал-губернатором Петрограда и произвести репрессии против оппозиции: «Левые захотят воспользоваться переворотом, и необходимо в столице иметь человека, который не побоялся бы перевешать кого надо. Крымов такой – он в три дня очистит Питер от всех, кто не нужен»⁵⁷. Но перспектива такого «нового порядка» масонам не улыбалась. Дело в том, что они делали ставку на союз с левыми (о чем ниже).

С. П. Мельгунов реконструировал такую структуру заговора от Гучкова до большевиков. Гучков, Терещенко, Крымов планируют напасть на императорский поезд в марте 1917-го (Вероятнее – в апреле, но Мельгунову важно, чтобы план заговорщиков был как можно ближе к реальной картине революции). С этой троицей контактируют масоны, что позволя-

⁵⁵ См. Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 109–117. Масоновед В. С. Брачев настаивает, что Гучков все же был масоном и до революции, но не приводит доказательств этого, следуя презумпции виновности лиц, которые кем-то упоминались как масоны (Брачев В. «Победоносный Февраль» 1917 г.: масонский след. // Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007. С. 171).

⁵⁶ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 274.

⁵⁷ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 95–97.

ет рассчитывать на поддержку думской оппозиции. Важную роль играет Терещенко, через которого Гучков контактирует с Родзянко...⁵⁸

Стоп. Какой-то абсурд получается. Зачем Гучкову и Родзянко общаться через Терещенко, когда они и так прекрасно знакомы по думской деятельности и даже принадлежат к одной партии октябристов?

А нужно это, чтобы демонизировать фигуру Терещенко, ибо он внезапно «всплывет» в первом составе Временного правительства, что станет главным доказательством участия в его формировании неких таинственных закулисных сил.

Гучков и без всяких масонов связан с думской оппозицией. Масоны связаны с социал-демократами, а Гучков и Крымов собираются в случае успеха переворота перевешать леваков. Так при чем здесь масонские связи? Может быть, Гучков хотел попользоваться социалистами для провокации волнений, а потом устроить им «ночь длинных ножей»? Тоже не получается. У Гучкова в ВПК есть Рабочая группа, и весьма влиятельная. Он собирался налаживать отношения с рабочим классом через эту группу. Но если Гучков надеялся опереться на Рабочую группу ВПК, то ничего из этого не вышло. В февральские дни она стала организовывать Совет. А это прямо противоречило планам Гучкова. Более того, он не ждал волнений в Петрограде для осуществления своих планов. Напротив, рабочие выступления сорвали планы Гучкова.

Итак, Гучков действовал в контакте с масонами, но две эти группы были вполне самостоятельны. Гучков был полон решительных идей, но не имел средств к их осуществлению. Масоны были полны осторожности. Устройство лож было рассчитано не на управление членами, а на организацию благожелательного диалога между ними. Меньшинство не было обязано подчиняться большинству. Стороны стремились найти консенсус⁵⁹. Так что говорить о централизованной дисциплинированной организации не приходится. Масон А. Я. Гальперн вспоминал о ложе: «Главное, что я в ней ценил с самого начала, это атмосфера братских отношений, которая создавалась в ложах между их членами – безусловное доверие друг к другу, стремление к взаимной поддержке, помощи друг другу»⁶⁰.

Собиратель воспоминаний масонов Б. И. Николаевский считал, что они выработывали идеологию «заговорщического движения»⁶¹. Непонятно только, какие заговорщики просили об этом масонов. Как раз идеологов в российской оппозиции и без масонов хватало. Политиче-

⁵⁸ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 187–195.

⁵⁹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 30.

⁶⁰ Там же. С. 52–53.

⁶¹ Там же. С. 38.

ская идеология российских масонов того времени сводилась прежде всего к сближению либеральных и социал-демократических позиций. Идея, прямо скажем, не оригинальная, в том числе и в России. История русского освободительного движения знает немало примеров, когда социал-демократы правели, а либералы левели без всякого масонства.

Историк Мельгунов, которого самого приглашали в масоны, писал: «Мне кажется, что масонская ячейка и была связующим как бы звеном между отдельными группами «заговорщиков» – той закулисной дирижерской палочкой, которая пыталась управлять событиями»⁶². Характерна неуверенность автора в излагаемой им версии: «мне кажется... как бы звеном». Мельгунов и сам не уверен в том, что пишет, а вот современные мифотворцы уже ссылаются на него как на источник, не вызывающий сомнений.

Запутавшись в реальных и выдуманых масонских связях, сам Сергей Петрович в итоге разочаровался в своих первоначальных версиях. В его поздней работе «Мартовские дни 1917 года» масонам уже практически не уделяется внимание. Как подметил С. Н. Дмитриев, «видимо, по прошествии лет Мельгунов еще более убедился в том, что этой «дирижерской палочке» не очень-то удавалось управлять событиями, а наоборот, череда быстростремительных событий диктовала ее «лихорадочные движения». «Музыку заказывала» народная стихия, потому-то революции и называются революциями»⁶³.

Вспоминая уже в советское время о действиях масонской организации во время Февральской революции, Некрасов называл ее «своеобразным конспиративным центром «народного фронта»», который помог «объединению прогрессивных сил под знаменем революции»⁶⁴. Приятно объявить себя «центром» всех прогрессивных сил. Но в чем это проявлялось конкретно?

Наибольших успехов масонская организация добилась на думском поприще. По воспоминаниям самих масонов, их парламентская ложа стояла левее Прогрессивного блока, так как мало интересовалась октябристами и привлекала в свой состав социал-демократов и трудовиков. Это в целом соответствовало последующей конфигурации Временного правительства начиная с мая 1917 года. Из-за различия политического курса «Верховный совет был в оппозиции к политике Прогрессивного блока»⁶⁵, что делало масонов не штабом, а левым крылом думского большинства.

⁶² Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 187.

⁶³ Дмитриев С. Н. «Мартовская одиссея» последнего императора России // Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года. М., 2006. С. 8.

⁶⁴ Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 274.

⁶⁵ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 66.

Социал-демократы вошли в ложу, потому что сочли, что «эта организация по своим задачам носит определенно революционный характер», а «ее решения нас не связывали»⁶⁶.

Согласование действий кадетов и меньшевиков в Думе, по мнению Николаевского, было более выгодно для левых фракций, так как правые были более влиятельны в Думе и могли, в частности, обеспечить прохождение запросов социал-демократов⁶⁷.

Литературная ложа масонов включала либеральных и в меньшей степени социал-демократических журналистов. Воображение рисует картину могущественной медиакорпорации, которая может по сигналу центра смещать с грязью любого и навязать людям любую идею. Но в реальности речь могла идти не об управлении волей публицистов из разных газет, а о согласовании взглядов и обмене информацией. Некоторую роль масоны сыграли в агитационной кампании против Распутина (хотя явно были не единственными ее организаторами).

Как только их взгляды расходились, «братья» по ложе публично бросались в атаку друг на друга. Так, Гальперн указывает на Н. Н. Суханова как члена организации. Известно, что с началом революции Суханов принялся резко критиковать и Временное правительство, и Чхеидзе. Сам Чхеидзе, по воспоминаниям Гальперна, стал отходить от масонов уже с началом войны, считая их роль законченной. По утверждению Чхеидзе, после Февральской революции он вовсе отошел от логи, но Гегечкори считает, что Чхеидзе и Некрасов продолжали общаться «как брат с братом»⁶⁸. Это значит, что личные связи сохранились, но не доказывает, что Чхеидзе посещал ложу после февраля 1917-го.

Военная ложа прекратила существование с началом войны, да и прежде была неработоспособной. Но важно, что масоны контактировали с генералом Рузским через его брата Дмитрия, масона. Они не могли управлять генералом, но могли осторожно усиливать его оппозиционность. Масоны завязывали и другие неформальные связи с военными. Впрочем, это делали и другие либералы – не масоны.

Николаевский суммировал доступную информацию о деятельности Верховного совета: «Успешными усилия Совета могли быть только, где речь шла о сравнительно небольших вопросах, о сглаживании углов и т.д.»⁶⁹.

Может быть, масоны устроили рабочие волнения, с которых началась революция?

⁶⁶ Там же. С. 76, 79.

⁶⁷ Там же. С. 33.

⁶⁸ Там же. С. 71–72, 81, 89.

⁶⁹ Там же. С. 34.

Масонами были социал-демократы Чхеидзе, Е. П. Гегечкори, Чхенкели и Скобелев. Для коллекции вовлекли также большевика И. И. Скворцова-Степанова, который был скорее информатором большевиков, чем агентом масонов в большевистской партии.

По Яковлеву, масоны давали Чхеидзе прямо обратные команды: «удерживать рабочих от выступлений»⁷⁰. Тогда у масонов дела совсем плохи. Чхеидзе этим приказам не подчиняется, а действует в русле политики меньшевиков. 14 февраля меньшевики организуют рабочие демонстрации в поддержку Государственной думы. Часть лозунгов была более радикальна, включая «Долой правительство!». Так, может быть, Яковлев что-то перепутал, и масоны как раз решили устроить рабочий бунт, который стал поводом к перевороту? Опять не получается. Депутаты – правые социал-демократы ни при чем, так как они не имели отношения к организации выступлений 23 февраля. Какие замыслы ни приписывай масонам в отношении рабочего вопроса, в любом случае принадлежность Чхеидзе к масонской ложе не помогает их подтвердить.

Гальперн признавал: «...революция застала нас врасплох»⁷¹. Рычагов для воздействия на ситуацию у масонов не имелось. Можно было обмениваться информацией с теми «братьями», которые, подобно Керенскому, бросились в водоворот событий, можно было смотреть из окна на бунтующие толпы и печалиться, что революция свершилась не так, как мечталось.

Даже историк Г. Аронсон, в целом склонный высоко оценивать влияние масонов, считает: «Цели масонов совпадали с целями политических деятелей-немасонов, да и методы работы были те же, если не считать конспиративности организации, созданной масонами»⁷². Но и конспиративность не была отличительной чертой масонов – ведь все революционные партии и группы действовали конспиративно. **Масонов можно определить как подпольную организацию части либералов с участием некоторых социал-демократов и трудовиков.** Из-за отсутствия внутренней дисциплины они тянут на роль не штаба революции, а лишь на роль части «народного фронта», совместными усилиями свалившего самодержавие. Структура этого неоформленного фронта включала и собственно революционное подполье, и масонов, и легальных социалистов, и думский Прогрессивный блок, и фрондирующих генералов, связанных с думским блоком. Одни части этого «фронта» не только не управляли другими, но часто даже не зна-

⁷⁰ Там же. С. 253.

⁷¹ Там же. С. 70.

⁷² Аронсон Г. Масоны в русской политике // Там же. С. 163.

ли об их деятельности. Но все были готовы воспользоваться случаем, чтобы начать действовать сначала против самодержавия, а затем практически сразу – друг против друга.

Есть множество свидетельств того, как либеральная оппозиция использовала легальные структуры для подрыва авторитета самодержавия. Впрочем, нельзя было бы подорвать этот авторитет, если бы он опирался на действительно эффективную и популярную политику. Есть множество свидетельств о нелегальных разговорах. **Одного не хватает: надежных доказательств нелегальной деятельности по практической подготовке переворота.**

Рука Берлина. Или Лондона?

Версия масонского заговора все-таки имеет некоторую историческую подоснову. И масонские связи, и заговорщические планы Гучкова существовали на самом деле. Просто их значение в событиях было незначительным и искусственно раздувается мифотворцами.

Более сенсационная и прямолинейная версия – Февральскую революцию сделали иностранные агенты. Можно – и масоны, но только – по заказу англичан или немцев. Лучше всего, чтобы немцев. Враг сгубил монархию, все, кто против самодержавия, – предатели Родины.

Доказательство простое – «кому выгодно». Выгодно немцам. Но тут же выстраивается длинная очередь социальных и политических сил от большевиков до старообрядцев, которые были рады свержению самодержавия. Эмигрантский историк Г. М. Катков пытался спасти «немецкую версию», рассуждая от обратного. Известно, что народные выступления в Петрограде были стихийными. Партии не направляли события, в них все участвовали на свой страх и риск. Каткову непонятно, как такое может быть, и он делает вывод: «Вмешательство немецкой агентуры дает объяснение этому поразительному успеху “революции без революционеров”»⁷³.

Если бы Катков вдумался в эту свою мысль, он сам изумился бы ей. Получается, что немецкие агенты пользовались огромным авторитетом на предприятиях. Во всяком случае, большим, чем члены революционных партий. Эти агенты прекрасно умели «глаголом жечь сердца людей», поднимать народ на восстание, зато потом как-то вдруг исчезли, вернув лидерство революционерам. По своей экзотичности эта версия сопоставима разве что с другой такой же – о том, что немецкий десант совершил Октябрьский переворот. Только десантников никто

⁷³ Катков Г. М. Февральская революция. Париж, 1984. С. 262.

не заметил. И следов агентов, совершивших Февральскую революцию, не осталось даже в германских архивах. А там тщательно фиксировали попытки воздействовать на политическую ситуацию в России.

Этот ворох догадок выводят из двух фактов. Как-то Милюков вскользь высказал обывательское суждение о немецком следе в революции, о котором сам ничего не знал. Второй факт более сенсационен: немецкий коммерсант и социал-демократ, он же бывший русский революционер Александр Гельфанд (Парвус) предложил властям своей страны способствовать революции в России. Власти согласились. Помимо мелких подачек русским социал-демократам и сепаратистам, которые помогли им в выпуске небольших тиражей пропагандистской литературы, первым крупным делом Гельфанда на новом поприще стала попытка организовать революцию в России 22 января (то есть 9 января по старому стилю) 1916 года, на что Гельфанду вроде был выделен целый миллион марок⁷⁴. Что же, Гельфанд отчитался, что отправил деньги в Петроград. Лучший способ отчетности. Тем более что стачки состоялись и не могли не состояться – ведь была очередная годовщина 9 января, и положение рабочих за время войны ухудшилось. Уместно напомнить, что стачки на Путиловском после начала войны возобновились уже в августе 1915-го, до всей этой затеи. Так что Гельфанд мог спокойно просто присвоить деньги.

Кстати, роль Гельфанда как раз была двойственной, германские чиновники ему не доверяли, полагая, что он может заботиться об интересах в большей степени мировой социал-демократии, чем Германской империи. Гельфанд, в частности, убеждал немецкие власти воздержаться от наступательных действий против России⁷⁵. По его мнению, «русский рынок и участие в индустриализации в России для нас важнее, чем любые территориальные приобретения»⁷⁶.

Чтобы придать Гельфанду хоть какой-то вес в предыстории российской революции, его биографы высказывают гипотезу (но без доказательств) о связях его с социал-демократами-межрайонцами. Единственный аргумент, который приводится в пользу этой версии, – контакты Гельфанда с эмигрантами, которые позднее запишутся в межрайонцы (а не с теми межрайонцами, которые действовали в Петрограде)⁷⁷. Важно и другое – роль межрайонцев была существенной в начале событий 23 февраля 1917 года, а не 22 января 1916-го, когда революцию планировал Гельфанд.

⁷⁴ Шиссер Г., Траупман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 35.

⁷⁵ Земан З., Шарлау В. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 246.

⁷⁶ Там же. С. 278.

⁷⁷ Там же. С. 214.

В любом случае, события февраля 1917 года явились для Гельфанда (равно как и для немецких властей) полнейшей неожиданностью.

Даже Катков понимал всю склизкость его немецкой версии, выстраивая ее с помощью словечек «как говорили» (кто?), «возможно», «по всей вероятности»... Но он уверен, что 23 февраля не обошлось без немцев. А как же. Ведь выступления начались с листовок социал-демократов-межрайонцев, в которых было написано «Долой войну!». Явная немецкая инструкция⁷⁸.

Катков забывал (или делал вид, что забывает), что лозунг «Долой войну!» был распространен среди левых социалистов (интернационалистов), и направлен он был против обоих воюющих блоков. Так что немцы дали бы другую инструкцию, если бы у них были рычаги влияния на забастовщиков и российских социал-демократов. Ведь даже Катков знал, что началось-то с межрайонцев. А они как раз стояли на интернационалистических позициях. Так что Катков безосновательно наводил белоэмигрантскую тень на революционный плетень.

Раз уж немцы не годятся в организаторы Февральской революции, можно примерить на эту роль англичан. Доказательства? Да тоже никаких. Один принцип «кому выгодно». Так они же не немцы – им вроде бы невыгодно. Из-за революции русский фронт под угрозой оказался. Однако нет пределов мифотворчеству. Вот публицист Н. Стариков целую книгу посвятил сложносочиненному доказыванию, что англичанам было выгодно поражение России в войне. «Именно наши «союзники» по Антанте убили Российскую империю. Первую скрипку в этом похоронном марше играла британская разведка...»⁷⁹ Очень, понимаете ли, боялись англичане, что Россия усилится после победы над Германией. Одна неувязка – Германию-то еще не победили. Даже США еще не вступили в войну против Германии. А вот англичане решили переиграть сами себя – обеспечивают немцам возможность выиграть войну, перебросив силы с восточного фронта на западный. В общем, хитро заверчено.

Знание предмета для создания таких веселых версий не требуется. Стариков выясняет, например, каково участие эсеров в событиях Февральской революции. Дело нехитрое – достаточно «полистать мемуары известного нам лидера этой партии Виктора Чернова»⁸⁰. А там о февральских событиях ничего нет. Значит – эсеры не при чем. Стариков забыл, что Чернов находился в эмиграции, а в выступлениях февраля 1917 г. участвовали те эсеры, которые были в России. И на своем

⁷⁸ Катков Г. М. Указ. соч. С. 264.

⁷⁹ Стариков Н. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М., 2006. С. 7.

⁸⁰ Там же. С. 181.

незнании вопроса автор начинает выстраивать ветвистую теорию: эсеры не организовали революцию. И кадеты. И немцы с большевиками не организовали. Кто организовал? Остаются англичане (куда только японцы подевались?).

Биограф Николая II П. В. Мультиатули уверен, что если до середины 1916 г. «главной целью английской политики была победа над Германией в союзе с Россией, то со второй половины 1916 г. такой целью стало устранение царской России и только потом победа над Германией»⁸¹. С чего это вдруг? Мультиатули пишет о гибели друга России лорда Китченера и приходе к власти в Великобритании таинственных «глобалистских сил», которые мечтали о гибели не только царской России (то есть самодержавия), но и расчленении России вообще (здесь, правда, приходится ссылаться не на британцев, а на частное мнение американца Э. М. Хауса). Чтобы как-то обосновать свою парадоксальную мысль, Мультиатули пишет о том, что обладание проливами открыло бы России... дорогу в Индию⁸². Где Средиземное море, а где Индия – даже Каспий ближе. Но для конспирологических теорий география – не указ. По версии Мультиатули, революцию в России сломя голову бросились делать также представители Франции и США (тут у посла Фрэнсиса «обнаруживается» мотив хлебной конкуренции⁸³ – ясное дело, что с точки зрения американской политической элиты без самодержавия русский хлеб не родится). Конспирологи уверяют в том, что за руководителями государств Антанты стояли загадочные международные структуры, рулившие всем западным миром. Мультиатули вычислил некое «Бродвейское сообщество», в которое по его версии входили американские банкиры, а также заправили иудейских и космополитичных тайных обществ. Вот они-то вместе с английским «Круглым столом» и приняли решение о свержении Николая II⁸⁴.

⁸¹ Мультиатули П. В. Внешняя политика... С. 763.

⁸² Там же. С. 755–763.

⁸³ Там же. С. 764–765.

⁸⁴ Мультиатули П. В. Император Николай II и заговор 17-го года. С. 98, 101, 102, 112. Надо сказать, что Мультиатули ввел в научный оборот большое количество интересных документов, которые при корректной интерпретации помогают уточнить картину событий. С интерпретацией, которую дает этот автор в интересах своей жестко идеологизированной монархической схемы, обычно трудно согласиться, но ее по крайней мере можно обсуждать. В случае же с Бродвейским сообществом, которое то и дело всплывает зловещей тенью в книге Мультиатули, не приводится вообще никаких первичных источников об участии этой структуры в организации Февральской революции. Достаточно знакомства Миллюкова с кем-то, кого Мультиатули относит к «Бродвейскому сообществу», чтобы считать, что этот политик получал указания от зарубежного центра (С. 120). Чистая конспирология. Впрочем, потратив изрядную часть работы на рассказы о Бродвейском и прочих не менее таинственных зарубежных сообществах, автор внезапно констатирует, что «было бы неправильно считать эту роль (внешних сил – А. Ш.) главной и решающей» (С. 119). Ну и слава Богу. Вообще у рассказов о коварных внешних силах, якобы стоявших за спиной противников самодержавия, ясная идеологическая

Версия руководства российской революцией со стороны представителей Антанты или хотя бы их «помощи заговорщикам» нуждается в доказательствах. А максимум, что удастся найти – это консультации послов Антанты с лидерами легальной либеральной оппозиции⁸⁵. Это обычная дипломатическая практика. В этих беседах затрагивались и темы гипотетического переворота, что совершенно не доказывает какой-то материальной помощи либералам со стороны Антанты в свержении самодержавия. Послы хотели знать больше о самых смелых замыслах оппозиции и давали понять, что установление конституционной монархии не вызовет осложнений в отношениях России с союзниками.

Очевидно наивны попытки монархистов и националистов объяснить неприязнь представителей Антанты к самодержавию хитроумными планами добиться ее поражения и даже развала до победы над Германией. Поражение России ставило Антанту в крайне тяжелое положение, так как Германия могла перебросить войска с Восточного фронта на Западный. Для западных партнеров России самодержавие представлялось неэффективным способом управления, и либерализация режима, как казалось, должна была повысить обороноспособность России (разумеется, консервативные круги той же Великобритании могли считать иначе, но они не доминировали в правительстве).

Более того, демократизация России облегчала вступление в войну США, которое оказалось главным козырем Антанты в 1917–1918 годах. А Февральская революция помогла склонить чашу весов американских симпатий в сторону Антанты. Как пишут Д. Дэвис и Ю. Трани, «После Февраля 1917 г. в США начался период демократической русофилии. Вашингтон с подачи Фрэнсиса первым признал Временное правительство князя Львова. Картина мироздания, которую «портила» Российская империя, прояснилась: авторитарным центральным державам во главе с Германией теперь противостояла полностью демократическая Антанта. Америка с полным основанием могла вступить в войну для защиты западных ценностей»⁸⁶.

Политическая элита Антанты симпатизировала конституционным преобразованиям в России, так как считали, что это сделает социальную систему, а значит, и фронт более эффективными и устойчивыми.

Но и этот вполне понятный мотив еще никак не доказывает причастность англичан к революционным событиям. Нужно отыскать

задача – представить оппозицию в виде агентов иностранных сил, «геополитических врагов России». Задача политически актуальная, но от того не становящаяся научной.

⁸⁵ *Мультатули П. В.* Внешняя политика... С. 766.

⁸⁶ *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война. М., 2002. С. 5.

рычаги, с помощью которых Туманный Альбион организовал революцию. Но обличители англичан и немцев не нашли каких-то конкретных механизмов, с помощью которых иноземцы руководили рабочими массами.

Приходится начать с другой стороны – а кто на самом деле запустил маховик революции в Петрограде, которым затем уже воспользовались разнообразные политические силы?

Пока либералы, масоны и окружавшие царя группировки интриговали, вели разговоры, напоминавшие заговоры, и строили заговоры, не продвигавшиеся дальше разговоров, в стране обострялся застарелый социальный кризис, усиленный войной.

Можно сколько угодно рассуждать о масонах, интригах оппозиции и происках шпионов врага. Но всё это было и во Франции, и в Великобритании. А там революций не произошло. Где тонко, там и рвется.

В ходе войны, особенно после поражений 1915 года, участились сбои в работе транспорта, в снабжении городов и армии. Царская бюрократия не могла решить эти сложнейшие задачи. Зато расплодилось злоупотребления, средоточием которых общественность была склонна считать императорский двор. Война активизировала общество, а ее безысходность сделала его более оппозиционным.

Оппозиции не хватало главного – материальной силы. Разговорщики опасались, что как только попытаются использовать какие-то войска, то могут быть арестованы. Это было боязно. **Материальную силу либеральной элите предоставит широкое движение низов.** Но оно сделает это не «за просто так».

ГЛАВА IV

ФЕВРАЛЬСКИЙ ВЗРЫВ

Шаткость версии о том, что империя стала жертвой разветвленного, заранее спланированного заговора, не останавливает мифотворцев. У них есть резервный миф, реабилитирующий самодержавие, – революция-де стала стечением случайных обстоятельств. Вообще-то снабжение Петрограда было организовано отменно, население хорошо питалось. Но вот случайные снежные заносы помешали вовремя прийти эшелонам с хлебом. Этим воспользовались хулиганствующие элементы, которые устроили беспорядки. В народе начался массовый психоз. Тут как раз подоспели либеральные, масонские и прочие заговорщики, поднявшие войска на бунт. А вот если бы не заносы и хулиганы – империя выиграла бы у Германии войну, захватила бы проливы в Средиземное море и жила бы долго и счастливо.

Бабий бунт

Во время войны обострился социальный кризис, сложившийся в России еще в начале века. В 1917 г. ситуация вновь, как в 1904–1905 гг., стала революционной. Причины недовольства были теми же, что и в 1905-м, – аграрный кризис, тяжелое социальное положение рабочих и городских низов, отказ режима делиться властью с предпринимателями и интеллигенцией, военные неудачи.

Очереди за хлебом – «хвосты» – превращались в многочасовые митинги, прежде всего женские. «У мелочных лавок и у булочных тысячи обывателей стоят в хвостах, несмотря на трескучие морозы, в надежде получить булку или черный хлеб», – писала «Речь» 14 февраля 1917 года. При этом более дорогие булки и кондитерские изделия имелись в изобилии, но на них у рабочих не было денег. А министр Риттих всё недоумевал по поводу «страшного требования именно на черный хлеб»¹. У него-то хватало денег на белый...

Между тем именно ржи и ржаной муки в ноябре – январе поступила в Петроград лишь десятая часть от нормы².

В феврале ситуация обострилась. Риттих ссылаясь на снежные заносы. Вот если бы не заносы – все было бы нормально. Но что мешало

¹ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 342.

² Поликарпов В. В. 22–23 февраля 1917 года в Петрограде // Падение империи, революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 21.

наладить полноценное снабжение раньше? Уже в январе 1917 г. продовольственное снабжение Петрограда и Москвы составило 25% от нормы³. Февральские заносы стали только «последней каплей» транспортного паралича, охватившего Россию. «Железные дороги, главным образом вследствие отчаянного состояния паровозов, начали впадать в паралич»⁴, – характеризовал ситуацию член инженерного совета Министерства путей сообщения генерал Ю. В. Ломоносов. «Состояние паровозов» было вызвано кризисом машиностроения и ремонтной базы. Пало производство металла, поскольку к домнам не подвозили топливо. Падение угледобычи усугубляло развал транспортной системы.

Хлебный кризис обострился также из-за «распри по поводу контроля над продовольственным снабжением»⁵ между правительством и городскими властями – следствие взаимной неуступчивости правительства и «общественности».

Городские власти стали обсуждать введение карточной системы, петроградский градоначальник воспротивился. Нехватка хлеба привела к всплеску ажиотажа, прилавки и вовсе опустели. Власти располагали запасом хлеба, но отказались пустить его в продажу. Рабочие, пришедшие в булочные после работы, остались без еды.

В обращении к царю председатель Думы Родзянко писал: «Население, опасаясь неумелых распоряжений властей, не везет зерновых продуктов на рынок, останавливая этим мельницы, и угроза недостатка муки встает во весь рост перед армией и населением»⁶. Кто же в этом виноват? Масоны? Англичане? Отныне этот социально-экономический фактор будет потрясать страну вплоть до Второй мировой войны.

Рабочие волнения в феврале начались внезапно, по стечению обстоятельств? Рассмотрим поподробнее эти обстоятельства.

9 января 1917 г. в Петрограде, Москве и других городах России прокатилась волна забастовок и митингов, приуроченных к годовщине «Кровавого воскресенья» 1905-го. К рабочим присоединились студенты. Демонстранты несли лозунги «Долой войну!», «Да здравствует революция!».

На этот раз Гельфанду, он же Парвус, не заплатили за организацию волнений. Уже стало ясно, что он тут ни при чем. За то, чтобы

³ Лейберов И. П., Рудаченков С. Д. Революция и хлеб. М., 1990. С. 18.

⁴ Станкевич В. Б., Ломоносов Ю. В. Указ. соч. С. 219.

⁵ Катков Г. М. Указ. соч. С. 255.

⁶ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. М., 1996. С. 110.

отметить очередную годовщину 9 января, выступали практически все рабочие и левые организации столиц.

Усиление волнений «низов» не могло не беспокоить российские власти. Но действовали они привычными репрессивными методами. Полицейское руководство наивно полагало, что причина рабочих волнений – в подрывной деятельности Рабочей группы ВПК. Но доказательств этого не было. Гвоздевец удалось уличить лишь в том, что они выдвинули план «мирной революции», которая должна совершиться, «не нарушая спокойствие жителей», «не вызывая полицию насилие»⁷. Но само слово «революция», стремление к изменению существующего строя, в глазах режима уже было преступлением, и члены Рабочей группы были арестованы 28 января. Социал-демократы, в том числе и члены Рабочей группы, дежурно повторяли свое программное требование о свержении самодержавия, но на день открытия Думы планировали демонстрацию «к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии»⁸.

Арест Рабочей группы не мог остановить деятельность социалистов, у которых были даже депутаты в Думе. В день открытия Думы 14 февраля социал-демократы провели демонстрацию, которую разо-

⁷ Канун революции. Пг., 1918. С. 99–100. В. А. Никонов развивает полицейскую версию «вглубь»: «Решение о начале массовой протестной мобилизации было принято Рабочей группой Центрального военно-промышленного комитета. Безусловно, соответствующая санкция Кузьме Гвоздеву была дана Гучковым» (*Никонов В. А. Указ. соч. С. 582.*). Учитывая, что выйдя из заключения, Гвоздев действовал вполне самостоятельно от Гучкова, ничего безусловного здесь нет. Гучков предоставил рабочим лидерам возможности для агитации, что соответствовало интересам обеих сторон, но не отдавал им приказаний об этой агитации – социал-демократы в любом случае ею занимались. Никаких доказательств существования этой загадочной «санкции» Никонов не приводит. От истории к конспирологии автора толкает убеждение в том, что «на столь массовый протест могут подвигнуть только элиты» (С. 600). Отсутствие достаточных доказательств объясняется тем, что, мол, «игра велась очень тонко» (С. 601). А вот монархический автор Мультатули придумал даже разногласия между заговорщиками по поводу рабочих волнений, которые они якобы собирались организовать (доказательств этого не приводится, упоминаются только слухи, циркулировавшие среди чиновников). Якобы Милоков «делал ставку на массовые выступления рабочих», а Гучков видел в них «отвлекающий маневр» (*Мультатули П. В. Император Николай II... С. 135*). Впрочем, в противоречии с этой своей версией Мультатули затем утверждает, что арест Рабочей группы лишил группу Гучкова «орудия организации переворота» (Там же. С. 140). И отлично – значит Гучков не может быть организатором Февральской революции – ведь «орудия»-то его «лишили». Так конспирологические версии опровергают сами себя без посторонней помощи.

⁸ Цит. по: *Спиридович А. И. Великая война и Февральская революция. М., 2004. С. 101*. В донесениях Охранного отделения говорилось, что акция, которую готовит Рабочая группа – это восстание (*Мультатули П. В. Император Николай II... С. 138–139*), хотя готовились пока лишь к демонстрации. Это лишний раз показывает, насколько полицейские донесения о планах оппозиции являются малодостоверным источником. Во всяком случае факт ареста лидеров Рабочей группы исключает на них роли организаторов рабочих волнений 22–26 февраля, с которых началась революция.

гнала полиция. К открытию Думы социал-демократы приурочили стачки, которые сопровождались волнениями. Но практическая задача свержения самодержавия на эти дни не ставилась – было ясно, что чисто политическая повестка дня не дает достаточных сил для этого.

Вместо того, чтобы вступить в диалог с рабочим движением, правительство и полиция провоцировали конфронтацию. Они подрывали стабильность империи сильнее всяких масонов.

Царь в этих условиях 22 февраля уехал в Ставку армии⁹, оставив правительству карт-бланш на перерыв заседаний Думы, открывшей заседания 14 февраля. Он следовал советам жены: «Только, любовь моя, будь тверд, покажи хозяйскую руку, именно это нужно русским... дай им иногда почувствовать твой кулак... Они должны научиться бояться тебя – одной любви недостаточно». Николай не мог не согласиться: «Всё, что ты пишешь о том, чтобы быть твердым, хозяином, совершенно верно»¹⁰. Развивая тему, будущая святая предложила конкретные меры: «Я надеюсь, что Кедринского из Думы повесят за его ужасную речь, – это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером»¹¹. Имеется в виду речь Керенского 15 февраля, где он уже прямо призывал к свержению самодержавия силой.

Свою лепту в начало революции (но не «желательной» для либералов дворцовой, а настоящей, социальной) внесло наступление на социальные права рабочих. Администрация предприятий решала свои проблемы за счет работников. Падение производства из-за нехватки топлива, рост издержек из-за инфляции – всё можно переложить на рабочего. Недоплачивать зарплату и увольнять «лишних». 8–9 февраля забастовали рабочие Ижорского завода, требовавшие прибавки зарплаты. 16 февраля войска заняли его. Был закрыт Орудийный завод. Сворачивание военного производства из-за нехватки ресурсов создавало социальную бомбу в столице. Количество перешло в качество на Путиловском заводе.

18 февраля началась экономическая стачка на Путиловском заводе, которая в связи с увольнениями забастовщиков к 21 февраля охватила все предприятие. Забастовщики избрали стачечный комитет, в который вошли большевики, анархисты, левые меньшевики и левые эсеры.

⁹ Никонов считает, что если бы император не уехал из столицы, «история могла бы пойти иначе» (Никонов В. А. Указ. соч. С. 599). Хотя по большому счету какая разница, где Николай II оказался бы под фактическим арестом – в Пскове, Петрограде или Царском селе?

¹⁰ Мейлунас А., Мироненко С. Николай и Александр. Любовь и жизнь. М., 1998. С. 528, 530.

¹¹ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 203.

Эти «низовые» социалисты и стали позже «заводилами» событий 23 февраля. 22 февраля, несмотря на то, что в переговорах со стачечниками наметился прогресс, администрация приняла решение об увольнении почти всего коллектива завода¹². Администрация завода не была заинтересована в достижении компромисса, но вовсе не потому, что хотела бы устроить в столице беспорядки. Производство работало неритмично. Зачем рабочим платить?

В столице возникла критическая масса недовольных рабочих, которым было нечего терять. В тот же день делегация путиловцев явилась к депутату-трудовику Керенскому и заявила ему, что рабочие готовы к выступлению и «слагают с себя ответственность за могущие произойти последствия»¹³. Вопрос обсуждался в Государственной думе, она даже приняла формулировку Керенского об отмене локаута. Но этот вопрос лежал вне компетенции Думы. Керенский и Чхеидзе выступили в этой ситуации в роли народных заступников, но никак не организаторов событий¹⁴.

Серьезной проблемой оставалась нехватка дешевого, доступного рабочим хлеба. Правый прогрессист Г. А. Вишневский говорил с думской трибуны 23 февраля: «Разве это не возмутительно сейчас, что в Петрограде нет черного хлеба, ведь это безусловно возмутительно...

¹² Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 315. Историк В. В. Поликарпов иронизирует: «Свои мотивы исключать из поля зрения путиловский локаут имеют энтузиасты... масонско-закулисного объяснения Февральского переворота. Но фиксация интереса преимущественно на домыслах о закулисной стороне событий лишила их уникальной возможности значительно украсить свои мистификации» (*Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 13*). Ведь Путиловский завод находился в подчинении генерала Маниковского, которого масоноведы записывают в масоны на основании предложения Некрасова сделать генерала диктатором. Предложение было тут же отвергнуто (в том числе масонами, участвовавшими в разговоре), а клеймо масона на Маниковском осталось, хотя он как раз относился к противникам вмешательства «общественности» в военное управление. Казалось бы, яснее ясного – «масон» Маниковский дал команду о локауте на Путиловском заводе – и случилось «непоправимое». Если увольнение рабочих было частью коварного заговора против Николая II, как объяснить, что 23 февраля Государственная дума по предложению Керенского потребовала принять обратно уволенных рабочих и восстановить работу предприятия (Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 324). Если бы всё было так просто, достаточно было удовлетворить требование Керенского и других депутатов, чтобы «сорвать заговор». К тому же нужно иметь очень буйную фантазию, чтобы заподозрить даже генерала в том, что он сочтет локаут средством борьбы с самодержавием. Локауты прежде не приводили к революциям и служили средством борьбы с рабочим активом, а не с режимом.

¹³ Цит. по: *Поликарпов В. В. Указ. соч. С. 7*.

¹⁴ В. А. Никонов, с высоты своего депутатского опыта, задается вопросом: «Кто и с какой целью послал рабочих делегатов с Путиловского завода, почему они искали встречи с Керенским и Чхеидзе?» И приходит к предсказуемому выводу: «сигнал прошел по масонским каналам» (*Никонов В. А. Указ. соч. С. 605*). Вот не могли стачечники догадаться, к кому идти, ничего они не знали про Думу – спасибо, масоны им подсказали. Напомним, что Керенский и Чхеидзе были лидерами социалистических фракций в Думе, а в стачке действовали активисты социалистических партий. Так что стачечники просто послали делегатов к своим депутатам. Ларчик открывается очень просто и без масонского ключика.

Но, господа, вы пойдите по магазинам, взгляните на витрины гастрономических магазинов: всё там есть, откуда-то подвозится, подвозится постоянно, а черного хлеба нет»¹⁵. Министр Риттих объяснял недостаток подвоза «стихийными явлениями» 20-х чисел января (то есть снежными заносами). Но с тех пор прошел месяц. Сам министр признал, что дело было не только в «стихийных явлениях», но и в «угольном кризисе», то есть в нехватке топлива¹⁶. Впрочем, не хватало и вагонов.

В конце января была введена норма доставки в Петроград 30 вагонов ржаной и 5 вагонов пшеничной муки в сутки. Это вроде бы решило проблему, но в 20-х числах февраля снова обнаружился острый дефицит ржаной муки¹⁷. Проблема была как в доставке, так и в распределении. Распределение было неритмичным, процветала спекуляция. Доставка была рассчитана на минимум, на текущие потребности хлебопекарен – без создания достаточных запасов для гражданского населения. Как доложил депутат А. И. Шингарев, запасы, которые создавала городская дума, расходовались по требованию министерства, и теперь были недостаточны¹⁸ (получается, что и прежде дефицит ликвидировался не только за счет государственного подвоза, а за счет этих запасов). Малейший сбой вызывал дефицит и очереди за хлебом. Не в первый раз сталкиваясь с дефицитом хлеба, часть населения стала делать свои запасы, что усилило дефицит для остальных. Так что дело было не в снежных заносах, а в системе.

Рабочие, измученные нехваткой продовольствия, представляли собой взрывоопасную среду. Не хватало только «детонатора». Один из полицейских доносил: «Среди населяющей вверенный мне участок рабочей массы происходит сильное брожение вследствие недостатка хлеба... Легко можно ожидать крупных уличных беспорядков. Острота положения достигла такого размаха, что некоторые, дождавшись покупки фунтов двух хлеба, крестятся и плачут от радости»¹⁹. В этой обстановке малейшая искра могла вызвать взрыв. Так что «случайность» революции – это миф.

¹⁵ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 312.

¹⁶ Там же. С. 341.

¹⁷ Там же. С. 341–342.

¹⁸ Там же. С. 347.

¹⁹ Цит. по: *Лейберов И. П., Рудаченков С. Д.* Указ. соч. С. 18. Аналогичная ситуация складывалась и в других промышленных центрах. Директор Коломенско-Сормовского треста А. Мещерский просился на прием к министру внутренних дел по вопросу о возможности бунта и разгрома заводов на почве отсутствия провианта (*Поликарпов В. В.* Указ. соч. С. 10–11). Конспирологи считают, что «лозунг «Хлеба!» был сильным ходом заговорщиков» (*Мультипли П. В.* Император Николай II... С. 150). Но если бы сотни тысяч людей не страдали от нехватки хлеба, то никакие реальные или мнимые заговорщики не смогли бы выгнать их на улицы под нагайки, а затем и под пули. Таким образом, даже конспирологические версии в итоге не могут опровергнуть факт – причиной начала революции были не заговорщики, а социальные проблемы.

Однако, по справедливому замечанию Н. Н. Суханова, «ни одна партия не готовилась к великому перевороту. Все мечтали, раздумывали, предчувствовали, ощущали»²⁰. Мечта о революции была абстрактной, но революционные партии не забывали о дежурных «красных датах» календаря. 23 февраля по юлианскому календарю (8 марта – по григорианскому) Междурайонный комитет РСДРП с помощью подпольной группы эсеров напечатал листовки к Международному женскому дню. В них перечислялись основные проблемы дня, обличалось самодержавие и капиталисты: «Сотни тысяч рабочих убивают они на фронте и получают за это деньги. А в тылу заводчики и фабриканты под предлогом войны хотят обратить рабочих в своих крепостных. Страшная дороговизна растет во всех городах, голод стучится во все окна». И выводы: «Долой самодержавие! Да здравствует Революция! Да здравствует Временное Революционное Правительство! Долой войну! Да здравствует Демократическая Республика!»²¹ Эти лозунги нашли отклик в раздраженных массах. Идеология этого документа бесконечно далека от верхушечного заговора элиты. Революция начиналась совсем не так, как мечталось Гучкову и масонам.

В напряженной социальной обстановке не нужно больших ресурсов, чтобы организовать волну уличных выступлений. Достаточно бросить в народ удачные лозунги «на злобу дня», объясняющие, кто виноват и что делать, и собрать критическую массу митингующих. Тогда она станет обрастать народом сама собой. Люди подходят к митингу, поддерживают лозунги и становятся демонстрантами, собравшийся народ ощущает свою силу и эмоциональный подъем. Нынешнее поколение могло наблюдать аналогичный процесс во время перестройки, когда небольшие группы неформалов запустили волну массовых манифестаций. Именно это произошло и в феврале 1917-го, когда небольшая группа социалистов дала старт цепной реакции в Петрограде. Остановить ее мог только страх перед репрессиями. Но возмущение населения было сильнее страха.

В небольшие демонстрации работниц-социалисток быстро вливались потоки женщин, стоявших в «хвостах». На Выборгской стороне полиция не могла разогнать толпу в несколько десятков тысяч человек в районе Сампсоньевского проспекта. Рабочие поколотили полицейских в районе Финляндского вокзала, у Механического завода, на Нижегородской улице. Работницы Невской текстильной мануфактуры «сняли» с работы тружеников фабрики «Новый Лесснер». К рабочим присоединились студенты.

²⁰ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. 1. М., 1991. С. 49.

²¹ Пролетарская революция. Т. 1. М., 1923. С. 283–284.

Одновременно тысячи людей выходили на Нарвский тракт, в том числе с красными флагами – здесь ведь жили уволенные путиловцы. 23 февраля бастовало 43 предприятия с более чем 78 тыс. рабочих. На следующий день бастовало 131 предприятие с более чем 158 тыс. человек²². Художник Александр Бенуа писал в дневнике: «На Выборгской стороне произошли большие беспорядки из-за хлебных затруднений (надо только удивляться, что они до сих пор не происходили!)»²³.

24 февраля межрайонцы призвали к солидарности с путиловцами, стремясь соединить вместе два очага движения. Толпы рабочих через полицейские заслоны прорывались на Невский проспект с севера и юга, стремясь показать столичной элите, что народ бедствует.

Процесс принял лавинообразный характер.

Психоз хулиганов?

Еще один миф, связанный с революцией, можно назвать одним словом – «психоз». Историографическая мода сегодняшнего дня – оставить в стороне исследование социальных процессов и обратиться к массовой психологии. Правда, такие авторы редко предварительно изучают психологическую науку и проводят конкретные психологические исследования. При взгляде на революцию результат исследования известен мифотворцам заранее. Во время революции люди ведут себя не так, как положено добропорядочным и стопроцентно нормальным мешанам. Так что налицо явное буйное помешательство, истерия или психоз.

Псевдопсихологический подход, изображающий революцию как психоз, уходит корнями в высокомерное восприятие действительности как борьбы либерально-западнических принципов (разумеется, воспринимаемых автором как истина в последней инстанции) и архаики, куда относится та часть общества, которая не постигла всей мудрости либерализма. Попытка помыслить и тем более воплотить в жизнь какое-либо новое общество, отличное от либерального, характеризуется в качестве утопии и бунтующей архаики, анархии (безграмотно перепутанной с хаосом) и массового психоза. Эта схема применительно к российской революции была выдвинута ее активным участником П. Н. Милюковым²⁴ и несет на себе следы явного разочарования в народе, который «не оправдал высокого доверия партии» – в данном случае либеральной.

Забавно, что еще эмигрантский историк С. П. Мельгунов, всеупомянувший об этом «психозе», в доказательство приводил факт сни-

²² Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 24, 27.

²³ Бенуа А. Н. Дневник 1916–1918 гг. М., 2006. С. 97.

²⁴ См., например: Милюков П. Н. История Второй русской революции. М., 2001. С. 18–20.

жения уровня преступности во время революции²⁵. Убивают людей в Кронштадте – психоз. Не убивают и не грабят – тоже психоз. Просто психозомания какая-то. Вот, современный историк И. Л. Архипов, рассматривающий события как некий психоз, объясняет причины всплеска митинговой активности в феврале 1917 г. как «эмоциональный стресс, связанный с недостаточным пониманием происходящего»²⁶. Остается только определить, в чем заключается это «достаточное» понимание.

Скромное обаяние псевдопсихологического подхода к истории улетучивается, стоит вспомнить о значении терминов. «Стресс» – это всего лишь психологическое напряжение, вызванное внешним воздействием. Какое уж тут «недостаточное понимание», когда людям есть нечего. Понятно – у них стресс. Но высокочудрые аналитики пытаются убедить, что если бы петроградцы всё «достаточно понимали», то у них никакого стресса бы не возникло, и они этим пониманием как святым духом бы питались. «Психоз» – другое дело, это – психическая болезнь, приводящая к нарушениям восприятия и поведения. То есть люди, вышедшие на улицы с лозунгами «Хлеба!» и «Долой самодержавие!», – это психически больные субъекты. Болезнь их заключается в том, что они воспринимают реальность не так, как верноподданные мещане и нынешние благовоспитанные либералы. И поведение у них какое-то странное. И взгляд голодный. В общем – всех в психушку. Там и накормят...

А люди в общем требовали, чтобы была создана власть, не относящаяся к ним как к скоту. С точки зрения элитарного сознания – это явный «психоз».

Огромные демонстрации, обрастая по дороге все новыми и новыми толпами, двинулись к центру города, громя (но не грабя) булочные, особенно дорогие. При этом дорогой хлеб в разгромленных булочных обычно не брали, как бы говоря: «Нам чужого не надо!»

Императрица информировала супруга: «Это «хулиганское движение», юноши и девушки только для подстрекательства бегают с криками, что у них нет хлеба, а рабочие не дают другим работать»²⁷. Писатель А. И. Солженицын не соглашался с будущей святой и презрительно называл демонстрантов «уличными забияками, бьющими

²⁵ Мельгунов С. П. Мартовские дни 1917 года... С. 96.

²⁶ Архипов И. Л. Российская политическая элита в феврале 1917 г. Психология надежды и отчаяния. СПб., 2000. С. 98.

²⁷ Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 531.

магазинные стекла, оттого что к этому болоту не сумели завезти вза-валь хлеба». Под «болотом» подразумевается Петроград, населенный, между прочим, не лягушками, а людьми. Ссылаясь на министра земледелия Риттиха, Солженицын утверждал, что в Петрограде оставалось 700 тыс. пудов хлеба для гражданского населения. «Это на потребляющих ржаной, по фунту хлеба в день на человека»²⁸. Но на сколько дней? Делим 700 тыс. пудов на указанное Солженицыным количество жителей Петрограда (2,5 млн) и получаем, что по фунту в день на человека (а это – две ленинградские блокадные нормы) можно раздавать в течение 11 дней при жесточайшей дисциплине распределения – которой требовало городское самоуправление вопреки воле градоначальника, но которой в столице не было. А была спекуляция.

Но и 11 дней по фунту в день можно было бы теоретически обеспечить при условии, если все 700 тыс. пудов – только ржаной хлеб. Но в том-то всё и дело, что при жесточайшем дефиците дешевой «черняшки» за витринами лежал более дорогой белый хлеб и кондитерские изделия. В этих условиях негодование рабочих было вполне объяснимо.

Особенно раздражали рабочих случаи, когда хлеб укрывался продавцами с целью спекуляции. Так, 24 февраля рабочие стали громить булочную на Каменноостровском проспекте, где, несмотря на заверения служащих, обнаружился запас. Чтобы остановить погром, полиция принудила распродать его немедленно²⁹.

24 февраля командующий войсками Петроградского военного округа генерал С. С. Хабалов срочно выделил хлеб населению из военных запасов, но теперь это уже не остановило волнений. Оказалось, что перебои с поставками хлеба были последней каплей, переполнившей чашу терпения. Людей нельзя было просто успокоить подачками, потому что это люди, а не животные. Они уже пришли к выводу, что в их бедах виновата Система. Демонстранты несли лозунги «Долой самодержавие!». «Хулиганы» самоопределялись политически. Они не собирались просто громить булочные. Среди митингующих появились активисты и сторонники оппозиционных партий, которые стали призывать демонстрантов идти к Таврическому дворцу «с требованиями к Государственной думе об устранении настоящего правительства»³⁰.

Попытки полиции рассеивать митинги встречали сопротивление. 23–24 февраля было избито 28 городских. 24 февраля из толпы на Ка-

²⁸ Солженицын А. И. Красное колесо. Узел III. Т. 1. Вермонт; Париж, 1986. С. 42, 111.

²⁹ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 35.

³⁰ Там же. С. 28. Б. Н. Миронов утверждает, что политические лозунги «бросили в рабочие массы» «деятели Центрального военно-промышленного комитета» (Миронов Б. Н. Благо-состояние населения и революции в имперской России... М., 2013. С. 576), но не приводит доказательств этой смелой версии. Если имеется в виду Рабочая группа ЦВПК, то сторон-

менноостровском проспекте кто-то выстрелил в наряд полиции – безрезультатно. Но важно то, что люди были на стороне стрелявшего, а не полиции. Затем произошла стрельба на Малой Посадской – погибла женщина, другой человек был ранен и утверждал, что стрелял конный городской³¹. Казаки и драгуны к радости демонстрантов то и дело отказывали полиции в поддержке. 25 февраля на Знаменской площади казак Фролов зарубил полицейского ротмистра Е. Крылова, который пытался арестовать демонстранта, а затем казаки отгеснили от митингующих наряд конных городских.

Влияние правящего режима в столице таяло на глазах. «Дело было в том, что во всем этом огромном городе нельзя было найти нескольких сотен людей, которые сочувствовали власти... Дело было в том, что власть сама себе не сочувствовала»³², – вспоминал депутат В. В. Шульгин.

«Я вспоминал атмосферу Московского восстания 1905 г., – писал Суханов. – Все штатское население чувствовало себя единым лагерем, сплоченным против военно-полицейского врага. Незнакомые прохожие заговаривали друг с другом, спрашивая и рассказывая о новостях, о столкновениях и о диверсиях противника. Но замечалось и то, чего не было в московском восстании: стена между двумя лагерями – населением и властью – не казалась такой непроницаемой: между ними чувствовалась диффузия. Полицейские и казачьи части разбегались и расхаживали по улицам, медленно пробираясь среди толп. Но никаких активных действий не предпринимали, чрезвычайно поднимая этим настроение манифестантов»³³. «Силовые структуры» режима разлагались. То, что

ники теории заговора забывают о том, что ее лидеры в это время сидели в тюрьме. Впрочем, члены РГ ЦВПК не были агентами Гучкова, так как не назначались руководством ЦВПК, а выбирались рабочими. Поэтому политическую активность деятелей РГ ЦВПК нельзя отождествлять с политическими действиями лидеров ЦВПК. Вся эта сомнительная версия нужна для подтверждения не менее сомнительного вывода о том, что «февральский переворот... непосредственно организовала группа Гучкова» (Там же. С. 657). Впрочем, несмотря на симпатии к таким версиям, увы, не подкрепленные доказательствами, Миронов в своих выводах занимает более взвешенную позицию, которая сглаживает впечатление от предыдущего пересказа заговорщических «предположений»: «Для революции одинаково важны как сильно недовольные и готовые к революционным действиям массы, так и энергичные умелые организаторы и лидеры... При этом народ не являлся просто марионеткой в руках циничных политиков. Нельзя вывести на улицы сотни тысяч людей против их воли, их нужно было убедить в необходимости это сделать. У крестьян и рабочих имелись свои групповые интересы, которые они успешно решали с помощью интеллигенции» (Там же. С. 661, 700). Мы увидим, что эта позиция ближе к картине событий, которая реконструируется в книге, которую Вы сейчас читаете. Вывод о самостоятельной роли «низов» в событиях Февральской революции, о том, что значение их действий ничуть не меньше, чем роль элит, сделан и в моей более ранней работе, известной Миронову: *Шубин А. В. Мифы Февральской революции. // Масоны и Февральская революция 1917 года. М., 2007.*

³¹ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 27–28.

³² Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1990. С. 173.

³³ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 57–59.

царице и нынешним монархистам кажется хулиганством, на деле было стремлением большинства изменить опостылевшую жизнь.

Б. Н. Миронов настаивает, что «даже в 1916 – начале 1917 г. продовольственный вопрос сам по себе не мог вызвать революционную ситуацию»³⁴. Но никто не утверждает, что революционную ситуацию вызвал только продовольственный вопрос «сам по себе». Она являлась результатом целого комплекса социально-экономических и социально-политических причин, которые в итоге вызвали социальный взрыв снизу. А уже этот взрыв создал возможности также для действий элитных групп против самодержавия. И только вместе «низы» и «верхи» могли с ним справиться.

«Добрый государь»

Сегодня принято любить царей. Особенно таких замечательных, как Николай II. При нем расстреляли народ 9 января? Да что вы говорите! Царь тут ни при чем, он срочно уехал из столицы перед расстрелом. Да и вообще народ сам виноват – нечего было ходить с глупыми требованиями с царем встречаться. А так царь был очень добрый, стрелял только в птиц и животных. И какой был отменный семьянин – вы читали его письма к жене? Обязательно прочитайте – будете плакать всю ночь. Но государю не повезло – ему достался народ-предатель. В Петрограде начались массовые хулиганства, народ не порвал смутьянов на части, генералы не стерли столицу в порошок. Все предали царя...

Драматург Эдвард Радзинский рассказывает своим доверчивым читателям и слушателям о том, что, уезжая в ставку, царь «предполагал возможность бури, о которой ему все твердили, и решил с ней не бороться... И когда она разразилась, он лишь с нетерпением ожидал развязки. Он не хотел и не мог больше воевать с обществом, но он знал – она (императрица. – А. Ш.) не даст ему мирно уступить... У него оставался выбор – или она, или трон. Он выбрал ее. Он выбрал частную жизнь с семьей... Он ожидал, что Дума контролирует положение, что переворот, о котором все твердили, подготовлен... Но вскоре он узнал – чернь вышла на улицу. По телеграммам он с ужасом понял: думские говоруны не контролируют положения. Вот тогда он испугался за Аликс, за детей. Беспорядки могли переброситься в любимое Царское. Николаю пришлось начать действовать»³⁵.

³⁴ *Миронов Б. Н.* Благосостояние населения и революции в имперской России... М., 2013. С. 585.

³⁵ *Радзинский Э.* «Господи... спаси и усмири Россию». Николай II: жизнь и смерть. М., 1993. С. 206–207.

Эта смелая версия была бы хороша, если бы Николай начал действовать 27–28 февраля, когда обстановка в столице действительно не контролировалась ни Думой, ни Хабаловым. Но в действительности реакция императора на события последовала вечером 25 февраля. Никакой готовности сдать трон и удалиться в «частную жизнь» император не проявил. Напротив, Николай отправил Хабалову телеграмму, оказавшую прямое влияние на дальнейший ход событий: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны против Германии и Австрии»³⁶. У монарха уже был опыт 9 января 1905 года. Тогда трагедию еще можно было «списать» на плохих исполнителей и стечение обстоятельств. **Теперь Николай II принял решение, понимая, что оно ведет к кровопролитию.**

«Эта телеграмма, как бы вам сказать? Быть откровенным и правдивым: она меняхватила обухом... – вспоминал потом генерал Хабалов. – Как прекратить «завтра же»?.. Государь повелевает прекратить во что бы то ни стало... Что я буду делать? Как мне прекратить? Когда говорили: хлеба дать – дали хлеба, и кончено. Но когда на флагах надпись «Долой самодержавие» – какой же тут хлеб успокоит! Ну что же делать. Царь велел: стрелять надо... Я убит был – положительно убит»³⁷. Телеграмма царя означала конец попыток как-то урезонить доведенные до отчаяния массы. Николай писал жене: «Я надеюсь, что Хабалов сумеет быстро остановить эти уличные беспорядки»³⁸. Никакого намерения уйти от дел нет и в помине.

Силовое подавление выступлений было излишним еще и потому, что, если верить Риттиху, 25 февраля в Петроград было направлено 450–500 вагонов с хлебом³⁹. Это могло бы, хотя бы на время, снять остроту социального кризиса в столице. Но Николай II всё же предпочел силовое подавление волнений.

Получив указания царя, Хабалов собрал командиров батальонов и заявил: «Раз толпа агрессивна, то действовать по уставу – после троекратного сигнала открывать огонь»⁴⁰.

Демонстранты, привыкшие к относительной безопасности своих действий, были встречены войсками. Первый выстрел по толпе утром 25 февраля был, видимо, произведен случайно. В полшестого вечера

³⁶ Цит. по: *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 621.

³⁷ Цит. по: *Мультагули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 225. Мультагули недоволен поведением генералов в Петрограде 24–26 февраля: «чёткое и недвусмысленное поведение Императора Николая II решительно подавить беспорядки в столице натолкнулось на безволие военных руководителей Петрограда» (С. 226). Упрек несправедлив – 26 февраля генералы щедро поливали петроградские улицы кровью демонстрантов.

³⁸ *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 180.

³⁹ Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 343.

⁴⁰ Там же.

отряд драгун открыл огонь по митингующим, убив и ранив 11 человек. В демонстрантов стреляли и на Невском проспекте⁴¹. Это еще можно отнести к инициативе слишком рьяных офицеров. Но в дальнейшем команда стрелять отдавалась по указанию командования округом, ибо она была санкционирована с самого верха самодержавной власти: «Повелеваю завтра же прекратить!»

Расстрелом демонстрантов власти были намерены перейти в наступление. Однако кровопролитие привело к новому витку революции. Начались столкновения рабочих с войсками вокруг заводов. На Выборгской стороне были воздвигнуты баррикады. В результате рабочие кварталы оказались вне контроля властей. Иногда расширение волнений объясняют тем, что «полиция была убрана из города»⁴². Спору нет, действия полиции против волнений такого масштаба были неэффективны, она несла потери, и держать полицейских на улицах было невозможно. Но полицейские продолжали участвовать в событиях: в донесениях Охранного отделения за 26 февраля указано, что революционеры стреляли «в чинов полиции»⁴³.

«Продолжая наступление», власти в ночь на 26 февраля арестовали около 100 активистов революционных партий. Но революция развивалась уже независимо от политических активистов. Толпы «рождали» агитаторов из собственной среды сотнями. Организованность движению пытались придать и думские лидеры. Думу еще можно было использовать как инструмент возможного умиротворения масс.

Но настроения в парламенте радикализировались. В итоге последнего заседания Государственной думы 25 февраля было решено разрабатывать закон о расширении прав местного самоуправления в продовольственной сфере. Эта мера уже явно запоздала. Депутат Керенский выдвинул проект своей резолюции: «Государственная дума признаёт, что дальнейшее пребывание у власти настоящего Совета министров совершенно нетерпимо. Во-вторых, что интересы государства требуют создания правительства, подчиненного контролю всего народа. В-третьих, что немедленно населению должны быть гарантированы: свобода слова, собраний, организаций и личности. В-четвертых, что продовольственное дело должно взять в свои руки само население, свободно организовавшись в обывательские и фабрично-заводские комитеты, подчинив деятельность городского самоуправления интересам трудящихся классов»⁴⁴. Председатель не поставил эту революционную

⁴¹ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 53.

⁴² *Мультатули П.В.* Николай II и переворот 17-го года. С. 231.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Государственная дума. 1906-1917. Стенографические отчеты. Т. 4. С. 349.

программу на голосование, и депутаты разошлись, чтобы продолжить обсуждение 28 февраля. Как оказалось, это было последнее заседание IV Государственной думы.

26 февраля председатель Думы М. В. Родзянко, пытаясь как-то спасти ситуацию, которая грозила парламенту катастрофой (как казалось, прежде всего в случае победы самодержавия над «бунтом»), отправил царю телеграмму с предложением создания правительства во главе с популярным деятелем. Родзянко уверял, что «иного выхода нет и медлить невозможно»⁴⁵. Во всяком случае второе было верно. Прочитав телеграмму, Николай сказал своему приближенному: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал всякий вздор, на который я ему даже отвечать не буду»⁴⁶.

Копию своей телеграммы Родзянко послал генералу Алексееву. Идею правительства во главе с популярным деятелем поддержал и великий князь Михаил Александрович. 27 февраля эту идею поддержал уже и премьер-министр Голицын, готовый уйти в отставку. Алексеев безуспешно упрашивал Николая II принять этот план⁴⁷.

Вместо ответа императора депутаты получили указ о приостановлении заседаний Думы до апреля. Бланк указа был подписан Николаем II заранее и передан председателю правительства.

Приостановив деятельность Думы, председатель правительства Н. Д. Голицын надеялся «охладить страсти», которые она якобы разжигала. Правительству казалось, что оно даже идет навстречу «разумной» части депутатов. Накануне прошли консультации министров Риттиха и Покровского с депутатом Маклаковым, выступавшим от имени Прогрессивного блока. Маклаков выдвинул программу выхода из кризиса: Дума ненадолго распускается, назначается новый популярный премьер из военных (Алексеев), который сам собирает «правительство доверия» из популярных министров, ранее уволенных придворной камарильей: Коковцева, Сазонова, Самарина и других⁴⁸. Правительство имело право выполнить первый пункт этого плана, но не последующие. Царь в это время не собирался назначать премьер-министром популярного деятеля, делиться властью хотя бы с ним.

27 февраля, протестуя против закрытия Думы, Родзянко телеграфировал царю: «Последний оплот порядка устранен»⁴⁹.

Раз Николай оказался глух к умеренным предложениям думских лидеров, им волей-неволей пришлось искать другую опору – в народ-

⁴⁵ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 110.

⁴⁶ Миллюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 452.

⁴⁷ Мультатули П. В. Николай II и переворот 17-го года. С. 235–236.

⁴⁸ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 189.

⁴⁹ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 111.

ном движении. Тем более, что в столице в это время развернулось восстание.

Вооруженное восстание и интриги

Не обнаружив прямой связи дофевральских заговорщиков и Февральской революции в Петрограде, сторонники идеи искусственно организованной революции начинают строить замысловатые версии вредительства либералов. В. Кобылин, опираясь на мнение И. Л. Солоневича, видит признаки заговора в том, что в феврале 1917 г. в столице не было «достаточного числа надежных кадровых войсковых частей»⁵⁰. Явные признаки вредительства в Генеральном штабе. Идет ожесточенная война, на фронте каждая боеспособная часть на счету. А генерал Алексеев оставляет в столице (в тылу) новобранцев и второсортный контингент. Вот Кобылин и другие монархические аналитики поступили бы наоборот. Второсортных солдат – на самые опасные участки фронта, а в столицу – самые боеспособные части. Видимо, чтобы дать там последний и решительный бой германцу, когда он, прорвав неустойчивый фронт, придет под Петроград...

Недовольство солдат в Петрограде имело объективные причины. Петроград как крупный тыловой город был одним из центров подготовки и размещения новобранцев. Военные власти плохо подготовились к приему масс новобранцев. По справедливому замечанию Миронова, «жилищные условия солдат в феврале 1917 г. были хуже, чем заключенных в тюрьме»⁵¹. «В казармах царила невероятная теснота... Солдатская масса жила столичными слухами, общалась с рабочим населением, настроенным пораженчески... Солдатская масса была проникнута одним страстным желанием – чуда, которое избавило бы ее от необходимости «идти на убой»⁵², – писал С. С. Ольденбург. Нежелание идти «на убой», видимо, играло роль в мотивах, которые двигали солдатской массой в феврале. Но, как показали последующие события, солдаты еще не были настроены «пораженчески». Так что попытки объяснить их поведение исключительно «шкурными» мотивами – присущая мифу односторонность. Приняв участие в восстании, солдаты пошли на большой риск. Позднее значительная часть этих людей примет участие в сражениях Гражданской войны, защищая «свою» власть. Тогда (в отличие от мировой бойни) они будут знать, ради чего умирают.

⁵⁰ Кобылин В. Указ. соч. С. 181.

⁵¹ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России... М., 2013. С. 668.

⁵² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 618.

В феврале 1917 г. на сознание солдат действовали приказы стрелять по толпам населения. Впервые с 1905 г. в столице так обильно лилась кровь. 26 февраля восстали солдаты 4-й роты запасного батальона Павловского полка. «Видя картину расстрела безоружных, видя раненых, падающих около них, павловцы открыли огонь через канал по городovým... – писал Н. Н. Суханов. – Павловцы же вернулись к своим казармам уже в качестве бунтовщиков, сжегших свои корабли, и призывали товарищей присоединиться к ним. Тут и произошла перестрелка между верной и восставшей частью полка»⁵³. По другим данным солдаты стреляли в полицию. Восставших окружили, урезонили с помощью священника. 19 «зачинщиков» были арестованы. Но победители недосчитались 21 винтовки. Оружие «ушло» к рабочим. У казарм павловцев неизвестными был застрелен полковник А. Экстен. Противостояние вышло на новый виток – в ответ на расстрелы демонстрантов войсками революционеры открыли охоту на офицеров.

Но солдаты не горели желанием «стрелять в народ». 27 февраля армия стала переходить на сторону революции. Фельдфебель Т. Кирпичников сумел убедить солдат Волынского полка восстать. Убив штабс-капитана И. Лашкевича, солдаты двинулись на улицу с оружием. Волынцев поддержали преобразенцы, затем солдаты литовского и саперного полков. Цепная реакция к 28 февраля охватила почти весь гарнизон. Восставшие части и подразделения двинулись к центру. Были освобождены заключенные тюрьмы «Кресты» - в том числе члены Рабочей группы ЦВПК, подожжен Окружной суд, захвачены склады с оружием – десятки тысяч единиц оружия попали к восставшему гражданскому населению.

Сопротивление восставшим было оказано только вокруг Невского проспекта. Верные правительству части отходили к Зимнему дворцу и Адмиралтейству. Пытаясь приостановить развитие восстания, Хабалов направил в район Литейного проспекта отряд полковника Кутепова численностью около 1000 штыков и сабель. Он даже вступил в перестрелку с восставшими. Но к вечеру этот отряд частично смешался с ними. Остатки, изолированные от основных сил, Кутепову пришлось распустить. Солдаты не хотели стрелять «по своим» ради сохранения самодержавия. И в этом была главная причина и восстания, и его успеха в Петрограде.

Эмигрантский историк Г. М. Катков склонен преувеличивать роль либеральной пропаганды Гучкова среди офицерства, полагая, что «этим можно объяснить поведение офицеров во время восстания 27

⁵³ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 65.

и 28 февраля»⁵⁴. Но за этой гипотезой нет фактов, доказывающих, что восставших офицеров распропагандировали именно Гучков и его группа. К тому же офицеры как раз примыкали к революции постепенно, активное участие в событиях 27 февраля приняли единицы из них. Мифотворцы просто не понимают разницы между переворотом и восстанием. При перевороте солдаты делают то, что им приказывают офицеры-заговорщики. В условиях восстания его участники действуют более сознательно, под влиянием своих побуждений (может быть, и эмоциональных, но не слепых). Солдаты 26–28 февраля действовали сами, подчиняясь только тем офицерам, которых считали революционерами. К остальным офицерам они относились враждебно как к представителям режима.

Узнав утром 27 февраля о приостановке заседаний Думы, большинство депутатов не стало расходиться, обсуждая ситуацию. В полдень собралось руководство Думы и представители фракций. Предстояло решить – как реагировать на указ о прекращении заседаний. Пока шло совещание, приходили вести о перерастании волнений в восстание. Совещание руководства постановило начать «частное совещание» оставшихся в Думе депутатов. Как вспоминал Миллюков, думцы «потянулись из залы заседания в соседний полуциркульный зал»⁵⁵. В этом «зале для игры в мяч» Русской революции выдвигались разные предложения: Некрасов предложил воссоздать распадающуюся власть, передав ее какому-нибудь генералу, например Маниковскому, при котором создать комитет из депутатов. Идея с Маниковским никем не была поддержана, но тема комитета стала обсуждаться. Поступило сообщение о том, что правительство подало в отставку. Высказывались предложения взять власть самим. В. А. Ржевский предложил «организовать комитет для сношений с армией и народом». В итоге дискуссии был создан Временный комитет Государственной думы (ВКГД) для «водворения порядка в г. Петрограде и сношений с организациями и лицами»⁵⁶. Примечательная формулировка. Депутаты надеялись выиграть в любом случае. Победит царь – мы водворяли порядок. А если

⁵⁴ Катков Г. М. Указ. соч. С. 184.

⁵⁵ Миллюков П. Н. Воспоминания. С. 454. В действительности «сговор» был – фракции обсудили ситуацию на совете старейшин и согласились провести частное совещание.

⁵⁶ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 113–115. Характерно, что недавние товарищи по масонской ложе вовсе не сходились во мнениях. Некрасов предлагал создать военную диктатуру, а Чхеидзе выступал против этого.

процесс пойдет дальше – представители Думы могут, действуя от ее имени, возглавить «общественные организации».

Комитет был создан так, чтобы в случае победы самодержавия депутатов нельзя было обвинить в нарушении закона. Таким образом, думский комитет становился единственным легальным органом, в котором бунтовщики могли обрести заступника перед лицом монаршего гнева.

В комитет, который иногда именовал себя также исполнительным комитетом (претензия на административные полномочия), вошли 12 человек – кадеты, октябристы, социалисты – включая таких лидеров, как Родзянко (председатель), Шульгин, Милоков, Некрасов, А. И. Коновалов, Керенский, Чхеидзе.

Милоков, вспоминая о создании комитета, писал о «самоубийстве Думы». Однако в этот момент Дума еще не прекратила свое существование, а лишь прервала заседания. Убийство (а не самоубийство) Думы лидеры ее либерального большинства произведут позднее.

Более того, в сознании масс Дума продолжала жить полнокровной жизнью. Об официальной приостановке ее деятельности знали немногие (да и какое значение мог иметь указ царя в такой обстановке), и вскоре именно Дума, а точнее, место ее расположения – Таврический дворец стал центром притяжения восставших. Как законное учреждение Дума обеспечивала какую-то видимость законности всему движению.

Восставшие войска освободили политзаключенных, в том числе Рабочую группу ВПК во главе с К. А. Гвоздевым. «Гвоздевцы» ничего не обещали либералам и теперь делали то, что и должны были делать социалисты: включились вместе с другими социал-демократами и эсерами в создание Совета, противостоящего буржуазии.

Рабочие и левые активисты не были сторонниками социального хаоса и понимали, что движению требуется организация. Иначе события так и могли остаться всего лишь хлебным бунтом. 23–24 февраля проходили совещания представителей рабочих организаций и социалистических партий. 24–25 февраля на них возникла идея обратиться к опыту 1905 г. и создать Советы рабочих депутатов⁵⁷. 27 февраля лидеры социалистов и рабочего движения (Гвоздев, Чхеидзе, Скобелев, Богданов и др.) сформировали в помещении Думы Временный исполнительный комитет Совета, который, пополнившись уже избранными депутатами, приступил к организации выборов в Совет по всем заво-

⁵⁷ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 55; Рафес М. Мои воспоминания. // Былое. 1922. № 19. С. 188.

дам – один депутат от тысячи или от предприятия, если там занято менее тысячи рабочих. Своих представителей предлагалось избрать и восставшим солдатам – по одному на роту.

Вечером 27 февраля Совет уже проводил свое первое заседание. Из более чем 200 собравшихся 40–45 человек представляли рабочие коллективы предприятий⁵⁸. Они избрали исполком Совета и обсудили ход событий. **Сила Совета заключалась в том, что он опирался на низовую самоорганизацию трудящихся масс и солдат гарнизона.** Повсеместно возникали ячейки активистов, готовых выполнять распоряжения Совета, а также районные советы. Одновременно временный исполком Совета «принял экстренные меры к организации продовольствия для восставших, отбившихся от казарм, распыленных и бездомных воинских частей», – вспоминал член исполкома Совета Суханов⁵⁹. Таким образом, «Таврический дворец превращался не только в боевой штаб, но и в питательный пункт. Это сразу создавало практическую связь между «Советом» и солдатской массой», – отмечал Ольденбург⁶⁰. Вскоре Совет стал пополняться представителями восставших частей.

В исполком прошли прежде всего лично известные рабочим лидеры левосоциалистических группировок, а также те, кто удачно выступил на первом заседании Совета. 28 февраля состав исполкома был дополнен представителями (в большинстве своем более умеренными) революционных партий.

Совет действовал решительно. Он приказал изъять все имеющиеся запасы муки и пустить их в хлебопекарни⁶¹. Хранить их дальше не было смысла – либо к городу подойдут уже направленные эшелоны с хлебом, либо разразится голод.

Так в городе возник новый орган власти, тесно связанный с предприятиями, восставшими частями, революционными партиями и организациями рабочих. Теперь речь шла не о бунте и не о политическом перевороте, а о борьбе широких социальных слоев за власть с целью изменения самих принципов формирования социально-политической системы страны, то есть о социальной революции. Но революция – это не синоним хаоса и чистого разрушения. Революция рождала свою организацию, центрами которой были Советы.

Дума не противостояла Совету, а пыталась опереться на его авторитет. Совет создал продовольственную комиссию, и «Исполнительный коми-

⁵⁸ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте-апреле 1917 г. Л., 1976. С. 34.

⁵⁹ Там же. С. 76.

⁶⁰ Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 624.

⁶¹ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 83.

тет Государственной думы» присоединился к этому начинанию, согласившись поставить свой «лейбл» после наименования Совета. Комиссия стала именоваться «продовольственная комиссия Совета рабочих депутатов Петрограда и Исполнительного комитета Государственной думы»⁶².

Конечно, влияние Думы на ход революции оставалось очень значительным. Так, 28 февраля Петропавловская крепость перешла на сторону революционных сил только после того, как представитель ВКГД переговорил с комендантом⁶³. Но влияние депутатов было только моральным. Конкретных военных сил у них не имелось. Когда солдаты восстали, Керенский обзванивал своих знакомых демократов, которые по его инициативе направляли бродившие по городу отряды к Думе. Роль Керенского была велика еще и потому, что он одновременно имел выходы как на лидеров ВКГД, так и на эсеров с их боевиками.

Хабалов с 1100 штыков и сабель был блокирован в Адмиралтействе, где капитулировал днем 28 февраля.

Пользуясь своим возросшим влиянием, Керенский пытался снизить издержки революции. Он бросил лозунг: «Государственная дума не проливает крови», который спас многих деятелей старого режима⁶⁴. Впрочем, это не спасло полицейских и жандармов от расправы.

В столице происходили и убийства, напрямую не связанные с политикой. Так, неизвестные расправились с руководством Путиловского завода⁶⁵. Может быть, это сделали рабочие, ожесточившиеся против администрации за недавний жестокий локаут, может быть – уголовники, «воспользовавшиеся ситуацией». Но не будем забывать, что убийства в крупных городах происходят каждый день и во времена стабильности.

Дума, оставаясь символом движения, не контролировала его. Бунтующие солдаты и жители иногда убивали полицейских, особенно после того, как распространились слухи, что полицейские с крыш стреляют по толпам из пулемета. Но среди демонстрантов действительно было много жертв. Гнев толпы ударил по полицейским и офицерам, но они пострадали меньше, чем гражданские. Всего в Петрограде, по данным Чрезвычайной следственной комиссии, было убито и ранено 1315 человек, из которых 587 гражданских, 602 солдата, 73 полицейских и 53 офицера⁶⁶.

28 февраля «движение перекинулось в окрестности столицы. В Кронштадте оно приняло особенно кровавый характер: восставшие

⁶² Там же. С. 118.

⁶³ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 96.

⁶⁴ Шульгин В. В. Указ. соч. С. 187.

⁶⁵ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 120.

⁶⁶ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 98.

матросы убили адмирала Вирена, десятки офицеров были истреблены, остальных заточили в подземные казематы»⁶⁷. Инициаторами бойни были матросы-арестанты, обозленные на офицеров. В. С. Войтинский писал о причинах бунтарских настроений в Кронштадте: «Бесправие, свирепая муштровка, издевательства, жестокие наказания за малейшую провинность – все это оставляло отпечаток в их душах, родило в них обиду, злобу, жажду мести»⁶⁸.

Совет и Дума послали делегацию в Кронштадт, и резня прекратилась. Самосуды произошли и в других местах, продолжаясь до первых чисел марта, – в Свеаборге и Гельсингфорсе, где 4 марта погиб командующий Балтфлотом адмирал А. И. Непенин, в Пскове, Двинске и других местах.

Позднее и правые политики, и их нынешние эпигоны будут объяснять разложение армии пропагандой революционеров. Однако как раз февральско-мартовская вспышка насилия – в самом начале революции – доказывает, что причины ненависти солдат к офицерам и нежелания воевать были гораздо глубже. Это и неудовлетворительное обеспечение армии еще с царских времен, и реальная ненависть, которую сумели пробудить к себе некоторые офицеры в своих солдатах. Генерал М. Д. Бонч-Бруевич рассказывал об убийстве в Пскове: «Полковник Самсонов вел себя с поступавшими на пункт фронтовыми солдатами так, как привыкли держаться окопавшиеся в тылу офицеры из учебных команд и запасных батальонов: грубо, деспотично, изводя мелкими и зряшными придираками, ни в грош не ставя достоинство и честь не раз видевшего смерть солдата...»⁶⁹ Подобный произвол могли творить не только тыловые офицеры, что вело к накоплению социально-психологической напряженности в армии, чреватой вспышками насилия.

Когда правительство было разогнано восставшими в ночь на 28 февраля, ВКГД заявил, что «нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка»⁷⁰. Комитет уведомил командующих фронтами, что «правительственная власть перешла в настоящее время к Временному комитету Государственной думы». Генералы не приняли никакого участия в свержении действующего правительства. Так что пока признаков их участия в «перевороте» не было.

⁶⁷ *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 626.

⁶⁸ *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 129.

⁶⁹ *Бонч-Бруевич М. Д.* Вся власть советам. Воспоминания. М., 1957. С. 127.

⁷⁰ *Революционное движение в России после свержения самодержавия.* М., 1957. С. 402.

28 февраля сопротивление сторонников старого режима в столице практически прекратилось. «Государственная дума стала символом победы и стала объектом общего паломничества»⁷¹, – вспоминал Миллюков. Лидеры ВКГД выступали перед революционными частями, призывая их к дисциплине и подчинению офицерам. 1 марта войска привели в порядок, но подчинялись они теперь только «революционным» указаниям. Действия депутатов в этих условиях были направлены не на разжигание революции, а на прекращение конфронтации.

Затем выяснилось, что воинские части, присягая на верность Думе, реально подчиняются Совету, с которым они были связаны организационно через своих делегатов. Тем более власть Совета распространялась на рабочих, которые выполняли распоряжения депутатов только в том случае, если на это имелась санкция Совета⁷². Опираясь на организованные революционные силы, Совет фактически взял власть в столице в свои руки.

Чтобы перехватить влияние у радикалов, Родзянко под давлением депутатов решил наконец подобрать «валявшуюся на мостовой» правительственную власть. Но, понимая, что это означает открытое участие в «мятеже», он был готов взять власть при условии, что члены ВКГД будут «безусловно и слепо» подчиняться его распоряжениям⁷³. Никаких обязательств ему, впрочем, никто не дал, но вопрос формирования нового правительства встал на повестку дня. Родзянко и не подозревал, что лидеры господствовавшего в Думе либерального Прогрессивного блока уже готовят другую кандидатуру в премьер-министры – более мягкого и уступчивого лидера земского движения князя Г. Е. Львова. Такой премьер, а не «диктатор» Родзянко и был нужен вождям думского большинства.

Но очевидно, что победа революции в Петрограде еще не означала успеха в масштабе страны. По мнению депутата А. А. Бубликова, «достаточно было одной дисциплинированной дивизии с фронта, чтобы восстание было подавлено. Более того, его можно было усмирить простым перерывом железнодорожного движения с Петербургом: голод через три дня заставил бы Петербург сдаться»⁷⁴. Устроить голод в столице империи – значило только ожесточить ее жителей, вызвать к ним сочувствие провинции. Но все же: могли ли генералы оперативно подавить восстание в столице? Если могли – почему не подавили? Нет ли здесь признаков заранее продуманного заговора?

⁷¹ Миллюков П. Н. Воспоминания. С. 456.

⁷² См. Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 136.

⁷³ Миллюков П. Н. Воспоминания. С. 457.

⁷⁴ Цит. по: Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 630.

27 февраля царь отказался согласиться на ответственное перед Думой министерство Львова, о чем его просил великий князь Михаил Александрович. Генерал Рузский, пересказывая Николаю в телеграмме сообщение Родзянко, добавил от себя: «Позволю себе думать, что при существующих условиях меры репрессии могут скорее обострить положение, чем дать необходимое, длительное удовлетворение»⁷⁵. Царь считал, что когда идет бунт – уступать нельзя. Но сам факт давления на царя со стороны руководителей армии был для режима чрезвычайно опасен. В условиях начавшейся в столице революции военные решили наконец все же вмешаться в политику.

Начальник штаба Главнокомандующего М. В. Алексеев тоже обратился к царю с предложением пойти на уступки. Алексеев, ссылаясь на генерала Рузского, также выступил против репрессий. Одновременно Алексеев разослал телеграмму Родзянко другим командующим фронтами. Таким образом, генералы получили право высказать свое политическое мнение.

Не обращая внимания на эти тревожные обстоятельства, Николай назначил генерала Н. И. Иванова командующим карательной экспедицией против столицы с диктаторскими полномочиями. Ему придали три роты георгиевского батальона и еще полторы роты. Другие фронты должны были выдвинуть к Петрограду четыре кавалерийских и четыре пехотных полка с Северного и Западного фронтов. Погрузка войск в эшелоны должна была завершиться 2 марта. Очевидно, что штурм Петрограда планировался после этой даты. А после 1 марта пришлось бы блокировать и штурмовать уже не только Петроград, но и Москву, Тверь, Нижний, Харьков...

В час дня 28 февраля отряд Иванова начал движение из Могилева в Царское Село. П. В. Мультатули считает, что «длительная задержка отправки отряда генерала Иванова привела к тому, что Император Николай II оказался в пути без всякой военной поддержки»⁷⁶. Но, во-первых, они двигались разными маршрутами, и если бы Иванов выдвинулся раньше, они бы все равно не встретились с Николаем II. А, во-вторых, император сам решил ехать раньше, недалековидно рассчитывая, что контролирует ситуацию.

Однако даже если бы они двигались вместе, это мало что меняло – генерал Иванов не смог соединиться со всеми частями карательного корпуса. Вечером 1 марта Иванов, оставив основные свои силы в Вырице, прибыл в Царское Село с батальоном георгиевских кавалеров. Гарнизон здесь уже подчинялся Думе.

⁷⁵ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 225.

⁷⁶ *Мультатули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 253.

Мог ли Иванов подавить восстание в Петрограде, если бы действовал более решительно? В Гатчине было сосредоточено около 20 тыс. войск, верных старому режиму. На станции Александровской высадился пехотный полк. Навстречу им генерал Потапов выдвинул 6000 революционных солдат, сохранявших дисциплину. Они стали занимать позиции в шести верстах от столицы со стороны Царского Села. В Луге революционеры остановили эшелон карателей, которые в общем не желали никого карать. Остальные части, выделенные для подавления восстания, могли подойти позднее. Это значит, что штурм мог начаться в начале марта. А обстановка в столице и стране менялась с каждым днем.

В Петрограде уже 1 марта стали приводиться в порядок части оставшего гарнизона. Их боеспособность была низкой. Зато революционеры имели многократный перевес (около 100 тыс. солдат), на их стороне была сильная оборонительная позиция и симпатия населения столицы. В. А. Никонов категоричен: Рузский мог «двинуться вооруженной силой и подавить бунт. Это, как мы теперь знаем, несомненно удалось, ибо гарнизон был не способен к сопротивлению». Этого мы как раз не знаем, как тут же пишет Никонов по другому поводу, «кто это доказал?»⁷⁷ А ведь штурмовать пришлось бы не только Петроград, но как минимум еще и Москву. И все это в условиях угрозы германского наступления. И генералы это понимали. Как позднее утверждал Рузский, «в тот момент он старался избежать кровопролития – междоусобной, хотя бы и краткой борьбы в тылу, боясь впечатления на далеко уж не столь прочные в массе фронтовые войска»⁷⁸. А сколько из этих непрочных перешло бы на сторону революции при попытке штурма Петрограда, как перешел уже петроградский гарнизон?

К тому же карательные действия саботировали железнодорожники. Пути между Семрино и Царским Селом разбирались, с железнодорожных стрелок снимали крестовины, что делало движение невозможным, но позволяло революционерам, когда понадобится, быстро восстановить дорогу. Опасались, что генерал Иванов от Царского Села продвинется в Гатчину, к своей основной группировке. Но он вернулся в Вырицу. С 1 на 2 марта Иванов заночевал в Вырице, где арестовал начальника станции за саботаж. Саботаж после этого только усилился. Путь на Гатчину был испорчен, а в паровозах Иванова находчивые железнодорожники слили воду⁷⁹.

⁷⁷ Никонов В. А. Указ соч. С. 798–799.

⁷⁸ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 159.

⁷⁹ Станкевич В. Б., Ломоносов Ю. В. Указ. соч. С. 240–244, 249.

Важную роль в этой обстановке сыграли действия как раз депутата Бубликова. В качестве комиссара ВКГД он занял Министерство путей сообщения и принялся управлять железными дорогами. В ночь на 1 марта по телеграфу всем станциям железных дорог была отправлена телеграмма: «Железнодорожники! Старая власть, создавшая разруху во всех областях государственной жизни, оказалась бессильной. Комитет Государственной думы, взяв в свои руки оборудование новой власти, обращается к вам от имени отечества: от вас теперь зависит спасение Родины»⁸⁰. Судьба революции зависела от железно-дорожников сразу в нескольких отношениях. Они дали зеленую улицу эшелонам с хлебом к столице, они проинформировали страну о том, что власть переменялась, они по требованию Бубликова стали тормозить движение к Петрограду любых военных частей, они могли влиять на перемещение царского поезда. Железнодорожные служащие в большинстве своем поддерживали перемены. Теперь спасти царя могли только решительные действия генералов. Если бы те того захотели.

Что было делать в этих условиях командующим фронтами и Алексееву? 28 февраля Алексеев отправил две телеграммы командующим, сравнение которых показывает, что в его настроении произошло важное изменение. В первой телеграмме он излагает ход «мятежа» с явной враждебностью к восставшим и обсуждает меры к подавлению бунта. Во второй говорилось: «В Петрограде наступило полное спокойствие, войска примкнули к Временному правительству в полном составе, приводятся в порядок. Временное правительство под председательством Родзянко заседает в Государственной думе...». Алексеев был информирован и о стремлении лидеров думского большинства к сохранению монархии⁸¹. Генералам оставалось только присоединиться. Поверхностному наблюдателю, который питался слухами и не знал об активности Совета, ситуация в столице могла представляться именно такой. В этих условиях либеральный генералитет не мог поддержать экспедицию Иванова, так как ее успех означал бы разгром представительных учреждений и либеральных партий России вплоть до октябристов, возвращение к глухой реакции, к «всеобщему развалу».

⁸⁰ Там же. С. 230.

⁸¹ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. С. 228–229.

Из этого исходил генерал Алексеев, информируя командующих фронтами. Как писал Ольденбург о причинах поведения руководителей армии в эти дни: «Они верили, что в Петрограде – правительство Государственной думы, опирающееся на дисциплинированные полки; ради возможности продолжать внешнюю политику они хотели, прежде всего, избежать междоусобия»⁸².

Но это не значит, что либеральные генералы организовали военный заговор еще до восстания в столице. Они лишь сочувствовали либералам и были раздражены поведением государя. Только когда события в Петрограде и волнения в других городах поставили страну на грань Гражданской войны, генералы пошли на отстранение обанкротившегося царя, чтобы предотвратить братоубийство. Их действия определялись информацией либералов о готовности взять ситуацию под контроль. Однако, когда в ночь на 2 марта выяснилось, что ситуация зашла дальше, чем хотелось бы Родзянко, генералы всё равно продолжили переворот. Отступить было поздно.

28 февраля массовые демонстрации под красными флагами захлестнули Москву. Социал-демократами и эсерами из представителей рабочей секции ВПК, кооперативов, профсоюзов и партий был создан Временный революционный комитет, который стал готовить созыв Совета. Вечером 28 февраля на сторону революции начал переходить московский гарнизон. Власть приняла городская дума, поддерживавшая ВКГД. По инициативе ее головы М. В. Челнокова стал формироваться Комитет московских общественных организаций, который послужил опорой новой власти.

На следующий день гарнизон «древней столицы» полностью перешел на сторону Временного революционного комитета и городской Думы. Московский обыватель описывает картину 1 марта: «С высоты от Лубянского пассажа вдоль к Охотному ряду темнела оживленной массой стотысячная толпа. А между пешеходами то и дело мчались в различных направлениях грузовые и пассажирские автомобили, на которых стояли солдаты, прапорщики и студенты, а то и барышни, и, махая красными флагами, приветствовали публику»⁸³.

Революция распространилась на крупные промышленные центры вместе с телеграфными сообщениями о событиях в столице. 28 февраля на сторону революции начали переходить гарнизоны в Харькове, Нижнем Новгороде и Твери.

С 1 марта быстрое подавление революции стало невозможным.

⁸² Ольденбург С. С. Указ. соч. С. 621.

⁸³ Цит. по: Булдаков В. П. Указ. соч. С. 131.

В решающий момент самодержавию отказала в своей поддержке и Русская православная церковь. В начале XX века «представителями высшей иерархии РПЦ проводилась деятельность, направленная на ограничение участия императора в церковном управлении и на «отдаление» Церкви от государства»⁸⁴. А поскольку император цеплялся за эту прерогативу, нарастала напряженность в его отношениях с Синодом, имевшая важные последствия. «Меры, предпринимавшиеся представителями епископата в предреволюционные годы, были направлены на десакрализацию власти российского самодержца... После нескольких безуспешных попыток добиться разрешения на созыв Поместного собора представители архиерейского корпуса стали связывать надежды на «освобождение» Церкви от императорского контроля с возможностью смены формы государственной власти в России в пользу любой формы правления»⁸⁵.

27 февраля обер-прокурор Н. П. Раев потребовал от Священного Синода осудить революционное движение и получил отказ: еще неизвестно, откуда идет измена – снизу или сверху⁸⁶. А ведь католическая церковь запретила своим чадам участие в выступлениях.

Члены Синода уже днем 2 марта, то есть до того, как был получен Манифест об отречении Николая II, решили установить связь с Временным правительством. Это также показывает, на чьей стороне были симпатии иерархов. Уже 6 марта РПЦ стала провозглашать в церквях молебны за многолетие «Богохранимой Державе Российской и Благоверному Временному Правительству ея».

Исследователь М. А. Бабкин полагает: «С большой долей вероятности можно утверждать, что если бы Св. Синод в судьбоносные для царя и страны февральско-мартовские дни 1917 г. предпринял в отношении монархии охранительные меры, то политические события в столице и на местах пошли бы по другому сценарию»⁸⁷. С этим, конечно, трудно согласиться. Широкие массы горожан и солдат, бросившие вызов самодержавию, были уже слишком возмущены своим положением и действиями властей, чтобы остановиться по слову Синода. К тому же процесс рационализации сознания городского населения также зашел достаточно далеко, чтобы слепо подчиняться священству. Ведь те же люди, которые участвовали в революционных событиях 1917 г., затем «гнали» священников в 1918-м. Так что, вероятно, нет оснований полагать, что Церковь могла заслонить собой самодержавие.

⁸⁴ Бабкин М. А. Священство и царство. Россия, начало XX века – 1918 год. М., 2011. С. 593.

⁸⁵ Там же. С. 594.

⁸⁶ Там же. С. 200.

⁸⁷ Там же. С. 600.

Однако, безусловно, ее антисамодержавная и даже республиканская позиция имела большое значение. Действия церковного руководства деморализовали консервативные силы и фактически ликвидировали «вероятность монархической альтернативы политического развития России»⁸⁸. С этим связано и «безмолвное» исчезновение с арены правых партий, которые не могли существовать без поддержки Церкви.

Позиция Церкви делегитимизировала монархию и облегчила становление республиканской легитимности, которой затем следовали все режимы на территории России – не только красные, но и белые.

Бабкин в своем описании действий и бездействия церковных иерархов в феврале – марте 1917 г. нередко объясняет нежелание иерархов заступиться за государя личной обидой⁸⁹. Но тогда возникает вопрос, почему так же вели себя не отдельные иерархи, а корпорация в своем большинстве. То есть важнее не личные обиды или награды, а более фундаментальные обстоятельства, о которых так же подробно пишет автор, и прежде всего – неприятие Церковью «цезарепапизма»⁹⁰.

Синод пресекал «контрреволюционные» проповеди отдельных священников о том, что в России – лишь временное «междуцарствие». Нет, республика устанавливается надолго, и царство не должно составлять Церкви «харизматическую конкуренцию».

Позиция иерархов РПЦ была последовательно антисамодержавной. «Члены Св. Синода в своих «республиканских» устремлениях в марте 1917 г. фактически оказались левее кадетов.

Духовенству РПЦ принадлежит приоритет и в изменении государственной, исторически сформировавшейся монархической идеологии Российской империи. Св. Синод уже 7–9 марта официально отрешился от второй составляющей лозунга «За Веру, Царя и Отечество». Временное же правительство декларировало о недопущении возврата монархии лишь 11 марта⁹¹. 9 марта Синод утвердил новую присягу на верность Российскому государству (а не царю), которая была предложена Временным правительством 7 марта.

Церковь приняла активное участие в революционных мероприятиях и праздниках весны 1917 г., что «способствовало смещению влево спектра общественно-политических настроений православной паствы»⁹².

Либеральные настроения были распространены среди Романовых. Великий князь Кирилл Владимирович вывел гвардейский экипаж под

⁸⁸ Там же. С. 599.

⁸⁹ Там же. С. 199.

⁹⁰ Там же. С. 204.

⁹¹ Там же. С. 598.

⁹² Там же. С. 601.

красными знаменами и себе повязал красный бант на грудь. «Появление великого князя под красным флагом было понято как отказ императорской фамилии от борьбы за свои прерогативы и как признание факта революции. Защитники монархии приуныли»⁹³.

Кто вас выбрал?

События действительно на время вышли из-под влияния ВКГД и военного руководства. Совет добился контроля над войсками гарнизона. Когда представители ВКГД отказались удовлетворить предложения советских лидеров о демократизации в армии, Совет пошел своим путем. Радикальные группировки смогли установить через Советы тесную связь с солдатской массой. 1 марта этот союз был закреплен в своего рода военной конституции, оформленной как Приказ № 1 Совета. По существу, Приказ был написан самими солдатами.

Для критиков революции Приказ – корень последующих злодейств. Он «развалил армию». А что, собственно, в нем такого, что делает невозможным существование боеспособной армии?

Приказ устанавливал, что во всех частях необходимо «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов», избрать представителей от рот в Совет (что, кстати, привело к преимущественному представительству солдат по сравнению с рабочими). Далее Приказ гласил: «Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам». Совет не только становился органом солдатского самоуправления, но и официально закреплял за собой военную силу тылового гарнизона и нейтрализовывал другие политические влияния на войска: «Приказы военной комиссии Государственной думы следуют исполнять, за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов». Но речь идет не о военных, а о политических действиях. То есть Совет пытался гарантировать демократические завоевания от военного подавления.

Далее, Приказ провозглашал гражданские права для солдат. «В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все

⁹³ Половцов П. А. Дни затмения. М., 1999. С. 29.

граждане». Отменялось одание чести вне службы, старое титулование офицеров и их право грубо обращаться с солдатами⁹⁴.

В приказе № 2 5 марта исполком Совета разъяснял, что Приказ № 1 не предусматривал избрания офицеров. Солдатские комитеты «должны быть избраны для того, чтобы солдаты Петроградского гарнизона были организованы и могли через представителей комитетов участвовать в общеполитической жизни страны, в частности заявлять в Совете рабочих и солдатских депутатов о своих взглядах на необходимость принятия тех или иных мероприятий».

Комитеты должны также ведать общественные нужды каждой роты или другой части». Хотя вопрос о выборности офицеров передавался на рассмотрение специальной комиссии министерства, которая готовила военную реформу (имелась в виду комиссия генерала Поливанова), Совет соглашался до решения этого вопроса временно оставить в силе произведенные путем выборов назначения, представленные на утверждения в министерство. Совет признавал за комитетами право возражать против назначения. «Что же касается до военных властей, то солдаты обязаны подчиняться всем их распоряжениям, относящимся до военной службы»⁹⁵.

Приказ № 1 был фактически санкционирован в приказах № 114 и 213 военного министра А. И. Гучкова. А что ему было возразить — что нужно грубо обращаться с солдатами или что вся страна получает гражданские права, а солдаты будут лишены их вне службы? Гучков действовал, считая, что «главной целью является успокоение армии и народа мирным способом, а не применением репрессий»⁹⁶. Даже такой сторонник «порядка», как историк Мельгунов, признавал, что приказ имел «умиротворяющее значение»⁹⁷ для солдатской массы.

В соответствии с приказами военного министра № 213 (12 апреля) и 271 (изданным уже Керенским 8 мая) создавались армейские комитеты от ротных до фронтовых, которые были призваны снять напряжение между солдатами и офицерами, заниматься укреплением дисциплины и в то же время контролировать офицерство, подозреваемое в контрреволюционных настроениях. В то же время приказ 213 точно устанавливал: «Ротный комитет ни в коей мере не касается боевой подготовки и боевых сторон деятельности части и её подразделений, а также специальных работ управлений, штабов, учреждений и заведений»⁹⁸.

⁹⁴ Государственное совещание. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 356.

⁹⁵ Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 339–340.

⁹⁶ Катков Г. М. Дело Корнилова. М., 2002. С. 15.

⁹⁷ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 96.

⁹⁸ Цит. по: Андреев А. М. Местные Советы и органы буржуазной власти (1917 г.). М., 1983. С. 157.

Казалось бы, возникало «двоевластие» – власть оказывалась в руках и создаваемого Думой правительства, и Совета. «Двоевластие» считается теперь чуть ли не символом хаоса и смуты. Но это понятие предполагает противостояние центров власти. А если они мирно сосуществуют и поддерживают друг друга – то это разделение полномочий, а не «двоевластие». Весной 1917 г. о «двоевластии» говорят как об угрозе, а не о реальности. Временное правительство признавало, что ему придется считаться с мнением Совета, но оно отказывалось допустить прямое вмешательство снизу в деятельность правительства, что «было бы недопустимым двоевластием»⁹⁹. Хорошо ли, плохо ли, а функции общегосударственного центра власти исполняло правительство. Советы были гораздо влиятельнее на местах, что вообще характерно для органов самоуправления.

Прибывший в Россию в апреле Ленин будет говорить о «двоевластии» как о возможности добиться перехода всей власти к Советам. Но как раз Петросовет и большинство Советов весной 1917 г. категорически не поддержали позицию Ленина. Этот вопрос уже был обсужден Советом, и решения приняты другие.

А в первые мартовские дни обсуждение «вопроса о власти» в Совете выявило три точки зрения. Чхеидзе и Скобелев доказывали, что брать власть нельзя, потому что тогда придется взять на себя ответственность за неизбежные буржуазные меры, включая и продолжение войны. Гвоздев и правые меньшевики считали, что войти в правительство можно, чтобы отстаивать точку зрения трудящихся. Характерно, что именно эта правая точка зрения в большей степени соответствовала масонской политической линии, чем позиция отходивших от ложи Чхеидзе и Скобелева. Они согласятся с участием социалистов в правительстве позднее и под влиянием обстоятельств. Большевики, межрайонец К. К. Юренин и левый эсер В. А. Александрович предлагали свергнуть Временное правительство и создать из партий, входящих в Совет, временное революционное правительство. Это предложение было отвергнуто исполкомом 13 голосами против 8. 2 марта на заседании Совета только 19 человек против 400 поддержали большевиков. Предложение Гвоздева тоже не прошло – до мая.

Лидеры Совета понимали, что управлять страной они не смогут, да и вся страна, не связанная с Петросоветом организационно, не станет подчиняться решениям неизвестных пока России людей, лидирующих в этом революционном органе. Революционерам необхо-

⁹⁹ Архив новейшей истории России. Т. VII. М., 2001. С. 385.

димо было еще приобрести достаточную известность и опыт легальной работы, чтобы их авторитет превысил влияние думских лидеров. Поэтому Совет, воспринимавшийся в столице как власть, исходил из того, что правительство будет формироваться думским большинством. Но Совет претендовал на роль верховного контрольного органа. Лидеры Совета считали: «Стихию можем сдержать или мы, или никто. Реальная сила, стало быть, или у нас, или ни у кого»¹⁰⁰. Это утверждение было недалеко от истины.

Чтобы контролировать ситуацию в Петрограде, ВКГД должен был договориться с Советом. До 2 марта Совет еще не определился, как относиться к формируемому думцами правительству. В ночь с 1 на 2 марта представители Совета и ВКГД сошлись для того, чтобы согласовать позиции (благо, сидели они в соседних комнатах). Для советских лидеров, не собиравшихся брать власть самим, это был шанс навязать будущему правительству условия минимальной лояльности со стороны «демократии». По чьей инициативе начались эти переговоры? Суханов приписывает ее советской стороне. Но не все так просто. Как таковая инициатива привлечения советских лидеров к решению «вопроса о власти» исходила от Думы. Лидер Русского бюро РСДРП(б) А. Г. Шляпников вспоминает, что 1 марта Чхеидзе «принес из Комитета Государственной думы сообщение, что без вхождения левых партий последний составить правительство не может»¹⁰¹. Это значит, что идея переговоров возникла между Чхеидзе и его друзьями в левом фланге ВКГД – а это Керенский и Некрасов. Инициатива исходила от «масонской группы» и примыкавших к ней депутатов Думы и Совета.

Характерно, что на самих переговорах Керенский вел себя пассивно, отдыхая в промежутке между более важными делами, – ему был важен сам факт договоренности. В присутствии отдохавших после тяжелого дня представителей двух сторон ВКГД представляли Милюков и Шульгин, а советскую позицию отстаивали Суханов, Ю. М. Стеклов, Соколов и Чхеидзе. Однако когда неуступчивый Милюков, требовавший сохранения монархии, завел переговоры в тупик, Керенский вмешался и уговорил «своих» достичь компромисса – обойти стороной этот вопрос до Учредительного собрания¹⁰². Революционеры не стали

¹⁰⁰ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 151.

¹⁰¹ Шляпников А. Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 196.

¹⁰² См. Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 56. Милюков приписывает себе победу над делегатами Совета, которых он якобы заставил отказаться от включения в соглашение записанного в Приказе № 1 положения о выборности офицеров (Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 46). Правда, это положение в действительности не значилось в Приказе № 1.

настаивать и на выборности офицеров, подготовили воззвание против самосудов над офицерами¹⁰³.

Сами эти переговоры были воплощением масонской политической линии – сковать думцев и леваков одной цепью ответственности за общее дело, сдвинуть оба фланга революции к центру. Это предоставляло «масонской группе» господствующие позиции в центре политического поля: когда возникало противоречие центристов с кадетами и октябристами – можно было опереться на поддержку левых сил, а если левые начинали своевольничать – им можно было бы противопоставить правых. Соответственно, к связке Керенский – Некрасов – Чхеидзе в силу логики событий примыкали все правые социалисты и левые либералы, которые сами по себе не имели отношения ни к какому масонству. А те масоны, которые расходились по взглядам с социал-либеральной центристской группой в правительстве, отпали от нее. Таким образом, стала складываться межпартийная группа, которая пришла на смену масонской ложе, но сохранила ее политический курс. Поэтому условно мы будем называть эту группу «постмасонской», не забывая, что лишь часть ее лидеров прежде входила в масонские ложи. «Постмасонская группа» получила позиции во Временном правительстве не благодаря целенаправленным усилиям «масонской ложи», а в силу логики политической конъюнктуры.

Лидеры ВКГД в своем поиске компромисса действовали самочинно, без ясных полномочий. Но только так и можно было поступать в революционном потоке, когда не оставалось времени на длительные многосторонние согласования позиций. И в то же время все знали, на что согласятся их сторонники, а на что – нет. **Достигнув компромисса, и левые, и правые сумели убедить противостоящие стороны в необходимости союза перед лицом монархической и военной угрозы.** В итоге к утру 2 марта было решено, что правительство провозгласит в своей декларации амнистию по политическим и религиозным делам, широкие гражданские свободы, отмену сословных, национальных и религиозных ограничений, замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

Кроме того, под давлением социалистов правительство провозглашало начало немедленной подготовки к выборам в Учредительное собрание, а также в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного и тайного голосования. Важной частью соглашения стало обещание не разоружать и не выводить из Петрограда революционные части гарнизона, распространение на солдат гражданских

¹⁰³ Шувльгин В. В. Указ. соч. С. 492–495.

прав при сохранении строгой дисциплины на службе¹⁰⁴. В этих решениях не было ничего социалистического. Но для либералов, вошедших в правительство, этот демократический курс оказался вынужденным, принятым под давлением снизу. Либеральное правительство противостояло демократии Советов, но Советы приняли решение все же поддерживать правительство постольку, поскольку оно соблюдает соглашения с Советом. Таким образом, удалось избежать противостояния властей, пока правительство соблюдало договоренности. Реальное «двоевластие» возникло осенью, когда Петросовет перешел под контроль большевиков.

Совет и в февральские дни, и позднее показал, что является относительно работоспособной структурой. В. В. Розанов, известный своими консервативными взглядами, признавал, что в Совете «ораторы определено лучше, нежели как были в Г. Думе», «речи вообще не для красноречия и даже не для впечатления, а именно – деловые, решительные, требовательные или – разъясняющие вопрос»¹⁰⁵. Советы стали основной структурой демократии в России. А вот Временное правительство как раз демократическим не было.

Пока либералы боролись за власть с самодержавием, они выступали за правительство, ответственное перед избранныками народа.

Милюков уже в 1916 г. произвел чуть заметную, но имевшую большое значение сдвигу в лозунгах – от «ответственного правительства» к «правительству народного доверия». Когда от него попросили разъяснений, он прокомментировал: «Как кадет, я стою за ответственное министерство, но, как первый шаг, мы по тактическим соображениям ныне выдвигаем формулу – министерство, ответственное перед народом»¹⁰⁶. Перед народом – это ни перед кем. «Первый шаг» вел к безответственному авторитарному правительству во главе с либеральной элитой.

Вероятным премьером все бурные дни революции считался Родзянко, но в решающий момент 2 марта думские лидеры смогли отодвинуть его в сторону изящной комбинацией. Обсуждалась конфигурация власти, где Родзянко становился больше чем премьером, фактически – президентом, временным главой государства. Эту конструкцию наивный Родзянко излагал Алексееву 3 марта: «предполагается необходимым созыв Учредительного собрания, а до тех пор действие Верховного комитета и Совета министров, уже нами обнародованного и назначенного, при одновременном действии двух законодательных

¹⁰⁴ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 91, 141.

¹⁰⁵ Цит. по: *Архипов И. Л.* Указ. соч. С. 216.

¹⁰⁶ *Катков Г. М.* Указ. соч. С. 32.

палат»¹⁰⁷. Родзянко не знал, что уже 2 марта Временное правительство взяло всю власть в свои руки, фактически распустив Думу. Не собиралось оно считаться и с «Верховным комитетом», как назвал Родзянко ВКГД.

Теперь идея «ответственного» кабинета была окончательно отвергнута.

2 марта Временное правительство приняло решение: «вся полнота власти, принадлежащая монарху, должна считаться переданной не Государственной думе, а Временному правительству...»¹⁰⁸ Лукавство этого решения заключалось в том, что после 1905 г. монарх в России не обладал всей полнотой власти. Таким образом, **Временное правительство восстанавливало самодержавную диктатуру, только не во главе с монархом, а в своих руках. Такое правительство никак нельзя назвать демократическим.**

Рассматривая механизм формирования первого состава Временного правительства, мы снова вспоминаем о загадочной заговорщической предыстории Февраля. Как мы видели, роль масонской организации в событиях самой Февральской революции была ничтожной. Но когда речь зашла о дележе пирога, масонские связи оказались как нельзя более кстати. Покинув салоны, масонские комбинаторы отправились в Таврический дворец, чтобы напомнить вовлеченным в большую политику «братьям» о масонском единстве. Насколько этот фактор сыграл свою роль при формировании новой власти?

До начала революции, в условиях борьбы за «ответственное правительство», в политических салонах то и дело раскладывали грядущие министерские пасьянсы. Если царь согласится призвать к власти «общественность», нужно быть готовыми предложить достойные кандидатуры. Политики готовились к ролям министров. Не остались в стороне от этого и масоны, которые, конечно, также обсуждали свои кандидатуры на кресла в либеральном кабинете. Чем они хуже других?

Поскольку масоны входили в организации, формировавшие правительство, они могли содействовать друг другу в получении постов. Миф упрощает проблему. Могли – значит, действовали заодно. Яковлев, как всегда, категоричен: «Верность масонской ложе в глазах посвященных была неизмеримо выше партийной дисциплины любой партии. И когда пришло время создавать Временное правительство, его формирование нельзя объяснить иначе, как выполнением предначертаний этой организации. Кандидатуры были выдвинуты не лидерами буржуазных партий, ибо только немногие из них были в ложах, а

¹⁰⁷ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 231.

¹⁰⁸ Архив новейшей истории России. Т. VII. С. 385.

одобрены на тайных сборищах руководящего ядра масонов»¹⁰⁹. Здесь бы хотелось доказательств. Яковлев их не привел, поэтому поищем сами. Как формировалось Временное правительство?

Милюков вроде бы подтверждает основные аргументы «антимасонов», утверждая, что Львов оказался во главе правительства именно благодаря своей принадлежности к масонству. Но тут же, в прямом противоречии с этим, признает: «При образовании Временного правительства я потерял 24 часа (тогда ведь почва под ногами горела), чтобы отстоять кн. Г. Е. Львова против кандидатуры М. В. Родзянко, а теперь думаю, что сделал большую ошибку»¹¹⁰. Так при чем здесь масонство? Милюков считал Родзянко слишком властной фигурой, предпочитал слабого Львова, которым был намерен вертеть в новом кабинете, формально не являясь его главой (мало ли как сложится ситуация). Это вполне совпало с интересами других «сильных людей» думской оппозиции совершенно независимо от их принадлежности к масонству. Сам Милюков, сыгравший решающую роль в назначении главой правительства именно Львова, по общему мнению, к масонам не принадлежал.

Гальперн, на тот момент секретарь Верховного совета, высшее должностное лицо в масонской иерархии, вспоминал, что высший масонский орган не собирался в дни Февральской революции и, соответственно, не мог обсуждать состав Временного правительства. Однако влиятельные масоны Коновалов, Керенский, Некрасов, Карташев, Соколов и Гальперн активно контактировали между собой. Поэтому трудно согласиться и с крайним выводом А. Я. Авреха о том, что «масонская организация не имела к их выдвижению никакого отношения»¹¹¹. Все же имела, хоть и не решающее. Одни сумели стать активными участниками событий, другие давали «братьям» советы. Такой и являлась роль большинства масонов в событиях – совещательной. Было бы соблазнительно представить себя архитектором первого Временного правительства, вполне соответствовавшего вкусам либералов. Но Гальперн честно признает, что «говорить о нашем сознательном участии в формировании правительства нельзя: мы все были очень растеряны...»¹¹².

Г. М. Катков был уверен: «Партийная принадлежность и партийная дисциплина должны были уступать более прочным масонским узам. Более всего от этого пострадала партия кадетов. Когда настал час формирования Временного правительства, решение выносилось не

¹⁰⁹ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 15.

¹¹⁰ Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 215–217.

¹¹¹ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 171.

¹¹² Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 71.

партийными комитетами, а влиятельными масонскими группами»¹¹³. И сколько было этих групп, властно отодвинувших кадетский ЦК? И кто его на деле отодвинул от решения «кадрового вопроса»? В горячей обстановке первых чисел марта действительно было не до ЦК. Состав правительства формировался на длительных совещаниях политиков разных либеральных фракций. Но центром этих совещаний, как следует из воспоминаний Шульгина, Милюкова (оба – не масоны) и других свидетелей, были не масоны, а... сам Милюков.

Присутствие масонов в правительстве еще не говорит о том, что они попали туда именно благодаря масонским связям. Керенский был одним из лидеров революции, депутатом и членом исполкома Петровета одновременно. При таком наборе достоинств он мог открыть ногой дверь правительства. Там кадеты только повторяли ему: «Просим, просим». Милюков заявил на кадетском съезде 27 марта: «Я помню тот решительный момент, когда я поздравил себя с окончательной победой. Это был тот момент, когда по телефону на нашу просьбу стать министром юстиции А. Ф. Керенский ответил согласием»¹¹⁴. Так что Керенскому масоны были не нужны для попадания во власть, скорее наоборот – масоны становились организацией при Керенском и Некрасове. Некрасов был видным кадетом. Ему для попадания в правительство тоже не нужно было масонской протекции.

Главным призом масонов в правительстве считается М. И. Терещенко, малоизвестный в Петрограде чиновник и предприниматель. Его включение в правительство вызывало недоумение и даже обиды кадетов – не масонов. Аврех и даже В. И. Старцев отрицали его принадлежность к масонству, поскольку Некрасов не перечисляет его среди министров-масонов¹¹⁵ (правда, нет и доказательств, что перечисление Некрасова является исчерпывающим), а прямо на Терещенко в качестве масона указывает только Е. П. Гегечкори (но он-то как раз не состоял с Терещенко в одной ложе, и уже поэтому его свидетельство ненадежно)¹¹⁶.

Пикантность ситуации заключается еще и в том, что Терещенко потеснил кадета А. И. Шингарева, претендовавшего на пост министра финансов. А Шингарев, которому дали менее желанный для него пост министра земледелия, как раз был масоном, но «классическим», не из той организации, где состояли Некрасов и Керенский¹¹⁷.

¹¹³ Катков Г. М. Указ. соч. С. 181.

¹¹⁴ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. С. 466.

¹¹⁵ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 151.

¹¹⁶ Старцев В. И. Указ. соч. С. 163.

¹¹⁷ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 151.

Собственно, как раз появление Терещенко в числе министров и является главным доказательством его принадлежности к масонству – а кто еще мог бы его протащить на вершину власти?

Впрочем, есть и другой канал. Распоряжаясь значительными средствами, Терещенко активно включился в работу Красного Креста и военно-промышленных комитетов. В 1915 г. он стал председателем Киевского военно-промышленного комитета, для чего масонские связи были не нужны. Тут требовались капиталы. Таким образом, в системе ВПК Терещенко стал представителем «Юга России», сотрудником Львова и Гучкова. Это и был его канал для продвижения во власть. Если Терещенко являлся масоном, то этот фактор мог ему помочь, но он не был единственным и даже главным в возвышении будущего министра иностранных дел России. Он оказался представителем общественности «Юга России» по должности, а правительство не должно было состоять только из петроградцев.

Судьба Терещенко сложилась так удачно во многом благодаря тихому перевороту, который кадеты совершили против Родзянко. Раз не он возглавил правительство, то на его место перемещался Львов, и в правительстве образовалась важная вакансия. Пришлось снова перекладывать пасьянс. Шингаревым «заткнули» министерство земледелия, а на финансы нужно было поставить еще кого-то, кто в них разбирается. Вот тут и пригодился гучковский «кадр».

Масонство сформировало не правительство, а личные связи, часть которых затем использовалась при создании правительства и легла в основу его центристской фракции, состоящей из старых знакомых, в том числе по масонству. Но это не значит, что масонская организация могла претендовать на то, чтобы диктовать свою волю правительству и его центру – «масонской партии». Советовать – пожалуйста. Но если мнение советчиков расходилось с мнением публичных политиков, то последние действовали по-своему.

Яковлев считает, что почти все члены первого состава Временного правительства были масонами («десять братьев»¹¹⁸). Кроме Милюкова. Отчего так? Оттого, что сам Милюков категорически отмежевался от участия в масонской ложе и даже туманно намекал на наличие масонской организации. Остальные члены правительства не сообразовали этого сделать. Следовательно – они все масоны и есть.

С Яковлевым не согласен важный свидетель – бывший министр Временного правительства Николай Виссарионович Некрасов, который, попав в конце жизни в застенки НКВД, решил оставить потомкам память о масонах. Он дал о них подробные показания, благо это уже

¹¹⁸ Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 16.

никак не могло повлиять на судьбу как самого Некрасова, так и его «братьев». Некрасов пытался доказать значительность влияния ложи. В ней было много влиятельных лиц. «Показательно, что в составе первого Временного правительства оказалось три масона – Керенский, Некрасов и Коновалов»¹¹⁹. И с чего это Некрасов решил скрыть причастность к масонству остальных министров?

Но не будем впадать в другую крайность: «Расклад реально действовавших политических сил накануне и в ходе Февральской революции был таков, что масонского присутствия среди них практически не ощущалось. Оно было так мало и ничтожно, что его не заметили даже современники, даже департамент полиции. Поэтому история и историки имеют полное право сбросить со счетов русское политическое масонство в последние 10 лет существования царизма... вывод о масонах как *quantite neglignable* (ничтожная величина) в предфевральских, февральских и постфевральских событиях 1917 г. остается неизменным. Чего не было – того не было»¹²⁰, – заключил свою книгу А. Я. Аврех.

В этой однозначности есть явные признаки идеологической заданности. Не было не потому, что нет свидетельств, а потому, что опасен сам факт признания, что было. Только дай волю этим рассуждениям, и пойдет: враги России установили режим тайной власти, рулили и рулят массой профанов, Сталина убили, СССР развалили...

Авреха можно понять, тем более что полемизировал он с активными участниками общественного противоборства того времени (тема масонства в 1970–1980-е гг. была очень актуальна в борьбе патриотов и западников). Но сегодня мы уже можем выйти за рамки черно-белой логики и оценить роль масонов без уничижения и без преувеличений.

В марте 1917 г. масонская организация решала две задачи. В-первых – искала кадры для новой власти в первые месяцы, когда расстановка сил была еще неясна: «Ложи на местах определенно становятся ячейками будущей местной власти – вернее, резервуарами, из которых будущая, созданная после переворота центральная власть сможет черпать надежных, со своей точки зрения, кандидатов для замещения власти местной»¹²¹. В-вторых, масоны воздействовали «на левые

¹¹⁹ Цит. по: Яковлев Н. Н. Указ. соч. С. 273.

¹²⁰ Аврех А. Я. Указ. соч. С. 339, 342.

¹²¹ Николаевский Б. И. Указ. соч. С. 39.

партии в целях удержания их в русле коалиционной политики»¹²². Но те же задачи выполняли далеко не только масоны, но все сторонники политического центризма – от правых социалистов до левых либералов. Ядром этой политической силы являлась «масонская партия» Керенского – Некрасова, но большинство сторонников линии Керенского не были масонами. В правительстве они были далеко не единственной партией. Большинство в нем составляли обычные кадеты, вовсе не стремившиеся к союзу с социалистами.

«Масонская партия» заместила ложи и свела их влияние на нет. Масонская дисциплина оказалась слишком слабой связью по сравнению с идеологическими убеждениями. Масоны, не согласные с курсом Керенского – Некрасова, не могли повлиять на него, взывая к масонской дисциплине. Лишь некоторые деятели – центристы решили вступить в ложу после февраля 1917 г. (называют Авксентьева и Савинкова), но участие в загухающей масонской игре сыграло минимальную роль в карьере этих и без того известных политиков.

Некрасов утверждает, что масонская организация распалась вскоре после создания Временного правительства из-за разногласий правого и левого крыльев¹²³. Он не исключает, что правые масоны продолжили работу, но в этом случае их политическое влияние было ничтожно, поскольку право-либеральный фланг политического спектра имел свой штаб в партии кадетов, и никакой нужды в масонах уже не было.

Можно согласиться с выводом советского историка В. И. Старцева: «Масонские связи быстро рвались под влиянием могучего дыхания революции»¹²⁴. Единственная существенная постмасонская связь, которая продолжила влиять на политический процесс до августа 1917 г., – это дружба Керенского и Некрасова, основанная на их приверженности принципу коалиции правых социалистов и левых либералов. Но **идеология и личные симпатии приверженцев коалиции в середине 1917 г. уже были важнее, чем дореволюционная масонская игра.**

Временное правительство складывалось из представителей различных общественных структур, которые должны были стать опорой новой власти (Временный комитет Государственной думы, Земский и Городской союзы, Военно-промышленный комитет, даже Петросовет).

Правительство возглавлял князь Львов, который по своему характеру был человеком совершенно не авторитарным. По словам правого кадета В. Д. Набокова, Львов «сидел на козлах, но даже не пробовал собрать

¹²² Там же. С. 72.

¹²³ Там же. С. 274.

¹²⁴ Старцев В. И. Революция и власть. М., 1978. С. 204.

вожжи»¹²⁵. Однако когда кумир Набокова Милюков и другие сторонники твердой власти попробуют «собрать вожжи» в апреле 1917 г., это кончится их политическим поражением. Мечта либералов снова взнудать свой народ весной 1917-го была полной утопией. С низами следовало договариваться, и Львов по мере сил пытался это делать.

Правительство состояло из известных думских деятелей-либералов (в основном прогрессистов и кадетов). Министром иностранных дел стал Милюков, министром юстиции – Керенский.

Впрочем, у Керенского, как мы помним, было одно препятствие для вхождения в правительство – решение исполкома Петросовета, заместителем председателя которого был Александр Федорович. Его биограф С. В. Тютюкин пишет: «Обращаться лично в Исполком Совета Керенскому явно не хотелось, и он решил пойти непосредственно к рядовым депутатам. Сначала Керенский заглянул на совещание к солдатам и быстро, под дружную овацию зала, убедил их в необходимости иметь в составе Временного правительства хотя бы одного социалиста. Ободренный таким успехом, он, бледный, взволнованный, одетый во все черное, буквально влетел на пленарное заседание Петросовета и попросил внеочередного слова. Вскочив на стол (так тогда делали и некоторые другие члены Совета), Керенский срывающимся голосом начал с вопроса: «Товарищи, доверяете ли вы мне?». «Доверяем, доверяем!» – раздалось в ответ, и Керенский продолжил: «Я говорю, товарищи, от всей глубины моего сердца, я готов умереть, если это будет нужно (длительная овация)».

Мотивируя далее свое решение пойти вразрез с мнением исполкома, Керенский сослался прежде всего на то, что, поскольку у него в руках находятся сейчас представители старой власти (он имел в виду водворенных по его приказу в Петропавловскую крепость бывших царских министров), он не может выпустить их из своих рук (ответом на эти слова были опять бурные аплодисменты и возгласы «Правильно!»). Затем Керенский сообщил, что отдал распоряжение немедленно освободить всех политзаключенных и в первую очередь вернуть из Сибири большевистских депутатов IV Государственной думы. И опять ответом ему были громовые аплодисменты и общий энтузиазм депутатов. Сделал он и еще один эффектный ход, заявив, что готов сложить с себя обязанности товарища председателя Петросовета, но может и вновь принять затем этот высокий пост, если участники собрания найдут это нужным. Зал единодушно ответил: «Просим! Просим!» Кроме того, Керенский подтвердил, что остается республиканцем и будет отстаивать в составе правительства интересы демократии,

¹²⁵ Набоков В. Д. Временное правительство // Архив Русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 39.

усилиями которой был свергнут старый режим. Под конец он призвал всех собравшихся к организации, дисциплине и к поддержке всех депутатов Совета, готовых «умереть для народа и отдать всю жизнь народу» (имея, конечно, в виду в первую очередь себя)¹²⁶.

2 марта Милюков произносил свою первую речь от имени правительства. В ответ он услышал возмущенный вопрос: «Кто вас выбрал?» «Я ответил: «Нас выбрала русская революция!» Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам»¹²⁷. Отныне даже правые политики признавали право «революции» «выбирать» правительства. Вооруженное революционное меньшинство воспользуется этим правом еще не раз.

Финал империи

В пять утра 28 февраля царь покинул Ставку и направился в Царское Село, к семье. Отсюда можно было координировать действия против восставшего Петрограда, если бы кто-то был готов его штурмовать.

По мнению С. С. Ольденбурга, «отъезд из Ставки оказался роковым»¹²⁸. Мол, если бы царь остался, всё сложилось бы иначе. И с чего бы так? Генералы готовились предъявить царю ультиматум об отречении, и не всё ли равно, где они сделали это – в Пскове или в Могилеве?

Уже 28 февраля Алексеев начал информационную блокаду императорского поезда – туда не передавались агентские телеграммы, позволявшие оценивать ситуацию в Петрограде¹²⁹.

Царский поезд шел необычным, более длинным маршрутом через Вязьму. Это было разумно, учитывая неясность обстановки и опасность нападения на поезд, о чем до революции ходили слухи. Когда в полдесятого вечера императорский поезд прибыл в Лихославль, начальник жандармского управления доложил, что, согласно слухам, Тосно занято мятежниками. Затем стало известно о беспорядках в Любани¹³⁰.

¹²⁶ *Тютюкин С. В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012. С. 117–118. Надо сказать, что Керенский отнесся к арестованным деятелям старого правительства относительно гуманно. Большинство из них было переведено из Петропавловки под домашний арест и в больницу, суд над ними при Керенском так и не состоялся. Арестованного 7 марта Николая Романова с семьей Керенский отправил 31 июля от греха подальше в Тобольск.

¹²⁷ *Милюков П. Н.* Воспоминания. С. 465.

¹²⁸ *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 627.

¹²⁹ *Мульталли П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 254.

¹³⁰ Там же. С. 259.

В ночь на 1 марта поезд прибыл на станцию Малая Вишера. Окружение царя считало, что дальше двигаться нельзя, так как Тосно и Любань находятся в руках «неприятеля». Это было преувеличением. Но на всякий случай поезд отступил в Бологое. Железнодорожники и телеграфисты, сочувствовавшие «новому правительству», отслеживали движение поезда¹³¹. 1 марта управление железными дорогами уже находилось под контролем ВКГД, можно было саботировать приближение Николая II к Петрограду, но не более того.

Поезд переместился в Дно, где ждали Родзянко¹³². Судя по воспоминаниям дворцового коменданта В. Н. Воейкова, император сообщил ему о готовности пойти на уступки и дать ответственное министерство¹³³. Он не понимал, что на повестке уже стоит вопрос как минимум об отречении.

Но Совет не выпустил Родзянко, опасаясь, что он договорится с царем об отречении при условии сохранения монархии. Самоуправство товарищей вызвало возмущение Керенского, но он не контролировал действия Совета¹³⁴.

В восемь вечера 1 марта императорский поезд прибыл в Псков, где находился штаб Северного фронта. Отсюда было проще всего в сложившихся обстоятельствах руководить подавлением бунта, если бы этого хотело командование. Но беседа царя с Рузским быстро приобрела не военно-технический, а политический характер. Прибыв в императорский поезд, Рузский сказал приближенным: «Я много раз говорил, что необходимо идти в согласии с Государственной думой и давать те реформы, которые требует Дума. Меня не слушали... Теперь надо сдать на милость победителям»¹³⁵.

Генерал имел в виду еще не отречение, но конституцию. Выражая мнение командующих фронтами, Рузский добивался ответственного министерства. Царь не уступал – принцип кабинета, ответственного перед парламентом, а не перед самодержцем, противоречил основам

¹³¹ Там же. С. 264. Мультагули считает, что заговорщики уже в Малой Вишере захватили поезд, и «не Государь распоряжался маршрутом своего поезда», его перемещали насильно (С. 262–263). Эта версия нужна для того, чтобы бросить тень на окружение императора. Ведь сановники в своих воспоминаниях не рассказывают о захвате поезда и, что того хуже, подтверждают факт отречения Николая II, оспариваемый Мультагули. Значит – тоже в заговоре, в своих воспоминаниях скрывали «правду» (С. 265).

¹³² Мультагули придумал забавный вестерн, в котором отряд исполкома Совета захватывает царский поезд в Дно, но его отбивают силы Северного фронта, подконтрольные Рузскому и Родзянко (Там же. С. 270). Доказательств того, что нечто подобное происходило на самом деле, не приводится.

¹³³ Воейков В. Н. Дворцовый комендант Государя Императора. С царем и без царя. СПб., 1993. С. 169.

¹³⁴ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 68.

¹³⁵ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 59–60.

его представлений о государстве: «Я никогда не буду в состоянии, видя, что делается министрами не ко благу России, с ними соглашаться, утешаясь мыслью, что это не моих рук дело...»¹³⁶

После дискуссии с Рузским в ночь на 2 марта император санкционировал распространение наспех подготовленного в Ставке манифеста, в котором говорилось: «Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа министерство, возложив образование его на председателя Государственной думы Родзянко, из лиц, пользующихся доверием всей России»¹³⁷. При этом ответственному правительству не переходила вся полнота исполнительной власти – военный и морской министры, а также министр иностранных дел должны были подчиняться лично императору. Николай II велел отправить эту телеграмму в Петроград, но Рузский не позволил это сделать. Он считал, что император должен даровать настоящее ответственное министерство, без изъятий, и утверждал, что добился своего через два часа, утром 2 марта¹³⁸. К этому времени Алексеев прислал в Псков составленный в ставке проект манифеста о даровании ответственного правительства, который был отправлен в Петроград Родзянко и командующим фронтами от имени Николая II.

В ночь на 2 марта Н. И. Иванову была отправлена телеграмма императора с указанием «до моего приезда и доклада мне никаких мер не принимать»¹³⁹. Правда, до 3 марта Иванов оставался в неведении о фактической отмене его миссии¹⁴⁰, но это было не столь важно, так как войска в его распоряжение все равно уже не высылались.

Могли ли эти уступки привести к умиротворению? «Потом будут утверждать, что Манифест к тому времени уже запоздал и не мог никого удовлетворить и успокоить обстановку. Но кто это доказал? Конечно, он не удовлетворил бы обитателей Таврического дворца, но реакция на него остальной страны могла быть другой»¹⁴¹ – считает В. А. Никонов. Как раз многих завсегдатаев Таврического дворца переход к конституционной монархии вполне удовлетворял. Он не удовлетворял Совет, от которого зависело – наступит ли успокоение обстановки. Именно давление слева заставляло ВКГД искать более радикального решения, которое выглядело бы как настоящая победа движения. «Остальная страна» менее всего думала о конституционной монархии, и восстав-

¹³⁶ Цит. по: *Ольденбург С. С.* Указ. соч. С. 632.

¹³⁷ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 132–133.

¹³⁸ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 303.

¹³⁹ Красный архив. 1927. №2 (21). С. 53.

¹⁴⁰ *Мультипли П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 278.

¹⁴¹ *Никонов В. А.* Указ. соч. С. 799.

ших Москвы и Твери создание правительства Родзянко могло умиротворить не более, чем вожаков вооруженных масс столицы. В начале марта быстрая стабилизация ситуации зависела от них. С ними ВКГД должен был или договориться, или воевать.

Под впечатлением общения с социалистами лидеры ВКГД решили, что только отречение Николая II может как-то успокоить восставших и восстановит порядок.

Родзянко сообщил Рузскому: «Наступила такая анархия, что Государственной думе вообще, а мне в частности оставалось только взять движение в свои руки и стать во главе, чтобы избежать такой анархии, при таком расслоении, которое грозило бы гибелью государству.

К сожалению, мне это далеко не удалось». В этих условиях «ненависть к династии дошла до крайних пределов». Признав, что не может справиться с ситуацией, Родзянко вдруг меняет тон, подходя к выводу. Теперь он сообщил Рузскому, что войска всё же встают на сторону Думы, и в то же время «грозное требование отречения в пользу сына, при регентстве Михаила Александровича, становится определенным требованием»¹⁴². Так ненависть к династии или определенное требование передачи власти другому монарху ради сохранения монархии? Для Рузского тема отречения оказалась новой, он по инерции спрашивает, публиковать ли манифест о даровании ответственного министерства, и в ответ на уклончивое родзянковское «я, право, не знаю» решает, что надо публиковать, «а затем пусть, что будет»¹⁴³. Но потом, обдумав разговор, все же собирается повременить с публикацией, тем более, что основной тираж все равно должен выйти в Петрограде.

Мнение Родзянко произвело впечатление на военных. Родзянко противопоставил Думу и анархию (под которой понимался хаос), а не Думу и Совет. **О том, что левые силы способны самоорганизоваться и противостоять партии порядка, генералы не могли и помыслить. Альтернатива виделась им совсем иначе – либо уступки монарха, либо затягивание бунта.**

Рузский и Алексеев решили добиваться отречения Николая II. Утром 2 марта Алексеев и генерал-квартирмейстер ставки А. С. Лукомский¹⁴⁴ стали убеждать командующих фронтами поддержать отречение. На сторону Алексеева встали командующие фронтами – великий князь Николай Николаевич, Брусилов и, хоть и не сразу, А. Е. Эверт.

¹⁴² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 233.

¹⁴³ Там же. С. 235.

¹⁴⁴ С. П. Мельгунов даже пытается приписать Лукомскому инициативу в выдвижении требования отречения (*Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 227–229), хотя Родзянко в переговорах с Рузским сообщил о требовании отречения за два часа до того, как эту идею подхватил Лукомский. Инициатива отречения исходила все же не из Ставки, а из революционного Петрограда.

Именно в этот момент в стране фактически произошел государственный переворот. Но он явился результатом не возникшего заранее заговора, а начавшейся в стране революции, которую генералы уже не могли подавить без гражданской войны либо серьезных уступок восставшим.

Фактически к этому моменту Николай находился под домашним арестом. В одиннадцатом часу утра Рузский пришел к нему и познакомил с мнением Родзянко, а затем Алексеева. После того как командующие фронтами высказались за отречение, Рузский в сопровождении двух генералов штаба «дожал» царя. Как рассказывал уже в эмиграции министр императорского двора В. Б. Фредерикс, «подпись под отречением была у него вырвана грубым обращением с ним генерала Рузского, схватившего его за руку и, держа свою руку на манифесте об отречении, грубо ему повторявшего: «Подпишите, подпишите же. Разве Вы не видите, что Вам ничего другого не остается делать. Если Вы не подпишите, я не отвечаю за Вашу жизнь»¹⁴⁵. Речь, вероятно, шла не о манифесте, проект которого готовился, а о телеграмме, которая должна была сообщить о решении императора в Петроград.

Около 15 часов 2 марта Николай II передал для отправки телеграммы о готовности отречься от престола в пользу Алексея (при регентстве Михаила Александровича) и о назначении главнокомандующим Николая Николаевича¹⁴⁶. Принципиальное решение об отречении было принято. Однако, согласно телеграмме, Николай надеялся оставить Алексея «при нас до совершеннолетия». «Совершенно ясно, что если малолетний сын остается с отрекшимся монархом до своего совершеннолетия, то бывший монарх неминуемо будет играть ведущую роль в политической жизни государства. В таком случае отречение является фикцией, и добавление фразы «при регентстве брата моего Михаила Александровича» теряет всякий смысл»¹⁴⁷, – раскрывает Мультатули смысл игры Николая II. Это, пожалуй, преувеличение – регент и стоящие за ним политические силы либерального толка получили бы ключевые позиции в государстве, если можно было бы предположить его успокоение как по мановению волшебной палочки. Но роль бывшего монарха, живущего

¹⁴⁵ Цит. по: *Никонов В. А.* Указ. соч. С. 809.

¹⁴⁶ *Мордвинов А. А.* Последние дни императора Николая II. // *Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев.* Л., 1927. С. 108; *Дубенский Д. Н.* Как произошел переворот в России. // Там же. С. 69.

¹⁴⁷ *Мультатули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 314. Впрочем, раскрыв мотивы Николая II, Мультатули тут же возвращается к своей версии о том, что всё это государь не писал. Зачем противникам императора, якобы фальсифицировавшим документы об отречении, понадобились такие схемы с оставлением Николая Романова при дворе Алексея, остается загадкой даже для Мультатули. Как раз наличие в документах «защепок» для сохранения Николаем части власти свидетельствует в пользу его авторства.

во дворце, да еще и имеющего основания оспорить отречение – это если не «решающая роль», то весьма весомая.

Беда как для Николая II, так и для либеральных великих комбинаторов заключалась в том, революция только начиналась, и «фикция отречения» уже не могла успокоить Петроград. Царь мог догадаться, что стоит ему отречься от престола, как он отправится не в Зимний дворец по соседству с сыном, а в ссылку отдельно от сына, дабы оградить нового монарха от «реакционных влияний». Уже 2 марта только что возникшее Временное правительство на своем первом заседании обсуждало инициативу Петросовета выслать за границу всех представителей рода Романовых, «полагая эту меру необходимой как по соображениям политическим, так равно и небезопасности их дальнейшего пребывания в России». Милюков согласно протоколу сообщил, что министры сочли это требование слишком радикальным и предложили ограничиться только высылкой Николая и Михаила с семьями¹⁴⁸. Впрочем, сам Павел Николаевич тогда же оспорил правильность передачи его мысли в протоколе¹⁴⁹. Он еще надеялся сдвинуть ситуацию вправо и сохранить трон для Романовых и не высылать Михаила и Алексея. Днем 2 марта Милюков заявил: «Старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту великому князю Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей»¹⁵⁰. Во всяком случае, о свободном возвращении Николая в Петроград речи уже не шло.

По заданию Алексея церемониймейстером Высочайшего двора, директором политической канцелярии при Верховном главнокомандующем Н. А. Базили был подготовлен проект манифеста об отречении в пользу Алексея при регентстве Михаила Александровича. И безо всяких «оставлений при нас». После обсуждения генералами Алексеевым и Лукомским проект был передан в Псков вечером 2 марта¹⁵¹.

Николай II все еще колебался и решил повременить с отправкой телеграмм (они остались у Рузского) и подписанием манифеста, хотя бы до прибытия думской делегации (А. И. Гучков и В. В. Шульгин), чтобы еще раз выслушать «представителей общества».

Для либеральных лидеров визит к отрекающемуся императору тоже имел большое значение для перехода власти именно к ним, а не к более левым силам. Они надеялись опереться на внешнюю легитим-

¹⁴⁸ Журнал заседаний Временного правительства // Архив новейшей истории России. Т. VII. С. 385.

¹⁴⁹ Там же. С. 12.

¹⁵⁰ Цит. по: *Мультипули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 320.

¹⁵¹ Там же. С. 305.

ность и преемственность. Как пишет Мультатули, «это они, думские посланники, должны были привезти от Царя манифест, объявляющий о конце его царствования»¹⁵². По мнению Мельгунова, «вмешательство делегации лишь задержало опубликование манифеста и тем самым осложнило проблему сохранения монархического строя, ради которой делегаты поехали в Псков»¹⁵³. Делегация мало что изменила в представлении монарха о ситуации, но он использовал эту паузу для выработки иной формулы отречения. К вечеру Николай решил отречься в пользу брата Михаила. В манифесте, который он подписал ближе к полуночи, говорилось: «Не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол государства Российского»¹⁵⁴.

Это была существенная разница. По законам Российской империи отречение могло быть произведено только в пользу Алексея. Сам Алексей не имел права отречься от престола до совершеннолетия. Совершеннолетний Михаил вполне был готов также отречься от престола, по существу ликвидировав монархию.

Окончательный вариант был согласован ближе к полуночи. Несмотря на незаконность решения об отречении за сына, Гучков и Шульгин не стали против этого возражать, последний лишь попросил императора внести поправку о присяге нового царя в том, что он будет править совместно с представителями народа.

«Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»¹⁵⁵, – говорилось в манифесте об отречении. Уже задним числом Николай санкционировал назначение Г. Е. Львова главой правительства.

Николай мог позднее, когда всё уляжется, оспорить отречение. То, что муж совершает тактический ход, первой поняла его супруга. Аликс писала Ники: «Мы знаем друг друга насквозь, и слова не нужны – и, пока я жива, мы еще увидим тебя опять на своем престоле, возвращенного твоим народом и войсками к славе твоего царствования»¹⁵⁶.

«Нельзя не прийти к выводу, что Николай II здесь хитрил... Пройдут тяжелые дни, потом все успокоится, и тогда можно будет взять

¹⁵² Там же. С. 326.

¹⁵³ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 177.

¹⁵⁴ Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. С. 223.

¹⁵⁵ Там же. С. 223.

¹⁵⁶ Мейлунас А., Мироненко С. Указ. соч. С. 541.

данное обещание обратно»¹⁵⁷, – считал Милюков. Неамбициозный Михаил Александрович подходил для этого как нельзя лучше. Он не стремился к трону и легко отдал бы его назад, если бы обстоятельства изменились. Алексей не мог бы сделать это до совершеннолетия.

А. Разумов и П. В. Мультатули уверены, что Николай II вообще не подписывал манифест об отречении и узнал об отстранении от власти позднее 2 марта¹⁵⁸. Доказать эту версию непросто – слишком много было свидетелей отречения.

Аргументы в пользу этой версии таковы: манифест об отречении не содержит пометок царя, кроме подписи, которую можно было и подделать. Документы об отречении составлены с многочисленными отклонениями от правил¹⁵⁹. Однако и то, и другое легко объяснимо: император не считал, что действует добровольно, всё происходящее было незаконно. То, что писал он, писалось в большом волнении. Николай II не собирался доводить проекты документов об отречении до совершенства, вероятно надеясь, что впоследствии представится возможность их оспорить. Он просто подписал проект, который представили генералы.

Мультатули приводит телеграмму начальника штаба Северного фронта Ю. Н. Данилова помощнику Алексея генералу В. Н. Клембовскому, направленную в 18 часов 25 минут, то есть между двумя манифестами об отречении: «По поводу манифеста не последовало еще указание главкосева, потому что вторичная беседа с Государем обстановку видоизменила, а приезд депутатов заставляет быть осторожным с выпуском манифеста. Лично я полагал бы лишь подготовиться к скорейшему выпуску манифеста, если потребуется»¹⁶⁰. Этот текст вполне укладывается в ту версию событий, которую мы знаем от его свидетелей и которая сегодня считается общепринятой: Николай II подписал манифест днем, но затем взял тайм-аут до приезда депутатов. Об этом и ведет речь Данилов: публикация откладывается до беседы с депутатами. Но Мультатули делает из этого неожиданный и парадоксальный вывод: «Из слов Данилова ясно, что на 18 ч. 25 мин.

¹⁵⁷ Милюков П. Воспоминания. С. 467.

¹⁵⁸ Разумов А. Подпись Императора. Несколько замечаний по Манифесту об отречении Николая II. // Екатеринбургская инициатива. Екатеринбург, 2008; Мультатули П. В. Император Николай II и заговор 17-го года. По мнению Мультатули, Николай узнал о своем отстранении от власти... 8 марта, когда был арестован (С. 380, 387).

¹⁵⁹ Мультатули П. В. Император Николай II и заговор 17-го года. С. 310, 315, 345–347.

¹⁶⁰ Цит. по: Там же. С. 307.

манифест уже существовал, но Государя с ним не ознакомили и выпуск манифеста никак не был связан с его волей. Николай II не имел никакого отношения к авторству манифеста об отречении от престола в пользу Наследника и никогда его не подписывал»¹⁶¹. Ничего такого из телеграммы Данилова не следует. Он пишет лишь о задержке публикации манифеста, которую увязывает с беседами Рузского и Николая II. Если бы Николай II был непричастен к этим документам, какая разница, как там протекают с ним беседы – можно публиковать манифест в любой момент. Из телеграммы никак нельзя сделать вывод, что Николай не подписывал манифеста «никогда» – ведь это произошло позднее 18 часов 25 минут. Так что телеграмма Данилова является как раз еще одним подтверждением общепринятой версии об отречении.

В работе самого Мультатули приводятся известные и неизвестные ранее свидетельства об отречении Николая II людей, которые при этом событии присутствовали, даже запись об этом в камер-фурьерском журнале¹⁶². Но он категорически отрицает их достоверность, то считая фальсификацией (и не только камер-фурьерский журнал, но и дневники Николая II), потому что в необычной обстановке марта 1917 г. допускались делопроизводственные и другие неточности, то потому, что «странными представляются колебания Государя»¹⁶³, то потому, что Николай будто бы не мог передать власть Михаилу, которого в 1912 году (!) лишил прав на регентство¹⁶⁴. Да уж, когда человек теряет пост главы государства в условиях восстания в столице, нет ничего невероятного ни в колебаниях, ни в изменении позиции, занятой в принципиально других условиях. Во всяком случае, свидетельства о таких колебаниях никак не могут быть основанием для отрицания этих свидетельств, как бы Мультатули ни идеализировал Николая II¹⁶⁵.

Существуют разногласия мемуаристов о том, как выглядел манифест, какого формата был документ – Шульгин вспоминает в частности телеграфные бланки¹⁶⁶. Однако текст обсуждался до изготовления окончательного варианта, вполне естественно, если проект был напи-

¹⁶¹ Там же. С. 307–308.

¹⁶² Там же. С. 308, 312, 313, 330.

¹⁶³ Там же. С. 312.

¹⁶⁴ Там же. С. 335–339.

¹⁶⁵ Мы не будем разбирать здесь совсем уж фантастические «доказательства» Мультатули вроде того, что надпись на тексте манифеста об отречении «начальнику штаба» означает, что Гучков фальсифицировал документ и направил его своему «начальнику штаба», которым с 1915 года (!) был Керенский (С. 352). Кем бы ни были Гучков и Керенский, но всё же – не круглыми идиотами, чтобы вот так «фальсифицировать» манифест Николая II, указывая в нем свои подпольные «должности».

¹⁶⁶ *Мультатули П. В.* Император Николай II и заговор 17-го года. С. 353–354.

сан на бланках, а затем переписан. Известно, что с манифеста снималась копия¹⁶⁷, и разногласия мемуаристов могут быть вызваны как естественными ошибками памяти по поводу мелких деталей, так и различиями копий.

В своем дневнике Николай возмущался, что и Михаил 3 марта отрекся от престола (то есть тем самым признавал факт своего отречения в пользу брата): «Оказывается, Миша отрекся. Его манифест кончается четырёххвосткой для выборов через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость»¹⁶⁸. Мультатули считает, что и дневник кто-то фальсифицировал, потому что автор на полчаса ошибся со временем прибытия поезда в Могилев¹⁶⁹. Но Николай не был обязан в конце дня помнить весь день с точностью до минуты. И здесь факт отречения подтверждается, а не опровергается.

Поразительным является заявление Мультатули о том, что «в мировой истории закрепилось убеждение, что Император Николай II отрекся от престола» «на основании» документа, обнаруженного в 1929 году¹⁷⁰ (речь идет о манифесте об отречении или одной из его копий). Вообще-то сие убеждение закрепилось гораздо раньше – уже в марте 1917-го и затем подтверждалось многочисленными свидетелями событий.

В принципе с точки зрения изучения хода революции совершенно неважно, подписал царь манифест или нет. Безусловно, он был низложен силой. Этот вопрос должен волновать прежде всего монархистов, апологетов Николая II и любителей экзотических теорий. Если бы Мультатули нашел убедительные доказательства версии о том, что Николай II узнал о своем отстранении от престола не 2 марта, а пару дней спустя – это мало меняло бы общую картину, но потребовало бы корректировки некоторых устоявшихся в историографии формулировок. Но увы – убедительных аргументов в защиту этой версии Мультатули не нашел, скорее наоборот – ввел в научный оборот ряд документов, которые подтверждают и уточняют картину отречения.

Вернувшись в Петроград, Шувльгин огласил манифест об отречении на вокзале. Встречавшие его войска и общественность «приняли

¹⁶⁷ Там же. С. 357.

¹⁶⁸ Дневники Императора Николая II и Александры Фёдоровны. 1917–1918. Т. I. М., 2008. С. 290.

¹⁶⁹ Мультатули П. В. Император Николай II и заговор 17-го года. С. 370.

¹⁷⁰ Там же. С. 344.

это известие сочувственно»¹⁷¹. Зато когда Гучков зачитал рабочим на вокзале манифест об отречении, те чуть не поколотили депутата – «получился неожиданный эффект – решили, что он контрреволюционер, ибо после одного Царя посадили другого, и вместо восторга получилось негодование»¹⁷², – вспоминал П. А. Половцов, который послал команду выручать незадачливого депутата.

3 марта Михаил Александрович принял министров Временного правительства и членов ВКГД. Большинство во главе с Керенским призывало его отречься от престола. Милюков и Гучков еще пытались спасти монархию как таковую. Правовая схема легитимности, определявшая взгляд Милюкова на события, сковывала его сознание. Он полагал, что на пути революционной стихии встанет «принцип монархии». Милюков безуспешно пытался уговорить Михаила сохранить за собой трон (как будто это реально зависело от него, а не от ситуации в столицах). Посоветовавшись со Львовым и Родзянко¹⁷³, Михаил решил не занимать трон, который больше напоминал бочонок с порохом. Пусть вопрос о государственном устройстве решит Учредительное собрание, а пока власть перейдет к Временному правительству, «по почину Государственной Думы возникшему и облеченному всей полной властью»¹⁷⁴.

Как рассуждал позднее В. Д. Набоков, «для укрепления Михаила потребовались бы очень решительные действия, не останавливающиеся перед кровопролитием», для чего требовались реальные военные силы в Петрограде. «Таких сил не было»¹⁷⁵.

Некоторые части на фронте уже присягнули новому царю, но вскоре им сообщили о новом отречении. Никто не стал в этих условиях сражаться за монархию. Многочисленные, массовые монархические организации, лишившись поддержки сверху, были деморализованы и распались.

¹⁷¹ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 143.

¹⁷² Половцов П. А. Указ. соч. С. 35.

¹⁷³ Накануне Родзянко говорил по телеграфу с Алексеевым, настаивавшим на срочной публикации манифеста об отречении, дабы добиться скорейшего успокоения. Родзянко уже не считал, что это решение поможет стабилизировать ситуацию в условиях ненависти к Романовым. Еще Алексей – ребенок на троне – мог бы своей беззащитностью снизить накал этой ненависти. Как он объяснял тогда же Рузскому, «С регентством великого князя и воцарением наследника-цесаревича помирились бы, может быть, но воцарение его как императора абсолютно неприемлемо». Но у Родзянко были и личные мотивы – в случае отречения Михаила он становился своего рода главой государства. Он сообщил Рузскому, что сохраняются палаты парламента и ВКГД под его председательством, который, «оговорившись», Родзянко назвал Верховным советом (Красный архив. №3 (22). 1927. С. 27–28).

¹⁷⁴ Февральская революция 1917 года. Сборник документов и материалов. С. 144.

¹⁷⁵ Цит. по: Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 286. Забавно, что Милюков называет отречение Михаила «первой капитуляцией русской революции» (Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 53). Тогда уж самой первой капитуляцией эпохи революции (а в понимании Милюкова – и самой революции, как ее хотел бы видеть кадет) является отречение Николая.

История Российской империи завершилась. Но история российской революции только начиналась. Миллионы людей стали предъявлять свое право на участие в решении судьбы страны. Либеральные политики, попытавшиеся использовать революцию как повод для захвата власти, неожиданно для себя обнаружили, что революция – вовсе не мавр, который сделал свое дело и может уйти. Революция уходит не собиралась.

ЛИБЕРАЛЬНАЯ ДИКТАТУРА И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Временное правительство – назидательный пример слабости демократии в России. Попробовали разок создать правительство демократически, править по воле народа – вот и получили разор и Гражданскую войну. Ничего демократы не могут нормально сделать – ни тогда, ни теперь.

Но закрадывается сомнение: российские «демократические» правители в 1990-е гг. не были настоящими демократами, поскольку действовали явно не по воле народа в осуществлении своих либеральных идей. Может, и в 1917-м либеральная власть была примером не демократии, а чего-то иного?

Либерализм против демократии

В истории России не так часто случаются периоды демократии. Из этого легко сделать обобщение – не приспособлена страна к демократии, жить ей вовеки под пятой деспотизма. Сторонники такого обобщения не замечают, что демократия не сводится к порядку назначения министров. Демократия существует постольку, поскольку народ, «демос» может оказывать воздействие на принятие решений. Демократия живет не в правительстве, а в народе. Если правительство следует курсу, поддержанному организованными «низами», можно говорить о демократии. Если навязывает свою волю народу – это авторитаризм. А бывает так, что правительство живет своей жизнью, а народ своей и время от времени они сталкиваются. Так бывает при революционном переходе от авторитаризма к чему-то новому. Но к чему? Демократии? Плюрализму? Новому авторитаризму?

Слово «демократия» понималось (да и сейчас понимается) в самых разных смыслах. Это – социально-политическая система, обеспечивающая власть народа, участие обычных людей в принятии решений, которые их касаются; это – и система представительной власти, парламентаризма; это – и коалиция сил, выступающих за расширение прав народа. Наиболее сущностное понимание – первое. Наиболее распространенное – второе, хотя парламентская система или выборы президента обеспечивают лишь власть элиты, манипулирующей массовым сознанием и голосами избирателей. В начале века было при-

нято называть «демократией» также то, что теперь обычно называют «демократические силы», поскольку считалось, что они опираются на трудящиеся классы, представляют интересы большинства. Лишь позднее выяснится, что политики, выступающие от имени классов, могут действовать и против их интересов.

Отношение к демократии сплошь и рядом меняется, когда политик приходит к власти. Пока он в оппозиции – нет более последовательного сторонника демократии. Но стоит политику припасть к рычагам управления страной, он начинает с раздражением реагировать на давление снизу – со стороны «непросвещенных», ничего не понимающих масс, «безответственной» оппозиции и того самого парламента, где сам недавно произносил речи, обличающие предыдущий авторитарный режим.

События Февральской революции воспринимаются как социальный взрыв и свержение самодержавия. Но, как мы видели, за кулисами революции произошел тихий незаметный переворот – создав новое правительство от имени Думы, лидеры парламентского большинства саму Думу восстанавливать не стали. Действовал только Временный комитет Государственной думы во главе с Родзянко. Но на деле с Временным комитетом не собирались считаться. 2 марта Временное правительство забрало всю полноту власти себе. Образовалась, по выражению В. М. Чернова, «диктатура на холостом ходу»¹.

Чтобы как-то уравновесить это возвращение к авторитарному государственному устройству, 9 марта министры решили, что законодательные постановления будут приниматься ими коллективно. С возникновением коалиции нескольких партий это сделает процесс законодательства крайне затруднительным, так как правая и левая части правительства парализуют законодательные инициативы друг друга.

Весной 1917 г. авторитет Думы в стране был все еще высок. Но политические элиты в большинстве своем выступали против возобновления ее деятельности как монархического органа, избранного по авторитарному «третьеиюньскому» закону. В то же время и Советы не могли еще восприниматься как представительство народа, так как часть общества в них никак не была представлена. В итоге правительство решило вообще ни перед кем пока не отчитываться.

Беда Думы заключалась в том, что ее не собирались защищать сами депутаты. Монархическая часть депутатов была деморализована и в обстановке революции потеряла всякое влияние. А либералы активно включились в работу аппарата Временного правительства. Именно депутаты составили высший слой нового чиновничества. Так что им оказалось не до парламентских прений.

¹ Цит. по: Коновалова О. В. В. М. Чернов о путях развития России. М., 2009. С. 111.

Если Керенский на первых порах готов был считаться с Советом (чтобы иметь право выступать от его имени), то кадеты намеревались держать ответ только перед идеально избранным Учредительным собранием, а пока оно не созвано – править по своему разумению. Правительство считалось временным, потому что должно было существовать до Учредительного собрания. Никакие народные представители пока не должны мешаться под ногами.

На деле это привело к тому, что правительство повисло в воздухе. Его надежной опорой были только кадеты. Оно держалось на доброй воле социалистов, доминировавших в Совете, который пока согласился терпеть либеральный кабинет. Но кадеты и тем более октябристы противостояли низовой демократии, боялись ее и стремились от нее избавиться.

Либеральные политики пытались установить контроль над массами с помощью создания политической мифологии, иррациональных ритуалов, «эмоционального воздействия на массовое сознание»². Если бы сознание масс было архаичным (как полагают некоторые нынешние либеральные историки), это дало бы результат. Но общество уже не являлось архаичным, рациональные мотивы проникли в сознание населения. И лучшим способом заручиться поддержкой масс было – предложить им конкретные меры решения социальных вопросов.

Очень быстро правительство столкнулось с проблемой, характерной для авторитарных режимов, – приходилось решать самые разнообразные, разнокалиберные вопросы от войны и мира и до «учреждения в составе Саратовского университета факультетов физико-математического, историко-филологического и юридического»³. Это создавало перегрузку, невозможность на чем-то сосредоточиться. Но если деспотические режимы хотя бы обладали реальной силой для того, чтобы осуществить свое решение, то Временное правительство не имело пока рычагов власти. Оно было авторитарным, но слабым.

Либералов и советских демократов раздраило представление о необходимости немедленного расширения гражданских прав (советские лидеры радикально предлагали распространить их и на армию). Но проблема социальных реформ была куда сложнее.

Н. В. Некрасов, лидировавший среди левых либералов и обеспечивавший их связку с «постмасонской группой», говорил в марте: «Не

² *Архипов И. Л.* Указ. соч. С. 143–147.

³ Архив новейшей истории России. Т. IX. М., 2004. С. 50.

будем уподобляться старому режиму, который говорил: сначала упокоение, а потом реформы. Меньше всего можно говорить: сначала политика, а потом социальные вопросы»⁴. В зале раздались аплодисменты. Не то чтобы бурные, так – оживленные. Кадеты разделяли надежды министра на реформы, но, может быть, они лучше него понимали – для реформ нужно согласие всех социальных сил или подавление несогласных. Чтобы провести существенные реформы, нужно отказаться от политики компромиссов, которая составляла сущность стратегии «постмасонской группы».

Прежде чем принимать решения, правительство создавало совещания, которые подробно и иногда очень долго обсуждали вопрос. По идее, это позволяло заручиться поддержкой разных общественных сил. Но правительство оставляло решение за собой, что вызывало раздражение тех, чье мнение было проигнорировано.

Правительство пошло по пути удовлетворения наиболее очевидных, уже реализованных явочным порядком требований рабочих. 6 марта была объявлена полная амнистия по политическим делам и отменены наказания за стачки. 10 марта был ликвидирован Департамент полиции МВД. Полиция 17 апреля была заменена милицией, руководство которой было подконтрольно местным властям. 12 марта была отменена смертная казнь, 20 марта – все ограничения на национальной и религиозной почве, включая «черту оседлости».

12 апреля была введена свобода собраний, обществ и союзов, 27 апреля – свобода печати с сохранением военной цензуры (все это на деле уже существовало). 23 апреля правительство приняло положение о «рабочих комитетах», пытаясь ограничить их функции чисто профсоюзными задачами.

Одно из мифологизированных мероприятий правительства – амнистия. Она считается чуть ли не главной причиной разгула преступности в 1917 году. На деле она была достаточно осторожной. Никто не собирался выпускать на свободу всех уголовников. Амнистия заменяла смертную казнь 15-летними каторжными работами, снижала сроки наказания⁵. Так что если бы это решение, подготовленное Керенским, было полностью осуществлено, массы уголовников еще несколько лет провели бы в местах заключения. И действительно, весной 1917 г. там оставалось 30 тысяч заключенных⁶ – именно уголовных.

Но социально-экономический кризис, развал уголовной полиции и системы исполнения наказаний, углубление социального кризиса в

⁴ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 474.

⁵ Архив новейшей истории России. Т. 7. С. 113–121.

⁶ Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России... М., 2013. С. 640.

ходе более поздних революционных событий привели к безудержному всплеску преступности.

После первых решительных мероприятий социал-либерального содержания наступила пауза. Либералы не были готовы углублять социальные преобразования.

22 марта было создано юридическое совещание, через которое должны были проходить все проекты решений. Это оказалось лучшим способом затормозить любое решение, не соответствующее взглядам либеральных политиков. Летом совещание станет главным заслоном на пути любых покушений на помещичью собственность.

Казалось, Россия готова ждать Учредительное собрание. Она постепенно «размораживалась», с некоторым отставанием проходя фазы политического развития Петрограда. Власть перешла в руки комитетов (как правило – «общественных комитетов», «комитетов общественной безопасности» или «общественного порядка»), включавших все заметные организации данной губернии, города или уезда – земства, профсоюзы, Советы, партии. Правительство назначало на места своих комиссаров⁷, обладавших формальной полнотой власти, а в реальности способных проводить свою политику, опираясь на эти разношерстные общественные структуры. На местах они объединялись в комитеты общественных организаций, как правило с участием Советов. Комиссары вскоре стали терять авторитет на местах – в силу падения популярности правительства и стремления низовой самоорганизации брать в свои руки властные полномочия. «Из тех мест, где общественные организации, особенно Советы депутатов или общественные исполнительные комитеты, сильные и пользуются влиянием и авторитетом, сыплются бесчисленные жалобы со стороны комиссаров, что их игнорируют, что их не слушают, и правительство вынуждено посылать туда столь же бессильные циркуляры о необходимости повиновения властям предрержащим»⁸, – сообщила «Рабочая газета».

Правительство либералов в условиях войны и нараставшей разрухи было вынуждено приступить к мерам регулирования экономики, более характерным для социалистов и позднее – даже для коммунистов. Правда, делалось это без энтузиазма.

⁷ 4 марта правительство постановило, что первоначально ими становятся руководители земств, а затем уже будут делаться персональные назначения.

⁸ Рабочая газета. 1917. 19 мая.

Важнейшим вопросом, лихорадившим Россию, был продовольственный – результат разложения рыночной системы. Сначала война нанесла удар по финансовой системе и транспорту. Временное правительство унаследовало от империи дефицит бюджета, который теперь стремительно нарастал. На Государственном совещании в августе 1917 г. министр торговли и промышленности С. Н. Прокопович докладывал, что рост расходов на войну в первый год (до июля 1915 г.) составил 5,3 млрд руб., во второй год – 11,2 млрд, в третий – 18,6 млрд⁹. Это составило 40–50% дохода народного хозяйства в рублях, обесценившихся примерно вдвое. За первые восемь месяцев 1917 г. было израсходовано уже 41,3 млрд¹⁰. При этом общий доход народного хозяйства в 1913 г. составлял 16 млрд рублей¹¹. Дефицит бюджета составил 15 млрд рублей¹². Поступления в бюджет по сравнению с 1916 г. упали – поземельный налог на 32%, другие – от 16 до 65%¹³.

Инфляция, с одной стороны, и перебои с доставкой продуктов – с другой, вели к их вздорожанию, которое опережало рост зарплат. В 1917 г. зарплата упала в среднем на 10%¹⁴.

Промышленность не могла обеспечить село достаточным количеством промышленной продукции, чтобы уравновесить потребность в продовольствии не только городов, но и армии. Выработка на одного рабочего в металлургии упала на 30%¹⁵. Добыча в Донбассе сократилась вдвое¹⁶. Падение выработки на одного рабочего началось до революции. В первой половине 1916 г. она составляла 636–721 пуд в месяц, а в августе – уже 566, в январе 1917 г. – 535 пудов. В апреле – октябре она колебалась на уровне 423–472 пудов в месяц, то снижаясь, то повышаясь¹⁷.

В этих условиях сохранение свободного рынка вело к продовольственным проблемам в городах. Поэтому большая экономика нуждалась в государственном костыле, чтобы сохранить города от бегства рабочей силы в деревню. Чтобы сдержать рост цен на товары первой необходимости, государство могло применить разные средства. Лучшее всего, конечно, было бы заняться налаживанием производства. Но эта работа, во-первых, сложна и требует кадров, подготовленных для производственных задач, а во-вторых, означает вторжение в пре-

⁹ Государственное совещание. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. С. 20.

¹⁰ Там же. С. 338.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же. С. 33.

¹³ Там же. С. 39.

¹⁴ Струмилин С. Г. Избранные произведения. Т. 1. С. 382, 386.

¹⁵ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 32.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 365.

рогативы предпринимателя, то есть покушение на священное право частной собственности. А это возможно уже только через труп партии кадетов. Есть два временных средства – дотирование товаров первой необходимости либо введение государственной монополии на их заготовку и распределение по твердым ценам. Опасаясь дополнительной инфляционной нагрузки, еще царские министры и либералы первого Временного правительства выбрали второй путь.

Продолжая политику царского министра Риттиха и предвосхищая меры большевиков, 25 марта Временное правительство постановило передать хлеб в распоряжение государства¹⁸. Что характерно, это «социалистическое» решение было принято по инициативе министра-кадета Шингарева. Такой ответ на требование дня страна восприняла с пониманием. Этот факт иногда трактуется как алиби большевиков – они ведь тоже огосударствили распределение продовольствия. Но было и различие. Временное правительство закупало хлеб через систему заготовительных организаций, а не отнимало его. При Временном правительстве деньги еще имели цену, хотя их покупательная способность упала в 3–6 раз с начала войны.

Важную роль в заготовительной работе Временное правительство уделяло кооперации. Кооператоры выступали за создание целостной системы снабжения армии и городов, работающей по единому плану, о чем говорил А. В. Чаянов на Всероссийском кооперативном съезде, проходившем 25–28 марта. Выступавший на съезде министр земледелия Шингарев подтвердил, что невозможно решение продовольственной проблемы без таких «живых сил» общества, как кооперация¹⁹. Пока демократическая интеллигенция надеялась уговорить крестьян, опираясь на авторитет своего актива в деревне. Еще бы, в 25–30 тыс. кооперативных организаций (преимущественно потребительских) состояло 8–9 млн человек²⁰.

Кадетский министр пошел дальше и выступил за государственное регулирование распределения. 28 марта правительством было принято представление «О планомерной организации сельского хозяйства и труда», которое предусматривало создание государственных органов по снабжению сельского хозяйства металлом, средствами производ-

¹⁸ Это решение было принято под давлением Петросовета, который по предложению В. Г. Громана еще 4 марта выступил за продовольственную монополию (*Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 457*).

¹⁹ *Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М., 2009. С. 333–334.* Увы, увлечение политикой кооперативного актива привело к оттоку кадров в государственные структуры, а также к ослаблению собственно хозяйственной работы (Там же. С. 336, 340).

²⁰ Там же. С.340.

ства, семенами, удобрением, рабочими силами и кредитом²¹. Но где все это взять? Планируя распределение промышленных продуктов, либералы не решились покуситься на «священное право частной собственности». Для поиска путей решения этой сложной задачи 21 апреля был учрежден Главный земельный комитет, который включал представителей губернских комитетов, правительства, крупнейших крестьянских организаций, одиннадцати партий, а также делегатов экономических обществ и специалистов. Создав очередную бюрократическую надстройку, Временное правительство и здесь не придумало, как заставить общество ей подчиняться.

24 апреля, развивая эти идеи, Шингарев предложил организовать снабжение населения промышленными продуктами широкого потребления. В результате правительство создало очередную комиссию «для выяснения вопроса»²². Предстояло подсчитать нужды и возможности предприятий, но по-прежнему было неясно, каким образом заставить собственников поставлять продукцию в нужных количествах по государственным ценам. Принцип создания комиссии был уже отработан – в нее включили представителей ведомств, Советов, кооперативных организаций, земгора.

Главной идеей Временного правительства было согласование всевозможных интересов. Для регулирования хозяйства создавались органы, в которые включались «все заинтересованные стороны». Дело хорошее, если четко обозначены время и порядок принятия решения. В случае с Временным правительством торопиться было некуда, ждали Учредительного собрания. А с его созывом не торопились, ожидая, пока народ «остынет», научится мыслить более здраво, чем в февральские дни, согласится с аргументами либералов. В условиях нарастающего социального кризиса происходило совершенно обратное. А инициативы правительства выливались в бесконечную согласовательную говорильню, которая раздражала народ, собравшийся на улице и занятый все более эмоциональной митинговой говорильней.

Признав необходимость вторжения в отношения собственности, общественного регулирования хозяйства, либералы расписались в неспособности сделать это самим и тем поставили на повестку дня приход к власти социалистов.

Таким образом, первоначально социальные преобразования были парализованы либералами, которые то готовились к созыву Учредительного собрания, то согласовывали интересы «волков» и «овец». Вскоре перспектива созыва собрания запустила еще один механизм, который

²¹ Архив новейшей истории России. Т. 7. С. 189.

²² Там же. С. 344.

стал определять поведение партий, – они вступили в предвыборную борьбу. Учредительное собрание, которое сначала ожидалось «вот-вот», теперь переносилось на несколько месяцев под предлогом того, что нужно все как можно более тщательно подготовить, чтобы ни один голос не пропал и все согласилось с «волей народа». Пока готовили списки избирателей, партии стали охотиться за голосами, как всегда в таких случаях не чураясь популизма. Добиться согласования и так плохо согласуемых интересов в этих условиях становилось все труднее.

Важнейшим фактором, оказывавшим воздействие на ход революции, оставалась война. Открытая демократическая система новой России должна была сосуществовать с продуктами распада авторитарного милитаризованного общества. Огромную роль стала играть выходящая из-под контроля солдатская масса, стремящаяся к скорейшей демобилизации. Особую силу приобретали тыловые гарнизоны, и прежде всего петроградский. Объявляя себя гарантом революции, солдаты петроградского гарнизона активно воздействовали на политические события, в том числе в своих собственных интересах.

Одной из важнейших задач новой власти было поддержание дисциплины на фронте и в тылу: «Революционная интеллигенция, стоявшая в то время во главе советских организаций, только благодаря своей мирной программе, отвечающей стремлениям масс на фронте и в тылу, пользовалась доверием армии... Она использовала это доверие не только для политической кампании в пользу всеобщего мира, но и для того, чтобы восстановить дисциплину в армии и предохранять фронт от распада»²³, – отвечал И. Г. Церетели критикам справа, обвинявшим социалистов в «развале» армии.

С. П. Мельгунов, рассмотрев этот вопрос, заключил: «В конце концов, реальных данных, свидетельствующих об увеличении в революционное время дезертирства о сравнению с тем, что было до переворота, нет»²⁴. В первой половине года и братания на фронте были сравнительно редким явлением.

Посетив в апреле Гельсингфорс, который к осени станет оплотом большевиков, депутаты А. Александров и В. Степанов констатировали: «Отношения между солдатами и офицерами можно считать налаженными», дисциплину поддерживают сами матросы и их комитеты»²⁵. По

²³ *Церетели И. Г.* Кризис власти. М., 1992. С. 51.

²⁴ *Мельгунов С. П.* Указ. соч. С. 356.

²⁵ *Архипов И. Л.* Указ. соч. С. 187.

примеру Петрограда солдатские комитеты возникали по всей стране и брали военную силу под свой контроль. После февральского всплеска ненависти к офицерам ситуация стабилизировалась. «Разложение армии» возобновилось позднее, когда выяснилось, что революция не ведет ни к победам, ни к миру.

Позднее в «разложении армии» винили большевистскую пропаганду. Но вот 24 апреля, когда влияние большевиков на фронте еще стремилось к нулю, генерал Брусилов требовал присылки на фронт опытных патриотических агитаторов, так как началась «разрушительная пропаганда мира», которая «пустила глубокие корни»²⁶. Не большевики развернули «разрушительную пропаганду мира», а стремящиеся к миру солдаты становились позднее большевиками и левыми эсерами.

Впрочем, еще не «разложенная» армия, измученная войной, имела слабую боеспособность, что показало поражение на Стоходе в марте 1917 года.

Разложение армии началось еще до революции как результат неумелого руководства, ведущего к бессмысленному кровопролитию, окопной безысходности, плохому снабжению и кричащей несправедливости, о которой, например, командующему Московским военным округом А. И. Верховскому рассказывали солдаты: «Мы не против того, чтобы идти на фронт. Пока германец не замирится, – что делать, приходится и нам тянуть лямку. Но вот я три раза ранен, человек я уже старый, а Москва полна народу. Молодые здоровые парни сидят около баб, отъевшись, и смеются над нашим братом...

– Пойдите, о ком вы говорите.

– Да о купчихах и буржуах разных. Они за взятку откупились от войны и сидят, а мы за них отдувайся»²⁷.

Чтобы как-то повысить боевой дух войск, правительство решило закрепить права солдат, провозглашенные Советом. 11 мая была принята разработанная комиссией генерала А. А. Поливанова «Декларация прав солдата», которая закрепляла за ним большинство гражданских прав, но ее пункт 14 гласил: «В боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказаний подчиненных»²⁸.

Преодолевать и предотвращать конфликты солдат и офицеров должны были комитеты. Генерал А. Е. Гутор писал Брусилову о фактах отказа частей выходить на позиции и добавлял: «Правда, при содей-

²⁶ Цит. по: Там же. С. 232.

²⁷ Верховский А.И. Указ. соч. С. 268.

²⁸ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 357.

ствии комитетов (последнее время главным образом армейского) недо-разумения улаживались»²⁹. Неприятие комитетов большинством генералов и офицерства в целом было скорее делом принципа, чем пользы. Характерен такой эпизод, рассказанный генералом П. А. Половцовым: «Хотел бы я посмотреть, что сказал бы сам мудрый царь Соломон, например, большевистским депутатам 4-го Донского полка, требующим смены командира, вполне основательно доказывая его неспособность. Сам знаю, что командира нужно сменить, но нельзя же создавать прецедент, что я убираю командиров по просьбе комитетов»³⁰.

Керенский надеялся, что обновленная армия сможет вести наступательные операции, что победы сплотят нацию и ускорят мир. Но это была иллюзия, и весь смысл циммервальдийской политики Петросовета и левых социалистов заключался в том, чтобы прекратить бессмысленное кровопролитие, ограничиться обороной своих позиций, не провоцируя новый виток войны.

Революция и самоорганизация

Весной 1917 г. Россия превратилась в страну митингов и низовых организаций. Люди, мнением которых прежде не интересовалось никакое начальство, теперь стали хозяевами земли русской. Теперь они считали себя вправе давать или не давать одобрение государственным мерам и политическим событиям. И местом, где народ выносил свою волю, стало митинговое вече. Его филиалы организовались практически на всех предприятиях, в воинских частях, на улицах и площадях. Здесь формировалось мнение трудящихся масс, с которыми было нельзя не считаться – ведь они могли прийти огромной толпой к стенам правительственных учреждений. И если прежде толпу можно было разогнать нагайками или залпами, то теперь это был Его Величество Народ.

Мнение простых людей, которое формировалось на митингах, затем определяло решения Советов – наиболее массовых органов самоуправления рабочих и крестьян. Советы выросли во всероссийскую сеть самоорганизации.

Первоначальное хаотическое состояние создавало возможности для манипуляции мнением радикальных, но неопытных депутатов, но демократическая процедура постепенно отлаживалась, а члены Советов учились политике. Поскольку большинство депутатов Петросовета, а затем и Всероссийского центрального исполнительного

²⁹ Цит. по: Катков Г. М. Дело Корнилова. М., 2002. С. 36.

³⁰ Половцов П. А. Указ. соч. С. 112.

комитета Советов (ВЦИК) шло за социалистами, их лидеры сочли возможным неофициально договариваться о действиях единым фронтом. **Круг участников совещаний, где определялась линия Исполкома Петросовета и ВЦИК, получил ироническое название «звездная палата».** Ее лидерами были Церетели, Скобелев, Ф. И. Дан. «На огонек» заходили Чернов и А. Р. Гоц, что позволяло «звездной палате» координировать политику социалистов в целом³¹. Роль Церетели и Дана была особенно важна. Как писал В. И. Старцев, Церетели «спланировал вокруг себя в исполкоме тесное оборонческое ядро. Неопределенному и расплывчатому радикализму Сухановых и Стекловых постепенно приходил конец»³². Дан стал «правой рукой Церетели»³³. Организационный талант Дана хорошо сочетался с политическим и ораторским напором Церетели.

Свое неофициальное лидерство «звездная палата» закрепила и формально, добившись создания 14 апреля Бюро Петросовета, состоявшего из руководителей отраслевых отделов во главе с Чхеидзе. Это «правительство», вопреки протестам большевиков и других левых было сформировано как однородное – без большевиков. Преобладали оборонцы, социалисты-интернационалисты были здесь представлены незначительным меньшинством.

«Звездной палате» казалось, что она управляет массами через Совет. В. С. Войтинский рисовал циничную картину, оттеняя ее романтическими воспоминаниями юности: «Присутствуя на общих собраниях Совета и на заседаниях его рабочей и солдатской секций, я невольно сравнивал его с Советом рабочих депутатов 1905 года. Особенностью Совета 1905 года была его тесная, непосредственная связь с рабочими массами, все стремления, все колеблющиеся настроения которых он отражал с такой точностью и чуткостью. В 1905 году рабочие депутаты не только ходили в Совет, но и действительно обсуждали вопросы, волновавшие заводы и фабрики, высказывались по этим вопросам, сами диктовали резолюции своему Исполнительному комитету. Нередко в порядок дня Совета попадали еще недостаточно подготовленные вопросы. Нередко на заседаниях его звучали нескладные, корявые речи, порой и на решениях его лежал отпечаток поспешности и случайности, – но всегда, неизменно это было подлинное отображение воли низов.

³¹ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 76–77.

³² Старцев В. И. Революция и власть. Петроградский Совет и Временное правительство в марте – апреле 1917 г. М., 1978. С. 138.

³³ Смирнова А. А. На тернистом пути к нежеланной власти. Петроградские социалисты в феврале – мае 1917 года. СПб., 2005. С. 167.

Совет 1917 года представлял иную картину. Рабочие и солдаты почти не появлялись на его трибуне. На лучший конец, на его заседаниях от лица рабочих говорили политики-профессионалы, вышедшие из рабочей среды, а от лица солдат – помощники присяжных поверенных, призванные в армию по мобилизации и до революции служившие отечеству в писарских командах. Подлинные рабочие и солдаты были в Совете слушателями. Они аплодисментами выражали свое отношение к говорившим в Совете лидерам и голосовали за предлагаемые резолюции. Задачей лидеров было не выявить волю собрания, а подчинить собрание своей воле, «проведя» через Совет определенные, заранее выработанные решения.

Это не значит, что лидеры не «считались» с Советом. Нет, с Советом очень даже считались, и именно поэтому добивались от него определенного голосования. Но – этого, я думаю, не мог бы отрицать ни один внимательный наблюдатель – Совет 1917 года был не столько органом революционной самостоятельности солдат и рабочих, сколько аппаратом, при помощи которого руководители управляли рабоче-солдатской массой³⁴.

Войтинский, как и его коллеги по «звездной палате», не замечали, что и в 1917 году в низах идет обсуждение насущных социально-политических проблем, вываривается политическое настроение. Не заметив этого, они уже проиграли, и время стало работать на их противников. Помощники присяжных поверенных продолжали играть полезную роль, правильно оформляя «корявые» чаяния депутатов, грамотно формулируя тот курс, который пока вызывал аплодисменты. Но позднее аплодисменты стали раздаваться в адрес большевиков, которые тоже умели формулировать – но уже другие чаяния.

Конечно, орган из 1–2 тысяч делегатов превращался в своего рода «вече». Но и такая неповоротливая организация позволяла посланникам заводов и воинских частей оказывать решающее воздействие на курс Совета. Просто инерционность системы не давала делать это оперативно, но зато, когда мнение масс осенью изменилось, манипуляторы из «звездной палаты» вдруг столкнулись с такой волей депутатов Совета, которую не могли переломить. Оказалось, что Советом управляет не узкая группа, а социальные процессы. А узкая группа лишь отчасти может направлять низовую энергию в то или иное русло. Выбор между этими вариантами политического курса был ограничен настроениями масс. **Совет, таким образом, был аппаратом согласования интересов революционных элит и масс.** Лишь в следующем, 1918

³⁴ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 52–53.

году, когда в дело вступят большевистские репрессии против инакомыслящих, Совет станет превращаться в аппарат управления массами.

Советская система была не только «вечевой демократией», в ней (как, впрочем, и на Новгородском вече) складывалась внутренняя структура, которая со временем могла сделать принятие решений «снизу» более организованным. Важные вопросы предварительно обсуждались на секциях и во фракциях. В Петрограде создавались также районные советы, которые позднее сформировали Межрайонное совещание. Также из делегатов местных советов формировались съезды разного уровня.

Общероссийская система Советов стала складываться на Всероссийском совещании Советов рабочих и солдатских депутатов 29 марта – 3 апреля. На это совещание приехало втрое больше делегатов, чем планировалось. Стало ясно, что нужно упорядочить советскую систему, чтобы она могла нормально работать. В своем организационном докладе совещанию социал-демократ Б. О. Богданов от имени ЦИК предложил не ограничиваться съездами Советов, которые слишком многочисленны, чтобы на них могло быть высказано мнение всех делегатов. К тому же система Советов должна действовать постоянно, а не только во время съездов: «Помимо этого съезда, в качестве постоянно функционирующего учреждения должны быть следующие: на местах образуются областные или районные комитеты, избранные на местных областных или районных совещаниях... Совещание этих областных комитетов совместно с Исполнительным комитетом является вторым органом нашей будущей организации»³⁵. Областные комитеты (советы) должны были избираться на конференциях нижестоящих Советов. К октябрю 1917 г. сложилась система Советов на всех уровнях – от волостного до губернского.

В то же время, осознавая недостатки только возникающей советской системы, социалисты не решались отдать ей первенство над парламентом, тем более что выборы в Учредительное собрание должны были стать своего рода революционным плебисцитом по основным вопросам, от которых зависело развитие страны. Для «разового» выявления воли избирателей в условиях революции механизм Учредительного собрания был предпочтителен. За совмещение двух видов демократии выступали и такие коллеги большевиков по коммунистическому движению, как Роза Люксембург³⁶, и такие их противники, как Виктор Чернов³⁷, лидер наиболее влиятельной политической силы России 1917 г., партии эсеров.

³⁵ Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. М., 1927. С. 215–216.

³⁶ См. Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 322–324.

³⁷ Учредительное собрание. Стенографический отчет. М., 1991. С. 81.

В то же время умеренные социалисты, лидировавшие в Советах до осени 1917 г., осознавали, что органы низового самоуправления не представляют большинства населения. Но, заступаясь за пассивное большинство, пытаясь подвести под государственные решения как можно более широкую социальную базу на выборах в Учредительное собрание, умеренные социалисты рисковали потерять поддержку активного меньшинства населения, от которого в условиях революции зависела судьба власти. В то же время социальные преобразования с опорой на отомобилизованное радикальное меньшинство могли привести к широкомасштабной гражданской войне с теми слоями, интересы которых будут проигнорированы в ходе реформ. Маневрируя между этими Сциллой и Харибдой в течение последующих месяцев, умеренные социалисты вплотную подошли к одной крайности, а большевики – к другой. Но не раз в июне – ноябре 1917 г. возникала ситуация, при которой была возможна и «золотая середина» синтеза самоуправления и общегосударственной демократии.

Революционно-демократические силы, осознававшие невозможность немедленного и радикального выхода из кризиса, но противостоящие реставрации авторитарного режима, были представлены социалистическими партиями, прежде всего Партией социалистов-революционеров (эсеров) и социал-демократами меньшевиками. Весной 1917 г. именно революционно-демократические партии стали лидирующей силой в Советах.

Авторитет этих течений был приобретен ими в годы борьбы с царизмом и укреплялся способностью революционно-демократической интеллигенции убедительно обосновать свою позицию в тот период, когда массы рабочих и солдат еще были готовы «потерпеть» в надежде на относительно быстрый выход из кризиса после революции. В то же время социалисты были тесно связаны с массами и отражали их настроения из-за притока новых членов. В социалистические партии, особенно к овеванным романтической славой эсерам, двинулись массы провинциальной интеллигенции. Летом ПСР насчитывала уже до 800 тыс. членов, в большинстве своем новичков – «мартовских эсеров» (среди которых, впрочем, был и министр Керенский). Быть эсером или социал-демократом-меньшевиком считалось демократично, в духе времени, но в то же время и респектабельно, можно сказать – модно.

Отчасти «соглашательская» позиция социалистов была продиктована взглядами марксистов, которые опасались брать власть в условиях, когда придется решать «буржуазные задачи», когда у социалистов еще нет административного опыта и не вернулись из эмиграции и из ссылки наиболее известные вожди. Социалисты были готовы искать компромисс между радикальными массами трудящихся и либераль-

ными «цензовыми элементами» – состоятельной интеллигенцией и предпринимателями, без которых эффективное функционирование экономики представлялось сомнительным. Именно социалистическая интеллигенция взвалила на себя задачу консолидации общества в тяжелых условиях 1917 года. Разделяя цели радикализированных революцией масс, социалистическая интеллигенция сдерживала их, разъясняя утопизм стремления к немедленному воплощению этих целей в жизнь. Грамотность и социальная близость к народу, «народничество» обеспечивали социалистам сохранение их авторитета даже тогда, когда им приходилось агитировать за непопулярные меры. Но постепенно, по мере затягивания преобразований, этот авторитет таял.

У нового правительства не было прочной опоры в массовых организациях, сотнями возникавших или выходивших из подполья после революции: партиях, профсоюзах, советах. Эту опору могла дать только связка с социалистами. Меры принуждения были невозможны, поскольку войска в столице подчинялись Совету.

Поэтому в принятой Временным правительством 26 апреля декларация говорилось: «В основу государственного управления оно (Временное правительство. – А. Ш.) полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»³⁸. Но ее было явно недостаточно в условиях, когда обострялись социальные противоречия и представления о добре у «цензовиков» и радикалов из рабочих кварталов были диаметрально противоположны. Так что мораль моралью, а требовалось что-то еще для удержания власти. Необходима была или сила (на что надеялся Милюков и другие правые кадеты), или умение манипулировать политическими партнерами и массовым сознанием (что до поры лучше других умел делать Керенский и другие правые социалисты). Временное правительство не являлось демократическим. Оно не могло быть авторитарным (хотя к этому стремились правые кадеты и Гучков). Оно было манипулятивным. Приходилось осваивать искусство скольжения по волнам социальной революции.

Революция не только решала вопрос о власти, но уже весной стала глубокой социальной революцией, меняя принципы организации жизни на всех уровнях вплоть до предприятий. По мнению Д. О. Чуракова, «о российской революции можно было бы говорить

³⁸ *Церетели И. Г.* Указ. соч. С. 45.

как о «революции самоуправления»... Но, к сожалению, временами отчетливо намечавшийся союз различных органов самоуправления не стал прочным каркасом будущей государственности³⁹. Точнее, можно говорить о «революции самоорганизации», так как массовые организации, сотнями возникавшие или выходявшие из подполья после революции, редко переходили собственно к самоуправлению. Они пока не брали управление в свои руки, а предпочитали контролировать управленцев и оказывать на них давление. Петроградский совет, имевший наибольшее политическое влияние, весной-летом действовал все же не как орган власти, а как авторитетная общественная организация: он готовил и лоббировал проекты решений правительства и его органов, рассылал «пожарные команды» по урегулированию многочисленных социальных конфликтов, координировал работу профсоюзов и фабзавкомов, воздействовал на массы с помощью воззваний и влиятельных агитаторов⁴⁰. Пока правительство шло навстречу (или обещало пойти навстречу) предложениям главного органа «демократии», пока городские низы были согласны подчиняться советской дисциплине – эта система сдержек стабилизировала революционный социальный порядок.

Советы рабочих и солдатских депутатов опирались на структуры участия работников в управлении – фабрично-заводские комитеты (ФЗК). ФЗК, в свою очередь, формировались с помощью как прямого голосования, так и принципа делегирования в качестве советов старост, избравшихся работниками в подразделениях предприятий⁴¹. Для текущей работы выделялся президиум и комиссии. Но исполнительные органы только готовили решения, в то время как принимали их, как правило, пленарные заседания ФЗК. Актив предприятия, таким образом, находился в условиях постоянной обратной связи с работниками, выслушивая их мнение и разъясняя свои предложения.

Конфликты, которые не разрешали ФЗК, передавались на рассмотрение райсовета⁴² или других подобных инстанций. Организованные в ФЗК рабочие обычно не претендовали на полное управление предприятиями, а осуществляли рабочий контроль за управлением прежней администрации, затем и участие в управлении (то есть частичное самоуправление), правила которого в условиях революции не были четко определены. ФЗК были готовы вмешиваться в разнообразные сферы: продолжительность рабочего дня, минимальная зарплата, форма оплаты

³⁹ Чураков Д. О. Русская революция и рабочее самоуправление. М., 1998. С. 75–77.

⁴⁰ См. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. М., 1993–2003.

⁴¹ Иткин М. Л. Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., 1984. С. 19; Степанов З. В. Фабзавкомы Петрограда в 1917 г. Л., 1985. С. 10–11.

⁴² Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 2. М., 1927. С. 95.

труда, организация медицинской помощи, страхование труда, касса взаимопомощи, прием и увольнение, разбор конфликтов, дисциплина труда, отдых работников, охрана завода, продовольственное снабжение⁴³. При всем разнообразии большинство этих вопросов относятся к компетенции будущего социального государства XX века. **Производственное самоуправление, таким образом, претендовало на нишу либо низового звена такого государства, либо альтернативы ему.** Однако первоначально ФЗК готовы были стать своего рода парламентом предприятия с ограниченными полномочиями. Одни комитеты претендовали только на совещательный голос при администрации, другие – даже на право увольнять руководителей. На предприятиях образовался своеобразный спектр «конституционных устройств» от авторитарной «президентской» до демократической парламентской республики. Но лишь в исключительных случаях ФЗК претендовали на всю полноту власти.

10 марта в результате соглашения Совета с Временным комитетом Петроградского общества фабрикантов и заводчиков был введен 8-часовой рабочий день, и так уже установленный явочным порядком (правда, в виде исключения допущался сверхурочный труд). В своем докладе VIII съезду партии кадетов Н. Н. Кутлер с возмущением утверждал, что предприятия не могут функционировать, когда рабочие требуют такую же зарплату за 8-часовой рабочий день, которую раньше получали за 10–12-часовой⁴⁴. Развернувшаяся в стране инфляция кадетского экономиста не смущает, прибыли коммерсантов, конечно же, важнее. Между тем рост цен урезал зарплаты в несколько раз⁴⁵.

На эти обвинения в адрес рабочих ответил в своей речи на Государственном совещании представитель Центрального совета профсоюзов В. Чиркин. Он привел конкретные примеры крупных предприятий, ситуацию на которых пришлось расследовать профсоюзам. Так, на Коломенском заводе производительность труда после введения 8-часового дня увеличилась в первой половине мая на 8%, а во второй – еще на 5%. А вот в июне она упала на 20%, под угрозой оказался военный заказ, потому что администрация не смогла вовремя запастись топливом⁴⁶.

На шелкопрядильном предприятии, работающем на оборону, производство останавливалось из-за отсутствия топлива. Когда рабочие поставили вопрос перед администрацией, им предложили вложиться в покупку топлива. Требуя от рабочих денег, капиталисты не собирались делиться собственностью. Но вот рабочие заводов Лесснера, Бремера

⁴³ Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957. С. 491.

⁴⁴ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. 1915–1917 гг. М., 2000. – С. 637.

⁴⁵ См. *Кручковская В. М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 году. М., 1986. С. 28.

⁴⁶ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 282, 285.

и «Динамо», остановленных их хозяевами, взяли предприятия в управление и аккуратно выполняют заказы⁴⁷.

По наблюдению Чуракова, «осознавая себя победителями в революции... рабочие часто были сговорчивы... Проявления этой первичной «умеренности» рабочих были многоплановы: от приглашения администрации на заседание комитетов для совместного решения проблем производства... до готовности притормозить ввод 8-часового рабочего дня... Но дело в том-то и обстояло, что буржуазия вовсе не была рада подобному положению вещей. Любое вмешательство рабочих организаций, таких как Советы или примирительные камеры, в ее прерогативы встречало возрастающее сопротивление со стороны торгово-промышленных кругов»⁴⁸.

Более того, низкая компетентность и эгоизм этих кругов вели напрямую к экономической катастрофе. Столкнувшись с требованиями рабочих работать по восемь часов в день (а не по 10–14), несколько повысить зарплату в условиях стремительной инфляции и «вежливо-го обращения» с подчиненными, предприниматели начали выводить средства из производства и оборота. Как можно хозяйствовать в стране, где рабочие требуют таких невероятных прав?!

В результате рабочие были вынуждены создавать ФЗК в качестве «практической, защитной меры»⁴⁹, чтобы ловить предпринимателя за руку. Это давало результаты. Так, 2 июня директор машиностроительного завода Лангезипен объявил о предстоящем закрытии предприятия, так как из-за 8-часового рабочего дня, падения производительности труда, нехватки сырья и топлива в кассе не осталось денег. Центральный совет фабзавкомов организовал расследование, которое вскрыло махинации дирекции. После этого директор «внезапно» нашел 450 тыс. руб., и предприятие продолжило работу. Аналогичные события (связанные как с махинациями, так и с низкой эффективностью управления администрации) произошли на литейном заводе Бреннера, заводе «Вулкан», снарядном заводе «Новый Парвийнен» и других столичных предприятиях поменьше. Социально-экономический кризис, вызванный войной, обнажил низкую эффективность и криминальное лицо российского периферийного капитализма, как раз те его дикие и воровские черты, на которые указывали народники. Это лишний раз подтверждало, что избавление от капитализма может пойти на пользу промышленности.

⁴⁷ Там же. С. 284.

⁴⁸ Чураков Д. О. Указ. соч. С. 37–38.

⁴⁹ Мандель Д. Рабочий контроль на заводах Петрограда, или Почему на самом деле в 1917 году было две революции и можно ли из этого опыта извлечь уроки для сегодняшнего дня. М., 1994. С. 16.

Уже с мая «саботажи» предпринимателей привел в качестве ответной меры к изгнанию администрации с некоторых предприятий (первая волна таких изгнаний наиболее ненавистных начальников произошла сразу после Февральской революции, но с остальными рабочие стремились установить деловые отношения). До октября зафиксировано 59 случаев смены администрации рабочими. Управление предприятиями переходило или ФЗК, или смешанным органам инженерного персонала и рабочих⁵⁰. Правительство не имело силы, чтобы подавить эти выступления, и (учитывая факты «саботажа», то есть откровенного разворовывания капитала предприятий его хозяевами) это бессилие власти было спасительным для заводов. Во время перестройки 1980-х гг. трудовые коллективы не были столь же решительны и не смогли противостоять аналогичному процессу. Но и в 1917 г. большинство коллективов до октября не пошло дальше рабочего контроля, опасаясь, что без капиталиста еще нельзя обойтись. А вот капиталисты, оправившись от первого испуга весны 1917 г., стали требовать ликвидации фабзавкомов и по возможности игнорировали их решения. Это ставило вопрос о том, что рабочие должны были либо капитулировать (что во многих случаях означало локаут), либо распрощаться с капиталистами. Как справедливо пишет Д. Мандель, «усиленное наступление промышленников подрывало главную предпосылку движения за рабочий контроль – наличие капиталистической администрации, заинтересованной в дальнейшем ведении дел»⁵¹.

Уже на апрельской конференции большевиков приводились примеры того, как начавшийся саботаж предпринимателей заставляет рабочих вводить рабочий контроль, а то и брать хозяйство в свои руки и на востоке Украины, и в Донбассе, и на Урале, и в Иваново-Вознесенске, и в Саратове⁵².

Насколько органы производственного самоуправления, еще не успевшие приобрести опыт работы, могли управлять предприятиями в тяжелейших условиях нараставшего экономического хаоса? ФЗК не смогли в достаточной степени проявить себя как органы экономического управления – после прихода большевиков к власти они были в январе 1918 г. объединены с профсоюзами. Лишь на отдельных предприятиях ФЗК успели приступить к исполнению управленческих функций. Результат их хозяйственной деятельности не мог проявиться за несколько месяцев, и мы можем лишь оценить основные стремления масс трудящихся, вышедших из-под контроля одной элиты, но еще не попавших под управление другой.

⁵⁰ Иткин М. Л. Указ. соч. С. 69, 71, 85.

⁵¹ Мандель Д. Указ. соч. С. 33.

⁵² VII (апрельская) конференция РСДРП(б). Протоколы. М., 1958. С. 124–125, 138–139, 157–158.

ФЗК стали создавать собственную систему координации распадающихся хозяйственных связей России, параллельную не только государству и монополистическому капиталу, но и Советам⁵³. В мае ФЗК стали брать на себя контроль за расходом топлива, соблюдением технических норм на производстве, регулировали найм, внутренний распорядок на предприятиях, занимались вопросами производственной дисциплины. Затем они переходили к распределению прибыли, поиску рынков сбыта, топлива и сырья, организации прямого обмена между предприятиями (посылка «толкачей», характерная позднее для советской экономики). Анализ протоколов ФЗК Патронного завода в Петрограде за сентябрь – месяц, относительно спокойный в политическом отношении, – показывает, что из 15 вопросов, рассматривавшихся ФЗК, 6 были посвящены экономике (реорганизации структуры предприятия, его внешнеэкономическим связям, распоряжению имуществом), 5 – социальным отношениям (правам рабочих, зарплате, быту), 4 – политической борьбе⁵⁴.

Временное правительство в лице его социалистического крыла пыталось отреагировать на вызов фабричной самоорганизации. На государственных предприятиях с наиболее активными ФЗК, в частности на Путиловском, предлагалось создать совместные комиссии ФЗК и администрации для «регулирования всей работы завода». Эта идея предвосхищала реформы, которые будут в 1920-е гг. и во второй половине XX в. проводиться в Западной Европе. Но в 1917 г. рабочие не согласились на условия Временного правительства, так как им предлагалось получить меньшинство голосов в комиссии. Как говорилось при обсуждении этого вопроса на Центральном совете ФЗК, «предприниматели в настоящее время изыскивают все пути, чтобы рабочие сами себя секли кнутом. Мы без функций действительного контроля в этот орган идти не должны»⁵⁵. Не предоставив рабочим органам достаточных прав, Временное правительство упустило шанс интегрировать это движение в легальную систему управления. Точно также коалиционное правительство упустило шанс интегрировать Советы, рассчитывая, что влияние в них социалистов уже само по себе гарантирует лояльность Советов новому курсу. Но по мере углубления кризиса, в условиях **неуступчивости предпринимателей на фабриках и либералов в правительстве**, парализовавших социальные преобразования, волей-неволей и Советы, и ФЗК тяготели к решительной позиции большевиков.

⁵³ Гапоненко Л. С. Рабочий класс в России в 1917 г. М., 1970. С. 294–297; Степанов З. В. Указ. соч. С. 23, 37; Иткин М. Л. Указ. соч. С. 100.

⁵⁴ Фабзавкомы Петрограда. Протоколы. М., 1982. С. 252–258.

⁵⁵ Цит. по: Мандель Д. Указ. соч. С. 35.

Но и это сближение шло непросто. Ленин критиковал ФЗК за то, что они выполняют при администрации роль «мальчиков на побегушках»⁵⁶. Но фабзавкомы заботила не прибыль предпринимателя, а судьба предприятий. Если предприниматель плохо выполнял свои функции, рабочие ставили вопрос о его изгнании, если администрация уступала и под контролем начинала работать лучше, в интересах рабочего было сотрудничать с ней в деле спасения завода, одновременно обучаясь делу управления⁵⁷.

По мере углубления хозяйственного кризиса фабзавкомы начали налаживать продуктообмен с деревней. Они все чаще вынуждены были брать в свои руки управление предприятиями, которые бросали хозяева, или устанавливать рабочий контроль, чтобы воспрепятствовать закрытию производства. Осенью 1917 г. в Петрограде рабочий контроль действовал примерно на 100 предприятиях с 300 тыс. рабочих⁵⁸.

Рабочий актив был достаточно прагматичен. Столкнувшись со сложностью задач управления предприятием, большинство членов ФЗК не горели желанием брать в свои руки всю власть. В то же время рабочие были настроены все радикальней и давили на ФЗК, требуя более жесткого контроля над негодной администрацией. Большинство лидеров ФЗК пытались противостоять этому «заражению» рабочих анархо-синдикализмом, но перед лицом «контрреволюционного саботажа» администрации могло противопоставить этим двум тенденциям только одно – требование национализации. Если предприятием не может управлять капиталист и старый администратор, а лидеры коллектива не решаются взять управление на себя, остается бить челом новому революционному государству. Когда Временное правительство продемонстрировало неспособность ввести государственное регулирование экономики, фабричный актив стал выступать за власть Советов, рассчитывая превратить ФЗК в низовые структуры нового государственного управления и контроля.

Если город был авангардом демократической «революции самоорганизации», то ее прочным тылом была деревня. За организацию

⁵⁶ Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. 1. С. 91.

⁵⁷ Там же. С. 100, 126.

⁵⁸ Иткин М. Л. Центральный совет фабзавкомов Петрограда в 1917 г. // Октябрьское восстание в Петрограде. М., 1980. С. 179.

гражданских структур в многомиллионной толще крестьянства взялись эсеры. Но ПСР была не столько демиургом, сколько координатором этого процесса.

Первоначально в деревнях на базе общины возникали как Советы, так и крестьянские союзы. Партия эсеров, в это время пользовавшаяся доверием большинства политически активного крестьянства, первоначально также поддерживала и советскую инициативу, и крестьянские союзы. Но объединение крестьянских организаций в Советы, основанное на коллективном членстве, шло быстрее, чем союзов с персональным членством. В региональных центрах делегаты сельских сходов, кооперативных и других аграрных организаций с мест создавали региональные Советы, и ПСР склонилось к поддержке этой формы самоорганизации масс деревни⁵⁹.

Главный вопрос, обсуждавшийся крестьянскими Советами, – предстоящий переход всей земли крестьянам. Немедленный захват земли мог вызвать конфликты в среде самих крестьян. Во избежание социальных столкновений следовало ясно определить принципы земельного передела и подтвердить права новых собственников авторитетом не Временного правительства, а Учредительного собрания. Эта схема казалась весьма убедительной, но требовала длительной подготовки, тщательного учета населения и земли. Л. Д. Троцкий бросил Чернову упрек: «Мы надеялись иметь министра аграрной революции, а получили министра аграрной статистики»⁶⁰. План социализации не учитывал фактор времени – нетерпения крестьянских масс и стремительно ухудшавшейся социально-экономической ситуации.

Перспектива Учредительного собрания заслонила от части лидеров революционной демократии возможность проведения временных мер, смягчающих социальную напряженность. Программу этих мер продиктовало эсерам само крестьянство, делегаты которого собрались 4 мая на I Съезд советов крестьянских депутатов – самый представительный форум 1917 г. Поддержав эсеровскую программу аграрной реформы, делегаты крестьянства проголосовали за передачу помещичьих земель в распоряжение земельных комитетов, избранных на местах (решение об их учреждении было принято Временным правительством 21 апреля). Именно эти комитеты должны были определять порядок пользования землей. Крестьяне требовали запрета земельных сделок вплоть до принятия закона о переделе⁶¹.

⁵⁹ Там же. С. 14–21.

⁶⁰ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 67.

⁶¹ Лавров В. М. Указ. соч. С. 111–112. Аналогичные меры предлагало и Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов за месяц до этого (Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. С. 311).

Явление Ленина

Из-за войны и революционных событий усиливался экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся. Это порождало массовое отчаяние, стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество, – социальному радикализму. Силой, которая взяла на себя лидерство радикально настроенных солдатских и рабочих масс, стали большевики.

Особое значение для судеб революции имело возвращение в страну 3 апреля вождя большевиков В. И. Ленина (об обстоятельствах его поездки речь пойдет ниже). Троцкий позднее писал: «Остается спросить, и это немаловажный вопрос, хотя поставить его легче, чем на него ответить: как пошло бы развитие революции, если бы Ленин не доехал до России в апреле 1917 года»⁶². Действительно, Ленин своим политическим искусством и волей значительно усилил радикальную составляющую революции. Без него большевики и меньшевики могли объединиться в социал-демократическую партию, что ослабило бы ударную силу большевизма. Ниша лидерства в среде наиболее радикальных масс перешла бы к анархистам (эта угроза слева преследовала большевиков весь 1917 г.), и организованность этой силы была бы значительно меньше. В то же время без Ленина стали бы выше шансы на консолидацию сторонников социальных реформ в спектре от Л. Б. Каменева до Чернова. Без Ленина лидером революции оказался бы Чернов, но вполне возможно, что коалиция умеренных социалистов, поправев после подавления анархистских бунтов, не удержалась бы под ударами контрреволюции. У Чернова, Каменева, Троцкого, левых эсеров не было такой воли в борьбе за власть, как у Ленина. Ленин доказал свою способность проводить намеченную стратегию, его оппоненты проиграли. Програли бы они более слабым противникам, чем Ленин (таким как Л. Г. Корнилов, Милюков, Керенский)? Или, столкнувшись с трудностями в проведении реформ, сами стали бы прибегать к более авторитарной, репрессивной политике? Ведь участвовали же Каменев и Троцкий в проведении политики «военного коммунизма», и даже эсеровское правительство Комуча в условиях гражданской войны в 1918 г. прибегло к репрессиям. Но то в условиях гражданской войны. А ведь именно возможность избежать гражданской войны и составляла суть многопартийной социалистической альтернативы коммунистической диктатуре.

⁶² Троцкий Л. Д. К истории русской революции. М., 1990. С. 332.

Сразу же по прибытии в Россию Ленин стал решительно менять соотношение политических сил. Еще 14 марта Каменев, И. В. Сталин и М. К. Муранов взяли в свои руки партийный орган «Правду» и оттеснили от лидерства Российское бюро ЦК во главе с А. Г. Шляпниковым, выступавшее за переход власти к Совету и созданному им Временному революционному правительству. Шляпников назвал это «редакционным переворотом»⁶³. Каменев выступал за умеренный курс и даже доверие Временному правительству, «постольку поскольку» оно борется с остатками самодержавия. Также Каменев, по выражению историка А. В. Сахнина, «ввел в употребление совершенно беспрецедентную для большевизма логику оборончества», заявив: «Когда армия стоит против армии, самой нелепой политикой была бы та, которая предложила бы одной из них сложить оружие и разойтись по домам. Эта политика была бы не политикой мира, а политикой рабства, политикой, которую с негодованием отверг бы свободный народ. Нет, он будет стойко стоять на своем посту, на пули отвечая пулей и на снаряды – снарядом. Это непреложно». Позиция Сталина была более ортодоксальной, но он не выступал против курса Каменева, возобладавшего в «Правде»⁶⁴.

14 марта «тройка» предложила в исполком Петросовета от имени партии большевиков свой проект обращения к народам мира. Помимо обычных для большевизма революционных призывов там содержались положения, воспринятые Шляпниковым и его сторонниками как оборонческие: «Пусть народы оккупированных областей самостоятельно и свободно решат свою дальнейшую судьбу!.. Пусть не рассчитывают Гогенцоллерны и Габсбурги поживиться за счет русской революции. Наша революционная армия даст им такой отпор, о каком не могло быть и речи при господстве предательской шайки Николая Последнего... Война до полной победы, до полного разгрома Германии – не наш лозунг. Это лозунг нашей империалистической буржуазии, которую мы держим в руках... Наша же непреклонная воля – воевать с империализмом до конца, до полной победы демократии»⁶⁵.

⁶³ Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 445.

⁶⁴ Подробнее см. Сахин А. В. Внутрипартийная борьба в РСДРП(б) в конце февраля – апреле 1917 г. Механизм руководства и выработка стратегии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 85–114. Личные позиции Каменева были ослаблены тем, что товарищи считали недостойным его поведение на суде в 1915 г., где он отмежевался от ленинского лозунга поражения своего правительства. Но Каменев был наиболее сильным идеологом большевиков в Петрограде, а «подмоченный» авторитет восполнялся поддержкой Сталина и Муранова и большинства Петербургского комитета партии.

⁶⁵ Шляпников А. Г. Указ. соч. Т. 2. С. 446–447.

Получается, что на востоке Европы самоопределение предлагается пока Польше, Литве и Курляндии. В ответ, чтобы не чувствовать себя разгромленной, Россия могла благородно предложить самоопределение народов занятой ею части Анатолии. Каменев таким образом пытался совместить «реальную политику» с принципами большевизма (эта пока умозрительная задача станет куда актуальней во время Брестских переговоров конца 1917 – начала 1918 г.). Зато, угрожая Гогенцоллернам отпором революционной армии, Каменев строил мост к революционным оборонцам из социалистических партий, дабы вывести большевиков из политической изоляции. Узурпируя право говорить от имени партии, «тройка» пыталась представить большевиков более уважаемыми и патриотичными.

Резкий идейный поворот, предпринятый Каменевым, вызвал острую критику радикалов в Бюро ЦК и Петросовете, и в итоге был достигнут компромисс. Каменеву следовало излагать свои взгляды более осторожно, но зато он получил формальные права члена редакции. Фактически они с Мурановым стали лидерами партии, хотя и вынуждены были учитывать радикальные настроения части большевиков.

Большевики во главе с Каменевым поддержали на совещании Советов 1 апреля резолюцию ЦИК, в которой говорилось, что Советы будут контролировать правительство и оказывать ему поддержку, «поскольку оно будет неуклонно идти в направлении к упрочению и расширению завоеваний революции и поскольку свою внешнюю политику оно будет строить на почве отказа от захватных стремлений». При этом большевики и левые социалисты добились включения в резолюцию положения о том, что революционная демократия, сплачиваясь вокруг советов, должна «быть готовой дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии, или уклониться от выполнения взятых на себя обязательств»⁶⁶. Эта политика «постольку – поскольку» формулировала условия союза между Советами и правительством либералов, с которым соглашались и большевики.

Ленин выдвинул новый курс, изложенный в нескольких речах и «Апрельских тезисах». Он считал, что нельзя оказывать никакой поддержки Временному правительству. Ленин утверждал, что, свергнув самодержавие, российская революция «дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства», то есть до задач, которые он ставил в 1905 г. Революция «зашла дальше

⁶⁶ Всероссийское совещание советов. С. 293. В литературе эту резолюцию иногда характеризуют как «полную и безоговорочную победу» меньшевистских лидеров (Смирнова А. А. Указ. соч. С. 153). Но сделанные под давлением левых оговорки фактически давали право Совету атаковать правительство, что вполне устраивало и большевиков. Резолюция была успехом Каменева даже в большей степени, чем Церетели.

обычной буржуазно-демократической революции, но не дошла еще до «чистой» диктатуры пролетариата и крестьянства»⁶⁷. Это значит, что власть должна принадлежать не буржуазии, а союзу рабочих и части крестьян. Нынешнее олигархическое правительство не даст стране ни мира, ни хлеба, ни полной свободы.

«Своеобразие текущего момента в России состоит в переходе от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, – ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства»⁶⁸. Характерно, что Ленин видит причину перехода власти к буржуазии не в объективных социально-экономических условиях, а в субъективном факторе несознательности и неорганизованности пролетариата. Был бы рабочий класс сознательнее – взял бы власть сразу. Это (в отличие от экономической и культурной отсталости) партия большевиков может поправить, убедить пролетариев, что они могут «рулить» всей страной и на местах, и тогда пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут власть, создав «Республику Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»⁶⁹.

В «Апрельских тезисах» Ленин проповедует «необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок»⁷⁰. Совет – это «шаг к социализму», он может созвать Учредительное собрание и полностью реорганизовать общество так, что в нем не останется назначаемого чиновничества (только выборное), полиции и казарменной армии. Ленин призывает рабочих: «Пробуй, ошибайся, учись, управляй»⁷¹.

Для начала нужно поощрять тенденции концентрации и государственного регулирования, проявившиеся в Европе во время войны. Ленин выступил за слияние банков под контролем Советов, за превращение крупных помещичьих хозяйств в образцовые общественные имения (а не за раздачу их земли крестьянам).

Идея передачи всей власти Советам воспринималась большинством умеренных социалистов как абсурд – ведь в Совете митинговали некомпетентные люди из народа. Но Советы быстро учились работе.

С точки зрения ортодоксии теоретиков II Интернационала, Ленин отходил от марксизма в сторону анархизма, по выражению И. Гольденберга, «выдвинул свою кандидатуру на пустовавший в течение по-

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 154–155.

⁶⁸ Там же. С. 114.

⁶⁹ Там же. С. 115.

⁷⁰ Там же. С. 107–108.

⁷¹ Там же. С. 109.

лувека престол апостола мировой анархии Михаила Бакунина»⁷². Во время выступления Ленина на совещании социал-демократов 4 апреля (по иронии судьбы созванного для обсуждения перспективы объединения большевиков и меньшевиков) меньшевик Б. О. Богданов кричал, что это бред, и такая оценка была поддержана Г. В. Плехановым. Он утверждал: «устранение капиталистического способа производства никак не может стать у нас очередным историческим вопросом. Этому можно радоваться; этим можно огорчаться. Но кто не утопист, тот обязан руководствоваться этим в своей практической деятельности»⁷³. Плеханов был поддержан большинством социал-демократических идеологов. Многие из них доживут до того времени, когда большевики сумеют практически извести в своей стране частную собственность и капиталистический рынок. Обстоятельства «места и времени» посмеялись над схемой поступательного изживания капитализма. Впрочем, позднее история посмеялась и над ленинизмом.

Социал-демократическая «Рабочая газета» писала в передовице о стремлении сторонников Ленина осуществить захват власти пролетариатом: «они будут восстанавливать против революции отсталое большинство населения страны, они будут прокладывать этим верную дорогу реакции»⁷⁴. Лидеры социал-демократов и эсеров продолжали оценивать большевизм в рамках одномерной логики революционного процесса. Здесь было место только прогрессивной революционной перспективе (демократия, затем постепенное вызревание социализма), неустойчивому настоящему, которое принадлежит «буржуазии» и выражающему ее интересы либерализму, и реакции (откат к военно-аристократической диктатуре). Устойчивое движение к новому обеспечивалось союзом либерализма и умеренного социализма. Радикальные, утопичные действия большевиков не могли увенчаться успехом в силу их «ненаучности». Они могли лишь привести к реакционному срыву, к усилению позиций консервативных сил. То, что большевизм может создать новую устойчивую антикапиталистическую систему, считалось невозможным.

Первоначально идеи Ленина вызвали недоумение среди большевистских лидеров, даже у достаточно радикального Шляпникова. Но Ленин обратился с ней к активу среднего звена. Одновременно Ленин, учитывая критику, разъяснял позицию как прагматичную. Он соглашался, что свергнуть буржуазное правительство можно, только завоевывая большинство в Советах. То есть – не сейчас. Выступая за власть

⁷² *Войтинский В. С.* Указ. соч. С. 69.

⁷³ *Плеханов Г. В.* Год на Родине. Париж, 1929. С. 214–215.

⁷⁴ Опасность с левого фланга // *Рабочая газета.* 1917. 6 апреля.

Советов, нельзя свергнуть правительство помимо Советов. Более того, Ленин отмежевался не только от требования «введения социализма», но и от идеи перехода к социалистической революции⁷⁵. Необходимы только «шаги к социализму»⁷⁶. Одновременно во время дебатов на Петроградской конференции большевиков 15 апреля Каменев пошел навстречу Ленину, не согласившись только с лозунгом свержения Временного правительства⁷⁷.

Впрочем, в этом вопросе Ленин и Каменев выступили вместе во время апрельского кризиса, когда ЦК осудил выступление части лидеров ПК большевиков во главе с С. Я. Багдатьяном с лозунгом «Долой Временное правительство!». После этого стало ясно, что теперь Ленина и Каменева разделяет прежде всего тактика. Ленинская лучше сочетала радикализм и тактическую гибкость, и на его сторону встало большинство актива партии.

Более того, ленинская стратегия встретила понимание Троцкого и других левых социал-демократов-межрайонцев. То, к чему призывал Ленин, соответствовало идее непрерывной революции. Несмотря на сохранение значительного влияния правого крыла большевиков (Каменев, А. И. Рыков и др., позднее Г. Е. Зиновьев), которое ориентировалось на союз с другими социалистическими партиями, на VII конференции большевиков 24–29 апреля победила линия Ленина. «Перерастание» революции в новую, социал-этатистскую фазу получило в лице большевизма свой локомотив.

Битва за проливы

«Постмасонская» политическая линия требовала включения всех «ответственных сил» в единую систему власти, подчиненную общей цели – политической либерализации и в дальнейшем – по возможности – решения наиболее острых социальных проблем на основе классового компромисса. Между тем правительство висело в воздухе, Советы относились к новой власти прохладно, как к чуждой, как к меньшему из зол. Даже сторонник союза с буржуазией Церетели говорил делегатам совещания советов 29 марта, что правительство согласилось с выдвинутой демократическими силами программой «буржуазной республики, но республики, последовательно осуществляющей все демократические идеалы... И только потому, что буржуазия ее при-

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 142.

⁷⁶ Там же. С. 168.

⁷⁷ Более подробный разбор полемики на Петроградской городской конференции большевиков см. Сахнин А. В. Указ. соч. С. 172–178.

няла, демократия признала это правительство и все шаги его в этом направлении обязалась поддерживать»⁷⁸. То есть, если правительство отклонится от демократического курса, то оно лишится поддержки левых сил.

Социалисты требовали, чтобы с ними считались не только во внутренней, но и во внешней политике, тем более что от хода войны зависела судьба революции. «Бойня» Первой мировой усугубляла практически все проблемы страны, ей не видно было конца и края. Патовая ситуация на фронте могла разрешиться либо победой одной из сторон (но за многие годы никто решительного успеха не достиг, не было надежды прорвать немецкий фронт и в будущем), либо всеобщим истощением (то есть новыми бедствиями для трудящихся), либо компромиссным миром. 5-8 сентября 1915 г. на конференции в Циммервальде социалисты из нескольких стран предложили принципы такого выхода из войны – мир без аннексий и контрибуций плюс право наций на самоопределение. Такие принципы давали шанс на заключение мира без победы одной из сторон – хоть в 1917 году.

Чтобы революционная Россия могла взять на себя инициативу заключения всеобщего мира, она должна была первой отказаться от территориальных и имущественных претензий к Германии, Австро-Венгрии и Османской империи. Но пришедшие к власти либералы были настроены весьма воинственно, надеясь «получить свое» – поучаствовать в разделе Австро-Венгрии и Османской империи, получить компенсацию с противников за издержки войны. А пока продолжалась политика, нацеленная на аннексии и получение контрибуции с противника, достичь мирного компромисса было невозможно.

11 марта Милюков, выступая перед дипломатическим корпусом, подтвердил стремление России вести войну до «победы». Значит, новое правительство не собирается искать компромиссного мира без аннексий и контрибуций. 22 марта Милюков разъяснил свою мысль с предельной ясностью: Россия стремится приобрести Константинополь и проливы, но это – не «захватные тенденции», ведь Турция когда-то тоже захватила эти земли⁷⁹. Так можно оправдать любые аннексии, поскольку почти каждая территория были когда-то кем-то завоевана.

Мнение лидера разделяло большинство кадетов. При бурных рукоплесканиях Ф. И. Родичев говорил на съезде партии 26 марта: «Где же аннексии? А Константинополь? У кого мы собираемся его аннексировать? У турок?» Зал затих в недоумении. Действительно – у кого, если не у турок? «Господа, вы знаете, что Константинополь – город

⁷⁸ Всероссийское совещание советов. С. 38–39.

⁷⁹ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 368.

не вполне турецкий. Вы знаете, что там, если память мне не изменяет, 140 тыс. турок, остальные – христиане-греки и евреи». Ну, понятно – сотня тысяч турок – не в счет. А грекам сам Бог велел жить в России, а не в Турции или какой-нибудь Греции. Не говоря уж о евреях. Какие уж тут аннексии! Впрочем, Родичев так разошелся, что уже и не скрывал, что кадеты требуют именно аннексий: «У кого же мы аннексируем Константинополь, находящийся под пятой разбойничьей власти?» Да уж, против разбойников не грех и поразбойничать, выйти, так сказать, на большую дорогу: «И не Константинополь нам нужен, а нам нужны проливы». То есть Константинополь, конечно, тоже. Но раз немцы маячат в Средиземном море, то «дело обеспечения русской самостоятельности»⁸⁰ требует аннексии Константинополя с проливами. И никакого империализма. Даже сталинские требования 1940-х гг. были скромнее, чем претензии русского либерализма к южному соседу.

Циничная логика либералов-шовинистов наткнулась на сопротивление миротворцев из Совета.

14 марта в ответ на заявление Милюкова Совет принял свою декларацию по вопросам войны и мира – воззвание «К народам мира». Исходя из принципов Циммервальдской конференции социалистов, воззвание провозглашало, что российская демократия «будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира»⁸¹. Для этого трудящиеся Германии и Австро-Венгрии должны свергнуть свое самодержавие по примеру России.

Если цели войны будут благородны, тогда понятным будет и революционное оборончество. «Все вы отлично понимаете, что если внешний враг одолеет Россию, он прежде всего поспешит отнять у нас нашу свободу, расправиться с нею и, значит, вновь ввергнуть страну в вековые бедствия. Я поэтому думаю, что никто не скажет: надо дать врагу возможность прийти к нам и предписывать нам свои законы. Я уверена, мы не желаем аннексий»⁸², – говорила Е. К. Брешко-Брешковская делегатам совещания Советов, и эти слова были встречены аплодисментами. Ей вторил председатель совещания Чхеидзе: «Мы идем со всеми теми, кто выступает с решительным требованием перед всеми правительствами и перед буржуазными и капиталистическими

⁸⁰ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 443–444.

⁸¹ Всероссийское совещание советов рабочих и солдатских депутатов. Стенографический отчет. С. 319.

⁸² Там же. С. 24.

кликами, чтобы правительства и эти клики немедленно отказались от всяких завоевательных и аннексионистских задач. (*Рукоплекскания.*) Это первый шаг, товарищи, к следующему шагу – чтобы правительства всех воюющих стран приступили немедленно к пересмотру своих договоров»⁸³.

Даже Каменев, излагавший позицию большевиков и призывавший к «превращению русской национальной революции в пролог восстания всех народов всех воюющих стран против молоха империализма», все же заявил, что «мы приветствуем отказ нашего правительства от аннексий и завоеваний», хотя одних заявлений и недостаточно⁸⁴. Церетели в ответ попросил Каменева «объяснить, как конкретно он объясняет свое заявление, как конкретно можно поднять бунт пролетариев всех стран против правящих классов». Ведь призывы к немецким солдатам свергнуть «своего кайзера Вильгельма» были, да ни к чему не привели. А пока Вильгельм сидит на троне, а Либкнехт в тюрьме – остается воевать, напрягая все силы⁸⁵. Но дело было не только к Вильгельму, но и в Антанте: «Если мы вступим в мирные переговоры с Германией помимо союзников, то этим мы добровольно отдадим наше могучее оружие и приступим к таким, которые ни революционной России, ни Интернационалу ничего, кроме позора не готовят»⁸⁶. Но большевики требовали, чтобы правительство ясно заявило о намерениях заключить демократический мир, и в этом их поддерживали делегаты от солдат, также требовавшие конкретных мер по достижению мира. В итоговой резолюции совещания советов, которую составил Церетели, говорилось, что «каждый народ обеих коалиций должен настоять, чтобы его правительство добивалось от своих союзников общего отказа от завоеваний и контрибуций. Со своей стороны Исполнительный комитет подтверждает необходимость переговоров Временного правительства с союзниками для выработки соглашения в указанном смысле»⁸⁷. Таким образом социалисты искали возможность выйти из тупика безысходной позиционной войны.

А по существу: было ли это возможно? Германия, конечно, не готова была согласиться на «самоопределение» составляющих Австро-Венгрии и не планировала возвращать Литву, Польшу и Курляндию. Они могли быть «самоопределены» под контролем Германии и составить формально независимые государства. Теряя контроль над

⁸³ Там же. С. 26.

⁸⁴ Там же. С. 45–47.

⁸⁵ Там же. С. 73.

⁸⁶ Там же. С. 93.

⁸⁷ Там же. С. 291–292.

Литвой и Курляндией, Россия таким же образом могла предоставить формальную самостоятельность Большой Армении – занятой ее войсками обширной территории на востоке нынешней Турции. Немедленное начало переговоров на таких условиях открывало возможность для немедленного же перемирия, снятия части проблем, вызванных войной, стабилизации Временного правительства весной 1917 года. Но существовало два серьезных препятствия для такого решения: шовинизм кадетов и более правых российских кругов, с одной стороны, и нежелание Антанты идти на мирные переговоры, когда 6 апреля в войну вступили США, – с другой. Оба этих препятствия могли быть преодолены, если бы социалисты взяли решительный курс на мир – отказавшись от сотрудничества с кадетами в правительстве и требуя от Антанты немедленного согласия на мирные переговоры на демократических условиях с угрозой в случае отказа начать эти переговоры сепаратно (что в дальнейшем и сделали большевики, но уже в гораздо худших условиях, когда неспособность русской армии воевать стала очевидна в том числе и немцам).

Умеренные социалисты весной 1917 г. не готовы были действовать решительно, но даже они были возмущены демонстративным шовинизмом Милюкова.

В итоге возник первый кризис, когда Совет мог публично отказать правительству в доверии и тем поставить его перед лицом политического краха. Пришлось правительству вступить в переговоры с Советом, чтобы сохранить единство.

Роль ангела мира взял на себя Керенский, который явился в Петросовет (куда давно не ходил из-за занятости министерскими делами) и выступил перед солдатской секцией с отчетом о проделанной работе (чтобы удовлетворить тех, кто сетовал на отсутствие связи Керенского с Советом), и подтвердил, что Временное правительство отказывается от аннексий. Выступление Керенского вызвало овацию, его подхватили на руки на стуле. По мнению С. В. Тютюкина, Керенский «выступал как актер, в общем и целом откровенно дурачащий «темную» аудиторию и пользующийся ее безграничным доверием для необходимого ему самооправдания»⁸⁸. В чём же Керенский «дурачил» аудиторию? Он действительно в это время вел большую работу в правительстве (что признает и сам Тютюкин), действительно выступал за мир без аннексий, и в данном случае хотел опереться на авторитет Петросовета в продавливании этой своей позиции во внутриправительствен-

⁸⁸ Тютюкин С. В. Указ. соч. С. 143. Автор нередко подчеркивает в своей биографии образ Керенского как властолюбца, мелкой и слабой личности, особенно в сравнении с таким любимым Тютюкиным героем, как А. В. Колчак (см., например, С. 175, 205).

ной борьбе. Когда политика Керенского станет расходиться с позицией большинства Совета, овации в его адрес закончатся.

Прием Керенского в Исполкоме Петросовета 27 марта не был столь восторженным, как накануне, но Александр Федорович и здесь договорился о сотрудничестве – благо он стоял на стороне Совета в дискуссии о целях внешней политики. Правительство понимало важность сохранения хороших отношений с Советом, и пошло на уступки Керенскому вопреки политике Милюкова.

В Декларации Временного правительства о целях войны 27 марта говорилось: «Предоставляя воле народа в тесном единении с нашими союзниками окончательно разрешить все вопросы, связанные с мировой войной и ее окончанием, Временное правительство считает своим правом и долгом ныне же заявить, что цель свободной России – не господство над другими народами, не отнятие у них национального достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»⁸⁹. Это означало, что Временное правительство отказывается от мечты шовинистов (включая Милюкова) водрузить русский флаг над Дарданеллами. Однако по настоянию кадета Ф. Ф. Кокошкина были вставлены слова о соблюдении обязательств перед союзниками. Это поставило согласование заявления с социалистами на грань срыва – ведь сами обязательства содержались в секретных договорах. Делегаты Совета не могли подписаться под тем, что не видели. Эта коллизия разрешилась только после победы большевиков, которые просто опубликовали секретные договоры Российской империи (что не мешало им потом заключать свои – не менее секретные). Но в марте на выручку пришло масонское искусство компромисса – Некрасов убедил социалистов, что они могут толковать двусмысленные формулы документа в свою пользу.

Этот «гнилой компромисс» продержался меньше месяца. Милюков тоже толковал заявление по-своему, считая захват проливов чуть ли не освобождением. И вообще он был готов поставить левых перед фактом, игнорируя их требования. Еще в апреле Милюков убеждал Алексеева в необходимости провести десантную операцию по захвату проливов⁹⁰, что означало бы новый виток войны. И много лет спустя Милюков был уверен, что Черноморский флот «мечтал о походе на Константинополь»⁹¹.

⁸⁹ Всероссийское совещание советов. Стенографический отчет. С. 320.

⁹⁰ Мельгунов С. П. Указ. соч. С. 388–389. Алексеев хоть и был уже разочарован в результатах февральского переворота, но 11 марта согласился сменить Николая Николаевича на посту Верховного главнокомандующего. Этот пост Алексеев занимал до 22 мая, когда ставший военным министром Керенский заменил его на Брусилова.

⁹¹ Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 121.

11 марта представители Петросовета потребовали довести до союзников Декларацию 27 марта в официальном порядке. Правительство поручило это Милюкову, который не был согласен с Декларацией. 13 апреля Керенский уже публично, в газете «Дело народа», напомнил Милюкову, что он должен направить союзникам соответствующую ноту.

В этих условиях Милюков решил, что нужно прокомментировать Декларацию 27 марта в официальной ноте к союзникам. Нота, подготовленная Милюковым и после обсуждения принятая правительством, вышла за рамки самой Декларации – в ней говорилось о войне до победы (что исключало быстрый компромиссный мир), после которой «демократические государства» (то есть Антанта) введут «санкции», способные предотвратить новую войну. Понятно, что санкции будут введены против побежденных Германии и Австро-Венгрии. Нота Милюкова была принята 18 апреля, но опубликована 20 апреля, через два дня после первомайских демонстраций, где господствовало циммервальдское, миротворческое понимание задач внешней политики. Однако задержка с публикацией ноты не помогла избежать конфликта – **социалисты почувствовали себя обманутыми и не позволили поставить себя перед фактом изменения внешнеполитической линии правительства в сторону империализма.**

По мнению Милюкова, его нота дала «новый благодатный повод большевикам для первой уличной манифестации вооруженных сил против Временного правительства». Демонстрации против Милюкова и других «министров-капиталистов», по его мнению, были инициированы из «темного источника»⁹² (намек то ли на немцев, то ли на масонов). Провозгласив вывод о причинах движения, продиктованный его политической схемой, Милюков вскользь обратил внимание и на реальные обстоятельства выступления 20–21 апреля. А эти обстоятельства разрушают всю схему кадетского историка. Оказывается, солдат Финляндского полка на демонстрацию против ноты Милюкова вывел не кто иной, как прапорщик Ф. Ф. Линде, весьма далекий от большевизма член исполкома Совета. Позднее он будет назначен Временным правительством комиссаром Юго-Западного фронта и со всем возможным пылом станет убеждать солдат идти в наступление. И солдаты, уже убедившиеся в бессмысленности наступлений, застрелят его. Но в апреле нота Милюкова возмутила даже такого социал-патриота.

Может быть, Линде действовал по приказу масонов? Но он не смог бы ничего сделать без большевиков, а они – враги «постмасонской группы». Кто же координировал действия таких разных сил? Разгадка находится перед глазами: сам Милюков. Его акция возмутила и вполне

⁹² Там же. С. 83.

умеренных лидеров Совета Чхеидзе и Церетели, и таких сторонников демократии, как Линде, и большевиков. Также как в феврале упрямство Николая II довело кризис до революции, так и в апреле упрямство Милюкова и его сторонников вывело массы на улицы. По замечанию историка В. Т. Логинова, «рабочим и солдатам, что называется, «плюнули в душу»⁹³.

Как писал революционный оборонец Войтинский, «сила «революционного оборончества» была в том, что оно формулировало новые цели войны (защита революции, приближение всеобщего мира). Только эта идеология обороны – и то лишь при определенных условиях – могла быть воспринята рабочей и солдатской средой и примирить ее с продолжением войны. И потому взрывать эту идеологию, заявлять, что революция не изменила ни в чем цели войны, значило взрывать фронт.

Как могли не видеть этой опасности члены Временного правительства? Я думаю, ослепление их можно объяснить лишь тем, что почти все они долгое время готовились к роли правительства в совершенно иной обстановке, чем та, которая создалась в результате рабочего и солдатского февральского восстания»⁹⁴.

Движение против ноты Милюкова носило широкий и многопартийный характер. Большевики, разумеется, тоже приняли участие в демонстрациях, поскольку нота подтвердила их обличения Временного правительства. При этом члены столичного комитета партии Багдатыев, М. М. Лашевич и др. выпустили от имени Петербургского комитета листовку с призывами: «Долой Временное правительство! Никого ему доверия. Никакой ему власти. Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов! Прямое ему доверие. Полная власть»⁹⁵. Эта листовка вызвала гнев Ленина и Каменева. Оба лидера ЦК считали выступление под таким лозунгом несвоевременным – большевиков могли обвинить в призыве к свержению правительства до того, как для нового витка революции созреет почва. Характерно, что прежде Багдатыев и большинство ПК поддерживали Каменева, а теперь оказались левее Ленина. Этот резкий сдвиг был частью более общего процесса – волны возмущения правительством, предавшим надежды революционной демократии. В этом возмущении были едины и оборонец Линде, и недавно еще умеренный большевик Багдатыев.

Произошли столкновения между противниками и сторонниками Милюкова, которые дрались и рвали знамена друг друга. 21 апреля

⁹³ Логинов В. Т. *Неизвестный Ленин*. М., 2010. С. 134.

⁹⁴ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 81. Несмотря на свое возмущение, умеренные социалисты бросились «тушить пожар» и уговаривать солдат и рабочих покинуть улицы. И это плачевно сказалось на их авторитете.

⁹⁵ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде. Кн. 1. Л., 1967. С. 223.

рабочие Выборского района с оружием вышли на Невский (проигнорировав призывы Чхеидзе повернуть назад). Здесь произошла перестрелка, были раненые.

В правительстве шли жаркие споры, можно ли воспользоваться случаем и захватить всю власть, подавив Совет. Керенский и Терещенко угрожали отставкой, если правительство решится на это. Правительство оказалось на грани распада.

Между тем крупный бизнес был готов поддержать «сильную власть», если она сможет подавить сопротивление левых. В это время Общество экономического возрождения России (ОЭВР) во главе с А. Путиловым, А. Вышнеградским и А. Мещерским собрало 4 млн руб. на политические нужды⁹⁶ (ох, неискренни были сетования бизнесменов, что из-за повышения зарплат рабочих у предпринимателей совсем не осталось денег).

21 апреля командующий Петроградским военным округом Корнилов по приказу Гучкова попытался вызвать на Дворцовую площадь две батареи Михайловского артиллерийского училища, но собрание солдат и офицеров постановило не давать ему орудий. Новое 9 января не состоялось, и Корнилов подал в отставку. В Петрограде «партия порядка» не имела пока шансов подавить уличные выступления. «Партия порядка» вынуждена была отступить, но не смирилась с поражением – после ухода из правительства Гучков возглавил ОЭВР, став одним из распределителей средств, теперь предназначенных на предвыборную помощь «умеренным» силам и оборонческую пропаганду⁹⁷.

22 апреля правительство выступило с разъяснениями злополучной ноты: мол, под «санкциями» имелись в виду пацифистские меры – международный трибунал и ограничение вооружений (вообще-то такие меры не называются санкциями). Правые социалисты добились того, что исполком Совета признал эти разъяснения удовлетворительными. Но стало очевидным, что лидерство Милюкова в правительстве ведет к конфронтации и, возможно, гражданской войне.

Раз нельзя было подавить левых, нужно было направить их энергию на пользу правительства. А это было возможно только при условии исключения из кабинета «ястреба» Милюкова, который и после апрельских столкновений продолжал стоять на своем. Характерен диалог левого либерала, кадета Некрасова и Милюкова. Некрасов: «Что такое жизненные интересы России? Скорейшее доведение войны до прочного мира или сакраментальная фраза: Константинополь и проливы?»⁹⁸

⁹⁶ Селезнев Ф. А. Путилов и выступление генерала Корнилова (апрель-август 1917 г.) // Падение империи. Революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 78.

⁹⁷ Там же. С. 79.

⁹⁸ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. С. 503.

Милюков ответил вопросом на вопрос: «Так и будем говорить, что вопрос идет о победе или об окончании войны вничью?»⁹⁹ В этом заключалась суть разногласий левых и шовинистов по внешнеполитическим вопросам. Победы неудачно добивались с 1914 года. Теперь левые предложили иной выход – завершение бойни без победителей и побежденных, «вничью». Милюков настаивал на победе, надеясь на новые десантные авантюры. «Постмасонская группа» колебалась – Некрасов внял аргументам циммервальдийцев, а вот Керенский, заняв пост военного министра, под влиянием ведомственного интереса сам стал мечтать о бонапартовых лаврах.

26 апреля правительство выпустило декларацию по итогам событий. Проект написал кадет Кокошкин. Документ был проникнут духом обличения Совета и левых. Но «постмасонская группа» в условиях социальной нестабильности и военного бессилия правительства в столице легко переиграла кадетских «ястребов». При обсуждении в правительстве текст декларации кардинально изменился и превратился в приглашение расширить состав правительства за счет «тех активных творческих сил, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством»¹⁰⁰. Прежде всего это относилось к Советам и социалистическим партиям.

Напрасно Милюков убеждал премьера Львова пожертвовать Керенским и установить твердую власть, готовую подавить левых. В обстановке весны 1917 г. эти предложения были совершенно неадекватными. Гучков первым понял это и 29 апреля подал в отставку. Милюков сначала утверждал, что не останется в правительстве в случае коалиции с левыми, но затем все же принялся делить портфели, испытывая новое унижение – ему предложили пост министра просвещения. Просвещать граждан в таких условиях Милюков отказался и покинул правительство.

Когда под напором левых сил Милюкову пришлось уйти в отставку, он недоумевал, каким образом его во всех отношениях правильная линия потерпела столь быстрый крах. В своих воспоминаниях Милюков намекал, что он пал жертвой интриг загадочной группы в правительстве, связанной «какой-то личной близостью... политико-морального характера»¹⁰¹ (прямо слово «масоны» не было произнесено, а в более строгом исследовании

⁹⁹ Там же. С. 508–509.

¹⁰⁰ Цит. по: Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 91.

¹⁰¹ Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. Нью-Йорк, 1955. С. 332–333.

Миллюкова «История Второй русской революции» отсутствуют и сами намеки¹⁰²). Г. Аронсон считает, что намеков этих достаточно, «чтобы получить представление о месте и влиянии масонов в февральской революции и событиях 1917 г.»¹⁰³. Но для того, чтобы согласиться с этим поверхностным выводом, нужно начисто забыть обо всем, что творилось за пределами кабинета министров в апреле 1917 г., когда многотысячные толпы требовали отставки Миллюкова, считая его обманщиком. Масоны были утлой лодкой, маневрировавшей среди других лодок по бурным волнам революции. Миллюков попытался встать на пути широкого левого движения и был смят. Намеки обиженного министра на «истинные» причины его отставки к этому факту ничего не добавляют.

Сам же Миллюков склонялся теперь к тактике «чем хуже – тем лучше». Он говорил в кругу соратников: «Наблюдая текущие события и участвуя в них, я осознал с абсолютной ясностью: революция сошла с рельсов, события развиваются помимо нас, и удержать их поступательный ход мы уже не в силах. Революционный процесс, от нас не зависящий, должен дойти до своего завершения. Мы делаем тщетные усилия остановить этот процесс, но только его замедляем. Нужно ли это... Думаю, не нужно. Чем скорее революция исчерпает себя, тем лучше для России, ибо в тем менее искалеченном виде она выйдет из революции»¹⁰⁴. Осознав свою контрреволюционную миссию в сложившихся условиях, кадеты и дальше колебались между «попытайтесь остановить» и «уйти в сторону – не наше дело». Однако, как бы они ни действовали, революция еще долго продолжала углубляться. И она не могла не углубляться, пока не оказались так или иначе, полностью или частично решены вызвавшие ее социальные проблемы.

Триумф центризма

Апрельский кризис позволил не только отстранить от власти Миллюкова и Гучкова, усилив позиции «постмасонской группы». Теперь открывалась возможность полностью воплотить в жизнь союз умеренных левых и правых, о котором масоны мечтали еще до революции, сделать постмасонский центризм основой правительственного курса.

Теперь у левых были и известные вожди, и большой опыт. Почему бы им не взять на себя всю власть, раз либералы не справились? Они не решились на это, что соответствовало масонским взглядам Керенского и Некрасова. Но только ли масонское наследие предопределило

¹⁰² Миллюков П. Н. История Второй русской революции. С. 96.

¹⁰³ Аронсон Г. Указ. соч. С. 166.

¹⁰⁴ Цит. по: Думова Н. Г. Кончилось ваше время... М., 1990. С. 111.

этот выбор? Отнюдь нет. В пользу коалиции либералов и социалистов было много других мотивов. Нельзя забывать, что все происходило тогда в условиях предвыборной кампании. Этот фактор довлел над политиками. Умеренные социалисты являлись фаворитами предвыборной гонки, и целиком брать власть до голосования было невыгодно – тогда они стали бы терять очки, проводя непопулярные меры. В коалиции ситуация стала иной – можно было возлагать часть ответственности на конкурентов – кадетов. Умеренные социалисты преувеличивали влияние «цензовых элементов» в стране (так же как большевики преувеличивали опасность именно буржуазной контрреволюции). Социалисты видели в разрыве с либералами, а значит, и с буржуазией угрозу экономического саботажа, утечки капиталов (а она происходила, несмотря на присутствие «цензовиков» в кабинете) и отказа союзников по Антанте от сотрудничества с социалистическим правительством (это опасение было явно преувеличенным). Опасались и отсутствия поддержки справа в борьбе против большевизма. Правда, буржуазия и так не доверяла Временному правительству (хоть с кадетами, хоть без них) и выводила капиталы из страны, углубляя социально-экономический кризис.

5 мая правительство было реорганизовано – в него вошли не только кадеты и другие либералы (9 министров), но и 6 социалистов, в том числе лидеры Петроградского совета – эсер Чернов, социал-демократы Скобелев, Церетели и народный социалист А. В. Пешехонов. Два министерства возглавил Керенский.

Став военным министром, Керенский добился 22 мая замены консервативного Алексеева на посту главнокомандующего более покладистым Брусиловым.

Союз «всех живых сил» давал правительству дополнительный авторитет, который, как казалось министрам, позволял перейти от мер убеждения и морального давления на массы к принуждению: «Правительство, опирающееся на доверие большинства населения, должно быть в состоянии в случае нужды принять меры принуждения к анархическим элементам, нарушающим демократический порядок»¹⁰⁵, – вспоминал Церетели о соглашении между «цензовыми элементами» и социалистами. Однако «доверие большинства населения» могло поддерживаться только в случае проведения социальных реформ, способных несколько снизить социальное напряжение в обществе.

¹⁰⁵ Церетели И. Г. Указ. соч. С. 88.

Новое правительство 6 мая опубликовало программу, основа которой была написана социалистами. Она предполагала борьбу за скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций (но при условии, что этот мир не будет сепаратным), «укрепление начал демократизации армии (но также использование ее в наступательных действиях), регулирование землепользования и защиту труда, прямое обложение имущих классов, борьбу с хозяйственной разрухой путем «государственного и общественного контроля над производством, транспортом, обменом и распределением продуктов» вплоть до организации производства государством, скорейшие выборы в органы территориального самоуправления и Учредительное собрание¹⁰⁶.

Но платформа – это одно, а дела – совсем другое (лидеры социалистов вплоть до осени не могли усвоить эту простую истину). Правительство в большинстве своем, и особенно кадеты, выступало за отказ от существенных преобразований до созыва Учредительного собрания. Лидеры «постмасонской группы» понимали, что кадеты и социалисты вряд ли смогут договориться о стратегии развития страны. Выход у центристов был один – по крайней мере до Учредительного собрания, а желательно до конца войны тормозить любые преобразования, уходить от конфликтов.

За бортом этой политики оказывались большевики и анархисты, но пока они казались несущественной, маргинальной силой. Между тем из-за войны и революционных событий усиливался экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся. Это порождало массовое отчаяние, стремление вырваться из сложившегося положения одним скачком, нереальные ожидания и в итоге – стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество, – социальный радикализм. Силой, которая взяла на себя консолидацию радикально настроенных солдатских и рабочих масс, стали большевики.

Отказ от социальных преобразований приближал социальный взрыв с точностью математического закона, усиливал большевиков и анархистов.

Лебедь, рак и щука

Когда революционные демократы, социалисты вошли в правительство, это считалось торжеством демократии, народовластия. Но даже организованные в Советы рабочие и крестьяне, не говоря уж об

¹⁰⁶ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 114–115.

остальной массе населения, не могли заставить правительство учитывать их стремление к социальным переменам. Правительство делало то, что считало нужным. А оказавшаяся в центре правительственной конструкции «постмасонская группа» не хотела делать ничего, что могло бы нарушить хрупкий баланс ее власти.

На практике министры остались безответственными. Они зависели прежде всего друг от друга и в значительной степени – от своих ЦК. Более широкой опоры у власти не было, и межпартийный конфликт или разногласия министров приводили к тому, что правительство «повисало в воздухе», и режим держался на личных связях центристов. Такова была система коалиции, возникшая в мае 1917 г.

Быстро выяснилось, что коалиция либералов и социалистов позволяет лишь временно стабилизировать ситуацию. Кадеты и социалисты, как лебедь и щука из басни, тащили в разные стороны. И центристы предлагали выход – как рак, пятиться от назревших проблем.

Для того чтобы не просто заморозить кризис, а начать его лечить, нужны социальные преобразования – хотя бы умеренные. Чтобы люди поняли – что-то делается. А либералы стояли насмерть – никаких социальных преобразований до Учредительного собрания, нельзя предвосхищать волю народа. В действительности они легко «предвосхитили» эту волю, проведя серию политических преобразований в апреле. Но теперь встал вопрос о собственности на землю, и тогда кадеты «проявили принципиальность». Ради защиты собственности они были готовы расколоть коалицию. А коалиция составляла суть политики «постмасонской группы». Чтобы сохранить коалицию, следовало остановить реформы.

Чтобы начать решать накапливающиеся в стране проблемы, требовалось определиться. Первый путь – твердой рукой проводить либеральную «шоковую терапию» в интересах цензовых слоев. Эта политика не удалась Милюкову, но кадеты не отказались от надежды осуществить свои планы, когда народ «успокоится». Они впоследствии поддержат генерала Корнилова, а затем и белое движение. Второй путь – начать социальные преобразования, которых требовали массы работников, организованные в Советы: земля – крестьянам, фабрики – рабочим или государству. Чем бы ни кончились такие преобразования, но их начало принесло бы власти новую популярность, возможность опереться не на штыки, а на организацию Советов, на массовый энтузиазм. По этому пути могли пойти революционные демократы и большевики. Если бы на социальные преобразования решились первые, вторым ничего бы не осталось, как присоединиться или уйти на обочину истории.

Между тем советская демократия уже в это время сформировала широкое народное представительство, позволявшее установить «обратную связь» власти и общества. Это были съезды Советов. 2–4 мая проходил съезд Советов крестьянских депутатов, на который прибыло 1353 депутата. 3–24 июня работал Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, на котором присутствовали 1080 депутатов от 336 Советов и 23 воинских единиц. Несмотря на то, что оба съезда не представляли всего населения, они опирались на большинство политически активных граждан России. То же самое часто можно сказать и о демократически избранном парламенте. Это естественно наводило на мысль о возможности превращения съезда во временный революционный парламент, который мог выполнять функции законодательного и контрольного органа вплоть до созыва Учредительного собрания. Такая модель власти позволила бы начать социальные реформы, которые ожидали массы, восстановить обратную связь между правительственной верхушкой и всколыхнувшимся в результате революции населением. Таким образом, в систему власти удалось бы интегрировать более широкие слои населения, в том числе и радикальные массы, которые шли за анархистами и большевиками. Впервые еще на крестьянском съезде Советов встал вопрос о возможности создания правительства, ответственного перед ним, но «трудовая демократия» не решилась на это¹⁰⁷.

На I съезде рабочих и солдатских депутатов Ленин заявил о готовности большевиков взять власть, выкрикнув с места «Есть такая партия!» в ответ на заявление Церетели, что в нынешней России нет партии, которая была бы готова взять власть вместо существующей коалиции. Правда, Ленин разъяснял: «Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу»¹⁰⁸. То есть слова «Есть такая партия!» были заявкой на идейное лидерство в советской системе, а не на обязательную однопартийность, принадлежность к большевистской партии тех, кто будет проводить программу советской власти.

Выступавший после Ленина Керенский подверг резкой критике предложения Ильича о репрессиях против буржуазии: «Такой человек не может называться социалистом, потому что социализм никогда не предлагал переносить вопросы экономической борьбы, вопросы борьбы классов и их экономические отношения в плоскость, где пользуются рецептами первыбытных правителей, азиатских деспотов – арестовывать людей»¹⁰⁹.

¹⁰⁷ Лавров В. М. Указ. соч. С. 43.

¹⁰⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 32. С. 267.

¹⁰⁹ Цит. по: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 179.

Большевики имели на съезде 105 депутатов против 285 эсеров и 248 меньшевиков. Ленин на съезде искал контакт с Черновым как наиболее вероятным и сильным партнером просоветского курса. По воспоминаниям депутата Петросовета эсера П. В. Бухарцева, Ленин «спрашивал о взаимоотношениях Виктора Михайловича Чернова с левым крылом и, дело прошлое, буквально выпытывал, имел ли Чернов к организации левого крыла с.-р. какое либо отношение. «Хитрый мужиченко Чернов... Со всеми заигрывает, и никогда не знаешь, с кем он будет», – смеялся Ильич». Ленин добавил: «На этом съезде делать нечего, и большевикам можно было бы уйти... Да хочется переговорить с Черновым, авось друг от друга чему-нибудь научимся»¹¹⁰.

Выступая на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, Чернов назвал идею создания власти на основе системы Советов «цензом навыворот»¹¹¹, поскольку в Советах состоит не все трудовое население страны. Из этого могло следовать два вывода: либо нужно стремиться распространить советскую систему на всех трудящихся, включая в нее существующие структуры их самоорганизации; либо создавать какую-то более широкую систему, где Советы будут только одним из элементов. Чернов и большинство социалистов пошли по второму пути.

Позднее Чернов высказывал такие сомнения: «Советы имеют свою сильную и слабую сторону. Сильная их сторона заключается в политическом руководстве, в мобилизации революционных сил для действий... Деловая же сторона Советов на местах слаба»¹¹². Нужно объединять Советы, органы самоуправления, кооперативы и т.д. В этом «и т.д.» была опасная неясность. Убедившись в недопустимости союза с кадетами, Чернов все же хотел бы, чтобы правительство не было чисто социалистическим, ибо тогда пришлось бы приступить к социалистическим преобразованиям. Иначе народ спросит: где же ваш социализм? Радикальные преобразования расколют массы на сторонников и противников социалистических мер. А ведь в стране шла предвыборная кампания, и самой популярной партии важно было не отпугнуть избирателей.

Не удивительно, что против усиления Советов категорически выступали кадеты – «цензовые» (то есть обладавшие имущественным цензом) слои в Советах не были представлены, а возможность самостоятельного, «сильного» (то есть в ситуации 1917 г. авторитарного) правительства, за которое выступали либералы, стала бы совсем призрачной.

¹¹⁰ Цит. по: *Логинов В. Т.* Указ. соч. С. 169–170.

¹¹¹ *Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы.* Т. 3. Ч. 1. С. 642.

¹¹² Там же. С. 755.

Но перспектива потерять союз с «цензовыми элементами» пугала и умеренных социалистов, причем не только сторонников Керенского. Если социалисты возьмут власть одни, ее база станет более узкой, социалисты будут отвечать за все, что происходит в стране. В итоге на выборах может победить реакция. А так можно делить ответственность между всеми фаворитами предвыборной гонки и к тому же сохранять лояльность бизнеса.

Угроза большевизма также заставляла лидеров социалистических партий отказываться от идеи правительства без либералов. Возражая Чернову, который пришел к выводу о необходимости разрыва с кадетами, член ЦК ПСР Гоц говорил: «Слева большевики травят десять «министров-капиталистов», требуют, чтобы мы от них «очистились», то есть остались без союзников и скатились им прямо в пасть»¹¹³.

Аргументы центристов пока убеждали большинство социалистов. А время уходило.

Но все больше социалистических лидеров понимало: социально-экономическая ситуация ухудшается так быстро, что настало время начинать глубокие преобразования.

Став министром земледелия, Чернов не стал дожидаться Учредительного собрания и анонсировал аграрные реформы, добившись принятия постановления земельного комитета от 20 мая: «В соответствии с новыми потребностями нашей экономики, с пожеланиями большинства крестьян и программами всех демократических партий страны основным принципом предстоящей земельной реформы должна стать передача всей обрабатываемой земли тем, кто ее обрабатывает»¹¹⁴. Передача, а не продажа за выкуп. Однако попытки Чернова провести хотя бы скромные земельные преобразования в духе требований съезда крестьянских Советов встретили сильное сопротивление в правительстве и администрации. Чернов планировал приостановку «земельных сделок, посредством которых у народной власти может утечь между пальцев тот земельный фонд, за счет которого может быть увеличено трудовое землепользование, и переход частной земли на учет земельных комитетов, призванных на местах участвовать в создании нового земельного режима»¹¹⁵. 29 июня Чернов внес в правительство проект закона о запрещении земельных сделок и передачи арендуемых и необрабатываемых земельных владений в распоряжение земельных комитетов. Категорически против законопроекта выступили кадеты и премьер-министр князь Львов.

¹¹³ Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 326.

¹¹⁴ Цит. по: Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 156–157.

¹¹⁵ Чернов В. М. Указ. соч. С. 321.

Характерно, что кадетская программа также предусматривала, что земли сельскохозяйственного пользования должны принадлежать трудовому крестьянскому населению по трудовой норме и с запретом сдавать их в аренду. Однако предусматривались возможности для отдельных культурных хозяйств превышать эту норму, если хозяева обрабатывают землю «своим инвентарем» (то есть имелись в виду хозяйства, нанимающие работников). Программа предусматривала устранение недостатков столыпинской реформы – устранение мер насильственной ликвидации общины, ущемлений интересов общинников при выделении крестьян из общины. Принципиальным отличием программы кадетов от идей социалистических партий была задуманная ими новая выкупная операция – бывшие владельцы должны были получить выкупные свидетельства, по которым затем им полагались выплаты с процентами за счет государства и специального земельного налога¹¹⁶. «Священное право» частной собственности не должно было пострадать ни в коем случае. При этом имущественная элита должна была получить возможность подготовиться к грядущей реформе по-кадетски – желающие сохранить землю могли поделить ее на участки покомпактнее. Этому как раз и мешали меры Чернова.

Поэтому проект Чернова похоронили в комиссиях. Но, застопорив по этой причине любое решение земельных отношений, кадеты и центристы лишь раззадорили крестьян, и те двинулись громить и старые помещичьи гнезда, и новые показательные сельхозпредприятия. Эта ситуация склонила Чернова к необходимости «развода» с кадетами в интересах конструктивных реформ.

Чернов пытался обойти бюрократические тромбы Временного правительства, разослав инструкцию земельным комитетам, в соответствии с которой они могли устанавливать контроль над земельными сделками. Кадеты обвиняли Чернова в самоуправстве, но крестьяне принялись осуществлять еще не принятый черновский закон.

Только после июльского социально-политического кризиса, когда кадеты на время покинули правительство и Керенский стал премьером, земельный закон все же 9 июля был принят с поправкой – земельные сделки разрешались, но требовали согласия губернского земельного комитета с утверждением министра земледелия¹¹⁷. С такими оговорками закон фактически блокировал земельные махинации. 12 июля Временное правительство разъяснило, что совершенные после 1 марта сделки не будут учитываться при проведении реформ, одобренных

¹¹⁶ Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 531–537, 654–657.

¹¹⁷ Лавров В. М. Указ. соч. С. 118.

Учредительным собранием. Но это был предел вторжения в отношения собственности, на которое пошло коалиционное правительство в аграрной сфере¹¹⁸.

Добившись блокировки земельных сделок, Чернов 20 июля обозначил свои пределы компромисса с земельными собственниками, на который готов был пойти: «Передача земли трудовому народу без выкупа отнюдь не тождественна с отобранием её от земельных собственников без всякого вознаграждения, но вознаграждение это должно лечь на казну, и оно должно пропорционально уменьшаться в зависимости от увеличения размера отчуждаемой земельной собственности»¹¹⁹. То есть Чернов готов был в Учредительном собрании согласиться на компенсацию за счет государства изъятия земли у владельцев средних по размерам владений, ущемляя прежде всего собственников больших латифундий.

Дальнейший сдвиг влево означал бы создание однородной демократической (то есть левой, преимущественно социалистической) коалиции, в которой центристская группа Керенского – Некрасова теряла бы господствующие позиции. В партиях эсеров и меньшевиков обострилась борьба между сторонниками «постмасонского» центристского, социал-либерального курса и теми, кто осознал необходимость более глубоких социальных преобразований, проводимых с помощью массовых демократических организаций, включая Советы.

Политика сдерживания преобразований кандалами повисла на Российской революции. Кризис нарастал. С одной стороны – попавшие в тяжелое положение рабочие и мечтавшие о мире солдаты во главе с большевиками и анархистами. С другой стороны – офицерство и ценовые слои во главе с генералом Корниловым.

Керенскому и его единомышленникам все сложнее становилось балансировать между давящими друг на друга социально-политическими пластами. В этой борьбе старые масонские связи уже не могли помочь, и приходилось рассчитывать на искусство политического маневрирования и манипулирования.

Считалось, что представители социалистических партий и так представляют во власти «демократию». Но массы на улицах могли

¹¹⁸ Впрочем, и эти скромные мероприятия Чернова саботировались структурами правительства. Так, Министерство юстиции направило команду прокурорам пресекать «самоуправство» земельных комитетов, выполняющих указания Министерства земледелия (*Демьянов А.* Указ. соч. С. 104).

¹¹⁹ Цит. по: Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 426.

признать министров своими, лишь если те начнут действовать в интересах трудящихся классов.

Перед меньшевиками встала сложная задача – как совместить их участие в правительстве с прежними теоретическими догматами. Войти в правительство вместе с буржуазией и даже с крестьянством – многократно осужденный мильеранизм. Но еще страшнее – брать власть самим. В большинстве своем меньшевики продолжали считать, что захватить власть у буржуазии, воспользовавшись «минутным» соотношением сил, – значит вызвать катастрофу, срыв продвижения к социализму. Рабочее правительство будет легко разгромлено, и восторжествует реакция.

Выступая накануне майской конференции РСДРП и вхождения социалистов в правительство, П. Б. Аксельрод утверждал: «Вредно требовать низложения буржуазного правительства, так как пролетариат при данных условиях не может справиться с задачей управления страной... Тактика, повелительно диктуемая пролетариату условиями момента, должна основываться на поддержке Временного правительства и одновременном широком участии представителей пролетариата во всех отраслях общественной и государственной деятельности... Эта работа может носить оппозиционный характер, но, повторяю это и особо подчеркиваю, лишь в пределах, определяемых буржуазным характером революции»¹²⁰.

Но одно дело – признавать буржуазные задачи революции, а другое дело – вступать в союз с «буржуазией». Влиятельные меньшевики некоторое время отрицали союз даже с крестьянством. Они воспринимали крестьянство как мелкую буржуазию, объективно враждебную «пролетарскому» социализму и тяготеющую к собственно буржуазии – гегемону нынешней революции. Об этом недвусмысленно говорил Ю. О. Мартов, не связанный союзническими обязательствами с крестьянской партией эсеров. Но и он признавал, что именно они станут лидировать в буржуазной революции после того, как революционный потенциал цензовых элементов окажется исчерпанным¹²¹.

Несмотря на все эти соображения, меньшевики вошли в правительство вместе с кадетами и эсерами. Вхождение в правительство «национального единства» уже опробовали авторитетные западноевропейские коллеги – особенно во время войны. Союз всех конструктивных политических сил казался необходимым ради обороны от внешнего врага. Инициативу в вопросе о вхождении в правительство проявила группа грузинских меньшевиков. Они не были связаны теоретиче-

¹²⁰ Меньшевики в 1917 г. Т. 1. М., 1994. С. 253.

¹²¹ Там же. Т. 2. М., 1995. С. 343–348.

скими построениями, характерными для Мартова и Плеханова, зато в родной Грузии влияние меньшевиков было настолько велико, что они готовились там взять всю полноту власти. Мартову не удалось переломить ситуацию в партии, тем более, что он приехал слишком поздно.

Во власть пошли не теоретики, а прагматики меньшевизма. Одним из них был Матвей Иванович Скобелев. Министерство труда во главе с ним противостояло деятельности фабрично-заводских комитетов. 23–28 августа, на излете своего министерствования Скобелев запретил работу ФЗК в рабочее время и лишил их права контроля над приемом и увольнением рабочих. Он считал, что при разрешении трудовых конфликтов последнее слово должно принадлежать «власти, представительнице целого»¹²². Такой разрыв с марксизмом в условиях 1917 г. поставил социал-демократов в крайне уязвимую позицию. В условиях острых социальных конфликтов любое решение министерства Скобелева вызывало критику справа и слева, падение авторитета как правительства, так и меньшевизма.

Ни в Грузии, ни в России социал-демократы не собирались строить социализм. Но актуальные экономические взгляды меньшевиков исходили из преобладающего среди социал-демократов этатизма.

Задачи социального государства и государственного регулирования оказались той переходной задачей, решением которой социалисты могли заняться, не претендуя на то, что они создают социализм.

Эти задачи соответствовали и мерам государственного регулирования, которые осуществлялись во время Первой мировой войны в ряде стран. Министр-меньшевик Церетели провозглашал: «Если государственная власть в единении с демократией не примет решительных мер к организации производства, кризис неизбежен»¹²³. Министр-эсер Чернов утверждал, что Министерство продовольствия разрастется в Министерство снабжения.

После вхождения социалистов в правительство казалось, что реформы начнутся вот-вот.

Еще в начале апреля Совещание Советов приняло подготовленную В. Г. Громаном и другими социал-демократами резолюцию, которая требовала от правительства «планомерно регулировать всю хозяйственную жизнь страны, организовав все производство, обмен, передвижение и потребление под непосредственным контролем государства», ограничить сверхприбыли капиталистов и за этот счет обеспечить работникам достойные условия существования¹²⁴.

¹²² Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 58.

¹²³ Там же. С. 57.

¹²⁴ Всероссийское совещание советов. С. 305–306.

К середине мая экономический отдел исполкома Петросовета, который возглавил ведущий экономист меньшевиков Громан, подготовил предложения по реформированию экономики. 16 мая они были одобрены Исполкомом Петросовета, то есть лидерами умеренных социалистов. Резолюция требовала «непреклонной решительности в деле сознательного государственного вмешательства в народнохозяйственные и социальные отношения». Иначе – катастрофа. Меньшевики отождествляли регулирование экономики с этатизмом (недаром в 1920-е гг. Громан станет одним из авторов советского плана первой пятилетки). Руководство хозяйством должно быть сосредоточено в руках Комитета снабжения, поглотившего все ведомства, ныне отвечающие за снабжение армии и населения. Этот бюрократический гигант станет руководить хозяйством. Будет введена государственная монополия не только на хлеб, но и на другие продукты широкого потребления (мясо, соль, кожа); добыча угля и нефти, производство металла, сахара и бумаги перейдут в руки государственных трестов. Цены будут зафиксированы, банки поставлены под контроль государства, трудовые ресурсы распределяются Министерством труда¹²⁵.

Авторам этого проекта казалось, что сосредоточение всей власти в руках такого бюрократического суперведомства покончит с ведомственностью и хаосом распределения. Опыт развития советской экономики показывает, что эти надежды были наивны. Но проект Петросовета имел принципиальное отличие от практики СССР – **государственное управление предполагалось воздвигнуть на демократическом базисе**. В центре и на местах планировалось создать Экономические советы из представителей общественных организаций, которые будут обсуждать и выработать планы, реализуемые структурами управления и регулирования хозяйства. Экономический совет станет «экономическим мозгом» страны¹²⁶. Неизвестно, насколько такие экономические «парламенты» могли бы поставить под контроль хозяйственную бюрократию. В XX в. попытки демократического регулирования экономики давали разные результаты. Но опыт XX столетия свидетельствует также и о том, что в условиях распада капиталистического рынка (а в России 1917 г. происходило именно это) без решительного государственного регулирования не обойтись. Несмотря на все издержки бюрократической экономики, просто бездействие и надежды на рыночную стихию – более разрушительны.

По мнению Громана, высказанному на заседании рабочей секции I съезда Советов, «настала последняя минута, когда государство долж-

¹²⁵ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 3. С. 89–92.

¹²⁶ Там же. С. 93.

но, наконец, поставить и немедленно приступить к осуществлению грандиозной задачи организации народного хозяйства. От анархического производства необходимо перейти к организованному производству по заданиям государства, с тем, чтобы была использована максимальная производительность национального труда»¹²⁷. В условиях быстрой социальной самоорганизации этот бюрократический идеал дополнялся поддержкой «органов революционного самоуправления народа».

Предложения Петросовета от 16 мая были проигнорированы правительством. Министры-социалисты не стали настаивать и этим фактически обесценили свое вхождение в правительство с точки зрения интересов социалистического движения. Умеренные социалисты углубляли и расширяли свои предложения и на I съезде Советов рабочих и солдатских депутатов, и на Государственном совещании, а правительство продолжало стоять на страже частной собственности, что погружало страну в экономический хаос.

Министр продовольствия Пешехонов пытался взять товарные потоки в руки своей организации. 1 июля ввели государственную монополию на мануфактуру – ткани должны были распределяться чиновниками. Но где взять столько чиновников, чтобы они могли всем этим заниматься? Вера в эффективность государственного распределения заслоняла от большинства социалистов того времени сложности, связанные с бюрократическим управлением сложнейшими экономическими процессами. У Ленина был ответ на это – привлечь к этим гигантским задачам миллионы простых людей – от рабочего до кухарки. Но умеренные социалисты не верили, что у них это выйдет лучше, чем у государственных и общественных деятелей с высшим образованием. Но и у деятелей, которых было несколько десятков тысяч на всю Россию, это получалось неважно. Приходилось привлекать аппарат торговых организаций – тех же «спекулянтов» – и уговаривать их сдерживать цены и не прижимать товар. Но как было уговорить крестьян сдать хлеб за обесценивающиеся деньги? Чем дальше, тем хуже помогали патриотические призывы – крестьяне не видели пользы от новой власти, а промышленность не предоставляла им достаточное количество продукции по приемлемым ценам. Чтобы получить продовольствие для городов, нужно было увеличить производство потребительской продукции и понизить его себестоимость.

Идея государственного регулирования промышленности потонула в обсуждениях и согласованиях. Когда Скобелев на заседании Петросовета призвал реквизировать сверхприбыли, обложив буржуазию

¹²⁷ Цит. по: Злоказов Г. И. *Меньшевикско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997. С. 174.*

прогрессивным налогом, анархист Н. Солнцев при одобрительном смехе зала возразил: «Скобелев заговорил языком ленинцев. Он требует реквизиций, но все это делается под влиянием момента и дальше фраз не идет. Вы хотите реквизировать прибыли буржуазии, и вам здесь аплодируют, но вас в правительстве 5 из 16, и я хотел бы присутствовать на голосовании не здесь, а там, в Министерстве»¹²⁸. Решительные предложения социалистов были несовместимы с форматом коалиции. Министры-социалисты понимали, что бездействие означает катастрофу, – и бездействовали. Катастрофа явилась осенью – что же винить в этом одних большевиков.

Эсеры не были скованы марксистской социологической схемой и стремились начать движение к социализму здесь и сейчас. Как позднее писал Чернов, «революция во имя гегемонии капитализма над всеми областями народного хозяйства в России невозможна»¹²⁹. Но из-за отсутствия у трудящихся достаточных навыков самоорганизации путь к социализму будет длительным, и в России начать его следовало с революционно-демократических преобразований и прежде всего – с аграрной реформы. Именно на ней и сосредоточились эсеры в рамках разделения труда с меньшевиками.

Но полностью отстраниться от городских проблем было невозможно. Д. Фирсов, выступавший на III съезде ПСР (25 мая – 4 июня) с докладом о рабочем движении, говорил: «Неизбежен в дальнейшем такой процесс, когда нынешние совещания и комитеты будут преобразованы в органы снабжения населения предметами первой необходимости, а заводские комитеты станут неразрывной частью органов снабжения»¹³⁰. Значит, и Советы должны стать структурами экономической власти: «Самым ходом вещей» Советы «стали высшим органом управления хозяйственной жизнью»¹³¹. Здесь желаемое выдается за действительное – большинство предприятий находилось в частной или казенной собственности, советы и фабзавкомы могли воздействовать на управление, но еще не взяли его в свои руки.

Но как раз эсеры и меньшевики препятствовали переходу предприятий в руки коллективов и Советов, хотя в рядах ПСР довольно рано проявилось стремление к такой перспективе. Эсеры, как и меньшеви-

¹²⁸ Там же. С. 71.

¹²⁹ Цит. по: Коновалова О. В. Указ. соч. С. 106.

¹³⁰ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 405.

¹³¹ Там же. С. 407.

ки, не настаивали на мерах государственного регулирования, за которые высказывались их вожди. Левое крыло эсеров все более настойчиво требовало действий, товарищи по партии отвечали: не сейчас, позднее.

Медлительность дрейфа ПСР влево привела к выделению в ее составе группы лидеров (М. А. Спиридонова, В. А. Карелин, М. А. Натансон, А. Л. Колегаев и др.) и организаций (Петроградская, Казанская и др.), которые считали невозможным затягивать выполнение основных требований эсеровской программы. Важнейшей темой разногласий была и борьба за мир. Уже на II Петроградской конференции ПСР 3–5 апреля 1917 г. левый эсер Б. Д. Камков обрушился на доклад одного из лидеров оборонцев Гоца, назвав его позицию «социал-патриотической с интернациональным антуражем». Несмотря на остроту полемики левые пошли на уступки в согласительной комиссии и предложили компромиссную формулу: «долгом русской демократии является напряжение всех сил для защиты освобожденной страны и отстаивание всех политических и социальных завоеваний русской революции от всяких посягательств как изнутри, так и извне». Но правое крыло партии не оценило уступчивости левых, Керенский обвинил их в половинчатости (то есть как раз в поддержке компромисса), призвал партию защищать освобожденную страну «с открытым забралом», а не проповедовать просто «стояние на фронте». То есть Керенский уже тогда был склонен к наступательному «оборончеству». В результате партконференция поддержала оборонческую резолюцию Гоца, а левые отступили, заявив, что не собираются вносить раскол в партию¹³². Левые эсеры пока стремились к внутрипартийному компромиссу, тем более, что их взгляды стратегически были близки к вернувшемуся в Россию 8 апреля лидеру партии Чернову. Левое крыло не выходило из партии, рассчитывая перетянуть на свою сторону всю ПСР. Однако 22 апреля Чернов поддержал «Письмо 36-ти», подписанное вернувшимися из эмиграции и другими старыми авторитетными деятелями партии, которые не просто выступили с оборонческих позиций, но и активно поддержали Временное правительство, правда с оговоркой: «до тех пор, пока оно честно служит народному делу в полном единении с организованной демократией». Более того, ветераны партии признали «участие в его составе представителей социалистических партий не только желательным, но и необходимым»¹³³. Но они не собирались брать власть ради немедленного развертывания социальных преобразований. Они

¹³² Подробнее см. *Смирнова А. А.* Указ. соч. С. 94–97.

¹³³ Там же. С.100.

были готовы укрепить власть либералов. Только левые эсеры выступали за создание правительства социалистов. На III съезде они дали бой общедемократической, по сути либеральной политике Керенского, и ему не хватило трех голосов для прохождения в ЦК.

Лидеры революционно-демократических партий всю жизнь боролись за социальные преобразования. Эсеры считали, что момент их прихода к власти будет стартовой точкой радикальной аграрной реформы с последующим движением к социализму. И вот теперь, оказавшись у власти, они воздерживались от проведения преобразований до созыва Учредительного собрания. Что останавливало большинство ЦК эсеров на пути преобразований? Ведь они не были скованы меньшевистскими догмами. Этот парадокс, во многом предопределивший поражение эсеров и меньшевиков, определялся обстоятельствами «места и времени»: «Если войну необходимо продолжать, то для этого необходимо было единение всех «живых сил страны», как тогда говорили, а такой «живой силой» считалась тогда и буржуазия, – воспроизводил логику лидеров Партии эсеров член ее ЦК Н. Я. Быховский. – Отсюда необходимость хотя бы временного соглашения с буржуазией, во имя интересов войны, защиты отечества... Для продолжения войны необходимы были займы союзников, а при полном устранении от власти «цензовых элементов» союзники не доверили бы нам своих средств. Далее, интересы внешней войны требовали недопущения гражданской войны внутри страны, а немедленный захват земли мог вызвать такую войну, ослабить фронт и боеспособность армии, командный состав которой состоял в огромной части своей из представителей буржуазного класса»¹³⁴.

Война, которая создала предпосылки для столь радикальной политической революции, теперь тормозила социальную революцию. Но затягивание преобразований и ухудшение положения населения грозили сделать продолжение революции куда более разрушительным, чем ее начальная стадия.

Казалось, время работает на социалистов. Вскоре кончится война. Через несколько месяцев будет создано Учредительное собрание, которое позволит определить направление преобразований, соответствующее настроениям большинства граждан. И тогда нынешние препятствия станут основой необратимости социальных реформ. Даже война создает предпосылки для социализма – в этом Чернов согласен с Лениным. На третьем съезде ПСР он задавал риторический вопрос о судьбе государственного регулирования по окончании войны: «разве те организующие элементы, которые введены в жизнь? Разве они

¹³⁴ Быховский Н. Я. Всероссийский Совет крестьянских депутатов в 1917 г. М., 1929. С. 47–48.

должны исчезнуть?»¹³⁵ Чернов уверен, что «война есть рубеж, война есть перелом, с которого развитие начал коллективизации во всех странах пойдет и должно будет пойти ускоренным темпом»¹³⁶. Однако просто сохранение военной системы регулирования недостаточно: «...созданное войной обобществление должно остаться на началах демократизации» и социального права¹³⁷.

Социалисты-революционеры на съезде крестьянских Советов выступали за введение твердых цен на товары массового потребления, включая хлеб¹³⁸. Ради преодоления социального кризиса крестьянство и его лидеры были готовы идти на эти временные меры, в том числе уступки бедствующему рабочему классу. Но, в отличие от большевиков, социалисты не считали эти ограничительные меры переходом к социализму.

Чернов видел необходимость проведения социальных преобразований как можно скорее, но был уверен, что их может провести только широкий фронт «демократии» – эсеры, меньшевики, демократические партии и организации, которые не преследуют социалистических целей, но готовы (в отличие от кадетов и октябристов) поддерживать радикальную демократизацию.

Однако такое возрождение политической конфигурации Парижской коммуны было в условиях 1917 г. маловероятно. Партии эсеров и меньшевиков имели в своем составе правые крылья, которые тяготели к союзу с кадетами и выступали категорически против революционных преобразований, а искомые Черновым демократы были маловлиятельны – справа от эсеров начиналась «сфера влияния» кадетов, взгляд которых на демократию принципиально отличался от социалистического – они настаивали на ликвидации Советов и связанной с ними низовой самоорганизации. Убеждая союзников справа в необходимости активизировать реформы, Чернов и другие эсеры-центристы просто теряли время.

В условиях социально-экономического кризиса и роста радикальных настроений время работало против умеренных социалистов. В ряде регионов крестьяне стали захватывать помещичьи земли, происходили столкновения с войсками Временного правительства, что компрометировало эсеров в глазах крестьян.

Либерально-социалистическая коалиция становилась несовместимой с реформами и вела февральский режим к катастрофе.

¹³⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 317.

¹³⁶ Там же. С. 318.

¹³⁷ Там же. С. 329.

¹³⁸ Лавров В. М. Указ. соч. С. 52–53.

Таким образом, перед страной встала дилемма – **сохранение либерально-социалистической коалиции до Учредительного собрания или создание однородного (без кадетов) правительства «демократии» из всех советских партий, ответственного перед Съездом советов или его органами.**

Первый путь был связан с именем Керенского. Он первым из лидеров социалистических партий вошел в правительство, а после июльского кризиса возглавил коалиционный кабинет. Он настойчиво отстаивал коалицию с либералами и ставил перед революцией прежде всего политико-правовые, а не социальные задачи. Второй путь отстаивался группой политиков от лидера эсеров Чернова до лидера правых большевиков Каменева. В этой альтернативе были свои различия. Чернов выступал за создание правительства с явным преобладанием социалистов, которое проводит решительные демократические преобразования (в том числе – социальные), принимает меры к скорейшему заключению мира и опирается на «предпарламент», в котором представлены Советы, массовые социальные организации (профсоюзы, кооператоры) и новые, избранные всем населением земства. Левый фланг, представленный левыми эсерами, меньшевиками-межрайонцами и правыми большевиками, выступал за однородное социалистическое правительство (вообще без демократов-несоциалистов), ответственное перед съездом Советов.

Идея однородного социалистического правительства была прямо высказана левым крылом ПСР 4 июня на заседании эсеровской фракции I съезда Советов. Но когда левые предложили обсудить возможность «взять власть в руки социалистов»¹³⁹, им ответили, что демократия для этого еще слаба, правительство не сможет вывести страну из кризиса, и трудящиеся будут недовольны эсерами, если они возьмут на себя большую долю ответственности. Партийное единство сковывало сторонников левой коалиции в ПСР, и оно же блокировало усилия правых большевиков, поскольку их товарищи по партии скептически относились к идее союза с «соглашателями».

Современный автор И. Х. Урилов считает, что проводниками тоталитарной перспективы в России 1917 г. были Ленин и Корнилов, а демократическое развитие могло идти двумя путями, которые он связывает с именами Керенского и Мартова¹⁴⁰. Это все же преувеличивает роль Мартова в событиях 1917-го. Демократизм

¹³⁹ Там же. С. 647.

¹⁴⁰ Урилов И. Х. Мартов. Политик и историк. М., 1997. С. 271.

Мартова не был последователен, иногда он выступал с весьма авторитарными заявлениями: «Нет других средств для спасения революции, как диктатура революции»¹⁴¹, – утверждал он после победы над Корниловым. Только в июле Мартов стал признавать возможность «переступить через либеральную буржуазию в целом» при создании власти¹⁴². В этом отношении он шел вслед за левыми эсерами. Одновременно и Чернов, вступивший в острый конфликт с кадетами, пришел к выводу, что правительство должно создаваться без них. При всем уважении к Мартову, его влияние в этот период было значительно меньшим, чем у Чернова, Каменева и других лидеров, выступавших против Керенского слева, но не разделявших конфронтационной позиции Ленина.

Сторонники левого правительства, принадлежавшие к разным флангам, не сумели согласовать свои планы (здесь сыграл огромную роль субъективный фактор – нерешительность одних политиков, маловлиятельность других, взаимное, часто чисто личное недоверие и неприязнь друг к другу у третьих). Чернов не пошел на сближение с левыми эсерами и вообще в решающие моменты проявлял колебания, Мартов стремился к сохранению своего влияния в партии меньшевиков, а межрайонцы видели, что их взгляды ближе большевикам. Каменев и Зиновьев, временами добиваясь преобладания в большевистском ЦК, не могли противостоять волевому напору Ленина и радикальным настроениям петроградского актива. В итоге левосоциалистическая альтернатива оказалась «расташена» между фракциями разных партий. Связующая нить левого лагеря лопнула, и его края стремительно стали сползать к авторитаризму и вооруженной конфронтации.

При прочих равных условиях политика Ленина вела в сторону тоталитарного режима – это диктовалось его приверженностью Марксовой модели коммунистического общества с ее экономическим плановым централизмом. Но это – при прочих равных, если власть будет концентрироваться только в руках последовательных радикальных марксистов. Между тем в начале июля и начале сентября 1917 г. Ленин еще мог быть вовлечен в левосоциалистическое правительство, что неизбежно повлияло бы на позицию партии большевиков. Ответственность правящей партии делает ее несколько правее, умереннее. И оба раза умеренные социалисты отказались от шанса договориться.

¹⁴¹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 4. С. 253.

¹⁴² Политические деятели России. 1917. С. 206.

Июльский кризис

Неустойчивость власти в условиях острого социального кризиса приводила к тому, что каждый политический сбой немедленно оборачивался мощными социально-политическими движениями и серьезными столкновениями. Социальный кризис нарастал по сценарию 1848 г. во Франции.

Ситуация усложнялась тем, что большевики не были монополистами на левом фланге политического сектора, где нарастала радикальная политически активная масса. Здесь конкуренцию большевикам составляли анархисты. Терминология анархо-коммунистического лидера Н. Солнцева (И. Блейхмана) вполне соответствовала большевистской (за исключением слова «анархия», вместо которого последователи Маркса употребляли термины «коммунизм» и «социализм»): «разрушение капиталистического строя со всеми его устоями, орудиями угнетения и эксплуатации есть единственное средство, которое принесет мир всем народам», необходим захват «всех орудий производства... в общее пользование» и свержение «общественного паразитизма»¹⁴³. Впрочем, если бы мысли об обобществлении были изложены более спокойным тоном, под ними подписались бы и умеренные социалисты. В условиях конкуренции с анархистами за влияние на возбужденные массы, большевики должны были выступать с радикальными инициативами.

17 мая Кронштадтский совет заявил о переходе всей власти в городе к Совету. 24 мая отношения между Кронштадтским советом и Временным правительством были урегулированы на основаниях автономии острова. 27 мая Совет разъяснил, что Кронштадт не вышел из состава России, признает Временное правительство, пока его поддерживают Советы. Просто «наш Совет рабочих и солдатских депутатов взял в свои руки власть во всех местных кронштадтских делах»¹⁴⁴. Как писал Войтинский, Кронштадтский «Совет по составу был «не страшный»; на перевыборах, закончившихся всего за неделю до того, в него вошли: 93 эсера, 91 большевик, 46 меньшевиков и 70 беспартийных»¹⁴⁵. Возглавлял Совет беспартийный А. Ламанов, который не симпатизировал большевикам¹⁴⁶. Совет стремился к тому, чтобы избирать комиссара Временного правительства в Кронштадте¹⁴⁷. Среди беспартийных было немало анархистов, влияние которых в Кронштадте было выше, чем доля в Совете. Поскольку за переход власти к Совету было отдано

¹⁴³ Цит. по: Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 310.

¹⁴⁴ Листовки петроградских большевиков. 1917–1920. Т. 3. Л., 1957. С. 37.

¹⁴⁵ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 130.

¹⁴⁶ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 82.

¹⁴⁷ Там же. С. 84.

216 голосов против 40, получалось, что часть эсеров и меньшевиков поддержали это требование.

Аналогичным образом Советы брали в руки местную власть в Лысьве и других городках и рабочих поселках Урала, Донбасса, в Гуляйполе на востоке Украины¹⁴⁸.

Не только в Кронштадте, но и в других воинских частях Петроградского округа росла популярность требования передачи власти Советам.

На 10 июня большевики планировали вооруженную демонстрацию, чтобы надавить на Съезд советов и правительство. Демонстрация должна была быть направлена прежде всего против «министров капиталистов» (то есть кадетов и представителей буржуазии). Лидеры умеренных социалистов опасались, что демонстрация подвергнется нападению правых организаций (Союза георгиевских кавалеров, казаков и др.). Эти опасения не были лишены оснований – такие нападения действительно произошли во время демонстрации 3–4 июля. В накаленной обстановке провокация правых могла привести к восстанию левых. Держа в голове эту опасную перспективу, лидеры Съезда советов настояли на запрете демонстрации 10 июня и затем предложили большевикам принять участие в объединенной демонстрации всех левых сил 18 июня. Встал даже вопрос об исключении большевиков из Советов, если они решатся на проведение вооруженной демонстрации, чреватой кровавыми столкновениями.

Уступая требованию «согласителей», большевики теряли лицо. Но, проводя демонстрацию, перерастающую в вооруженное столкновение, они рисковали оказаться в глазах рабочих виновниками кровопролития, безрассудными авантюристами. Сила большевиков заключалась помимо прочего в организационной инфраструктуре, и рисковать ей Ленин был готов только при решающей схватке за власть, время которой, по его мнению, еще не пришло. В этот период он не исключал, что переход власти к Советам может произойти мирно¹⁴⁹. Более того, если большевики спровоцируют серьезные столкновения, на них наверняка попытаются свалить неизбежную неудачу предстоящего наступления. А вот после провала наступления, в котором большевики мало сомневались, их влияние наверняка вырастет. Так что нарастающие конфронтации в июне было невыгодно большевикам.

В последний момент ЦК большевиков отменил демонстрацию. Это вызвало разочарование наиболее радикальных противников Времен-

¹⁴⁸ См. например: *Шубин А. В.* Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013. С. 25–40.

¹⁴⁹ *Ленин В. И.* ПСС. Т. 32. С. 270.

ного правительства слева. Петроградский комитет и «военка» (военная организация большевиков) были разочарованы поведением ЦК. Некоторые рядовые большевики в гневе рвали партбилеты¹⁵⁰. В столице росло влияние анархистов.

Лидеры Съезда советов решили воспользоваться тем, что большевики дрогнули. Церетели с трибуны съезда обвинил большевиков в «заговоре для низвержения правительства и захвата власти», потребовав их разоружения. В. Т. Логинов обвиняет Церетели в том, что он «озвучил сплетню»¹⁵¹. Однако это была не просто сплетня. Радикальные большевики, такие как И. Т. Смилга и М. И. Лацис, всерьез обсуждали, что в случае вооруженных провокаций против демонстрации необходимо захватить вокзалы, телеграф, почту, банки и арсенал¹⁵². Однако точных доказательств этих намерений не было, ЦК большевиков повел себя вполне лояльно, несмотря на возмущение собственного партийного актива. Благодаря заступничеству таких левых социал-демократов как Мартов, санкций против большевиков не последовало.

Объединенная демонстрация всех советских сил 18 июня показала явное преобладание леворадикальных лозунгов «Вся власть советам!», «Долой 10 министров-капиталистов!», «Долой наступление!». У Ленина и его товарищей были основания считать, что время работает на большевиков. Однако в тот же день в связи с началом наступления произошла и демонстрация правых сил под лозунгом «Война до победы!», что говорило о поляризации общественно-активного населения.

Ситуация обострилась после начала наступления на фронте. Оно было не популярно – даже Чернов считал его лишь меньшим из двух зол¹⁵³. Чем бы ни закончилось это кровопролитие, было очевидно, что решающей победы не будет, а вот поражение более чем вероятно. По окончании сражения оппозиция получила бы новые шансы для атаки на Керенского, репутация которого как военного министра была напрямую связана с этим сражением.

Но события развивались не так, как планировал Ленин. Большую роль в этом сыграли анархисты. В июне возросло их влияние в войсках Петроградского гарнизона и в рабочем Выборгском районе. Конфликт правительства с анархистами сыграл летом 1917 г. роль катализато-

¹⁵⁰ Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992. С. 87.

¹⁵¹ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 185.

¹⁵² Там же. С. 182, 188.

¹⁵³ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 3. С. 342.

ра социального брожения. 5 июня анархисты попробовали захватить типографию правой газеты «Русская воля». Попытка была ликвидирована без жертв, но в ответ министр юстиции попытался выселить анархистов из их резиденции на даче Дурново, что вызвало забастовки на 28 заводах. Влияние анархистов среди рабочих Выборгской стороны было велико, дача служила здешним центром культурно-просветительской работы (правительственные чины пытались представить ее чем-то вроде притона, что совершенно не соответствовало действительности)¹⁵⁴. Конфликт растянулся на весь июнь и превратил анархистов в детонатор антиправительственных волнений. Радикальная агитация и акции анархистов могли превратить их в лидеров значительной части тех рабочих и солдат, которые прежде шли за большевиками.

Умеренные социалисты также использовали фактор анархизма для критики большевиков. На заседании рабочей секции Петросовета представитель эсеров Гамбаров говорил о большевиках: «разница между ними и анархистами та, что анархисты смелее в своих суждениях»¹⁵⁵. Если раньше большевиков критиковали за их радикализм, то теперь подорвать их авторитет среди радикальных масс можно было напоминанием о более радикальной силе.

18 июня анархисты снова испортили большевикам праздник, показав, что они радикальнее и решительнее. После общей демонстрации анархисты увлекли за собой часть колонны и освободили несколько заключенных, которых считали политическими. 19 июня власти все-таки захватили дом Дурново, причем один анархист погиб. Конфликт оказался в центре внимания политических сил и разбирался на Исполкоме Петросовета. Таким образом, анархисты оказались страдальцами за дело народное, а большевики после 10 июня выглядели оппортунистами.

Анархисты были популярны в 1-м пулеметном полку. Несколько подразделений полка отправили на фронт, что вызывало недовольство и подозрение в нарушении мартовских договоренностей Совета и правительства. Полк был наиболее радикальной столичной военной частью, за влияние на него с анархистами боролась большевистская «военка». Пулеметчики считали себя гарантом революции в столице и не желали отправляться на фронт, тем более что левые социалисты объяснили им: война ведется за интересы, чуждые трудящимся.

Пулеметчики были готовы выступить против Временного правительства. Эсеро-меньшевистский полковой комитет еле сдерживал

¹⁵⁴ См. *Суханов Н. Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 281.

¹⁵⁵ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 3. С. 40.

их. 2 июля ЦК РСДРП(б) категорически приказал «военке» сдерживать выступление пулеметчиков. Приказ этот «военка» выполняла без энтузиазма. 2 июля в полку произошел митинг-концерт в связи с проходами команд на фронт. Там выступали межрайонцы Троцкий и Луначарский. Они, хотя и не призывали к свержению правительства, но наэлектризовали солдат революционными призывами и антиправительственной критикой. Как вспоминал подпоручик А. Затыкин о выступлении Троцкого, «он говорил с сильным подъемом и возбуждением, это был какой-то резкий, горячий и страстный призыв... Он говорил, что военный министр Керенский нас обманывает так же, как обманывал Вильгельм своих солдат, что они несут свободу всей Европе на своих штыках... Его призыв так действовал на собравшихся, что его речь прерывалась криками «Долой Керенского, убить Керенского»...»¹⁵⁶.

Неожиданно, хотя и вполне закономерно, нарастание напряженности в столице и конкуренция анархистов с большевиками наложились на острый конфликт в правительстве по украинскому вопросу.

После начала Великой Российской революции в марте 1917 г. во многих регионах Российской империи развернулось мощное национальное движение. Составной частью революции были ее Финляндский, Кавказский, Среднеазиатский, Украинский и другие потоки. Финляндия, где националисты и социал-демократы добились восстановления широчайшей автономии, предоставила революционным силам тепличные условия для развития. Но этот регион давно воспринимался как «не Россия». Сложнее была ситуация в такой важной части страны, как Украина. Даже лидеры украинского национального движения видели Украину в составе будущего Российского государства как его автономную часть. Однако эту автономию они стали утверждать вскоре после падения самодержавия, не дожидаясь Учредительного собрания.

3 марта на собрании Товарищества украинских прогрессистов (поступовцев) была выдвинута идея создания украинского национального центра, который будет выступать от имени украинцев в отношениях с новой властью. 7 (20) марта поступовцы, кооператоры и социал-демократы провозгласили создание Центральной рады, председа-

¹⁵⁶ Следственное дело большевиков. Т. 1. М., 2012. С. 189–190.

лем которой был заочно избран пока не приехавший в Киев историк М. С. Грушевский.

По всей Украине возникали Советы и украинские общественные центры – комитеты и рады. Из подполья вышли партии: Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР), Украинская социал-демократическая партия (УСДП), Украинская народная партия, Украинская радикально-демократическая партия, большевики и др. Поступовцы 25 марта создали Партию социалистов-федералистов, стоявшую на умеренных социал-либеральных позициях.

На массовых митингах высказывалась идея национально-территориальной автономии Украины, которую поддержал и приехавший в Киев Грушевский. Он считал, что Россия должна стать федерацией регионов, в том числе национальных. В составе этой федерации центральная власть должна обладать широкими, но четко очерченными полномочиями: дела войны и мира, вооруженные силы, внешняя политика, денежная, таможенная политика, почта, телеграф, стандарты и др. Однако остальные вопросы должны решать демократически организованные местные власти – от местного самоуправления до украинского сейма. Правда, в противоречие с этим положением Грушевский писал и об украинской армии. Но главный его принцип сохранялся на протяжении революции: «Мы хотим, чтобы местную жизнь свою могли строить местные люди и ею распоряжаться без вмешательства центральной власти»¹⁵⁷. Но кого понимать под «местными людьми» – этнических украинцев или всех жителей региона? И каковы границы этого региона? Концепция не просто территориальной, но национально-территориальной автономии предполагала преимущества этнических украинцев, что ставило вопрос о равноправии жителей в будущей автономной Украине.

6 апреля по инициативе Центральной рады был созван Всеукраинский национальный конгресс, на который съехались около 900 представителей украинских национальных и социальных организаций с Украины и из России. 8 апреля конгресс выбрал новый состав Центральной рады из 118 членов во главе с председателем Грушевским и его заместителями В. К. Винниченко и С. А. Ефремовым. При этом Рада могла расширять свой состав за счет представителей партий, рабочих, военных и крестьянских организаций. Численность Рады достигла сначала 480 членов, а после включения в ее состав представителей национальных меньшинств, к августу – уже 639 членов. Между сессиями этой Большой рады действовал Комитет Центральной рады (с июля – Малая рада). Крупнейшей фракцией в Раде были

¹⁵⁷ Грушевский М. Хто такі українці і чого вони хочуть. Київ, 1991. С. 125–126, 132–133.

эсеры, но политически доминировали социал-демократы и социалисты-федералисты.

Национальное движение развернулось и в армии, что придало ему дополнительную силовую опору и радикальность, так как солдаты были возбуждены безысходностью и все более очевидной бессмысленностью мировой бойни. 5–8 мая прошел I всеукраинский войсковой съезд, 700 делегатов которого представляли до 900 тыс. солдат и офицеров. Съезд выступил за создание украинизированных частей и национально-территориальную автономию, избранный им Украинский военный генеральный комитет вошел в Центральную раду, обеспечив ее связь с войсками. Из оказавшихся в тылу солдат – украинцев, а затем и из украинцев на фронте создавались украинизированные части.

Однако идея национально-территориальной автономии не встретила понимания со стороны Временного правительства, что охладило отношения и без того шаткой центральной власти и Центральной рады. Особенно решительно против автономии выступали кадеты, приверженные идее единой и неделимой России. Эсеры были федералистами, но в своей политике шли на уступки кадетам, опасаясь за судьбу правительственного блока. Поэтому они относили решение всех крупнейших политических вопросов к прерогативе Учредительного собрания, выборы в которое надеялись выиграть. А пока правительство выступало против предоставления Украине специфического статуса. Центральная рада вышла из Исполкома СООО, влияние которого после этого стало быстро падать, так как и Совет рабочих и солдатских депутатов действовал практически самостоятельно.

Не добившись соглашения с Временным правительством, украинское национальное движение усилило давление на центральную власть, запланировав II Всеукраинский воинский съезд. Этот съезд был запрещен военным министром Керенским, но все равно собрался и 10 июня провозгласил принятый в тот же день Комитетом Центральной рады Универсал. В этом документе, который получил название Первого Универсала Центральной рады, говорилось: «Не отделяясь ото всей России, не разрывая с российским государством, пусть украинский народ на своей земле имеет право сам управлять своей жизнью. Пусть порядок и строй на Украине определит выбранное общим, равным, прямым и тайным голосованием Всенародное Украинское Собрание (Сейм)». Универсал требовал от каждого органа местной власти, который «стоит за интересы украинского народа», установить организационные сношения с Центральной радой. Прежде всего Универсал обращался к «членам нашей нации», но также выражал надежду, что «неукраинские народы, которые живут на нашей земле»,

примут участие в создании украинской автономии. Важным шагом стало решение ввести налог в пользу Украины¹⁵⁸. Универсал был торжественно провозглашен на Софийской площади Киева в присутствии делегатов войск. 15 июня был создан исполнительный орган Рады – Генеральный секретариат во главе с Винниченко.

Временное правительство не имело возможности пресечь «самоуправство» Центральной рады и вынуждено было договариваться. 29 июня четыре российских министра – Керенский, Некрасов, Церетели и Терещенко – прибыли в Киев на переговоры. Теперь они уже были согласны предоставить Украине автономию с последующим утверждением ее Учредительным собранием. Для этого планировалось подписать соглашение, после чего стороны публично декларировали бы единство своих действий. В Центральную раду должны были быть включены представители неукраинского населения, чтобы она представляла всех граждан Украины. Таким образом, в результате переговоров автономия приобретала территориальный, а не национально-территориальный характер, хотя и с национально-пропорциональным представительством (пропорции определялись в результате переговоров между лидерами Центральной рады и представителями «меньшинств» – Раду дополнили 202 действительных члена и 51 кандидат). При Временном правительстве должна была быть введена должность комиссара по украинским делам, оно, не поступившись своей законодательной властью, обещало согласовывать с Радой законодательство по Украине. С Керенским договорились о комплектовании украинских частей украинцами.

Генеральный секретариат был признан высшим органом управления региональными делами, назначаемым Временным правительством по согласованию с Центральной радой. Последней предлагалось разработать проект национально-территориальной автономии для утверждения правительством. В ответ 3 (16) июля Центральная рада приняла свой Второй универсал, где подтвердила, что «всегда стояла за то, чтобы не отделять Украину от России», и сообщила об уступках Временному правительству – об утверждении состава Генерального секретариата в Петрограде, о подготовке законодательства о национально-территориальной автономии для принятия всероссийским Учредительным собранием¹⁵⁹. Треть депутатов Рады выступили против этих уступок. После дополнения Рады представителями национальных меньшинств (около трети ее состава, 18 членов Малой рады), Генеральный секретариат также был реорганизован на многоэтнической основе, хотя украинцы сохранили в нем ведущие позиции.

¹⁵⁸ Українська Центральна рада. Документи і матеріали у двох томах. Т. I. Київ, 1996. С. 101–105.

¹⁵⁹ Там же. С. 163–165.

Когда вернувшиеся в Петроград министры 2 июля доложили коллегам об итогах переговоров с Радой, возмущенные кадеты вышли из правительства. Первое коалиционное правительство перестало существовать.

3 июля 1917 г. стало известно, что и правительство накануне распалось из-за выхода кадетов из кабинета в знак протеста против предоставления Временным правительством широкой автономии Украине. Правительство было парализовано, войска наэлектризованы. Для большевистского ЦК это обострение ситуации было внезапным. Ленин вообще гостил на даче у В. Д. Бонч-Бруевича.

3 июля собрался митинг солдат 1 пулеметного полка. Председателем собрания был избран солдат-большевик Я. Головин, который выступил против посылки солдат на фронт, так как наступление там начато против воли народа. Затем от имени Петроградской федерации анархистов выступил Солнцев, который призвал к вооруженной демонстрации, потому что мирные демонстрации не достигают цели. Солнцев считал, что власть нужно захватить помимо существующих Советов. Большевики выступали за власть Советов, и эта идея возобладавала. Звучали призывы к свержению Временного правительства. Как сказал солдат-большевик А. Жилин, «нас Временное правительство расформировать не может, а мы его можем»¹⁶⁰.

Было принято решение выступить в пять вечера¹⁶¹. Поскольку полковой комитет не поддержал выступление, был создан Временный революционный комитет во главе с большевиком прапорщиком А. Семашко, который прежде отказался отбыть на фронт. В ВРК вошли солдаты, члены большевистской военки и Солнцев. Семашко приказал вынести лозунг: «Вся власть Советам рабочих и солдатских депутатов»¹⁶². Были вынесены и другие, уже опробованные на прежних демонстрациях лозунги: «Долой 10 министров-капиталистов», «Долой буржуазию»¹⁶³.

В. И. Невский вспомнил, что члены «военки» поняли: «Сдерживать солдат от выступления мы не сможем»¹⁶⁴. Так что вопрос состоял только в том, кто будет лидером возбужденной солдатской массы. Перед солдатами-пулеметчиками, входившими в большевистскую «военку»,

¹⁶⁰ Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 269.

¹⁶¹ Там же. С. 265–266.

¹⁶² Там же. С. 267.

¹⁶³ Там же. С. 353.

¹⁶⁴ Невский В. И. Народные массы в Октябрьской революции // Работник просвещения. 1922. № 8. С. 21.

встал выбор – или отдать полк анархистам, или присоединиться к выступлению вопреки линии ЦК. Они выбрали второе.

По словам прапорщика С. Ананьина, некоторые солдаты и офицеры вынуждены были присоединиться к маршу под угрозой насилия со стороны разгоряченных радикалов. Но из 8000 солдат выступило около 1500 солдат, которые двигались «в полном порядке»¹⁶⁵.

Делегаты полка были направлены в другие части гарнизона и на фабрики. Вечером на улицы вышла грандиозная вооруженная демонстрация, противники правительства заняли Финляндский вокзал. Колонны солдат и рабочих двинулись к дворцу Кшесинской (резиденции большевиков) и затем к Таврическому дворцу (резиденции Петросовета).

Солдаты захватили на улицах и получили с заводов автомобили, ставили на них пулеметы и разъезжали по городу, демонстрируя удаль и силу, призывая воинские части и рабочие коллективы присоединиться к выступлению. Как рассказывал свидетель событий, «по городу разъезжали автомобили, на которых сидели солдаты, матросы и статские люди, вооруженные винтовками, ... грузовики, на которых были расставлены пулеметы, около коих находились солдаты и статские вооруженные. На крыльях автомобилей лежали солдаты с ружьями на прицеле»¹⁶⁶.

Когда колонны 1-го пулеметного и Московского полков подошли ко дворцу Кшесинской, выступившие с балкона Н. И. Подвойский, Я. М. Свердлов и другие ораторы призвали солдат разойтись, избрав своих представителей в делегацию, которая могла бы заявить требования солдат в ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов¹⁶⁷. Солдаты не подчинились и двинулись в сторону Таврического дворца.

В это время проходило заседание Рабочей секции Петросовета. Представители полка передали секции требование передать власть Советам¹⁶⁸. Чхеидзе предложил прервать заседание, чтобы разойтись по воинским частям и предотвратить их вовлечение в движение. Каменев потребовал создать комиссию, которая сможет придать движению мирный характер, раз уж массы уже на улицах. Вспыхнула полемика, меньшевики и эсеры покинули зал, а оставшиеся депутаты приняли резолюцию: «Ввиду кризиса власти Рабочая секция считает необходимым настаивать, чтобы Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял власть в свои руки». Была создана комиссия для пропаганды этого решения и придания движению мирного характера¹⁶⁹.

¹⁶⁵ Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 278.

¹⁶⁶ Там же. С. 188.

¹⁶⁷ Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов. М., 2002. С. 99.

¹⁶⁸ Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 306.

¹⁶⁹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Документы и материалы. Т. 4. М., 2003. С. 22–23.

Заседание солдатской секции Петросовета не состоялось, так как началось экстренное объединенное заседание ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов.

Поздно вечером к подошедшим войскам вышли Чхеидзе и Войтинский, которые были крайне недовольны выступлением. Чхеидзе, по словам прапорщика И. Слесарёнка, «приглашал верить и слушать его, но речь его, видимо, успеха не имела»¹⁷⁰. Войтинский обещал передать требования, но предупреждал, что Совет вряд ли их поддержит. Вернуться в казармы солдат призвал и депутат-межрайонец Володарский¹⁷¹. Но выступивший затем Троцкий по воспоминаниям Затыкина сказал: «Вы уже сделали завоевание, потому что Рабочая секция уже согласилась на то, чтобы всю власть Совет рабочих и солдатских депутатов взял в свои руки, и потому можно расходиться». Его поддержал Зиновьев, который, по словам Затыкина, добавил: «Совет рабочих и солдатских депутатов говорил вам, не ходите с оружием, а я вам скажу, что оружия бояться честному человеку нечего... теперь с оружием вы можете потрусить у буржуев спрятанные ими продукты, теперь в наших руках одни тузы, а в руках буржуев только шестерки, наша возьмет»¹⁷². Но по другому свидетельству Зиновьев, напротив, выступал за вооруженную демонстрацию¹⁷³. Судя по всему, слова о возможности «потрусить буржуев» принадлежали кому-то другому.

Было уже поздно, и солдаты решили повторить демонстрацию завтра и привлечь к ней другие части, а также кронштадтских матросов. На обратном пути, при выходе на Литейный проспект полк был обстрелян неизвестными¹⁷⁴.

В Кронштадте по инициативе прибывших сюда делегатов от пулеметчиков был созван митинг. На нем матросы решили выступить в Петроград. Говорили и о гипотетической возможности восстания. Исполком Кронштадтского совета (точнее его часть, так как по утверждению недавнего председателя исполкома Ламанова, на заседании присутствовало 7 из 31 члена¹⁷⁵, а остальные участники были представителями частей и партий) по инициативе большевиков и анархистов принял решение о выступлении на вооруженную демонстрацию в Петроград, о чем были направлены сообщения в экипажи¹⁷⁶.

¹⁷⁰ Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 203.

¹⁷¹ Там же. С. 279.

¹⁷² Там же. С. 191-192.

¹⁷³ Там же. С. 306.

¹⁷⁴ Там же. С. 279.

¹⁷⁵ Там же. С. 738.

¹⁷⁶ Там же. С. 198-199. Свидетель А. Захаров утверждал, что на митинге Раскольников обусловил

Вечером 3 июля наличные члены ЦК, ПК большевиков и «военки» искали выход из ситуации: нужно было как-то возглавить разбушевавшиеся массы и в то же время избежать открытого восстания, к которому никто не был готов. После того, как выступление началось, большевики не могли не возглавить его. На совещании ПК РСДРП(б) с представителями заводов и воинских частей было решено начать выборы делегации в Петросовет для предъявления требования перехода власти к Советам. Совещание постановило: «рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу для того, чтобы продемонстрировать выявление своей воли»¹⁷⁷.

К заявлению большевиков присоединились межрайонцы¹⁷⁸.

Ленин, прибывший в Петроград утром 4 июля, опасался радикальных действий без достаточной подготовки. По справедливому замечанию историка А. Рабиновича, «лидерам петроградских большевиков было чрезвычайно трудно оставить без руководства демонстрантов и недавно завоеванных членов партии. В конце концов, уличные шествия возникли в результате большевистской пропаганды и были реальным свидетельством усилившейся «большевизации» масс»¹⁷⁹. Нельзя было повторять оппортунистическое поведение 10 июня – радикальные массы могли окончательно отвернуться от большевиков. Отказавшись от лидерства в выступлении, большевики потеряли бы репутацию последовательных противников «буржуазии» и соглашательства, связанную с этим поддержку широких слоев населения и войск, радикализированных военной и социальной ситуацией. Тем более что большевикам уже «дышали в затылок» анархисты, фактически лидировавшие в первые часы выступления. В итоге Петроградский комитет РСДРП(б), а затем и большинство ЦК решили возглавить демонстрацию, чтобы превратить ее «в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда»¹⁸⁰. Ни о каком восстании речь не шла.

В демонстрации 4 июля приняли участие массы рабочих и десятки тысяч солдат и матросов 1-го пулеметного, 1-го пехотного запасного, 180-го пехотного, 3-го пехотного запасного, Московского, Павловского полков и др. частей Петроградского гарнизона и Кронштадта. 8–10

выступление возвращением делегации из Петрограда, которая прояснит ситуацию. Вечером было принято решение исполкома об участии в событиях (Там же. С. 365).

¹⁷⁷ Там же. С. 261.

¹⁷⁸ Листовки Петроградских большевиков. Т. 3. С. 47.

¹⁷⁹ Рабинович А. Указ. соч. С. 175.

¹⁸⁰ Цит. по: Там же. С. 186.

тысяч матросов (из них около 3000 вооруженных)¹⁸¹ во главе с большевиком мичманом Ф. Ф. Раскольниковым (Ильиным) высадились у Николаевского моста и колонной прошли к дворцу Кшесинской (против чего протестовали участвовавшие в демонстрации эсеры и анархисты) и затем в составе общей демонстрации – к Таврическому дворцу, где находился ЦИК и Петросовет. По замыслу большевистского руководства, здесь делегация демонстрантов должна была передать ЦИКу требование о переходе власти к Советам¹⁸².

Командующий округом П. А. Половцов очень надеялся, что большевики «совершат какое-нибудь насилие или другую оплошность, а тогда я смогу повернуть общественное мнение казармы определенно на свою сторону и атаковать врага»¹⁸³. Это понимали и большевистские лидеры и потому добивались от демонстрантов максимальной осторожности и сдержанности.

Ленин пригласил выступить за власть Советов межрайонца Луначарского (как и Троцкий, этот яркий оратор уже был без пяти минут большевиком), а сам попытался вовсе не выступать. Раскольников вспоминал, как Ленин уклонялся от публичного выступления 4 июля: «Разыскав Владимира Ильича, мы от имени кронштадтцев стали упрашивать его выйти на балкон и произнести хоть несколько слов. Ильич сперва отнекивался, ссылаясь на нездоровье, но потом, когда наши просьбы были веско подкреплены требованием масс на улице, он уступил и согласился»¹⁸⁴. Сказав несколько слов о бдительности и выдержке, поддержав требование «Вся власть Советам!», вождь удалился с балкона. Когда Ленин на самом деле собирался брать власть, он вел себя иначе. А в этой двойственной ситуации 4 июля было важно не растерять накопленного партией потенциала и, в случае удачи, достичь выгодного компромисса с социалистами, давить на них и не спугнуть их. Но что делать, если Петросовет и ЦИК не пойдут на уступки. Ленин не знал и призвал в этом случае ждать указаний ЦК¹⁸⁵.

Большевики, разумеется, стремились к власти, чего не скрывали. Но в этот период они требовали передать власть Советам, в которых сами не имели большинства. Ленин надеялся, что в случае, если Советам придется проводить радикальные преобразования, реальное влияние в них быстро перейдет к левым крыльям социалистических партий, то есть к союзу большевиков, левых эсеров (тогда еще не выделившихся из ПСР и пытавшихся перетянуть на свою сторону ее лидера Чернова)

¹⁸¹ Следственное дело большевиков. Т. 2. Ч. 2. С. 420.

¹⁸² Там же. С. 405.

¹⁸³ Половцов П. А. Указ. соч. С. 132.

¹⁸⁴ Раскольников Ф. Ф. Указ. Соч. С. 133.

¹⁸⁵ Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 289.

и левых меньшевиков (в том числе Мартова, Троцкого и Луначарского). В условиях, когда большевики не имели в Советах большинства, требование «Вся власть Советам!» не давало им единоличной власти и лишь означало замену только что распавшейся коалиции социалистов и кадетов коалицией тех же социалистов и большевиков. Никакого военного переворота, только сдвиг власти.

В. А. Никонов утверждает: «Большевистские лидеры... никогда официально не признают, что готовили на 3–4 июля захват власти, представляя происшедшее как стихийную демонстрацию, которую они якобы старались направить в мирное русло. Убежден, они пытались взять власть»¹⁸⁶. Убеждение это основано на известном рассказе одного из руководителей военной организации большевиков Невского о том, что он неискренне агитировал солдат против выступления, так как на самом деле был его сторонником¹⁸⁷. Однако воспоминания Невского подтверждают только то, о чем давно известно: между «военкой» и ЦК большевиков существовали разногласия. Сдерживая выступление и придавая ему мирный характер, большевистские лидеры во главе с Лениным были вынуждены преодолевать и радикальные настроения части своего актива, в том числе – «военки»¹⁸⁸. Понятно, что, когда Невскому пришлось подчиниться решению ЦК, он выполнял его без энтузиазма.

Как справедливо замечал А. Рабинович, «Невский и Подвойский отличались независимостью духа (советские источники трактуют это как нежелание подчиняться линии Центрального комитета)»¹⁸⁹, так что судить о намерениях большевистского ЦК и Ленина по мемуарам Невского о его собственных настроениях нелогично.

Рабинович подчеркивал: «В то время в Петрограде существовали три в большой степени самостоятельные организации РСДРП(б) – Центральный комитет, Всероссийская военная организация и Петербургский комитет. Каждая из них имела свои собственные интересы и сферы деятельности»¹⁹⁰. Военная организация («военка») и Петроградский комитет, находясь под постоянным давлением возбужденных солдат и рабочих и в то же время обладая меньшим политическим

¹⁸⁶ Никонов В. Молотов. Молодость. М., 2005. С. 279.

¹⁸⁷ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1956. С. 143.

¹⁸⁸ Рабинович А. Указ. соч. С. 153–155, 164, 169–177.

¹⁸⁹ Там же. С. 59.

¹⁹⁰ Там же. С. 13.

опытом, чем высшие руководители партии, были настроены более радикально, чем ЦК.

Есть еще несколько свидетельств обсуждения большевиками возможности взять власть, но все они подтверждают, что Ленин не планировал этого делать в июле. В разгар событий Ленин стал колебаться, гипотетически обсуждая с Троцким и Зиновьевым, «а не попробовать ли нам сейчас?», но в итоге сам опровергал себя: «Нет, сейчас брать власть нельзя; сейчас не выйдет, потому что фронтовики еще не наши; сейчас обманутый Либерданами фронтовик придет и перережет питерских рабочих»¹⁹¹.

Суханов ссылался на рассказ Луначарского о том, что 4 июля Ленин, Троцкий и Луначарский планировали захватить власть и вместе создать правительство. Луначарский категорически отрицал достоверность этого рассказа. В версии Суханова, на которой и сам он не настаивал категорически, имеются противоречия, на которые указывает сам Суханов, считая их противоречиями в рассказе Луначарского. Наиболее вероятно, что в рассказе Суханова отразились представления Луначарского о возможной конфигурации власти тогда, когда она будет захвачена левыми социал-демократами (Луначарский еще не был большевиком). Но – в перспективе, а не 4 июля. Также Луначарский признавал, что рассказывал Суханову о беседе с Троцким, когда тот сказал 4 июля, что в случае перехода власти к большевикам и левым социалистам «массы, конечно, поддержали бы нас»¹⁹². Но Троцкий – не Ленин и пока – даже не член большевистского ЦК.

Таким образом, **нет доказательств, что большевистское руководство и, в частности, Ленин планировали 4 июля захватить власть сами или даже пришли к такому решению под давлением событий.** Решение о захвате власти они приняли только осенью. Поскольку в итоге, в ноябре, партия большевиков все-таки совершила вооруженный захват власти, ее участникам не было никакого смысла скрывать свои намерения предыдущих месяцев. Тем не менее, они в один голос утверждают, что в июле не собирались брать власть в руки именно своей партии.

Для объективной оценки требований большевиков нужно учитывать, что их противники в этот момент тоже обсуждали возможность передачи власти социалистическому правительству, опирающемуся на Советы.

¹⁹¹ Зиновьев Г. Ленин-Ульянов. Пг., 1917. С. 56.

¹⁹² Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 366–367.

Уход кадетов из правительства и массовое негодование против них создавало для социалистов (меньшевиков и эсеров) идеальную возможность для взятия всей полноты власти и активизации социальных преобразований.

Лидеры советского большинства не желали брать власть в условиях грубого давления вооруженной силы большевиков и анархистов. В этом случае правительство стало бы ответственным не перед Советами, а перед своевольным столичным гарнизоном, «преторианской гвардией» революции.

В постановлении совместного заседания ЦК и фракции ПСР утром 5 июля говорилось: «О перемене в составе министров в данный момент, под влиянием пулеметов, не может быть и речи»¹⁹³. Но при этом и лидеры эсеров не отрицали возможности создания советского правительства. Но тогда логично, чтобы это правительство было создано Съездом советов, а не толпой возбужденных солдат, матросов и рабочих: «Окончательное решение вопроса о составе правительства будет принято на Всероссийском съезде Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов»¹⁹⁴. Предполагалось, что такой объединенный съезд соберется в ближайшее время. Но Съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов будет созван через полгода – уже большевиками.

3 июля Церетели предложил коллегам по «звездной палате» пока заменить ушедших министров временных управляющих министерствами и для создания новой власти созвать в ближайшее время посвященное этому заседание ЦИК и ИК СКД. 4 июля у него возникла идея даже созвать II съезд Советов рабочих и солдатских депутатов в Москве¹⁹⁵, то есть вне давления радикальных воинских частей и городских низов. Фракции эсеров и меньшевиков в исполкоме Петросовета поддержали этот план. Под давлением левых (но уже не улицы, так как демонстрация к моменту голосования закончилась) была принята резолюция, сформулированная по компромиссному проекту эсера Гоца. В соответствии с ней власть может перейти к Советам, но только по решению широкого собрания исполкомов с представителями с мест. Оно планировалось через две недели¹⁹⁶, но так и не было проведено. В начале июля социалисты колебались и вот-вот могли пойти на компромисс с большевиками на основе социалистической многопартийности. Но затем ситуация радикально изменилась.

¹⁹³ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 674–675.

¹⁹⁴ Там же. С. 675.

¹⁹⁵ Меньшевики в 1917 году. Т. 2. С. 97–98.

¹⁹⁶ Там же. С. 216.

В ходе дальнейших событий шанс начать масштабные социальные преобразования, который эта ситуация предоставляла умеренным социалистам, был упущен. Они не перехватили лозунг «Вся власть Советам!» тогда, когда обладали большинством в Советах, не втянули большевиков и анархистов в систему власти (что позволило бы связать их ответственностью). Вместо этого в социалистических партиях возобладала линия Керенского и его сторонников – они принялись репрессивными методами отстаивать прежнюю систему коалиции с кадетами, которая уже завела демократов в тупик.

Ситуацию обострили вооруженные столкновения 3–4 июля, произошедшие между сторонниками и противниками демонстрантов (в большинстве случаев именно революционные колонны подвергались обстрелу). Даже жандармский генерал А. И. Спиридович, настроенный к большевикам резко враждебно, признавал, что 3 июля «публика напала на автомобили, в которых находились солдаты и рабочие с пулеметами»¹⁹⁷.

4 июля демонстрантов обстреляли из пулеметов на Литейном и Невском проспектах. Происходили перестрелки солдат с казаками. Казаки и некоторые свидетели утверждали, что солдаты открыли по ним огонь первыми. Но по ним стреляли и неизвестные лица¹⁹⁸. Не исключено, что огонь по солдатам открыли противники демонстрации, а казаки попали под ответный огонь. Но в результате этих событий «народ на улице был сильно возбужден против казаков»¹⁹⁹.

Всего в июльские дни погибло 56 человек²⁰⁰.

Перед Таврическим дворцом образовалось море вооруженных демонстрантов, которые требовали, чтобы социалисты взяли власть без кадетов. По рассказу Милюкова, разгоряченный демонстрант кричал Чернову: «Принимай, сукин сын, власть, коли дают!»²⁰¹ Даже если это байка (в показаниях Виктора Михайловича о его выходе к демонстрантам ничего подобного нет), она неплохо характеризует атмосферу, возникшую перед Таврическим дворцом. Демонстранты стали ломиться внутрь здания.

Пытавшийся успокоить демонстрантов Чернов заявил, что решение по поводу кризиса власти должен принять Совет, а демонстрантам надо расходиться. Он ответил на вопросы о прохождении земельного закона, которому как раз помешал кризис власти. Некоторые люди вокруг были настроены агрессивно в отношении министра. Закончив

¹⁹⁷ Спиридович А. Большевизм: от зарождения до прихода к власти. М., 2005. С. 334.

¹⁹⁸ Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 350–351, 617.

¹⁹⁹ Там же. С. 352.

²⁰⁰ Павлова С. С. Указ. соч. С. 160.

²⁰¹ Милюков П. Н. История Второй русской революции. М., 2001. С. 198.

речь, Чернов отправился к входу в Таврический, но тут матрос схватил его за руку: «Стой, куда идешь, больно скоро хочешь». Матросы взяли Чернова и повлекли его к автомобилю, министр вот-вот мог оказаться в заложниках у экстремистов, что могло повлечь катастрофические политические последствия. Стеклов, Д. Б. Рязанов, Раскольников и другие лидеры демонстрации пытались освободить Чернова, но безуспешно – они даже получили тычки прикладами и кулаками. Чернов сел в автомобиль вместе с несколькими членами Совета, которые вызвались ехать с ним. В этот момент к автомобилю подошел Троцкий, который спросил матросов, знают ли они его. Матросы знали. Тогда Троцкий взобрался на автомобиль и произнес речь во славу кронштадтских матросов и спросил: «Не правда ли, я не ошибаюсь, здесь нет никого, кто был бы за насилие, кто за насилие, поднимите руки». Обескураженные матросы не решились перечить Троцкому, и он торжественно объявил Чернову, что тот свободен²⁰². Чернов вернулся в здание, но этот эпизод вряд ли улучшил его отношение к левым радикалам.

В этих условиях Чернов, склонявшийся к идее левого правительства, не стал настаивать на ней. Площадь перед Таврическим дворцом была заполнена вооруженными людьми. Время от времени демонстранты проникали в зал заседаний, произносили речи, в которых требовали взять власть, арестовать министров-капиталистов, выйти для объяснений к возбужденной толпе. Но к вечеру 4 июля ситуация изменилась. Требования были высказаны, и демонстранты не знали, что дальше делать – они стали расходиться. Это не значит, что они не могли бы собраться и на следующий день. Но к 5 июля большинство ЦИК уже заручилось поддержкой воинских частей, готовых противостоять «бунту».

Против него правящая группа считала возможным бороться любыми средствами. 4 июля министром юстиции П. Н. Переверзевым стали распространяться материалы о том, что Ленин является немецким шпионом. Даже по мнению меньшевиков, эти материалы были крайне неубедительными²⁰³. Чхеидзе обзванивал редакции крупнейших газет с требованием воздержаться от публикации непроверенных данных²⁰⁴. Правительственное сообщение было напечатано 5 июля в газете «Живое слово», пользовавшейся репутацией бульварного издания, но публикация имела грандиозный резонанс. Сообщение было основано на путаных показаниях некоего Ермоленко, который был в плену завербован немцами и заслан в Россию. Тут он во всем сознался и сообщил

²⁰² Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 769–771.

²⁰³ Церетели И. Г. Указ. соч. С. 201–203.

²⁰⁴ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 212.

стратегическую информацию о том, что большевики финансируются Германией через Гельфанда (Парвуса) и Фюрстенберга (Ганецкого). С какой стати немецкое командование должно было сообщать эти сведения первому попавшемуся мелкому агенту? Очевидно, что следователи Временного правительства не имели доказательств своей версии и решили «слить» ее таким образом. Но мало кто вникал в юридические детали в разгоряченной политической обстановке.

История с получением большевиками денег обростала подробностями, цифры неудержимо шли вверх с каждым новым слухом. Командующий округом Половцов возмущался, что правительство проявляло излишнюю шепетильность, когда у него под носом большевики подкупали гарнизон на переправленные из Швеции деньги, «за один месяц, помню, прошло таким образом 10 миллионов рублей»²⁰⁵, – «свидетельствовал» генерал так, будто банкноты перегружали у него на глазах.

Воздействие этой агитации на колеблющуюся часть войск, а также полный тупик, в котором оказались радикалы из-за отказа советских лидеров взять всю власть от имени Советов, привели к прекращению волнений уже 5 июля. Как можно бороться за власть Советов, которые от нее отказываются?

В ночь на 5 июля ЦК РСДРП(б) постановил «демонстрации более не продолжать»²⁰⁶. Редакция «Правды» была занята и разгромлена войсками. 5 июля тем матросам, которые не вернулись вечером 4 июля в Кронштадт и остались в Петрограде, предложили сдать оружие. В отчаянии Раскольников попытался вызвать в Петроград военные корабли, но из этого ничего не вышло²⁰⁷. Кронштадтцы возвращались малыми группами, нелегально. Некоторые были арестованы.

5 июля большевики Каменев, К. А. Мехоношин и Г. И. Бокий договорились с представителем исполкома Петросовета М. И. Либером о прекращении преследования большевиков и освобождении всех демонстрантов, против которых не выдвинуто уголовных обвинений. Взамен большевики гарантировали возвращение матросов в Кронштадт, броневиков в казармы и сдачу Петропавловской крепости, гарнизон которой поддерживал выступление.

6 июля сдались революционные солдаты в Петропавловской крепости, революционные части разоружались. Но победители не стали соблюдать условия, на которых большевики договорились с Либером. 1-й пулеметный полк был расформирован, начались массовые аресты.

²⁰⁵ Половцов П. А. Указ. соч. С. 93.

²⁰⁶ Следственное дело большевиков. Т. 1. С. 262.

²⁰⁷ Там же. С. 200.

Половцов вспоминал: «Арестованных приволакивают в огромном числе. Кого только солдаты не хватают и не тащат в штаб? ... Всякий старается поймать большевика, ставшего теперь в народном представлении германским наймитом»²⁰⁸. Было арестовано более 200 участников июльских выступлений и левых лидеров, включая Каменева, Троцкого, Луначарского, Раскольникова.

Ленину и некоторым другим лидерам большевиков пришлось уйти в подполье. Партия обсуждала вопрос, следует ли ему являться в суд, историки и публицисты по сию пору спорят, струсил ли Ленин или он не дожил бы до суда, попадись он июльским победителем. Возможность его убийства при попытке к бегству всерьез обсуждалась победителями в июле, что признавали и глава контрразведки Б. В. Никитин²⁰⁹, и командующий округом Половцов: «Возвращаюсь в штаб, где усиленно проповедуется мысль о том, что нужно арестовать всех большевистских руководителей... Единственное правильное решение было бы покончить с ними самосудом, что при данном настроении солдат и юнкеров было бы очень легко устроить... Офицер, отправляющийся в Териоки с надеждой поймать Ленина, меня спрашивает, желаю ли я получить этого господина в цельном виде или в разобранном... Отвечаю с улыбкой, что арестованные очень часто делают попытки к побегу»²¹⁰.

В июльских событиях большевики организовали не восстание, а давление на Советы. Социалистическое большинство Советов не поддавалось давлению, и политическая стратегия большевиков на этом этапе потерпела неудачу.

Версия о шпионаже большевиков в пользу Германии укреплялась в результате совпадения июльских событий 1917 г. и наступления на фронте. Получалось, что большевики ударили в спину наступающей русской армии и сорвали победу русского оружия, которая могла вообще покончить с войной.

Речь идет о наступлении, которое началось 18 июня под Калушем и 6 июля провалилось. Притянуть к этой истории большевиков довольно сложно. Их влияние в войсках Юго-Западного фронта, попытавшегося повторить «Брусилловский прорыв», было в это время невелико. Можно, конечно, посочинять, как Ленин информировал немцев о дате нача-

²⁰⁸ Половцов П. А. Указ. соч. С. 143.

²⁰⁹ Никитин Б. В. Роковые годы. М., 2007. С. 155.

²¹⁰ Половцов П. А. Указ. соч. С. 152.

ла русского наступления²¹¹. Очень интересно. А Ильич-то откуда узнал эту дату? Отсюда, пожалуйста, поподробней... Нет, молчат, тупят взор писатели. Еще не придумали.

Состояние войск Юго-Западного фронта характеризует, например, телеграмма командующего IX армией генерала П. С. Балуева: «Многие части представляют собой необученные, недисциплинированные вооруженные толпы, не только не оказывающие никакого сопротивления противнику, но зачастую разбегающиеся от одного намека на его присутствие»²¹². Это было не удивительно после гигантских потерь 1914–1916 гг., которые восполнялись плохо подготовленными новобранцами, да еще в условиях неважного снабжения. Большевики не могли быть причиной разложения таких войск, хотя командование и пыталось видеть ее в пораженческой агитации.

Солдаты сочувствовали речам большевиков, потому что не хотели воевать. Не видели смысла. Но и на фронтовых съездах, и на митингах большевики оказывались в меньшинстве. Авторитет командования и Керенского был высок. На фронтовом съезде «само упоминание о том, что Керенский обещал приехать, вызвало такой взрыв восторга... который не уступал восторгу перед речью Брусилова... Голосование предложенной нами резолюции собрало ровно девять десятых голосов»²¹³, – вспоминал комиссар Временного правительства В. Б. Станкевич. Приехавший Керенский сорвал «безграничные овации в полном единодушии». Солдаты соглашались, что выполнять приказы нужно, «общий голос солдатских представителей был за наступление». И даже наиболее авторитетный большевик фронта Николай Крыленко признавал: «Я здесь высказываюсь против наступления... Но если товарищ Керенский или наш главнокомандующий дадут приказ начать наступление, то, хотя бы вся моя рота осталась в окопах, я один пойду на пулеметы и на проволоку противника...»²¹⁴ Слова Крыленко в целом соответствовали позиции Ленина, который уже не выступали как пораженец, не призывал к дезертирству: «Мы не думаем, что войну можно кончить простым «отказом», отказом лиц, групп или случайных «толп». Мы за то, что войну может кончить и кончит революция в ряде стран...»²¹⁵ Позднее он подчеркивал: «Мы были пораженцами при царе, а при Церетели и Чернове мы пораженцами не были»²¹⁶.

²¹¹ Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2005. С. 259.

²¹² Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 356.

²¹³ Станкевич В. Б., Ломоносов Ю. В. Указ. соч. С. 68–69.

²¹⁴ Там же. С. 69–70, 77.

²¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. Соч. Т. 31. С. 461.

²¹⁶ Там же. Т. 36. С. 114.

Но в спорах оборонцев с большевиками «большинство слушало молча, думая про себя свою думу... Когда дело стало подходить к решительному шагу, настроение солдатских масс быстро падало»²¹⁷. И хотя часть солдат «были полны решимости наступать», их не могло не смущать, что «наступление было организовано ниже всякой критики»²¹⁸.

Большевики тут ни при чем. Просто провал наступления подтвердил их правоту, что дало толчок успехам «пораженческой» пропаганды. Раз начальство не может толком организовать наступление, нечего класть солдатские головы. Комиссар Временного правительства Станкевич признавал эту глубинную причину неудачи наступления и разложения армии: «Мы гнали других людей, не понимающих и не могущих понять смысла войны, заставляли их идти убивать каких-то для них совершенно непонятных врагов...»²¹⁹

Провал наступления стал крахом надежд Керенского укрепить авторитет правительства с помощью победы. Более того, пришлось срочно искать «козла отпущения», и здесь очень удачно случились волнения в Петрограде 3–4 июля. По легенде большевики решили организовать диверсию в тылу наступающей армии и тем сорвали удар.

Мы видели, что выступление 3 июля не было инициировано большевиками. Но если бы и так, нужно быть большим фантазером, чтобы утверждать, будто демонстрация и даже беспорядки могут сорвать наступление, происходящее в другой части страны. 3–4 июля демонстранты не нападали на Зимний дворец и Генеральный штаб, что хотя бы теоретически могло нанести ущерб наступлению (хотя реальное руководство им проводилось на месте и из ставки в Могилеве). Войска Петроградского гарнизона, принявшие участие в волнениях, никак не могли переломить ситуацию и спасти Юго-Западный фронт от поражения.

Ближе к Петрограду был Двинск, где планировалось нанести второй удар, если Юго-Западный фронт двинется вперед. Действовать силами Северного фронта планировалось 5 июля, но под предлогом волнений в Петрограде атаку перенесли на 10-е. В действительности ситуация в Петрограде 5 июля уже стабилизировалась, но нужно было как-то объяснить неудачи фронта волнениями в столице. На самом деле Северный фронт не мог помочь Юго-Западному, так как немцы не сняли части из-под Двинска и вполне способны были отразить там удар: «Наступление было вполне безнадежным. Командующий арми-

²¹⁷ Станкевич В. Б., Ломоносов Ю. В. Указ. соч. С. 69–70, 77.

²¹⁸ Там же. С. 80–81.

²¹⁹ Там же. С. 87.

ей генерал Данилов... все время доказывал Ставке, что наступление не имеет никаких шансов»²²⁰.

Не военное поражение было порождено волнениями в Петрограде, а волнения – бессмысленностью наступления, которую и подтвердило поражение. Наступление вызвало возмущение части петроградского гарнизона и левых социалистов, поскольку оно грубо нарушало основы внешней политики Временного правительства, согласованные в марте и мае 1917 г., после скандала с «нотой Милюкова». Россия не претендовала на захваты новых территорий, а значит, ей не было никакого смысла проводить наступательные операции. Тем более что уже «Брусилковский прорыв» показал: каковы бы ни были успехи, русская армия не в состоянии разрушить фронт даже Австро-Венгрии. Частичные успехи, оплаченные сотнями тысяч жизней, принципиально не меняют положение на фронтах. Следовательно, нужно не омыwać кровью окопы противника, а искать пути ко всеобщему миру. Эта работа велась в Стокгольме, где социалисты разных стран и направлений готовили международную конференцию, призванную предложить демократические условия мира. I Съезд советов рабочих и солдатских депутатов направил в Стокгольм свою делегацию, а государства Антанты отказались выдавать загранпаспорта своим социал-демократам²²¹.

Для Керенского кровопролитное сражение было необходимо прежде всего для того, чтобы укрепить престиж правительства. В то же время наступление давало предлог, чтобы вывести из столицы нелояльные части. Это также нарушало соглашения, достигнутые весной с Петросоветом, и вызывало возмущение солдат и левых социалистов, отлично понимавших, что вывод революционных частей может стать прелюдией к правому перевороту (корниловское выступление показало, что левые в этом вопросе были правы).

Так что взрыв возмущения в начале июля был вполне закономерен. Но при этом как раз большевистское руководство было застигнуто им врасплох.

Легенда о восстании, организованном большевиками в Петрограде, призвана решить несколько мифологических задач. Это и «удар в спину армии», и репетиция Октябрьского переворота, позволяющая

²²⁰ Там же. С. 85.

²²¹ В итоге конференцию в Стокгольме 18–25 сентября провели только циммервальдийцы, и её резонанс был не велик. Организаторы «большой» конференции 10 октября предложили свой проект мира, также основанный на принципе отказа от аннексий и контрибуций. Он предполагал также расширение территориальной автономии, культурную свободу народов, международный арбитраж, отказ от милитаризма и протекционизма (Подробнее см. Европейское социалистическое движение. 1914–1917: разубить или развязать узлы. М., 1994. С. 114–120).

порассуждать о том, что коммунистические путчи следует давить в зародыше, не считаясь с жертвами. Вот в Германии в 1919 г. «партия порядка» сумела своевременно уничтожить вождей коммунистов Карла Либкнехта и Розу Люксембург – и коммунисты не оправились от удара. А Ленина упустили. Поскольку миф имеет актуально-политическое назначение, мифотворцы намекают, что если левое движение наберет силу, то на радикальные манифестации следует отвечать стрельбой и выжигать левую заразу каленым железом. А вот чем «выжигать» социальные причины, которые вызывают массовые выступления под левыми лозунгами?

В июле был упущен шанс добиться сближения между сторонниками советской демократии. В конечном итоге это предопределило готовность большевиков захватить власть самим и начать радикальный коммунистический эксперимент от имени Советов.

БЫЛ ЛИ ЛЕНИН НЕМЕЦКИМ ШПИОНОМ?

Включаю один из центральных телеканалов. Доверчивым зрителям добавляют очередные штрихи к тому образу Ленина, который в современной России стал общеупотребительным среди медийных бойцов идеологического фронта. Ильич – беспринципный, истеричный властолюбец, напоминающий Гитлера. С началом мировой войны Германия обрела в лице Ленина союзника и даже слугу. За это он получал щедрое финансирование через посредство германца, делеги и пройдохи Парвуса. С началом революции 1917 г. Германия переправляет своего шпиона в Россию через Берлин, где Ленина инструктируют, как делать революцию (уж конечно, немецкие военные разбираются в этом лучше Ленина). Получив миллиард марок, Ленин приобрел огромное влияние. Без этих денег он оказался бы маловлиятельным политиком. С помощью немецких офицеров Ленин совершил переворот с целью подписать капитуляцию перед Германией и разорить ненавидимую им Россию дотла. А что же было на самом деле?

Ленин выступал против поддержки своего правительства в империалистической войне и выдвинул лозунг «превращения мировой войны в гражданскую». При этом он настаивал, что такую же политику должны проводить социал-демократы всех воюющих стран, включая Германию, и клеймил немецких коллег за то, что они оказали поддержку кайзеру в войне. Ильич стремился к свержению всех европейских режимов, а не только российского самодержавия.

Позиция Ленина в той или иной степени получила поддержку левых социалистов на международных конференциях в Циммервальде и Кинтале. Устраивать Гражданскую войну большинство политических союзников Ленина не хотели, но в главном они были согласны: никакой поддержки своему правительству, свержение самодержавия и борьба за всеобщий мир без аннексий и контрибуций. К числу «циммервальдийцев» принадлежали не только большевики, но и многие эсеры во главе с их лидером Виктором Черновым, а также такие оппоненты Ленина в социал-демократическом движении, как Юлий Мартов. Мартова, во всяком случае, никому не пришло в голову обвинять в получении немецких денег.

Но если очистить вопрос о финансировании большевиков от пропагандистской шелухи, он остается важной и интересной научной проблемой.

Как немцы задолжали Ленину

В капиталистическом обществе серьезная политическая деятельность требует финансирования. С этим у большевиков всегда были трудности – ведь они бросали вызов капиталистам. Экспроприации, возможность которых в царское время большевики (как, впрочем, и эсеры) не отрицали, оказались тупиком.

Большую часть денег, полученных после «эксов», в связи с их явно криминальным происхождением пришлось просто сжечь, иначе можно было быть арестованными прямо в банке при попытке воспользоваться «награбленным». Это наивные западные авторы, которых охотно перепечатаывают в современной России, думают, что Ленин «после удачной экспроприации в Тифлисе мог прямо-таки купаться в неиссякаемом денежном источнике!»¹ После осуждения «эксов» IV объединительным съездом РСДРП (1906) большевики тоже признали, что «такие средства борьбы несвоевременны» после окончания «гражданской войны» 1905–1907 годов². По утверждению Ленина, те деньги, которые большевики получили от «эксов» в 1906–1907 гг., достались не большевистским центрам, а «отзовистам» из радикальной группы «Вперед», которая вскоре откололась от большевиков³.

Основную часть большевистского фонда составило наследство Николая Шмидта, молодого фабриканта левых взглядов. Шмидт помогал вооружать дружинников во время восстания 1905 г. в Москве, был арестован. Фабрика его была сожжена огнем царской артиллерии. Шмидт погиб в тюрьме в 1907 году. Он завещал свое состояние сестрам с условием, что они передадут его большевикам.

Не без трудностей большая часть наследства перешла к большевикам. По данным осведомленного меньшевика Н. В. Валентинова, у них оказалось свыше 268 тыс. золотых рублей. Но надо же такому случиться, что в январе 1910 г. была предпринята новая попытка русских социал-демократов объединиться под эгидой II Интернационала. Была создана объединенная касса партии, куда от большевиков поступили на хранение 178 тыс. рублей⁴.

Поскольку большевики и меньшевики друг другу не доверяли, то распорядителями кассы стали почтенные германские социал-демократы Карл Каутский, Франц Меринг и Клара Цеткин. Деньги тратились, так что речь может идти о меньшей сумме. Во всяком случае, Ленин

¹ *Хереш Э.* Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2005. С. 130.

² *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999. С. 72.

³ Там же. С. 88.

⁴ *Валентинов Н. В.* Малоизвестный Ленин. Париж, 1972. С. 118–120.

позднее особенно настойчиво будет настаивать на возвращении большевикам около 30 тыс. рублей⁵.

Вскоре большевики и меньшевики опять переругались. Ленин некоторое время пытался добиться от немецкой социал-демократии признания именно за большевиками права считаться истинными представителями российской социал-демократами, так как противостоящие им фракции слишком далеко уклонились от центра вправо («ликвидаторы») и влево («отзовисты»). Авторитет партии в это время для него был важнее денег – транш в 44 850 франков Ленин перевел Цеткин в июне 1911 года⁶, через полгода после того, как большевики уже потребовали аннулировать соглашение 1910 г. об объединении бюджета социал-демократов.

Ленин потребовал деньги назад, а позднее и вовсе создал РСДРП большевиков, которую считал правопреемницей всей РСДРП. В условиях политической склоки держатели денег в августе – ноябре 1911 г. заявили о сложении полномочий. Но при этом они заявили, что вопрос остается спорным, и деньги останутся в банке. Деньги лежали на счете, которым формально распоряжалась Цеткин.

Ильич был чрезвычайно разгневан на Клару, обвинял ее в том, что она в ходе переговоров о деньгах «налгала»⁷. Но Цеткин стояла на смерти. Видимо, она просто не могла уступить. Не она решала этот вопрос.

Любопытно, что в дальнейшем Цеткин имела хорошие отношения с Лениным, занимала близкие ему позиции (то есть боролась против своего – германского – правительства) и вступила в компартию Германии. Предвоенный эпизод лидер большевиков как бы «простил» и больше о деньгах не вспоминал, хотя во время войны они были ему очень нужны.

Письма Ленина показывают, что в 1915–1916 гг. финансовое положение партии было нестабильным и временами крайне тяжелым⁸. Это опровергает придумки некоторых мифотворцев о том, что большевики оказались на содержании «немецкого Генштаба» вскоре после начала войны⁹.

Цеткин, учитывая их дружбу, могла бы разморозить фонд. Но, по всей видимости, это не было в ее власти, особенно после начала войны.

Все это позволило мне в 2006 г. сделать вывод, что, даже если Ленин получал из Германии деньги, он имел на это моральное право. Ведь в немецком банке были заморожены деньги большевиков¹⁰.

⁵ Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922. С. 86.

⁶ Там же. С. 84.

⁷ Волкогонов Д. Ленин. Кн. 1. М., 1994. С. 109.

⁸ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 84, 106, 138, 153, 164, 302, 367.

⁹ Спиридович А. Большевиком: от зарождения до прихода к власти. М., 2005. С. 260.

¹⁰ Шубин А. В. 10 мифов советской страны. М., 2006. С. 30–35.

Могли ли средства, полученные большевиками извне, превзойти размеры «наследства Шмидта»?

Дело Ганецкого

При обсуждении проблемы «немецких денег» важно ответить на несколько конкретных вопросов.

От кого большевики получали деньги фактически и формально? Сколько денег они получили?

Что они сделали с помощью этих денег, чего были бы лишены без них?

Выполняли ли большевики в 1917 г. какие-либо указания, поступавшие из Германии?

Уже сама поездка в «пломбированном вагоне» подсказала противникам большевиков ключевую тему антибольшевистской пропаганды. Нужно было искать «немецкий след», и он нашелся. Под подозрением оказался большевик¹¹ Яков Ганецкий (Фюрстенберг). Он был коммерческим директором (с 1916 г. – фактическим управляющим) созданной в 1915 г. фирмы «Хандельс-ог экспорт – компаниет астиселскаб». Создана она была на деньги Парвуса, то есть Александра Гельфанда (ее акционерами были Гельфанд и его сотрудник Георг Скларц, который с 1916 г. был формально и директором). Гельфанд (Парвус) был правым германским (а за десятилетие до этого – левым российским) социал-демократом и германо-турецким бизнесменом. Ганецкий как управляющий фактически распоряжался всем в этой фирме. Она торговала медикаментами и другими потребительскими товарами, используя каналы фирмы брата Ганецкого Генриха Фюрстенберга «Фабиан Клингслянд АО», базировавшейся в Скандинавии. В Петрограде интересы фирмы «Хандельс-ог экспорт» по совместительству представляла сотрудница «Фабиан Клингслянд АО» и двоюродная сестра Ганецкого Евгения Суменсон.

То, что Ганецкий давал деньги на партию, подтвердил Карл Радек в письме Ленину от 28 июня 1917 года. Но масштабы этого финансирования не впечатляют: «Последние два года Ганецкий не одну тысячу дал нашей организации, несмотря на то, что все рассказы о его богатстве – пустая сплетня»¹².

¹¹ В 1903–1909 гг. также член Социал-демократической партии Королевства Польского и Литвы, к которой принадлежал также его сотрудник, юрист Мечислав Козловский.

¹² Цит. по: *Попова С. С.* Между двумя переворотами. Документальные свидетельства о событиях лета 1917 года в Петрограде (по французским и российским архивным источникам). М., 2010. С. 32.

Даже в советское время было опубликовано письмо Ленина Ганецкому о получении 21 апреля от Мечислава Козловского 2000 рублей¹³. Как следует из предыдущего письма, еще 12 апреля Ленин ждал деньги. В дальнейшем Козловский объяснил передачу этих средств возвратом денег, которые Ленин оставил Фюрстенбергу в Стокгольме (они причитались ему из фонда эмиграционного бюро)¹⁴.

Но, может быть, Ганецкий успешно прятал переправку денег за фасадом коммерческой фирмы?

Проанализировав телеграммы Ганецкого и его партнеров, перехваченные контрразведывательным отделом Главного управления Генштаба, современный американский историк С. Ляндрес пришел к выводу: «В действительности телеграммы не содержат свидетельств о переводе каких-либо капиталов из Стокгольма в Петроград... Товары направлялись в Петроград, а вырученные за них деньги – в Стокгольм, но никогда эти средства не шли в противоположном направлении»¹⁵. Теперь эти телеграммы опубликованы, и в правоте Ляндреса может убедиться любой желающий¹⁶.

Суменсон получала товар как от фирмы «Кликсланд», так и от фирмы Фюрстенберга-Гельфанда, распределяла его между перекупщиками, получала деньги за проданный товар и отсылала их хозяевам фирмы.

Деньги от Суменсон к Фюрстенбергу шли через отделения «Ниа Банкен» в Копенгагене и Стокгольме, который тоже оказался под подозрением из-за левых взглядов его директора Улофа Ашберга. Нужно иметь в виду, что «Ниа банкен» просто предоставлял счета и был банком нейтральной страны. Он имел дела и с Германией, и с Россией, в 1916 г. при его посредничестве было заключено соглашение об американском кредите для России в 50 млн долларов¹⁷.

Значит ли всё это, что с помощью торговли Ганецкого вообще нельзя было помогать большевикам в Петрограде? Нет, не значит. Но масштаб этой помощи не может превышать общий доход от продаж минус средства, переведенные в Стокгольм, минус средства, оставшиеся на счетах Ганецкого (Фюрстенберга) и его финансового агента в Петрограде Суменсон.

Номинальная стоимость товара 2 млн рублей. Вот они, большевистские миллионы! Но нет. Всего Суменсон выручила 850021 рубль. 676336 руб. 13 коп. она отправила двоюродному брату в Стокгольм, но

¹³ Ленин В.И. ПСС. Т. 49. С. 437.

¹⁴ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. М., 2012. С. 270.

¹⁵ Цит. по: *Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия.* СПб., 2009. С. 41.

¹⁶ См. Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 540–553, 589–599.

¹⁷ *Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция.* М., 1998. С. 60.

из-за июньского запрета на перевод денег за границу на счету у Суменсон оставалось для Ганецкого 120182 рубля¹⁸.

За вычетом легальных расходов баланс фирмы Фюрстенберга в России почти сходится. Но есть одна неясная статья – разным лицам выплачено 65 847 руб. Кто эти лица?

Во-первых, Мечислав Козловский, который в качестве юриста получал высокие гонорары от Ганецкого. Козловскому и его жене Марии было выплачено через Суменсон 13200 рублей¹⁹.

Остаток на счетах Козловского на момент ареста составил 12200 рублей (2800 в Азовско-Донском и 9400 в Сибирском банках)²⁰.

Азовско-Донской банк предоставил следствию данные о счете Козловского. На нем содержалось 12299 рублей самого Козловского и 52074 рублей, поступившие от Розенблита, коммерческого партнера Фюрстенберга, и принадлежавшие последнему. Фюрстенберг уплатил Козловскому через Суменсон и из средств, поступивших от Розенблита 20623 рубля (еще 2800 рублей на его счету было к началу года). Так что всего лично Козловский получил от Фюрстенберга 23424 рубля²¹.

Всего со счетов Козловского было всего списано 61573 рубля. Куда они пошли? 24 мая он списал со счета 41850 рублей, которые, как он объяснил, были переданы Ганецкому, который на короткое время прибыл в Петроград. Остальные выплаты Козловского по распоряжению Ганецкого составили 19723 рубля²². Деньги, полученные от Козловского, Ганецкий положил на счет Суменсон, оставив себе всего три тысячи рублей²³. Потенциально оставленные на счете средства могли использоваться на политические нужды в дальнейшем. Но этого не случилось, так как в июле операции с этими деньгами были заморожены.

Приличные по размерам гонорары Козловского могли быть формой «отмыва» и передаваться на политические цели. Козловский имел право брать деньги Фюрстенберга у Суменсон по первому требованию и при этом, как утверждала Евгения, делами фирмы не занимался «настолько, чтобы быть в курсе их; никогда также он не вчинял по моим делам исков в русских судебных учреждениях, советовалась я с ним по делам всего два раза»²⁴. Получается, что Ганецкий платил Козловскому десятки тысяч рублей практически ни за что (сама Суменсон полу-

¹⁸ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 563; Кн. 2. Ч. 2. М., 2012. С. 258–259.

¹⁹ Там же. С. 257.

²⁰ Павлова С. С. Указ. соч. С. 410.

²¹ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 280–281.

²² Там же. С. 279.

²³ Там же. Кн. 2. Ч. 1. С. 567.

²⁴ Там же. С. 565.

чала около тысячи рублей в месяц). Невольно возникает подозрение, что Козловский получал эти деньги не для себя.

Во-вторых, 50 тыс. руб. с санкции Ганецкого были 10 марта 1917 г. взяты для передачи американскому вице-консулу А. Рейлли, ненадолго приезжавшему в Россию²⁵. Похоже, таким образом Ганецкий просто получил деньги по оказии. С 10 марта нет признаков передачи денег посторонним лицам через Суменсон.

Так что от Ганецкого могли приходиться только очень скромные суммы «на политику». Из всей этой бухгалтерии видно, что Ганецкий и Козловский, связанные тесными доверительными отношениями, не доверяли Суменсон ничего нелегального и не посвящали ее ни в какую политическую деятельность. В свою очередь Козловский мог передать «на сторону» чуть более 30 тысяч рублей (потраченные Козловским собственные средства плюс выплаты по распоряжению Ганецкого). В действительности потенциальный политический капитал Ганецкого – Козловского был еще меньше. Ведь что-то Мечислав определенно тратил на собственные нужды.

Торговля Ганецкого шла со скрипом, и это его волновало – что вряд ли имело бы место, если бы он просто отмывал деньги. В июне 1916 г. он писал Суменсон: «Повторяю, самым главным вопросом для меня является получение денег, в противном случае вся торговля должна будет приостановиться, так как, не имея денег, я не в состоянии закупать»²⁶. Конечно, конспирологи могут решить, что деньги Ганецкому остро нужны для Ленина, но это уж очень сложная схема передачи немецких денег из Германии в Швейцарию через Петроград, то есть прямо под носом у царской охраны. К тому же положение с деньгами в 1916 г. у Ленина так и оставалось тяжёлым. Так что деньги были нужны Ганецкому на закупку товара. В начале 1917 г. Ганецкий и Суменсон разочаровались друг в друге и взяли курс на сворачивание дела. В июне фирма фактически остановила свою деятельность, тем более, что из-за закона 14 июня Суменсон уже не могла пересылать прибыль фирмы за границу.

То, что Ганецкий оставил в России около 160 тыс. рублей без надежды продолжить деятельность фирмы, наводит на мысль, что он планировал использовать деньги как-то иначе. Но сделать это Ганецкий не успел.

При этом Ганецкий получал деньги от большевиков на издание в Стокгольме интернационалистического бюллетеня. Левый социал-демократ Б. Веселовский в мае передал ему по поручению секретаря

²⁵ Там же. С. 257, 565.

²⁶ Павлова С. С. Указ. соч. С. 174.

«Правды» 4500 рублей, из которых он взял 3000, а 1500 поручил внести на счет Суменсон²⁷. Это также говорит в пользу того, что Ганецкий не мог быть особенно щедр в отношениях с большевиками.

3 июня журналист Давид Заславский, будущий сотрудник «Известий» и «Правды», гонитель Шостаковича и Пастернака, написал в газете «День» о связях большевиков с немцами, в том числе и о Ганецком как источнике финансирования большевиков. Вопрос обсуждался на ЦК большевиков с 10 июня, и было решено объявить статью Заславского клеветой (что и было сделано Ганецким и Радеком в «Правде» 22 июня). Однако в дальнейшем была создана партийная комиссия по этому вопросу, которая дополнительно разобрала вопрос и оправдала Ганецкого²⁸.

После июльских событий Евгения Суменсон была схвачена, избита и препровождена в заключение как опасная преступница. Начальник контрразведки Петроградского военного округа Б. В. Никитин утверждал: «Я сейчас же послал в банк Александрова с финансовым экспертом. Они выяснили, что Суменсон за последние месяцы сняла в одном этом банке (Сибирском. – *А. Ш.*) 800 тыс. руб., а на ее текущем счету еще оставалось 180 тыс. руб. В Сибирский банк, как то расследовал Александров уже после восстания, деньги переводил из Стокгольма, через Ниа банк, Фюрстенберг (Ганецкий). Очень важно заметить, что от этих переводов денег и их получения Суменсон никак не могла бы отказаться, даже если обыск у нее не дал бы никаких результатов: банковские книги и расписки Суменсон давали нам в этом полную гарантию... Чтобы не возвращаться больше к Суменсон, должен обратить внимание, что, арестованная во время июльского восстания, она во всем и сразу чистосердечно призналась допрашивавшим ее в моем присутствии начальнику контрразведки и Каропачинскому. Она показала, что имела приказание от Ганецкого выдавать Козловскому, бывшему в то время членом ЦК партии большевиков, какие бы суммы он ни потребовал, и притом без всякой расписки. Из предъявленных чековых книжек явствовало, что некоторые из таких единовременных выдач без расписки доходили до ста тысяч рублей... Но было особенно характерно, что Суменсон даже и не пыталась прятаться за коммерческий код и сразу и просто призналась, что никакого аптекарского склада у нее не было и никакой торговлей она не занималась»²⁹. Кроме того, что Козловский имел право получать деньги (хотя и здесь мас-

²⁷ Там же. С. 255.

²⁸ См.: *Амиантов Ю. Н., Ермолаева Р. А.* Дело Ганецкого и Козловского. // Кентавр. 1992. № 1–2. С. 71–82.

²⁹ *Никитин Б. В.* Роковые годы. М., 2007. С. 149–150.

штаб преувеличен на порядок), всё это – чистейшая фантазия. Решившись откровенно лгать, Никитин в своей книге 1937 года исходил из того, что при его жизни (он скончался в 1943 году в Париже) материалы следствия вряд ли могут быть опубликованы.

В действительности Суменсон своей вины не признала³⁰ и весьма аргументировано, с документами и цифрами в руках доказывала, что занималась исключительно коммерцией и выполняла поручения Ганецкого, не вникая в политическую сторону его жизни, и аккуратно пересылала сотни тысяч рублей в Стокгольм, а не снимала их со счетов в Петрограде. Обо всех этих поручениях, а также об организации торговли, включая, конечно, и наличие складов, она подробно рассказывала, и ничего предосудительного в ее действиях следствие не обнаружило, что бы потом ни фантазировал в эмиграции Никитин.

Когда следователь спросил у Суменсон, «была ли торговля Як. Фюрстенберга фиктивной и не присылал ли он под видом медикаментов пустые ящики или иного малоценного груза», это вызвало у нее недоумение: «Самый вопрос столь странный, такой же, как если бы меня спросили, жива ли я и существую я или нет, так как ни малейшего подозрения в фиктивности в данном случае быть не может. Это наглядно устанавливается тем, что каждая отправка вскрывается и проверяется в таможене...»³¹

Поскольку информации о связях собственно Ленина с немцами маловато, а нужно заполнять книги многочисленными «фактами», то авторы современных сочинений на эту тему посвящают немало места рассказам о самых разных аферистах, кормившихся от немцев. Вот агент Львов в 1915 г. обещает взорвать мост через Волгу и поднять восстание³². Деньги-то горазд получать. А где диверсии, где восстания? Аферист на аферисте. Но при чем здесь Ленин? Расследователи не приводят документов с его обещаниями кайзеру что-нибудь взорвать.

Немцы финансировали эстонского националиста Александра Кескюлу. Обличители Ленина поэтому пытаются придать Кескюле фантастическое влияние на политику большевиков. Якобы он даже, «финансово подпитывая Ленина», в 1915 г. изменил его точку зрения. В чем же это

³⁰ Попова С. С. Указ. соч. С. 211. Вообще сравнение материалов дела с мемуарами Никитина показывает результат «с точностью до наоборот» и множество фантазий, например, о том, что были получены доказательства о переводах Ганецкому денег из немецкого «Дисконто-Гезельшафт» и переводе им денег через «Ниа-банкен» в Петроград (см.: Там же. С. 402).

³¹ Попова С. С. Указ. соч. С. 217.

³² Хереш Э. Указ соч. С. 203.

изменение? Если сначала Ильич мечтал о мировой революции, то теперь он стал выступать за то, чтобы «вначале надо победить Россию»³³. Так «интерпретирует» Ленина Э. Хереш. Но где у лидера большевиков она вычитала такую сенсационную мысль, Хереш не поясняет.

При этом Антанта также не стояла в стороне от дела пропаганды. По инициативе французского депутата Альбера Тома была создана межсоюзническая комиссия по пропаганде с бюджетом более миллиона рублей³⁴. Одной из ее задач было распространение компромата против большевиков. К этой работе подключились и французские спецслужбы (у британских была другая специализация, они распространяли слухи, компрометирующие Чернова³⁵). Французский военный атташе в Швеции Л. Тома доложил в военное министерство Франции: «Русское Временное правительство желало бы найти, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги... Г. Альбер Тома проездом через Стокгольм дал мне указание доказать в интересах Временного русского правительства, что группа большевиков из окружения Ленина получает немецкие деньги»³⁶. Итак, ответ был известен заранее, работа закипела, французы собрали самые общие материалы о коммерции Ганецкого (в которой, собственно, и не было секрета) и отправили ее в Петроград как доказательство немецкого следа к большевистской кассе.

Это была халтурная работа. Французские собиратели компромата не заметили, что у них под носом небольшую финансовую помощь большевикам предоставил в долг швейцарский социал-демократ Карл Моор, действительно связанный с военным атташе Германии. Но въехать с деньгами в Россию он не смог, поэтому 32 837 долларов достались Заграничному бюро РСДРП(б), которое занималось пацифистской пропагандой – как против Антанты, так и против Четвертого союза, участвовало в подготовке социалистического конгресса. Так что на свержение российского Временного правительства эти деньги не пошли³⁷. Ленин выступил за строжайшую проверку источника денег Моора, и в итоге 24 сентября ЦК большевиков отказался от сотрудничества с ним. Однако деньги уже были выплачены. Потрачена из них оказалась только часть. После победы большевиков и краха Германии Моор поставил вопрос о возвращении ему этой ссуды, и она была возвращена³⁸.

³³ Там же. С. 196.

³⁴ Попова С. С. Указ. соч. С. 9–10.

³⁵ Никитин Б. В. Указ. Соч. С. 109.

³⁶ Попова С. С. Указ. соч. С. 143–144.

³⁷ См.: Соболев Г. Л. Указ. соч. С. 26–27.

³⁸ Там же. С. 324–328.

В любом случае, явным преувеличением являются неофициальные заявления германских чиновников и социал-демократов, сделанные в 1921 г., о том, что большевики получили от Германии 50–60 млн марок³⁹. Весь бюджет, выделенный на германскую пропаганду в стане Антанты, был меньше – 40 580 977 марок⁴⁰.

В середине 1917-го общение с социал-демократами Германии не считалось в России чем-то особенно предосудительным. В мае – августе 1917 г. социал-демократы воюющих стран готовили в Стокгольме конференцию социалистов, которая могла бы стать мостом между воюющими блоками и способствовать заключению мира. В рамках этих консультаций Парвус встречался 13–14 июля с представителями меньшевиков и эсеров Смирновым и Русановым⁴¹.

Наконец, большевики после прихода к власти не отказали себе в удовольствии указать на то, что их соперники-социалисты ворочали многомиллионными суммами, в получении которых сами обвиняли большевиков. После национализации банков на счетах Керенского было обнаружено 1 174 754 руб. 62 копейки⁴². Это не значит, что Александр Федорович был коррупционером. Это доказывает лишь, что через его руки шли финансовые потоки, что вполне естественно для политического лидера в буржуазном государстве. Размеры этих потоков были куда больше, чем у большевиков. Но в пылу политической борьбы в октябре 1917 г. Керенский просто забыл об этих деньгах и не предпринял попытки снять эти средства. Дело в том, что исход борьбы определялся не деньгами, а соотношением идей и социальных интересов широких масс.

На что нужны деньги?

Можно согласиться с Г. Л. Соболевым в том, что «прямых улик в получении большевиками «немецких денег» через торговую фирму Парвуса-Ганецкого не удалось обнаружить ни французской разведке, ни следственной комиссии»⁴³. Прямых улик нет. Это, однако, не значит, что совсем отсутствуют улики косвенные.

Прежде всего, встает вопрос о средствах, на которые 15 мая была куплена типография «Правды». Типография стоила 225 тыс. рублей⁴⁴,

³⁹ *Фельштинский Ю. Г.* Как добывались деньги на революцию // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 47.

⁴⁰ Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001. С. 8.

⁴¹ *Земан З., Шарлау В.* Указ. соч. С. 263.

⁴² *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 371.

⁴³ Там же. С. 309.

⁴⁴ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 475.

но для ее наладки пришлось купить в рассрочку еще ротационную машину, только на установку которой было потрачено 15 тысяч⁴⁵. Были и другие траты на наладку типографии.

В мае «Правда» приносила доход около 25 тыс. рублей⁴⁶, в июне – около 30 тыс. рублей⁴⁷. Этого было явно недостаточно даже на покупку более дешевой типографии в 150 тыс. рублей (но эта возможность сорвалась). Было решено прибегнуть к сбору пожертвований специально на типографию.

У «Правды» уже был опыт такого рода. В марте был создан «Железный фонд» газеты на случай каких-то внезапных проблем. Сразу после Февральского переворота народ был полон энтузиазма в отношении революционных партий и газет, и до конца месяца в «Железный фонд» «Правды» удалось собрать 14988 руб. 29 копеек. В день удавалось собирать от 103 до 1133 рублей, в среднем – около 600 рублей⁴⁸. К 12 апреля было собрано 25450 руб. 34 коп.⁴⁹ То есть в первой половине апреля в среднем собирали побольше, но все же менее 800 рублей в день.

И вдруг случилось чудо – 13 апреля «Правда» бросила клич, начала сбор денег на типографию, и рабочие скинулись, собрав по данным «Правды» к 29 мая только на типографию (не считая «Железного фонда») 136694 руб. 65 коп. Всего было собрано согласно данным «Правды» (после исправления найденных следствием арифметических ошибок) 150352 рубля в фонд типографии и 31002 рубля 16 коп. в «Железный фонд»⁵⁰. Это за полтора месяца. Но сборы второй половины мая шли уже не на покупку типографии, а на иные связанные с ней нужды (в частности, нужно было выплачивать деньги за дорогой ротатор, купленный для типографии позднее).

А. Гертик, заведующий хозяйственной частью Товарищества «Рабочей печати», которое занималось изданием «Правды», рассказывал, что 75 тыс. на типографию собрали буквально за пять дней, а потом еще 65 тысяч⁵¹.

Получается, что в апреле – первой половине мая спонсоры «Правды» собирали по несколько тысяч рублей в день. Такой скачок щедрости жертвователей трудно объяснить в рамках версии «все собрали ра-

⁴⁵ Там же. С. 471. Она стоила 250 тыс. рублей, и на нее продолжали собирать деньги (Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 324).

⁴⁶ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 313–314.

⁴⁷ Расчеты см.: *Сазонов И. О.* Большеви́стское слово. Л., 1978. С. 197–198.

⁴⁸ Фотокопии соответствующих объявлений в «Правде» можно найти в Интернете: yroslav1985.livejournal.com/100046.html.

⁴⁹ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 324.

⁵⁰ Там же. С. 336.

⁵¹ Там же; *Попова С. С.* Указ. соч. С. 225.

бочие». В апреле-мае партия большевиков не была самой популярной в рабочей среде даже в Петрограде. Ситуация сравнима с периодом падения влияния партии в июле – начале августа. Но тогда за две недели на газету «Рабочий и солдат» около 100 тысяч рабочих собрали несколько более 20 тысяч рублей⁵². Увеличивая в полтора раза, получаем несколько более 30 тысяч. Получается, что в среднем рабочий готов был жертвовать копеек по 20. И это с учетом инфляции в мае-августе, да ещё в ситуации, когда партия уже выстроила организационную структуру (июльские события не разрушили её).

С чего это так расщедрились рабочие, что многократно перекрыли сборы сторонников большевиков в марте – начале апреля и после июльских событий? Или расщедрились не только рабочие?

Проверить бухгалтерию «Правды» было не так просто, и не по вине большевиков. Арестованный в июле 1917 г. заведующий издательством «Правды» К. М. Шведчиков предлагал следователям проверить его слова по конторским книгам, уже зная, что враги большевиков сделали всё, чтобы затруднить себе работу: «Считаю необходимым указать, что при обыске конторы, который был произведен ночью, были взломаны замки у столов, переломаны самые ящики в столах и все находившиеся в них документы были выброшены в общую кучу на пол»⁵³. Но все же следовало держаться цифр, которые нельзя опровергнуть пусть и перепутанными, но все же имеющимися у следствия конторскими бумагами.

По расчетам Гертика, на типографию ушло 140–150 тыс. особого типографского сбора и 30–40 тыс. рублей, собранных в «Железный фонд», имевшиеся авансы, а также около 20 тыс., предоставленных Чермовским. Казалось бы, зачем офицер Чермовский жертвовал своими накоплениями, ведь Гертик подтвердил – после покупки типографии осталось еще несколько десятков тысяч денег⁵⁴. Однако, баланс не сходится. Потрачено было от 190 тыс. (140+30+20 тыс.) до несколько более 210 тыс. (150+40+20 тыс. + часть авансов) рублей, а требовалось не менее 240 тыс. рублей. Обнаруживается нехватка около 30 тыс. рублей. Возможно, эти 30 тысяч появились вскоре после покупки типографии, потому что к 15 мая приходилось скрести по сусекам, а вскоре после покупки появились лишние деньги.

Следствие провело экспертизу бюджета «Правды». Прибыль за март-июнь была оценена в 74 417 рублей. Счета фондов составили

⁵² Большеви́стская печать. Краткие исторические очерки. 1894–1917 гг. М., 1962. С. 485.

⁵³ Попова С. С. Указ. соч. С. 223.

⁵⁴ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 796. При этом на 1 мая в «Железном фонде» было 26580 руб., а в типографском – 82947 рублей (Там же. Кн. 2. Ч. 2. С. 313), так что ближе к истине нижние планки цифр, названных Гертиком.

196087 руб. 92 копейки⁵⁵. У «Правды» были обнаружены еще пожертвования на 166677 руб. 7 коп., в том числе от Чермовского не 20000, а 15530 рублей, от других лиц 56684 руб. 45 коп. Из этих 166 тысяч на типографию потратили 66155 руб. 9 коп.⁵⁶, а 57022 руб. оставили в банке (при проверке возникла версия, что это мог быть случайный перевод)⁵⁷. Откуда взялись лишние 66 тысяч, осталось не вполне ясным – ведь пожертвования и так собирали с большим трудом в два фонда. Вероятно, это как раз авансы, за которые потом предстояло рассчитываться.

Н. Чермовский был одним из руководителей типографии после ее приобретения «Правдой»⁵⁸ (как член команды он мог просто внести деньги, предоставленные кем-то, пожелавшим остаться инкогнито, а мог и предоставить газете собственные накопления).

Получается, что «Правда» вложила в покупку 66155 рублей, что было ей по карману, а также деньги фондов, собранные к середине мая (меньше, чем 190 тысяч, так как деньги продолжали собирать и после мая) – около 170 тысяч.

Если бы не было других трат, то этого могло почти хватить. Но доходы и пожертвования тратились не только на покупку самой типографии. Из этих сумм купили автомобиль за 6850 рублей⁵⁹. Уплатили за помещение 3500 рублей. На обслуживание типографии уходило около 25 тысяч, которые полностью не окупались. Купили бумаги на 40 тысяч⁶⁰. Бумага могла окупиться уже в июне, но все равно получается, что после покупки типографии были свободные деньги.

Таким образом, можно утверждать, что у большевиков были спонсоры за пределами рабочего класса, но размеры их помощи составили всего несколько десятков тысяч рублей, что не играло существенной роли в успехах ленинцев – обороты «Правды» и ЦК РСДРП(б) были больше. Эти спонсоры были готовы одолжить большевикам недостающие им средства для налаживания более прибыльного и широкомасштабного издательства, чем «Правда» и «Прибой» весны 1917 года. Однако усилия, предпринятые в этом направлении в мае – июле 1917 г., закончились разгромом «Правды» 5 июля и дали довольно скромные результаты.

У большевиков действительно возник в первой половине мая 1917 г. дефицит в несколько десятков тысяч рублей (около 30 тыс.), который

⁵⁵ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 329.

⁵⁶ Там же. С. 330–331.

⁵⁷ Там же. С. 331.

⁵⁸ Там же. Т. 1. С. 470.

⁵⁹ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 331.

⁶⁰ Там же. Т. 1. С. 796–797.

им нужно было быстро покрыть (хотя бы в долг). Этот дефицит был покрыт, но сама история с покупкой типографии оказалась малозначимым эпизодом, так как июльское поражение обнулило результаты этих усилий.

Среди этих спонсоров, очевидно, был Ганецкий и вероятно – его партнер Козловский (хотя они были не единственными источниками относительно крупных сумм более тысячи рублей, если вспомнить о взносе Чермовского). Разгром «Правды» 5 июля стал форс-мажорным обстоятельством, который позволил большевикам несколько месяцев не возвращать долги (а после октября 1917-го это стало неважно).

Роль Ганецкого и Козловского представляется важной не сама по себе (тем более, что их вклад в дело победы большевиков в любом случае скромнен), а из-за их связи с Парвусом. Однако из сказанного выше следует, что они могли передавать большевикам не деньги Парвуса, а деньги, которые де-юре были заработаны ими лично.

Даже если Козловский направил деньги на покупку типографии, это еще не означает, что он просто спонсировал большевиков. Речь могла идти о совместном проекте большевиков и польских социал-демократов. Характерно, что юристом при покупке типографии выступал сам Козловский, а на этой типографии потом свои материалы печатали также польские социал-демократы⁶¹. Так что если со стороны Ганецкого и Козловского пришли деньги, они шли на общие нужды двух близких друг к другу партий, типография покупалась как бы вскладчину.

Было ли это согласовано с Парвусом-Гельфандом? Учитывая, что он активно, но безуспешно добивался контакта с Лениным⁶², его согласие «взять в дело» близкого большевикам человека можно рассматривать как попытку наладить мостик к Ленину. Попытка не удалась, но Парвус уже инвестировал деньги и забрать их назад не мог. Он просто перестал помогать Ганецкому дальше. Тот пытался некоторое время держаться на плаву, но его коммерция пошла на дно. В июне, как нам уже известно, Заславский обвинил Ганецкого в связях с Парвусом, о нем заговорили как о посреднике между немцами и большевиками. В РСДРП(б) была создана специальная комиссия, занимавшаяся «делом Ганецкого» и по сути – его защитой от нападков. В этих условиях его негласная финансовая помощь партии была уже вряд ли возможна.

Так что если большевики и получили средства от Ганецкого и Козловского, то это было возможно в пределах тридцати тысяч рублей, и только весной 1917 года. Если «Правда» получила деньги, то их

⁶¹ Попова С. С. Указ. соч. С.226–227.

⁶² См., например, Соболев Г. Л. Указ. соч. С. 179.

предоставил не «немецкий Генштаб», а лично Ганецкий, управляющий скандинавской фирмой, и их корректнее называть не «немецкими деньгами», а «деньгами Ганецкого».

Очевидно, что «деньги Ганецкого» никоим образом не могли привести к влиянию Германии на политический курс большевиков. К германскому империализму Ленин относился с той же враждебностью, как и к российскому.

В целом сумма около 30 тыс. рублей составляла незначительную долю в финансировании большевиков. При этом на своих работников большевики тратились скромно. По данным слежки, например, Каменев «живет очень бедно; средств никаких не имеет»⁶³. На жалованье работникам ЦК официально было потрачено в апреле-августе всего 10 135 рублей. Еще на орграсходы и канцелярские товары ушло 18 922 рубля. Отчисления от взносов местных организаций – 4104 рублей – даже для этого не хватало, так что и ЦК собирал пожертвования – 50 644 рубля⁶⁴.

Если большевики на пару с польскими социал-демократами действительно получили со стороны Ганецкого около 30 тыс. руб., то можно ли считать эти деньги «немецкими»? Фирма Ганецкого оказалась убыточной и в июне 1917 г. шла к банкротству. Учítывая, что расчетная прибыль составляла 2 млн. руб., реальная – 800 тыс., то несколько десятков тысяч в этом балансе не играли роли. Ганецкий мог свободно вынуть их из кассы, а пострадал от банкротства Парвус, ссудивший деньги на этот бизнес-проект. В дальнейшем Ганецкий мог бы пустить на политические нужды остаток средств фирмы – около 160 тысяч рублей. Но он этого не сделал, и нет доказательств, что он планировал предоставить большевикам такую «кислородную подушку».

Типография так и не успела приступить к выпуску в свет «Правды». Месяц ушел на переоборудование типографии под печатание газеты. В это время газета печатала листовки и брошюры для издательства «Прибой» (в том числе работы Ленина). Затем, так и не приступив к изданию «Правды», стали готовить выпуск «Солдатской правды», но до 5 июля успели выпустить только листок⁶⁵. Типография работала с дефицитом, возможно – в десятки тысяч рублей⁶⁶. К моменту закрытия типографии в июле проект не окупился.

Не покупка типографии обеспечила популярность большевиков и «Правды», а содержание их пропаганды.

⁶³ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 1. С. 512.

⁶⁴ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 38–39.

⁶⁵ Следственное дело большевиков. Кн. 1. С. 470.

⁶⁶ Там же. С. 733.

В стране шла предвыборная кампания. Это требовало больших затрат на печатание газет, листовок и плакатов. В начале весны вперед вырвались партии меньшевиков и эсеров, которые могли пользоваться возможностями Совета бесплатно. Эсеры имели шансы опереться на финансовые возможности кооперативного движения. Кадетов финансировал бизнес.

После июля 1917 г. большевики уже не могли получать финансовой поддержки через Ганецкого, но и без этого сумели восстановить и тиражи, и массовую поддержку. К тому же не будем забывать, что в России тогда далеко не все жители читали газеты и даже не все сторонники большевиков были грамотны. Согласимся с В. Г. Сироткиным, что нельзя преувеличивать «роль антивоенной продукции, в частности «Окопной правды» и других пробольшевистских изданий, в их воздействии на фронтовые войска, где только четыре процента солдат имели «навык самостоятельного литературного чтения»»⁶⁷. Большевики агитировали на улицах и на съездах, которых во время революции было множество. Поскольку у правительства не было телевидения, противостоять большевистской агитации было тяжело, даже если бы у РСДРП(б) не было больших тиражей газет.

Для обывательского сознания непостижимо, что кроме денег могло обеспечить победу радикальной левой партии. Но причина роста влияния большевиков лежит в другой плоскости. Экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся, продолжал углубляться, и Временное правительство ничего не могло с этим поделать. Это порождало массовое отчаяние, стремление вырваться из сложившегося положения одним скачком, нереальные ожидания и в итоге – стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество. Большевики стали силой, которая взяла на себя консолидацию радикально настроенных солдатских и рабочих масс. Эта политическая ниша обеспечивала большевикам рост влияния в условиях углублявшегося кризиса, позволила сохранять силы даже после тяжелого июльского поражения.

Враг государства

Ленин был врагом российского государства. Это верно. Он был врагом любого государства, существовавшего в середине 1917 года. А еще он стал государственным деятелем и основателем нового государства.

После поражения июльского выступления скрывавшийся в Разливе Ленин выступил за снятие лозунга «Вся власть Советам!», по-

⁶⁷Примечания к: *Спиридович А. Указ. соч. С. 311.*

скольку «данные Советы» не способны эту власть взять. «Лозунг перехода власти к Советам звучал бы теперь как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг, объективно, был бы обманом народа, внушением ему иллюзии, будто Советам и теперь достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти, будто в Совете находятся еще партии, не запятнавшие сябя пособничеством палачам, будто можно бывшее сделать небывшим»⁶⁸. Теперь ставку следовало делать не на Советы, а на любые революционные, то есть идущие за большевиками общественные организации. Но какого-то емкого лозунга взамен «Вся власть Советам!» Ленин не дал, и это ослабляло его позиции.

13-14 июля идея Ленина обсуждалась на совещании ЦК, Петербургского и Московских бюро и комитетов партии. Большинство выступило против снятия лозунга «Вся власть Советам!». Большевикам было трудно поддержать столь решительный поворот – ведь идея передачи власти Советам была основой политической стратегии большевиков. Если отказаться от этого требования, то что же останется? Брать власть в руки партии непосредственно? Это бланкизм, диктатура меньшинства пролетариата (большевики отождествляли себя с пролетариатом, но понимали все же, что за ними не идет этот класс целиком). Такая диктатура может столкнуться с сопротивлением большинства населения и вскоре погибнуть. А между тем на Урале и в небольших городах Центрального промышленного района большинство в Советах стало переходить к большевикам.

26 июля – 3 августа в Петрограде полулегально прошел VI съезд РСДРП (как официально называлась партия большевиков). На этом съезде партию большевиков пополнили межрайонцы, а Н. И. Бухарин с трибуны съезда призывал меньшевиков-интернационалистов к сотрудничеству в борьбе с оборонцами. Несмотря на поражение, большевики считали себя консолидирующим центром левого фланга политического спектра, вождями революции.

С политическим докладом выступил Сталин. После тяжелого удара, который получила партия, докладчик искал поводы для оптимизма: «Но подземные силы революции не дремлют: поскольку война продолжается, поскольку продолжается разруха, никакие репрессии, никакие казни, никакие московские совещания не спасут правительство от новых взрывов»⁶⁹. Эти взрывы в ближайшем будущем «откроют эру социалистической революции на Западе»⁷⁰. Сталин заявил, что и рево-

⁶⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 12–13.

⁶⁹ Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 г. Протоколы. М., 1958. С. 113.

⁷⁰ Там же. С. 114.

люция в России «стала принимать характер социалистической, рабочей революции»⁷¹.

В. Володарский не согласился со Сталиным: «Эта революция является переходной к социалистической, но это – не социалистическая революция, при которой мы теряем наших союзников и боремся одни»⁷². За этим теоретическим вопросом стояла тактическая проблема – как наладить связи с непролетарскими массами. Иного средства, кроме Советов, для этого под рукой не было. Но как раз лозунг «Вся власть Советам!» под влиянием Ленина Сталин предложил снять.

Теперь власти нет не только у Советов, но по сути и у Временного правительства, в стране по мнению ЦК большевиков установилась буржуазная диктатура, так что мирные средства исчерпали себя. «Что такое Временное правительство? Это – кукла, это – жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал – три опоры контрреволюции»⁷³. Характерно, что в глазах кадетов и Корнилова правительство было ширмой социалистов-пораженцев. В условиях политической поляризации радикалы с двух сторон стремились к прямой схватке, не останавливаясь перед гражданской войной, но прямо об этом ни Сталин, ни резолюция съезда не упомянули.

От имени ЦК Сталин предложил изменение стратегии партии, запланированное Лениным: «Я хотел бы разъяснить одно место в резолюции: до 3 июля была возможна мирная победа, мирный переход власти к Советам. Если бы съезд Советов решил взять власть в свои руки, кадеты, я полагаю, не осмелились бы выступить открыто против Советов, ибо такое выступление было бы обречено заранее на гибель. Но теперь, после того, как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что Советы могут мирным путем взять власть в свои руки, – значит говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов»⁷⁴. Сталин выражается осторожно, не говорит прямо о восстании. Но лозунг «Вся власть Советам!» теперь неуместен.

Предложение отказаться от проверенного лозунга вызвало серьезные возражения. Так, Е. А. Преображенский настаивал: «Роль Советов еще не кончена. Их состав может измениться»⁷⁵. К. К. Юренев вообще обвинил Сталина в пессимизме. Да, мирный период революции кончился, но лозунг «Вся власть Советам!» может быть и лозунгом «бурного периода» – все равно Сталин (можно было сказать – и

⁷¹ Там же. С. 14.

⁷² Там же. С. 119.

⁷³ Там же. С. 114.

⁷⁴ Там же. С. 114.

⁷⁵ Там же. С. 116.

Ленин) ничего лучше не предложил. Если ставить только на партию, то она быстро окажется в изоляции. «Вне передачи власти Советам выхода нет»⁷⁶.

Таким образом линия Ленина – Сталина столкнулась с фронтом как старых, так и новых большевиков из вчерашних межрайонцев. Сталин не был готов к этому противостоянию, тем более, что они с Лениным действительно не подготовили ясного нового лозунга.

Отвечая на возражения, Сталин уже разъяснял, что он «не выступал против Советов как формы организации рабочего класса», но дело не в форме. Может быть будут другие формы, революционный комитет например. «Если мы предлагаем снять лозунг «Вся власть Советам!», отсюда еще не вытекает «Долой Советы!». Но «сила уже не в Советах»⁷⁷. Скоро покажется, что Сталин ошибался, партия будет выступать за «власть Советов», но «сила» для коммунистов и дальше будет уже не в Советах, а в партийной организации. В. М. Молотов поддержал тему поворота в политике большевиков: «В изменении мирного характера революции и есть переломный момент. Власть можно получить только силой»⁷⁸.

Ссылаясь на Ленина, Сталин настаивал, что старый лозунг к власти большевиков не приведет, а «вопрос стоит не об организации власти, а об её свержении, а когда мы получим власть в свои руки, сорганизовать её мы сумеем»⁷⁹.

После дискуссии сошлись на негативном лозунге «полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии». За пределами партии большевиков это выглядело не очень убедительно – ведь правительство после июльских дней даже несколько полевело. Но большевики были теперь настроены на бескомпромиссное обличение властей. Однако, на что теперь опираться, если не на Советы? Под влиянием делегатов съезда резолюция возвратила партию все к тем же Советам – во главе списка других полезных делу организаций: партия должна «отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации (Советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты) и в первую голову Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», продолжать бороться за влияние в них. Так что линия большевиков менялась не сильно. Резолюция также поставила задачу «взятия государственной власти» в руки революционных классов, но как это сделать – разъяснять не стала⁸⁰.

⁷⁶ Там же. С. 116–118.

⁷⁷ Там же. С. 122–123.

⁷⁸ Там же. С. 136.

⁷⁹ Там же. С. 143.

⁸⁰ Там же. С. 257.

Позиция съезда формировалась под воздействием настроений провинции, на которую июльское поражение не произвело такого упаднического впечатления, как на партийный центр.

Впрочем, и Ленин надеялся, что в ходе нового этапа революции (он писал даже о новой революции) возникнут новые Советы, «но не теперешние Советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу Советов, это так... Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные»⁸¹.

В это время Ильич излагал свое социально-политическое кредо в работе «Государство и революция». Она проникнута идеей власти Советов. Ленин не отказался от самой идеи советской республики. Просто для ее осуществления нужны другие Советы.

Отталкиваясь от текстов К. Маркса и Ф. Энгельса, Ленин формулирует свой государственный идеал так: «Демократия, проведенная с такой наибольшей полнотой и последовательностью, с какой это вообще мыслимо, превращается из буржуазной демократии в пролетарскую, из государства (= особая сила для подавления определенного класса) в нечто такое, что уже не есть собственно государство»⁸².

Такая **прямая демократия означала бы передачу власти непосредственно органам самоуправления рабочих и крестьян, полную ликвидацию бюрократической надстройки**: «Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной заработной плате рабочего», эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму»⁸³. Ленин считал, что это будет уже «не государство чиновников, а государство вооруженных рабочих»⁸⁴. Это похоже на анархизм. Но есть существенная разница: «Маркс сходится с Прудоном в том, что оба они стоят «за разбитие» государственной машины. Этого сходства марксизма с анархизмом (и с Прудоном, и с Бакуниным) ни оппортунисты, ни каутскианцы не хотят видеть, ибо они отошли от марксизма в этом пункте.

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из

⁸¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 16–17.

⁸² Там же. Т. 33. С. 42.

⁸³ Там же. С. 44.

⁸⁴ Там же. С. 97.

мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс – централист»⁸⁵. Характерно, что, когда Бухарин указал на производственно-технический централизм как основное отличие марксизма от анархизма, Ленин в 1916 г. счел эту мысль «неверной, неполной»⁸⁶. Марксистская программа отличается от анархистской центризмом, который должен быть не только производственно-техническим, но социально-экономическим, и при этом не государственно-принудительным, а добровольным объединением, «слиянием» коммун⁸⁷.

Ленин четко разъяснил, когда, по его мнению, государство, контролирующее все стороны жизни общества, должно «отмереть»: «Государство сможет отмереть полностью тогда, когда общество осуществит правило: «каждый по способностям, каждому по потребностям»...⁸⁸ Правда, этот коммунистический принцип, по мнению Ильича, достигим в обозримой перспективе (но если нет – придется подождать и со свободой, и с «отмиранием» авторитарности).

Сам Ленин считал, что поскольку в структуры советского государства будут вовлечены миллионы простых людей, то оно будет донельзя демократическим. Но на долю масс в его системе выпадает всего лишь контроль за правильным выполнением решений планирующего центра. Контроль организованных в Советы масс над управленцами представляется лидеру большевиков чрезвычайно простым: «Капиталистическая культура создала крупное производство, фабрики, железные дороги, почту, телефоны и прочее, а на этой базе громадное большинство функций старой «государственной власти» так упростилось и может быть сведено к таким простейшим операциям регистрации, записи, проверки, что эти функции станут вполне доступны всем грамотным людям, что эти функции вполне можно будет выполнять за обычную «заработную плату рабочего», что можно (и должно) отнять у этих функций всякую тень чего-либо привилегированного, «начальственного»⁸⁹.

Ленин считал, что именно индустриальное общество способно упростить процесс управления (хотя на практике наблюдалось обратное). Однако индустриальная эпоха с ее высочайшей специализацией создавала наихудшие предпосылки для контроля снизу за процессом управления и в то же время оптимальные условия для отрыва реальной власти от местных, низовых интересов. Это проявляется и в ле-

⁸⁵ Там же. С. 53.

⁸⁶ Там же. С. 333.

⁸⁷ Там же. С. 53.

⁸⁸ Там же. С. 96.

⁸⁹ Там же. С. 44.

нинской теории. Ильич вовсе не отказывается от максимального расширения полномочий самого государства, то есть централизованной структуры управления. Он выступает за всеобщее огосударствление экономики, за «строжайший контроль со стороны общества и со стороны государства за мерой труда и мерой потребления»⁹⁰. Всевидящее око, тотальный контроль. Поскольку все окажутся вовлечены в этот контроль, то сама функция управления уже не будет делом профессии. Все станут надзирать за правильностью выполнения указаний центра. Сильный управляющий центр должен опираться на «аппарат», состоящий не из чиновничества, а из выборных работающих органов «вроде Советов»⁹¹.

Такое политическое преобразование, по мысли Ленина, полностью преобразит социально-экономические отношения. Собственно, в самом «базисе» все уже готово для социализма: «социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией»⁹².

Программу «сегодняшнего дня» Ленин формулировал так: «Экспроприация капиталистов, превращение всех граждан в работников и служащих одного «синдиката», именно: всего государства, и полное подчинение всей работы всего этого синдиката государству действительно демократическому, государству Советов Рабочих и Солдатских Депутатов»⁹³.

Таким образом, в 1917 г. Ленин стремился к созданию нового государственного образования, в котором вся экономическая структура (включая потребление) будет подчинена управляющему центру, опирающемуся на систему демократических органов, контролирующих управленцев и правильность исполнения стратегических решений правящего центра. Достижения индустриального общества должны были обеспечить быстрое согласование интересов внутри этой системы.

Когда эта надежда не оправдывается и интересы трудящихся придут в противоречие с намерениями «центра», большевики установят авторитарную диктатуру, подавляющую выступления масс трудящихся, в том числе рабочих. Анархические одежды спадут с тела радикального марксизма. Нужды управления, которые на практике оказались гораздо сложнее, чем это казалось Ленину первоначально, заставят сохранить и старый (по структуре) бюрократический аппарат. А всеобщее

⁹⁰ Там же. С. 97.

⁹¹ Там же. С. 91.

⁹² Там же. Т. 34. С. 192.

⁹³ Там же. Т. 33. С. 97.

огосударствление экономики приведет даже к его значительному расширению.

Комментируя марксово определение диктатуры пролетариата как государства, представляющего собой «организованный в господствующий класс пролетариат», Ленин писал: «По Марксу, пролетариату нужно лишь отмирающее государство, т.е. устроенное так, чтобы оно немедленно начало отмирать и не могло не отмирать»⁹⁴. В этом отношении Ленин потерпел поражение. Созданное им государство не могло не усиливаться, оно не собиралось отмирать и не имело в своем устройстве ничего, что могло бы его заставить отмирать. Но это не значит, что сама задача была нереалистичной. Ведь она ставилась и другими теоретиками социализма, которые предлагали более конкретные механизмы отмирания, встроенные в структуру государства. Прежде всего – расширяющееся самоуправление, вытесняющее бюрократический центр, федерализм, который делает «верхи» непосредственно зависимыми от «низов». Ленин отрицал последовательный федерализм, и потому поставленные в «Государстве и революции» задачи не могли быть реализованы силами большевиков.

Ильич писал: «При переходе от капитализма к коммунизму подавление еще необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» еще необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством вчерашних наемных рабов – дело настолько сравнительно легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле»⁹⁵.

⁹⁴ Там же. С. 24. Нынешние сторонники Ленина нередко «оппортунизируют» его, дабы Ильич выглядел более мудрым с точки зрения современного обывателя. В. Т. Логинов пишет: «Да, со временем государство начнет отмирать, разъяснял Ленин, но это сможет произойти лишь при ином уровне культуры и материального производства, ибо «предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя, способного зря, как бурсаки у Помяловского, портить склады общественного богатства и требовать невозможного» (Логинов В. Т. Указ. соч. С. 329). Как видим, в реальности Ленин разъяснял, что государство должно начать отмирать не «со временем», а немедленно. Цитата о бурсаках относится не к началу отмирания государства, а к «высшей фазе развития коммунизма», когда отмирание государства не начнется, а завершится (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 97). Впрочем, после прихода большевиков к власти государство очень быстро перестало отмирать. «Обыватель» и через десятилетия не признал «общественные» склады своими. В «Государстве и революции» Ленин поставил ясную задачу обеспечить постоянный процесс отмирания государства. Но добиться осуществления этой задачи он не смог.

⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 90.

Характерно, что Ленин опубликовал свою работу тогда, когда в России уже шла одна из самых кровопролитных гражданских войн в истории страны. Почему лидер большевиков не видел такого очевидного противоречия? Отвечая на этот вопрос, следует помнить, что Ленин мыслил в категориях мировой революции – всемирного столкновения «пролетариата» и «буржуазии», на фоне которого массовое кровопролитие в России оставалось всего лишь эпизодом. Именно запаздыванием мировой революции, которая должна была подкрепить недостающие культурные и технологические ресурсы России, большевики объясняли как отступление от выполнения своих демократических обещаний (вплоть до полного отказа от них), так и ожесточенность Гражданской войны «из-за вмешательства империалистов». Идея мировой революции была универсальным решением всех теоретических проблем, возникавших в связи с невыполнимостью большевистской программы. Мировая революция должна была сделать невозможное возможным. А пока требовалось стимулировать мировую революцию созданием в России принципиально нового революционного образования – Республики Советов. Ленин считал: «Задача пролетариата России – довести до конца буржуазно-демократическую революцию в России, дабы разжечь социалистическую революцию в Европе»⁹⁶.

И все же программа «Государства и революции» не была просто утопией. Она определила две стороны большевистского проекта. С одной стороны, резкое увеличение вертикальной мобильности, вовлечение низов в процесс управления. С другой – все более жесткое подчинение общества воле управляющего центра.

⁹⁶ Там же. Т. 27. С. 49.

ДВА БОНАПАРТА

Июльские победители

Июльские победители получили возможность установить диктатуру и обрушить сокрушительные репрессии на левых радикалов. Однако социалисты не пошли на это. Некоторые историки видят здесь их ошибку. К. Н. Морозов пишет об эсерах: «Их прекраснодушие, стремление действовать легитимным путем и старые иллюзии помешали им подавить большевиков летом 1917 г., и эта ошибка оказалась роковой как для России, так и для ПСР»¹. Прекраснодушие или трезвый расчет? В чем эсеров заведомо нельзя упрекнуть – это в стремлении всегда действовать легитимным путем. Они не были легитимистами до 1917 г., а в 1917-м и позднее легитимность вообще была весьма условной. «Легитимность» 1917 г. определялась сосуществованием Временного правительства, формируемого по соглашению центристских партий, и Советов, в которые входили и более радикальные силы, пользовавшиеся авторитетом в рабочей среде. Чтобы подавить большевиков, то есть необратимо сокрушить эту партию, следовало обрушить на них гораздо большие репрессии, чем имели место в июле. А это неизбежно вызвало бы сопротивление значительной части советской демократии – ведь такие репрессии были бы несоразмерны вине большевиков в июльских событиях. Это значит, что массовые репрессии против большевиков и анархистов требовали также и ликвидации Советов – главного препятствия в проведении репрессий «налево». Такая политика могла опираться только на правые силы и прежде всего – на правое офицерство. А оно относилось к эсерам немногим лучше, чем к большевикам. Понятно, что в таких условиях эсеры и меньшевики быстро последовали бы вслед за большевиками. Их вожди прекрасно понимали это. Без советской структуры и поддержки слева центристы стали бы легкой добычей правых сил (что и подтвердили события Корниловского выступления). Если бы события пошли по такому сценарию, сторонники социалистических идей тоже рассуждали бы о роковой ошибке и для эсеров, и для России.

¹ Морозов К. Н. Политическое руководство Партии социалистов-революционеров в 1901–1921 годах // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 486.

После поражения июльского выступления улица принадлежала не только ВЦИК и правительству, но и прямым противникам революции, которые «за компанию» разгромили помещения социал-демократических и профсоюзных организаций.

«Из братоубийственной схватки демократия в целом вышла обессиленной, разбитой. В результате победы ЦИК над бунтарской стихией началась настоящая оргия контрреволюции на улицах Петрограда. Темные элементы, прятавшиеся 3 и 4 июля, теперь торжествовали. «Публика» Невского проспекта, ненавидевшая Чхеидзе и Церетели не меньше, чем Ленина, требовала мести и крови. Появились какие-то самозванные шайки «инвалидов», офицеров, юнкеров, хватавшие среди бела дня подозреваемых в большевизме людей, врывавшиеся в квартиры, производившие обыски и аресты... Картина была отвратительная. Этот разгул черносотенства грозил уничтожить плоды нашей победы над бунтарской стихией... Но работать на именинников 5 июля революционная демократия не могла»², – свидетельствовал В. С. Войтинский – один из тех, кто с полным основанием мог считать себя победителем большевизма в июле.

После разгрома левых радикалов лидеры революционной демократии видели главную угрозу справа. Группа Керенского стремилась сохранить политическую опору справа и настаивала на восстановлении коалиции с кадетами. Но на этом пути возникли неожиданные препятствия.

Идеология нового правительства была изложена в декларации, принятой 8 июля. Она подтверждала верность правительства курсу прежнего кабинета, объявленному 6 мая, но конкретизировала некоторые важные положения. Правительство обещало добиваться созыва конференции союзников для выдвижения Антантой мирных принципов русской революции (в действительности министр иностранных дел Терещенко не стал на этом настаивать перед союзниками).

В области внутренней политики правительство считало важнейшей задачей проведение выборов в земства и городское самоуправление в августе (что удалось сделать) и проведение выборов в Учредительное собрание 17 сентября (что не удалось). Правительство обещало поддерживать Экономический совет и создать на его основе Главный экономический комитет для разработки и проведения в жизнь «плана организации народно-хозяйственного труда». Органы эти были созданы, но работа их так и осталась на бумаге.

Трудовые конфликты правительство рассчитывало урегулировать, приняв закон о 8-часовом рабочем дне, свободе профсоюзной деятельности, биржах труда, примирительных камерах, страховании.

² Войтинский В. С. Указ. соч. С. 179–180.

21 мая было принято постановление Временного правительства о волостном земском управлении, введившее всеобщие равные выборы в земства.

9 июня вышло постановление Временного правительства «Об изменении действующих положений об общественном управлении городов», отменявшее городское положение 1892 года. Выборы в органы городского самоуправления становились равными и ежегодными, с правом отзыва депутатов.

Пожалуй, наиболее решительной мерой правительства в области экономики стал запрет на вывоз капиталов за границу с 16 июня³. До этого момента революция сопровождалась оттоком капиталов, но и после введения запрета предприниматели, не желающие рисковать средствами в условиях нарастания революции, выводили свои капиталы из бизнеса и вкладывали их в ценности, которые можно было бы вывезти с собой в случае отъезда за границу.

Правительство не могло отмолчаться по поводу аграрной реформы. Декларация провозглашала, что «в основу будущей земельной реформы должна быть положена мысль о переходе земли в руки трудящихся». Правительство обещало подготовить к Учредительному собранию соответствующий законопроект. До этого Временное правительство планировало ликвидировать столыпинскую землеустроительную политику, «дезорганизирующую деревню», и в то же время пресечь самочинные земельные захваты⁴. Воспользовавшись уходом кадетов, Чернов протолкнул закон о фактическом замораживании земельных сделок.

Декларация была написана правыми социалистами, и некоторые ее положения были слишком левыми для князя Львова, которого возмутило «предрешение» перехода к республиканской форме правления, основных положений аграрной реформы и прочих прерогатив Учредительного собрания. Он, конечно, мог бы побороться с этим, но декларация стала хорошим поводом для Львова уйти в отставку. Правительство возглавил Керенский, но теперь он намеревался восстановить коалицию с кадетами, успокаивая левых тем, что даже с ними правительство будет выполнять демократическую программу 8 июля.

Однако кадеты не оценили намерения Керенского восстановить коалицию под прикрытием демократических обещаний. Их возмутил сам факт, что декларация правительства писалась социалистами. Кадеты потребовали пересмотра документа, а прежде не собирались войти в правительство. В поведении кадетов была своя логика: почему

³ Следственное дело большевиков. Кн. 2. Ч. 2. С. 19.

⁴ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 342.

в условиях ослабления Советов курс правительства должен смещаться влево, а не вправо? Начались длительные переговоры. Некоторое время правительство социалистов (разве что министром юстиции был назначен более правый И. Н. Ефремов, а государственным контролером остался прогрессист И. В. Годнев) работало вполне успешно, что вызвало опасения у правых, что их и вовсе могут оставить за бортом власти. 12 июля почти забытый Временный комитет Государственной думы заявил, что правительство не представляет «многих влиятельных кругов населения»⁵. Это стало сигналом для Годнева, который предложил вместо форума Советов собрать в Москве более широкое собрание, которое станет опорой нового кабинета. Так возникла идея Московского государственного совещания. 13 июля Керенский анонсировал ее во ВЦИКе. Но формировать правительство, пользующееся доверием «влиятельных кругов», нужно было быстрее, чтобы Государственное совещание его уже поддержало, и Керенский активизировал переговоры с кадетами.

Они выдвинули свои условия: министры должны отвечать «исключительно перед своей совестью» (то есть не перед ЦК, Советами или другими протопарламентами); «осуществление всех основных социальных реформ и разрешение вопросов о форме государственного строя должно быть безусловно отложено до Учредительного собрания», а также единение с союзниками, восстановление дисциплины в армии, скорейшее введение правильно выбранных органов местного самоуправления, восстановление государственного суда и др.⁶ Керенский в принципе был готов уступить, но с этим ультиматумом не были согласны лидеры Совета, включая Чернова, Дана и даже Церетели. Их поддерживал и Некрасов, который в июльские дни покинул кадетскую партию и стал одним из лидеров Революционно-демократической партии, претендовавшей на роль представителей более демократических буржуазных кругов, чем кадетские. Кадеты стали требовать удаления Чернова из правительства, что было неприемлемо для эсеров, включая и Керенского. Ситуация зашла в тупик, и Керенский уехал в Ставку.

Там, столкнувшись 16 июля с истерической реакцией генералов на «развал армии», Керенский стал подумывать о том, чтобы вообще изменить формат власти, сделать ее более монолитной, заменив кадетов правыми социалистами с репутацией «несоветских» (таких как Плеханов и Брешко-Брешковская). Об этом Керенский говорил еще одному антисоветскому социалисту Борису Савинкову⁷. Но для того, чтобы

⁵ Миллюков П. Н. История Второй русской революции. С. 219.

⁶ Там же. С. 220–221.

⁷ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Август 1917 – июнь 1918. Документы. Т. 2. М., 2003. С. 300.

Государственное совещание и вообще правая общественность согласились с таким кабинетом, нужно было продемонстрировать волю к укреплению порядка в стране и армии. Требовалась фигура, которая могла символизировать такое стремление. Как нельзя кстати в это время в поле зрения Керенского попал генерал Корнилов с самыми лестными рекомендациями Савинкова.

Так в окружении Керенского стала развиваться идея «сильного» правительства, независимого от партий и проводящего центристскую политику, связанную с оздоровлением армии. Задачу создания монолитного кабинета облегчил Чернов, который 20 июля подал в отставку, чтобы вернуть себе свободу действий в защите от клеветнических обвинений в сотрудничестве с германскими властями.

Керенский считал момент удачным для того, чтобы «дожать» кадетов и получить права на формирование правительства лично, а не на основании соглашения противостоящих политических сил: Советов, с одной стороны, и кадетов и ВКГД – с другой. 21 июля он подал в отставку.

В ночь на 22 июля заместитель председателя правительства Некрасов собрал в Зимнем дворце совещание представителей основных политических партий. Дискуссия о судьбе правительства затянулась на всю ночь. Некрасов обрушился на Советы за их мелочный контроль над министрами и потребовал не вмешиваться в работу правительства. Вывод Некрасова был категоричен: «Или вы доверяете всецело Керенскому и тем, кого он призовет к власти, или вы не доверяете им. Тогда составьте чисто социалистический кабинет, и мы уступим вам власть...»⁸ После июльских дней Некрасов наверняка знал, что лидеры Советов не решатся создавать правительство социалистов.

Кадеты поддерживали идею независимого от низов правительства. Но можно ли доверять такое важное дело Керенскому, который потащит в кабинет всяких сомнительных социалистов? ЦК кадетов 19–20 июля обсуждал вопрос о правительстве, и Милюков предложил создать твердую власть без социалистов. Но большинство членов ЦК кадетов понимали, что отказ от союза с социалистами приведет к утере контроля над массами. Как сказал А. Васильев, «уход социалистов – это крах армии, бунты в городах, поджоги в деревнях»⁹. В результате на совещании 21–22 июля Милюков тоже выступил за безусловное доверие Керенскому в деле формирования правительства.

⁸ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 40. Впрочем, Дан, возмущенный ультимативным тоном и обвинениями Некрасова, заявил, что Совет возьмет власть, когда сочтет нужным.

⁹ Цит. по: Логинов В. Т. Указ. соч. С. 266.

В конце концов произошел размен – кадеты перестали настаивать на отмене декларации 8 июля (хотя и не признали ее)¹⁰, но социалисты согласились с принципом безответственности правительства, которое сформирует Керенский по своему усмотрению.

24 июля Керенский составил новое правительство из 7 социалистов и 8 несоциалистов. Чернов вошел в правительство только после того, как было официально объявлено, что расследование показало «злостность тех слухов», которые распространялись о Чернове в печати.

«При небольшом номинальном перевесе социалистов действительный перевес в кабинете безусловно принадлежал убежденным сторонникам буржуазной демократии»¹¹, – считал Милюков. Но либералы, опасаясь новых кризисов, подобных апрельскому или июльскому, вели себя осторожно, саботируя меры социалистов.

Создав правительство, Керенский провел несколько «железных законов». 2 августа военный министр и министр внутренних дел получили право арестовать тех, кого они подозревают в создании угрозы «обороне государства и внутренней его безопасности». Вводилось наказание до 3 лет заключения за участие в забастовке на железной дороге, а также за оскорбление представителей союзных держав¹².

«Для баланса» 8 августа был принят закон о запрещении ночного труда женщин и детей. Керенский пытался выстроить систему «сильной власти» во главе с гражданскими демократами. Эта власть должна была довести страну до Учредительного собрания. А уж оно создаст новые правила игры, которым подчинятся все.

Такова была юридическо-правовая модель ситуации, которой следовало большинство политиков. Но население страны все больше вы-

¹⁰ Милюков возмущался: «Это опять был тот же заколдованный круг: коалиционный кабинет, но... с социалистической программой» (*Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 230*). Но он так и не объяснил, что же в этой программе было социалистического.

¹¹ *Милюков П. Н. История Второй русской революции. С. 237.* «Номинальный перевес» социалистов в правительстве понадобился Милюкову, чтобы показать превосходство либералов в качестве министров. Но в действительности номинальный перевес по количеству министров был у либералов. Чтобы утверждать обратное, Милюкову пришлось записать в социал-демократы управляющего Министерством финансов М. В. Бернацкого, который был организатором небольшой Радикально-демократической партии.

¹² Последняя мера была связана со скандалом, аналогичным апрельскому, но без таких последствий. 1 августа Керенский направил телеграмму британскому королю Георгу, в которой выразил уверенность, что Россия будет воевать «до конца», а затем в телеграммах союзникам выступил против Стокгольмской конференции, где социал-демократы двух воюющих лагерей собирались искать пути к миру. Это вызвало возмущение лидеров Совета, Терещенко отрицал факт выступления Керенского, газета «Новая жизнь» доказывала, что факт имел место. Досталось и империалистическим правительствам Антанты, которые отказались пускать своих социал-демократов в Стокгольм. После этого 9 августа и вышел закон о наказании за оскорбление союзников (см. *Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 52*).

ходило за рамки этой модели. Их волновала возможность нормально питаться. А в этом Учредительное собрание не могло бы немедленно помочь.

Грозящая катастрофа

Сдвиг вправо сказался и на социально-экономическом курсе. Усилился нажим на уже проведенные социально-экономические мероприятия. В начале августа Временный комитет Государственной думы и коммерческие круги выступили с заявлением, в котором говорилось: «Хлебная монополия не внесла до сих пор существенных улучшений в продовольственное дело, да и в экономическое состояние страны в целом. Отстранив от дела торговый аппарат, она не создала других органов, и в деле заготовки и распределения хлеба все более и более происходит пагубная заминка»¹³. В действительности Министерство продовольствия уже 27 июля направило циркуляр о привлечении торгового аппарата к делу заготовки продовольствия.

Крестьяне не доверяли торговцам, действовавшим по поручению правительства. Ведь торговец – он же и спекулянт. Лучше относились к земствам и кооператорам.

К концу 1917 г. 63 тыс. кооперативов вовлекли в свой состав уже около 24 млн. человек (то есть за время с начала революции число кооперативов выросло более чем в два раза, а членов – почти в 8 раз). Но многие союзы были созданы наспех. В то же время в условиях распадающихся хозяйственных связей кооперативные объединения обзаводились собственным транспортом, пытались расширить собственное производство, вложив в него 27 млн. руб. и произведя продукции на 21,7 млн рублей¹⁴.

Возвращение к бесконтрольной торговле было неприемлемо для социалистов. Министр Пешехонов писал: «Указывают, что продовольственные организации обходятся государству очень дорого. Легко, однако, себе представить, сколько миллиардов переплатило бы население, если бы дело заготовки хлеба было бы передано в руки торгово-промышленного класса»¹⁵. В условиях падения промышленного производства и обеспеченности рубля¹⁶ «свободный рынок» вел к резкому вздорожанию продовольствия.

¹³ Цит. по: *Протасова О. Л.* А. В. Пешехонов. Человек и эпоха. М., 2004. С. 120.

¹⁴ *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение в России... С. 342, 348.

¹⁵ Там же. С. 120.

¹⁶ Золотое обеспечение с 1914 г. упало к началу 1917 г. до 60 копеек, а к концу 1917 г. – до 31 копейки (Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 6).

Пешехонов разрешил применять силу для получения хлеба¹⁷. Так что идея продотрядов возникла до прихода к власти большевиков. Но Временное правительство не могло всерьез ее осуществить. Столкновения с крестьянами сразу становились для власти в Петрограде настолько крупной политической проблемой, какую для большевиков создавали разве что мощные крестьянские восстания. Дело в том, что крестьяне могли тут же вынести конфликт на политический уровень через крестьянские Советы и партию эсеров, и правительственные структуры вынуждены были сдавать назад.

26 августа, в самый канун корниловского мятежа, правительство удвоило твердые цены. Для Пешехонова это стало последней каплей, чтобы навсегда покинуть правительство. Он писал: «Крестьянство в своей массе не прельстится бумажными деньгами и еще крепче уцепится за реальные ценности, находящиеся в его руках... повышение твердых цен в отношении крестьянства может привести как раз к обратному результату, чем какого ожидают»¹⁸. Решение о повышении цен не облегчило дело хлебозаготовок, но вызвало новый виток инфляции – только для закупок продовольствия для армии пришлось напечатать лишних полтора миллиарда рублей.

Социалисты не нашли альтернативы продовольственной монополии, введенной правыми силами. Министры-социалисты с помощью местной революционно-демократической интеллигенции еще пытались действовать с помощью уговаривания, и это даже давало некоторые результаты. В январе 1917 г. царский аппарат собрал 32,5 млн пудов хлеба, в апреле уже новая власть – 18 млн, в мае – 52,7 млн, в июне – 33,3 млн, в ноябре, даже в условиях неразберихи и смены власти, – 33,7 млн пудов хлеба. Большевики также унаследовали принцип государственной продовольственной монополии, но уже без уговаривания. Они стали решительно брать хлеб силой и тем самым вызвали острое недовольство крестьян. В декабре 1917 г. было собрано всего 6 млн пудов, в январе 1918-го – 2 млн, в апреле – 1,6 млн, в мае – 0,1 млн, в июне 1918 г. – 21 тысяча пудов¹⁹.

В первый год войны потребность в государственных заготовках составила 300 млн пудов, на второй – 500 млн, на третий – 600 млн, в 1917 г. – 700–800 млн²⁰. Но обеспечить такие заготовки не удалось, выходило в 2–3 раза меньше. Поэтому норма душевого пайка в Петрогра-

¹⁷ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 360.

¹⁸ Цит. по: Протасова О. Л. Указ. соч. С. 120.

¹⁹ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 366.

²⁰ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 23.

де и Москве была снижена летом с фунта до трех четвертей фунта²¹. Острую нужду в хлебе испытывали армия и губернии Центральной России. В результате происходили волнения в городах, крупнейшие из которых произошли в Астрахани 9 августа. В июле произошло 43 голодных бунта в городах, в августе – 100, в сентябре – 154. В октябре, когда вся страна ждала перемен, это число немного снизилось – до 125²².

Социальная ситуация становилась все более угрожающей, так как напряженность в городах накладывалась на выступления воинских частей как на фронте, так и в тылу (например, в Нижнем Новгороде в июле), на крестьянские нападения на усадьбы и самочинный раздел помещичьих земель, на растаскивание населением заготовленного хлеба.

Министр торговли и промышленности Прокопович с большим опасением говорил, что на 1 августа запас министерства составляет всего 26 млн пудов. Это – мало даже для августа – самого сложного месяца для общегосударственных хлебозаготовок. Хуже было только у царя в конце февраля – около 20 млн пудов²³. Через год такие запасы будут недостижимой мечтой большевиков.

У крестьян не было стимула производить больше хлеба. По оценке Прокоповича, для нормального продуктообмена с селом было нужно 9 млн пудов металлических изделий, а министерство получило для распространения только 1060 тысяч пудов плюс 222 тыс. пудов гвоздей²⁴.

Прокопович уже 3 сентября отменил мануфактурную монополию, снизив госзаказ до 60%. Теперь у государства было еще меньше натурального продукта для обмена на хлеб. В распоряжении Прокоповича было накоплено 2 млрд руб., а закупок требовалось сделать на 9,3 млрд²⁵.

Между тем в столице складывалась тяжелая ситуация с продовольствием, что было связано не только с объективными причинами, но и с самой организацией снабжения. Продовольствие закупалось оптовыми торговцами по поручению центральной продовольственной управы. Торговцы придерживали продукты в ожидании роста цен. Когда глава управы Громан попытался провести ревизии складов, торговцы и кадеты обрушились на него с обвинениями во взяточничестве и даже сознательном уничтожении торговых припасов²⁶.

14 сентября продовольственное дело в Петрограде перешло к Гордуме. В октябре по карточкам давали 1 фунт хлеба работающим и пол-

²¹ Там же. С. 23.

²² Канищев В. В. Русский бунт – бессмысленный и беспощадный. Тамбов, 1995. С. 68.

²³ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 23.

²⁴ Там же. С. 24.

²⁵ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 359.

²⁶ Кручковская В. М. Указ. соч. С. 61.

фунта неработающим. Также по карточкам продолжали давать немного рыбы, мяса, молока, яиц и масла²⁷.

«По всем расчетам, при постоянных срывах подвоза продовольствия города уже должны были голодать. Но, как известно, «дурная экономика» вырабатывает и свои механизмы, компенсирующие дефицит. Такими компенсаторами стали «мешочничество», «черный рынок» и частные хлеботорговые компании, допущенные правительством к реализации государственной монополии на хлеб, которые фактически и развалили эту монополию»²⁸, – считает биограф Ленина В. Т. Логинов. Когда большевики придут к власти, они станут уничтожать эти компенсаторы, и положение станет еще хуже. В критической ситуации второй половины 1917 г. сочетание мягкой монополии и «компенсаторов» оказалось оптимальным выходом, хотя, конечно, это и была «дурная экономика». Однако крестьян можно было дополнительно заинтересовать в сотрудничестве с властью, начав передачу им помещичьих земель. Этого Временное правительство не делало, лишая себя важного ресурса воздействия на крестьянство.

После отставки Чернова крестьяне стали терять терпение. 7 сентября в Тамбовской губернии началась волна погромов поместий. Для того чтобы остановить погромы, из Москвы прибыли войска, было арестовано более тысячи крестьян. Но крестьяне не очень боялись репрессий – не те времена. Им не грозили каторжные работы, не говоря уж о более суровом наказании. Волнения охватили и другие губернии. Затягивание аграрной реформы вело к разрушениям.

В Тамбовской губернии и в районе Гуляйполя, где лидером крестьянского движения был Нестор Махно, начался раздел помещичьих земель. Если лидеров тамбовских Советов – эсеров – предали за это суду, то справиться с анархистом Махно уже тогда не удалось – он готов был оказать вооруженное сопротивление.

Июльское поражение деморализовало большевиков и их союзников (анархистов, левых эсеров, социал-демократов-межрайонцев и интернационалистов). Умеренным социалистам без труда удалось провести через объединенное заседание ВЦИК и ИК СКД резолюцию о поддержке Временного правительства. Левая оппозиция на этот раз воздержалась²⁹. Но именно июльское поражение, которое рассматри-

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 358.

²⁹ Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 116.

валось крайне левыми как преддверие реакции, сплотило большевиков и левых социал-демократов, предопределило действия социал-демократов-интернационалистов и левых эсеров в поддержку гонимых большевиков. По их инициативе 24 июля Петросовет принял резолюцию, которая требовала от правительства недопущения «того, чтобы борьба власти с анархическими эксцессами вырождалась в борьбу с целыми политическими течениями»³⁰. В дальнейшем левые крылья социалистического движения усиливались и все теснее смыкались с большевизмом. «Межрайонцы» вскоре вступили в партию большевиков, заняв там важные позиции.

В преддверии грядущих выборов в Учредительное собрание на время сплотились меньшевики, которые 19–26 августа провели «объединительный» съезд РСДРП. В нем приняли участие практически все течения меньшевиков, кроме плехановского «Единства», с одной стороны, и межрайонцев – с другой. Съезд, наряду со съездом большевиков, провел разграничительную черту в социал-демократии между «промежуточными» группами, стремившимися к объединению всей РСДРП от большевиков до меньшевиков. Этот проект был обречен еще в апреле. Теперь межрайонцы присоединились к большевикам, а «объединенцы», ориентировавшиеся на газету «Новая жизнь» остались с меньшевиками. Но РСДРП (объединенная) так и осталась союзом разных фракций – оборонцев (Церетели, Дан и др.), интернационалистов (Мартов и др.) и объединенных социал-демократов-интернационалистов («объединенцев», «новожизненцев» и др.), которые на съездах выступали как самостоятельные фракционные группы, не подчиняясь общей дисциплине и не проводя общую линию.

Этот съезд, по справедливому определению В. Миллера, стал «пиком успехов меньшевизма», после которого начался быстрый спад влияния партии. Рабочие и интеллигенция, которые пошли за социал-демократами, «увидели в программе, предложенной меньшевиками, возможность постепенного движения к более справедливому строю не через борьбу с буржуазией, а с помощью взаимоприемлемых соглашений с ней. Но к лету стало все более выясняться, что коалиционная политика для масс бесплодна, что по мере развития революции партии буржуазии все чаще вступают в прямое противостояние с партиями даже умеренного социализма, а значит, дело шло к острым социальным конфликтам. В этих условиях значительная часть обманутых в своих ожиданиях людей уходила не только из партии, но и из активной политической жизни вообще. Политический абсентизм нарастал»³¹.

³⁰ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. С. 78.

³¹ Там же. Т. 1. С. 65.

Усиление апатии в политическом центре сопровождалось активизацией на флангах. Нарастал не столько абсентизм, сколько поляризация.

Росли противоречия между оборонцами и интернационалистами. Полгода революции серьезно подорвали прежние догмы «буржуазного этапа». Мартов считал, что «в той стадии революции, которую мы переживаем, российская буржуазия уже не является фактором революции, и дальнейшие завоевания революции будут делаться без нее и против нее». Но без какой-нибудь буржуазии пролетариату не обойтись, так что нужно искать опору в «мелкой буржуазии», то есть у крестьянства, мещанства и связанной с ними интеллигенции. Отождествляя себя с пролетариатом, Мартов ставил задачу: «Задача пролетариата – ускорить политическое развитие мелкой буржуазии и освободить ее из-под влияния буржуазии... Задача революции – в содействии завоеванию власти мелкой буржуазией»³². Политически это означает переход власти к коалиции меньшевиков и эсеров, возможно – в союзе с большевиками. Эта коалиция не сможет решать задач пролетарской революции, но демократические задачи вполне может осуществить.

Хранителем политического центра стала ПСР, менее скованная догматическими социальными схемами и опирающаяся на стремление крестьянства получить землю. Эсеры, потеряв часть влияния в городах, сумели сохранить и нарастить членскую базу и электорат на селе. Но опасность подстерегала ее с другой стороны — левое крыло грозило расколом. Его лидеры считали неприемлемой не только коалицию с «буржуазией», но и любые отступления от социалистической программы ПСР: «наша программа не должна изменяться и не может приспособляться к условиям места и времени, наоборот, до нее должна быть поднята всякая действительность»³³, — писала в программной статье «О задачах революции» лидер левых эсеров Мария Спиридонова. Она так же бросала вызов «месту и времени», как Ленин. Но в 1917 г. «место и время» быстро менялись.

Левое крыло эсеров стало доминировать в Петроградском комитете ПСР, а начавшая выходить 3 августа газета комитета «Знамя труда» послужила трибуной левого течения в ПСР. Ключевой идеей левых эсеров стало создание правительства эсеров, меньшевиков и большевиков, ответственного перед Советами. 11 августа левые эсеры предложили Совету партии признать, что «решение основных вопросов русской революции возможно лишь при осуществлении однородной власти... ответственной перед Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и демократизированными органами местного

³² Цит. по: *Меньшевики: от революций 1917 года до Второй мировой войны*. М., 2009. С. 42.

³³ Цит. по: *Политические деятели России. 1917 г. Биографический словарь*. С. 301.

самоуправления»³⁴. Упоминая другие органы самоуправления, помимо Советов, левые эсеры перебрасывали мостик к позиции Чернова в надежде перетянуть влево большинство ПСР.

Левым эсерам казалось, что ключевые разногласия в социалистическом лагере касаются не сути преобразований, а их темпов и размаха. Поэтому аргументы умеренных социалистов о необходимости союза с либералами казались неубедительными, а союз с большевиками – необходимым и естественным.

В условиях радикализации городских слоев руководству ПСР все труднее было удерживать под своим влиянием разношерстный актив партии.

Катализатором усиления левого радикализма стало корниловское выступление. Но оно как раз создало условие для достижения компромисса между левыми силами.

Взлет генерала

Событием, которое резко изменило соотношение сил в России, стало выступление генерала Корнилова в августе 1917 года. Его часто рассматривают как досадную (или счастливую) случайность, драму недоразумений, которая сорвала шанс на оздоровление России (или победу контрреволюции) и расчистила большевикам путь к власти. Между тем подобные события отнюдь не случайны, они то и дело происходят в истории революций – от восстания роялистов 1648 г., погубившего короля Карла I, до советского ГКЧП. Закономерности революционного процесса создают ситуацию, в которой наиболее вероятной является такая «корниловщина». А «игра случая» (точнее – соотношение способностей вовлеченных в события людей) определяет ход и исход этого закономерного явления. Суть его заключается в том, что после поражения левого крыла революционных сил в правом лагере появляется надежда остановить революционный процесс с помощью войск. Но если энергия революции еще не выдохлась (а в России 1917 г. это было именно так), то подобная попытка только обостряет, радикализирует ситуацию.

Импульсом к корниловской истории стал провал июньского наступления. Керенский искал виноватых в Ставке, а генералы и офицеры возмущались поведением солдат. Истоки солдатского пацифизма и враждебности к офицерству генералы искали не в тяготах затянувшейся войны, смысл которой был солдатам непонятен, а в пропаганде за-

³⁴ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 722.

сланцев левых партий и Петроградского совета. Приехали петроградские говоруны и совратили солдат, разубедили их в необходимости умирать за Константинополь и Антанту. Революция, от которой ждали сплочения и побед, не оправдала надежд либеральной элиты.

Настроение требовало вождя, и он явился. Началось восхождение Лавра Корнилова. Он уже получил известность как сторонник сильной власти во время апрельских событий в Петрограде. Но пока он был лишь одним из командующих армиями Юго-Западного фронта. Соседние армии уже остановились, Корнилов решил продолжить наступление, рискуя, что вырвавшаяся вперед 8-я армия будет смята, а то и окружена. Когда после немецкого удара под Тарнополем фронт покатился, поражение обернулось для Корнилова личным успехом. Командующий фронтом А. Е. Гутор был снят, а сменил его как раз Лавр Георгиевич, хотя 8-я армия потерпела поражение.

Немцы наступали, русские бежали. Корнилов приказал расстреливать дезертиров и мародеров. «Надежные части стали вылавливать дезертиров и вешать их на перекрестках, прикрепляя к трупам дощечки с перечислением преступлений...»³⁵ – рассказывал историк Г. М. Катков. «Вскоре он был назначен командующим 8-й армией, и когда эта армия во время июньского наступления бежала, охваченная паникой, вина пала не на Корнилова, а на... революцию, якобы подорвавшую боеспособность войск»³⁶, – комментировал генерал М. Д. Бонч-Бруевич.

Ну хорошо, генерал позднее стал служить большевикам, и можно счесть его необъективным. Зато военный министр Керенский в этот период поддержал Корнилова и его требования укрепления власти офицерства над солдатами. Однако позднее Керенский пришел к выводу, что его в это время дезинформировало руководство Юго-Западным фронтом. И не только его. 8 июля в газетах было составлено коммюнике ЮЗФ о причинах немецкого прорыва, в котором ответственность возлагалась на большевистскую агитацию, под влиянием которой «многие части, получив боевой приказ о поддержании атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ, причем некоторые полки отказывались от выполнения боевого поручения и уходили с позиций безо всякого давления противника». Ужасная картина, ставшая с тех пор хрестоматийной.

И уж кто-кто, а Керенский в данном случае не собирался быть адвокатом большевиков. Но он вынужден признать, что проведенное по указанию Брусилова расследование не подтвердило такого объяснения поражения ЮЗФ, которое было вызвано другой причиной: «Дивизия

³⁵ Катков Г. М. Дело Корнилова. М., 2002. С. 45.

³⁶ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М., 1957. С. 157.

была буквально сметена с лица земли огнем нескольких сотен артиллерийских орудий противника (в русской дивизии их было всего лишь шесть), и ее потери составили 95 офицеров, включая двух полковых командиров, и около двух тысяч солдат из уже неполного состава дивизии. Остается предположить, что офицер, написавший коммюнике, действовал либо по злому умыслу, либо в состоянии полной паники»³⁷. Умысел весьма вероятен, так как комиссар ЮЗФ Б. В. Савинков, известный правый эсер, решил использовать поражение в целях изменения вектора революции.

А Корнилов, заняв пост комфронтом, направил Брусилову телеграмму с требованием введения смертной казни в районе боевых действий, а командармам и комиссарам – требование применять артиллерию и пулеметы против бегущих частей³⁸.

В принципе применение оружия против дезертиров и мародеров разрешалось статьей 14 «Декларации прав солдата», но командиры опасались ей пользоваться, а Корнилов решился ее применить. Смертная казнь воспринималась им как решающий инструмент оздоровления ситуации. Но для этого корниловская инициатива должна была выйти на более высокий уровень.

Собственно, правые политические круги обратили внимание на перспективного генерала еще в апреле, когда он попытался применить силу при разгоне митингов. В действующую армию Корнилов отправился с очень необычным ординарцем В. Завойко – бывшим членом правления общества «Эмба-Каспий», заседавшим там вместе с такими финансовыми тузами, как А. Путилов и А. Вышнеградский. В бизнесе Завойко был выдвиженцем Путилова³⁹. К тому же Завойко был издателем, входившим в пул оборонческой прессы. Но он бросил эти дела и отправился с Корниловым на фронт. Новое направление работы было важнее, здесь требовался проверенный топ-менеджер и пиарщик. Имея широкий доступ к финансовым средствам, Завойко развернул кампанию восхваления своего шефа, включая раздачу подарков солдатам и публикацию апологетической брошюры о генерале⁴⁰.

Завойко предложил своему шефу «изложить все положение» комиссару фронта Савинкову. С согласия Корнилова Завойко и полковник Голицын встретились от имени генерала с Савинковым. В этой встрече участвовал и комиссар 8-й армии М. М. Филоненко. Они нашли взаимопонимание, и Корнилов был рекомендован в качестве канди-

³⁷ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 205.

³⁸ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 351.

³⁹ Селезнев Ф. А. Путилов и выступление генерала Корнилова (апрель-август 1917 г.) // Падение империи. Революция и гражданская война в России. М., 2010. С. 72–73.

⁴⁰ Там же. С. 79.

дата в командующие фронтом от имени армейских комитетов ЮЗФ⁴¹. Так Савинков начал продвигать Корнилова в Верховные главнокомандующие.

Командующий Московским военным округом А. И. Верховский писал о Корнилове: «Алексеев сказал про него, что это «человек с сердцем льва, но умом барана»⁴². Именно такой человек был нужен группе политических авантюристов, собравшихся на Юго-Западном фронте и поставивших себе целью завоевание всероссийской власти... Нужен был лев, но думать за него хотели они»⁴³.

Завойко, который, по мнению Корнилова, «отлично владеет пером» и мог придать заявлениям генерала «сильный художественный стиль»⁴⁴, подготовил для генерала проект телеграммы Временному правительству с требованием введения смертной казни, но тот воздержался от ее отправки, пока не будет назначен командующим фронтом. Однако через три дня телеграмма была поддержана Корниловым, Савинковым и Филоненко, отредактирована и 8 июля отправлена от имени новоиспеченного командующего фронтом вместе с телеграммами этих двух⁴⁵. Корнилов и его соавторы нарисовали такую картину: «Армия обезумевших темных людей, не огражденная властью от систематического развращения и разложения, потерявшая чувство человеческого достоинства, бежит». Телеграмма была выдержана в тоне выпендренной декларации с элементом оппозиционности: «Иначе вся ответственность падет на тех, кто словами думает править на тех полях, где царит смерть и позор предательства, малодушия и себялюбия»⁴⁶.

11 июля Корнилов направил аналогичную телеграмму Верховному главнокомандующему Брусилову, который в этом вопросе поддержал генерала. Получилось, что Корнилов является инициатором мер по восстановлению дисциплины и порядка.

Смертная казнь на фронте была введена Временным правительством 12 июля. Так **Савинков и Филоненко поняли, что Корнилова можно использовать как инструмент для давления на Керенского.**

Давление на Временное правительство справа резко возросло в июле, и генералы внесли свой вклад в поправление курса на совещании, которое Керенский собрал в Ставке 16 июля. Генералитет эмоционально рисовал новому премьеру и военному министру картину же-

⁴¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. I. С. 217.

⁴² По другому свидетельству, эта характеристика принадлежит Брусилову (*Половцов П. А. Указ. соч. С. 194*).

⁴³ *Верховский А. И. Указ. соч. С. 276–277*.

⁴⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. I. С. 244.

⁴⁵ Там же. С. 219.

⁴⁶ Там же. С. 234.

стоких расправ солдат с офицерами, унижений, которые переживают офицеры, лишённые былых полномочий и теперь сталкивающиеся с грубостью солдатской массы. «Естественно, каждый говорил и о причинах, – комментировал историк В. Т. Логинов, – Керенский ожидал, что они прежде всего укажут на большевиков, о которых в эти дни говорили и писали все газеты»⁴⁷. Но не тут-то было: А. И. Деникин прямо заявил, что большевики тут ни при чем, а в развале армии виноваты военное законодательство, предыдущая кадровая чистка, комиссары и комитеты. Савинков возразил, что ненависть солдат к офицерам возникла не после марта 1917 г., а еще при царе. «Однако относительно кадровой чехарды Деникин был прав»⁴⁸, – считает Логинов. В чем же был прав Деникин? Действительно, с марта по август были сняты с должности 140 генералов и множество офицеров, возник «революционный карьеризм» (но ведь текучесть кадров была высокой и прежде – шла война, армия несла потери, да и карьеризма хватало до революции). И как это могло привести к ненависти солдат к офицерам? Опыт службы в армии и в другие эпохи убеждает, что ненависть к офицерам возникает вовсе не из-за кадровой чехарды в верхах.

Безысходная ситуация многолетней окопной войны вызывала остервенение. Раньше офицеры имели возможность сорваться на солдатах, теперь возникла обратная ситуация, и старые обиды стали резонировать с новыми напастьями – плохим снабжением, приказами идти в бессмысленные уже атаки.

Деникин требовал, чтобы Временное правительство признало свои ошибки и вину перед офицерством, прекратило непродуманные военные реформы, передало всю полноту военной власти Верховному главнокомандующему, ответственному только перед правительством. Оно должно «изъять политику из армии», отменить «Декларацию прав солдата», постепенно упразднить комитеты и комиссаров, вернуть всю власть военным начальникам, «восстановить дисциплину и внешние формы порядка и приличия», проводить назначения в соответствии с боевым и служебным опытом (то есть в соответствии с чинами), создать отборные подразделения для подавления бунтов⁴⁹, «вести военно-революционные суды и смертную казнь для тыла»⁵⁰.

Выступление было настолько резким, «что генерал Брусилов, переехав генерала Деникина, сказал: “Нельзя ли короче и затрагивайте

⁴⁷ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 244–245.

⁴⁸ Там же. С. 245.

⁴⁹ Брусилов внес предложение создать отборные подразделения, на которые можно было положиться при ведении боевых действий, и вскоре были созданы «ударные батальоны», которые использовались и против бунтовщиков.

⁵⁰ Милуков П. Н. История Второй русской революции. С. 253–254.

только вопросы, касающиеся поднятия боеспособности армии»⁵¹. В той или иной мере эти требования поддержали другие генералы, хотя Деникин выразил их чаяния наиболее резко и эмоционально, так расчувствовался, что даже попросил возможности выйти. Керенский с трудом успокоил его, пожав руку и поблагодарив за искренность⁵².

На совещании 16 июля Керенский заявил: «Я лично ничего не имею против того, чтобы сложить с себя должность военного и морского министра, отозвать комиссаров, упразднить комитеты. Но я убежден, что завтра же начнется в России полная анархия и резня начальствующих лиц»⁵³. По мнению премьер-министра (и в этом с ним трудно не согласиться), проблемы в отношениях солдат и офицеров были порождены не комитетами, а возникли в результате тягот войны.

Корнилов на совещании отсутствовал из-за сложной ситуации на фронте. Но он прислал телеграмму с предложениями, которые в целом соответствовали «программе Деникина», с которыми они были единомышленниками. Предложения Корнилова были изложены более спокойным тоном, а также дополнялись антибольшевистскими положениями (запретить доступ к войскам большевистской литературы и агитаторов). Благоприятное впечатление на Керенского произвело мнение Корнилова о том, что в происходящем виноваты не только солдаты, но и офицеры. Правда, впоследствии Керенский пришел к выводу, что эта мысль была вписана кем-то (Савинковым или Филоненко) в телеграмму Корнилова, потому что она не соответствовала его последующим выступлениям⁵⁴. Но 16 июля «среди этих обескураживающих мнений и предложений, высказанных присутствующими генералами, телеграмма Корнилова, казалось, пролила слабый луч света»⁵⁵. Так Керенский пытался объяснить свое парадоксальное решение заменить Брусилова на Корнилова. Но как раз Брусилов на этом совещании не высказал ничего особенно «обескураживающего». Решение Керенского было вызвано чем-то другим.

По словам Филоненко, возвращаясь с совещания 16 июля, он и Савинков в поезде обсуждали с Керенским возможность создания малого военного кабинета⁵⁶. Савинков вспоминал, что в это же время Керенский обсуждал с Савинковым проект создания «сильной революционной власти» без участия советских лидеров⁵⁷. Тогда Керенский не

⁵¹ Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Т. 2. С. 43.

⁵² Красная летопись. 1923. № 6. С. 22–27, 36.

⁵³ Там же. С. 41.

⁵⁴ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. М., 2006. С. 33–34.

⁵⁵ Там же. С. 33.

⁵⁶ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 265.

⁵⁷ Там же. С. 184–185.

решился на это, но 18 июля провел три важных назначения: Савинков стал управляющим военным ведомством, фактическим заместителем Керенского по военным делам. Близкий к нему по взглядам Филоненко стал комиссаром при Верховном главнокомандующем. И, наконец, Корнилов с подачи Савинкова был назначен главкомверхом.

Это назначение имело необратимые политические последствия, и позднее Керенский не мог внятно объяснить, зачем понадобилось срочно отправлять Брусилова в отставку⁵⁸.

Катков пытается найти такое объяснение: «Увольняя Брусилова, Керенский действовал под давлением своих коллег из Временного правительства, которые стремились к улучшению отношений между офицерами и правительством»⁵⁹. Кто же эти загадочные министры, которые заставили Керенского заменить Брусилова на Корнилова в наивной надежде, что после этого офицеры изменят свое отношение к правительству? Катков, вероятно, запямятовал, что кадеты в это время в правительство не входили, а у министров-социалистов такая странная идея вряд ли могла возникнуть. Мысль о том, что именно Корнилов нужен армии, родилась у Савинкова, который и убеждал в этом Керенского. Но почему Керенский вообще решил искать замену Брусилову, который был все еще популярен и как минимум политически безопасен? Объяснение, скорее всего, в том, что Керенскому нужно было найти «крайнего» за поражение на фронте, имевшее столь важные политические последствия. Наступление, которое должно было стать победой Керенского, теперь обернулось поражением Брусилова. Назначением нового, уже распиаренного главнокомандующего следовало загладить впечатление от поражения и вселить в армию и общество новые надежды.

Уже 19 июля Корнилов выдвинул условия, на которых был готов наводиться на должности главкома: «1) ответственность перед собственной совестью и всем народом; 2) полное невмешательство в оперативные распоряжения и потому назначение высшего командного состава; 3) распространение принятых в последнее время на фронте мер и на те местности тыла, где расположены пополнения для армии, и 4) принятие предложения, переданного телеграфно главкомверху к Совещанию в Ставке»⁶⁰.

Даже сочувствовавший Корнилову эмигрант Катков был вынужден признать: «Мягко выражаясь, содержание этой телеграммы было весьма необычным»⁶¹. Войтинский вспоминал, что требования Корнилова произвели шокирующее впечатление на советские круги, так как «в

⁵⁸ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 38–39.

⁵⁹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 51.

⁶⁰ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 235.

⁶¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 57.

целом выступление главнокомандующего было окрашено ненавистью к революционным организациям, и обращался он к правительству в непонятно вызывающем тоне, который был под стать лишь военному вождю, наполнившему мир громом своих побед и метящему в наполеоны»⁶². Вот только громом побед Корнилов не мог похвастаться ни тогда, ни позднее, а в наполеоны уже метил.

Керенский предпочел не отвечать на этот ультиматум, который выводил бы армию из подчинения гражданских властей. Керенский вспоминал, что в условиях, «когда «все и всякий» ничего, кроме требований, не адресовал Временному правительству», он «посчитал условия генерала Корнилова простой литературой»⁶³. Но Корнилов не выезжал в Ставку. Его неудовольствие было вызвано не только тем, что были проигнорированы его «кондиции», но и назначением на пост командующего ЮЗФ генерала В. А. Черемисова.

По условиям Корнилова такие назначения должен был производить он сам. При Алексееве и Брусилове назначения делались Временным правительством по согласованию с главнокомандующим. Но Черемисов был назначен, когда Корнилов еще не стал главнокомандующим – одновременно с Корниловым.

Черемисов имел репутацию левого генерала. Он вполне мог претендовать на то, чтобы унаследовать пост Корнилова. Именно корпус Черемисова шел на острие июньского наступления, взял Галич и Калуж. Именно Черемисов был назначен после Корнилова командующим 8-й армией.

Когда Филоненко попытался уговорить Черемисова по-хорошему уступить место командующего фронтом, тот возмутился: «Если правительство признало меня годным служить делу революции в роли главноюжа, то не понимаю, каким образом, в угоду кому-то ни было, это может измениться, если только у нас еще нет контрреволюции и не началось распутинство»⁶⁴.

Все же Черемисова, который 25 июля смог даже потеснить немцев, сняли с должности и дали ему командование армией. Фронт принял генерал П. С. Балуев. Он был в этом качестве переходной фигурой – Корнилов хотел видеть на этом месте своего товарища Деникина, который и занял пост главноюжа 2 августа. Надо сказать, что исполком Совета ЮЗФ, выступавший за введение смертной казни на фронте, и то пришел в ужас от политики нового командующего фронтом: «С момента назначения генерала Деникина на пост главнокомандующего Юго-За-

⁶² *Войтинский В. С.* Указ. соч. С. 184.

⁶³ *Керенский А. Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 48.

⁶⁴ Цит. по: *Катков Г. М.* Указ. соч. С. 59.

падным фронтом штаб стал целенаправленно противостоять всем выборным армейским организациям... Офицерский состав... пытается восстановить телесные наказания и битье»⁶⁵.

Пока Черемисов не был отозван с фронта, Корнилов не спешил ехать в Ставку. Ему было важно, чтобы правительство приняло и другие его требования или по крайней мере обсудило их. Тогда Филоненко уверил его, что принципиально Временное правительство принимает его пожелания, а Корнилов согласился, что его заявление об ответственности перед народом можно понимать как ответственность перед Временным правительством. По поводу права делать назначения Филоненко выговорил у Корнилова право «контроля этих назначений». При этом, как отмечает Катков, «хотя в изложении Филоненко Корнилов на этих переговорах в большей или меньшей степени уступил всем требованиям правительства, не исключено, что сам Корнилов считал, что не пошел ни на какие уступки, а лишь участвовал в детальной разработке условий, поставленных в трех пунктах его программы»⁶⁶.

24 июля Корнилов выехал в Ставку.

30 июля на совещании в Ставке обсуждались проблемы железнодорожных перевозок. Картина рисовалась паническая – полный развал. Несколько позднее на Государственном совещании приводились данные, которые показывают, что ситуация вовсе не была столь катастрофической, как об этом говорилось в окружении генерала Корнилова. Из-за того, что процент паровозов, нуждавшихся в ремонте, вырос за январь – август с 16,5 до 25%, грузоперевозки по железным дорогам упали на 15%. Правда, в 1916 г. в ремонте нуждалось 18% паровозов⁶⁷ – то есть столько же, как в первой половине 1917-го. Но правые политики видели во всеобщем развале, якобы охватившем Россию, повод добиться сильной власти для защиты цензовых интересов.

На этом совещании Корнилов анонсировал свой курс – и не только военный: «Для достижения целей войны необходимо иметь три армии: в окопах, в тылу – в мастерских и заводах и третью – железнодорожную, которая бы подвозила изготовленное в тылу на фронт. Для оздоровления рабочей и железнодорожной армий необходимо подчинение их той же железной дисциплине, которая устанавливается для армий фронта; вопрос в том, какие для этого необходимы меры, пусть раз-

⁶⁵ Цит. по: Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 35.

⁶⁶ Катков Г. М. Указ. соч. С. 58.

⁶⁷ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 31.

берут специалисты»⁶⁸. Корнилов выступил также за создание военно-революционных судов и введение смертной казни в тылу, в том числе в отношении гражданских лиц.

Еще под впечатлением совещания 16 июля генерал Ю. Н. Плюшевский-Плющик, и.о. 2-го генерала-квартирмейстера Ставки, решил обобщить требования генералитета. 23 июля он подал начальнику штаба Главковерха А. С. Лукомскому доклад о мерах по укреплению боеспособности армии. Лукомский предоставил этот доклад Корнилову, и тот вернул записку к Плюшевскому-Плющику со своими замечаниями и указанием подготовить доклад для Временного правительства. К началу августа «доклад Корнилова» был готов.

Основная идея Плюшевского-Плющика заключалась в укреплении дисциплинарной власти начальника и ограничении полномочий комитетов и комиссаров⁶⁹. Помимо чисто военной стороны рассматривалась и политическая, ибо эти меры должны проводиться «если не одним диктатором», то людьми «мощной воли»⁷⁰. Корнилов внес в доклад карательные акценты.

3 августа Корнилов прибыл с докладом на заседание Временного правительства. Меморандум был написан в таких выражениях, что его оглашение хотя бы в правительстве, по мнению Керенского, вызвало бы скандал, и «стало бы невозможным оставить Корнилова главнокомандующим»⁷¹. Катков считает, что предложенные Корниловым меры, в том числе введение смертной казни не только за чисто уголовные преступления, но и за пропаганду, «прекратили бы деятельность большевиков»⁷². Наивность таких надежд подтвердил опыт Гражданской войны, когда Корнилов, Деникин и другие бывшие офицеры уже не сдерживали себя в применении террора против левой агитации, а все равно не сумели победить.

Савинков уговорил Корнилова выступить лишь по чисто военным вопросам и не выносить доклад на заседание правительства, а доработать и согласовать его в военном ведомстве, где готовился собственный более комплексный проект.

Во время этой встречи Керенский употребил привычную для себя фигуру речи: «Что ж, допустим, я уйду, каков будет исход?»⁷³ Он имел в виду, что уходить ни в коем случае нельзя. Но генерал понял премьера с солдатской прямоотой, будто Керенский «поинтересовался мнением ге-

⁶⁸ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 235.

⁶⁹ Там же. С. 255.

⁷⁰ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 549.

⁷¹ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 64.

⁷² Катков Г. М. Указ. соч. С. 67.

⁷³ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 81.

нерала Корнилова, что следует ли ему далее оставаться руководителем государства». Корнилов ответил, что другого главу Временного правительства он себе не представляет⁷⁴, но про себя решил, что Керенский не просто рисуется, а и в действительности обдумывает возможность своего ухода, передачи власти. Кому? Уж не Корнилову ли? Почему бы нет? По утверждению Керенского, 3 августа Корнилов в беседе с ним говорил о военной диктатуре как о реальной возможности⁷⁵.

Еще один эпизод этого заседания Временного правительства укрепил Корнилова в мысли, что кабинет министров в существующем виде не годится. Когда главнокомандующий стал излагать военную ситуацию в многочисленных деталях, Керенский просил в них не вдаваться⁷⁶. Савинков потом объяснил Корнилову, что Керенский прервал его не из неуважения к генералу, а из опасений, что информация может утечь к врагу предположительно через Чернова⁷⁷. Подтвердить свои обвинения публично Савинков не мог, так как всего неделю назад обвинения против лидера эсеров были официально опровергнуты⁷⁸. Поэтому в своих более поздних показаниях Савинков дал другое объяснение своим намекам Корнилову: «Я, разумеется, не имел в виду обвинять кого-либо из министров в сношениях с противником, но я знал, что некоторые члены Временного правительства находятся в постоянном и товарищеском общении с членами Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, среди коих, по сведениям контрразведки, имелись лица, заподозренные в сношениях с

⁷⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 236.

⁷⁵ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 81.

⁷⁶ Сам Керенский рассказывал потом следственной комиссии, что просто просил Корнилова быть более кратким и не думать о соображениях секретности: «Просто, если бы это был член Временного правительства или близкий друг, я сказал бы: «Иван Иванович, хватит. Дело уже ясное»» (Там же. С. 66–67). Характерно, что, несмотря на это утверждение Керенского, следственная комиссия по делу Корнилова все же приписала ему намерение остановить генерала именно при обсуждении деталей военного положения под Ригой, потому что «в этом вопросе нужно быть осторожным» (Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 236). Эти слова Керенский произнес тихо, комиссия даже пишет – «шепотом». Почему члены комиссии уверены, что дело обстоит именно так, хотя Керенский не подтверждает столь сенсационного значения своих слов? Потому что комиссии было важно подтвердить правоту Корнилова даже тогда, когда объективных доказательств для этого не хватало.

⁷⁷ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 236.

⁷⁸ Обвинения против Чернова были явно надуманными. Они основывались на его циммервальдской позиции, на том, что издававшийся Черновым до революции в эмиграции журнал «На чужбине» распространялся в лагерях военнопленных в Германии (что было нормально для противников войны). Уже после революции выяснилось, что сообщения «общего характера» (то есть политические обзоры) для германской стороны посылал знакомый Чернова А. Цивин, однако нет свидетельств, что какую-то информацию ему сообщал Чернов. Во всяком случае известно, что секретной военной информацией Цивин не располагал (*Катков Г. М.* Указ. соч. С. 71).

противником»⁷⁹. Не очень убедительно, если учесть круг случайного общения самого генерала и правых политиков.

Характерно, что Керенский в этом эпизоде не имел в виду никакого шпионажа, просто считал столь детальное рассмотрение военно-технических проблем излишним⁸⁰. Но Савинков использовал и этот эпизод на пользу своей идее коллективной диктатуры узкого круга лиц. Если в правительстве есть «ненадежные» люди, то военными вопросами должен заниматься узкий военный кабинет. Но во время войны почти все вопросы в той или иной степени военные. А в голове Корнилова стала вариться мысль, которая 28 августа выльется в утверждение, что во Временное правительство проникла измена.

После заседания 3 августа работа над докладом в Военном министерстве закипела с новой силой под руководством Филоненко и Савинкова, которые внесли положения о милитаризации железных дорог и военных предприятий, за которые выступал Корнилов, но которые не внес в свою, военную часть доклада.

В их докладе, по воспоминаниям Савинкова, «помимо положения о комитетах и комиссарах, содержались еще и положения: 1) о введении военно-революционных судов в тылу; 2) о возвращении дисциплинарной власти начальникам; 3) о милитаризации железных дорог и 4) о милитаризации предприятий, работавших на оборону»⁸¹.

Но когда 8 августа Савинков показал Керенскому проект первого параграфа меморандума, где речь шла о введении «военных судов – трибуналов в тылу»⁸², тот «категорически заявил, что он ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах такой записки не подпишет»⁸³. По словам Керенского, Савинков «начал говорить о введении смертной казни в тылу, против чего я неизменно возражал... «Если вы не соглашаетесь по этому основному вопросу, – говорил Савинков – все остальное несущественно»⁸⁴. Савинков пригрозил, что тогда этот доклад внесет в правительство Корнилов, а он, Савинков, подает в отставку. Керенский отставку не принял, но зато стал с опаской относиться к намерению Корнилова выступить во Временном правительстве и тем более публично с какой-нибудь программой.

⁷⁹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 301.

⁸⁰ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 66–67.

⁸¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 185–186.

⁸² Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 54.

⁸³ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 186.

⁸⁴ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 86.

Савинков не отказался от своей затеи обойти Керенского с помощью Корнилова. 9 августа Савинков и Филоненко вызвали Корнилова в Петроград для выступления с подготовленной ими запиской. Приглашающие, надо сказать, подставили генерала, потому что никакого заседания с Корниловым назначено не было, что возмутило и Керенского, и Корнилова.

У Корнилова были основания сердиться на Савинкова и Филоненко и потому, что они резко изменили направление военных реформ, предусмотренных в «его докладе». Он дал проглядеть текст, предложенный Савинковым, Плющевскому-Плющику, и тот остался недоволен: «Савинковский проект по внешности очень похож на наш, но там, где мы стараемся поднять власть начальников, в его варианте все усилия направлены к поднятию авторитета комитетов и комиссаров. Местами прямо в нашей фразе вместо слова «начальник» ставилось слово «комиссар» и т.д., что, конечно, сводило на нет идею проекта, нами разработанного, что я здесь уже и высказал. Савинков почти молчал, а Филоненко много и взволнованно доказывал, что это только первый шаг и что далее мы пойдем вместе. Все усилия и Савинкова, и Филоненко были направлены к тому, чтобы Корнилов подписал проект, что тот и сделал, но, по-видимому, не очень охотно»⁸⁵.

По прибытии генерала в Петроград 10 августа Корнилов наряду с Савинковым и Филоненко подписал записку и собирался презентовать ее правительству⁸⁶.

Однако Керенский не был ознакомлен с содержанием документа и отказался проводить официальное заседание. Доклад Корнилова был выслушан узким кругом в составе Керенского, Некрасова и Терещенко. Они не поддержали идеи Корнилова и его соавторов. Плющевский-Плющик, присутствовавший на совещании 10 августа, рассказывал, что против нее высказывались все министры, особенно против ее невоенной части⁸⁷.

Керенский писал об обсуждении появившихся в записке пунктов о тыле и железных дорогах: «Оба эти пункта очень напоминали произведения щедринского чиновника... Я хорошо помню, как Некрасов и Терещенко с великой осторожностью к чувствам генерала старались спустить его на землю, урезонить его... пытались разъяснить ему, что все предложенные им меры о возрождении тыла – милитаризация железных дорог и заводов – уже выдвигались министрами старого режи-

⁸⁵ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 267.

⁸⁶ Там же. Т. 1. С. 186–187.

⁸⁷ Там же. С. 255.

ма и уже тогда были отвергнуты не только общественным мнением, но и официальными экспертами; что невозможно, например, приговорить инженера к смерти за какую-нибудь техническую ошибку или привязать рабочих к заводам под угрозой репрессивных мер и т.д.»⁸⁸.

Увы, Керенский ошибался. Можно приговорить и можно привязать. Предложения Савинкова-Корнилова предвосхитили практику коммунистического, особенно сталинского, режима. Такие меры стали возможными только после начала широкомасштабной Гражданской войны на уничтожение. Но в одном Керенский был совершенно прав – это было бы невозможно сделать в обстановке 1917 г. и в интересах непопулярной войны. «На самом деле если бы кто-нибудь желал свержения Корнилова на Московском совещании, то было бы необходимо, чтобы он публично зачитал рапорт, и особенно два пункта, касающиеся фабрик и путей сообщения. Тогда все разом бы и закончилось»⁸⁹. Но Керенский имел виды на Корнилова и уговорил его не оглашать эти планы. Генерал же «был убежден, что Временное правительство по той или иной причине не хочет, чтобы вся Россия узнала о его новой программе спасения страны»⁹⁰.

Логинов пишет, имея в виду «тыловую» часть программы: «Любопытно, что экономические программы большевиков и Корнилова в одном пункте совпадали: выход России из кризиса может обеспечить лишь государственное регулирование экономики. Но они расходились в главном. Большевики ориентировались на инициативу, самостоятельность, вовлечение в контроль за производством самих трудящихся. Корнилов сделал ставку на принуждение, подавление любых попыток рабочего контроля, на милитаризацию народного хозяйства по «европейскому образцу»⁹¹. Это различие имело место в 1917 г., но оно не было «расхождением в главном». Уже в 1918 г. большевики будут подавлять инициативу и самостоятельность, делать ставку на принуждение и подавление, милитаризацию производства и железных дорог. Корнилов действительно предвосхитил политику военного коммунизма. Главное различие было в другом – какие социальные группы и во имя чего будут осуществлять этот курс. **Но то, что в 1919 г. стало реальностью, а в 1930-е гг. – даже нормой, в середине 1917 г. казалось невероятным.**

10 августа Корнилов получил принципиальное согласие на осуществление военной части его программы, но предложения по реорга-

⁸⁸ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 64–65.

⁸⁹ Там же. С. 65.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 293.

низации тыла договорились отправить на обсуждение в «специальные ведомства», с чем генерал был вынужден согласиться⁹². Это значит, что пока было решено похоронить «тыловую» программу в комиссиях.

Отмена официального заседания правительства 10 августа возмутила Савинкова, так как сорвала все его планы – он-то надеялся, что их проект поддержат кадетские министры. Савинков снова подал в отставку, которую 11 августа Керенский принял. Правда, продлилась она недолго – почти сразу Александр Федорович стал посылать Борису Викторовичу сигналы о возможности возвращения, а 17 августа вызвал Савинкова, сказал, что «принципиально согласен с точкой зрения «докладной записки», и вернул его на место⁹³ и поручил готовить законопроект «о мероприятиях в тылу»⁹⁴. Это, однако, не значит, что Керенский заранее согласился с тем, что там напишет Савинков.

Свою роль в возвращении отставленного могло сыграть и заступничество Корнилова⁹⁵. Однако Савинкову пришлось публично подтвердить полную лояльность премьеру⁹⁶.

На Керенского давили и кадеты, которые были проинформированы об инициативе Корнилова. 11 августа к премьеру явился Кокошкин, который заявил, «что он сразу подаст в отставку, если программа генерала Корнилова не будет принята в этот день»⁹⁷. Насилу удалось уговорить его не провоцировать кризис в канун Государственного совещания. Коалиция оказалась под угрозой потому, что правая часть правительства «была готова принять что угодно,

⁹² Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 237.

⁹³ Там же. С. 187. Деникин считал, что 17 августа у Керенского произошел «поворот в мировоззрении», который «знаменовал полный разрыв с революционной демократией» (*Деникин А. И. Очерки русской смуты. Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. – апрель 1918 г. М., 1991. С. 22*), но доказательств этой смелой мысли он не приводит. Ни восстановление в должности покаявшегося Савинкова, ни стремление получить в свое распоряжение конный корпус для противодействия событиям вроде июльских, ни даже планы введения в столице военного положения не свидетельствуют о таком разрыве – ведь и социалистические партии, и ВЦИК были по-прежнему лояльны Керенскому. Для разрыва с революционной демократией Керенский должен был перейти к подавлению Советов, а такого решения 17 августа он не принимал. Версия о разрыве Керенского с левыми нужна Деникину, чтобы доказать, будто Керенский перешел на сторону Корнилова политически и идейно и их последующий разрыв – свидетельство «предательства» Керенского.

⁹⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 303.

⁹⁵ Там же. Т. 1. С. 237.

⁹⁶ *Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 257.*

⁹⁷ Там же. С. 56.

исходящее из Ставки»⁹⁸, в то время как левая часть принципиально отрицала такие меры.

Тем не менее, по словам Керенского, 11 августа правительство приняло решение о том, что смертная казнь в тылу может быть введена, но крайне ограниченно, «после обсуждения в законодательной форме каждой конкретной меры отдельно»⁹⁹. То есть смертная казнь не могла быть введена с кондачка, единым росчерком на краткой бумаге.

Позднее Керенский противоречиво высказывался о своих намерениях того времени: «Что касается вопроса об обнародовании закона о смертной казни, за исключением Петроградской области, то его также нужно было решать...»¹⁰⁰ Что это за закон, исключавший Петроградскую область? А что бы он включал? Еще более глубокий тыл? В другой своей эмигрантской работе Керенский как ни в чем не бывало цитирует Савинкова, который вспоминает о планах в ближайшее время ввести военное положение и смертную казнь в Петрограде¹⁰¹. Учитывая возражения самого Керенского по поводу введения смертной казни в условиях, когда не сформирована надежная судебная система, получается, что он испытывал сильные колебания по этому поводу в августе 1917 г. и не был готов перейти к политике широких репрессий, предполагавшей казни по политическим мотивам.

Сообщив, что правительство допускало возможность введения смертной казни в тылу, Керенский пускается в длинные рассуждения, где пишет и нечто противоположное только что сказанному: «Лично я был решительно против восстановления смертной казни в тылу, потому что считал совершенно невозможным выносить смертные приговоры, скажем, в Москве или Саратове, в условиях свободной политической жизни.

Убийство человека по приговору законного суда, в соответствии со всеми правилами и нормами официального ритуала казни, является великой «роскошью», которую может позволить себе лишь государство с отлаженным административным и политическим аппаратом»¹⁰². Более того, он здесь же признал неэффективность введения смертной казни и на фронте. В любом случае, Керенский был готов санкционировать смертную казнь лишь в крайне ограниченной сфере и, понимая, какой это вызовет скандал, колебался и пытался сдерживать сторонников смертной казни.

⁹⁸ Там же. С. 117.

⁹⁹ Там же. С. 94.

¹⁰⁰ Там же. С. 136.

¹⁰¹ Там же. С. 259–260.

¹⁰² Там же. С. 94.

6–7 августа распространились слухи об отставке Корнилова, которые привели к своеобразному смуту общественных сил в поддержку Главнокомандующего. Телеграммы с протестом против отставки направили Военная лига, Исполком Союза офицеров армии и флота, Совет Союза казачьих войск, Союз Георгиевских кавалеров и др. Союз Георгиевских кавалеров грозил вооруженным сопротивлением в случае отставки Корнилова. В заявлении Совета Союза казачьих войск говорилось: «Генерал Корнилов не может быть смещен, поскольку является настоящим вождем народа», который может вывести страну и армию из критической ситуации¹⁰³.

8–9 августа в поддержку Корнилова выступило Совещание общественных деятелей, организованное участниками Прогрессивного блока Госдумы.

Однако в это же время один из лидеров кадетов В. А. Маклаков после совещания правой общественности с офицерами, приехавшими из Ставки, сказал лидеру Союза офицеров полковнику Новосильцеву: «Передайте генералу Корнилову, что ведь мы его провоцируем, особенно М-ь. Ведь Корнилова никто не поддержит, все спрячутся»¹⁰⁴. Рассказывая об этом эпизоде в письме самому М-у, то есть Милюкову, Маклаков возложил ответственность на провоцирование генерала на более широкий круг правой, в том числе и офицерской, общественности: «Я был поражен и испуган тем общим впечатлением, которое посланцы Корнилова вынесли из этого собрания; это впечатление было, что «общественные деятели» им сочувствуют и их поддерживают. Помню, что я очень резко упрекнул Новосильцева в том, что эти посланцы сознательно или бессознательно ведут двойную игру: говорят нам, что дело уже решено, что выбора нет, в то время, когда ничего еще не решено, а затем сообщают генералу Корнилову наше отношение к совершившемуся факту под видом отношения к самому проекту»¹⁰⁵. Конечно, правые суетуны вносили в политическую подготовку переворота изрядный информационный шум. Но все же и сам Маклаков признавал, что офицеры осуществляли лишь зондаж самого Корнилова¹⁰⁶. Так что для него все было в главном решено, и следовало лишь определиться с деталями создания правого репрессивного режима.

Уже после провала выступления Корнилова Алексеев писал Милюкову, что «дело Корнилова не было делом группы авантюристов, и вы

¹⁰³ Там же. С. 105.

¹⁰⁴ Деникин А. И. Указ. соч. С. 31.

¹⁰⁵ Цит. по: Катков Г. М. Указ. соч. С. 169.

¹⁰⁶ Там же.

знаете до известной степени, что определенные круги нашего общества не только все знали об этом, не только симпатизировали идее, но помогали Корнилову насколько могли»¹⁰⁷. В связи с этим Алексеев называет финансистов Путилова и Вышнеградского.

Слухи о возможной отставке Корнилова совпали с его поездкой в Петроград 10 августа, куда он явился в сопровождении отряда преданных ему текинцев с пулеметами. Когда Корнилов вошел в Зимний, текинцы сняли пулеметы с автомобиля, «чтобы в случае надобности прийти на помощь главнокомандующему»¹⁰⁸. То есть уже тогда Корнилов был готов применить силу в случае конфликта с правительством.

Государственное совещание

Политическое противостояние между умеренными социалистами, представлявшими блок массовых общественных организаций, и либералами, за которыми стояли военные и коммерческие круги, определяло ход Государственного совещания – форума политических и общественных сил страны, который проходил в Москве 12–15 августа.

В чем заключались мотивы созыва этого представительного форума? «Способствовать созданию власти это предприятие не было предназначено ни в какой мере: власть ныне была создана, все были ею довольны, лучше не требуется, – иронизировал Н. Н. Суханов. – Служить суррогатом парламента совещание также не должно было: зачем? Ведь Керенский и его коллеги ответственны только перед своей совестью. Вскрыть и сказать что-нибудь новое «о пользах и нуждах страны»? Помилуйте: ведь это было временем расцвета тысячеголосой прессы, превзойти которую было явно немислимо... Оставалось одно: подать мнение «всей демократии» мнением «всей страны» – ради окончательного и полного освобождения «общенациональной власти» от опеки всяких рабочих, крестьянских, циммервальдских, полунемецких, полуеврейских, хулиганских организаций»¹⁰⁹.

Но в тысячеголосой прессе каждый голос растворяется, и никто не читает все статьи всех газет. На Государственном совещании предполагался смотр политического спектра, где каждое слово весомо. И «вся демократия» не собиралась сдавать такую площадку без боя, выдвигая на трибуну свою программу как условие поддержки власти. А правительство позаботилось о том, чтобы это условие не было единственным. Противопоставляя друг другу правые и левые требования,

¹⁰⁷ Цит. по: Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 278.

¹⁰⁸ Лукомский А. С. Из воспоминаний // Архив Русской революции. Т. 5. М., 1991. С. 106.

¹⁰⁹ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 57.

Керенский действительно мог держать руки свободными. Но ради чего – ради балансирования в точке ничегонеделания.

На Государственное совещание были приглашены представители советов, земств, профсоюзов, предпринимателей и других общественных структур. Через эти структуры в совещании участвовали и основные политические партии. Большевики были исключены из делегации ВЦИК, так как не дали гарантии, что не используют Совещание для демонстративного ухода в знак протеста. ЦК РСДРП(б) обвинил правительство и контрреволюционные силы в стремлении подменить Учредительное собрание Московским совещанием: «В этом отношении контрреволюция идет тем же путем, что и революция. Она учится у революции. У революции был свой парламент, свой действительный центр, и она чувствовала себя организованной». Теперь контрреволюция создает свой центр власти в Москве руками эсеров и меньшевиков¹¹⁰.

Большевики приурочили к открытию совещания политическую стачку в Москве. Ее результаты так вдохновили Ленина, что он принялся обсуждать в своих статьях план первоначального захвата власти в Москве и даже требовать публикации этих идей¹¹¹, что приводило соратников Ильича в ужас – ведь такие призывы просто выдавали партию в руки ее гонителей.

Совещание открыл выпренной речью сам Керенский, который заявил: «В великий и страшный час, когда в муках и великих испытаниях рождается и создается новая свободная великая Россия, Временное правительство не для взаимных распрей созвало вас сюда, граждане великой страны, ныне навсегда сбросившей с себя цепи рабства, насилия и произвола»¹¹². Керенский призвал всех сплотиться вокруг Временного правительства и заявил, что «и какие бы и кто бы мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее»¹¹³. За этими пафосными словами, потонувшими в бурных аплодисментах, чувствовалось недовольство премьера ультимативными требованиями принять «программу Корнилова».

Керенский снова обрушился на угрозы слева и справа: «Эта анархия слева, этот большевизм, как бы он ни назывался, у нас, в русской демократии, пронизанной духом любви к государству и к идеям свободы, найдет своего врага. Но еще раз говорю: всякая попытка большевизма наизнанку, всякая попытка воспользоваться ослаблением дисциплины, она найдет предел во мне»¹¹⁴.

¹¹⁰ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 334.

¹¹¹ См. *Логинов В. Т.* Указ. соч. С. 308.

¹¹² Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 3.

¹¹³ Там же. С. 7.

¹¹⁴ Там же. С. 13.

Хватит развала, теперь «все будет поставлено на место, каждый будет знать свои права и обязанности, но будут знать свои обязанности не только командуемые, но и командующие»¹¹⁵.

Керенский напомнил, что он пошел на частичное восстановление смертной казни, вызвав аплодисменты у правой части зала, и театрально прервал их: «Кто смеет аплодировать, когда речь идет о смертной казни?! Разве вы не знаете, что в этот момент и в этот час была убита частица нашей человеческой души?!» Но раз уж нужно бороться с разложением армии, «мы душу свою убьем, а государство спасем»¹¹⁶. В. В. Шульгин иронизировал в ответ: «Но господа, ужас в том, что мы можем все погубить наши души, а родину не спасти»¹¹⁷.

Политическую линию Керенского продолжил обосновывать министр внутренних дел правый эсер Н. Д. Авксентьев. Он тоже предлагал во главу угла ставить идею государственности и порядка. Авксентьев видел свою задачу в том, чтобы обеспечить выборы местного самоуправления и таким образом вытеснить Советы избранными всем населением земствами, находящимися под наблюдением комиссаров Временного правительства.

Правда, качество выборов в местное самоуправление оставляло желать лучшего. Даже в Петрограде, как отмечала пресса, в частности «Новая жизнь», «сотни и тысячи избирателей оказались не внесенными в списки»¹¹⁸. Выборы уездных земств не вызвали интереса у большинства населения – в выборах участвовало меньшинство избирателей (волостные выборы вызвали у крестьян больший интерес)¹¹⁹.

Это не предвещало и выборам в Учредительное собрание абсолютной стерильности. Возможно, в сложившихся условиях можно было немного пожертвовать качеством подготовки (раз уж даже на столичном уровне не получалось идеально) и ускорить время выборов.

Тревожным сигналом для умеренных социалистов стал успех большевиков на выборах в столичную думу 20 августа. Они получили 33,5% голосов (раньше в районные думы – 20%), в то время как эсеры – 37,5%, а меньшевики – всего 4%, что стало разгромом этой партии. Кадеты набрали 22%.

Временное правительство, считавшее введение «правильного» городского и земского самоуправления одним из важнейших своих достижений, на деле не доверяло ему. По мнению Суханова, «новое городское положение (до Учредительного собрания) было проникнуто та-

¹¹⁵ Там же. С. 15.

¹¹⁶ Там же. С. 14.

¹¹⁷ Там же. С. 108.

¹¹⁸ Кручковская В. М. Указ. соч. С. 43.

¹¹⁹ Андреев А. Н. Указ. соч. С. 197–198.

ким реакционным духом, что даже муниципалы из правительственных партий встали в тупик. «Революционная власть» связала «коммуну» по рукам и ногам – не только в больших вопросах социального строительства, но и в нудных мелочах»¹²⁰.

Главной интригой Государственного совещания было выступление Корнилова, который уже воспринимался как второй центр власти в стране.

Начальник караула, расставлявший посты юнкеров вокруг Большого театра, где проходило Государственное совещание, говорил, что на нем «будет решен вопрос о назначении одного из трех генералов: Алексеева, Брусилова или Корнилова, – военным диктатором»¹²¹.

13 августа Лавр Георгиевич торжественно прибыл в Москву, чтобы принять участие в Государственном совещании. «Корнилова встретил Родичев и произнес патетически: «Гряди, вождь, и спасай Россию». Дочь известного фабриканта Морозова, поднося ему цветы, упала на колени. Солдаты-георгиевцы заученными жестами бросали букеты под ноги Корнилову. Восторг толпы достиг апогея, когда Корнилова подхватили на руки и понесли к автомобилю». Этот триумф не был неожиданностью для главнокомандующего – когда командующий округом Верховский при встрече на вокзале попросил минуту для разговора, Корнилов высказал неудовольствие, что «мы прерываем торжество»¹²².

Керенский не хотел, чтобы Корнилов выступал с политическими заявлениями. Вообще он и его соратники «делали все, что могли, чтобы удержать Корнилова от политики, ибо это было недоступно его интеллекту...»¹²³.

Большое волнение Керенского и его сторонников вызвала несогласованная с командованием Московского военного округа переброска войск к Москве казачьего полка и слухи, что он может быть использован правыми во время Государственного совещания¹²⁴.

Прибыв в Москву, Корнилов встретился с политическими деятелями от кадетов и правее, а также с финансовыми воротилами, включая лидеров ОЭВР. У них генерал попросил денег на случай, если нужно будет разместить в столице офицеров. Зачем? Финансовые

¹²⁰ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 50.

¹²¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 550.

¹²² Верховский А. И. Указ. соч. С. 308–310.

¹²³ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 81.

¹²⁴ Там же. С. 102–103.

тузы не стали уточнять и обещали дать денег¹²⁵. На хорошее дело не жалко (а еще говорят, что у капиталистов не хватало средств даже на поддержание производства). Большое впечатление произвело торжественное посещение Корниловым иконы Иверской Божьей матери. «И после демонстративного посещения знаменитой Иверской часовни «солдат» без лишних слов очутился на всероссийской трибуне как розоперстая заря надежд объединенной плутократии»¹²⁶, – иронизировал Суханов.

14 августа Корнилов выступил на Государственном совещании. Восхождение генерала на трибуну сопровождалось скандалом. Правая часть зала не просто встретила Корнилова овацией, но встала с мест. А представители Советов, в том числе солдаты, – не встали. Правые кричали левым: «Встаньте!», «Хамы!» Левые отвечали: «Холопы!» Но в целом, как признавал левый меньшевик Суханов, «его выступление было сплошным и продолжительным триумфом, в котором, за вычетом нашей кучки, приняла участие и «демократия»: помилуйте, ведь мы же все патриоты, а это выступает вождь нашей революционной армии!...»¹²⁷.

Когда буря улеглась, Корнилов приступил к выступлению. Он возложил ответственность за Тарнопольский разгром и разложение войск на «влияния извне на армию и неосторожные меры, принятые для ее реорганизации»¹²⁸. Корнилов подчеркнул, что не является противником комитетов, но они должны заниматься вопросами хозяйства и внутреннего быта армии.

Генерал перечислял примеры актов насилия солдат против офицеров, не понимая, что этим доказывает – введение смертной казни, на котором он так настаивал, не улучшило ситуацию. Генерал требовал восстановить дисциплинарную власть офицеров во всей полноте, поднять их престиж и зарплату. С зарплатой в условиях инфляционной экономики было проще, но что делать с престижем тех офицеров, которые не завоевали его в солдатских массах?

По мнению Войтинского, который в это время сменил петроградские политические игры на работу помощником комиссара (затем – комиссаром) Северного фронта, речь Корнилова предопределила его

¹²⁵ Селезнев Ф. А. Указ. соч. С. 83. Характерно, что, когда Путилов рассказал об их беседах с Корниловым С. Третьякову, одному из лидеров московского капитала, тот заявил: «Я в таких авантюрах не участвую». Так что у руководителей крупного капитала не было сомнений, что Корнилов готовит решительные действия, которые можно либо поддержать, либо счесть авантюрой.

¹²⁶ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 63.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 61.

последующий крах: «Верховный главнокомандующий не мог не знать, что его голос дойдет до солдатской массы. И элементарнейший расчет должен был подсказать ему, что говорить он должен как защитник солдата... Именно так и должен был говорить генерал Корнилов, если бы в нем был хоть грамм того материала, из которого история лепит Цезарей и Наполеонов. А вместо этого он выступил с резкой обвинительной речью против солдат, с речью, в которой другие могли услышать и «воплъ боли за родину», и «скорбь воина за дорогую ему армию», и еще что угодно, но в которой солдаты должны были уловить только одно: угрозу скрутить их в бараний рог»¹²⁹.

Корнилов собирался скрутить в бараний рог и тыл. Производительность труда падала, а значит – следовало ввести военную дисциплину: «Если принять решительные меры на фронте по оздоровлению армии и для поднятия боеспособности, то я полагаю, что разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть. Но в одном отношении фронт, как непосредственно стоящий перед лицом опасности, должен иметь преимущество. Если суждено недоедать, то пусть недоедает тыл, а не фронт»¹³⁰.

Близкие Корнилову идеи выдвинул и атаман Войска Донского А. М. Каледин, который, однако, лучше их продумал и свел в шесть пунктов требований по восстановлению порядка.

1. Армия должна быть вне политики, полное запрещение митингов, собраний, с их партийной борьбой и распрями.

2. Все советы и комитеты должны быть упразднены кроме полковых, ротных, сотенных и батарейных, при строгом ограничении их прав и обязанностей областью хозяйственных распоряжений.

3. Декларация прав солдата должна быть пересмотрена и дополнена декларацией его обязанностей.

4. Дисциплина в армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами.

5. Тыл и фронт – единое целое, обеспечивающее боеспособность армии, и все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены в тылу.

6. Дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены, вождам армии должна быть предоставлена полная мощь¹³¹.

¹²⁹ *Войтинский В. С.* Указ. соч. С. 205.

¹³⁰ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 65.

¹³¹ Там же. С. 75.

Каледин считал необходимым ввести трудовую повинность, нормировку труда, зарплат и прибылей предпринимателей и в то же время сохранить пока наличные аграрные отношения, включая аренду.

Выступление Каледина попытался дезавуировать есаул А. Нагаев, член ВЦИКа Советов от казаческого съезда Кавказского фронта. Он заявил, что Каледин не имеет права говорить от всего казачества, часть которого поддерживает Советы. Разразился скандал, офицеры бросили есаулу обвинение в получении германских марок – универсальный аргумент правых против их противников в это время. Зал взорвался протестующими криками.

Программа Корнилова – Каледина, как отметил Суханов, «была принята... всем буржуазным большинством в качестве ударного боевого пункта момента. Конечно, буржуазия в этом не ошиблась. За полгода революции она от мала до велика осознала, где корень зла. А ее верхи отлично понимали, что борьба за армию сейчас может иметь только такую форму. Ведь в открытом, «честном» споре с Советом буржуазия была побеждена «до конца»: армия была в полном распоряжении Совета... поскольку этому не мешало влияние большевиков. И теперь у буржуазии мог быть только один лозунг: ликвидация «комитетов и Советов» и полная власть командирам»¹³². Дело было не в том, вредны комитеты или полезны для армии. Дело было в стремлении имущественной элиты остановить революцию. В этом «цензовики» сходились с большинством офицерства. Казалось, что остановить революцию можно было теперь только путем решительного и кровавого переворота (скорее это вызвало бы Гражданскую войну, как через двадцать лет в Испании). А комитеты и Советы мешали проведению переворота. Мешали настолько, что сторонники «твердой власти» даже недооценивали этот фактор, но все же развернули борьбу за войско с демократическим структурами.

Если Корнилов стал вождем правого крыла совещания и всей России, то спикером «демократии» продолжал оставаться не самый яркий оратор Николай Семенович Чхеидзе – как компромиссная фигура среди более ярких левых лидеров.

Выступая 14 августа на совещании, председатель президиума ВЦИК Чхеидзе изложил развернутую программу демократических сил, согласованную с руководящими органами Советов, кооперативного дви-

¹³² Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 63.

жения, профсоюзов, органов городского самоуправления и других демократических организаций. По существу это была программа выхода из кризиса, сформированная наиболее массовой частью гражданского общества России. Тесная связь между гражданским обществом и властью провозглашалась единственной возможностью предотвратить катастрофу: «всякая попытка разрушить общественные организации, подорвать их значение, вырыть пропасть между ними и властью... есть не только измена делу революции – это есть прямое предательство родины, которая погибнет в тот самый день, когда на страже ее не будут стоять сознательные, дисциплинированные, самостоятельные и организованные массы трудящегося народа»¹³³. Эти слова были направлены против милитаристов, но относились также и к большевизму.

Чхеидзе озвучил развернутую программу преобразований. Подтвердив необходимость твердых цен и монополии на хлеб, он увязал их со снабжением сельского населения промышленными товарами и с распространением твердых цен на них. Это, в свою очередь, предполагало регулирование зарплат, подключение к распространению товаров аппарата кооперации (без ликвидации частной торговли), государственное синдицирование промышленности, вмешательство государства в управление предприятиями с целью их модернизации, борьбу с «нерадением» рабочих, развертывание сети социальных организаций (бирж труда, примирительных камер), регулирование отношений труда и капитала вплоть до введения трудовой повинности, повышение налогов и принудительное размещение займов¹³⁴.

Большинство этих мер позднее было осуществлено большевиками. Последствия для хозяйства оказались катастрофическими. Можем ли мы утверждать, что предложенная советской демократией программа вела к таким же последствиям? Помимо сходства есть и явные отличия. На значительной части большевистских мер, сложившихся затем в систему «военного коммунизма», лежал отпечаток политики классовой конфронтации, Гражданской войны, принуждения и репрессий. Программа, изложенная Чхеидзе, принципиально отличалась установкой на социальный компромисс людей труда за счет относительно узких слоев имущественной элиты. В условиях, когда буржуазия не справлялась со своими социальными функциями и кризис стремительно углублялся, этатистские меры были неизбежны. Но, как показал опыт XX в., этатизация (огосударствление экономики) могла идти самыми

¹³³ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 79.

¹³⁴ Там же. С. 80–84. Эти положения сформулированы сообразно моменту в осторожных тонах, с оговорками вроде «по мере возможности». Но ситуация в экономике подвела к более жесткому выбору: либо осуществлять комплексные социально-экономические меры, либо смотреть, как все рушится.

разными путями – от «шведского» до «сталинского». Умеренные социалисты рассчитывали основать систему регулирования экономики, которая будет вырастать из разветвленной сети самоуправляющихся общественных организаций и опираться на общенациональное признание основных реформ большинством населения по итогам выборов в Учредительное собрание.

Умеренные социалисты выступали против форсированной замены рыночных отношений распределительными, что стало впоследствии одной из разрушительных черт социально-экономической политики большевизма. Программа Чхеидзе поддерживала эсеровскую аграрную программу, широкое участие демократических организаций в экономическом регулировании, свободу профсоюзной деятельности, всеобщие выборы представителей центральной власти на местах и органов территориальной власти (самоуправления)¹³⁵. Эта сторона программы давала возможность «перевернуть» иерархию управления, демократизировав его насколько возможно, продолжая продвижение к экономической демократии и самоуправлению.

Коалиционный характер власти также ограничивал возможности авторитаризации. Все это принципиально отличало программу, изложенную Чхеидзе, от последующей практики большевиков.

Стремление к регулированию экономики встречало препятствие, о котором говорил на Государственном совещании министр промышленности и торговли Прокопович: «Конечно, регулирование народнохозяйственной жизни, регулирование обращения товаров предполагает существование необходимого аппарата»¹³⁶. Откуда взять столько честных и компетентных людей?

Министерства торговли и промышленности и труда считали нужным ввести государственный контроль над частными предприятиями, чтобы пресечь злоупотребления предпринимателей, установить постоянные зарплаты, цены и норму прибылей, ввести трудовую повинность, единый план снабжения¹³⁷. Но каким образом осуществить все эти меры, Прокопович не объяснял. Здесь нужно было определяться, что станет аппаратом такой системы регулирования: Советы, военная диктатура, интеллигенция. Но последняя не могла удержать ситуацию под контролем сама, а «вмешательство рабочих в управление предприятиями признается Министерством труда недопустимым»¹³⁸. Что же остается, кроме военной машины?

¹³⁵ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 80–84.

¹³⁶ Там же. С. 22.

¹³⁷ Там же. С. 29.

¹³⁸ Там же.

На совещании развернулась полемика кадетов и социалистов – сторонников коалиции. Последним пришлось оправдываться за результаты деятельности Временного правительства так, будто кадеты за них не отвечали. Маклаков критиковал то, что в правительстве все еще есть «вчерашние пораженцы» (имелся в виду циммервальдиец Чернов), на что левая часть зала откликнулась: «Да здравствует мужицкий министр Чернов!»¹³⁹

Маклаков пытался представить революцию источником всех проблем: армия стала разлагаться только после ее начала¹⁴⁰ (и откуда только взялись убийства офицеров в первые дни революции, если прежде в армии и на флоте царили мир и благодать). Пора ликвидировать все эти комитеты и комиссаров, смысл которых – быть проводниками вредоносной революционной политики. Нужно вести «войну до конца» вопреки миротворческим утопиям циммервальдийцев. Они надеялись на чудо, на то, что Германия отзовется на призывы к миру без аннексий и контрибуций, а та не отозвалась (но вообще-то официально Германии и не было сделано таких предложений от Антанты, а Временное правительство и не настаивало на том, чтобы Антанта выступила с программой демократического мира). Раз циммервальдийского чуда не случилось, Маклаков надеялся на другое чудо – если восстановить права офицеров, ликвидировать комитеты и комиссаров, воссоздастся «прежняя храбрая армия»¹⁴¹. Ужо тогда покажем германцу.

Маклаков, который прекрасно был осведомлен о надеждах правых кругов на штыки генерала Корнилова, пытался отвести опасения Керенского на этот счет: «Были в речи председателя какие-то неясные, непонятные намеки: кто-то угрожает штыками, которые хотят подавить революцию, кто-то придет сюда и приведет с собой старый порядок»¹⁴².

Милюков и вовсе пожалел, что сразу же, в марте не разогнали Советы силой¹⁴³ – ему не приходило в голову, что такая попытка привела бы к Гражданской войне.

Правые ораторы призывали Временное правительство встать над классовой борьбой, занять надклассовую общегосударственную позицию. Но даже сторонники коалиции из числа марксистов прекрасно понимали все лукавство этой позиции: «По мнению гражданина Маклакова, если Временное правительство определило пути спасения

¹³⁹ Там же. С. 113.

¹⁴⁰ Там же. С. 114.

¹⁴¹ Там же. С. 115.

¹⁴² Там же. С. 115–116.

¹⁴³ Там же. С. 130.

страны вне зависимости от того, как отнесутся к этим путям... те или другие слои населения... что же мешает любому отдельному лицу, разделяющему взгляды гражданина Маклакова и принимающему его пути спасения, всенародно об этом заявить и объединить народные массы вокруг себя»¹⁴⁴.

Для Церетели это немислимо – правительство должно опираться на классы через их партии и организации. Для Маклакова и Милюкова, не говоря о более правых ораторах Шульгине, Гучкове и Родзянко, – как раз желательно. Ведь они за «общегосударственными» интересами прячут классовые интересы имущественной элиты. И вот их-то и должна защитить от разбушевавшихся масс «твердая власть» в руках «отдельного лица».

Им есть что терять. Выступая от имени московских коммерческих кругов, глава Всероссийского торгово-промышленного союза П. П. Рябушинский высказывал опасение, что после войны из-за экспансии западного капитала «чужие будут эксплуатировать русский рабочий труд, но не мы»¹⁴⁵. Вот она, главная угроза!

Позднее большую известность приобрели слова Рябушинского о том, что «к сожалению, нужна костлявая рука голода и народной нищеты, чтобы она схватила за горло лжедрузей народа, членов разных комитетов и советов, чтобы они опомнились»¹⁴⁶.

Защита существующей коалиции и переход к более правому и более репрессивному режиму – вот две идеи, конкурировавшие на Государственном совещании. Сдвиг власти влево ради начала более глубоких социальных реформ практически не рассматривался как реальная перспектива. Через месяц все изменилось, но в середине августа Керенский и его сторонники-центристы еле сдерживали натиск справа.

Наиболее дальновидные представители цензовых слоев видели именно в центристах, сторонниках коалиции своих защитников. Под гром аплодисментов от имени буржуазии Бубликов пожал руку Церетели, который в этой ситуации должен был представлять трудящиеся классы и революционную демократию. Но представлял на деле только их часть, стремительно уменьшавшуюся.

Укрепить авторитет политического централизма и оборончества были призваны приглашенные на Государственное совещание исторические фигуры – Е. К. Брешко-Брешковская, П. А. Кропоткин и Г. В. Плеханов. В это триаде наиболее удивительную для себя роль играл князь Кропоткин – идеолог анархизма, который теперь обосновывал обо-

¹⁴⁴ Там же. С. 118–119.

¹⁴⁵ Там же. С. 254.

¹⁴⁶ Политические деятели России. 1917 г. Биографический словарь. С. 282.

рончество и создание федеративного государства как в Америке. Он не отказался от своих анархо-коммунистических идеалов, но пришел к выводу, что путь к анархизму долог, и начинать надо с малого. Прежде всего – избежать «психологии побежденной страны», которую Кропоткин наблюдал во Франции после 1871 года. После разгрома пруссаками страна обнищала и готова была унижаться перед монархическими режимами и собственными кандидатами в диктаторы. Чтобы развиваться дальше, Россия должна была сначала решить минимальные социальные задачи – добиться прогресса в просвещении, вывести массы из нищеты, создать федеративную республику с региональными парламентами¹⁴⁷. Теперь теоретик некогда радикального анархизма видел приближение социализма даже в речах Ллойд Джорджа, проникнутых «таким же социалистическим духом, как и речи наших товарищей социалистов, но дело в том, что в Англии, во Франции и в Италии складывается новое понимание жизни, проникнутое социализмом, к сожалению государственным, и в значительной степени, но также и городским»¹⁴⁸ (то есть муниципальным).

Совещание заканчивалось под пафосную речь Керенского, который снова призвал всех сплотиться вокруг правительства, которое будет твердым. О себе любимом премьер говорил как никогда образно: «Пусть сердце станет каменным, пусть замрут струны веры в человека, пусть засохнут все цветы и грезы о человеке, над которыми сегодня, с этой кафедры говорили презрительно и их топтали. Так сам затопчу. Не будет этого. Я брошу далеко ключи от сердца, любящего людей, я буду думать только о государстве»¹⁴⁹.

Это был пик ораторского искусства Керенского, которое, раздражая многих политиков своей манерностью и истерической экзальтацией, пользовалось весной–летом 1917 г. большой популярностью. Выступать на Государственном совещании, где шумели несколько тысяч делегатов, было вообще делом непростым: «Говорить в таком собрании, конечно, составляло огромную трудность. Керенский, произнося речь, каждое свое слово отчеканивал, и оно слышалось в любом месте театральной залы. На каждом абзаце своей речи он останавливался, давал слушателям время воспринять его мысль... Сообразно случаю, Керенский говорил свою речь чрезвычайно торжественно и языком, каким писали в старину законы»¹⁵⁰. «Впрочем, – свидетельствовал Суханов, – пышно-расплывчатые фразы Керенского дышали неподдельной искренностью

¹⁴⁷ Государственное совещание. Стенографический отчет. С. 229–232.

¹⁴⁸ Там же. С. 230–231.

¹⁴⁹ Там же. С. 307.

¹⁵⁰ Демьянов А. Моя служба при Временном правительстве // Архив Русской революции. Т. 4. М., 1992. С. 72.

и искренней любовью к родине и свободе. Несомненно, в этой речи он дал высокие образцы политического красноречия. И опять был на высоте Великой *французской* революции. Но – не *русской*»¹⁵¹.

Кто кого предал?

Корнилов после Государственного совещания, по словам Деникина, решил, что следует действовать без Керенского, и, видимо, поделился этой идеей с Крымовым, который сказал одному из сообщников: «Все идет хорошо. Решили не иметь больше дела с «ними»...»¹⁵²

Более широкой программы, чем доклады 3 и 10 августа, у Корнилова пока не было. Деникин указывал, что «никогда, ни до выступления, ни во время его – ни официально, ни в порядке частной информации Корнилов не ставил определенной «политической программы». Он ее не имел»¹⁵³. Однако окружение генерала такую программу готовило.

В августе Завойко принялся составлять проект реформ, которые можно выдвинуть от имени Корнилова. Он был довольно детальным и в целом соответствовал праволиберальным взглядам. Новое временное правительство Завойко надеялся опереть на аналог Государственного совещания, состоящего из депутатов дум и представителей партий (включая и большевиков) и общественных структур¹⁵⁴.

Завойко был ключевым звеном «выносных мозгов» Корнилова, но в преддверии большой политической игры их следовало расширять.

По приглашению Корнилова в Ставку прибыл бывший депутат I Государственной думы А. Ф. Аладьин, человек со связями в российских политических кругах и в Великобритании. Он тоже включился в выработку политических проектов и также предложил в качестве опоры нового правительства аналог Государственного совещания, но несколько иной по составу, составленный из депутатов IV Думы и левых депутатов предыдущих Дум, а также представителей умеренного крыла части ЦИКа Советов¹⁵⁵.

20 августа кадетский ЦК обсуждал сложившуюся ситуацию, и симпатии большинства были не на стороне демократических принципов. А. В. Карташев спрашивал: «Каковы могут быть результаты бездействия власти, этого исторического преступления?» (а ведь именно кадеты были авторами этого преступления, заблокировав социальные

¹⁵¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 62.

¹⁵² Деникин А. И. Указ. соч. С. 37.

¹⁵³ Там же. С. 14.

¹⁵⁴ Подробнее см. Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 223–226.

¹⁵⁵ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 176.

реформы). И сам же отвечал: «Власть возьмет в свои руки тот, кто не побоится стать жестоким и грубым». Карташеву это не нравится, его печалит «рабское тяготение страны к диктаторской власти» (всего через несколько дней станет ясно, что этого «рабского стремления» пока нет), но кадеты «слишком переидеальничали». Хватит идеализма, только генералы «может быть, сейчас еще могут справиться с развалом... Левые пока бурлят еще, но и они рабски покорятся и будут раздавлены». «П. Н. Милюков, отмечая, что его диагноз совпадает с диагнозом А. В. Карташева, спрашивает, считает ли он возможным экзекуции в селах против анархических элементов». Карташев считает, «что напрасно преувеличивают силу этих элементов»¹⁵⁶.

История посмеётся над этими прогнозами и диагнозами. Попытка установить правую диктатуру натолкнется на ожесточенное сопротивление и в августе 1917 г., и позднее, когда эту диктатуру будут устанавливать белые генералы. И уже в августе перед кадетами встала проблема отношения к правой диктатуре – остаться в политике и отказать от демократических лозунгов или остаться идеалистами вне реальной политики. Эту проблему поставил Шингарев: «Если бы даже диктатура после кровавых расстрелов захотела опереться на умеренные слои и обратиться к к.-д.-там с предложением спасти отечество, в каком положении очутилась бы партия, принявшая эту историческую миссию?»¹⁵⁷ Милюков так ответил на этот вопрос: «Жизнь толкает общество и население к мысли о неизбежности хирургической операции. Процесс этот совершается без нас, но мы по отношению к нему не в нейтральном положении: мы призываем его и сочувствуем ему в известной мере»¹⁵⁸. Но было бы хорошо, чтобы грязную работу введения репрессий и разгрома Советов провели сами правые социалисты Керенский и Савинков, после чего кадеты могли бы унаследовать власть, не запачкав белых перчаток. «Савинков добьется своего – и вся картина невольно меняется в предусмотренном нами направлении»¹⁵⁹.

18–20 августа немцы взяли Ригу. Это событие было воспринято как еще одно доказательство разложения армии. Однако такой свидетель событий, как Войтинский, опровергал эту версию. Во-первых, войска,

¹⁵⁶ Протоколы Центрального комитета Конституционно-демократической партии. Т. 3. М., 1998. С. 397.

¹⁵⁷ Там же. С. 398.

¹⁵⁸ Там же. С. 401.

¹⁵⁹ Там же.

на участке которых начался прорыв, были не разложившимися и готовыми воевать. Позиции были хорошими, солдаты ждали немецкого удара даже с оптимизмом: «Непременно сюда вдарит. За теми вон кустиками, в речушке у него понтоны заготовлены»¹⁶⁰. Однако когда немцы «вдарили», позиции удержать не удалось. Но войска контраковали и отступали в порядке. Причины неудачи были те же, что и в 1915 г., революция тут ничего не добавила: немцы имели перевес в артиллерии и наносили российским частям урон дистанционно. Российские войска плохо управлялись, действовали вразнобой, теряли связь с командованием¹⁶¹. Немецкие войска вообще были лучше организованы – что в 1915-м, что в 1917 году. Германская армия наступала медленно – 25–30 верст за три дня. Когда создалась угроза, что армия будет отрезана, она отступила из Риги.

Как командующий Корнилов потерпел тяжелое поражение¹⁶². Ставка сама нагнетала панику, сообщив о якобы паническом бегстве из-под Риги. За прошлое поражение был отправлен в отставку Брусилов, и если бы Керенский в этот момент планировал избавиться от Корнилова, можно было обвинить его в потере Риги. Но Керенский этого не сделал. Он продолжал связывать с Корниловым чаяния на наведение порядка в армии и в то же время надеялся оградить от вмешательства генерала политику в тылу.

С падением Риги эта двуединая задача столкнулась с новой трудностью. Петроградский военный округ становился почти прифронтовым, и Корнилов требовал подчинения его себе и введения на его территории военного положения. Получалось, что военные претендовали на подчинение себе столицы. Это не входило в планы Керенского.

Керенский дал Савинкову поручение выехать в Ставку и решить несколько задач: «ликвидировать Союз офицеров» (имелось в виду перемещение руководящих органов Союза из Могилева) и Политотдел при Ставке из-за подозрений об участии их сотрудников в заговоре; договориться с Корниловым о выделении Петрограда из Петроград-

¹⁶⁰ *Войтинский В. С.* Указ. соч. С. 207.

¹⁶¹ Там же. С. 212.

¹⁶² Среди опубликованных в декабре 1917 г. документов внешней политики была телеграмма румынского посла Дьяманди о беседе с Корниловым после сдачи Риги: «Генерал добавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочитал потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывал также на впечатление, которое взятие Риги произведет в общественном мнении в целях немедленного восстановления дисциплины в русской армии» (*Бонч-Бруевич М. Д.* Указ. соч. С. 150–151; *Керенский А. Ф.* Россия на историческом повороте. С. 208). Ход боевых действий практически исключает версию о том, что Корнилов специально сдал Ригу из политических соображений. Он никак не управлял этим сражением и несет ответственность разве что за то, что не обеспечил опасное направление должной поддержкой и резервами. Но не исключено, что Корнилов сказал нечто подобное, чтобы убедить союзного дипломата: несмотря на неудачи, ситуация под контролем.

ского военного округа и о предоставлении правительству конного корпуса «для реального осуществления военного положения в Петрограде и для защиты Временного правительства от каких бы то ни было посягательств...»¹⁶³ То есть военное положение планировалось ввести и в Петрограде, но «под непосредственным контролем не Ставки, а Временного правительства»¹⁶⁴.

23 августа Савинков, прибыв в Ставку, сообщил Корнилову, Лукомскому и Филоненко о том, что Временное правительство согласно выделить Верховному Петроградский военный округ, но выделить из его состава сам Петроград.

Также Савинков привез с собой проект положения о комиссарах и комитетах, которое должно было быть одобрено на конференции комитетов в Могилеве. Выяснилось, что предложения Корнилова опять существенно переработаны. Корнилов и Лукомский выступили категорически против двух положений савинковского проекта: права и обязанности комитетов аттестовать начальников и права комиссаров на отвод командного состава до командиров корпусов включительно. После дискуссии Савинков и Филоненко обещали снять эти положения, но они все же остались в документах совещания 24 августа и в положении о комиссарах и комитетах¹⁶⁵. В ответ Корнилов, выступив на этом совещании, заявил, что не согласен с проектом¹⁶⁶.

Желая использовать Корнилова как инструмент давления на Керенского, Савинков и Филоненко вовсе не собирались уступать ему там, где у них имелись разногласия с главкомом. А они считали, что офицерство должно находиться под контролем со стороны комиссаров и комитетов.

Филоненко и Савинков попытались уговорить Корнилова дать санкцию на отставку Деникина, который не мог найти общий язык с комитетами. Корнилов заступился за хорошего командира Деникина и запретил искать в его окружении заговорщиков. Вместе с Савинковым приехал глава департамента контрразведки при Генштабе Н. Д. Миронов, по поводу которого Корнилов сказал: «если Миронов осмелится арестовать здесь кого-нибудь, я прикажу его застрелить моим текинцам»¹⁶⁷.

¹⁶³ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 187.

¹⁶⁴ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 119.

¹⁶⁵ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 253.

¹⁶⁶ Там же. С. 256. Характерно, что при твердом неприятии Советов (которые мало могли повлиять на «разложение» армии на фронте) Корнилов в принципе готов был согласиться с существованием армейских комитетов при определенных условиях. По его словам, «отклоняя их вмешательство в дело перемен в командном составе, комитеты вводились в рамки их законной деятельности, им внушали убеждение, что главной задачей их является содействие командному составу в деле подъема духа в войсках» (Там же. С. 233).

¹⁶⁷ Цит. по: Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 137.

Еще в конце июля Филоненко и Савинков заподозрили, что в окружении Корнилова существует заговор с целью провозглашения его диктатором¹⁶⁸. Однако генерал отказывался увольнять своих адептов, уверяя, что сам будет держать их в узде. Это не могло не вызывать тревогу, но Савинков делал на Корнилова слишком важную политическую ставку, чтобы ссориться с ним из-за такой мелочи.

Вернувшись в столицу, ездивший с Савинковым начальник канцелярии Военного министерства полковник В. Л. Барановский сказал Керенскому, на сестре которого был женат: «Атмосфера в Ставке ужасающая, они совершенно не выносят вас»¹⁶⁹.

Но, несмотря на разногласия и взаимное недоверие, стороны продолжали готовить перемены в тылу.

По свидетельству Филоненко, «Б. В. Савинков передал генералу Корнилову просьбу министра-председателя о сосредоточении вблизи Петрограда конного корпуса для поддержки Временного правительства на случай беспорядков и выступления большевиков по примеру июльских дней при предстоящем объявлении Петрограда на военном положении»¹⁷⁰. То есть, хотя Петроград и оставался в подчинении Временного правительства, а не Корнилова, военное положение там планировалось ввести в самое ближайшее время. Поскольку это неминуемо вызвало бы волнения, планировалось их подавить военной силой. Эти планы в сознании Корнилова превратились в «точную информацию» о том, что «большевики планируют восстание». Но в самом деле это восстание планировали Корнилов и Савинков – как неизбежную реакцию на их провокационные меры.

Как отмечает исследователь О. К. Иванцова, «правительство, давая согласие на проведение требуемых Ставкой реформ, справедливо опасалось выступления со стороны Советов»¹⁷¹. Тут, правда, нужно уточнить, кого иметь в виду под правительством. Ведь Керенский еще не дал согласие на проведение «требуемых Ставкой реформ». Савинков и Филоненко, выступая от имени правительства в отношениях с Корниловым и шантажируя Керенского Корниловым, продвигали свою концепцию «сильной революционной власти».

¹⁶⁸ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 174, 184.

¹⁶⁹ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 71.

¹⁷⁰ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 175.

¹⁷¹ Там же. С. 8.

В сентябре 1917 г. Алексеев утверждал, что заговора генералов не было, а было предательство Керенского, срыв им уже достигнутой договоренности¹⁷². Однако когда и каким образом была достигнута эта договоренность? Все контакты Керенского и Корнилова хорошо известны. Единственный человек, через которого можно было договориться обо всем, – Савинков, который, однако, уже не являлся доверенным лицом Керенского из-за возникавших то и дело разногласий.

Корнилов прямо говорил Лукомскому: «Но впредь ничего никому говорить нельзя, так как гг. Керенские, а тем более Черновы, на все это не согласятся и всю операцию сорвут»¹⁷³. Следовательно, действительные планы Корнилова не были согласованы с Керенским, ибо премьер мог «сорвать операцию».

Характерно отношение Керенского-мемуариста к переговорам Савинкова и Корнилова. Он категорически отрицает саму возможность вовлеченности Бориса Викторовича в заговор Лавра Георгиевича: «Должен сказать, что Савинков – весьма доверчивый человек, и если он когда-нибудь в кого-то поверит, то долгое время не замечает в этом человеке никаких недостатков»¹⁷⁴. В данном случае наивным выглядит сам премьер, не замечавший целенаправленной самостоятельной политической линии Савинкова, направленной на смену режима с помощью Корнилова. Но был ли Керенский так наивен, или он понимал – если признать Савинкова частью заговора, то тогда и сам Керенский оказывается под большим подозрением. А если Савинков был обманут Корниловым – тогда Керенский совсем не при чем. Поэтому Керенский неоднократно повторял, что «я был совершенно уверен, что Савинков не играл никакой роли в заговоре»¹⁷⁵. Почему? Потому что после начала конфликта Керенского и Корнилова Савинков сразу же встал на сторону Керенского, а прежде плохо относился к заговорщическому окружению Корнилова¹⁷⁶. Еще бы – ведь они были конкурентами в борьбе за сердце генерала.

Впрочем, если Савинков действовал в направлении установления авторитарного режима и «заигрался» с Корниловым, то это не является доказательством вовлеченности Керенского в планы Савинкова и тем более – в самостоятельные планы Корнилова.

Керенский упрекал Савинкова лишь за «превышение полномочий», самостоятельные политические шаги, сделанные как бы по глупости,

¹⁷² Там же. С. 13.

¹⁷³ Лукомский А. С. Указ. соч. С. 108.

¹⁷⁴ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 207.

¹⁷⁵ Там же. С. 216.

¹⁷⁶ Там же. С. 217.

без злого умысла¹⁷⁷. Премьер протестовал против обвинения в «предательской роли», которое Чернов бросил Савинкову на съезде ПСР¹⁷⁸.

По словам Деникина, Корнилов ставил свои планы в зависимость от договоренности с Керенским, но, если бы ее достигнуть не удалось, «предстояло насильственное устранение представителей верховной власти, и в результате потрясения рисовалась одна перспектива – личная диктатура»¹⁷⁹.

Корнилов, Филоненко и Савинков стали обсуждать грядущие политические изменения, включая введение осадного положения в Петрограде и ввод для его осуществления кавалерийского корпуса. По словам Савинкова, «ваши требования будут удовлетворены Временным правительством в ближайшие дни, но при этом правительство опасается, что в Петрограде могут возникнуть серьезные осложнения»¹⁸⁰. Принятие этих мер может вызвать «восстание большевиков» (в другом месте своих показаний Корнилов признает, что войска были выделены для борьбы с Советом)¹⁸¹. Савинков говорил от имени правительства, не согласовав столь смелые планы даже с Керенским, не говоря уж об остальном кабинете, который даже не обсуждал введение радикальных мер из доклада Корнилова. Под словом «правительство» Савинков в этот момент подразумевал себя.

После июля Керенский желал бы иметь под рукой надежные части на случай внутренних осложнений, он просил договориться об этом с Корниловым. Но Керенский не говорил Савинкову, что эти части придется в ближайшее время бросить на Петроград. И уж в любом случае для Керенского было принципиально важно, чтобы эти войска управлялись из Петрограда, а не из Могилева.

24 августа Керенский телеграммой № 10085–36848 подчинил Корнилову Петроградский военный округ, кроме Петрограда и окрестностей.

По плану Савинкова необходимо было подтянуть войска к Петрограду, а когда это будет сделано – опубликовать новый закон о введении смертной казни в тылу, в том числе в столице. Это вызовет волнения в Петрограде, что станет предлогом для введения там осадного положения и разгрома левых сил, разгона Советов, установления «коллективной диктатуры». Поэтому «надо, чтобы генерал Корнилов точно телеграфировал ему, Савинкову, о времени, когда подойдет корпус к Петрограду»¹⁸².

¹⁷⁷ Там же. С. 221.

¹⁷⁸ Там же. С. 222.

¹⁷⁹ Деникин А. И. Указ. соч. С. 36.

¹⁸⁰ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 239.

¹⁸¹ Там же. С. 243.

¹⁸² Там же. С. 240.

Передвижение частей к Петрограду началось задолго до визита Савинкова – еще в начале августа¹⁸³. Генерал Лукомский вспоминал, что получил распоряжение Корнилова о передислокации корпуса 6–7 августа, причем, по наблюдению Лукомского, так, что это было нецелесообразно с военной точки зрения, но удобно корпус «бросить на Петроград или на Москву»¹⁸⁴. В начале августа комендант Пскова М. Д. Бонч-Бруевич получил распоряжение командующего фронтом В. Н. Клембовского обеспечить размещение в Пскове штаба III конного корпуса Крымова¹⁸⁵. Сам Крымов прибыл в Могилев для получения указаний от Корнилова уже 12 августа¹⁸⁶. Значит, выдвигание корпуса под Петроград произошло не по просьбе премьера, Савинкову дал на это передвижение санкцию Керенский уже задним числом, после падения Риги¹⁸⁷. Керенский намеревался получить эти войска в свое непосредственное подчинение. Но именно поэтому ему совсем не нужен был корпус во главе с командующим, который подчиняется Корнилову даже против него: «Если бы отряду Крымова удалось прибыть сюда, то оказалось бы совсем непросто избавиться от него, понимая, что в таком случае здесь в игру вступят те силы, которые ждали, как будут развиваться события, то есть посланники, которые собрались в Петрограде, и те группы, которые были организованы для оказания помощи с тыла в нужный момент»¹⁸⁸.

Около 100 офицеров, направленных Корниловым в столицу под предлогом обучения бомбометанию, инструктировались о возможности их участия в установлении военного контроля над Петроградом в связи с угрозой большевистского восстания¹⁸⁹. Эта группа так и не выступила в дело – или потому, что офицеры не хотели действовать против Временного правительства, или потому, что штурм Петрограда Крымовым не состоялся.

Инструктаж новой партии офицеров проводился 29 августа и приобрел большую определенность, чем раньше: «армии и стране нужна твердая власть, генерал Корнилов желает создать ее, а для этого нужно прежде всего провести чистку (аресты) во Временном правительстве,

¹⁸³ Там же. С. 257.

¹⁸⁴ Лукомский А. С. Указ. соч. С. 104–105.

¹⁸⁵ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. С. 151–152. При этом выдвигание войск из Пскова на Петроград началось 23 августа (С. 154), то есть до того, как Савинков обсудил эту тему с Корниловым. Войска стали двигаться не по инициативе Керенского, а по сигналу из Ставки.

¹⁸⁶ Лукомский А. С. Указ. соч. С. 109.

¹⁸⁷ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 124.

¹⁸⁸ Там же. С. 248.

¹⁸⁹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 198.

в котором были лица, действительно работавшие на руку немцев»¹⁹⁰. Этой новой группе «переворотной команды» пробраться в столицу уже не удалось.

Катков писал об этих офицерах: «Известно, что некоторые из них во время совещаний, происходивших в тайных штабах, обсуждали возможность спровоцировать или даже стимулировать большевицкое восстание путем привлечения преступных элементов столицы к разграблению лавок, в первую очередь в районе Сенной площади»¹⁹¹.

26 августа руководители этой организации Сидорин и Дюсиметьер явились к Путилову и предъявили письмо с просьбой Корнилова выдать им средства. Офицерской «пятой колонне» нужно было на что-то жить в Петрограде. Путилов выдал первую партию средств – 800 тыс. руб. и принялся собирать остальное. После прибытия в Москву Гучкова со счетов ОЭВР сняли 1,2 млн руб., чтобы выдать офицерам. Однако те не пришли в банк, а были обнаружены в ресторане «Малоярославец», и «та обстановка, в которой мы нашли в тот вечер этих лиц, заставила нас воздержаться от выдачи денег», – вспоминал Путилов. «Вообще петроградских представителей Корнилова (особенно В. И. Сидорина) с легкой руки Деникина и Милюкова принято обвинять в трусости, нечестности и некомпетентности. Они-де пьянствовали в ресторанах, а в решающий момент исчезли, прихватив выданные им деньги», – комментирует историк Ф. А. Селезнев. Мудрено оценить их действия иначе, но у Селезнева есть оправдание для офицеров: наносить удар по Петросовету Сидорину запретил Алексеев. «Безысходность ситуации и привела Сидорина и Дюсиметьера в ресторан»¹⁹². Катков трактовал этот эпизод иначе – Алексеев не подставил Корнилова, запретив его офицерам действовать, а отверг авантюристический план имитации большевистского выступления¹⁹³. После этого следовало не пропивать деньги в ресторане, а ждать дальнейших команд. В любом случае Корнилов очень плохо разбирался в людях, если поручил таким офицерам столь ответственное поручение.

А разочарованный Путилов выехал в Лугу, куда выдвигался корпус Крымова.

Накануне корниловского выступления не дремали и георгиевские кавалеры. Один из руководителей Союза рассказывал П. А. Половцову (которого Керенский как раз недавно отправил в отставку), что они

¹⁹⁰ Там же. С. 201.

¹⁹¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 166.

¹⁹² Селезнев Ф. А. Указ. соч. С. 86.

¹⁹³ Катков Г. М. Указ. соч. С. 166.

«установили такое наблюдение за Советом, что в случае каких-нибудь происшествий в столице никто из Смольного не уйдет живым»¹⁹⁴.

Однако в самом корпусе Крымова все было не так оптимистично. Солдаты были готовы подавить восстание большевиков, но значительная часть солдат не собиралась действовать против Совета¹⁹⁵. Поэтому эти войска приходилось использовать втемную под предлогом мифического грядущего восстания большевиков.

Савинков поговорил с Корниловым и без свидетелей. По словам Бориса Викторовича, главнокомандующий заявил: «Я должен Вам сказать, что Керенскому и Временному правительству я больше не верю. Во Временном правительстве состояли членами такие люди, как Чернов, и такие министры, как Авксентьев. Стать на путь твердой власти – единственный спасительный для страны – Временное правительство не в силах. За каждый шаг на этом пути приходится расплачиваться частью отечественной территории, это позор. (Так Корнилов пытался снять с себя ответственность за поражение под Ригой. – *А. III.*). Что касается Керенского, то он не только слаб и нерешителен, но и неискренен. Меня он незаслуженно оскорбил на Московском совещании»¹⁹⁶. Сам Корнилов вспоминал, что охарактеризовал Керенского как человека «слабохарактерного, легко поддающегося чужим влияниям и, конечно, не знающего того дела, во главе которого стоял»¹⁹⁷. Генерал привел и другие претензии к премьеру чисто личного характера, которые мелко смотрелись на фоне пафосного выступления о спасении страны. Савинков стал заступаться за Керенского, но поддерживал Корнилова в главном – необходимости изменения состава правительства, чтобы «советские социалисты были заменены не советскими». Корнилов настаивал: «нужно, чтобы Керенский не вмешивался в дела»¹⁹⁸, то есть стал чисто номинальной фигурой, если уж сейчас его нельзя убрать из правительства.

В то же время Савинков опасался, что Крымов может выйти из-под контроля, а участие кавказцев в жестоком «наведении порядка» в Петрограде тоже может скомпрометировать диктатуру «русских патриотов». Он попросил Корнилова назначить командиром корпуса кого-то

¹⁹⁴ Половцов П. А. Указ. соч. С. 192.

¹⁹⁵ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 258.

¹⁹⁶ Там же. С. 188.

¹⁹⁷ Там же. С. 239.

¹⁹⁸ Там же. С. 188.

другого, и заменить Туземную дивизию регулярной частью¹⁹⁹. На словах Корнилов согласился²⁰⁰. Эти обещания выполнены не были.

Даже симпатизирующий генералу Катков вынужден признать: «На самом деле, Корнилов был здесь не совсем искренен. Он прекрасно знал, из каких сил был составлен корпус Крымова, и вполне сознавал, что такую ценную по ее решимости часть, как Дикая дивизия, нельзя в последнюю минуту устранить без ущерба для всей задуманной операции»²⁰¹.

«Не совсем искренен» – это очень мягко сказано. По возвращении с Государственного совещания Корнилов говорил Лукомскому: «Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался!.. Руководство этой операцией я хочу поручить генералу Крымову. Я убежден, что он не задумается, в случае, если это понадобится, перевешать весь состав рабочих и солдатских депутатов»²⁰². Таким образом, кандидатура Крымова была принципиально важна для успеха той операции, которую Корнилов задумал уже в середине августа.

Опасения Керенского и Савинкова по поводу Крымова были связаны с его репутацией сторонника террора и правого политического авантюриста. Такой человек мог выйти из подчинения Керенского, играя в свою игру либо игру Корнилова.

Как рассказывал Деникин, Крымов, еще находясь на Юго-Западном фронте, сформировал офицерскую организацию, которая планировала создать «центр будущей борьбы» вокруг Киева, который генерал собирался захватить в случае крушения фронта и «кликнуть клич»²⁰³. Понятно, что соблазн «кликнуть клич» в Петрограде был бы куда больше, раз уж судьба отдавала столицу под контроль его корпуса.

Для Керенского это обстоятельство было крайне важным, так как выяснилось, что Корнилов хочет контролировать эти войска через своего человека для каких-то целей, для которых удобна «Дикая дивизия».

Лукомский потом объяснял следствию, что рассматривалась возможность заменить Крымова Красновым, но тот не успел приехать²⁰⁴.

¹⁹⁹ Там же. С. 189.

²⁰⁰ Савинков категорически утверждает, что Корнилов обещал ему не назначать Крымова (Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 304). В своих показаниях Корнилов признаёт, что согласился, но в уклончивой форме, сказал «попробую» (Там же. С. 207). На самом деле «пробовать» он не собирался и твердо решил, что операцию по зачистке Петрограда должен проводить именно Крымов.

²⁰¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 182.

²⁰² Лукомский А. С. Указ. соч. С. 108.

²⁰³ Деникин А. И. Указ. соч. С. 25.

²⁰⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 274.

Хрен редьки не слаще. Впрочем, машина установления нового режима уже была запущена.

В своих воспоминаниях Лукомский оказался более откровенен. После отъезда Савинкова он говорил Корнилову, что впечатление такое, будто Савинков присутствовал при их разговорах «или очень хорошо о них осведомлен», и в связи с этим его беспокоит «упоминание о назначении Крымова»²⁰⁵ (значит – действительно были планы действий корпуса в Петрограде, совсем не предназначенные для ушей сторонников Керенского, си речь заговор). Корнилов, правда, считал, что Савинков как умный человек на их стороне, «понимает обстановку и, естественно, пришел к тем же выводам, к которым пришли и мы», а Крымова боится, потому что он «повесит лишних 30–40 человек», но Савинков потом и сам будет доволен, что назначили именно Крымова²⁰⁶. Из этого следует, что Крымов шел проводить в Петрограде террор, и именно поэтому он был оставлен Корниловым на посту комкора сознательно.

25 августа Крымов написал приказ главнокомандующего Особой армией, который распечатал в 7 экземплярах. Характерно, что в сферу действия Особой армии входил не только Петроградский военный округ, но и Петроград. Это прямо нарушало приказ Керенского. С момента вступления в силу приказ вводил в столице осадное положение. Запрещались митинги, вводился комендантский час, предварительная цензура и военно-полевые суды из трех офицеров. Приказ предписывал войскам заняться восстановлением порядка, разоружением ненадежных частей. Они могли применять оружие против мародеров, грабителей и дезертиров²⁰⁷. Ну, очевидно, и тех, кого приговорят военно-полевые суды. О том, что «восстание большевиков» было не более чем пропагандистским прикрытием, говорит и такое положение приказа: «Разоружить все войска (кроме училищ) нынешнего Петроградского гарнизона»²⁰⁸. Командирам частей были выданы приготовленные заранее детальные карты столицы с обозначением частей гарнизона и заводов. Организаторы покорения столицы готовились заранее. Вечером 25 августа, получив последние наставления от Корнилова, Крымов выехал к частям. 26 августа Корнилов издал приказ о создании «Отдельной Петроградской армии» на территории, включающей весь округ за исключением Петрограда. То есть Корнилов до времени маскировал планы действий «Особой армии» в столице.

²⁰⁵ Лукомский А. С. Указ. соч. С. 114.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 275.

²⁰⁸ Там же. С. 304.

Все это значит, что Керенский прав, когда пишет: «Мое «согласие» с Корниловым главным образом подтверждается вызовом этого корпуса якобы для того, чтобы использовать его для совместной с Корниловым деятельности в Петрограде. И опять же, мое «предательство» Корнилова и его партии также главным образом показано через мой «неожиданный» приказ остановить продвижение кавалерийского корпуса, вызванного в Петроград самим правительством в соглашении с главнокомандующим»²⁰⁹. Но «к Петрограду подошли не те силы, которые были вызваны правительством, а под видом таковых прибыли войска генерала Крымова с враждебными по отношению к правительству целями»²¹⁰.

Перед отъездом Савинков говорил Филоненко, что «ему удалось выиграть борьбу налево, склонив А. Ф. Керенского к принятию положений доклада, разрабатывавшегося им, Савинковым, совместно с Филоненко, и теперь последнему придется выдерживать борьбу направо с генералом Корниловым. Б. В. Савинков метафорически обозначил А. Ф. Керенского и генерала Корнилова теми двумя столпами, левым и правым, которые должны символизировать коалицию и быть индивидуально неременной ее основой»²¹¹.

Но Савинков напрасно думал, что его «борьба налево» была выиграна. 25 августа он стал настаивать, чтобы Керенский подписал законопроект о создании в тылу военно-революционных судов, наделенных правом применения смертной казни²¹². Керенский опять отказывался. Но 26 августа Савинков, по его словам, добился от премьера обещания внести проект на заседание правительства²¹³. Это вовсе не давало гарантии, что законопроект будет принят. Керенский потому и не хотел его вносить в этом виде, что проект явно вызвал бы конфликт в кабинете, из чего могло следовать два варианта – распад правительства или утопление законопроекта в комиссиях.

Противником введения смертной казни в тылу был такой влиятельный член правительства, как Некрасов. Он вообще считал, что Савин-

²⁰⁹ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 261.

²¹⁰ Там же. С. 262–263.

²¹¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. I. С. 175.

²¹² Этот законопроект был разработан совместной комиссией военного ведомства и Министерства юстиции во главе с министром-энесом А. С. Зарудным и Б. Савинковым (Сыпченко А. В. Трудовая народно-социалистическая партия в 1917–1922 годах // Политические партии в Российских революциях в начале XX века. М., 2005. С. 495).

²¹³ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. I. С. 190.

ков и Филоненко проводят «свою самостоятельную линию», отличную от линии Керенского²¹⁴.

Рассматривая перспективы принятия закона о военном положении, Керенский говорил: «Либо военный закон должен был быть принят в форме, приемлемой для всей коалиции и, следовательно, для Советов, либо коалиционное правительство прекратило бы существование до принятия закона... Я даже не собирался вводить закон о введении военного положения в таких формах, которые могли быть одиозными для общественного мнения в целом»²¹⁵. Коалиция, заблокировавшая углубление социальных преобразований, теперь блокировала и принятие закона, вводившего репрессивный режим «твердой власти». Такой режим мог быть более менее легитимно введен только через распад коалиции и создание нового Временного правительства, на что требовалось бы время. То военное положение, которое можно было бы тогда ввести в Петрограде с согласия Советов в связи с угрозой немецкого наступления, могло быть весьма мягким и, уж конечно, не связанным с возможностью казней по политическим причинам.

Керенский еще не определился, готов ли он именно сейчас торпедировать коалицию либо утопить законопроект о введении смертной казни в тылу. Поэтому, дав обещание внести проект для обсуждения в правительство, он стал ждать подходящего момента.

Савинков писал позднее: «Я не понимал этих колебаний Керенского, не понимал, почему он 26-го не решается принять на свою ответственность то, с чем он согласился 17-го...»²¹⁶ Правда, даже по утверждению Савинкова, 17 августа Керенский лишь дал ему поручение подготовить закон, а не согласился с чем-то конкретным.

Катков считал, что в случае внесения закона о смертной казни вкупе с чрезвычайным положением правительство его бы немедленно приняло²¹⁷ (это при социалистическом большинстве!). Из этого фантастического предположения эмигрантский историк выводил сложную психологическую картину, в которой Керенский «совершенно запутался. Савинкову он обещал подписать в тот же день так называемый «корниловский» законопроект, но прекрасно сознавал, что следствием этого поступка будет разрыв с «революционной демократией», на поддержку которой он до сих пор мог рассчитывать... Керенский, вероятно, ломал себе голову, чтобы найти способ не подписать законов, которые он полагал нежелательными»²¹⁸. И чего голову ломать? Не счи-

²¹⁴ Там же. С. 206.

²¹⁵ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 238–239.

²¹⁶ Цит по: Катков Г. М. Указ. соч. С. 103.

²¹⁷ Катков Г. М. Указ. соч. С. 103.

²¹⁸ Там же. С. 105.

таешь желательными – не подписывай, кто тебя заставит? Даже если Керенский обещал Савинкову внести законопроекты на обсуждение (мы это знаем только со слов Савинкова) – можно их внести и откорректировать в любую сторону или просто отправить на доработку. Так что реальный Керенский ломал голову над другим – может ли кто-то прижать его к стенке штыками?

Сам Катков признавал, что Керенский «никогда не собирался подписывать законопроект о смертной казни»²¹⁹ (что как раз противоречит приведенным выше воспоминаниям Керенского, но предположим, что он хочет выглядеть более жестоким, чем есть на самом деле). Если не собирался, значит, не собирался, и Савинков не обладал властью, чтобы заставить Керенского действовать помимо собственной воли. Вся версия Каткова рушится, но без нее он не может объяснить «предательства», которое Керенский якобы совершил в отношении Корнилова и Савинкова.

Одновременно Корнилов продолжил подкоп под Временное правительство Керенского, которому якобы был лоялен. 25 августа при встрече с Филоненко Корнилов спросил его: «Не думает ли он, что из того положения, в котором находится Россия, единственный выход лежит через военную диктатуру. М. М. Филоненко ответил отрицательно, указывая на то, что, мысля реально, диктатором возможно предположить только генерала Корнилова, но такого рода диктатура была бы фиктивной, так как он, генерал Корнилов, не обладает достаточными познаниями в областях невоенных, а следовательно, фактически стал бы управлять безответственный коллектив. Вроде того, что в обыденной речи именуется камарильей»²²⁰.

Вряд ли Филоненко убедил Корнилова. Во-первых, Керенский, с точки зрения генерала, тоже не проявил себя глубоким знатоком управления, и Временное правительство само напоминает безответственную камарилью. А во-вторых, генерал уже начал привлекать знатоков невоенных дел – отсюда его внезапный роман с Аладьиным. К тому же новое правительство может включить на вторых ролях и видных гражданских деятелей от Савинкова и правее, возможно даже включая Керенского. Но последнее слово будет оставаться за диктатором, «знатоком» важнейшего на сегодняшний день вопроса – военного.

Корнилов спросил, что же делать, и Филоненко предложил создать в составе Временного правительства Директорию, малый военный кабинет во главе с Керенским, наделенный широкими полномочиями

²¹⁹ Там же. С. 185.

²²⁰ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. I. С. 175–176.

в решении военных вопросов. В него бы могли войти Корнилов, Савинков и сам Филоненко²²¹. Генерала такая модель устроила как переходная – он уже не верил в способности Керенского: «Корнилов снова вернулся к единоличной диктатуре и спросил свидетеля, согласился ли бы он ему помочь, если бы Временное правительство и такой малый кабинет в его составе оказались бы все-таки недостаточно сильны и оказалось бы нужно перейти к диктатуре»²²².

Не найдя у Филоненко поддержки (во всяком случае пока), Корнилов подтвердил, что согласен на Директорию и окажет поддержку Керенскому, «хотя он и слабый человек». Расчет генерала был очевиден – после введения авторитарных мер и подавления советской демократии у Керенского не останется другой поддержки, кроме генералов. Тогда Корнилов будет решать – оставить его номинальным главой Директории или заменить.

25 августа Лукомский провел зондаж настроений командующего Московским военным округом Верховского. Но тот, по его словам, говорил, что «таким решительным образом действий всей России покорить нельзя, на что генерал Лукомский возражал, что в этом и надобности нет, так как достаточно покорить несколько главных пунктов». Верховский пытался убедить соратников Корнилова, что введение диктатуры привело бы к «резне офицеров». Но успеха его возражения не имели²²³. По мнению Логинова, Верховский мог проинформировать об этих беседах Керенского, что могло стать одним из источников информации о заговоре²²⁴.

Вечером 24 августа в Могилев прибыл В. Н. Львов – недавний член Временного правительства и глава Священного Синода. 22 августа он явился к Керенскому и стал его убеждать, что правительство не имеет надежной политической опоры и необходимо ввести в него правые силы, от имени которых выступал Львов. Керенский считал Львова представителем «родзянковской группы», которая засела в Москве и была связана с московским капиталом. Львов действительно

²²¹ Когда Керенский узнал о таких планах, они его возмутили. Он вовсе не планировал допустить Корнилова к государственной власти, да и кто такой Филоненко, чтобы с ним делить власть (*Керенский А. Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 208–209). Филоненко оправдывался, что согласился на такую комбинацию, потому что было видно – Корнилов намерен провозгласить единоличную диктатуру (Там же. С. 212).

²²² Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 176.

²²³ Там же. С. 182.

²²⁴ *Логинов В. Т.* Указ. соч. С. 314.

лоббировал интересы этой группы²²⁵, но всплеск его активности был спровоцирован его знакомым, членом исполкома Союза Георгиевских кавалеров Добринским, который свел его с Аладьиным и другими сторонниками Корнилова. От них Львов узнал, что вокруг Ставки группируются люди, выступающие за провозглашение Корнилова диктатором²²⁶. Более того, 21 августа Аладьин передал через Львова высказанное в присутствии Корнилова пожелание Лукомского кадетам спровоцировать 27 августа правительственный кризис²²⁷. Львову понравилось участвовать в этой игре в качестве важного посредника. Это как раз очень устраивало прокорниловскую общественность, которой нужен был свой канал воздействия на Керенского. Львов как бывший министр имел «доступ к телу» премьера.

Львов утверждал на следствии, что «прямо вырвал от А. Ф. Керенского дозволение» обратиться к различным силам в целях формирования «более крепкого кабинета»²²⁸. Керенский, правда, никак не подтвердил таких полномочий. Вообще, по его утверждению, Керенский не придал значения этому визиту, поскольку в это время многие приходили к нему с подобными беседами. Но в показаниях следственной комиссии Керенский признал, что высказанная Львовым «секретность привлекла мое внимание»²²⁹, он хотел бы выведать, кто стоит за Львовым. Этот интерес был истолкован Львовым как интерес к переговорам.

Решив, что «уполномочен», Львов направился к Корнилову. Раз уж взялся выяснять позицию правых сил, то нужно начать с самой сильной силы.

Явившись к главнокомандующему 25 августа, Львов от имени Керенского попросил Корнилова изложить свою программу выхода из кризиса.

Корнилов после прибытия Львова, вероятно, подумал, что Керенский решил форсировать события, досогласовать оставшиеся разно-

²²⁵ См., например, *Селезнев Ф. А.* Указ. соч. С. 85.

²²⁶ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 152.

²²⁷ *Миллюков П. Н.* История Второй русской революции. С. 358–349.

²²⁸ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 150. В дальнейшем, когда Керенский отдал Львова под следствие за причастность к заговору, он стал менять свои показания. Теперь Львов утверждал, что Керенский использовал его для сбора компромата на Корнилова, и соответствующим образом стал переписывать свои показания. «Выврванное» (и, вероятнее всего, не замеченное) Керенским «поручение» собирать информацию о позициях правых сил превратилось уже в «категорическое поручение» Керенского. Вскоре врачи констатировали нервное заболевание у Львова (С. 156). В общем, вся история была вроде бы вызвана психическим заболеванием Львова и превращалась в фарс. И это было бы так, если бы не предыстория и не последующий явный отказ Корнилова подчиниться решению Временного правительства. Львов с его неадекватностью послужил спусковым крючком в назревавшем конфликте, а не его причиной.

²²⁹ *Керенский А. Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 141.

гласия с помощью еще одного посредника, раз Савинков пока не может обо всем договориться.

Лукомский спросил потом у Корнилова, было ли у Львова какое-то письменное удостоверение от Керенского. Но Корнилов считал это излишним: «Репутация у В. Н. Львова – человека безукоризненно порядочного, и я ему не мог не поверить»²³⁰.

Львов предложил Корнилову на выбор несколько комбинаций сдвига власти вправо, из которых Корнилов предпочел возглавление правительства Верховным главнокомандующим при вхождении в него Керенского и Савинкова.

Корнилов заявил, что, «по его глубокому убеждению, единственным исходом из тяжелого положения страны является установление диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении»²³¹. Речь шла не о коллективной диктатуре, а о передаче власти диктатору, и сам Корнилов, если ему предложат такие полномочия, от них бы не отказался²³².

Затем Завойко и Львов стали уже без Корнилова обсуждать состав будущего кабинета, имея в виду сделать премьером Корнилова, а Керенского в лучшем случае заместителем (а можно и заменить его Алексеевым). При этом, по воспоминанию Завойко, Львов «настаивал на кабинете общественных деятелей, а Ставка – на кабинете деловых людей». При этом под Ставкой Завойко понимал себя, а под деловыми людьми – капитанов крупного бизнеса Путилова, Третьякова и других²³³.

Однако затем при обсуждении в «мозговом центре» Ставки формально диктатуру решили считать коллективной²³⁴. Корнилов, по словам Завойко, соглашался возглавить Совет национальной обороны, намеревался сам оставаться в Ставке, а в Петрограде иметь заместителя – Алексеева, Савинкова или Керенского²³⁵ (судя по тому, что Корнилов уже не доверял последнему, тот упоминался как представитель Корнилова по дипломатическим соображениям). В то же время Корнилов мотивировал необходимость участия Керенского в правительстве «той популярностью, которою Керенский еще продолжает пользоваться в широких кругах населения»²³⁶. Переходная фигура.

Позднее, 26 августа, по просьбе Керенского Львов составил записку о требованиях главнокомандующего, в которой говорилось: «Генерал

²³⁰ Лукомский А. С. Указ. соч. С. 115.

²³¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 240.

²³² Там же. С. 241.

²³³ Там же. Т. 2. С. 103.

²³⁴ Там же. Т. 1. С. 241.

²³⁵ Там же. 228.

²³⁶ Там же.

Корнилов предлагает: 1) объявить Петроград на военном положении и 2) передать всю власть военную и гражданскую в руки Верховного главнокомандующего, 3) отставки всех министров, не исключая и министра-председателя, и передачи временного управления министерств товарищам министров впредь до образования Кабинета Верховным главнокомандующим»²³⁷. Как выяснилось, последний пункт в беседе Львова и Корнилова не фигурировал.

По словам Львова, в новом кабинете Корнилов считал возможным дать Керенскому пост министра юстиции, а Савинкову – военного министра. Когда шло это обсуждение, вошел ординарец Корнилова Завойко, который вмешался в беседу и заявил, что Керенский не годится для министра юстиции и должен занять пост заместителя председателя правительства²³⁸. Получается, что поставленный Львовым вопрос уже обсуждался в окружении Корнилова. Есть разные точки зрения, но в постановке проблемы нет ничего неожиданного.

На следствии Львов уточнил, что Корнилов формально соглашался уступить пост главнокомандующего²³⁹. Хотя в сложившейся ситуации это была скорее фигура речи. Напомним, что Корнилов на деле не уступил даже в вопросе назначения генерала Крымова.

Правительство Верховного главнокомандующего должно было действовать до Учредительного собрания²⁴⁰. При этом «в разговоре Корнилов говорил, что в случае отказа в удовлетворении его требований он прибегнет к вооруженной силе»²⁴¹.

По словам Львова, в Ставке ходили слухи, что по приезде сюда Керенского и Терешенко их могут «ухлопать». «На вокзале перед отъездом В. Н. Львов, удивляясь, почему, идя против Керенского, все же включают его в состав будущего Кабинета, спросил Завойко, какие основания включения Керенского в кабинет, на что Завойко ответил: “Это нужно для солдат, мы делаем это для видимости, а через десять дней мы все равно с ним разделаемся”»²⁴².

После отъезда Львова Корнилов собрал свой мозговой центр – Филоненко, Завойко, Аладына – и попросил их составить схему новой власти и ее программы. Этой властью должен был стать Совет национальной обороны во главе с Корниловым и заместителем Керенским.

Обсуждались проекты Завойко и состав Совета национальной обороны. По словам Корнилова, планировалось включить в него само-

²³⁷ Там же. С. 146.

²³⁸ Там же. С. 150.

²³⁹ Там же.

²⁴⁰ Там же. С. 152.

²⁴¹ Там же. С. 153.

²⁴² Там же.

го Корнилова в качестве председателя, Керенского как заместителя, Савинкова, Алексева, Колчака и Филоненко²⁴³. Совету должно было подчиниться новое правительство, которое включало бы и правых социалистов Плеханова и Церетели, но в основном опиралось на еще более правый политический спектр и «деловых людей» Путилова и Третьякова²⁴⁴.

Корнилов стал приглашать на 29 августа в Ставку и других правых политиков (Родзянко, Г. Е. Львова, Милюкова и др.), надеясь с их помощью надавить на Керенского и, возможно, создать своего рода «предпарламент» как ширму диктатуры.

В ночь на 27 августа Корнилов послал телеграмму Савинкову о том, что 28 августа корпус будет сосредоточен в окрестностях Петрограда. Теперь Савинкову нужно было провалить принятие «закона Корнилова» о смертной казни и военно-полевых судах в тылу.

В. Н. Львов срочно выехал в Петроград. Здесь он дважды – до и после встречи с Керенским – приходил к Милюкову, которому рассказал свою версию переговоров (мол, действовал по поручению Керенского, Корнилов принял один из предложенных Львовым – Керенским вариантов). При этом Милюков запомнил фразу, которой Керенский якобы отреагировал на сообщение Львова о переговорах с Корниловым: «Ну что же, хорошо, мне давно хочется бросить власть, я уйду»²⁴⁵. Вообще-то Керенский нередко бравировал таким образом, пытаясь убедить собеседника, что ему нет альтернативы, мог что-то эдакое сказать и 26 августа.

У Милюкова сложилось впечатление, «что Львов принимает свою роль как человека, спасающего Россию улаживанием отношений между главой правительства и главой армии. Он ни слова не говорил о том, что Керенскому грозит какая-либо опасность в Ставке, а напротив, высказывался за необходимость ему ехать в Ставку от опасности, угрожающей ему в столице»²⁴⁶.

Встретив случайно штабного офицера В. Вырубова, Львов сказал, что Керенский оказался «бабой» и его нужно заменить на более сильного человека²⁴⁷. Таким образом получается, что Львов реализовывал свой личный политический проект смещения Керенского, шантажируя

²⁴³ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 197.

²⁴⁴ Там же. Т. 1. С. 230; там же. Т. 2. С. 105–106.

²⁴⁵ Там же. Т. 1. С. 164.

²⁴⁶ Там же.

²⁴⁷ Там же. С. 165.

премьера угрозой со стороны военных. Львов вообще был разочарован в Керенском после того, как оказался исключен из правительства. Так что интрига Львова могла быть направлена и на устранение Керенского под угрозой действий Корнилова.

Около шести вечера 26 августа Львов предстал пред очи Керенского. Он был возбужден, заявил, что «ситуация полностью изменилась» и Керенский «под колпаком»²⁴⁸. Он изложил мнение Корнилова как ультиматум, добавив еще пункт об отставках министров, который они уже без командующего придумали с Завойко.

Львов пытался добиться утверждения Керенским проекта, который поддерживал сам и с которым согласился Корнилов. Чтобы нажать на «бабу Керенского», Львов приписал генералу ультимативность его требований, хотя Корнилов формально не выдвигал ультиматума. Впоследствии Львов признал, что предложения Корнилова не были ультимативными²⁴⁹.

Когда Керенский заявил, что не собирается «быть министром юстиции при Корнилове», «Львов вскочил. Лицо его прояснилось, и он воскликнул: “Вы правы! Вы правы! Не ездите туда. Там для вас расставлена ловушка; он вас арестует. Уезжайте куда-нибудь далеко. Но вы должны уехать из Петрограда. Они ненавидят Вас”»²⁵⁰. Конечно, здесь Львов мог говорить неправду, надеясь просто напугать премьера и заставить его бежать, исчезнув с политической арены. Но у Керенского, как мы видели, были и свои свидетельства того, что Ставка для него – более опасное место, чем Петроград.

Львов был уверен, что «баба» испугается. Но Керенский был человек совсем другого склада, и если и «бабой» – то актрисой, привычной к эпическим ролям. Столкнувшись с заговором, премьер стал действовать как герой Шекспира, выманивая сведения о заговорщиках, дабы нанести по ним неотвратимый удар.

Керенский готов был проводить политику умиротворения Корнилова, пока сохранялось разделение полномочий между военными и гражданскими руководителями, при которых верховное руководство остается за гражданскими. Откровения Львова, при всей их путаности и неточности, показали Керенскому, что Корнилов не смирится с ро-

²⁴⁸ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 143.

²⁴⁹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 155. Г. М. Катков считает, что «слово «ультиматум» – точка опоры всего «дела Корнилова»» (С. 106). Однако это не так – за свой «ультиматум», который потом оказался лишь «предложениями», Корнилов заплатил лишь должностью. Настоящее «дело Корнилова» началось, когда генерал решил на прямое выступление против Временного правительства. А вот этот факт уже нельзя отрицать – об этом Корнилов заявил открыто.

²⁵⁰ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 147.

лю второго в тандеме. И в этом картина, нарисованная Львовым, как мы теперь знаем, была верна. Поняв это, Керенский больше не шел на уступки ни Корнилову, ни тем, кто готов был их примирить.

Керенский так вспоминал об этом: «Принимая во внимание все предшествующие события и всю серьезность информации о подготовке заговора, которой мы располагали, я не сомневался, что лишь решительными и быстрыми мерами можно в самом начале потушить разрушительный пожар и спасти страну от мятежа, к которому стремились подвести ее недалёковидные политики и дерзкие авантюристы»²⁵¹.

Следуя своей психологической схеме, Катков был уверен, что Керенский испытал «сильное облегчение»²⁵², потому что мог не выполнять данное Савинкову обещание и не вносить законопроект в правительство. Однако если Керенский и испытал облегчение, то от того, что все более запутанная ситуация с Корниловым наконец прояснилась. Савинков в этих событиях совсем не выглядит фигурой, которая могла что-то указывать Керенскому. Во всяком случае, попытку Савинкова добиться нового примирения между Корниловым и Керенским последний решительно отменил.

Керенский попросил Львова изложить требования Корнилова письменно, что тот и сделал. Позднее он еще специально «закрепил» показания Львова таким образом: попросил повторить свой рассказ в комнате, где рядом находился невидимый Львовым свидетель.

Керенский изложил 27 августа такую версию событий: «26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной думы Владимира Николаевича Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты гражданской и военной власти с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной.

Действительность полномочий члена Государственной думы Львова сделать такое предложение была подтверждена затем генералом Корниловым при разговоре со мною по прямому проводу»²⁵³.

Керенский решил выяснить по прямому проводу, уполномочил ли Львова Корнилов. На вопрос Керенского: «Просим подтвердить, что Керенский может действовать согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем», Корнилов ответил: «Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк, сделанный мной Владимиру Николаевичу с просьбой доложить Вам, я вновь за-

²⁵¹ Там же. С. 273.

²⁵² Катков Г. М. Указ. соч. С. 107.

²⁵³ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 38. Керенский объявил Корнилову, что у аппарата находится и Львов, хотя тот опоздал на сеанс связи. Однако, узнав о содержании разговора, Львов подтвердил, что все верно (см. Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 270).

являю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок»²⁵⁴.

Как видим, Корнилов «подтвердил» невесть что. Характерно, что Керенский тоже формулирует вопросы двусмысленно: он не «должен», а «может действовать согласно сведениям», то есть речь вроде бы не идет о реакции на ультиматум. Корнилов на что-то намекает, но не говорит прямо.

Что за «определенное решение»? Сдача власти? Объявление чрезвычайного положения в Петрограде со всеми вытекающими последствиями? Введение смертной казни в тылу? Керенский не выясняет это, а Корнилов тоже не говорит прямо, опасаясь, видимо, что этот разговор может быть перехвачен сторонниками Советов.

Миллюков находил такое объяснение этой ситуации: «Передать генералу Корнилову полный текст ультиматума, подписанного В. Н. Львовым, представилось невозможным. Есть вещи, которые нельзя доверять даже аппарату Юза. Ведь ультиматум «генерала Корнилова мог бы получить распространение в тысячах экземплярах». Так, очевидно, думал и Керенский, больше всего боявшийся преждевременного разглашения и предпочитавший применить свой упрощенный прием, чтобы вырвать признание у подсудимого, в виновности которого он уже не сомневался. Считать обвинение доказанным!..»²⁵⁵

На следующий день Филоненко, не юрист, но человек неглупый, прочтя ленту, не смог скрыть от Корнилова своего удивления: каким образом он мог столь легкомысленно подтвердить слова Львова, содержание которых оставалось ему неизвестным»²⁵⁶.

Керенский считал, что он задавал вопросы Корнилову в «конспиративной манере», и если тот отвечал с полным пониманием, это значит, что Корнилов понимал «ключ» разговора. А ключ этот привез Львов. В действительности Корнилов мог ориентироваться не только по «ключу Львова», но и по «ключу Савинкова». Но фокус в том, что Савинков, игравший двойную игру, не передал Керенскому своего «ключа», не пересказал свои разговоры с Корниловым во всех важных деталях.

Роль лакмусовой бумажки заговора для Керенского играло и приглашение приехать в Могилев. Корнилов звал его не только в случае волнений в столице, а «во всяком случае»²⁵⁷. «Я хотел выяснить, на самом ли деле они опасались большевиков, или это было просто предлогом»²⁵⁸. Оказалось – просто предлогом. Для Керенского было важно, что Корни-

²⁵⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 147.

²⁵⁵ Эту фразу Миллюков приводит на латыни.

²⁵⁶ Миллюков П. Н. История Второй русской революции. С. 370.

²⁵⁷ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 147.

²⁵⁸ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 167.

лов его зовет «в любом случае», то есть миф о большевистском восстании – просто предлог, а также то, что Корнилов не стал переспрашивать «Что за решение?», то есть договоренность о «решении» была. Однако и сам Керенский не стал уточнять, «что за решение».

Чрезвычайная комиссия, члены которой в этом конфликте симпатизировали скорее Корнилову, чем Керенскому, заключила: «Генерал Корнилов не поручал В. Н. Львову требовать, а тем более в ультимативной форме, от Временного правительства передачи ему, генералу Корнилову, всей полноты гражданской и военной власти, причем настаивал на том, чтобы все конкретные меры в этом направлении были приняты с согласия Временного правительства и лишь по обсуждении этих мер на совещании у генерала Корнилова общественными деятелями совместно с представителями Временного правительства в лице министра-председателя А. Ф. Керенского и управляющего военным министерством – Б. В. Савинкова»²⁵⁹.

Все очень чинно, никаких ультиматумов. Правда, до этого была кампания давления на Керенского и его окружение с целью принять «программу Корнилова», не лишенная ультимативности (что признает и Савинков), прямая апелляция к правой общественности через голову правительства, подозрительный отказ заменить командующего «спецоперацией» в Петрограде – вовсе не согласованной с правительством. Вопреки выводам комиссии, Корнилов не собирался добиваться согласия на реорганизацию власти со стороны всего Временного правительства. Ему было достаточно его «представителей» в лице Керенского и Савинкова, который и вовсе не входил в кабинет. Мнение левого крыла правительства Корнилов вовсе не собирался учитывать. И почему организация новой власти должна проводиться по итогам совещания в Ставке, а не заседания Временного правительства или открытого собрания политических сил, хотя бы формата Госсовещания? И где гарантии, что, если бы Керенский отказался пойти навстречу требованиям этой кулуарной встречи, он не оказался бы в положении Николая II во Пскове в канун отречения?

²⁵⁹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 166. В наше время распространилось не критическое восприятие выводов комиссии, которое не во всем соответствует полученным ею же материалам, не говоря о более широком круге источников. В результате А. И. Юрьев, например, сославшись просто на издание материалов комиссии, без конкретных цитат и ссылок на страницы, утверждает, что Керенский предал Корнилова, а «никакого заговора Корнилова не существовало» (*Юрьев А. И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918)*. М., 2001. С. 81). Будто не было ни разговоров Корнилова с Лукомским, ни засылки офицеров в Петроград, ни договоренностей о финансировании, ни подготовки к террору в Петрограде. В тех же материалах комиссии есть и показания о том, что Керенский не ведал о планах Корнилова. Впрочем, это еще ничего по сравнению с утверждениями телепублицистов о том, что не было не только заговора, но и мятежа Корнилова.

Корнилов предложил Керенскому пожаловать в политическую ловушку. Премьер мог просто проигнорировать это приглашение в ожидании новых ловушек или провести проверку своих подозрений. Если никакого заговора нет, Корнилов без сомнения подчинится приказу об отставке. Кстати, это еще не значит, что подчинившийся генерал действительно потерял бы пост – совсем недавно Керенский отправил в отставку и тут же вернул на место Савинкова.

С учетом всех имеющихся в нашем распоряжении источников мы можем утверждать, что Корнилов и его сторонники готовили военную операцию, направленную на изменение существующей государственно-политической системы, то есть переворот. Готовили они ее заранее, не согласовывая с правительством принципиально важные детали, от которых зависел политический результат и изменение системы власти. Значит, имел место заговор.

Керенский представлял ту часть интеллигенции, которая готова была сотрудничать с генералитетом и буржуазией ради стабилизации режима, но не готова была служить им. 26 августа Керенский понял, что и он, и стоявшие за ним политические силы становятся лишними, они не нужны сформировавшемуся генеральско-буржуазному блоку. **Керенскому требовалась «дубинка», а не новый президент-диктатор. Становилось ясно, что «дубинка» вышла из-под контроля.**

Ночью Керенский отправил телеграмму № 4153 Корнилову: «Приказываю Вам немедленно сдать должность генералу Лукомскому, которому впредь до прибытия нового верховного главнокомандующего вступить во временное исполнение обязанностей главноверха. Вам надлежит немедленно прибыть в Петроград. Керенский»²⁶⁰.

В Ставке заметили, что телеграмма не оформлена по правилам, и даже у Филоненко появились подозрения в ее подлинности²⁶¹. Для Корнилова это был скорее формальный повод не уходить в отставку, внешне сохраняя легитимность и выигрывая время, пока Крымов подойдет к Петрограду. Но когда подлинность телеграммы подтвердилась, главноверх, разумеется, не подчинился.

«Понимал ли Керенский в эту минуту, что, объявляя себя противником Корнилова, он выдает себя и Россию с руками Ленину?»²⁶² –

²⁶⁰ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 178.

²⁶¹ Там же. С. 179.

²⁶² Милоков П. Н. Прелюдия к большевизму. С. 373.

возмущался Миллюков. Мудрено бы было Керенскому подумать такое в августе 1917 г., когда Ленин находился в бегах, а его партия была ослаблена и находилась в полуподполье. Мудрый постфактум Миллюков в августе – сентябре 1917 г. тоже не предупреждал Керенского, что большевики вот-вот возьмут власть. Его главными противниками в это время были социалисты...

Керенский объявил в Петрограде военное положение. Но без корпуса Крымова это было совсем не то военное положение, о котором мечтали Корнилов и Савинков. Теперь оно было направлено против правых элементов.

В ночь на 27 августа Керенский потребовал от Временного правительства предоставить ему чрезвычайные полномочия для борьбы с мятежом. Как рассказывал Некрасов, «доклад Керенского произвел на министров ошеломляющее впечатление: требование Керенским чрезвычайных полномочий для борьбы с мятежом не вызвало никаких возражений». Кокошкин заявил, что если Керенский будет диктатором, то он подает в отставку, так как не готов быть «простым исполнителем воли диктатора»²⁶³. После чего другие министры подали в отставку, передав полномочия Керенскому. При этом премьер отставку пока не принял, а взял лишь полномочия.

Большинство министров продолжило работать. Кокошкин и Чернов заявили, что уходят из правительства совсем (при этом Чернов активно включился в борьбу против Корнилова через советские структуры). Большинство министров не оспаривало право «свободы рук» Керенского в деле ликвидации выступления Корнилова. На совещаниях премьер сообщал министрам о своих важнейших решениях.

Таким образом, Керенский получил право единолично принимать решения от имени правительства, хотя министры и собирались на совещания во время корниловского кризиса. На совещание 28 августа, вопреки своему решению уйти из правительства, ходил и Кокошкин. Он настаивал, чтобы Керенский передал власть Алексееву.

Сдать власть другому генералу убеждали Керенского и другие либералы, в том числе и Некрасов, что стало одной из причин заката его дружбы с Керенским. Сдача власти Алексееву означала бы победу переворота. Как вспоминала дочь Алексеева о настроениях пожилого генерала, «когда была предложена смена правительства, и папа должен был принять власть на себя, то неужели в этот момент... он бы пошел против Ставки? Никогда. Опять же говорю с его слов, по его рассказам: с уходом Временного правительства и переходом власти в его руки ген. Корнилов остался бы Верховным, и, кто знает, быть может,

²⁶³ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 257.

вся история революции изменила бы свой ход»²⁶⁴. Несмотря на угрожающее положение, которое сложилось для Керенского в этот момент, он не пошел на такую капитуляцию.

29 августа Керенский привлек Алексеева к обороне Петрограда и разрешению кризиса в качестве начальника штаба Верховного главнокомандующего.

30 августа премьер заявил, что не будет включать Некрасова в новый кабинет, и назначил его генерал-губернатором Финляндии. Постмасонская группа распалась, но политика центризма продолжалась, пока во главе правительства стоял ее главный носитель Керенский.

27 августа Некрасов, Прокопович и Никитин написали, а Керенский подписал телеграмму, в которой сообщалось, что Корнилов потребовал себе через Львова всю полноту власти, в результате Временное правительство уполномочило премьера «принять скорые и решительные меры, дабы пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве и на заявленные революцией права граждан». Меры принимаются, Корнилову приказывается сдать должность, в Петрограде вводится чрезвычайное положение²⁶⁵. Эта телеграмма была сообщена журналистам – конфликт вышел наружу. Правда, телеграмма не рассылалась до вечера – Савинков после разговора с Корниловым по телеграфу считал, что произошло недоразумение. Но он не ринулся в Зимний, а поехал поужинать. Некрасов же «протестовал против дальнейших оттяжек – указывал, что вся тактика Ставки указывает на полную подготовленность заговора, и каждый час промедления может оказаться роковым, ибо заговорщики, несомненно, не дремлют, а действуют». После возвращения Савинкова Керенский, Некрасов и другие министры еще раз обсудили ситуацию и пришли к выводу, что аргументы Корнилова «не выдерживают критики перед ярким фактом открытого мятежа, определенно подготовленного и планомерно проводимого. Все колебания были оставлены, радиотелеграмма послана»²⁶⁶.

Как ни в чем не бывало, в полтретьего ночи 27 августа Корнилов сообщил Савинкову, что корпус Крымова сосредоточится к 28 августа и 29-го можно объявлять чрезвычайное положение в Петрограде.

Днем 27 августа Савинков подтвердил Корнилову подлинность телеграммы Керенского об отставке главнокомандующего.

²⁶⁴ Цит. по: *Думова Н. Г.* Указ. соч. С. 255–256.

²⁶⁵ Цит. по: *Суханов Н. Н.* Указ. соч. С. 109.

²⁶⁶ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 258–259.

Однако теперь Савинков принялся замечать следы своего участия в организации политического переворота. Он объявил клеветой утверждение Лукомского о том, что вел согласование политических мер с Корниловым от имени Керенского.

Савинков изображал крайнее возмущение действиями Корнилова: «чем бы ни закончилось начатое Вами предприятие, родина наша страдает безмерно, в действующей армии и в стране прольется кровь тех людей, которые хотят защищать Россию от могущественного врага, фронт обнажится, и победу будет праздновать император Вильгельм». И ведь конфликт, в котором Савинков винил Корнилова, разразился в самое неподходящее время! «В тот день и даже почти в тот час, когда правительство должно было принять этот законопроект, о чем я Вас поставил своевременно по телеграфу, Вам угодно было попытаться продиктовать Вашу единоличную волю народу русскому, и этим Вы взяли на себя ответственность незабываемую. Все попытки мои, длительные и упорные, связать Вас тесной связью с демократией российской, осуществляя именем признанного ее вождя программу, Вами предложенную, не увенчались успехом, смею сказать, не по моей вине, а по Вашей вине»²⁶⁷.

Смысл этой высокопарной речи заключался, конечно, в снятии с себя вины за происходящее. И все же обида за то, что его блестящий план с таким треском проваливается, заставила Савинкова высказаться неосторожно по поводу сути этого плана – провести меры Корнилова именем Керенского. Это – не меры Керенского, но их нужно провалить вопреки воле Керенского. Собственно, это теперь и делал Корнилов с помощью войск, но он не ожидал, что Керенский решится на столь громкий протест против попытки Корнилова посадить его в золотую политическую клетку. А Савинков не ожидал, что «истерика» Керенского последует до того, как корпус Крымова возьмет под контроль Петроград. А там уж можете и протестовать, Александр Федорович, дело сделано.

В итоге своей речи по телеграфу Борис Викторович призвал Лавра Георгиевича «подчиниться Временному правительству, сдать должность и уехать из действующей армии»²⁶⁸.

Корнилова сообщение Савинкова настолько поразило, что он взял получасовой тайм-аут. Затем он напомнил Савинкову (а теперь и сообщил таким образом Керенскому) содержание их разговоров в Ставке, когда планировался удар против «большевиков и Советов», как Корнилов говорил Савинкову о необходимости диктатуры. В итоге Корнилов

²⁶⁷ Там же. С. 490.

²⁶⁸ Там же.

прямо заявил, что отказывается подчиниться решению, которое, как он считает, принято под давлением Совета, «в составе которого много людей, запятнавших себя изменой и предательством»²⁶⁹.

В итоге Савинков и участвовавший в разговоре вместе с ним Маклаков приняли версию о недоразумении в связи с Львовым и взялись довести ее до Керенского. Корнилов согласился, что «недоразумение могло бы быть устранено при личных объяснениях», но для этого нужно отозвать приказ о его отставке²⁷⁰. Этому приказу Корнилов не собирался подчиняться, что уже само по себе было мятежом.

Однако объяснить все происходящее «недоразумением» было уже очень сложно, потому что это было недоразумение не между Керенским и Корниловым, а между Савинковым и Корниловым, а Керенский не был вовлечен в их планы изменения правительства. Поэтому Савинков не стал настаивать на преодолении «недоразумения», которое могло выявить его роль в событиях, и ушел в тень.

Своей нелепой активностью Львов сорвал планы Савинкова по введению правой диктатуры под революционными знаменами. Наивность Савинкова заключалась в том, что он рассчитывал удержать Корнилова под контролем. А ведь между Савинковым и Корниловым существовали серьезные разногласия, и после создания «коллективной диктатуры», после подавления сопротивления левых сил, если бы корниловцам удалось бы его осуществить, ничего не мешало бы Корнилову избавиться от своих незадачливых партнеров или заставить их подчиняться своим указаниям.

Узнав, что их с Савинковым планы сорвались, Корнилов созвал на совещание Лукомского, Аладьина, Завойко и Филоненко. Первые два обвиняли Керенского и Савинкова в провокации. Филоненко взялся предпринять попытку достичь примирения Керенского и Корнилова²⁷¹. При этом он настаивал, что Корнилов должен остановить движение войск на Петроград и не предпринимать новых мер к обострению конфликта. Эти просьбы Корнилов проигнорировал – он стал вести борьбу против Временного правительства, что определило переход Филоненко из лагеря миротворцев в лагерь борцов с мятежом. Он не желал принимать участие в контрреволюционном перевороте и потребовал от Корнилова его арестовать. Ему была предоставлена возможность покинуть Ставку. Был и другой факт, смутивший Филоненко, – по пути в Петроград сторонники Корнилова принимали его за своего и рассказывали, что туда под предлогом обучения бомбометанию заранее была

²⁶⁹ Там же. С. 490–491.

²⁷⁰ Там же. С. 492.

²⁷¹ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 179.

переправлена группа прокорниловских офицеров на случай необходимости предпринять действия изнутри столицы²⁷².

Прибыв в Петроград, Филоненко обратился с воззванием к бойцам Туземной дивизии: «Вы знаете меня по 8-й армии и поверите, если я вам скажу, что генерал Корнилов и Ваши начальники обманывают Вас и ведут в Петроград не против большевиков, а против Временного правительства, желая свергнуть его и восстановить старый строй. Никакие мои уговоры, никакие убеждения мои не подействовали на генерала Корнилова, решившегося начать гражданскую войну и пролить Вашу кровь для восстановления старого строя»²⁷³. Насчет старого строя – пропагандистское преувеличение, Корнилов был категорическим противником восстановления монархии Романовых. Но в словах Филоненко, который еще недавно поддерживал многие предложения Корнилова, звучали обида и страх за судьбу Временного правительства. **Если до 27 августа Корнилов пытался добиться своего с помощью давления на Временное правительство и его эмиссаров, то теперь Рубикон был перейден, и генерал стремился добиться своих целей силой оружия.**

До 27 августа Корнилова удавалось держать в узде концепции, которую предлагали Савинков и Филоненко, – командование контролируется политическими комиссарами и комитетами, и таким образом армия может использоваться против левых выступлений, но не против Временного правительства. То есть генералы и армия должны были использоваться в качестве инструмента авторитарной трансформации Временного правительства, остающегося под контролем революционеров. Такая трансформация вызывает угрозу восстания левых сил, генералы выделяют преданные части на подавление «большевиков», а на самом деле всей системы советского самоуправления. И при этом система комиссаров и комитетов не дает генералам укунить руку, которая их направляет.

Такая система сдержек и противовесов не устраивала Корнилова, что он дал понять при обсуждении вопроса об армейских комитетах. Но до 26 августа хрупкое равновесие сохранялось. Попытки Филоненко восстановить его 27 августа не удались, и судя по гневному тону его воззвания – не только по вине Керенского, а и по вине Корнилова, который позволил себе теперь быть откровенным.

27 августа, на два дня раньше, чем планировал Корнилов, наступил момент истины. Корнилов не остановится перед кровопролитием, он не станет подчиняться Керенскому.

²⁷² Там же. С. 180.

²⁷³ Там же. С. 172. Впрочем, Керенский не поверил Филоненко и ненадолго даже арестовал его. От причисления к заговорщикам Максимилиана Максимилиановича спасло заступничество Савинкова, который отлично понимал, что ниточка может потянуться напрямую к нему.

Недоворот

На следствии по его делу Корнилов признавал, что «решил действовать открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1) исключить из своего состава тех министров, которые, по имеющимся у него сведениям, были явными предателями родины, и 2) реорганизоваться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть. Для оказания давления на Временное правительство генерал Корнилов решил воспользоваться 3-м конным корпусом генерала Крымова, которому и приказал продолжить сосредоточение к Петрограду»²⁷⁴. Вообще-то такие действия называются не «давлением на правительство», а попыткой военного переворота с целью разгона существующего правительства и создания диктатуры.

По мнению Лукомского, решившись на это, «генерал Корнилов переоценил свою популярность, переоценил заверения различных общественных кругов, что они его всецело будут поддерживать»²⁷⁵.

Лукомский, поддерживавший Корнилова, отказался сменить его на посту главнокомандующего. Тогда Керенский назначил главкомверхом командующего Северным фронтом Клембовского, но 28 августа он тоже отказался от предложенной чести. Сочувствие Клембовского действиям Корнилова было очень опасно – ведь Северный фронт был ближе других к Петрограду.

Днем 28 августа Керенского посетил Милуков и попытался уговорить его пойти на компромисс с Корниловым, за которым стоит реальная сила²⁷⁶. Получив отказ, Милуков уехал из столицы.

Но кадеты еще пытались агитировать за примирение Временного правительства и Корнилова. 28 августа вышел экстренный выпуск кадетской «Речи», в котором было сказано: «Если утром говорили о «мятеже», то вечером – более правильно, кажется, – заговорили о «недоумении»... Нет надобности в перевороте, чтобы установить связь и преемственность кабинетов, и те, кто готовит переворот, обыкновенно об этом не предупреждают. Предложение генерала Корнилова, очевидно, могло иметь целью не совершить переворот, а скорее предупредить его»²⁷⁷. Даже кадетский официоз не сомневался, что переворот был реальной перспективой, но благородный генерал Корнилов решил предупредить его ультиматумом о смене кабинета – дабы сохранить формальную преемственность власти. В таком сценарии кадеты не видели

²⁷⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 243.

²⁷⁵ Там же. С. 251.

²⁷⁶ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 192.

²⁷⁷ Цит. по: Думова Н. Г. Указ. соч. С. 253. Через несколько дней большевики продемонстрируют, что переворот можно готовить в открытую, фактически об этом предупреждая.

ничего предосудительного и теперь пытались вернуть сорвавшуюся с рельсов революцию на эту разрушенную «по недоразумению» колею. Но события снова вышли из-под их контроля.

Несмотря на подтверждение Савинковым, что телеграмма об отставке подлинная, Корнилов продолжал настаивать, что ее подлинность не доказана – ведь нет ссылки на решение Временного правительства, а формально премьер не может в одиночку принимать решение об отставке главнокомандующего. Правда, Керенский вскоре исправил юридическую оплошность, и это решение было официально подтверждено. 28 августа Временное правительство направило указ Правительствующему Сенату с объявлением об отстранении Корнилова от должности Верховного главнокомандующего и предании его суду за мятеж.

На самом деле Корнилов не сомневался, что против него выступило Временное правительство. Уже под утро 28 августа генерал подписал пафосное обращение, в котором сообщал, что отказался подчиниться приказу Временного правительства, которое «кидает в народ призрачный страх контрреволюции, которую оно само своим неумением к управлению, своею слабостью во власти, своею нерешительностью в действиях вызывает к скорейшему воплощению»²⁷⁸. И тут же генерал приглашал это негодное правительство приехать к себе в Ставку, чтобы создать здесь правительство народной обороны.

Также Корнилов обратился к казакам, напоминая о том, что и сам из казаков. Здесь к обвинениям правительства в неумелом управлении добавились и прямые обвинения в измене части министров. Корнилов привел совершенно бесподобное «доказательство» этого: «Когда я был на заседании Временного правительства в Зимнем дворце 3 августа, министр Керенский и Савинков сказали мне, что нельзя всего говорить, так как среди министров есть люди неверные»²⁷⁹. Напомним, что не только Керенский ничего подобного не говорил, но и голословные подозрения Савинкова были выражены лишь намеком.

Обращаясь к казакам – «рыцарям земли Русской», Корнилов прямо признавал, что идет против Временного правительства²⁸⁰. Корнилов пытался заручиться поддержкой донского атамана Каледина, но тот предпочел выжидать.

В Москве командующий округом Верховский спросил представителей казачьих частей, кого они будут поддерживать – Корнилова или Временное правительство. На это последовал ответ, что они ждут ука-

²⁷⁸ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 2. С. 493.

²⁷⁹ Там же. С. 494.

²⁸⁰ Там же.

заний с Дона, но поддерживать готовы порядок. Верховский заявил, что если они поддержат Корнилова, то получат эшелоны для выезда к нему²⁸¹. Было важно не дать столкновениям распространиться на вторую столицу, если «с Дона», то есть от Каледина, поступит команда поддержать Корнилова.

Впрочем, 28 августа комитеты расквартированных в Петрограде казачьих полков дали понять, что в этом вопросе им Каледин не указ, что они не желают входить в блок с кадетами и своей задачей считают защиту революции²⁸².

Корнилова телеграфно поддержали 13 генералов, но большинство из них уже к 29 августа заявили о лояльности Временному правительству.

По мнению Керенского, «перед восстанием Корнилова политическое влияние Советов было меньше, чем в любое другое время революции. Летом начали действовать органы местного самоуправления, созданные на основе всеобщего избирательного права; возбуждение первых месяцев революции спадало, а Советы теряли свое исключительное значение в жизни масс»²⁸³. Дело не только в Советах – радикалы могли расширить позиции и в органах местного самоуправления, это и произошло в сентябре. Ситуация зависела прежде всего от того, насколько правительство может справиться с социально-экономическим кризисом. Углубление кризиса вело к усилению левого радикализма. Тем не менее, Керенский, конечно, прав в том, что выступление Корнилова способствовало росту влияния и Советов, и большевиков.

Известие о выступлении взбудоражило и мобилизовало левую общественность. Суханов вспоминал:

«– Как? Вы не знаете? Корнилов с войском идет на Петербург. У него корпус... Здесь организуется...

Я бросил трубку, чтобы бежать в Смольный. Через две минуты мы с Луначарским уже вышли. Я передал ему услышанные в телефон два слова, и мы оба получили от них совершенно одинаковый толчок. Мы почти не обсуждали оглушительного известия. Его значение сразу представилось нам во всем объеме и в одинаковом свете. У нас обоих вырвался какой-то своеобразный, глубокий вздох облегчения. Мы чувствовали возбуждение, подъем и какую-то радость какого-то освобождения.

²⁸¹ Там же. Т. 1. С. 183.

²⁸² *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 347.

²⁸³ *Керенский А. Ф.* Прелюдия к большевизму. С. 277.

Да, это была гроза, которая расчистит невыносимо душную атмосферу. Это, может быть, настезь открытые ворота к разрешению кризиса революции. Это исходный пункт к радикальному изменению всей конъюнктуры. И во всяком случае это полный реванш за июльские дни»²⁸⁴.

В ночь на 28 августа на заседании ВЦИКа и исполкома Совета крестьянских депутатов было решено создать Комитет народной борьбы с контрреволюцией, в который вошли представители ВЦИКа, ИК СКД, Петросовета, профсоюзов и других организаций. Петроград и небольшие гарнизоны вокруг столицы стали готовиться к обороне от наступающих войск Крымова.

В Комитет вошли и большевики. Это позволило им легализовать свои структуры. Под давлением большевиков Комитет обещал добиться освобождения большинства причастных к июльским событиям (в сентябре действительно были освобождены практически все). Левая общественность готовилась к борьбе с корниловщиной по всей стране на случай, если Крымову удастся захватить Петроград. Особенно энергично в провинции действовали большевики, что имело далеко идущие последствия. Исследователь истории эсеров центральной части России А. И. Юрьев считает: «Эсеры сами своей слабой активностью проигрывали большевикам в эти решающие для развития революционных событий дни, сдавая свои позиции... У эсеров, имевших и в августе 1917 г. значительный авторитет и влияние среди различных слоев населения, была реальная возможность, возглавив борьбу с мятежом, укрепить свои позиции, но они этот шанс упустили»²⁸⁵. Но если в одних провинциальных городках эсеры начали «сдавать», то в других – формировали боевые дружины и агитировали войска против Корнилова²⁸⁶.

Советы, профсоюзы, войсковые комитеты, социалистические партии и движения (в том числе большевики и анархисты) мобилизовали десятки тысяч солдат, матросов и рабочих на борьбу с Корниловым. В районах Петрограда создавалась красная гвардия, шло военное обучение, раздавалось оружие. Эта вооруженная сила вполне могла оказать противодействие офицерскому восстанию в Петрограде (хотя бы в силу малочисленности прокорниловской «боевки») и находилась под контролем райсоветов и фабзавкомов. Для получения оружия требовалась рекомендация завкома или левой парторганизации.

Советские круги действовали энергично и были настроены оптимистично. «Я не помню другого момента, когда в советских кругах царило такое бодрое настроение, как в эту ночь»²⁸⁷.

²⁸⁴ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 82–83.

²⁸⁵ Юрьев А. И. Эсеры на историческом переломе (1917–1918). М., 2001. С. 80.

²⁸⁶ Там же. С. 77.

²⁸⁷ Войтинский В. С. Указ. соч. С. 223.

Совсем по-другому вел себя противоположный политический фланг. Деникин с разочарованием констатировал: «Произошло нечто чудесное: русская общественность внезапно и бесследно сгинула»²⁸⁸. Имеется в виду, разумеется, правая общественность, потому что левая как раз вышла на арену.

В гостинице «Астория» была арестована группа прокорниловских офицеров; закрыты правые газеты «Новое время» в Петрограде и «Русское слово» в Москве.

Навстречу Туземной дивизии выслали делегацию исполкома Всероссийского мусульманского съезда во главе с А. Цаликовым – около 70 человек, которые развернули агитацию в войсках против Корнилова и встретились с представителями подразделений. В эту делегацию входил даже внук Шамиля, что тоже сыграло свою роль, придав ей дополнительный авторитет.

29 августа Савинков уже в качестве генерал-губернатора Петрограда выпустил воззвание: «В опасный час, когда враг прорвался через наш фронт и когда пала Рига, генерал Корнилов попытался дискредитировать Временное правительство и революцию и примкнул к рядам ее врагов»²⁸⁹.

Оборонительные позиции на линии Петергоф – Красное Село – Царское Село заняли сводные отряды полков Петроградского гарнизона численностью 12 тыс. пехоты и 5 тыс. кавалерии²⁹⁰. Но до вооруженного столкновения не дошло. Войска, двигавшиеся на столицу, были окружены «целым роем агитаторов»²⁹¹, которые разъясняли солдатам «контрреволюционность» их действий.

По рукам казаков ходили листовки с воззваниями как Керенского, так и Корнилова. По рассказу члена ЦИК Советов Булычева, «раздаваемые телеграммы Керенского производили довольно заметное впечатление на казаков, офицерство же к этой агитации относилось крайне несочувственно и призывало казаков отгонять от вагонов ораторов из членов Совета, считая таковых если не большевиками, то непременно сочувствующими им...»²⁹²

29 августа исполком Юго-Западного фронта арестовал своего командующего Деникина, поддержавшего Корнилова, а армейские комитеты – своих командармов. Сработал механизм, созданный как гарантия от правого переворота.

В Выборге и Гельсингфорсе было убито несколько офицеров, поддержавших Корнилова, включая генерала Орановского.

²⁸⁸ Деникин А. И. Указ. соч. С. 63.

²⁸⁹ Цит. по: Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 174.

²⁹⁰ Соболев Г. Л. Указ. соч. С. 347.

²⁹¹ Рабинович А. Большевики приходят к власти. М., 1989. С. 172.

²⁹² Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 284.

В ночь на 28 августа, после полуночи, Крымов прибыл в Лугу, где получил из штаба округа приказ остановить войска. Но, играя в легальность и не желая останавливать осуществление плана, согласованного с Корниловым раньше, Крымов «заподозрил», что в Петрограде уже произошел большевистский переворот. А если это не так, то ему нужен письменный приказ Керенского. Пока его доставят, можно выиграть время.

В 2 часа ночи в Лугу прибыл член ЦИК Булычев, назначенный сюда комиссаром Временного правительства. Крымов начал вешать ему лапшу на уши, уверяя, что идет отражать возможный немецкий десант и подчиняется Корнилову, потому что о его отставке Крымову ничего не известно. Тем не менее Крымов заявил Булычеву, что повернет войска назад только по приказу главковерха.

Уже 27 августа Корнилов направил к Крымову полковника Д. Лебедева с сообщением, что «берет власть на себя», и указанием двигаться на Петроград²⁹³. 29 августа он смог передать это указание. Крымов был уже настроен минорно и не хотел брать на себя ответственность за начало кровопролития. Но продолжал выполнение указаний Корнилова, хотя наличие мятежа командующего уже стало очевидно.

В 4 часа утра 28 августа Крымова настигли телеграммы (в том числе от Керенского), которые не оставляли сомнений в том, что между Керенским и Корниловым произошел разрыв и легитимность не на стороне Корнилова.

В 4.15 начальник штаба корпуса Детерихс выехал в Псков для выяснения ситуации у командующего Северным фронтом и вероятного нового главнокомандующего Клембовского. Клембовский заявил Детерихсу, что занять пост главнокомандующего считает для себя сейчас невозможным, да и официального предложения не получал. Из Ставки Детерихсу сообщили, что Корнилов остается главнокомандующим.

В 16 часов Крымов разгрузил эшелоны и занял здание телеграфа в Луге, но затем отошел южнее от города – в Заозерье, где войска встали на ночлег. Стало ясно, что Крымов не собирается вывозить войска от Петрограда, как ему было приказано, и скорее всего двинется на столицу своим ходом.

В Заозерье начались митинги казаков. Спектр мнений был широк – от сочувствия Корнилову до требований арестовать контрреволюционных офицеров. В митингах участвовали агитаторы и делегации из Петрограда. «Казаки корпуса Крымова заявляли делегации, что теперь

²⁹³ Там же. С. 289.

они убедились в авантюре Крымова и Корнилова и просили дать им приказ от Временного правительства на предмет ареста Крымова и других офицеров»²⁹⁴. В других частях казаки были настроены враждебно к большевикам, Советам и Керенскому, но против Временного правительства идти не хотели.

Чтобы сохранить контроль над войсками, Крымов попытался хотя бы на время формально «встать над схваткой». Он выпустил приказ № 128 от 29 августа, куда поместил телеграммы Керенского и Корнилова, сообщение Клембовского об отказе вступить в должность главнокомандующего и собственное заявление, что в Петрограде начались «бунты» и может понадобиться работа казаков, хотя он, Крымов, не собирается вести их на свержение существующего строя. О Корнилове Крымов также писал, что «казаки давно постановили, что генерал Корнилов несменяем, о чем объявляю всем для руководства»²⁹⁵. Вывод Крымова не оставлял сомнений в его намерениях, если ему дадут войти в Петроград: «Не братская кровь нам нужна. Мы не хотим проливать ее, но если найдутся безумцы, для которых Родина и Отечество стали пустым звуком, нам придется с ними сосчитаться»²⁹⁶.

Утром 28 августа окружение Корнилова подготовило воззвание Главного комитета Союза офицеров, где говорилось: «Правительство, уже неоднократно доказавши нам свою государственную немощь, ныне обесчестило свое имя провокацией и не может дальше оставаться во главе России, не может и далее распоряжаться судьбами всех русских граждан... Будьте тверды и непоколебимы в решении идти за нашим Верховным вождем генералом Корниловым»²⁹⁷. По просьбе Корнилова с небольшими поправками оно было подписано членами комитета.

Затем генерал выступил с речью перед гарнизоном Могилева, где разъяснял свою позицию. Корнилов объявил Могилев и окрестности на осадном положении. От имени коменданта Могилева С. Квашнина-Самарина было выпущено постановление, запрещавшее митинги, вводившее предварительную цензуру, ограничивающее свободное передвижение. То есть были на практике введены меры, планировавшиеся для Петрограда.

²⁹⁴ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 286.

²⁹⁵ Там же. С. 280.

²⁹⁶ Там же. С. 281.

²⁹⁷ Там же. Т. 2. С. 501.

В новом приказе № 897 Корнилов подробно излагал свою версию событий. Он выражал недовольство, что смертная казнь не была распространена на тыл, «наиболее зараженный преступной пропагандой»²⁹⁸ (то есть получается, что смертная казнь должна была применяться к пропагандистам). Корнилов высказал версию, что большевики «намереваются захватить власть в свои руки, хотя и на несколько дней, и, объявив перемирие, сделать решительный и непоправимый шаг к заключению позорного сепаратного мира, а следовательно, погубить Россию»²⁹⁹. Этим Корнилов, не желая того, сделал рекламу большевикам в массах солдат, уставших от войны и считавших, что мир важнее «долга перед союзниками», «аннексий и контрибуций» и интересов отечественного капитала.

В обращении к железнодорожникам Корнилов угрожал, что, если они не будут перевозить войска Крымова, он будет их «карать беспощадно».

В приказе № 900 29 августа Лавр Георгиевич продолжал запугивать читателей диверсионной деятельностью немцев по всей России – начиная от взрыва военного склада в Казани и кончая мифическим восстанием, якобы подготовленным немцами в Финляндии. Но, чувствуя, что почва начинает уходить из-под ног, генерал стал искать легальные основания своего отказа подчиниться Временному правительству: «должности Верховного главнокомандующего я не сдал, да и некому было ее сдать...»³⁰⁰ Нужно было бы добавить: и войск не остановил, потому что негде было их остановить, и в Петроград не выехал, потому что не на чем... Кому принять должность – нашлось бы, как только Корнилов, как ему велено, покинул бы Ставку.

Корнилов пытался связаться с Крымовым с помощью аэроплана, но безуспешно. 30 августа Корнилов направил Крымову письмо с указанием действовать так, как если бы началось восстание большевиков³⁰¹.

В ночь на 30 августа Крымов наконец решился двинуть свои войска в сторону Петрограда, но часть их отказалась двигаться ночью, и пришлось отвести дивизию назад в Заозерье.

В 7.30 утра 30 августа Крымов отдал приказ двигаться на Лугу, но казаки отказались идти на город, ставший враждебным, и Крымов приказал отправиться в обход.

Не успел Крымов покинуть Заозерье, как к нему прибыли полковник Самарин и капитан Данилевич с приглашением Керенского пожаловать в Петроград.

²⁹⁸ Там же. С. 495.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же. С. 497–498.

³⁰¹ Там же. Т. I. С. 272.

Для Крымова это был хоть какой-то выход из проигранной ситуации – ведь было ясно, что казаки, не желавшие брать Луту, тем более не станут атаковать Петроград. «Не лучше» была и ситуация с Туземной дивизией.

Крымов и Детерихс отправились к Керенскому. На этом попытки движения корпуса на Петроград закончились, все предприятие провалилось.

31 августа Крымов прибыл в Петроград на доклад к Керенскому. По рассказу Детерихса, Керенский довольно спокойно слушал Крымова, но когда речь зашла о его приказе от 29 августа, премьер-министр саркастически заявил: «Вы, генерал, очень умны. Я давно слышал, что Вы умный. Этот приказ Вами так скомбинирован, что он не может Вам служить оправданием». Ведь в приказе Крымова воспроизведен приказ Корнилова со всеми обвинениями против Керенского, да еще и сам Крымов допустил суждения, избличавшие его как заговорщика³⁰².

«Затем мы расстались, то есть я отпустил его, отказавшись пожать ему руку»³⁰³, – вспоминал Керенский. На 15 часов был назначен допрос Крымова у военно-морского прокурора, но в это время генерал застрелился.

Керенский в итоге от имени Временного правительства сам назначил себя на пост Верховного главнокомандующего и учредил комиссию для «расследования действий бывшего верховного главнокомандующего Корнилова и соучастников его, учинивших явное восстание». Начальником штаба был назначен Алексеев.

Катков даже упрекает Алексеева в том, что он «согласился взять на себя роль посредника между Корниловым и Керенским, когда между ними разыгрался конфликт, и тем самым позволил Керенскому одержать победу (правда, ненадолго) в конце августа месяца»³⁰⁴. Если бы это было так, то вряд ли Корнилов потом стал бы вместе с Алексеевым создавать Добровольческую армию. Михаил Васильевич приступил к своей посреднической миссии тогда, когда Лавр Георгиевич проиграл вчистую и его нужно было спасти от расправы революционеров.

Алексеев связался с Корниловым и предложил покончить дело путем «безболезненной передачи дел». Проигравший выдвинул встречные условия: прекратить аресты генералов и рассылку порочащих Корнилова воззваний. Он пригласил Алексеева в Ставку.

³⁰² Там же. С. 279.

³⁰³ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 128.

³⁰⁴ Катков Г. М. Указ, соч. С. 33.

По словам Деникина, «сам Корнилов впоследствии считал крупной своей ошибкой то обстоятельство, что он не выехал к войскам... Несомненно, что появление Корнилова с двумя надежными полками решило бы участь Петрограда»³⁰⁵. Деникина ничему не научил пример неудачного трехдневного штурма Екатеринодара, после которого погиб Корнилов в апреле 1918 года. Тогда Корнилову и Деникину тоже казалось, что толпы революционеров разбегутся от надежных корниловских полков. Кончилось конфузом и гибелью Корнилова. Впрочем, сам Деникин признает, что в августе 1917 г. Корнилов вряд ли смог оперативно прибыть с преданными ему частями к Петрограду из Могилева.

Даже после того, как угроза Петрограду была снята, сохранение власти Корнилова в Могилеве означало угрозу гражданской войны. Из Могилева Корнилов мог снестись со своими сторонниками в других регионах.

В ночь на 1 сентября Керенский связался с полковником 165-го пехотного Луцкого полка А. Коротковым, организовавшим Оршанский революционный отряд, и приказал двинуться на Могилев и арестовать Корнилова.

Выехать в ставку с отрядом для ареста Корнилова и его сообщников готовился также командующий Московским военным округом полковник Верховский.

Корнилов выдвинул новые условия прекращения конфликта.

1. Должно быть объявлено, что в России создается «сильное правительство», теперь уже можно и без участия самого Корнилова, ибо «лично для себя ничего не искал и не ищет».

2. Немедленно приостановить предание суду Деникина и его подчиненных.

3. Прекращение арестов офицеров и генералов.

4. Прибытие в Ставку Алексеева, который мог бы взять на себя управление войсками и «всесторонне осветить обстановку».

5. Взаимное прекращение выпуска воззваний, порочащих Корнилова и обличающих Временное правительство³⁰⁶.

Таким образом, уже проиграв партию, Корнилов пытался свести ее вничью. Реакция Алексеева на эти требования была сочувственной.

31 августа Корнилов выпустил объявление, в котором утверждал, что генерал Алексеев едет в Могилев «для ведения со мной от имени Временного правительства переговоров»³⁰⁷. Алексеев и рад бы, да только на политические переговоры ему полномочий не давалось.

³⁰⁵ Деникин А. И. Указ. соч. С. 59–60.

³⁰⁶ Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 324.

³⁰⁷ Там же. С. 325.

Прибыв в Витебск, Алексеев в ночь на 1 сентября вступил в переговоры с Могилевом. Он объяснил Лукомскому, что едет в Ставку принимать дела, а не для переговоров с Корниловым. Лукомский признал полномочия Алексеева как наштаверха. В то же время Корнилов требовал, чтобы прекратилось наступление революционеров на Могилев, что могло привести к кровопролитию. Алексеев потребовал от Керенского, а затем от полковника Короткова в Орше остановить продвижение войск к Могилеву, что и было сделано.

Прибыв в Могилев, Алексеев отменил осадное положение и стал принимать дела у Корнилова. Керенский телеграфировал ему: «Я предлагаю вам передать ген. Корнилову, что он должен сдать вам должность, отдав себя в распоряжение властей, демобилизовать свои войсковые части немедленно...»³⁰⁸ Под давлением Керенского (на которого в свою очередь давили левые в Петрограде) Алексеев около 22 часов 1 сентября арестовал Корнилова и его окружение.

1 сентября от имени Временного правительства Керенский заявил: «Неповиновение генерала Корнилова подавлено, однако волнение, внесенное им в ряды армии и в страну, велико»³⁰⁹. Керенский пытался теперь усмирить и распустить образовавшиеся повсюду структуры борьбы с контрреволюцией, в которой подозревали и офицеров, и кадетов, и местные структуры Временного правительства. Но было поздно.

5 сентября Керенский прибыл в Ставку. 12 сентября Корнилов и другие арестованные по его делу были водворены в Старый Быхов. При этом, чтобы избежать линчевания Корнилова³¹⁰, Керенский разрешил дать для охраны преданных ему текинцев, что обеспечило в дальнейшем побег генерала.

Более серьезные проблемы возникли у генерала Деникина, арестованного в Бердичеве. Комиссар ЮЗФ Иорданский настаивал, что Деникина и его сообщников должен судить местный суд. И тогда генералу угрожала как раз та самая смертная казнь, введения которой они с Корниловым так рьяно добивались. Насилу удалось добиться перевода Деникина и его поделщиков из Бердичева в Быхов 26 сентября. Здесь Корнилов, Деникин и другие «быховские сидельцы» принялись обсуждать программу будущего белого движения. В Быхове политические беседы так и не вылились в программный документ, и Корнилов изложил свои политические взгляды уже в январе 1918 года. Эта «Политическая программа генерала Корнилова» своей банальностью

³⁰⁸ Цит. по: Катков Г. М. Указ. соч. С. 134.

³⁰⁹ Керенский А. Ф. Прелюдия к большевизму. С. 199.

³¹⁰ Там же. С. 232.

вызывает восторг у современных либеральных публицистов, так как является повторением обычных общедемократических и либеральных пожеланий, включая сюда и созыв Учредительного собрания, и «восстановление в полном объеме свободы слова и печати» – это при том, что Корнилов собирался ввести смертную казнь за большевистскую и вообще просоветскую пропаганду, что и осуществлялось на практике в 1918-м.

Кроме подобных демократических украшений в стиле сталинской конституции программа Корнилова предусматривала и более реальные меры. Это, конечно, «отмена национализации частных финансовых предприятий», «восстановление права частной собственности» и смертная казнь «в случае тяжчайших государственных преступлений». Вот это было написано от души. Судя по тексту, документ закончили уже в январе 1918 г. и 2 февраля передали Алексееву на будущее. Алексеев и Милюков, обсудив программу, решили, что публиковать ее не следует³¹¹. Общедемократические положения были откровенно демагогическими и в условиях Гражданской войны нарушались белыми столь же грубо, как и красными, а либеральные идеи в это время не пользовались популярностью.

Осенью 1917 г. следственная комиссия постепенно освобождала арестованных, и к ноябрю их осталось всего пятеро. «Дело Корнилова» с Октябрьским переворотом потеряло актуальность, а сам Корнилов стал лидером Белого движения. Его первая попытка выступления против левых сил приобрела новое звучание как шанс «все предотвратить».

Впрочем, дискуссии об этом событии продолжаются. «Названные точки зрения – Керенского («контрреволюционный заговор»), Савинкова («недоразумение»), Алексеева – Деникина – Лукомского («предательство Керенского»), а также их комбинации – практически полностью исчерпывают собой все разнообразие мнений о корниловском выступлении, высказанных впоследствии как в отечественной, так и в зарубежной историографии»³¹², – суммирует эти споры О. К. Иванцова. Каждая из этих точек зрения отражает одну сторону событий августа 1917-го. **Было два заговора, два проекта ликвидации сложившегося режима, между участниками которого имелись свои разногласия и недоразумения. И оба надеялись использовать Керенского в своей игре.**

Первый заговор – двойная игра Савинкова и других антисоветских социалистов, была направлена на использование Корнилова в целях

³¹¹ Катков Г. М. Указ. соч. С. 157–158.

³¹² Дело генерала Л. Г. Корнилова. Т. 1. С. 14.

создания авторитарного режима во главе с бывшими революционными демократами. Второй заговор – более правого офицерства во главе с Корниловым – был направлен на создание военной диктатуры, по возможности – с гражданской ширмой. Попытки Керенского остановить революцию в июльско-августовской точке сближали его с первым заговором. Но Керенский не мог согласиться на самостоятельную и даже лидирующую роль генералитета в «наведении порядка», что и привело к резкой реакции премьера на попытки изменить правительственную конфигурацию, опираясь на вооруженную силу. Это произошло за два дня до запланированного Корниловым террора в Петрограде.

Генералы и политики, сторонники «твердой власти», видели главную угрозу в хаосе, идущем от низов общества. Они не понимали объективных причин движения масс и считали, что первопричина этого бедствия – немецко-большевистская интрига. Они думали, что только волевая «сила», направленная сверху вниз, может остановить проснувшийся плебс. Они видели себя этой силой.

Даже Керенский с его политическим упрямством и неуступчивостью казался цензовикам слишком слабой фигурой, страх перед массами требовал не юриста, а генерала, который железным кулаком наведет порядок и оградит их собственность от рабочих и крестьян, заставит солдат умирать за грядущие аннексии и контрибуции, позволит принять участие в пире победителей после победы Антанты. Они так накрутили себя и несведущих в политике генералов, что спровоцировали их на выступление против власти интеллигентов-центристов, еще уговаривавших массы подождать и потерпеть. В итоге интеллигенты в союзе с массами разгромили генералов. И это было началом конца политического центризма, который мог держаться только на противовесах. Качнув неустойчивую конструкцию Временного правительства вправо, генералы и их политические партнеры нарушили равновесие, которое затем стало неудержимо смещаться влево.

Но в той или иной форме такой конфликт был неизбежен. Временное правительство конструировалось как авторитарное, а авторитарная система в условиях растущей самоорганизации общества не может работать без репрессивной машины. Соответственно, правительство должно было либо перейти к политике массовых политических репрессий и подавить самоорганизацию, либо признать ответственность исполнительной власти перед представительными структурами организованного общества, либо, колеблясь между этими двумя путями, растерять поддержку и пасть.

ПОСЛЕДНИЙ ШАНС ДЕМОКРАТИИ

Корниловское выступление показало миллионам людей, вовлеченных в органы самоуправления от Советов до профсоюзов, что они ходят по краю смерти. Ведь если Крымов был готов перевешать депутатов Петросовета, то местные крымове не остановились бы перед террором и в других городах и весях. Белый террор должен был покончить с надеждами на социальные преобразования и скорейший мир. Разгром Корнилова, казалось, позволял навсегда искоренить угрозу со стороны правой военицины.

Большевики протягивают руку

Сочувствие Корнилову видных кадетов стало последней каплей для социалистов. 27 августа лидеры эсеров и меньшевиков заявили о недопустимости коалиции с кадетами. 31 августа это решение подтвердили ЦК двух партий. Узнав об этом, Керенский был вынужден на время прекратить переговоры о формировании новой коалиции и 1 сентября объявить о создании Директории – технического правительства без кадетов из пяти членов. В нее вошли А. Ф. Керенский, М. И. Терещенко, правый меньшевик А. М. Никитин и двое военных – военный министр А. И. Верховский и морской – Д. Н. Вердеревский.

В обстановке праздника победы демократии Керенский решил еще немножко предвосхитить волю Учредительного собрания и 1 сентября провозгласил Россию республикой.

Лозунгом дня стало сплочение всех левых сил, включая большевиков. Церетели говорил на заседании Петросовета: «Как ни были велики наши разногласия, Корнилов был встречен сплошной стеной демократии... Принципы единения должны быть сохранены»¹. Для этого необходимо создать «единый революционный фронт». Этот призыв был услышан большевиками, но вскоре выяснилось, что дальше призывов лидеры умеренных социалистов идти не готовы...

По мнению Г. И. Злоказова, «после корниловщины первоначальные усилия ВЦИК по созданию широкопредставительного революционно-демократического правительства, а также режима парламентской демократической республики имели большие шансы на

¹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. С. 248.

успех, ибо жидились на народной поддержке, и не только со стороны советов, но и других массовых демократических организаций»². Приближались выборы в Учредительное собрание, которые могли бы хотя бы на время разрядить напряженную социальную обстановку. В то же время острейший экономический кризис и продолжающаяся война приводили к накоплению социальных элементов, готовых поддержать радикальные призывы к насильственным действиям. Очень многое зависело в этих условиях от позиции политических лидеров.

2 сентября ВЦИК и ИК СКД высказались против участия в правительстве «контрреволюционных» буржуазных (цензовых) элементов. По мнению Чернова, поддержанного ЦК ПСР, важна была готовность представленных в правительстве сил работать «на общей платформе»³, что исключало участие в нем кадетов. Платформа демократических сил была уже озвучена Чхеидзе.

Еще в ночь на 28 февраля, при формировании Комитета народной борьбы с контрреволюцией Дан предложил после победы над Корниловым собрать совещание демократических сил (подобное Государственному совещанию, но без депутатов Думы, то есть левее), которому до Учредительного собрания будет подотчетно правительство⁴.

Под давлением левых эсеров 31 августа фракция ПСР в Петро-совете приняла резолюцию с требованием создать власть из представителей ЦИКов Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов без кадетов. Одновременно фракция поддержала предложение центристов ПСР о временном революционном парламенте на платформе Чхеидзе⁵. В это время идеи левых и центристов в ПСР были вполне совместимы, то есть партия стояла предельно близко к правому крылу большевиков и левому крылу меньшевиков. Чернов заострял свои выступления против буржуазии: «Надо отделять интересы промышленников от интересов промышленности»⁶. Золотые слова. Только понимание этого пришло поздно.

Отсюда оставался только один шаг до «однородного социалистического» или «однородного демократического» правительства, где доминировали бы левые социалисты.

² Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 297.

³ Там же. С. 245.

⁴ Майер Л. Вопрос о государственной власти и вооруженный переворот. // 1917: частные свидетельства о революции в письмах Луначарского и Мартова. М., 2005. С. 87.

⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 748.

⁶ Там же. С. 749.

Поскольку наиболее радикальной из крупных организаций, участвовавших в борьбе против Корнилова, были большевики, корниловское выступление свело на нет ослабление их позиций после июльского поражения. Более того, дальнейшее ухудшение экономической ситуации и неубедительность антибольшевистской агитации привели к значительному росту влияния большевиков в крупных индустриальных центрах.

Разворачивался процесс, который затем был расценен Лениным как «большевизация Советов» – большевики пришли к руководству Советов в Петрограде, Москве, Киеве и др. городах.

31 августа большевики предложили ЦИКу резолюцию «О власти». Она была составлена Каменевым в умеренных тонах и рассчитана на компромисс с полевевшими эсерами и меньшевиками. Резолюция требовала отстранения от власти цензовых элементов (а не только кадетов) и создания власти на новой основе. «Нетерпимы далее ни исключительные полномочия Временного правительства, ни его безответственность. Единственный выход – в создании из представителей революционного пролетариата и крестьянства власти», которая провозгласит демократическую республику, отменит частную собственность на землю и передаст ее в распоряжение крестьянских комитетов, введет в общегосударственном масштабе рабочий контроль, национализирует важнейшие отрасли, введет налоги на сверхдоходы, отменит тайные договоры и др.⁷ Практически все эти требования уже высказывались лидерами меньшевиков и эсеров. Такие предложения большевиков были явным шагом к компромиссу с социалистами.

Это не была инициатива только Каменева и его сторонников. В первых числах сентября Ленин выступил с серией статей, открывавшихся работой с откровенным названием «О компромиссах». Ленин писал: «Союз большевиков с эсерами и меньшевиками против кадетов, против буржуазии... испытан только по одному фронту, только в течение пяти дней, 26–31 августа, во время корниловщины, и такой союз дал за это время полнейшую, с невиданной еще ни в одной революции легкостью достигнутую победу над контрреволюцией, он дал такое сокрушающее подавление буржуазной, помещичьей и капиталистической, союзно-империалистической и кадетской контрреволюции, что гражданская война с этой стороны развалилась в прах, превратилась в ничто в самом начале, распалась до какого бы то ни было «боя»...

Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большеви-

⁷ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. С. 246.

ков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»⁸. Таким образом будет «возможно и вероятно» мирное развитие революции.

Но умеренные социалисты оттолкнули протянутую руку. Резолюция «О власти» была отклонена ЦИКом, хотя выдвинутая против нее резолюция левых меньшевиков отличалась от большевистского проекта лишь нюансами. Лидеры ЦИКа не хотели договариваться с большевиками. 8–10 сентября меньшевистская «Рабочая газета» и эсеровское «Дело народа» выступили с критикой ленинской инициативы.

Но Ленин не очень-то и держался за возможность компромисса. 13 сентября он писал: «Величайшей ошибкой было бы думать, что наше предложение компромисса еще не отвергнуто, что демократическое совещание еще может принять его». Предстоящий форум демократических сил, где социалисты надеялись договориться о создании новой власти, «ничего не решает: решение лежит вне его, в рабочих кварталах Питера и Москвы»⁹.

В сентябре развернулась большевизация Советов, к тому же большевики удачно выступили на выборах в ряде городов. Ильич решил, что социалисты уже не представляют прежней силы. Почему, собственно, нужно искать союза с этой «отыгранной картой»? В. Т. Логинов воспроизводит мотивы Ленина при отказе от тактики компромиссов: «Но теперь, когда у соглашателей почва явно уходила из-под ног, когда широкое народное движение оставляет их позади, проблема большинства решалась уже не компромиссом, а прямой апелляцией к массам, прямым революционным действием»¹⁰. Уходила, но не ушла, оставяло, но не оставило.

Анализируя ситуацию в Центральном промышленном районе, А. И. Юрьев пишет: «Выборы в городские думы показали значительное влияние Партии социалистов-революционеров среди городского населения как в целом по стране, так и в Центральном промышленном районе... Так, например, в Ярославле из 100 мест эсеры получили 35, меньшевики – 34, большевики – 12. Остальные места были у кадетов и торгово-промышленного союза.

Эсеры и меньшевики одержали убедительную победу в Нижнем Новгороде, Туле и в других губернских городах»¹¹. А в Калуге и Рязани первое место получили кадеты, второе социалисты.

⁸ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 221–222.

⁹ Там же. С. 244–245.

¹⁰ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 380

¹¹ Юрьев А. И. Указ. соч. С. 83–84.

К октябрю из 748 городов 650 переизбрали свои думы. В 50 губерньских городах эсеры и меньшевики набрали 57,2% голосов, кадеты 12,9%, большевики – только 7,5%, еще 21,4% – беспартийные и национальные группы. В 418 уездных городах эсеры и меньшевики набрали 34,5% голосов, кадеты 5,4%, большевики – только 2,2%, беспартийные и национальные группы – 57,9%¹². Такие результаты сулили успех на выборах в Учредительное собрание социалистам, зато большевики и кадеты не могли связывать свой успех с выборами. Кадеты на время потеряли военную силу, которая политически ориентировалась бы на них (впрочем, к концу года она возродится в лице белого движения). Теперь вопрос о применении вооруженной силы в борьбе за власть встал перед большевиками.

Настроения масс осени 1917 г. позволяли захватить власть, но не давали большевизму поддержки большинства трудящихся классов. Таковую поддержку могла получить только широкая левая коалиция.

Зато выступление Корнилова привело к вооружению левых на местах на случай войны с контрреволюцией. Большевики и анархисты накапливали силы, но нетерпение масс иногда прорывалось наружу в попытках захватить власть в пользу Советов.

8 сентября в Донбассе была провозглашена «Боковско-хрустальская республика Донецкого района», рабочие «Индустриального союза» во главе с Корнеевым и Совет во главе с Переверзевым заявили об установлении контроля над производством. Боковская республика была разгромлена только в декабре 1917 г. казаками¹³.

Еще более серьезное выступление произошло в Ташкенте.

Корниловское выступление взбудоражило и общественность Туркестана. 29 августа по инициативе Краевого совета была создана «Комиссия для защиты свобод, завоеванных революцией», в которую вошли также члены Турккомитета Временного правительства и командующий войсками округа генерал-майор Л. Н. Черкес.

После поражения Корнилова, 30 августа большевики внесли в Ташкентском совете проект резолюции о переходе власти к Советам, но 48 голосами против 44 была принята резолюция о доверии Временному правительству.

Очагами радикальных настроений в Ташкенте были главные железнодорожные мастерские Среднеазиатской и Ташкентской желез-

¹² Минц И. И. История Великого Октября. Т. 2. М., 1968. С. 651.

¹³ Булдаков В. П. Указ. соч. С. 173–174.

ных дорог с несколькими тысячами рабочих. Большевики и левые эсеры имели большое влияние в 1-м и 2-м Сибирских запасных полках.

11 сентября произошли волнения солдат гарнизона, которые постановили выйти на митинг на следующий день. Турккомитет этот митинг запретил. Тогда Ташсовет собрал совещание демократических организаций, большевики на нем предложили создать Ревком и передать ему власть в крае. Такое требование не было поддержано, но большевики провозгласили создание ревкома на заседании исполкома Ташсовета¹⁴.

12 сентября в Александровском парке собрался многотысячный митинг, на котором был избран революционный комитет в составе 14 человек, включая 5 большевиков и 3 левых эсеров. Также прямо на митинге прошли пере выборы Совета и его исполкома¹⁵. То есть на митинге по существу был создан новый орган, называвшийся Советом и поддерживавший ревком.

Сам митинг разогнан не был, но командующий Туркестанским военным округом генерал Черкес направил войска в «Дом свободы», где заседал ревком. Арест ревкома и разгром «Дома советов» вызвали новые волнения, и ревком пришлось освободить. Вернувшись в «Дом свободы», разгоряченные члены ревкома, совместно с исполкомом Ташсовета, стали принимать решения об арестах контрреволюционеров и установлении своих караулов в важнейших точках города.

13-15 сентября гражданская власть в городе фактически перешла к ревкому, так как ему подчинялись рабочие. Ревком регулировал распределение продуктов¹⁶. Происходили столкновения сторонников ревкома и Временного правительства. Правда предложение большевиков взять всю полноту власти не было поддержано левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами, и 15 сентября ревком сложил полномочия¹⁷.

Узнав о событиях в Ташкенте, активизировались левые радикалы и в других городах Туркестана. 13 сентября в Ашхабаде тоже возник революционный комитет. Советы Туркестана принимали решения с поддержкой или осуждением событий в Ташкенте. Солидарность с Ташкентским советом выразил Петроградский.

16 сентября Керенский приказал находившемуся в Казани генерал-майору П. А. Коровиченко прибыть с отрядом в Ташкент и навести порядок. С протестом против этого выступил Ташкентский совет. 18 сентября Совет потребовал участия в управлении краем, отдачи приказов

¹⁴ *Иноятов Х. Ш.* Победа советской власти в Узбекистане. Ташкент, 1967. С. 107–108.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ *Тимошков С. П.* Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии. // Басмачество. М., 2005. С. 289.

¹⁷ *Иноятов Х. Ш.* Указ. соч. С. 111.

войскам только с санкции Исполкома совета. Для выхода из кризиса Совет предложил создать комиссию с его участием для расследования актов насилия, дать обещание отказаться от репрессий и снять с должностей контрреволюционных офицеров. Если эти требования не будут выполнены, Совет грозил забастовкой.

Выступивший на заседании Ташкентского совета председатель Туркестанского комитета Временного правительства В. П. Наливкин обещал добиваться возвращения с пути карательной экспедиции. Но она продолжала двигаться к Ташкенту. 20 сентября Совет начал забастовку, которая распространилась по линии железной дороги, а Наливкин объявил Ташкент на военном положении и запретил всякие демонстрации, митинги и собрания¹⁸.

24 сентября Коровиченко, назначенный генеральным комиссаром Туркестана, прибыл в район Ташкента с отрядом пехоты и казаков с броневидами и легкой артиллерией. 24–25 сентября Совет и Стачком заседали в присутствии Коровиченко и потребовали отменить военное положение в Ташкенте, образовать следственную комиссию по расследованию действий Турккомитета из представителей демократических организаций, краевого съезда Советов, Ташкентского Совета и Центрального бюро профсоюзов, прекратить аресты представителей Советов и демократических организаций, привлечь к ответственности организаторов разгрома «Дома свободы», прекратить без санкции Ташсовета вывод войск из Ташкента, стоящих на стороне Ташсовета, и не допускать в их отношении никаким репрессий. Коровиченко отверг эти требования и создал следственную комиссию для предания членов ревкома военному суду¹⁹. Однако 26 сентября он согласился на уступки – обещал не прибегать к репрессиям и не расформировывать и не перемещать части без согласия Совета²⁰.

27 сентября забастовка была прекращена по решению Совета. По «июльской» логике в Туркестане должны были начаться репрессии против левых. Действительно, 3 октября юнкерами школы прапорщиков и казаками была занята типография штаба округа и конфискована «Наши газета» — орган Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов. Коровиченко приступил к рассылке солдат революционной Крепостной роты по другим гарнизонам.

Но ситуация в стране была уже другой, и ташкентские левые прекрасно это понимали. Ташсовет 13 октября предложил солдатским комитетам не исполнять приказов без санкции исполкома Совета.

¹⁸ Тимошков С. П. Указ. соч. С. 291.

¹⁹ Там же. С. 293.

²⁰ Иноятов Х.Ш. Указ. соч. С. 114.

На II краевом съезде советов большевики попытались переизбрать Крайсовет, но съезд 10 октября раскололся – меньшевики и эсеры ушли с него, лишив съезд представительности.

18 октября Коровиченко разоружил и арестовал стоявшую на стороне Ташкентского Совета крепостную артиллерийскую роту. Это было последнее, что он успел сделать до того, как в Ташкенте узнали о свержении Временного правительства. Коровиченко вовсе не собирался сдаваться на милость Совета. Теперь вопрос о власти в Ташкенте предстояло решить силой – как в Москве и Киеве, где соотношение сил в конце октября было не таким очевидным, как в Петрограде.

В ночь на 1 сентября большевики внесли отвергнутую ЦИКом резолюцию «О власти» в Петросовет. При обсуждении большевистской резолюции лидеры социалистов стали демонстративно искажать ее содержание, подчеркивая свои разногласия с большевиками. Так, Церетели, опровергая ее, стал доказывать, что нельзя передавать власть одному пролетариату, хотя большевики выступили за власть рабочего класса и крестьянства. Представитель эсеров Болдырев стал спорить с аграрным пунктом резолюции, который практически повторял предложения Чернова. Это выглядело как ревность²¹. Такая реакция свидетельствовала, что умеренные социалисты не были готовы к созданию реального левого фронта.

При голосовании большевистская резолюция победила – впервые за всю историю Петросовета. Победа большевиков в Петросовете была еще неустойчивой – в голосовании приняло участие меньше половины депутатов.

И тогда эсеровско-меньшевистский президиум Петросовета вместо поиска компромисса попытался перейти в контрнаступление. Он подал в отставку, чтобы заставить депутатов отказаться от поддержки большевиков. В ответ Троцкий и Каменев выдвинули проект создания президиума не большинством Совета, как раньше, а из представителей всех фракций. Таким образом они получили поддержку малых фракций и моделировали будущую советскую коалицию. Но меньшевики и эсеры не оценили и этой уступки.

Троцкий и Каменев стремились к небольшой сдвиге власти в Петросовете, но лидеры меньшевиков и эсеров, поставив на карту свои посты в президиуме, спровоцировали серьезный сдвиг.

²¹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. С. 256, 265–266.

9 сентября, когда в Петросовете собрался убедительный кворум – 1000 депутатов, большевики одержали решительную победу. Их резолюцию поддержали 519 депутатов. Группа меньшевиков и эсеров, известная как «звездная палата», потеряла руководство Петросоветом.

Большевики теперь преобладали в президиуме и Исполкоме Петросовета, который стал превращаться в их вотчину. Наиболее видные фигуры эсеров и меньшевиков, руководившие до этого Петросоветом, теперь сосредоточились на работе в ЦИКе. Успех большевиков был закреплен в ходе перевыборов депутатов Совета на ряде предприятий Петрограда²².

25 сентября Петросовет возглавил Троцкий. В этот день Петросовет принял резолюцию, в которой выражал уверенность, что «Всероссийский съезд Советов р. и с. д. создаст истинно революционную власть». При этом Петросовет призывал пролетарские и солдатские организации воздерживаться «от всяких частичных выступлений»²³.

Большевизация в сентябре охватила Москву, Киев, Ташкент, десятки городов по всей стране, воинские части, в том числе – на Северном фронте, приближенном к Петрограду. Лозунги большевиков соответствовали настроениям отчаявшихся людей на фронте и в городах, которые требовали не слов, а действий. На выборах в Московскую городскую думу большевики получили более половины голосов.

Большевизация не облегчила дело компромисса – умеренные социалисты, потерпев поражение, не желали дальше отступать. Теперь большевики согласились бы только на роль равноправных партнеров, а на это «вожди демократии» не рассчитывали. Эсеры и меньшевики лишний раз убедились, что их позиции в Советах ослабевают, что на Советы опасно опираться правительству.

Казалось, настал идеальный момент для создания однородного правительства социалистов (с большевиками или без), опирающегося на Советы и другие общественные организации. Но мог ли его возглавить Керенский, приверженец социал-либеральной коалиции? Керенский создал Директорию, составленную из его команды, а не из представителей партий. Проводить социальные преобразования Керенский не собирался, его популярность стремительно падала, утягивая за со-

²² Подробнее см.: *Смирнова А. А.* От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае – ноябре 1917 года. СПб., 2006. С. 250–252.

²³ Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. М., 1957. С. 126.

бой и «рейтинги» социалистических партий. Даже в руководстве ПСР стали приходиться к выводу, что стране нужен другой премьер. Точка зрения Чернова о недопустимости коалиции с кадетами возобладала. Что же, ПСР скажет свое решающее слово за правительство социалистов, опирающееся на Советы?

Но опираться на большевизирующиеся Советы – опасно. Умеренные социалисты все еще искали «революционных» либералов, которые могли бы соответствовать догме о представительстве класса буржуазии во власти, служить противовесом левому крылу «демократии» и в то же время не мешать проведению назревших и перезревших преобразований. Но в реальной России не имелось влиятельной партии «демократии», которая не была бы при этом социалистической. Проект Революционно-демократической партии «не пошел» – она не пользовалась влиянием в среде буржуазии, да и вообще в какой-либо социальной среде. Как иронизировал Троцкий, «где эта буржуазия, с которой они хотят коалироваться? Буржуазия, газет не имеющая, политической партии не образующая, в думах и земствах не сидящая?»²⁴

Чернов продолжал настаивать: «Социалисты должны сказать, что нужна коалиция не только с социалистами, но просто с демократами, с которыми нам по пути до известного предела»²⁵. Если социалисты возьмут власть одни, без буржуазии, как предлагают большевики и левые эсеры, то им скажут: «Где же ваш социализм?»²⁶ Получалось, что партнеры нужны социалистам для того, чтобы сваливать на «общедемократов» недостатки новой политики и подождать с началом социалистических преобразований. Предстояли выборы, и эсеры не хотели отвечать за то, что социалистическая политика не сможет дать быстрого улучшения ситуации.

Но еще важнее и долгосрочнее был фактор личных связей эсеровских лидеров. Ведь если создавать однородное демократическое правительство (а на это были согласны и правые большевики), то придется не только расстаться с Керенским, но и вступить в конфликт с правым крылом эсеров. Пройдя огонь, воду и медные трубы, ветераны партии меняли взгляды в разных направлениях, но прошлое в большей степени связывало Чернова с правым крылом ПСР, ориентировавшимся на Керенского, чем с левым, искавшим компромисса с грубыми и агрессивными большевиками. Чернов считал невозможным «отсечь» «бабушку» Брешко-Брешковскую и Авксентьева (а значит, и поддер-

²⁴ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. С. 343.

²⁵ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. С. 761.

²⁶ Там же. С. 749.

жанного ими мартовского эсера Керенского, которого сам же публично критиковал): «Я не намерен ломом разрушить то здание, которое мы – кучка людей – строили по камням»²⁷.

Позднее, обдумывая причины поражения эсеров, Чернов утверждал: «Исключительно потому, что ПСР не оказалась достаточно сплоченной и решительной, чтобы возглавить во второй половине 1917 г. нарастающую революцию, взяв власть, которая сама шла ей в руки, – исключительно поэтому революционная волна перекадилась через ее голову, вынеся на своем гребне партию большевиков, которая, повинаясь логике событий, похитила у партии с.-р. важнейшие лозунги, составлявшие ее силу, только для того, чтобы изуродовать и извратить их на практике...»²⁸

Но ПСР потому и не смогла возглавить «нарастающую революцию», что была еще относительно единой, чтобы правое крыло могло парализовать Чернова и партийный центр в их стремлении к углублению революции. Попытки Чернова «создать в сентябре 1917 г. правительство из социалистических партий, чтобы выбить козыри из рук большевиков и продержаться до Учредительного собрания, были блокированы Н. Д. Авксентьевым, И. И. Фондаминским, В. М. Зензиновым, А. Р. Гоцем»²⁹. **Чтобы сплотиться в проведении курса на углубление революции, следовало сначала размежеваться с правыми в ПСР, как бы ни велики были их прежние заслуги.** А на это Чернов и другие центристы не решились.

В результате Виктор Михайлович Чернов, один из самых популярных людей страны и признанный лидер одной из самых популярных партий, на глазах терял авторитет. Стремясь сохранить единство с правым крылом партии и в то же время во многом сочувствуя левому, он воздерживался при решающих голосованиях на Демократическом совещании, и в результате полевевший эсеровский партийный центр потерял влияние, а левым эсерам не осталось другого пути, кроме раскола, что ослабляло именно тех эсеров, которые все еще оставались революционерами-социалистами.

Не удивительно, что «крупнейшая и одна из влиятельнейших партий России в 1917 г. в ответственные и переломные моменты революции и Гражданской войны оказалась фактически неуправляемой из-за раздиравших ее на части (как в переносном, так и в прямом смысле этого слова) внутрипартийных разногласий»³⁰. Решить эту проблему

²⁷ Там же. С. 757.

²⁸ Цит. по: Морозов К. Н. Указ. соч. С. 475.

²⁹ Там же. С. 482.

³⁰ Там же. С. 476.

можно было только отколом от партии правого или левого крыла. Идейно Чернов и центристы были ближе к левым, организационно – к правым.

Чернов колебался между сохранением единства партии и прямой атакой на Временное правительство, между коалицией без кадетов и коалицией социалистов. Чернов писал в октябре, что коалиционное правительство «висит в воздухе» и «сейчас массы тянутся именно к социалистическим лозунгам и партиям, а следовательно, пришел их исторический черед – показать свою способность спасти родину и революцию»³¹. Но Чернову не хватило воли, чтобы прямо и решительно выступить за это, объединив вокруг левого центра ПСР сторонников социалистической коалиции от правых большевиков до левых меньшевиков и левых эсеров. Осознание необходимости социалистического правительства пришло к нему слишком поздно, а понимание опасностей, которые встанут перед социалистическим правительством, заставляло колебаться и ждать Учредительного собрания, которое, как казалось, придаст социалистическому правительству дополнительный авторитет в решении его крайне трудных задач. Чернов понимал, что большевики в этих условиях могут перехватить инициативу, но не верил, что им удастся удержаться. Ведь большевикам «придется у власти делать все то, что они предавали анафеме в оппозиции»³².

Политической перегруппировке препятствовало и «отставание» от ситуации большинства провинциальных организаций соцпартий, где не готовы были принимать размежевание социалистов на правых и левых.

Подробнее соображения довели и над правыми большевиками – они не могли пойти на раскол с Лениным ради того, чтобы договориться с Черновым и Мартовым. **Чтобы компромисс левых получился, к нему должны были одновременно стремиться и Чернов, и Гоц, и Мартов, и Дан, и Ленин. Ленин прозондировал готовность социалистов к компромиссу и убедился, что ее нет.** Это подтверждала и конфронтационная позиция социалистов в Петросовете 9 сентября. Уже 12 сентября Ленин отказался от своих компромиссных предложений и пришел к выводу: «Большевики должны взять власть», причем с помощью восстания. Других средств преодоления кризиса нет.

Но Ленин находился не в Петрограде, а в Финляндии. А реально руководившие партией Каменев и Троцкий попытались еще раз надавить на социалистов в ходе Демократического совещания.

³¹ Цит. по: Юрьев А. И. Указ. соч. С. 103–104.

³² Там же. С. 104.

Демократическое совещание

Неустойчивость власти заставляла победителей Корнилова искать возможности создания широкого органа, который мог обеспечить более широкую опору власти, играть роль парламента на время до Учредительного собрания. Надежды возлагались на созванное 14–22 сентября Советами, партиями, профсоюзами, земствами, кооперативными и другими общественными организациями Демократическое совещание. Совещание должно было определить принципы формирования правительства и создать авторитетный «временный революционный парламент», перед которым правительство будет ответственно.

Но Демократическое совещание было сконструировано так, чтобы большевики и другие радикалы уравнивались не-социалистами. Из более чем полутора тысяч делегатов 300 представляли городское самоуправление, 200 – земства, 230 – Советы рабочих и солдатских депутатов, 120 – кооперативы, 100 – профсоюзы. Среди делегатов совещания было 532 эсеров (в основном центристов и особенно правых, левых – только 71 человек), 172 меньшевика (из них только 56 левых), 134 большевика, 55 энесов и 17 беспартийных.

По мнению Логинова, распределение мандатов «уже не соответствовало реальному соотношению сил в стране»³³. Это верно, потому что само соотношение было неизвестно никому. Если считать его по количеству граждан, готовых голосовать за ту или иную партию, то соотношение стало известно только после выборов в Учредительное собрание. Оказалось, что влияние эсеров и большевиков было несколько недооценено, а меньшевиков и энесов – переоценено. Искусственный подбор участников обеспечивал центристам перевес над радикалами. Но левые центристы в этих условиях могли выступать только в союзе с правыми центристами. А это похоронило сам замысел «однородной демократической власти» без кадетов.

Почувствовав отсутствие единства среди социалистов, правительство заявило, что решения совещания не имеют для него обязательной силы. И оно пока могло сохранять свои самодержавные prerogatives – ведь новый протопарламент не ставил ультиматумов, не угрожал в случае чего отказать правительству в доверии. Он лишь выявлял мнение влиятельных социальных структур. Впрочем, Керенский не преминул выступить на совещании и попросить доверия правительству. После корниловской истории Керенский уверовал в свою популярность и непотопляемость: «Не думайте, что я вишу в воздухе. Имейте в виду, что

³³ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 382.

если вы что-нибудь устроите, то останятся дороги, не будут передаваться депеши (одни рукоплещут, другие смеются)»³⁴. Керенский думал, что во время корниловского выступления массы защищали его...

Между тем совещание было далеко от того, чтобы выразить доверие Керенскому и формируемому им правительству. Оно взялось обсуждать, каким должно быть это правительство – коалиционным (то есть с кадетами) или «однородно-демократическим».

Правые большевики еще надеялись, что социалисты не пойдут в Каноссу к кадетам. При обсуждении позиции Петросовета на совещании Каменев делал реверансы в сторону Чернова, разоблачившего накануне политику правительства Керенского. Но под влиянием ситуации в партии большевиков Каменев радикализовал требования по сравнению с резолюцией 31 августа: «Если мы хотим спасти Россию, мы должны сказать, что власть должна находиться в наших собственных руках – Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов. Не буржуазия и не единоличные правители»³⁵.

Троцкий в своей речи попытался опереться на недовольство Керенским, чтобы показать – пропасть между большевиками и социалистами не так велика, и для заключения соглашения нужно лишь избавиться от действующего премьера и режима, который он символизирует: «Товарищи, если у нас много разногласий, – а у нас их много – относительно прошлого коалиционного и относительно будущего, то я спрашиваю вас: есть ли у нас разногласия относительно того правительства, которое сейчас правит и говорит именем России. Я здесь не слышал ни одного оратора, который взял бы на себя мало-завидную честь защищать пятерку, Директорию, или ее председателя Керенского...» Слова Троцкого были прерваны сначала аплодисментами, затем шумом, а потом выкриками: «Да здравствует Керенский! Вон! Довольно!»³⁶ Такая поддержка Керенского против большевиков обескуражила оратора, но он перестроился, развернув атаку с личности Керенского на существующую систему власти: «Именно наша партия никогда не была склонна возлагать ответственность за этот режим на злую волю того или другого лица». Керенский стал «механической точкой будущего русского бонапартизма». Объектом борьбы является «государственная власть, как тот аппарат, при помощи которого можно либо отстаивать собственность, либо провести в ней

³⁴ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 180.

³⁵ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Т. 4. С. 335. Резолюция большевиков была сформулирована более абстрактно, предлагая передать власть не именно Советам, а организациям рабочих, солдат и крестьян. Это оставляло открытой дверь для проекта эсеров и меньшевиков дополнить базу правительства другими организациями трудящихся (С. 352).

³⁶ Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов. М., 2002. С. 206.

глубокие социальные изменения»³⁷. Именно потому коалиция пользуется поддержкой буржуазии, что она парализовала любые изменения в отношениях собственности. Социалисты попали с коалицией в «политический капкан», а для третьей роли между буржуазией и «демократией» требуется Бонапарт, которого Троцкий видел в Керенском³⁸.

Но Церетели показал, что эта аналогия неудачна и большевики несут свою долю ответственности за русский бонапартизм – ведь гораздо больше на Бонапарта похож Корнилов, и этот «первый русский Бонапарт в условиях, когда торжествовала революция, задумывая нанести удар этой революции, сумел революционные полки привести против революционного Петрограда под знаменем борьбы с большевизмом; вам придется это объяснить»³⁹.

Для большевиков это было еще одним сигналом в пользу того, что «соглашатели» ищут повода, чтобы не соглашаться на смену конструкции власти. Большевики пытались все же убедить социалистов, пугая их, что терпение народа может вот-вот лопнуть: «Народ истощен войной, но едва ли не более еще он измучен нерешительностью, истерзан колебаниями политики руководящих политических партий»⁴⁰, – говорилось в декларации РСДРП(б) от 18 сентября.

Большевистские ораторы не оставляли надежд нащупать компромисс с социалистами. По словам Каменева, выступавшего от имени большевиков, само Демократическое совещание было правомочно создать правительство, ликвидировав тем самым «коалицию, которая опирается на режим личных и диктаторских поползновений отдельных лиц»⁴¹. Создавать коалицию с буржуазией бессмысленно, так как партия кадетов показала свою контрреволюционность, а другой влиятельной партии буржуазии нет. «Трудовые массы лучше справятся со своими делами, чем их классовые противники»⁴². Значит, власть должны создавать социалистические партии без «цензовиков».

Эта идея была с теми или иными оговорками поддержана левыми эсерами и меньшевиками. Мартов от имени большинства ВЦИКа, полеевшего за корниловские дни, зачитал декларацию, в которой было выдвинуто требование «решительно отвергнуть всякое соглашение с цензовыми элементами, всякую безответственную власть, власть единичную и коллегиальную, и приложить свои силы к делу создания ис-

³⁷ Там же. С. 207–208.

³⁸ Там же. С. 208.

³⁹ Там же. С. 217.

⁴⁰ Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. С. 41.

⁴¹ Из истории борьбы за власть в 1917 году. С. 156.

⁴² Там же. С. 157–158.

тинно революционной власти, способной разрешить неотложные задачи революции и ответственной, впредь до Учредительного собрания, перед полномочным представительством трудящихся народных масс»⁴³.

Даже меньшевик Б. О. Богданов, который еще недавно защищал коалицию с кадетами, теперь видел в ней причину бездействия правительства и заявил: «Таким образом, единственный выход – власть должна быть не коалиционной, власть должна перейти в руки демократии, не к Сов. Р. и С. деп.⁴⁴, а в руки той демократии, которая сегодня здесь достаточно полно представлена»⁴⁵. Эту позицию поддержали и другие умеренные социалисты, например лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания. «Жордания, как огромная глыба, как старый кавказский Эльбрус, вдруг оторвался от родного хребта и величественно поплыл к другому берегу»⁴⁶, – иронизировал Луначарский. А между тем это была важная тенденция: либералы сделали все, чтобы доказать – с ними нельзя создавать демократическое правительство. Демократию нужно строить без них. И в Грузии социал-демократы пойдут по пути отказа от коалиции с либералами.

Как видим, неверна распространенная благодаря коммунистическим историкам точка зрения о том, что и на Демократическом совещании «лучшие меньшевистские и эсеровские ораторы, меняя друг друга на трибуне, вдалбливали одно: спасти страну можно только вместе с буржуазией, вновь передав ей бразды правления»⁴⁷. Такие меньшевистские ораторы, как Богданов, а еще последовательнее – Мартов, часть эсеров, «вдалбливали» нечто противоположное. И даже Церетели и Дан не собирались передавать буржуазии все бразды – разве что делиться. Позиции эсеров разошлись налево и направо при колебавшемся Чернове.

Однако даже такие меньшевики, как Дан, считавшие до начала совещания разрыв с кадетами совершенно необходимым, вскоре сдали позиции и стали отстаивать другой подход – выработки демократической платформы и «участия в правительстве всех групп, готовых эту платформу проводить в жизнь»⁴⁸. Этот фокус уже помог Керенскому сфор-

⁴³ Там же. С. 200. Дан, непривычно для себя представлявший не большинство, а меньшинство ВЦИК, призывал звать цензовые элементы к сотрудничеству. Но только такие, которые не скомпрометированы участием в корниловском заговоре и готовы выполнять демократическую программу, оглашенную на Государственном совещании Чхеидзе. То есть речь шла не о кадетях, а о каких-то буржуазных специалистах.

⁴⁴ В документе здесь опечатка, вместо «деп.» – «дем.».

⁴⁵ Из истории борьбы за власть в 1917 году. С. 157.

⁴⁶ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 178.

⁴⁷ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 394.

⁴⁸ Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция. Мемуары. М., 1999. С. 136.

мулировать коалицию в июле. Понятно, что даже если бы кадеты при-
сгнули на верность демократической платформе, они могли бы ее спо-
койно дальше саботировать. Причина нового сдвига социалистических
лидеров вправо заключалась в позиции представителей земств и коопе-
раторов, без которых социалисты считали базу власти слишком узкой. А
представители этих структур были очень тесно связаны с либеральны-
ми и буржуазными силами. Земства по самой своей структуре являлись
коалиционными органами, потому что должны были учитывать мнения
всех своих фракций, а значит, и кадетов. Они сами превратились в теле-
гу из басни про лебедя, рака и щуку, что для земств было даже и терпи-
мо, но для революционного правительства – уже смертельно.

Кооператоры колебались. С одной стороны, они множеством ни-
тей оказались связаны с частным капиталом. С другой – в их среде
выделилось левое крыло рабочих потребительских обществ. 11 сент-
ября на чрезвычайном кооперативном съезде развернулась полеми-
ка между центром и левыми. Совет съездов кооператоров предложил
принять такую позицию на Демократическом совещании: «Образовать
временный блок кооперативных организаций с теми течениями соци-
алистических партий, которые стремились и стремятся к закреплению
завоеваний революции и к социальным реформам»⁴⁹. Однако эта цель
контрастировала с предложенным средством: добиваться создания
«национального коалиционного правительства с участием представи-
телей различных социальных групп как революционной демократии,
так и буржуазных, способных подчинить свои личные и классовые ин-
тересы общим государственным интересам»⁵⁰. Это была та же модель
правительства, которая мешала проведению социальных преобразова-
ний, только теперь без кадетов, а с неясными представителями буржу-
азии, которые готовы были подчинить свои классовые интересы. Если
нужны политики, которые не будут следовать классовым интересам,
то почему они буржуазные. А если нужны именно буржуазные, то из
чего следует, что они наступят на горло своей буржуазности. В этой
формулировке чувствовалась попытка прикрыть классовой схоластикой
нежелание брать ответственность, сузить фронт власти ради проведе-
ния преобразований.

Рабочая группа предлагала выступить за «создание сильной рево-
люционной власти, способной провести в жизнь программу, оглашен-
ную на государственном совещании... и объединившую вокруг себя
всю демократию»⁵¹. Эти два подхода отличались акцентами и соот-

⁴⁹ Цит. по: *Корелин А. П.* Кооперация и кооперативное движение... С. 352.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

ветствовали позиции центристских фракций социалистических партий. Но единство целей не вело к единой позиции в главном – какому всё-таки быть правительству. От имени кооперации на Демократическом совещании выступил А. М. Беркенгейм, который повторил меньшевистскую точку зрения о том, что раз революция буржуазная, то и проводить можно «только те социальные реформы, которые присущи буржуазному строю», а значит и власть без буржуазии создавать нельзя. 140 представителей кооперации голосовали за коалицию, и только 23 – против»⁵².

По мнению меньшевика Дана, «переоценивая вес и значение своей «почвенной» связи с массами и относясь поэтому даже с оттенком презрения к большевизму как явлению налетному и едва ли не «столичной» выдумке, не имеющей «корней» в «низах», представители «не-советской» демократии не только не видели необходимости в резком разрыве с политикой коалиции, но наотрез отказались участвовать в чисто демократической власти»⁵³.

Более левое правительство, опирающееся на широкие демократические круги, вплоть до большевиков, имело все шансы дожить до Учредительного собрания. Но даже социалисты-центристы, не говоря уже о правых крыльях социалистических партий, не желали коалиции с большевиками. В этот период уступчивость демонстрировали как раз большевики, лидером которых на совещании был Каменев.

Каменев заявил: «Мы, большевики, считаем однородное демократическое министерство, созданное на Совещании, единственно возможным до Съезда Советов и обеспечивающим мирное развитие революции. Такому министерству никаких угроз слева не будет»⁵⁴. Это был шанс обезопасить правительство от большевистской угрозы, но социалистов смущал короткий срок жизни такого нового правительства, которое должно будет сдать власть не Учредительному собранию, а Съезду Советов. Ради того чтобы игнорировать позицию правого крыла Демократического совещания, социалисты-центристы должны были хотя бы получить гарантии большевиков, что те будут поддерживать новое правительство до Учредительного собрания. Дан спросил Каменева, согласны ли большевики поддерживать

⁵² Там же. С. 353.

⁵³ Дан Ф. Указ. соч. С. 136.

⁵⁴ Руднева С. Е. Демократическое совещание. Сентябрь 1917 г. История форума. М., 2000. С. 195.

правительство, созданное ЦИКом. Посовещавшись со своей фракцией, Каменев ответил, что поддержка гарантирована до II съезда Советов, то есть всего на месяц⁵⁵. Дан и его союзники сочли этот срок поддержки недостаточным. Но это был очень важный месяц, и, начав решительные действия, социалисты могли изменить ситуацию также на II съезде Советов.

Лидеры ЦИК Советов, впрочем, относились к идее скорого созыва II съезда без восторга. Съезд означал перевыборы ЦИК, причем явно в пользу большевиков. Да и стоит ли отвлекать силы во время предвыборной кампании в Учредительное собрание? Однако под угрозой того, что дело созыва съезда возьмут в свои руки Петросовет и Моссовет, ЦИК 23–26 сентября согласился заняться созывом II съезда советов рабочих и солдатских депутатов 20 октября⁵⁶.

В то же время, выбирая между перспективой неустойчивого социалистического правительства и капитуляцией перед блоком кадетов и «несоветских демократов», лидеры ЦИКа предпочли капитуляцию. Умеренные социалисты не хотели брать на себя полную ответственность за ситуацию в стране, потому что быстрого улучшения социально-экономической ситуации не стоило ждать при любом правительстве. Как говорил М. И. Скобелев: «Не более блестящие результаты в области хозяйственных вопросов будут у Врем. Прав. однородных социалистов и большевиков, чем у прежнего правительства... Широкие массы от их мероприятий в ближайшие месяцы не получат достаточно ощутительных результатов... Они так же проклянут эту власть и окружают ее ненавистью, как и всякую другую власть, неспособную дать на другой день хлеба и мира»⁵⁷.

Но в том-то и дело, что все равно нужно было рано или поздно решать углубляющиеся проблемы – так или иначе. И чем позднее – тем хуже становились стартовые условия преобразований. Однородное социалистическое правительство, начав их, не снискало бы всеобщей любви, но на его сторону встала бы та часть общества, которая начала бы выигрывать от перемен, – прежде всего крестьяне, получившие землю, и демобилизованные солдаты, если было бы заключено перемирие и сокращена армия. И уже одно это создало бы новой власти большую поддержку, чем имела коалиция. Такое правительство не испытывало бы сильной конкуренции слева, потому что оно могло начать осуществлять требования, приносившие теперь популярность большевикам.

⁵⁵ Дан Ф. Указ. соч. С. 137–138.

⁵⁶ Второй всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. М.; Л., 1928. С. XLVIII.

⁵⁷ Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов. С. 184.

Разумеется, по мере проведения такой политики началась бы новая поляризация в революционном лагере, усиление сопротивления со стороны консервативных слоев населения. Но этот виток борьбы развернулся бы уже после Учредительного собрания, которое придало бы революционному режиму дополнительную устойчивость и легитимность.

К тому же, как говорил левый эсер Б. Д. Камков, революционная политика могла «создать революционный энтузиазм в стране в широких народных массах...»⁵⁸. А сохранение политики коалиции не породило ничего, кроме уныния и раздражения.

Даже без большевиков социалисты могли создать жизнеспособную конструкцию временной власти, если бы Демократическое совещание действительно создало полномостный центристский Временный парламент (Предпарламент), опирающийся на правую часть Советов и левую часть земств. Страна ждала перемен, и это было важнее, чем включение в правительство большевиков и провозглашение власти Советов. Большевики не смогли бы свергнуть правительство, которое решительно перешло к выполнению программы «однородной власти». Им волей-неволей пришлось бы ждать кризиса уже этой новой политики. Судьбу революции определяло то, станет ли новая власть проводить социальные преобразования или нет, будет она идти навстречу требованиям «низов», которые выдвигались через демократические структуры, или сохранит повисшую в воздухе бездеятельную коалицию. Представители социалистических партий уверенно обещали, что новое правительство начнет выполнение программы 14 августа и в нем не будет кадетов.

Собственно, в этом заключался последний шанс демократии. Проведение глубоких (пусть и не социалистических) преобразований было неизбежно, их могла начать либо социалистическая («демократическая») коалиция (но не либерально-социалистическая), либо одна радикальная партия. Но только широкая коалиция могла сдерживать углубляющиеся с каждым шагом таких реформ конфликты, не давая им сорваться в гражданскую войну.

19 сентября вопрос о власти был поставлен на голосование. 766 делегатов против 688 проголосовали за коалицию как принцип построения власти (решающую роль сыграли голоса земств и кооперативов). При этом Чернов, например, воздержался. Затем голосовались поправки, которые должны были выяснить, какой может стать новая коалиция. Большинство делегатов поддержали две поправки – в правительство не могли входить люди, причастные к заговору Корнилова, и «за пределами коалиции остается вся партия кадетов». Эта поправка была

⁵⁸ Там же. С. 203.

принята большинством 595 делегатов против 493 при 72 воздержавшихся⁵⁹.

Она поставила планы сторонников Керенского и других адептов либерально-социалистической коалиции на грань срыва. Гоц заявил, что эсеры будут голосовать против резолюции в целом. Но и большевиков идея коалиции не устраивала. В итоге резолюция теперь вообще мало кому нравилась. Ее поддержало 183 делегата против 813 при 80 воздержавшихся⁶⁰. Совещание осталось без резолюции.

Капитуляция демократии

Пришлось собирать совещание фракций для согласования приемлемого варианта. При этом по предложению Церетели решили не разезжаться, пока собрание не выработает «условия организации и функционирования власти в приемлемой для демократии форме»⁶¹.

Церетели продолжал повторять прежние аргументы в защиту коалиции, уверяя, что «включение цензовых элементов не должно отозваться на демократическом характере власти и на ее демократическом характере»⁶². Но это легко опровергалось опытом коалиции, где цензовики по существу накладывали вето на меры социалистов. А в условиях, когда левые массы считали «цензовиков» «корниловцами», союз с ними делал правительство Керенского совсем непопулярным (правые после корниловской истории Керенского вовсе считали предателем, а левые только подозревали его в предательстве). Даже Церетели покритиковал Керенского за отрыв от организованной демократии.

На межфракционном совещании Дан от имени большинства меньшевиков предложил не заикливаться на составе кабинета, а создать правительство, готовое выполнять программу Чхеидзе 14 августа и ответственное перед органом, избранным Демсовещанием.

Большинство совещания (часть эсеров, большевики, меньшевики-интернационалисты) выступило за однородное демократическое правительство (то есть без кадетов). Большинство же (но уже без большевиков) сочло, что правительству следует стоять на платформе 14 августа с дополнением об активной политике мира. Единогласно решили, что новое правительство должно быть ответственно перед избранным на демократическом совещании представительным орга-

⁵⁹ Руднева С. Е. Указ. соч. С. 185–189.

⁶⁰ Там же. С. 189–191.

⁶¹ Там же. С. 192.

⁶² Из истории борьбы за власть в 1917 году. С. 169.

ном. Правда, затем большинством голосов решили пополнить этот орган цензовыми элементами, но так, чтобы «демократия» осталась в большинстве⁶³.

В ночь на 21 сентября демократическое совещание большинством голосов подтвердило эти принципы, хотя большевики, левые эсеры и интернационалисты энергично возражали против пополнения совещания и правительства цензовыми элементами.

Доходило и до скандалов, когда большевики обвиняли в подтасовках Церетели, готовившего формулировки для голосования. Церетели в ответ заявил, что, «говоря с товарищами большевиками, я буду брать нотариуса и двух писцов»⁶⁴.

Но лучше бы нотариуса и писцов брали сторонники однородного демократического правительства, составлявшие большинство на Демократическом совещании. Итоговое постановление, поставленное на голосование уставших делегатов, уже не содержало ни положения о создании правительства Демократическим совещанием или его органом, ни отказа кадетам в праве войти в правительство. Здесь говорилось, что представительному органу поручается «содействовать созданию власти», а не сформировать ее. Резолюция допускала привлечение в правительство «цензовых элементов» (то есть правых партий)⁶⁵. Это была очевидная сдвигка в сторону докорниловской коалиции.

Сторонники линии Керенского смогли обвести вокруг пальца товарищей по социалистическим партиям.

Наступил момент истины. Чтобы отстоять свои принципы, большинство членов ЦК ПСР и РСДРП должны были отказаться от этой комбинации, а затем – от поддержки новой коалиции Керенского. Это вело бы к расколу социалистических партий. Ни Чернов, ни Мартов не решились на это. Большинство делегатов Демократического совещания проглотили пилюлю. Большевики и левые эсеры протестовали, но их возражения были отклонены. Стремясь сохранить единство своих партийных рядов в преддверии выборов, социалисты-центристы капитулировали перед правым крылом социалистов. Резолюция в целом была одобрена 829 голосами против 106 (часть большевиков уже ушла с совещания). Большевики заявили о капитуляции части собрания и его официальных руководителей перед буржуазией.

22 сентября Демократическое совещание избрало Всероссийский демократический совет, который считало предпарламентом. Однако оно не состоялось в этом качестве, так как правые круги и Керенский

⁶³ Руднева С. Е. Указ. соч. С. 196.

⁶⁴ Там же. С. 208.

⁶⁵ Там же. С. 206.

считали совет слишком левым. А настоять на своем лидеры Демократического совещания не решились.

Вскоре организаторов Демократического совещания ждало новое унижение – третья коалиция. Формировать новое правительство Директория начала еще 19 сентября, узнав об одобрении принципа коалиции Демократическим совещанием. Мнение совещания оставалось для Керенского консультативным – он не признавал это «частное собрание» государственным органом. Но социалистические партии постановили, что не пошлют своих представителей в правительство, если оно не послушается Демократического совещания.

22 сентября Керенский собрал свое совещание по созданию новой коалиции, пригласив тех, кого счел нужным: представителей Предпарламента, ЦК кадетов и московских общественных деятелей, среди которых доминировали представители бизнеса. Таким образом, состав этого совещания оказался даже правее, чем предыдущая социал-либеральная коалиция. При этом московские промышленники заявили, что не собираются входить в правительство, которое будет ответственным перед демократическим Предпарламентом.

В ходе дискуссии представители «демократии» Чхеидзе, Церетели, Дан, Гоц, Авксентьев и др. не стали настаивать, чтобы правительство было ответственно перед Предпарламентом и формально подтвердило верность программе 14 августа. Достаточно, если оно будет в основном следовать программе добровольно. На это правая часть совещания ответила отказом и потребовала исключить из программы правительства меры государственного регулирования, предусмотренные в программе 14 августа. Также исключили и ряд общедемократических требований, передачу земли в руки земельных комитетов... В общем, всё, что могло сдвинуть ситуацию с мертвой точки. Так были сданы последние позиции Демократического совещания, разрушены последние подпорки, которыми оно пыталось подкрепить шаткую власть Временного правительства.

К 26 сентября эти круги и согласовали состав правительства. В него вошло 5 представителей кадетов (в том числе такие предприниматели, как А. Коновалов и С. Третьяков, формально не числившийся в партии, но баллотировавшийся по ее списку), независимый либерал Терещенко, 3 эсера (включая Керенского), 3 социал-демократа, включая внефракционного Прокоповича, 2 трудовика, два военных (Верховский и Вердеревский, считавшие себя социалистами). Оказавши-

еся в правительстве социалисты не представляли здесь свои партии, за исключением Гвоздева, вхождение которого в правительство было санкционировано ЦК РСДРП(о)⁶⁶.

Министр-эсер С. Л. Маслов подготовил проект аграрного закона, который содержал важные уступки кадетам – сохранял землю за крупными эффективными капиталистическими хозяйствами. Возможно, это было разумно, помогало получить больше товарного хлеба, но непопулярно, так как сокращало фонд, передаваемый в руки крестьян. И оставшаяся помещичья земля передавалась не сразу, а через Временный аграрный фонд, который пока должен был сдавать землю в аренду крестьянам. Вроде бы эти меры решали задачи, за которые раньше боролся Чернов, – изъять большинство помещичьих земель у частных собственников в пользу государства для последующего рационального перераспределения (неудивительно, что принятие этого временного закона было снова заблокировано кадетами). Но в обстановке осени 1917 г. такие меры тоже не могли вызвать у крестьян ничего, кроме возмущения. Получалось, что земля опять уходит у них из рук, сохраняется ненавистная аренда.

Эсеры и меньшевики не заявили, что отказываются нести ответственность за политику правительства. В результате, не имея влияния на его политику, они продолжали нести ответственность за курс Керенского.

На этот раз Александр Федорович вообще сделал ставку не на политический ресурс, а на «деловые качества», как он их понимал, передав ключевые посты опытным «топ-менеджерам», либеральному блоку. Демонстративно сорвав планы создания более левого правительства, Керенский сохранил свою власть, но почти совершенно лишил правительство опоры. Считалось, что оно по инерции дотянет до выборов в Учредительное собрание.

Задуманный как главная политическая опора правительства, заседавший в Мариинском дворце Предпарламент (Совет республики) в итоге оказался безвластным и превратился в приложение к социал-либеральной коалиции. Он не обладал собственной способностью мобилизовать массы в поддержку Временного правительства. Более того, осознав свою безвластность, большинство депутатов Предпарламента предпочло занять в отношении правительства фрондирующую позицию, что особенно проявилось в решающие дни 24–25 октября.

⁶⁶Меньшевики. От революций 1917 года до Второй мировой войны. С. 64–65. При этом меньшевики-интернационалисты требовали, чтобы ЦК поставил остальных министров-меньшевиков вне партии. 8 октября ЦК оповестил Никитина и, вероятно, Прокоповича, что отказывается нести ответственность за их действия. Никитин формально подал в отставку, которая была проигнорирована Керенским, и продолжил работать. Только 21 октября ЦК РСДРП(о) под давлением левого крыла потребовал от трех министров-меньшевиков выйти из партии, так как их действия несовместимы с ее политикой. Но через четыре дня вопрос разрешился сам собой.

26 сентября президиум и совет старейшин Всероссийского демократического совета кооптировал в его состав 120 представителей цензовых элементов и 20 представителей казачества (из 555 членов). Только после этого Временное правительство согласилось признать этот орган хотя бы совещательным, переименовав его 2 октября во Временный совет Российской республики. По справедливому замечанию Чернова, «цензовики получили в нем представительство намного большее, чем то, какое им было потом дано выборами на основе всеобщего избирательного права»⁶⁷. Это было меньшинство (социалистические партии имели 258 депутатов против 75 у кадетов и 58 у большевиков), но оно имело возможность блокировать существенные инициативы (за счет беспартийных правых). Но главное – решения Предпарламента были для правительства вовсе не обязательными. Да и сам факт присутствия «контрреволюционной» партии кадетов компрометировал Совет республики в глазах радикальных масс. Идея однородной демократии и Предпарламента оказалась дискредитирована, а демонстративный выход большевиков из Предпарламента при его открытии 7 октября лишь укрепил их авторитет в стране.

Большевики использовали первый день работы Совета республики лишь для того, чтобы зачитать декларацию о своем уходе. Декларацию зачитывал Троцкий, который в самом ЦК большевиков выступал за бойкот Предпарламента с самого начала его работы. Итоги совещания были охарактеризованы большевиками в самых жестких выражениях: «Официально заявлявшиеся цели Демократического совещания, созванного ЦИК Советов р. и с. д., состояли в упразднении безответственного личного режима, питавшего корниловщину, и в создании подотчетной власти, способной ликвидировать войну и обеспечить созыв Учредительного собрания в означенный срок... «Совет Российской республики» объявлен совещательным учреждением; на восьмом месяце революции безответственная власть создала для себя прикрытие из нового издания булыгинской думы.

Цензовые элементы вошли во Временный совет в таком числе, на которое, как показывают все выборы в стране, они не имеют никакого права...

Мы, фракция социал-демократов большевиков, заявляем: с этим правительством народной измены и с этим Советом контрреволюционного попустительства мы не имеем ничего общего»⁶⁸.

⁶⁷ Чернов В. М. Перед бурей. М., 1993. С. 335–336.

⁶⁸ Второй Всероссийский Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Сборник документов. С. 60–61.

Зато, по словам скептически настроенного депутата Н. Н. Суханова, состав Совета республики «был исключительно блестящ. Он сосредоточивал в себе поистине цвет нации. Этим он обязан был именно невиданному способу его составления. Все политические партии и общественные группы посылали в Предпарламент *лучших людей*, не подвергая их риску уступить на выборах место популярному, но незначительному герою местного провинциального муравейника... В Предпарламенте были представлены *in corpore*⁶⁹ все партийные центральные комитеты, исключения были случайны и несущественны. Уже одно это знаменовало собою концентрацию политической *силы*, квинтэссенцию всей политической *мысли* страны...»⁷⁰

На что же была направлена эта сила и мысль? На обсуждение внешней политики, вопросов войны и мира. Предпарламент раздирали противоречия. Как писал его участник Г. В. Гессен, «все словно чуяли, что это последний случай свести счеты, разоблачить ошибки, формулировать обвинения...»⁷¹ Подразумевается близящийся Октябрьский переворот, который прервал эти прения. В действительности участники острой предпарламентской полемики руководствовались не предчувствием переворота, а приближением выборов. Предвыборная кампания вышла на финишную прямую и требовала ярких обличительных речей. Она отвлекала внимание партийных лидеров от наступления большевиков.

В ходе дебатов и просто глядя вокруг, где надвигался новый виток революции, эсеры и меньшевики серьезно полевели. Суханов даже полагал, что «еще немного, и мы пришли бы тут же, в Мариинском дворце, к концу коалиции»⁷². Но это вряд ли. Совет республики в силу своей конструкции не мог стать самостоятельным центром власти. «Тут же, в Мариинском дворце» лишь социалисты могли на что-то решиться. Но на что? Отозвать социалистов из правительства? Но партии не контролировали левых министров. Только одно могло привести к замене коалиции Керенского новым демократическим правительством – союз социалистов с лидирующей в Петросовете партией, с большевиками. А придя к такому выводу в Мариинском дворце, социалистам нужно было бы идти на поклон в Смольный. После всего прошедшего это было бы очень трудно, и они не решились теперь на такой политический поворот. Лучше уж доплестись как-то до выборов

⁶⁹ В полном составе. Впрочем, Суханов упоминает важные исключения – Ленин, Плеханов и уехавший на Кавказ Церетели.

⁷⁰ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 234.

⁷¹ Гессен Г. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. М., 1993. С. 375.

⁷² Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 3. С. 257.

в Учредительное собрание, которые снова поменяют всю политическую конъюнктуру.

По мнению Суханова, «несмотря на юридическое бесправие, против Предпарламента коалиция существовать не могла»⁷³. Но Предпарламент был парализован теми же распрями, которые парализовали политику коалиции. Предпарламент не мог сменить правительство, но он не собирался и поддерживать его.

Правительство потеряло опору в активной части общества как раз в тот момент, когда его лидеры считали свое положение наиболее устойчивым. Керенский разгромил левых и правых, обвел вокруг пальца наивных политических говорунов. Еще два месяца, и он торжественно откроет Учредительное собрание, проведя корабль демократии сквозь бури и грозы...

В реальности Керенский не пользовался поддержкой ни в армии, ни в партиях, которые входили в правительство, ни в массовых организациях, представленных на Демократическом совещании, ни в обществе – ни в столицах, ни в глубинке. Как сообщали, например, смоленские большевики, «обыватель к Временному правительству довольно холоден – изголодался, разуверился в скором окончании войны, измучен очередями»⁷⁴.

Керенский воспринимался как временная переходная фигура, которая нужна до выборов. Лидеры предвыборной гонки не хотели мараться, заступаясь за такое правительство, чтобы не терять предвыборные очки. Вот-вот откроется Учредительное собрание, и тогда новая законная власть проведет те социальные преобразования, которые сочтет нужным. Она-то, в отличие от нынешнего самоназначенного правительства, будет демократической, опирающейся на волю народа. Но как раз в это время большевики решили заменить одно самоназначенное правительство другим, даже более демократическим, опирающимся на Съезд Советов. Этот переворот стал переломным моментом истории страны в XX веке.

⁷³ Там же. С. 241.

⁷⁴ Цит. по: Юрьев А. И. Указ. соч. С. 81.

ОКТАБРЬ УЖ НАСТУПИЛ

Как только появились первые признаки того, что социалисты все же не пойдут на создание однородного правительства, Ленин снова резко повернул политический руль и взял курс на вооруженный захват власти. Следовало торопиться. Нужно было до выборов в Учредительное собрание продемонстрировать стране, кто способен на практике предпринять решительные меры по борьбе с кризисом. Это могло обеспечить большевикам поддержку широких масс, прежде всего рабочих, победу и на всеобщих выборах, и в Советах, которые стали бы основой новой системы власти. Но это – только первый шаг.

Идее многопартийной советской власти Ленин противопоставил план установления диктатуры, опирающейся на те Советы, которые поддержат новый революционный переворот. Диктатура радикального крыла большевиков, опирающаяся на «свои» Советы и воинские части, должна была запустить необратимый процесс «пролетарской революции».

«Мы все ахнули»

14 сентября, накануне Демократического совещания, Ленин поставил альтернативу – либо принятие этим совещанием программы большевиков, «либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет»¹. И здесь же «для иллюстрации» вождь большевиков накидал конкретный план переворота, включающий даже захват здания, в котором проходило Демократическое совещание.

Идея немедленного восстания, на которой Ленин настаивал начиная с 14 сентября, первоначально не получила поддержки партийного руководства. Бухарин вспоминал о первой реакции на ленинские письма с призывом к восстанию: «Мы все ахнули, никто не знал, что делать. Все недоумевали первое время»². ЦК постановил не оглашать ленинские письма. Но информация о его позиции постепенно распространялась в партии. Радикальные партийные массы были готовы к немедленному выступлению, даже если это грозило большевикам по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 247.

² Пролетарская революция. 1922. № 10. С. 319.

ражением. В обстановке 1917 г. политическое искусство требовалось не для того, чтобы применить насилие, а для того, чтобы его избежать.

Итоги Демократического совещания означали крах политической линии Каменева. Троцкий оперативно переориентировался на подготовку восстания с опорой на Петросовет, который он как раз возглавил.

Нелегально вернувшись в Петроград 29 сентября, Ленин усилил давление на ЦК и ПК, добиваясь одобрения курса на восстание и угрожая даже выходом из ЦК. Он опирался на большевистский актив, связанный со все более отчаянно настроенными рабочими и солдатскими массами. Ленин опасался, что Керенский или генералы могут перехватить инициативу, изменить соотношение сил в столице и Москве. Поэтому нельзя ждать Съезда Советов. Это – военно-технические аргументы за немедленное восстание. Но были и политические мотивы: доверять формирование власти съезду – это значит соглашаться на коалиционное правительство с теми, с кем Ленин уже попрощался в качестве партнеров. Нужно взять власть и затем даровать ее съезду, но уже на своих условиях, ради немедленного принятия решений, выработанных либо санкционированных руководством большевиков.

В брошюре «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин доказывал, что власть надо брать безбоязненно, потому что «наша революция непобедима, если она не будет бояться сама себя, если она вручит всю полноту власти пролетариату, ибо за ним стоят еще неизмеримо большие, более развитые, более организованные всемирные силы пролетариата, временно придавленные войной, но не уничтоженные, а напротив, умноженные ею»³. Надежда на мировую революцию должна компенсировать любые сомнения, любой дефицит поддержки внутри страны. Но противники восстания в рядах большевиков сомневались как раз насчет страны. Если очаги большевистского выступления окажутся изолированы, как Парижская коммуна или Советы в декабре 1905 г., то разгром большевизма может стать необратимым. Торопливость Ленина как раз подтверждала правоту этих аргументов. Ленин тоже понимал, что в России есть силы, способные противостоять большевикам, но пока они слабы в столицах. Но Ленин готов рискнуть теперь, потому что далее соотношение сил может ухудшаться.

Появление Ленина в Петрограде быстро стало сказываться на позиции ЦК – большевики все же решили выйти из Предпарламента на его первом заседании 7 октября, хлопнуть дверью.

Впрочем, с курсом на восстание до Съезда Советов не были огласны многие влиятельные члены партии. На обсуждении в Петербургском комитете большевиков ему оппонировали Володарский и

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. С. 330.

Лашевич, который утверждал: «Стратегический план, предложенный т. Лениным, хромает на все четыре ноги... Хлеба мы не дадим. Имеется много шансов, что и мира мы не сможем дать... Тов. Ленин нам не дал объяснения, почему надо делать это сейчас, до Съезда Советов»⁴. Практика подтвердит, что в этих словах было много справедливого.

Ленин в начале октября призвал сосредоточить внимание не на последствиях переворота, а на его технической подготовке – как можно осуществить восстание. Может быть, захват власти осуществить сначала в Москве? Тем более что Керенский планирует перевести правительство в первопрестольную. Или в Петрограде и Москве одновременно? Провозгласить свержение правительства на Съезде Советов Северной области 11 октября? Перебросить пробольшевистский корпус из Минска?

10 октября ЦК большевиков 10 голосами против 2 (Каменева и Зиновьева) поддержал курс на вооруженное восстание. Правда, на этом заседании присутствовало 11 членов ЦК из 21 и 1 кандидат в члены из 10. Учитывая, что Каменев и Зиновьев голосовали против, решение не набрало половины списочного числа членов ЦК, что для такого важного вопроса было бы желательным. Несмотря на их оппозиционность, Каменева и Зиновьева включили в созданное здесь же для политического руководства в этот решающий период Политбюро из 7 человек. В него вошли члены редакции «Рабочего пути» (Каменев, Зиновьев, Сталин и Г. Я. Сокольников), Ленин и Троцкий, а также А. С. Бубнов для связи с ПК. Логинов считает, что «очень скоро выяснилось, что включение двух противников восстания в такой орган делало его непригодным именно «для политического руководства на ближайшее время»⁵. Это не вполне справедливо – ведь Каменев принял активное участие именно в политическом обеспечении успеха Октябрьского переворота. Более того, участие двух оппозиционеров в органе политического руководства позволило уравновесить ленинскую нетерпеливость и все-таки приурочить переворот к Съезду Советов, что во многом облегчило победу большевиков.

Уже 11 октября на Съезде Советов Северной области, где из 94 депутатов большевиками был 51 и левыми эсерами 24, А. М. Коллонтай публично сообщила о решении ЦК большевиков осуществить восстание. Таким образом, из этого уже не делали секрета. Делегаты были готовы «начать». Латышские полки и представители флота были готовы действовать. Насилу Каменеву и Зиновьеву удалось отговорить депутатов от этой авантюры⁶.

⁴ Цит. по: Логинов В. Т. Указ. соч. С. 420.

⁵ Там же. С. 431

⁶ См. Рабинович А. Большевики приходят к власти. С. 236–241.

Каменев и Зиновьев изложили свою позицию в письме, адресованном партийным органам и активу: «Мы глубочайшим образом убеждены, что объявлять сейчас вооруженное восстание – значит ставить на карту не только судьбу нашей партии, но и судьбу русской и международной революции... Дело идет о решительном бое, и поражение в этом бою было бы поражением революции... Партия пролетариата будет расти... И только одним способом может она прервать свои успехи – именно тем, что она в нынешних обстоятельствах возьмет на себя инициативу выступления и тем самым поставит пролетариат под удары всей сплотившейся контрреволюции, поддержанной мелкобуржуазной демократией. Против этой губительной политики мы подыдем голос предостережения». Сейчас ситуация благоволит большевикам, но можно все потерять. «Учредительное собрание плюс Советы – вот тот комбинированный тип государственных учреждений, к которым мы идем». Восстание может привести к срыву и Съезда, и вероятного успеха большевиков на выборах в Учредительное собрание, но даже в случае успеха восстания партия не сможет быстро решить накопившиеся в стране проблемы⁷. Правые большевики считали, что изоляция радикальной части пролетариата от большинства трудящихся приведет к перерождению и физическому поражению партии.

Вооруженное восстание большевиков независимо от его удачи провоцировало бы срыв перспективы многопартийного советского правительства, за которую выступали не только правые большевики, но и левые социалисты. А такой левый фронт обладал бы большей поддержкой в стране и потому мог бы легче проводить назревшие социальные преобразования.

Но руководство социалистов само не шло на создание левой советской коалиции. В этих условиях отказ от захвата власти в 1917 г. «обрекал» партию большевиков на роль левой оппозиции в парламентском государстве, которое сохраняет свое «буржуазное» качество. Поэтому линия Каменева и Зиновьева в условиях октября 1917-го откладывала дальнейшее продвижение к социализму на неопределенный срок, до следующей революции.

В части технической неготовности восстания с Зиновьевым и Каменевым были согласны и люди, которые за эту подготовку отвечали, – руководители «военки» Невский и Подвойский⁸. Нельзя было гарантировать победу силами только партийных кадров. Восстание могло быть успешным только от имени Советов как их самозащита. 14 октября, когда стал создаваться Военно-революционный комитет

⁷ Протоколы ЦК РСДРП(б). Август 1917 г. – февраль 1918 г. М., 1958. С. 87–92.

⁸ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 436.

при Петросовете, Ленин поддержал идею «беспартийного органа восстания»⁹.

16 октября сторонникам восстания пришлось закреплять успех – было собрано расширенное заседание ЦК с участием партийного актива – всего 25 человек. На этом совещании курс на восстание получил 19 голосов, но из них все еще только 10 членов ЦК. Каменев подал в отставку из членов ЦК. При этом конкретный срок восстания так и не был назначен. Связной ЦК Шотман вспоминал об этом и других совещаниях и конференциях большевиков в эти дни: «Хорошо помню, что все споры на них вертелись вокруг вопроса: захватить ли власть немедленно или отложить до II съезда Советов...» Все были согласны, что власть надо брать, но против «захвата власти немедленно высказалось большинство выступавших делегатов»¹⁰.

17 октября Ленин написал «Письмо к товарищам», где доказывал, что «промедление в восстании смерти подобно», и требовал немедленно опубликовать его в «Рабочем пути»¹¹. Он не делал секрета из курса на восстание.

18 октября в «Новой жизни» Каменев изложил их с Зиновьевым аргументы против восстания, сопроводив оговоркой, что ему «неизвестны какие-либо решения нашей партии, заключающие в себе назначение на тот или иной срок какого-либо выступления», поскольку «подобных решений партии не существует»¹².

Ленин был взбешен и потребовал исключения обоих «штрейкбрехеров» из партии. Формальные претензии Ленина к «бывшим товарищам» – что Каменев напал на неопубликованное решение партии в непартийной печати¹³. Однако Лев Борисович не цитировал решение ЦК, то есть не давал противнику никакой новой информации. О самом решении взять курс на восстание было публично заявлено уже на Съезде Советов Северной области, сам Ленин готовился опубликовать статью, в которой обосновывал это неопубликованное, но широко известное решение ЦК. Так что причина гнева Ленина вовсе не в том, что Каменев «выдал план» восстания. Они с Зиновьевым «выдали» факт разногласий в партии большевиков по этому поводу, продолжили публичную агитацию против решения, которое Ленин продавил с таким трудом. И это могло привести к новым колебаниям в партии большевиков. Грозя карами Каменеву и Зиновьеву, Ленин воздействовал и

⁹ Там же. С. 440.

¹⁰ Шотман А. В. Накануне восстания. // Октябрь в Петрограде. М., 1987. С. 130.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 410, 417.

¹² Протоколы ЦК РСДРП(б)... С. 115–116.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 420.

на тех большевиков, которые все еще сомневались в необходимости захвата власти путем вооруженного переворота.

ЦК не стал наказывать Каменева и Зиновьева, тем более что они в основном солидаризировались с тактикой Троцкого – приурочить взятие власти к Съезду Советов, что можно было сделать чуть ли не законно (насколько в период революции вообще можно было говорить о законности). Для «конституционного» захвата власти Каменев был очень важен как признанный лидер фракции большевиков во ВЦИКе.

20 октября «Рабочий путь» опубликовал выдержанное в примирительных тонах письмо Зиновьева о том, что его взгляды далеки от тех, которые оспаривает Ленин, и что можно «отложить наш спор до более благоприятных обстоятельств». Сталин приписал от редакции, что «конфликт можно считать исчерпанным»¹⁴. Это самоуправство Иосифа Виссарионовича вызвало скандал в ЦК, который 20 октября запретил членам ЦК выступать против принятых им решений и принял отставку Каменева из ЦК. Впрочем, через несколько дней в бурной обстановке Октябрьского переворота об этой отставке предпочли просто забыть, и Каменев продолжил работать в ЦК и даже вести его заседания.

В ходе напряженной внутрипартийной борьбы радикальное течение возобладало, но и умеренные большевики сохранили влияние. В этих условиях центральной фигурой в руководстве ЦК оказался недавний меньшевик Троцкий, политический вес которого вырос еще и потому, что этот ветеран советского движения занял пост председателя Петросовета. Лев Давидович поддерживал идею скорейшего захвата власти, но настаивал, что этот акт должен быть совершен от имени Съезда Советов и потому приурочен к нему. Таким образом, позиция Троцкого оказалась между линиями Ленина (захват власти военными силами большевиков) и правых большевиков (а также левых эсеров). В итоге линия Троцкого возобладала – большевики взяли курс на «мирный» и в какой-то степени даже «законный» захват власти с опорой на Съезд Советов – наиболее авторитетный форум страны. Съезд был удобным политическим прикрытием переворота, так как лозунг «Вся власть Советам!» к этому времени вновь приобрел заметную популярность. В то же время переход власти не просто к большевикам, а к новому радикальному советскому большинству придавал событиям характер низового движения в масштабах страны, которое сопровождается верхушечным переворотом. В конце 1917 г. – начале 1918 г. лидерам большевиков приходилось делить власть с более широким в идейном отношении движением, под-

¹⁴ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 470.

держивавшим Советы на местах. Оно же наряду со стремлением к миру солдатской массы обеспечило советской власти победу в скоротечной Гражданской войне осенью 1917-го.

Большевизации воинских частей, столь важной для успеха переворота, способствовал провал военной реформы нового военного министра Верховского. Он отличился решительной антикорниловской позицией, был близок по взглядам к эсерам и выдвигал радикальную программу изменения военной политики. Она заключалась в том, чтобы резко, с 10 до 5 млн человек, сократить армию и таким образом сэкономить продовольствие для снабжения городов и улучшить качество войск – предполагалось оставить на фронте более боеспособные части и более молодых солдат. Если сокращение армии спровоцирует наступление немцев, Верховский не исключал перехода к маневренной войне, что во всяком случае положило бы конец затхлой окопной жизни. Министр выступал за чистку командных кадров, которая позволит продвинуть наверх молодых офицеров, назначая командовать полками инициативных капитанов, а батальонами – даже прапорщиков¹⁵. Эти идеи не встретили поддержки Керенского, который сохранил за собой пост главнокомандующего, и Верховскому удалось добиться только увольнения в запас возрастов старше сорока лет (около 600 тыс. человек). Также Верховский смог добиться лишь нескольких назначений. Верховский объяснял неудачу своей политики тем, что «Терещенко и Керенский цепко держались за старый генералитет»¹⁶. Да вот только генералитет за них не держался.

Керенский вообще быстро разочаровался в Верховском, назвав его «Корниловым слева», а Верховский стал апеллировать к ЦИКу Советов через голову Керенского¹⁷.

Проверкой боеспособности армии и флота осенью 1917 г. стало Моонзундское сражение 29 сентября – 7 октября. Немцы вторглись на Моонзундские острова и в Рижский залив. Распропагандированный левыми Балтийский флот оказал неожиданно серьезное сопротивление немцам. При соотношении сил 300 кораблей на 116 немцы потеряли 9 кораблей, а Балтийский флот только два, один из которых – линкор «Слава» – был затоплен собственной командой, чтобы не достался врагу. «Войсковая же масса просто и без затей отказалась сражаться»¹⁸.

¹⁵ Верховский А. И. Указ. соч. С. 293, 351–353.

¹⁶ Там же. С. 372.

¹⁷ Там же. С. 357.

¹⁸ Там же. С. 371.

Верховский пришел к выводу, что дальнейшее ведение войны невозможно, и стал настаивать, чтобы правительство выступило с инициативой мирных переговоров (заодно перехватив это требование у большевиков).

Но Керенский и Терещенко считали это невозможным. К тому же Терещенко, подобно Троцкому во время мирных переговоров в Бресте в 1918 г., надеялся, что «не сегодня-завтра Центральные державы рухнут...»¹⁹. Тем не менее, они были готовы выдвигать требования демократического мира публично (даже не считая их реальными). Чтобы умиротворить ЦИК, Временное правительство согласилось направить на предстоящую конференцию союзников в Париж не только министра иностранных дел Терещенко, но и представителя ЦИК Скобелева. 5 октября ЦИК подготовил для своего «комиссара демократии» инструкцию, своего рода наказ, в целом соответствующий идеям организаторов Стокгольмской конференции, включая решение плебисцитами судьбы Османской Армении, Эльзаса и Лотарингии, спорных областей на Балканах и в итальянской части Австро-Венгрии. Документ был хотя и несколько однобоким (если судьбу «турецкой» Армении должен был решить плебисцит, то «русская» Армения не упоминалась), но все же не вполне проантантовский. Предлагалось самоопределение Польши, Литвы и Латвии, возвращение германских колоний, создание фонда для восстановления разрушенных областей (не за счет одной из сторон). Поддержал ЦИК и идею президента США В. Вильсона о создании Лиги мира (будущей Лиги наций)²⁰.

В этой программе бросается в глаза попытка выдвигать не принципы, а некие конкретные территориальные предложения, которые члены и эксперты ЦИК считали компромиссными. Хотя очевидно, что до поиска конкретных компромиссов было еще далеко, а если бы представители союзников в Париже и согласились бы предлагать Германии условия мира, то линия «компромисса» неизбежно сдвинулась бы в сторону требований Антанты. Это обрекало саму идею на неудачу, так что страсти в ЦИК в канун миссии Скобелева кипели зря – детализация была преждевременной. Его задача заключалась прежде всего в отстаивании самого принципа мира без аннексий и контрибуций, который среди руководителей Антанты не встречал понимания.

Не встречали они понимания и у Временного правительства. Выступая 12 октября в комиссии по иностранным делам Предпарламента, Терещенко сформулировал основные условия мира, приемлемого с точки зрения правительства для России. Они исключали создание

¹⁹ Там же. С. 383.

²⁰ Европейское социалистическое движение. С. 124–125.

новых независимых государств на Балтике, предполагали доступ России в Средиземное море (возможно – на основе договора с Османской империей, что ущемляло её суверенитет над проливами), экономическую независимость от Германии. Но Терещенко охладил пыл тех, кто надеялся, что Скобелев примет участие в обсуждении условий мира – ничего такого в Париже не планировалось. Никто не собирается заключать «мир вничью», от которого проиграют наиболее слабые и пострадавшие от разрушений страны. И вообще, для приемлемого мира нужно продемонстрировать «активность армии»²¹.

А вот с этим как раз были нелады, о чем правительство неустанно предупреждал военный министр Верховский. Сил не было ни для внешнего сопротивления, ни для внутреннего. Министр требовал скорейшего заключения мира, даже сепаратного.

17 октября, при обсуждении во Временном правительстве возможностей сопротивления большевикам, Верховский заявил, что для подавления большевизма необходимо разогнать Совет, а для этого нет сил. В итоге министр подал в отставку. Однако большинство министров во главе с Керенским были настроены более решительно и считали, что у них есть силы для решающего удара по большевикам в столице.

В. Т. Логинов обратил внимание на то, что дискуссия во Временном правительстве напоминала споры в ЦК большевиков: «Совпал и главный вопрос дискуссии – каким должен быть план конкретных действий? Только на правительственном заседании он получил обратное, зеркальное отражение: ждать ли начала восстания, а затем подавить его, или же нанести упреждающий удар»²². Несмотря на возражения Верховского, министр государственного призрения Н. М. Кишкин и другие министры настаивали на необходимости нанести удар по большевикам.

19 октября Верховский снова попросил об отставке, заявив, что никто не заступится за Временное правительство, продолжающее войну, что на сторону большевиков перейдут части, которые будут вызваны с фронта на помощь Керенскому.

В отношении Германии Верховский не являлся капитулянтом, его позиция была близка в этом вопросе к последующей тактике большевиков. Он рассчитывал, что заключение мира потребует значительного времени и можно будет воспользоваться паузой для наведения порядка в более компактной армии²³. 20 октября военный министр высказал свои взгляды на объединенном заседании комиссий Предпарламента по военным и иностранным делам. Верховский заявил, что власть ко-

²¹ Там же. С. 128.

²² Логинов В. Т. Указ. соч. С. 460.

²³ Старцев В. И. Крах керенщины. Л., 1982. С. 211.

мандного состава расшатана и сводится к уговариванию. «Но никакие убеждения не в состоянии подействовать на людей, не понимающих, ради чего они идут на смерть и лишения... Указанные объективные данные заставляют прямо и откровенно признать, что воевать мы не можем». Поэтому необходимо немедленно добиться согласия союзников «на прекращение этой истощающей войны, нужной только им, но для нас не представляющей никакого интереса»²⁴. Газеты «Общее дело» и «Живое слово» опубликовали сообщения о выступлении Верховского, исказив их в сторону еще большего «капитулянтства». Пропаганда министра, таким образом, вышла за пределы правительственных стен, и 22 октября Керенский отправил его в отпуск «по состоянию здоровья». Однако выступление Верховского повлияло на позицию руководителей Предпарламента и умеренных социалистов, которая проявилась через двое суток, в решительные октябрьские дни. Отставка Верховского вызвала беспокойство и у Ленина, который опасался, что без него Военное министерство может занять решительный корниловец и нанести удар по большевикам. Но в это время подготовка восстания в Петрограде уже завершалась.

Навстречу съезду

Приурочив взятие власти ко II съезду Советов, Троцкий и большинство ЦК большевиков проводили приготовления к перевороту под прикрытием легальных советских органов. Через два дня после ухода большевиков из Предпарламента они поставили на заседании исполкома Петросовета решение о создании структуры руководства войсками при Петросовете. Повод – возникновение военной угрозы Петрограду в результате немецкого наступления. Меньшевики и эсеры дали бой этому предложению, но тогда большевики перенесли голосование на пленум Петросовета, где было принято решение о создании революционного комитета обороны, который возьмет на учет части гарнизона и примет меры к вооружению рабочих как против немцев, так и против новых корниловцев.

12 октября исполком обсуждал вопрос о таком комитете уже конкретно. Меньшевики М. И. Бройдо и С. Л. Вайнштейн снова возражали против создания этого Военно-революционного комитета (ВРК). Но что было делать – это ведь был не какой-то конспиративный заговорщический центр, а открытый орган, в который включили представителей Совета, Центрофлота, Совета фабзавкомов, профсоюзов, пар-

²⁴ Цит. по: *Соболев Г. Л. Указ. соч. С. 387–388.*

тийных военных организаций и др. При ВРК планировалось созвать гарнизонное совещание из представителей частей. Никакой конспирации. Всё – для обороны и поддержания порядка. ВРК планировал провести «установление минимума боевой силы и вспомогательных средств, необходимых для обороны Петрограда и не подлежащих выводу; поддержание контакта с комиссаром при штабе главнокомандующего армий Северного фронта, Центробалтом, гарнизоном Финляндии и штабом главнокомандующего военным округом; точный учет и регистрацию личного состава гарнизона Петрограда и окрестностей и предметов снаряжения и продовольствия; разработку плана работ по обороне Петрограда; меры по охране Петрограда от погромов и дезертирства, поддержание в рабочих массах и солдатах Петрограда революционной дисциплины»²⁵. Кто бы мог возражать против столь полезных задач, если бы не проступающие за ними претензии на перехват военной власти в столице у генерального штаба и командования военного округа.

14 октября на заседании ЦИКа Дан прямо спросил большевиков, готовят ли они восстание. Д. Б. Рязанов ответил на это уклончиво: «Дан знает, что мы – марксисты и восстания не готовим. Восстание готовится политикой, которую вы поддерживали семь месяцев»²⁶. В новых условиях лидеры старого ЦИКа из «звездной палаты» все хуже справлялись со своей ролью социально-политического стабилизатора, спасающего Временное правительство от гнева радикальной части социальных низов. Суханов иллюстрировал эту ситуацию с помощью такой аллегии: «Если правительство, ничего «решительного» не предпринимая, ждало, пока ЦИК ликвидирует конфликт, то ведь так всегда было. Ведь здесь искони сосредотачивались все надежды наших полномочных, независимых, неограниченных. Ведь таков был древний закон и порядок: в «нормальное» время неприхотливым звездоносцам давали пинка, требуя, чтобы они помалкивали на задворках и не совали нос в государственные дела; в острые же моменты им кричали: спасайте, на то вы и существуете!.. И до сих пор малых ребят из Зимнего спасали дядьки Смольного. Но сейчас дядьки были выжиты из Смольного. Там теперь жили серые волки»²⁷.

И «волки» действовали решительно и деловито, не допуская никаких признаков бунта. 16 октября по докладу левого эсера П. Е. Лазирова Петросовет принял официальное решение о создании ВРК. Бройдо снова возражал: ВРК может превратиться «в нечто другое, в нечто

²⁵ Из истории борьбы за власть в 1917 году. С. 239.

²⁶ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 277.

²⁷ Там же. С. 300.

грозное и опасное», тем более что большевики так и не дали прямой ответ – «зовут ли они массы на улицу для захвата власти». Если зовут, значит, ВРК – штаб будущего восстания. Тогда его нельзя создавать. И к тому же ВЦИК уже создал Временный военный комитет для координации работы с Северным фронтом, которому теперь подчинен Петроградский гарнизон. Зачем создавать «параллельный центр»?²⁸

Троцкий ответил достаточно откровенно, что большевики стремятся к смене власти, правда, путем «единодушной демонстрации сил», и выступают против вывода революционных войск из Петрограда²⁹. Поэтому нельзя подчинить гарнизон органам ВЦИКа и Северного фронта. Все-таки ВРК создается с политическими целями.

Основные решения принимались в Бюро ВРК в составе П. Е. Лазирова (председатель ВРК), В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского, А. Д. Садовского, Г. Н. Сухарькова (3 большевика, 2 левых эсера). ЦК большевиков направил в ВРК свою делегацию – Военно-революционный центр в составе Я. М. Свердлов, И. В. Сталина, А. С. Бубнова, М. С. Урицкого и Ф. Э. Дзержинского. Но политическое руководство ВРК осуществлял все-таки Троцкий, а практическое – прежде всего Подвойский и Антонов-Овсеенко.

20 октября ВРК приступил к работе. 21 октября на собрании полковых комитетов в Смольном была установлена связь ВРК с частями. Троцкий на этом заседании открыто увязывал задачи ВРК и смену власти. Член ВЦИКа М. Н. Буткевич, отвечая Троцкому, выступал против того, чтобы Советы брали власть в свои руки «именно теперь» – перед выборами и в условиях германского натиска³⁰. То есть сама идея не так плоха, просто несвоевременна.

ВРК назначал своих комиссаров в части, которые выясняли настроение солдат – кто будет подчиняться ВРК против Временного правительства, а кто предпочитает нейтралитет. 22 октября был проведен «День Петроградского совета» – демонстрация в поддержку Петрограда, своего рода смотр сил. На тот же день был назначен и казачий крестный ход, но, опасаясь столкновений, Временное правительство отменило его в последний момент.

Вечером 21 октября ВРК направил своих представителей в штаб Петроградского военного округа с целью контроля за его деятельностью. Командующий округом полковник Г. П. Полковников отказался признать представителей ВРК на том основании, что в штабе уже есть Особое совещание, в которое входят представители ЦИКа и Петрограда.

²⁸ Из истории борьбы за власть в 1917 году. С. 240–241.

²⁹ Там же. С. 241.

³⁰ Там же. С. 244.

22 октября ВРК направил в части гарнизона телефонограмму, в которой обвинил Генштаб в том, что он «порывает связь с революционным гарнизоном и Петроградским советом» и «становится прямым орудием контрреволюционной силы». В связи с этим «никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Революционным комитетом, недействительны»³¹. Временное правительство ультимативно потребовало от ВРК отозвать эту телефонограмму, призывавшую к прямому неподчинению военному командованию.

23 октября ВРК выпустил воззвание «К населению столицы», в котором сообщил, что в военные части и наиболее важные объекты города назначены комиссары ВРК, которые «как представители Совета неприкосновенны, и неподчинение их распоряжению будет расцениваться как неподчинение Петроградскому совету»³².

Новое совещание представителей частей гарнизона подтвердило, что части готовы поддержать решения Съезда Советов, даже игнорируя приказы штаба округа.

В этих условиях штаб округа сменил гнев на милость и предложил ВРК, отменив телефонограмму 22 октября, создать совместное совещание о согласовании приказов друг друга. Условия штаба серьезно обсуждались на заседании ВРК 23 октября, для их поддержки на это заседание прибыли Гоц и Б. Богданов, которые потребовали от имени ВЦИКа прекратить подготовку к захвату власти. Компромисс поддержали и левые эсеры. В результате была принята примирительная резолюция, в которой говорилось, что ВРК «не является органом захвата власти, а создан исключительно для защиты интересов Петроградского гарнизона и демократии от контрреволюции и погромных посягательств»³³.

Урегулирование этого конфликта создавало бы возможность для мирного открытия Съезда Советов. Принятие на нем решения о взятии власти Советами, социалистическими партиями или их левыми крыльями вместе с большевиками лишало бы правительство Керенского прежней легитимности, потому что оно тоже было продуктом партийных комбинаций. Сохранить свою власть в этих условиях Керенский мог только силой, пытаясь разогнать Съезд и Петросовет. Но это меняло бы ситуацию коренным образом, так как попытка разгона Съезда противопоставляла Керенского широкому левому фронту, частью которого становились большевики. Такой сценарий не очень устраивал

³¹ Там же. С. 247.

³² Петроградский военно-революционный комитет. М., 1966. Т. 1. С. 67.

³³ Антонов-Овсеенко В. Октябрьская буря // Октябрьское вооруженное восстание. М., 1956. С. 102.

Ленина, который в это время уже не был настроен на сотрудничество с партиями эсеров и меньшевиков – разве что с их левыми крыльями на условиях большевиков.

Большевики стремились представить захват власти как ответ на угрозу реакции, и поведение Керенского как нельзя лучше способствовало этому. Он продолжал считать, что обладает военным перевесом над большевиками. За несколько дней до Октябрьского переворота В. Д. Набоков спросил Керенского, как тот относится к возможности вооруженного выступления большевиков. «Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло», – ответил он мне. «А уверены ли Вы, что сможете с ним справиться?» – «У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно»³⁴. Однако, прежде чем начать атаку, Керенский должен был убедиться в прибытии обещанных Ставкой частей или хотя бы в том, что намеченные к переброске в Петроград части действительно движутся в столицу. Он этого не сделал.

Созванное командующим Северным фронтом, левым генералом Черемисовым совещание армейских организаций протестовало против отказа ВРК выводить войска из столицы на фронт (формально гарнизоны Петрограда и Кронштадта были подчинены Северному фронту только 19 октября). Но рычагов воздействия на Петроград у фронтовиков не имелось, кроме одного – прямого подавления сил ВРК. Фронт сочувствовал целям большевиков и давить их не собирался. Ведь они выступали за скорейший мир. Шла большевизация армейских комитетов. Некоторые дивизии выносили резолюции, что готовы находиться на фронте только до 1 ноября. 23 октября начальник штаба округа Я. Г. Багратуни запросил Черемисова о возможности присылки войск в Петроград для защиты Временного правительства. Тот обещал прислать их через сутки после отдачи приказа. Приказ последует, но войска не придут. Черемисов не желал «вмешиваться в гражданскую войну». Он понимал, что надежных частей, готовых сражаться за Временное правительство, практически нет.

Между тем 23 октября на сторону ВРК перешла Петропавловская крепость. Это был военный ключ к Петрограду и, кстати, место, где правительство могло бы гораздо лучше обороняться, если уж оно не успело переехать в Московский Кремль (в октябре уже шла подготовка к переезду правительства в Москву)³⁵. Рядом с Петропавловкой находился арсенал, позволивший еще лучше вооружить Красную гвардию. Первоначально комендант отказался признавать полномочия ВРК. ВРК обсуждал, как быть – направить в крепость солдат Павловского

³⁴ Набоков В. Временное правительство // Архив Русской революции. Т. 1. М., 1991. С. 36.

³⁵ См., например, Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 231.

полка, что было чревато столкновением (а взять крепость извне было нелегко) или попытаться разагитировать гарнизон. Снова сделали ставку на силу слова – часть гарнизона сочувствовала большевикам и левым эсерам. Комиссар ВРК, опираясь на просоветский актив, собрал митинг, на котором большинство решило, что крепость подчинится ВРК. Меньшинство смирилось, не жалея внутреннего столкновения в крепости. Комендант крепости полковник Васильев был арестован³⁶.

Время работало на большевиков. Если бы большевики действовали более агрессивно, как хотел Ленин, это как раз могло оттолкнуть от них колеблющиеся войска. У Керенского остался день, чтобы что-то предпринять до съезда.

Переворот и революция

24 октября правительство объявило о закрытии большевистской прессы (для симметрии были закрыты также правые газеты «Живое слово» и «Новая Русь») и приступило к установлению контроля над ключевыми пунктами города. Рано утром юнкера захватили типографию, где печатались большевистские «Рабочий путь» и «Солдат», и устроили там обыск-погром. Это оказался чувствительный удар в условиях развернувшейся пропагандистской борьбы – типография была срочно нужна. ВРК выслал туда солдат, которые выгнали юнкеров.

Это был «казус белли». Большевики могли предстать в роли жертвы агрессии. Правда, уже через день ВРК занялся закрытием газет, критикующих восстание.

Большевистский ЦК собрался в Смольном и вместе с большевистской частью ВРК руководил действиями просоветских вооруженных сил. Первоначально его заседание вел Каменев, об отставке которого из ЦК предпочли забыть. Теперь он не возражал против активных действий, для которых правительство дало идеальный повод. В то же время ЦК по-прежнему решил, что следует не начинать немедленно восстание, а продолжить сосредоточение сил. Об этом Сталин сообщил большевистским делегатам съезда³⁷. Это значит, что в ЦК продолжала преобладать точка зрения о необходимости ликвидации Временного правительства во время съезда. В «Рабочем пути» Сталин выступил за как можно более мирный путь взятия власти³⁸. Обеспокоенный неторопливым, «оборонительным» ходом свержения Временного прави-

³⁶ *Благоурахов Г. И.* Октябрьские дни в Петропавловской крепости. // Октябрь в Петрограде. М., 1987. С. 195–202.

³⁷ *Логинов В. Т.* Указ. соч. С. 481.

³⁸ *Сталин И. В.* Соч. Т. 3. М., 1947. С. 390.

тельства, Ленин вечером 24 октября покинул конспиративную квартиру и прибыл в Смольный. Но, увидев, как идут дела, согласился с тактикой, избранной ЦК и ВРК.

На этот раз ситуация принципиально отличалась от июльских дней с их массовыми шествиями по улицам и беспорядочной стрельбой. Комиссар при Ставке В. Б. Станкевич, прибывший в Петроград 24 октября, был очень удивлен, когда Керенский заявил ему: «Как, разве вы не знаете, что у нас вооруженное восстание.

Я рассмеялся, так как улицы были совершенно спокойны, и ни о каком восстании не было слышно. Он тоже относился несколько иронично к восстанию, хотя и озабоченно. Я сказал, что нужно будет положить конец этим вечным потрясениям в государстве и решительными мерами расправиться с большевизмом. Он сказал, что его мнение такое же и что теперь уже никакие Черновы не помогут ни Каменевым, ни Зиновьевым... если только удастся справиться с восстанием. Но относительно последнего было так мало сомнений, что Керенский немедленно согласился, чтобы я вызвал Духонина в Петроград, и я тотчас послал соответствующую телеграмму»³⁹.

По мнению А. Рабиновича, «восстание в том виде, в котором его представлял себе Ленин, стало возможным только после того, как правительство предприняло прямое наступление на левые силы... Массы в Петрограде, которые в той или иной степени поддерживали большевиков, выступавших за свержение Временного правительства, делали это не потому, что как-то симпатизировали идее прихода к власти одних большевиков, а потому, что верили: над революцией и съездом нависла угроза»⁴⁰. Почему Керенский допустил столь сейчас очевидную ошибку, атаковав большевиков как раз в тот момент, когда это больше всего соответствовало их планам и когда у Временного правительства фактически не было реальных сил? Александр Федорович объяснял это тем, что он был дезинформирован офицерами штаба Петроградского округа, добивавшимися таким образом падения правительства с тем, чтобы потом разгромить большевиков и установить авторитарный режим. «Стратегический план предусматривал невмешательство при успешном большевистском вооруженном восстании... Их обуяла безрассудная мысль, что без Керенского будет гораздо легче одолеть большевиков и сформировать наконец «сильное правительство»... Собравшаяся в штабе толпа офицеров весьма презрительно и высокомерно относилась к правительству, особенно лично ко мне»⁴¹. А за что

³⁹ Станкевич В. Б. Октябрьское восстание // Октябрьская революция. Мемуары. С. 215.

⁴⁰ Рабинович А. Указ. соч. С. 334.

⁴¹ Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. М., 2005. С. 326, 334.

им было любить или уважать Керенского? Саботаж его указаний был вполне объясним и безо всякого заговора со стороны офицеров.

Версия нового правого заговора вызывала у современников иронию. Например, Дан так ее комментировал: «Мне со стороны «правых» о таких планах слышать не приходилось. А слышал я другое. Когда в кулуарах Предпарламента велись разговоры о грозящем восстании большевиков... правые (торгово-промышленники, кадеты и, особенно, казаки), совершенно не стесняясь, признавались, что желают, чтобы большевики выступили как можно скорее. Но мотивировали они это свое желание не расчетами на свержение Временного правительства, ...а как раз наоборот, своею уверенностью, что в открытом бою большевики немедленно же будут наголову разбиты «верными долгу частями гарнизона». Правые, несомненно, мечтали (и не скрывали этого) о «сильной власти» в корниловском духе, но добиться этой власти они думали не тем, что свергнут Временное правительство руками большевиков, а тем, что спасут его силами военщины и уже затем, как победители мятежа, продиктуют ему свою волю и преобразуют в своем духе»⁴².

Большевистский переворот протекал в условиях относительного равнодушия тех сил, которые спустя год будут вести с большевиками войну не на жизнь, а на смерть. Но осенью 1917 г. «расчетливые» политики были уверены, что большевистская авантюра не может продлиться долго. Правительство Ленина или падет под ударами контрреволюционеров, или уступит власть Учредительному собранию.

Таким образом, заблуждение Керенского о соотношении сил в Петрограде не было плодом его личной глупости, оно отражало широко распространенные представления «партии порядка». Они верили в силу приказа, в начальственную мудрость и совсем потеряли связь с реальностью, где солдатские и рабочие массы жаждали мира и приходили в отчаяние от падения уровня жизни. В результате, как верно, но уже задним числом признавал Дан, «любая вызванная «часть» легко могла стать лишним орудием большевистского восстания»⁴³.

24 октября Керенский, «бледный, возбужденный, с воспаленными от бессонницы глазами»⁴⁴, выступил в Совете республики. Ведь эта структура создавалась как барометр общественных настроений, и что-

⁴² Дан Ф. Указ. соч. С. 142.

⁴³ Там же. С. 143.

⁴⁴ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 308.

бы нанести удар по большевикам, следовало заручиться поддержкой всей остальной общественности именно здесь. В качестве доказательства того, что большевики начали враждебные действия, Керенский предъявил перехваченную записку о приведении в боевую готовность одного из большевистских полков (а это было сделано ВРК в ответ на разгром газет). На этом основании он заявил о том, что у него есть точные сведения о подготовке восстания большевиками⁴⁵ (значит, он еще не считал, что восстание началось, и планировал превентивный удар). Керенский потребовал себе полной поддержки для разгрома большевизма и, выслушав овации, покинул Предпарламент в полной уверенности, что этот орган «организованной демократии» его полностью поддерживает⁴⁶. Он совершенно не видел, что происходит вокруг него.

После ухода премьера на него обрушились предпарламентские ораторы – левый эсер Камков и меньшевик-интернационалист Мартов, который «в отсутствие уехавших в отпуск на Кавказ И. Г. Церетели и Н. С. Чхеидзе, становится и лидером партии, оттесняя на второй план Ф. И. Дана»⁴⁷. Впрочем, и Дан сдвинулся влево и предложил принять резолюции о земле, мире и демократизации армии, которые перехватили бы лозунги большевиков.

После длительной дискуссии⁴⁸ Совет республики принял резолюцию, которая требовала перехватить большевистские лозунги: 1) обратиться к союзным державам с требованием немедленно приостановить военные действия и начать переговоры о всеобщем мире; 2) передать помещичью землю в ведение земельных комитетов; 3) создать Комитет общественного спасения «из представителей городского самоуправления и органов революционной демократии, действующего в контакте с Временным правительством»⁴⁹. Правда, распространить эту резолюцию до открытия II съезда Предпарламент уже не мог, но задуманный им орган был создан под названием Комитета спасения Родины и Революции (КСРР). Авторы резолюции надеялись, что ее может взять на вооружение Временное правительство, и тогда новая программа правительства могла приобрести дополнительный резонанс и, возможно, более широкое распространение. Ее надеялись распечатать в виде афиш и расклеить по городу.

⁴⁵ Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 327.

⁴⁶ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 308.

⁴⁷ Смирнова А. А. Указ. соч. С. 284-285.

⁴⁸ Принятие решения затянуло спор во фракции эсеров между сторонниками Керенского (Брешко-Брешковская и др.) и большинством во главе с Гоцем, которое уже относилось к политике Временного правительства критически (Дан Ф. Указ. соч. С. 145).

⁴⁹ Большевики. От революций... С. 72. Н. Суханов утверждал, что общую идею документа предложил Мартов (Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 311).

Но Керенский считал эту резолюцию совершенно неприемлемой⁵⁰. На встрече с премьером представители Предпарламента меньшевик Дан и эсер Гоц потребовали от Керенского принять требования резолюции (в беседе участвовал также председатель Предпарламента Авксентьев, но он по взглядам был ближе к Керенскому и вел себя пассивно, к тому же Керенский припугнул его, что подаст сейчас в отставку и Авксентьеву придется формировать новое правительство). По воспоминаниям Дана, «Керенский, производивший впечатление человека, до последней степени измотанного и измученного, относился к нашим аргументам с крайним раздражением и высокомерно заявил под конец, что правительство в наставлениях и указаниях не нуждается, что теперь – время не разговаривать, а действовать»⁵¹. Меньшевистский историк Л. Ланде комментировал: «К несчастью для февральского этапа революции, Керенский, видимо, не понял, что бьет его 12-й час... Отвернувшись от непрощенных «наставлений и указаний» социалистических фракций Предпарламента, Керенский лишил свое правительство единственно возможной общественной опоры»⁵². «Общественная опора», хотя и таявшая, продолжала вяло заступаться за Временное правительство. Отвергнув предложение большинства Предпарламента, Керенский лишил себя последнего шанса достучаться до возбужденных масс, действующих против него.

24 октября представители гордумы потребовали от Троцкого отчета о начавшемся восстании, но он возразил, что никакого восстания нет, и Петроградский совет приступит к решительным действиям, только «если Временное правительство не внемлет голосу съезда Советов»⁵³.

Тем временем ВРК стал брать под контроль функции гордумы и прежде всего – продовольственные склады. Гордума и ее сотрудники не признавали полномочий комиссаров ВРК и уступали только силе.

И все же в условиях начавшегося конфликта и гордума тоже не хотела становиться на сторону полностью растерявшего популярность Временного правительства. Предложенная эсерами резолюция думы протестовала против вооруженного выступления большевиков, но призывала граждан сплотиться не вокруг Временного правительства, а вокруг нее самой «как полномочного представительного органа»⁵⁴. Был создан Комитет общественной безопасности (КОБ) во главе с городским головой Г. И. Шрейдером, который, как и лидеры Предпарла-

⁵⁰ Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте. С. 308.

⁵¹ Дан Ф. Указ. соч. С. 148.

⁵² Меньшевики. От революций... С. 73.

⁵³ Кручковская В. М. Указ. соч. С. 82.

⁵⁴ Там же. С. 86.

мента, пытался взять на себя посреднические функции. КОБ направил своих комиссаров в воинские части, но повторить успех ВРК им не удалось, так как среди солдат дума не была популярна.

Утром 25 октября Керенский выехал в штаб Северного фронта, надеясь ускорить продвижение войск к Петрограду. Это было и безопаснее. В Пскове он сумел заручиться самой минимальной поддержкой, и его поход на Петроград во главе нескольких сот казаков под командованием П. Н. Краснова закончился полным провалом к 1 ноября.

После отъезда Керенского правительство временно возглавил А. И. Коновалов. Но что предпринять в сложившейся ситуации, он не знал. Посовещавшись, правительство назначило генерал-губернатором с диктаторскими полномочиями кадета Кишкина. Этот акт, не имевший в Петрограде никаких заметных последствий, дал повод генералу Черемисову оправдать свой нейтралитет в развернувшейся борьбе: «Сегодня вечером кто-то, по-видимому правые элементы, назначил генерал-губернатором Петрограда Кишкина, принадлежность которого к кадетской партии известна на фронте. Это назначение вызвало резкий перелом в войсковых организациях не в пользу Временного правительства. Войска на сторону Кишкина не станут»⁵⁵.

Черемисов не хотел защищать Временное правительство, но в общем от него мало что зависело – попытка активно действовать против Советов привела бы к крупным для него неприятностям: солдатская масса сочувствовала перевороту в Петрограде и его мирным декларациям. Впрочем, таково было настроение большинства солдат. В сводке донесений военно-политического отдела Ставки за вторую половину октября говорилось: «Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, неудержимое стремление в тыл... Армия представляет собой огромную усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием»⁵⁶. Вряд ли в такое состояние армию могла привести большевистская агитация, но большевистские лозунги в такой армии имели преобладающий успех.

В ночь на 25 октября большевики перешли в Петрограде в контрнаступление при поддержке левых эсеров и анархистов. Из 150-тысячного гарнизона большевиков поддержало около 50 тысяч (Павловский,

⁵⁵ Цит. по: *Думова Н. Г.* Указ. соч. С. 334.

⁵⁶ Цит. по: *Головин Н. Н.* Военные усилия России в Первой мировой войне. М., 2001. С. 392.

Кексгольмский, Финляндский и 180-й полки, балтийские матросы и др.). Пришлось выделить большой резерв, чтобы присматривать за нейтральными частями (прежде всего основными силами Преображенского полка) и подступами к столице, откуда могли явиться сторонники правительства, вызванные с фронта. В войсках, совершающих переворот, остались офицеры, подчинявшиеся указаниям комиссаров ВРК⁵⁷. В операциях участвовало, по разным данным, от 9 до 20 тыс. матросов, солдат и красногвардейцев, которым правительство смогло противопоставить более 2 тыс. юнкеров, 136 ударниц и около 300 казаков⁵⁸. Небольшая часть казаков, все же явившаяся в Зимний, тоже колебалась: «Хотя на большом заседании представителей совета съезда казаков и говорено было о воздержании от поддержки Временного правительства, пока в нем есть Керенский, который нам много вреда принес, все же мы, наши сотни решили прийти сюда на выручку. И то только старики пошли, а молодежь не захотела и объявила нейтралитет»⁵⁹.

Большая часть Петроградского гарнизона сохраняла нейтралитет. Никто не хотел умирать.

В ночь на 25 октября ЦК большевиков наметил состав правительства – Совета народных комиссаров во главе с Лениным. Троцкий получил пост наркома иностранных дел (Ильич сначала предложил ему внутренние дела, но сочли, что неудобно, если еврей займется наведением порядка на Руси с применением репрессий). Найти подготовленные кадры среди большевистских лидеров на все посты было нелегко. Из-за этого кадрового голода распределение портфелей подчас было случайным – Г. И. Ломов стал наркомом юстиции благодаря своему юридическому образованию. И. А. Теодорович и В. П. Милютин взяли портфели продовольствия и земледелия, потому что пока не удалось договориться с левыми эсерами. Впрочем, у наркомов были публикации по агарным вопросам...

Более объяснимо выглядели назначения А. Г. Шляпникова наркомом труда, А. В. Луначарского – просвещения и И. В. Сталина – национальностей. Но в целом намечающееся правительство выглядело несерьез-

⁵⁷ Еремеев К.Е. Осада Зимнего дворца. // Октябрь в Петрограде. С. 226–233.

⁵⁸ Суханов Н.Н. Указ. соч. С. 393–394; Старцев В.И. Революционный 1917-й // Драма Российской истории: большевики и революция. М., 2002. С. 221.

⁵⁹ Синегуб А. Защита Зимнего дворца (25 октября – 7 ноября 1917 г.) // Архив Русской революции. Т. 4. М., 1991. С. 158.

но, самым временным из всех временных. У большинства министров не было опыта управления и авторитета в возглавляемых сферах. Особенно сенсацию вызвала реформа Военного министерства, особенно рискованная во время войны. Наркомат возглавил не генерал (можно было бы даже не снимать пока с поста Верховского либо договориться и с М. Бонч-Бруевичем, и с Черемисовым – тот, похоже, ждал приглашения), а коллегия в составе покорителя Зимнего В. А. Антонова-Овсеенко, прапорщика Н. В. Крыленко и матроса П. Е. Дыбенко. Но это было как раз очень сильное решение, которое показало армии: новая власть – солдатская, она готовится не воевать, а мира искать.

Подготовив такой список правительства, большевики подтвердили, что еще до начала II съезда не собирались договариваться с эсерами и меньшевиками. Разве что немного потесниться в пользу левых эсеров и меньшевиков-интернационалистов.

Утром ВРК выпустил написанное Лениным воззвание Военно-революционного комитета «К гражданам России!»: «Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Советского правительства, это дело обеспечено»⁶⁰. Таким образом, ВРК все же захватил власть до открытия Съезда, чтобы передать потом ее Съезду, но уже на условиях большевиков.

Силы ВРК заняли телефонную станцию (хотя Временное правительство еще несколько часов продолжало пользоваться телефоном). В Неву вошла флотилия 25 верных большевикам военных кораблей во главе с крейсером «Аврора». 15 тыс. матросов были сильным резервом. Матросы взяли под контроль мосты, которые пытались разводить юнкера.

Днем был разогнан Предпарламент. На его поддержку из Зимнего выслали полуроту юнкеров. Но уже на соседней Морской улице она была остановлена пулеметным огнем с телефонной станции, осада которой осталась безуспешной. Впрочем, солдаты стреляли не по юнкерам, а выше. Убивать тоже никто никого не хотел.

Подошли броневики восставших, которые частью отогнали, а частью взяли в плен юнкеров, решившихся на вылазку из Зимнего дворца.

⁶⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 35. С. 1.

Днем на заседании Петросовета Троцкий торжественно заявил о ликвидации Временного правительства (хотя оно все еще ждало помощи в Зимнем). На протесты социалистов против того, что большевики пытаются предрешить волю съезда, Троцкий ответил: «Воля съезда предрешена огромным фактом восстания петроградских рабочих и солдат, происшедшего этой ночью. Теперь нам остается только развивать нашу победу»⁶¹.

Впервые после многомесячного перерыва на трибуне появился Ленин и произнес свою знаменитую фразу: «Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, свершилась». Программа «Апрельских тезисов» была практически выполнена, но теперь начиналось самое важное. Ведь большевики брали власть не ради власти и даже не ради того, чтобы передать ее Советам. Начинался рывок из капиталистического общества, прыжок в неизвестность, совершаемый вопреки всем законам марксистской «физики». **Октябрьский переворот был началом Октябрьской революции – нового этапа Российской революции, который призван был положить начало преобразованию всего мира.**

Одновременно с переворотом проходила работа II съезда Советов. ВЦИК обладал информацией о 917 советских организациях⁶². По современным данным на открытие съезда прибыло не менее 739 делегатов (с заявленной нормой представительства 25000 человек на делегата), из которых большевиков было только 338. Эсеров насчитывалось 211, в том числе 127 левых, 69 меньшевиков, в том числе 32 интернационалиста, 20 объединенных социал-демократов («новожизненцев»), занимавших еще более левые позиции, чем меньшевики-интернационалисты, 31 представитель национальных социалистических партий, 3 анархиста, 2 максималиста, по одному трудовику и члену Партии трудового крестьянства⁶³. Эта конфигурация давала преимущество правым большевикам, левым эсерам и левым меньшевикам, которые оказывались в центре политического спектра съезда.

Съезд открылся в 22.45. Можно было начать и раньше, но меньшевики и эсеры все еще ожесточенно спорили об отношении к происходящему. Левое крыло эсеров перетянуло на свою сторону боль-

⁶¹ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 328.

⁶² Там же. С. 269.

⁶³ Политические деятели России. 1917. С. 390. К началу заседания зарегистрировалось 560 депутатов, из которых большевиков было 250 (Второй Всероссийский съезд Советов. С. LIV, 3).

шинство фракции, но не ЦК. Большевики были открыты для союза, но уже не с партиями, а с их левыми крыльями. Если левые лидеры смогут заручиться большинством в своей партии, с ними можно иметь дело. Лишь бы надоевшие правые деятели не блокировали работу Совнаркома, как в свое время кадеты блокировали социальные реформы Временного правительства.

Ленин в начале ноября говорил: «Мы предлагали левым эсерам участвовать в правительстве, но они отказались»⁶⁴. Ценность персонального вхождения левых эсеров в Совнарком заключалась еще и в том, что эсеровская партия пока не раскололась и можно было бы объявить стране, что в правительство вошли социал-демократы (так по-прежнему официально назывались большевики) и эсеры. А именно такого правительства давно ждали широкие массы. Консультации с левыми эсерами и отдельными меньшевиками продолжались и позднее⁶⁵. Ленину было важно, сохранив большевистское ядро Совнаркома, создать хотя бы иллюзию более широкой коалиции. Но единственная влиятельная сила в этих переговорах – левые эсеры – не была готова входить в правительство без других сил. Они справедливо опасались, что окажутся в фарватере большевистской политики, вместо того чтобы стать центром социалистического правительства. Поэтому они, по выражению Камкова, пытались «связать порванную цепь, объединяющую два фронта русской демократии»⁶⁶. Попытка вовлечь в Совнарком левых эсеров была предпринята 26 октября, во время перерыва в работе съезда. На заседание большевистского ЦК пригласили Камкова, Карелина и Спино и предложили им войти в правительство⁶⁷. Но это можно было сделать на условиях большевиков, а не на паритетных основаниях. Левые эсеры еще надеялись добиться более широкой коалиции и отказались.

Съезд открыл представитель прежнего ЦИКа Дан. Но он недолго занимал сцену. Поскольку на съезде самой крупной фракцией являлись большевики, которых по многим вопросам поддерживали левые эсеры, то в новый президиум должны были войти 14 большевиков, 7 эсеров, 3 меньшевика и др. Меньшевики и эсеры, кроме левых, отказались занять места в президиуме, и руководство съездом стали осуществлять Каменев и другие большевики.

⁶⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 64.

⁶⁵ См. Логинов В. Т. Указ. соч. С. 549–552.

⁶⁶ Политические деятели России. 1917. С. 137.

⁶⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 72. Ленин утверждал также, что к участию в Советском правительстве большевики «приглашали всех», то есть меньшевиков и эсеров как таковых. А они, мол, сами не захотели (Там же. С. 36–37). Однако здесь Ленин лукавил – никаких реальных приглашений центристам и тем более правым социалистам 25–26 октября не поступало.

Меньшевик-интернационалист Мартов призвал «прежде всех вопросов... сделать все возможное для мирного разрешения кризиса, для создания власти, которая была бы признана всей демократией». Ключевой вопрос о власти до начала съезда «стал решаться путем заговора», большевики поставили революционные партии перед свершившимся фактом. Но прекратить кровопролитие можно лишь создав такую власть, «которая была бы признана всей демократией». Нужно срочно остановить «развертывающуюся гражданскую войну, результатом которой, может быть, будет новая вспышка контр-революции». Необходимо сейчас же сформировать делегацию для переговоров с другими социалистическими партиями, «чтобы прекратить начавшееся столкновение»⁶⁸.

Это предложение было поддержано от имени левых эсеров С. Д. Мстиславским, а затем и Луначарским от имени большевиков, изящно сменив акценты: вместо формирования делегации для переговоров он заявил о необходимости обсудить вопрос о власти. Каменев поставил предложение Мартова на голосование, и оно было принято единогласно и под аплодисменты всего зала. Г. И. Злоказов и Г. З. Иоффе считают, что «в этот момент II Всероссийский Съезд Советов находился в одном шаге от создания коалиционного Советского правительства, или, как тогда говорили, однородносоциалистического правительства»⁶⁹. Шаг этот, правда, было сделать очень нелегко, потому что доброй воли делегатов съезда было недостаточно – требовалось получить согласие ЦК партий эсеров и меньшевиков, товарищи которых в это время были осаждены в Зимнем дворце. Для того, чтобы они согласились сесть с большевиками за стол переговоров о коалиции, Ленин и Троцкий должны были отвести войска в казармы, а этого они делать не собирались.

Так что, как только утихли аплодисменты после принятия резолюции Мартова, выяснилось, что благие пожелания в сложившейся ситуации должны уступить место прозе жизни, огражденной большевистскими штыками. За окнами слышался грохот орудий Петропавловки, которая била по Зимнему. А ведь там находились какие-никакие товарищи социалистов по партии. Условием соглашения между большевиками и социалистами могло быть только немедленное прекращение огня, но большевики как раз форсировали ликвидацию последнего очага вооруженного сопротивления перевороту. Большевики соглашались на посредническую миссию городского головы Шрейдера, но только для того, чтобы добиться капитуляции Зимнего.

И все же предложение Мартова и согласие с ним большинства съезда давали социалистам шанс, которым они не воспользовались.

⁶⁸ Второй всероссийский съезд советов Р. и С. Д. С. 4, 34.

⁶⁹ Из истории борьбы за власть в 1917 году. Сборник документов. С. 69.

Меньшевики-армейцы Я. Хараш и Г. Кучин заклеили большевистскую авантюру, призвали к мобилизации сил против большевистского переворота «для спасения революции». Как говорил Хараш, «пока здесь вносится предложение о мирном улажении конфликта, на улицах Петрограда уже идет бой». Меньшевики и с.-р. считают необходимым отмежеваться от всего того, что здесь происходит, и собрать общественные силы, чтобы оказать упорное сопротивление попыткам захватить власть»⁷⁰.

Затем меньшевик Л. Хинчук, эсер Н. Гендельман, бундовцы Р. Абрамович и Г. Эрлих заявили, что их фракции уходят со съезда в знак протеста против начала гражданской войны большевиками. При этом меньшевики не исключали создания нового правительства, но только по соглашению с действующим Временным правительством⁷¹. Главную угрозу эсеры и меньшевики видели в том, что выступление большевиков может открыть дорогу контрреволюции и привести к срыву Учредительного собрания⁷².

Компромисс не был найден. Но левые эсеры и часть меньшевиков не ушли за более правыми эсерами и меньшевиками. С учетом вновь прибывших делегатов на съезде осталось 625 депутатов, представлявших 402 совета. 390 депутатов были большевиками, 179 – левыми эсерами, 35 – объединенными социалистами и 21 национальными социалистами⁷³. В работе съезда с его согласия приняли участие и депутаты крестьянских советов, прибывшие в Петроград и недовольные тем, что не созывается крестьянский съезд.

После ухода правого крыла на съезде оказались представлены два течения – радикальное (часть большевиков и анархисты) и компромиссное (умеренные большевики, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты, объединенцы, лидеры профсоюза железнодорожников Викжель). Значительная часть делегатов, поддерживая идею власти Советов в принципе, видела в однопартийной радикальной власти угрозу раскола трудящихся классов, гражданской войны и реакции. Для них Октябрьский переворот был средством создания ответственного перед Советами многопартийного социалистического правительства. Левые эсеры считали эту задачу вполне выполнимой: «Не большевики повинны в том, что они остались одинокими. Другая часть демократии не обнаружила готовности к объединению. Наша задача – быть посредниками между теми социалистическими элементами, которые покинули съезд Советов, и между большевика-

⁷⁰ Второй всероссийский съезд советов Р. и С. Д. С. 5.

⁷¹ Там же. С. 37.

⁷² Там же. С. 37–38.

⁷³ Политические деятели России. 1917. С. 391.

ми. Программа, намеченная новой властью, в общем и целом могла бы объединить вокруг себя всю революционную демократию. Живое доказательство этого — последний день перед переворотом, когда на заседании Предпарламента были приняты декреты о мире и о земле»⁷⁴, — заявил на съезде один из лидеров левых эсеров В. А. Карелин. Мартов предложил даже прервать работу Съезда до создания новой демократической власти.

В отличие от своих левых коллег, более правые лидеры ПСР и РСДРП считали, что реальные результаты революционного процесса определяются не столько программными заявлениями, сколько соотношением сил. Умеренные социалисты так же, как и в июле, не собирались уступать вооруженному давлению.

Но и большевики не были настроены искать компромисса на деле. Собственно, само восстание сводило возможность соглашения к минимуму. Троцкий даже с радостью говорил об уходе части эсеров и меньшевиков со съезда, назвав их банкротами и жалкими единицами, и предложил принять резолюцию, в которой говорилось: «Уход соглашателей не ослабляет Советы, а усиливает их, так как очищает от контр-революционных примесей рабочую и крестьянскую революцию». Характерно, что Каменев с помощью Луначарского, левых эсеров и объединенцев замаял принятие этой резолюции, торпедировавшей возможности соглашения с «ушедшими»⁷⁵. Луначарский заявил о неосновательности упреков левого эсера Камкова, критиковавшего большевиков за нежелание идти на компромисс — большевики ведь поддержали предложение Мартова, а вот правые социалисты покинули съезд, переходят в лагерь «корниловцев»⁷⁶.

После сообщения о взятии Зимнего дворца, в условиях срыва соглашения с социалистами большинство меньшевиков-интернационалистов решило, что пора уходить со съезда. Левое крыло этой группы во главе с Сухановым не смогло убедить товарищей продолжить бороться на съезде, но тщетно. В зале остались группа объединенных социал-демократов, к которым иногда присоединялись отдельные меньшевики-интернационалисты. Большинство большевиков на съезде было обеспечено, хотя оно и оставалось неоднородным. Каменев в конце заседания 25–26 октября отложил голосование по резолюции Троцкого.

⁷⁴ Второй Всероссийский съезд советов рабочих и солдатских депутатов (25–26 октября 1917 г.). Сборник документов и материалов. М., 1997. С. 62.

⁷⁵ Второй всероссийский съезд Советов Р. и С. Д. С. 8.

⁷⁶ Там же. С. 9.

По мнению А. Рабиновича, «восстание, происшедшее 24–25 октября, имело важнейшее историческое значение, поскольку, побудив большинство меньшевиков и эсеров покинуть II съезд Советов, помешало созданию на съезде социалистического коалиционного правительства, в котором умеренные социалисты могли бы занять сильные позиции. Благодаря этому оно проложило путь к созданию Советского правительства под полным контролем и руководством большевиков»⁷⁷. **Спровоцировав вооруженным выступлением уход умеренных социалистов, большевики не просто обеспечили себе разовый перевес на съезде, а сумели отождествить власть своей партии с властью Советов.**

Троцкий поставил вопрос ребром: «Почему объединение с Либером и Даном поможет делу мира и даст хлеб»⁷⁸. Но дело было не в Либере и Дане, а в тех силах, которые были с ними связаны общей идеей – при проведении социальных преобразований нельзя оставлять власть в руках одной радикальной и склонной к авторитаризму партии. Вопрос стоял о том, можно ли добиться мира и хлеба простыми авторитарными мерами, или для выхода из положения, в каком оказалась страна, необходима демократия, союз и компромисс сил, за которыми стоят массы. Об этом большевикам напоминали и левые эсеры, опасавшиеся за судьбу крестьян при режиме «пролетарской партии», и железнодорожники профобъединения Викжель, которые ради однородного социалистического правительства и прекращения Гражданской войны вскоре объявят забастовку. И большевикам придется идти им на временные уступки. Это вам уже не отыгранная карта «либерданов», это вопрос о стратегии социалистических преобразований.

В 6 часов вечера Зимний был окружен, и в 7 часов была предпринята его фронтальная атака – довольно беспорядочная. Обороняющиеся открыли огонь из пулеметов, и атакующие цепи залегли. В 21.40 был произведен холостой выстрел из орудия «Авроры», который произвел эффектное впечатление, но к падению Зимнего не привел.

Обстановка располагала к героике, но героической обороны не получилось. Защитники не очень понимали, что они защищают, и в большинстве своем сомневались, что это стоит их жизни.

Юнкера Константиновского артиллерийского училища ушли по указанию своего начальства (по дороге их орудия захватили большевики), казаки – потому что поддались агитации, часть ударниц – от

⁷⁷ Рабинович А. Указ. соч. С. 333–334.

⁷⁸ Цит. по: Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 360.

безысходности. Как вспоминал Керенский, «исчезли несколько экипажей броневиков. От брошенных машин теперь было не больше пользы, чем от поливальных»⁷⁹. Другие броневики объявили нейтралитет. Никто не хотел умирать.

А в ночь с 25 на 26 октября министры остались в Зимнем без премьера и без поддержки извне. Не понимая, почему никто не идет им на помощь, юнкера стали митинговать. Их пытались уговаривать министры. Энтузиазма они не вызвали, но юнкера продолжали вяло оборонять резиденцию правительства.

Петропавловская крепость обстреляла Зимний шрапнельными снарядами, было два попадания. Министрам принесли осколок, который теперь лежал перед ними на столе.

Вечером министр С. Л. Маслов дозвонился до гордумы и передал эсеру Н. Я. Быховскому: «Конечно, мы умрем здесь, но последним моим словом будет – презрение и проклятие той демократии, которая сумела нас послать, но не сумела нас защитить»⁸⁰. Хотя в действительности «демократия» не посылала Маслова в правительство, по призыву Быховского депутаты в ночь на 26 августа двинулись к Зимнему, но через квартал были остановлены, помитинговали и вернулись назад.

Однако ситуация в столице оставалась неустойчивой, и дума стала пристанищем оппозиции и ее центра – Комитета спасения Родины и Революции (КСРР). В него вошли представители Петроградской городской думы, Временного совета Российской республики, отставного ВЦИКа и доживавшего последние дни Исполкома крестьянского совета, ушедшие со Съезда фракции. Своих представителей направил ЦК кадетов (собственно, под их давлением в названии появилась Родина – спасти революцию кадетам было неинтересно). Кадеты стали мостиком и к более правым, корниловским силам, которые теоретически могли дать более солидную вооруженную поддержку. Комитет провозгласил, что сам готов создать новое правительство. Таким образом, в Петрограде возникло двоевластие, продержавшееся до начала ноября. Комитету подчинялось большинство государственных и банковских служащих, встретивших большевиков саботажем их распоряжений. На стороне КСРР была и часть юнкеров, предпринявшая 29 октября запоздалую попытку вооруженного выступления против большевиков.

В ночь на 26 октября большевики заняли здание Главного штаба. Матросы и красногвардейцы со стороны Эрмитажа проникли в огром-

⁷⁹ Керенский А. Ф. Русская революция. 1917. С. 335.

⁸⁰ Кручковская В. М. Указ. соч. С. 90.

ное здание, на охрану которого не хватало сил. Они захватили юнкеров, охранявших эту часть здания, но ненадолго – была предпринята контратака, юнкеров освободили, матросов взяли в плен. Игра в казаки-разбойники не могла продолжаться долго – у большевиков был очевидный перевес в числе, и вскоре они уже вернули себе восточное крыло здания, проникнув также и в западное, где находилось правительство.

Открыв огонь из орудия, восставшие снова двинулись вперед. Волна осаждавших все же перебежала через Дворцовую площадь, преодолела баррикады и проникла в здание через главные ворота.

Оборона получила несколько смертельных пробоин. Зал за залом масса вооруженных противников правительства затапливала дворец. Около 2 часов ночи комендант Зимнего полковник А. Г. Ананьев сдал резиденцию Временного правительства. По дворцу разливалась масса революционных солдат и красногвардейцев, и попытка сопротивления могла вызвать истребление защитников. Масса солдат, матросов и красногвардейцев во главе с Антоновым-Овсеенко втекла в Белую столовую, где находилось правительство.

«– Временное правительство здесь, – сказал Коновалов, продолжая сидеть. – Что вам угодно?»

– Объявляю вам, всем вам, что вы арестованы. Я представитель военно-революционного комитета Антонов.

– Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития, – сказал Коновалов»⁸¹, – вспоминал министр П. Н. Малянтович о финале эпохи Временного правительства.

Окончательно дворец был взят в 2 часа 4 минуты 26 октября. Потери штурмующих составили 6 солдат убитыми. Потери обороняющихся, по всей видимости, были еще меньше. Во дворце происходили акты грабежа «народного достояния», но на выходе штурмующих досматривали, и часть украденного удалось вернуть.

Министров провели мимо агрессивной толпы в Петропавловскую крепость, которая в этих условиях была им не только узилищем, но и защитой от самосуда.

В 3 часа ночи Каменев доложил съезду о взятии Зимнего. Возник вопрос о судьбе его министров, особенно социалистов – товарищей по партии для эсеров и меньшевиков. О свержении правительства на

⁸¹ Цит. по: *Соболев Г. Л.* Указ. соч. С. 404.

съезде уже никто не жалел, но не хотелось выглядеть деспотами, отпавившими своих противников в Петропавловскую крепость. Как иронизировал один из социал-демократов, «Может случиться, что товарищ Маслов попадет в ту самую камеру, в которой он сидел при Николае»⁸². Троцкий обещал перевести министров-социалистов под домашний арест, но напомнил, как раньше с согласия социалистов арестовывались большевики и другие левые.

В завершение заседания 25–26 октября было принято написанное Лениным и оглашенное Луначарским обращение съезда «К рабочим, солдатам и крестьянам!». В нем сообщалось, что Временное правительство низложено, власть переходит к Съезду советов рабочих и солдатских депутатов, а на местах – к Советам, что новая Советская власть доведет страну до созыва Учредительного собрания, проведя также назревшие преобразования и меры: демократический мир всем народам; безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов; рабочий контроль над производством; обеспечение всем нациям, населяющим Россию, подлинного права на самоопределение.

Второе заседание съезда открылось 26 октября в 9 часов вечера. Каменев объявил об отмене смертной казни и переходе к Советам власти на местах.

На этом заседании с докладами о мире и о земле выступил Ленин. «Большевики знали: у них нет численного превосходства в стране. Но расчет Ленина заключался в том, что его партия завоеует большинство, безоговорочно признав основные радикальные требования масс в момент взятия власти. Именно это он и сделал 26 октября, когда II Съезд советов одобрил его знаменитые Декрет о мире и Декрет о земле»⁸³ – пишет итальянский историк Дж. Боффа.

В «Декрете о мире» говорилось: «Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24–25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, – миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, – та-

⁸² Второй всероссийский съезд советов Р. и С. Д. С. 48–49.

⁸³ Боффа Дж. История Советского Союза. Т. 1. От революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917–1941 гг. М., 1994. С. 54.

ким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций»⁸⁴.

Учитывая обилие двойных толкований этого лозунга, Ленин разъяснил его дополнительно: «Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет»⁸⁵. То есть в число аннексий включались не только возможные, но и уже совершившиеся в прошлом территориальные изменения, что предполагало практически всеобщую перекройку границ и распад империй.

Таким образом, большевики выдвинули не просто условия мира, но принципы нового мироустройства. При этом Ленин надеялся на поиск компромисса между выдвинутыми съездом радикальными принципами и традиционной дипломатией мировых держав, а также на мировое общественное мнение, перед лицом которого можно искать этот компромисс. Поэтому он настаивал на открытости переговоров: «Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и

⁸⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 13.

⁸⁵ Там же. С. 14.

немедленно отмененным»⁸⁶. Это – предупредительный выстрел в сторону Антанты, потому что наиболее компрометирующие участников тайные договоры были заключены до февраля 1917 года. Если Антанта не откликнется на советскую инициативу – могут быть опубликованы и они. И тогда всем станет ясно, что не Антанте учить большевиков морали.

Советские предложения не являются предварительными, перемирие можно заключить прямо сейчас: «Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на 3 месяца, т.е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира»⁸⁷.

После голосования Съезд охватила эйфория, депутаты пели «Интернационал», а потом устроили овацию Ленину «как автору обращения и стойкому борцу и вождю рабоче-крестьянской победоносной революции»⁸⁸.

Правительство Германии и ее союзников отнеслось к декрету серьезно. 14 ноября 1917 г. германское верховное командование дало согласие на ведение официальных переговоров о мире с представителями советской власти.

Противник большевиков барон А. П. Будберг, командовавший корпусом на Северном фронте, писал в дневнике: «Новое правительство товарища Ленина разразилось декретом о немедленном мире, в другой обстановке над этим можно было бы только смеяться, но сейчас это гениальнейший ход для привлечения солдатских масс на свою сторону; я видел это по настроению в солдатских полках, которые сегодня объехал; телеграмма Ленина о немедленном перемирии на 3 месяца, а затем мире произвела везде колоссальное впечатление и вызвала бурную радость»⁸⁹.

Не меньший резонанс имел декрет «О земле», которым съезд немедленно и без всякого выкупа отменял частную собственность на землю (в том числе помещичью) и передавал ее в распоряжение земельных комитетов и крестьянских советов до Учредительного собрания, кото-

⁸⁶ Там же. С. 14–15.

⁸⁷ Там же. С. 15.

⁸⁸ Второй всероссийский съезд советов Р. и С. Д. С. 21.

⁸⁹ Дневник барона Алексея Будберга. 1917 год // Архив русской революции. Т. 12. М., 1991. С. 235.

рое решит аграрный вопрос окончательно. Собственно, это – программа-минимум, почти осуществленная министром Черновым. Но Ленин использовал неожиданное ноу-хау. До созыва Учредительного собрания следовало руководствоваться сводом 242 крестьянских наказов.

Этот свод был плодом систематизации пришедших в адрес исполкома Совета крестьянских депутатов «разного рода мирских приговоров, посланий, прошений и наказов разного рода крестьянским депутациям, а также делегатам, избираемым в крестьянские советы и съезды советов»⁹⁰. Систематизация была поручена эсеровским исполкомом СКД сотруднице редакции «Известий СКД» Федер с тем, чтобы она выделила общие, повторяющиеся идеи. Итоги работы Федер были опубликованы 19 августа в «Известиях СКД». По мнению Чернова, Федер «справилась со своею задачею весьма недурно»⁹¹. Но ни она сама, ни заказавшие работу эсеры из ИК СКД не подозревали, что этот текст может восприниматься как готовый законопроект – это был хоть и предварительно обработанный, но все еще сырой материал.

Свод запрещал любое отчуждение земли и сдачу ее в аренду. Наемный труд также запрещался. Земля должна была передаваться общиной тем, кто может обрабатывать ее своим трудом и трудом своей семьи. При случайном бессилии общине следовало помогать заболевшему крестьянину до двух лет посредством общественной обработки земли. Если нетрудоспособность сохранялась, то крестьянин терял право на землю и получал государственную пенсию.

Земля должна была поступить в общенародный фонд и распределяться местным самоуправлением уравнительно, «смотря по местным условиям» по трудовой или потребительной норме. Так по трудовой или потребительной? Это большая разница, и договориться о том, как делить землю, было непросто, если закон это не определит. Но свод обходил эту проблему, в нем лишь говорилось, что формы землепользования должны свободно определяться крестьянами.

В соответствии с идеей эсеров предполагались переделы в зависимости от роста населения. Выбывшие крестьяне могли указывать, кому они хотели бы передать землю, что создавало для них преимущественное право. При переделах ядро надела должно сохраняться за прежним хозяином, если он продолжает обрабатывать землю.

Земля у помещиков отчуждалась безвозмездно. В другом месте наказы не исключали выкупа, отдавая этот вопрос на усмотрение Учредительного собрания.

⁹⁰ Чернов В. М. Конструктивный социализм. М., 1997. С. 407.

⁹¹ Там же. С. 408.

В случае нехватки земли предполагалось переселение части крестьян за государственный счет.

В соответствии со сводом недра и важнейшие ресурсы переходили государству. Земельные участки с высококультурными хозяйствами не подлежали разделу, а превращались в показательные и принадлежали государству либо общинам – в зависимости от размера и значения⁹². Именно это предусматривал и законопроект министра-эсера Маслова.

Легко увидеть, что наказания исходили от тех крестьян, которые исповедовали принципы эсеровской программы. Взгляды сторонников частной собственности в свод не попали.

Дискуссию на съезде вызвал вопрос, стоит ли давать землю дезертирам – ведь в этом случае Декрет мог спровоцировать уход солдат с фронта, чтобы скорее делить землю. В итоге обсуждения вопрос оставили на усмотрение правительства⁹³.

Биограф Ленина Логинов возвышает Декрет на невиданную высоту: «Мировая история действительно знает не столь уж много прецедентов, когда устои и формы собственности в огромной стране формулировались не политиками, а напрямую – самим народом»⁹⁴. Примеры такие есть, но Декрет о земле – не один из них. Ведь в действительности он не определял, какими станут долгосрочные формы собственности, как будет разделена земля. Он осуществлял чисто эсеровское тактическое требование передачи земли земельным комитетам, а дальше предлагал двигаться по пути эсеровской программы, правда, в несколько противоречивых формулировках. Ленин этим декретом делал остроумный популистский ход, отложив решение наиболее сложных аграрных проблем и предложив крестьянам потренироваться в социальном творчестве на местах. Реальный закон, определявший проблемы собственности и порядок землепользования, был принят по проекту левых эсеров только в январе 1918 года.

Настало время формировать новые органы власти, которые должны были управлять страной до созыва Учредительного собрания: Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и временное правительство с необычным, революционным названием – Совет народных комиссаров (Совнарком, СНК). Название это объяснялось тем, что отраслевое управление поручалось не министерствам, а «комиссиям» (в дальнейшем их стали называть комиссариатами). СНК должен был отвечать не перед нынешним ВЦИК, а перед Съездом Советов ра-

⁹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 25–26.

⁹³ Второй всероссийский съезд советов Р. и С. Д. С. 78.

⁹⁴ Логинов В. Т. Указ. соч. С. 564.

бочих, крестьянских и солдатских депутатов и его ЦИКом⁹⁵, которые еще предстояло создать. ВЦИК занимал, таким образом, место Предпарламента.

В состав ВЦИКа вошли 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист – всего 101 человек. Председателем ВЦИКа стал Каменев.

Совнарком оказался чисто большевистским. Он состоял из 15 человек во главе с Лениным. Первыми наркомками были назначены Рыков (внутренние дела), Милютин (земледелие), Шляпников (труд), Антонов-Овсеенко, Крыленко, Дыбенко (военная и морская комиссия), В. П. Ногин (торговля и промышленность), Луначарский (просвещение), Скворцов-Степанов (финансы), Троцкий (иностранные дела), Ломов-Оппоков (юстиция), Теодорович (продовольствие), Н. П. Глебов-Авилов (почта и телеграф), Сталин (по делам национальностей). На пост наркома железных дорог специалиста не нашлось, чем воспользовался Викжель, заявивший, что берет железную дорогу под контроль вплоть до создания многопартийного правительства революционной демократии. Таким образом, профсоюз железнодорожников дал понять, что борьба за однородное социалистическое правительство еще не окончена.

В этом составе Совнарком просуществует недолго – до ноября, и претерпит изменения как по причине политических разногласий между большевиками, так и потому, что подбор части наркомов был достаточно случайным – нужно было срочно заполнить вакансии, так как другие социалистические партии в правительство не вошли. Большевики были бы рады видеть на второстепенных должностях левых эсеров или меньшевиков-интернационалистов. Но при условии, что ключевые посты останутся за ленинцами.

Карелин разъяснял позицию левых эсеров: «Мы, конечно, протестуем против того, что вместо временных комитетов, которые бы взяли на себя временное разрешение наболевших вопросов дня, мы имеем перед собою готовое правительство. Но мы не хотим идти по пути изоляции большевиков, ибо понимаем, что с судьбой большевиков связана судьба всей революции: их гибель будет гибелью революции.

В оглашенном здесь списке членов правительства могло быть и несколько левых с.-р. Но если бы мы пошли на такую комбинацию, то мы этим углубили бы существующие в рядах революционной демократии разногласия. Но наша задача заключается в том, чтобы примирить все

⁹⁵ Второй всероссийский съезд советов Р. и С. Д. С. 79.

части демократии. Всякую попытку новой власти наладить работу по разрешению неотложных вопросов дня мы будем поддерживать»⁹⁶.

Создав однопартийное правительство, большевики демонстрировали готовность решительно взяться за «неотложные вопросы дня». Впрочем, в составе Совнаркома были представлены и радикальное, и умеренное крылья партии.

Левый эсер Карелин и объединенец Авилов высказывали опасение, что изоляция радикальной левой власти, ее недостаточная опора в стране, может привести к гибели революции. Но, отвечая им, Троцкий был полон энтузиазма. Не важно, что большевикам не удалось заключить коалицию с партиями. Зато им удалось заключить коалицию «нашего гарнизона, главным образом крестьянского, с рабочим классом»⁹⁷. Троцкий пытался убедить оппонентов и успокоить сторонников с помощью классового анализа, но никто пока не доказал, что союз пробольшевистских рабочих и солдат – это уже союз всего рабочего класса со всем крестьянством. Выборы в Учредительное собрание покажут, что большинство населения страны за большевиками не пошло. Но Троцкий надеялся на более весомый фактор, чем поддержка большинства граждан России: «Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены, – это несомненно. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу»⁹⁸. Начиналась авантюрная игра, зависевшая прежде всего от внешних факторов, но исход ее не вписался в альтернативу, предложенную Троцким.

Спровоцировав вооруженным выступлением уход умеренных социалистов, большевики не просто обеспечили себе разовый перевес на съезде, а сумели отождествить власть своей партии (первоначально – с младшими, ведомыми союзниками) с властью Советов. Советская власть стала псевдонимом коммунистического режима. Это определило не только направление Российской революции на ее новом, Октябрьском этапе, но и путь, по которому Россия будет завершать переход к индустриальному, городскому обществу, социальному государству, к тому, что мы сегодня воспринимаем как современность. В нашей стране отныне современность получает название «Советская эпоха», в которой будут сосуществовать,

⁹⁶ Там же. С. 26.

⁹⁷ Там же. С. 27.

⁹⁸ Там же. С. 29.

синтезироваться и противоборствовать три начала – традиция российской культуры, социалистические идеи общества, более справедливого, равноправного, чем капитализм, и, наконец, авторитарный каркас коммунистического режима.

Большевики представляли собой узкий социально-политический спектр, но популярная идея советской власти помогала им опираться на широкое низовое радикальное движение, не управляемое из партийных центров. Однако его влияние на верхи режима ослабевало с каждым месяцем. Система согласования социальных интересов была разрушена, конфликты стремительно нарастали, страна скатывалась к широкомасштабной гражданской войне, которая сама по себе грозила добить экономику и разрушить и без того слабые предпосылки социализации.

Сторонники компромисса в ноябре 1917 г. еще пытались в ходе переговоров, начатых по инициативе профсоюза железнодорожников Викжель, предотвратить Гражданскую войну и возродить идею однородного социалистического правительства. Но радикально-авторитарное ядро партии большевиков уже сделало решающий шаг к властной гегемонии и не собиралось уступать господствующие позиции. Умеренные социалисты также не были готовы ни к компромиссу, ни к решительному столкновению с большевиками, справедливо опасаясь широкомасштабной гражданской войны и рассчитывая, что выборы в Учредительное собрание кардинально изменят ситуацию.

Но большевики не собирались уступать власть «парламентской говорильне». Теперь их интересовали не компромиссы и баланс сил. Они начинали наиболее решительную и долгосрочную в истории попытку преодолеть капитализм.

26 октября в Петрограде образовался новый центр власти, действовавший от имени рабочего класса и крестьянства, а в действительности опиравшийся на радикальные городские низы и солдатскую массу. Казалось, Совнарком может лишь плыть по течению, выполняя требования взбудораженных и уставших от войны масс. На местах ситуация еще не определилась, было ясно лишь, что попытка Керенского вернуть власть скорее всего обречена – его почти никто не поддерживал, поход нескольких сотен казаков Краснова на Петроград провалился, и 1 ноября Керенский покинул российскую политическую сцену, бежав из Гатчины. Но в каждой губернии и городе продолжалась борьба за влияние самых разных политических сил – иногда вооруженная. Совнаркому предстояло еще заняться собиранием земель, как-то выкрутиться из состояния войны и разрухи.

Самый близкий политический союзник большевиков Суханов писал через четыре года: «Несмотря на все шансы победить в восстании,

большевики заведомо не могли справиться с его последствиями: заведомо не могли по всей совокупности обстоятельств выполнить возникающие государственные задачи»⁹⁹. Действительно, беспорядочный раздел земли усугубил продовольственные проблемы и вызвал разгул насилия в стране, вместо мира без аннексий и контрибуций получился грабительский «похабный» Брестский мир и длительная гражданская война. Вместо хлеба города получили полуголодное существование, хуже, чем в 1917-м. Не были реализованы и основные положения «Государства и революции». Даже власть Советов была замещена жесткой диктатурой Совнаркома, его бюрократической иерархии и репрессивных структур. Все получилось не так, как было обещано. Но Суханов оказался не прав в главном – в конечном итоге большевики решили возникающие задачи и справились с последствиями не только Октябрьского переворота, но и всей революции 1917–1922 годов. Вероятно, справиться можно было иначе и даже гуманнее и эффективнее. Но обсуждение этого вопроса нужно вести отдельно.

Дело в том, что большевики приходили к власти не ради демократического мира и раздела помещичьих земель. Тактические задачи, которые они «не могли решить», по мнению Суханова и других наблюдателей, были «мелочами игры», средством удержаться у власти и консолидировать общество в преддверии решения куда более важных задач – выхода за пределы капитализма, создания коммунистического общества, спроектированного Марксом как централизованная система, где все работают по единому плану. Осуществление этого проекта определило судьбу России и во многом – всего мира в XX веке.

⁹⁹ Суханов Н. Н. Указ. соч. С. 279.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: АЛЬТЕРНАТИВЫ 1917 ГОДА

Фраза «История не знает сослагательного наклонения», которая произносится, как правило, с многозначительным: «как известно», отдаёт тему исторических альтернатив на откуп публицистам. Эта фраза – лозунг фаталистов, и я готов противопоставить ей прямо противоположную: «История знает сослагательное наклонение». Исследователь-историк не может игнорировать возможности иного течения событий, он не сможет адекватно оценить событие и его последствия, если не поинтересуется также возможными альтернативами. Но научный анализ альтернатив должен быть лишен публицистической захватскости, идеологической однолинейности, когда писатели смело отмечают любые исторические закономерности, социальную причинность, чтобы прочертить линию от реальных событий к желаемому идеалу или жуткой катастрофической картине. Исторические альтернативы, как правило, неоднозначны. Это – возможное развитие, и его возможность тоже необходимо доказывать.

Россия без революции?

Прежде всего возникает вопрос: а была ли возможность вообще миновать революцию в России? Известно, что некоторые страны сумели обойтись без революционных потрясений при переходе от традиционного аграрного общества к индустриальному урбанизированному, но это – скорее исключение, а не правило. Чтобы возникла возможность избежать революции, в господствующих классах должна сформироваться группа реформаторов, способных не только провести филигранные реформы на опережение, как правило в ухудшающейся социальной ситуации, но и преодолеть эгоизм правящих слоев. В начале XX в. переход к индустриальному обществу накопил горячее для социального взрыва, а к серьезным преобразованиям правящая элита не была готова. Так что в той или иной форме революция в начале XX столетия была неизбежна. В России реформы, даже последовавшие за революцией 1905–1907 гг., исходили из необходимости сохранения и самодержавия, и помещичьего землевладения. Система и в 1905 г. «не поняла намека истории». Завалы на пути дальнейшей модернизации России

сохранялись, реформы не помогли решить ни проблему острейшего аграрного перенаселения, связанную с помещичьей системой низкой производительности труда на селе, ни их последствий в городе, сохранявших взрывоопасную социальную обстановку. Накапливался и конфликт в элитных слоях, порожденный аристократически-бюрократическим характером правящего слоя, вызывавшего неприятие в остальных элитных слоях.

После очевидно незавершенной революции 1905–1907 гг. новая революция была предопределена. Но ее формы и результаты могли быть совершенно различными. На повестке дня стояла «доводящая» революция, которая должна была заставить монархический режим пойти на дальнейшие уступки по вопросам, поставленным Первой русской революцией. Эта альтернатива может моделироваться с учетом таких революций относительно низкой интенсивности, как «Славная революция» в Англии и революции первой половины XIX в. во Франции. Собственно, эта повестка дня и ставилась либеральной оппозицией в Феврале 1917-го. Но Российская революция не остановилась, двинувшись вглубь. Это произошло по двум причинам: во-первых, процесс индустриальной модернизации уже к 1905 г. выдвинул на повестку дня «рабочий вопрос», во-вторых, мировая война обострила социальные кризисы в городах и придала характеру революции примесь солдатской.

Значение «рабочего вопроса», тесная связь рабочего движения с социалистическим и готовность их действовать самостоятельно, независимо от либеральной элиты – основание считать, что революция в любом случае, даже без войны, имела бы сильную социальную составляющую. Если применять французские модели, то речь может идти уже о революциях 1848–1849 и 1870–1871 гг. Эти параллели рассматривались социалистами и в 1905 г., и повестка дня не изменилась в период между революциями. Итак, с нашей точки зрения, уже к 1914 г. в России в ближайшие годы была неизбежна глубокая социальная революция, однако не столь разрушительная, как случилось в 1917-м. Во всяком случае, сохранялись возможности избежать обрушения власти, очаги социального возмущения могли быть локализованы, преобразования могли удержаться в рамках умеренных социал-либеральных реформ. Однако необходимо оговориться, что более скромный размах революции мог быть обеспечен в случае гибкой политики властей, готовности сочетать репрессивные меры и глубокие социальные реформы. Опыт 1917 г. показывает, что действия правящих слоев Российской империи – и консервативных, и либеральных – способствовали эскалации революции.

Выбор времени

Из сказанного следует, что большое значение имел «выбор» времени начала революции. Здесь сходятся две альтернативы. Первая, упомянутая выше, – революция в условиях мира, то есть развитие России в условиях, когда стране удалось бы избежать участия в мировой войне, во всяком случае до революции (обычно формулируется как: «Если бы не война!»). Вторая – революция начинается уже после завершения войны, в условиях демобилизации после победы Антанты.

Для Германии, Австро-Венгрии и России война закончилась революцией. Можно сколько угодно рассуждать о таких «причинах» революции, как интриги оппозиции и происки шпионов врага, но все это было и во Франции, Великобритании. А там революций не произошло. Однако Россия отличается от Германии тем, что находилась в коалиции потенциальных победителей, как, например, Италия. После войны в Италии также произошла дестабилизация социальной системы, но не столь интенсивная, как в России, Германии и наследниках Австро-Венгрии. Таким образом, возможность более умеренной революции зависела от того, могла ли Система дотянуть до конца войны, то есть – всего около года (с учетом того, что выход России в 1917 г. из войны несколько облегчил положение Германии).

Стало ли начало революции именно в начале 1917 г. результатом прежде всего объективных или субъективных факторов?

Война дестабилизировала финансовую систему, начались сбои в работе транспорта, падение выпуска продукции в тяжелой промышленности. Сельское хозяйство сокращало производство продовольствия в условиях, когда нужно было кормить не только город, но и фронт. Произошло падение уровня жизни рабочих – вплоть до полуголодного состояния зимой 1917 г. Царская бюрократия не могла решить эти сложнейшие задачи, но проявляла свою инициативу в коррупции и других злоупотреблениях, средоточием которых общественность была склонна считать императорский двор. При этом предпринимательские круги в этом отношении не выделялись в лучшую сторону. Война активизировала общество, а неудачный ход боевых действий (обусловленный состоянием русской армии) дискредитировал власть.

Либеральные деятели были не прочь воспользоваться ухудшением ситуации, чтобы добиться воплощения в жизнь своей мечты – конституционной монархии, развития страны «по английскому пути». Но ведь ситуация действительно продолжала ухудшаться, и настолько, что это стало вызывать опасения «русского бунта, бессмысленного и беспощадного». «Общественности» приходилось маневрировать перед двумя перспективами – глухой абсолютистской реакцией и смуты.

Задача либералов в этих условиях заключалась в том, чтобы добиться от императора конституционных уступок до того, как режим доведет дело до социальной революции. Но Николай II упрямо отказывался от уступок, чурался перемен, заменяя действия колебаниями.

И эта расстановка политических сил, и политический стиль государства сформировались до войны, а во время войны лишь усугубились. Если правитель не привлекает к сотрудничеству «общественность», она начинает работать в режиме «теневого кабинета» – искать пути воплощения в жизнь своих идей вопреки воле «некомпетентной» и эгоистичной власти. Это сделало либеральное крыло Думы центром общественного недовольства и снискало ей значительную популярность, в том числе и в среде генералитета.

Такое влияние «прогрессистов» позволяет поставить вопрос о «превентивном перевороте», который мог привести к либерализации до революции и тем снять часть противоречий. В то же время нельзя забывать, что в напряженной социальной ситуации подобные перевороты как раз и оказываются стартовой точкой революций (такой сценарий имел место, например, в Португалии в 1974–1975 гг.).

Свою лепту в начало революции (но не «желательной» для либералов дворцовой, а настоящей, социальной) внесло наступление на социальные права рабочих, спровоцировавшее забастовки и локауты.

В феврале 1917 г. хватило призыва небольших революционных групп, чтобы население Петрограда вышло на улицы. Политика самодержавия была такова, что обеспечила раскол элиты перед началом социальных волнений. Кризис социальной системы поставил крупные города перед лицом таких волнений.

Все это делает альтернативу «Россия без революции» невозможной, а «Революции после войны» (а не во время войны) – маловероятной.

Однако если шанс избежать революции в 1917–1918 гг. у России был, то именно Николай II свел его к нулю.

Либерализм и центризм

После создания Советов речь шла не о бунте и не о политическом перевороте, а о борьбе широких социальных слоев за власть с целью изменения самих принципов формирования социально-политической системы страны, то есть о социальной революции.

Революция, которая виделась политической элите как либеральный переворот, с самого начала приобрела глубокий социальный характер – ведь основные вопросы, поставленные еще революцией 1905 г., так и не были разрешены. Игнорируя это обстоятельство, либералы и

политические центристы, прежде всего из «постмасонской группы» и «звездной палаты», время от времени сталкивались с кризисами власти, которые вели не к усилению, а к ослаблению режима.

Первоначально казалось, что революция стоит на развилке между либеральными и более радикальными преобразованиями. Но вскоре оказалось, что либеральный проект очевидно отстал от ситуации, а радикальная альтернатива распадается на целый веер путей. Лидеры либералов, задним числом разочарованные в революции, сожалели о своих действиях против царя. Важный фактор победы Февральской революции – сначала фактический нейтралитет, а затем и соучастие в отстранении Николая II от власти руководства армии – М. В. Алексеева и командующих фронтами. Вскоре после падения самодержавия они поняли, что неверно оценивали обстановку, полагая, что результатом падения Николая II станет возникновение либеральной конституционной монархии – они не знали о роли Совета. Там, где была ошибка, можно предположить иной вариант событий. Может быть, если бы генералитет все же решил подавить восстание в столице, развитие событий оказалось бы принципиально иным?

Каратели могли ворваться в столицу, но для быстрой «зачистки» нескольких крупных городов сил очевидно не было. Таким образом, сценарий «быстрого подавления революции» – это сценарий гражданской войны в тылу фронта, причем масштаба, большего, чем в 1905-м. Из этого следует, что поведение генералитета и их «выносных мозгов» – прогрессистов в сложившихся условиях было логичным.

Не существовало альтернативы быстрого подавления революции. Имелась альтернатива гражданской войны в тылу фронта либо – выхода из войны, «Брестского мира» уже в начале 1917 г. ради подавления революции. Тогда – с возможностью «глухой реакции» на несколько лет.

Очевидно, что возможность быстрого выхода из войны в начале 1917 г. являлась крайне маловероятной – правящие круги обеих стран были к этому не готовы. Следовательно, попытка «загнать джина в бутылку» означала дальнейшую дестабилизацию страны в условиях войны, неизбежные поражения на фронте, партизанскую войну и восстания в тылу. Февраль 1917 г. – не последний раз, когда возникала такая альтернатива.

«Ошибка» либералов по поводу перспектив восстания в Петрограде и других городах была закономерной. Именно восстание низов создало условия для переворота, которого они желали, но который все никак не могли организовать. Однако революция открыла либералам путь к власти «не просто так».

Казалось бы, в результате февральских событий возникло «двоевластие» – власть и правительства, и Совета. «Двоевластие» является теперь чуть ли не символом хаоса и смуты. Но «двоевластие» предполагает противостояние центров власти. А если они мирно сосуществуют и поддерживают друг друга – то это разделение полномочий, а не «двоевластие». Возникший политический режим был основан на соглашении между правительством и Советами, и противники слева критиковали Совет именно за «соглашательство». Альтернативы этого периода – это альтернативы «соглашательству», политическому центризму, балансированию между либерально-буржуазными и социал-демократическими силами.

Такое балансирование позволяло провести лишь политические меры, направленные на расширение гражданских свобод, почти не вдаваясь в социальную ткань общества. В условиях обостряющегося социального кризиса в городах и стремления крестьян получить помещичью землю этого было явно недостаточно для стабилизации положения.

В марте – апреле 1917 г. правительство стремилось сосредоточить в своих руках всю реальную власть, вернувшись к альтернативе либеральной революции, упущенной в февральские дни.

Пока либералы боролись за власть с самодержавием, они выступали за правительство, ответственное перед парламентом. Однако, получив власть, Временное правительство лишило власти Думу. Это ослабило либерализм в условиях, когда его программа и без того противостояла настроениям широких масс и могла быть навязана им только силой.

Сформировалась авторитарно-либеральная альтернатива, которая противопоставила себя даже умеренным демократическим принципам.

Весной 1917 г. в силу развития революции влево была создана либерально-социалистическая коалиция, что совпало с линией централизма. По мере дальнейшего развития революции и обострения конфликтов между кадетами и социалистами «постмасонская группа» и «звездная палата» маневрировали между ними, парализуя назревшие социальные преобразования. Уже независимо от принадлежности к масонству вокруг Керенского сплотились сторонники сохранения коалиции, в то время как в партиях влияние правительства Керенского падало, опора правительства размывалась. Социальная болезнь усиливалась, а социал-либеральная центристская группа блокировала попытки приступить к лечению. В 1917 г. это делало крах социал-либералов неизбежным. Стоявшие за центризмом слои интеллигенции, технократии и рабочих верхов размывались слева и справа, но что еще важнее – не могли удержать контроль над радикализирующимися массами.

Центристская стратегия заключалась в сближении левых либералов и правых социалистов на общей платформе гражданских свобод и умеренных социальных гарантий. В 1917 г. эта политика потерпела в России крах, но в мировой истории XX в. она имела большое будущее. На подобной идейной и социальной основе вырос социал-либерализм с реформами Рузвельта, социальным государством, манипулятивной политической системой элитарного плюрализма, присвоившей себе имя «демократии». Центристская группа в России тоже пряталась в среде «демократии» – более широкого круга социалистов и демократов. Искусство манипуляции, умение пользоваться личными связями за кулисами открытой партийной политики давало «постмасонской группе» преимущества на начальном этапе революции. Опираясь на левое крыло кадетов и правые крылья эсеров и меньшевиков, центристы повели Россию на Запад, в «семью передовых народов». И могли бы привести пусть и не в саму семью, но на ее периферию... Если бы революция заканчивалась. Но она только начиналась, широкие массы требовали как можно скорее начать глубокие социальные преобразования. Этот путь получил имя, произносившееся тогда миллионами уст, – «социализм». Его выразителями стали левые социалисты и большевики.

Советские альтернативы

Возникновение в ходе революции системы Советов поставило вопрос о возможности превращения ее в часть или даже основу будущего социально-политического устройства. Советская альтернатива возникла при гегемонии социалистических партий и стала действовать как российская форма народовластия.

На поле советской демократии конкурировали три альтернативы – центристы, представлявшие по сути интересы правящей партии; левые центристы в спектре от правых большевиков до левых меньшевиков и левых эсеров, а иногда – и до эсеровского центра; левые радикалы, прежде всего большевики, взявшие курс на скорейший переход к социалистической революции.

В то же время умеренные социалисты, лидировавшие в Советах до осени 1917 г., осознавали, что органы низового самоуправления не представляют большинства населения. Но, заступаясь за пассивное большинство, пытаясь подвести под государственные решения как можно более широкую социальную базу на выборах в Учредительное собрание, умеренные социалисты рисковали потерять поддержку активного меньшинства населения, от которого в условиях революции

зависела судьба власти. В то же время социальные преобразования с опорой на отобюрокразированное радикальное меньшинство могли привести к широкомасштабной Гражданской войне с теми слоями, интересы которых оказались бы ущемлены в ходе реформ. Маневрируя между этими Сциллой и Харибдой в течение последующих месяцев, умеренные социалисты вплотную подошли к одной крайности, а большевики – к другой. Но не раз в июне – ноябре 1917 г. возникала ситуация, при которой была возможна и левоцентристская «золотая середина»: синтез самоуправления и общегосударственной демократии.

Проведение социальных преобразований с опорой на большинство трудящихся (как организованное в Советы, так и нет) было возможно в случае компромисса между эсерами, меньшевиками и большевиками на платформе немедленного начала аграрной реформы (с последующим утверждением ее принципов авторитетом Учредительного собрания), государственного регулирования с одновременным расширением участия работников в управлении производством. В условиях войны большое значение приобретало требование скорейшего заключения перемирия и начала переговоров о мире без аннексий и контрибуций. Политическим выражением этой стратегии стала идея ответственности правительства перед Советами, что позволяло выйти из тупика безответственного, но в то же время (и во многом благодаря именно безответственности, безопорности) безвластного правительства.

Советы опирались на сеть низовой общественной самоорганизации, возникшей по всей стране. Массовые организации, сотнями появлявшиеся или выходявшие из подполья после революции, редко переходили собственно к самоуправлению. Они пока не брали управление в свои руки, а предпочитали контролировать управленцев и оказывать на них давление. Петроградский Совет, имевший наибольшее политическое влияние, весной-летом 1917-го действовал все же не как орган власти, а как авторитетная общественная организация: он готовил и лоббировал проекты решений правительства и его органов, рассылал «пожарные команды» по урегулированию многочисленных социальных конфликтов, координировал работу профсоюзов и фабзавкомов, воздействовал на массы с помощью воззваний и влиятельных агитаторов. Пока правительство шло навстречу (или обещало пойти навстречу) предложениям главного органа «демократии», пока городские низы были согласны подчиняться советской дисциплине – эта система сдержек стабилизировала революционный социальный порядок.

Но в условиях социально-экономического кризиса и роста радикальных настроений, с одной стороны, и неуступчивости и саботажа «цензовых» слоев – с другой, время работало против умеренных со-

циалистов. В ряде регионов крестьяне стали захватывать помещичьи земли, происходили столкновения с войсками Временного правительства, что компрометировало эсеров в глазах крестьян.

Либерально-социалистическая коалиция становилась несовместимой с реформами и вела февральский режим к катастрофе.

Положение трудящихся продолжало ухудшаться, что стало питательной средой для социального радикализма, возглавленного большевиками. В социальном отношении большевизм стал движением не только рабочего класса, а радикальных городских низов, в дальнейшем – маргинализованной части рабочих, крестьян и интеллигенции, стремящихся радикально изменить свое социальное положение. Руководящее ядро большевизма приобретало технократический характер, что и определило стратегию большевизма после его победы в революции и гражданской войне.

Особое значение для судеб революции имело возвращение в страну вождя большевиков В. И. Ленина. Своим политическим искусством и волей он значительно усилил радикальную составляющую революции. Без него большевики и меньшевики могли объединиться в социал-демократическую партию, что ослабило бы ударную силу большевизма. Ниша лидерства в среде наиболее радикальных масс перешла бы к анархистам (такая угроза слева преследовала большевиков в середине 1917 г.), и организованность этой силы была бы значительно меньше. В то же время без Ленина оказались бы выше шансы на консолидацию сторонников социальных реформ в спектре от Каменева до Чернова. Без Ленина лидерами революции осенью 1917 г. стали бы левые центристы, но вполне возможно, что коалиция умеренных социалистов, поправев после подавления анархистских бунтов, не удержалась бы под ударами контрреволюции. У Чернова, Каменева, Троцкого, левых эсеров не было такой воли в борьбе за власть, как у Ленина. Вполне возможно, что, столкнувшись с трудностями в проведении реформ, левые центристы сами стали бы прибегать к более авторитарной, репрессивной политике. Ведь участвовали же Каменев и Троцкий в проведении политики «военного коммунизма», и даже эсеровское правительство Комуча в условиях Гражданской войны в 1918 г. прибегло к репрессиям. Но именно возможность избежать Гражданской войны и составляла суть многопартийной социалистической альтернативы ленинской политике. Ведь гражданская война грозила разрушить социально-экономические и культурные предпосылки дальнейшей модернизации, не говоря уж о социализме.

Большевики не видели большой беды в Гражданской войне, репрессиях и прочих авторитарных атрибутах «в интересах пролетари-

ата». Таково было настроение не только Ленина и Троцкого, но, что существеннее, – шедших за большевиками масс.

При прочих равных условиях политика Ленина вела в сторону тоталитарного режима – это диктовалось его приверженностью Марксовой модели коммунистического общества с ее экономическим плановым централизмом. Но это – при прочих равных, если власть будет концентрироваться только в руках последовательных радикальных марксистов. Между тем в начале июля (во время июльского кризиса) и начале сентября (сразу после поражения Корнилова) 1917 г. большевики еще могли быть вовлечены в левосоциалистическое правительство, опирающееся на Советы. Такой вариант развития событий неизбежно повлиял бы на позицию партии большевиков. Ответственность правящей партии делает ее несколько правее, умереннее. Создание левоцентристского советского правительства ускорило бы социальные реформы, что на время разрядило бы ситуацию в решающий момент выборов и созыва Учредительного собрания.

И оба раза умеренные социалисты отказались от шанса договориться. Однако альтернатива однородного социалистического правительства сохранялась и в ноябре 1917-го.

Сторонники левого правительства, принадлежавшие к разным флангам, не сумели согласовать свои планы (здесь сыграл огромную роль субъективный фактор – нерешительность одних политиков, мало-влиятельность других, взаимное, часто чисто личное недоверие и неприязнь друг к другу у третьих). Без единства левого лагеря страна стала скатываться к авторитаризму и вооруженной конфронтации.

Большевики представляли собой узкий социально-политический спектр, но популярная идея советской власти помогала им опираться на широкое низовое радикальное движение, не управляемое из партийных центров. Эти «рядовые бойцы истории», отозвавшись на сигнальный выстрел в Петрограде, начали на огромном пространстве от Балтики до Тихого океана рывок к невиданному социалистическому обществу. Началась история советского общества.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абрамович Р. 421
Авксентьев Н. Д. 165, 316, 378–379
Аврех А. Я. 113, 161–162, 164
Аксельрод П. Б. 226
Аладьин А. Ф. 326, 340, 342, 344, 354
Александр II 40, 105
Александр III 68
Александра Федоровна 102, 105
Александров А. 187
Александрович В. А. 156
Алексеев М. В. 95, 102, 105–108, 111, 139–140, 148, 150, 159–161, 167, 170, 212, 218, 300, 304, 313–314, 317, 331, 343, 345, 351–352, 364–367, 439
Алексей Николаевич, цесаревич 104, 171–174
Ананьин А. Г. 425
Ананьин С. 245
Антонов-Овсеенко В. А. 407, 417, 425, 431
Анфимов А. М. 37, 47
Аронсон Г. 118, 217
Архипов И. Л. 133
Аухаген 78
Ашберг У. 264

Б

Бабкин М. А. 152–153
Багдатьяев С. Я. 207, 214
Багратуни Я. Г. 409
Базили Н. А. 172
Бакунин М. А. 65, 206, 280
Балуев П. С. 256, 304
Барановский В. Л. 330
Бенуа А. Н. 132

Берберова Н. 111
Беркенгейм А. М. 385
Богданов Б. О. 143, 192, 206, 384, 408
Бокий Г. И. 254
Бонч-Бруевич В. Д. 244
Бонч-Бруевич М. Д. 298, 333, 417
Боффа Дж. 426
Брешко-Брешковская Е. К. 209, 288, 324, 378
Бройдо М. И. 405
Брусилов А. А. 102, 170, 188, 218, 256, 298, 300–303, 317, 328
Брянчанинов А. Н. 113
Бубликов А. А. 147, 150, 324
Бубнов А. С. 398, 407
Будберг А. П. 428
Булдаков В. П. 7, 87
Бульчев 360–361
Буткевич М. Н. 407
Бухарин Н. И. 277, 396
Бухарцев П. В. 222
Быховский Н. Я. 232, 424
Бьюкенен 103

В

Вайнштейн С. Л. 405
Валентинов Н. В. 261
Васильев А. 289
Вердеревский Д. Н. 369, 391
Верховский А. И. 188, 300, 341, 369, 391, 402–405
Вкселовский Б. 267
Вильсон В. 403
Винниченко В. К. 241, 243
Витте С. Ю. 27, 83
Вишневский Г. А. 129
Войков В. Н. 168

- Войтинский В. С. 146, 190–191, 236, 246, 286, 318, 327
Володарский В. 246, 278, 397
Вырубов В. 345
Вышнеградский А. 215, 299, 311
Вяземский Д. 104
- Г**
Гальперн А. Я. 115, 117–118, 161
Гапон Г. А. 56
Ганецкий Я. С. 4, 263–267, 270, 274–276
Гвоздев К. А. 98, 173, 156, 392
Гегечкори Е. П. 117–118, 162
Гельфанд А. Л. (Парвус) 120–121, 126, 263, 270, 274–275
Гендельман Н. 421
Гертик А. 271–272
Герцен А. И. 63, 65
Гершенкрон А. 27–28
Гессен Г. В. 394
Гидденс Э. 8–10
Глебов-Авилов Н. П. 431
Глобачев К. И. 101, 109
Годнев И. В. 288
Голицын, полковник 299
Голицын Н. Д. 97, 139
Головин К. 63–64
Головин Я. 244
Гольденберг И. 205
Горемыкин И. Л. 97
Гоц А. Р. 190, 223, 231, 251, 379, 380, 389, 391, 408, 414
Грегори П. 27
Гринин Л. Е. 35, 48
Громан В. Г. 227–228, 293
Грушевский М. С. 241
Гурко В. И. 108
Гутор А. Е. 188, 298
Гучков А. И. 59, 98, 101–109, 113–115, 131, 142, 155, 172–173, 177, 194, 215–217, 324, 334
- Д**
Давыдов М. А. 45–47, 50, 52, 55–56, 62–64, 66–68, 83
Дан Ф. И. 190, 288, 295, 380, 384–385, 389, 391, 406, 412–414, 419, 423
Данилов Ю. Н. 102, 174, 258
Данилевич 363
Деникин А. И. 102, 301–302, 304, 306, 329, 336, 360, 365–367
Дзержинский Ф. Э. 407
Дмитриев С. Н. 116
Дурново П. 53
Духонин 411
Дыбенко П. Е. 417, 431
Дэвис Д. 123
Дюсиметьер 334
- Е**
Ельцин Б. Н. 40
Ермоленко 253
Ермолов А. С. 37, 52
Ефремов И. Н. 288
Ефремов С. А. 241
- Ж**
Жилин А. 244
Жордания Н. 384
- З**
Завойко В. 299–300, 343–344, 346, 354
Заславский Д. О. 267, 274
Затыкин А. 240, 246
Зензинов В. М. 378
Зиновьев Г. Е. 207, 235, 246, 250, 398–401, 411
Злоказов Г. И. 369, 420
Зырянов П. Н. 39, 70, 79
- И**
Иванов Н. И. 148–149, 170
Иванцова О. К. 330, 367

Иорданский Н. И. 366

Иоффе Г. З. 420

К

Кагарлицкий Б. Ю. 25

Каледин А. М. 319–320, 358

Каменев Л. Б. 202–204, 207, 210,

214, 234–235, 245, 255, 275, 371,

376, 380, 382–383, 422, 425, 431,

443, 386–387, 397–401, 410, 419,

Камков Б. Д. 231, 388, 413, 419,

422

Карелин В. А. 231, 419, 422, 432

Каропачинский 267

Карташев А. В. 161, 326–327

Катков Г. М. 119, 141, 161, 303,

305, 334, 336, 339–340, 347

Каутский К. 261

Кауфман А. А. 35, 62

Квашнин-Самарин С. 362

Кескюла А. 268

Керенский А. Ф. 96, 106, 111,

113, 118, 128–129, 138, 143,

157–158, 161–166, 168, 177, 181,

193–194, 202, 211–212, 216–218,

221, 224–225, 231, 234–235, 238,

240, 242–243, 256, 270, 286–290,

297–304, 306–312, 314–318, 325–

358, 360, 362, 377, 379, 416, 424,

433, 440

Кирилл Владимирович, вел. кн. 153

Кирпичников Т. 141

Кирьянов Ю. И. 30

Китченер 122

Кишкин Н. М. 404, 415

Клембовский В. Н. 174, 333, 356,

361

Кобылин В. 140

Ковальченко И. Д. 47

Козловская М. 265

Козловский М. Ю. 264–267, 274

Коковцев В. Н. 139

Кокошкин Ф. Ф. 212, 311, 351

Колегаев А. Л. 231

Коллонтай А. М. 398

Колчак А. В. 345

Коновалов А. И. 99, 143, 164,

391, 415

Корелин А. П. 76, 78

Корнилов Л. Г. 114, 202, 220, 224,

234, 278, 289, 297–300, 302–311,

313–315, 317–320, 323, 326–338,

340–371, 373, 381, 388, 402, 444

Коровиченко П. А. 374–376

Коротков А. 365

Краснов П. Н. 336, 434

Кропоткин П. А. 324

Крыленко Н. В. 256, 417, 431

Крымов А. М. 102, 104–106, 109,

114–115, 333, 335–337, 344, 350,

352, 356, 359, 361–364

Куликов С. В. 59

Курлов П. Г. 90

Кутепов А. 141

Кутлер Н. Н. 196

Кучин Г. 421

Кюнг П. А. 98–99

Л

Лавров П. Л. 63

Лазимир П. Е. 406–407

Ламанов А. 236, 246

Ланде Л. 414

Лацис М. И. 238

Лашевич М. М. 214, 397

Лашкевич И. 141

Лебедев Д. 361

Лейберов И. П. 91

Ленин В. И. 3–5, 62, 83, 156, 200,

202–207, 214, 221, 229, 231, 234,

237–238, 244, 247–250, 253–256,

259–262, 267–269, 274–276, 294,

315, 336, 350–351, 371, 380,

395–398, 400–401, 405, 410–412,

416–420, 426–431, 443–444

Либер М. И. 254, 427

Либкнехт К. 210, 259
 Линде Ф. Ф. 213–214
 Липеровский Л. Н. 81
 Литвак Б. Г. 39
 Литошенко Л. Н. 27, 33, 36–37, 81, 85
 Ллойд Джордж Д. 325
 Логинов В. Т. 214, 238, 294, 301, 341, 372, 381, 398, 404, 430
 Ломов-Оппоков Г. И. 416, 431
 Ломоносов Ю. В. 102, 126
 Лукомский А. С. 102, 170, 306, 329, 336, 338, 341, 350, 352, 354, 356, 366, 368
 Луначарский А. В. 248–250, 255, 358, 384, 416, 421–422, 426, 436,
 Львов В. Н. 341–349, 354
 Львов Г. Е. 98, 113, 123, 147, 161, 163, 173, 177, 216, 223, 287, 345
 Люксембург Р. 192, 259
 Ляндрес С. 264

М

Макаров Н. 63
 Маклаков В. А. 94–95, 97, 139, 313, 333–324, 354
 Мальтус 65
 Малянтович П. Н. 425
 Мандель Д. 198
 Маниковский А. А. 95, 98, 105, 142
 Мартов Ю. О. 226–227, 234–235, 249, 260, 295–296, 380, 383–384, 413, 420, 422
 Мартынов А. П. 108
 Маркс К. 20, 280–281, 283, 434
 Маслов С. Л. 392, 424, 426, 430
 Махно Н. И. 294
 Мельгунов С. П. 114, 132, 155, 187
 Меринг Ф. 261
 Мехоношин К. А. 254
 Мещерский А. 215

Миллер В. И. 10–11, 295
 Миллюков П. Н. 96, 98, 120, 132, 142–143, 147, 157, 159, 161–163, 166–167, 177, 194, 202, 208–209, 214–217, 220, 252, 258, 289–290, 313, 323–324, 327, 345, 351, 356, 367
 Милютин В. П. 416, 431
 Миронов Б. Н. 30, 33–39, 41–45, 48–49, 52, 55, 58–62, 64, 72, 80, 136
 Михаил Александрович, вел. кн. 139, 148, 170–177
 Михайловский Н. К. 63, 65–66
 Молотов В. М. 279
 Моор К. 269
 Морозов К. Н. 285
 Мстиславский С. Д. 420
 Мультатули П. В. 122, 148, 171, 173
 Муранов М. К. 203–204

Н

Набоков В. Д. 166–167, 177, 409
 Наливкин В. П. 375
 Наполеон I 8, 383
 Натансон М. А. 231
 Невский В. И. 244, 249, 399
 Некрасов Н. В. 106, 114, 117, 143, 157–158, 161–165, 181, 215, 217, 243, 288–289, 309, 338, 351
 Непенин А. И. 196
 Ненюков Д. 87
 Нефедов С. А. 35–37, 40–46, 50, 52, 60–64, 66, 82
 Никитин А. М. 352, 369
 Никитин Б. В. 255, 267–268
 Николаевский Б. И. 115, 117
 Николай II 27, 31, 93, 95–97, 102, 104, 107–109, 122, 128, 136–139, 148, 152, 168–176, 203, 214, 349, 426, 438–439
 Николай Николаевич, вел. кн. 95, 170

Никонов В. А. 106–108, 149, 169, 249

Новосильцев 313

Ногин В. П. 431

О

Огановский Н. В. 67

Ольденбург С. С. 140, 151, 167

Орановский 360

Островский А. В. 30, 59

П

Пастернак Б. Л. 267

Переверзев П. Н. 253

Петров Ю. А. 27

Пешехонов А. В. 218, 291–292

Плеханов Г. В. 206, 227, 288, 324, 345

Плющевский-Плющик Ю. Н. 306, 309

Подвойский Н. И. 245, 249, 399, 407

Покровский С. А. 47

Поливанов А. А. 102, 155, 188

Полковников Г. П. 407

Половцов П. А. 177, 189, 248, 255, 334

Преображенский Е. А. 278

Прокопович С. Н. 184, 293, 322, 391

Прудон П. Ж. 280

Путилов А. 215, 299, 314, 334, 343, 345

Пэйдж Д. 8, 10

Р

Рабинович А. 247, 249, 411, 423

Радек К. Б. 263, 267

Радзинский Э. С. 136

Разумов А. 174

Раев Н. П. 152

Раскольников Ф. Ф. 248, 253, 255

Распутин Г. Е. 97, 117

Рейлли А. 266

Ржевский В. А. 142

Риттих А. А. 88–90, 125, 130, 134, 137, 139, 143, 147, 185

Родзянко М. В. 98, 102–103, 115, 126, 139, 163, 168–171, 177, 180, 324, 345

Родичев Ф. И. 208–209

Розанов В. В. 159

Розенблиг 265

Рузвельт Ф. Д. 441

Рузский Н. В. 102–104, 117, 168

Русанов Н. 66, 270

Рыков А. И. 207

Рябушинский П. П. 324

Рязанов Д. Б. 253, 406

С

Савинков Б. В. 165, 288–289, 299–303, 306–312, 327–333, 335–341, 343–345, 347–355, 357, 360, 367

Садовский А. Д. 407

Сазонов С. Д. 139

Самарин 363

Самсонов 146

Сахнин А. В. 203

Свердлов Я. М. 245, 407

Селезнев Ф. А. 334

Семашко А. 244

Сидорин В. И. 334

Сироткин В. Г. 276

Скворцов-Степанов И. И. 118, 431

Скларц Г. 263

Скобелев М. И. 111, 118, 143, 190, 218, 227, 230, 387, 403

Скочпол Т. 8

Слесарёнок И. 246

Смилга И. Т. 238

Смирнов 270

Соболев Г. Л. 270

Соколов Н. 104, 157, 161

Сокольников Г. Я. 398

Солженицын А. И. 133–134
Солнцев Н. 230, 236, 244
Солоневич И. Л. 140
Спиридонова М. А. 231
Спиридович А. И. 252
Сталин И. В. 83, 164, 203, 277–279,
398, 401, 407, 410, 416, 431
Станкевич В. Б. 256–257
Стариков Н. 60, 121
Старцев В. И. 162, 165, 190
Стеклов Ю. М. 157, 190, 253
Степанов В. 187
Столыпин П. А. 53, 56, 72, 74–78,
79–83, 97
Струмилин С. Г. 30, 91
Суменсон Е. 263–268
Суханов Н. Н. 117, 131, 135,
141, 144, 157, 190, 250, 314,
318, 320, 325, 358, 394–395, 406,
433–434
Сухарьков Г. Н. 407

Т

Теодорович И. А. 416, 431
Терещенко М. И. 105, 114–115,
162–163, 243, 286, 309, 344, 369,
391, 403–404
Тилли Ч. 8–10
Трани Ю. 123
Тома А. 269
Тома Л. 269
Трепов А. Ф. 97
Третьяков С. 343, 345, 391
Троцкий Л. Д. 201–202, 240, 246,
249–250, 253, 255, 376–378, 380,
382, 393, 397–398
Туган-Барановский М. И. 26
Турчин В. П. 54–55
Тютюкин С. В. 166, 211

У

Урилов И. Х. 234
Урицкий М. С. 407

Ф

Федер 429
Филоненко М. М. 299–300,
302–304, 308–309, 329–330,
338–391, 344, 348, 350, 354–355
Фирсов Д. 230
Фондаминский И. И. 379
Фредерикс В. Б. 171
Фрэнсис 123
Фюрстенберг Г. 263–266

Х

Хабалов С. С. 134, 137
Хантингтон С. 8–9
Хараш Я. 421
Хаус Э. М. 122
Хереш Э. 269
Хинчук Л. 421
Ходский Л. Д. 35

Ц

Цаликов А. 360
Церетели И. Г. 187, 190, 207, 218,
221, 227, 243, 251, 286, 288, 295,
324, 345, 376, 383–384, 389–390,
413
Цеткин К. 261–262
Цирель С. В. 43–44

Ч

Чаянов А. В. 36, 185
Челноков М. В. 98, 151
Черемисов В. А. 304–305, 409,
415, 417
Черкес Л. Н. 373–374
Чермовский Н. 272–274
Чернов В. М. 25, 67, 73, 121, 180,
190, 192, 201, 218, 222, 225, 227,
231–235, 238, 248, 252–253, 260,
269, 287–290, 294, 307, 331–332,
351, 377–380, 382, 388, 390, 393,
411, 429, 443
Чернышевский Н. Г. 14, 49
Чиркин В. 196

Чхеидзе Н. С. 111, 117–118,
129, 143, 157–158, 190, 209,
214–215, 286, 320–3,22, 370,
389, 391, 413
Чхенкели А. И. 111, 118
Чудинов А. В. 19
Чураков Д. О. 194, 197

Ш

Шамиль 360
Шацилло К. Ф. 78
Шведчиков К. М. 272
Шингарев А. И. 130, 162–163,
185–186, 327
Шляпников А. Г. 30, 157, 203,
206, 416, 431
Шмидт Н. 261, 263
Шостакович Д. Д. 267
Шотман А. В. 400–401

Шрейдер Г. И. 414, 420
Штюрмер Б. В. 97
Шубин А. В. 2
Шульгин В. В. 135, 162, 172–173,
175–176, 316, 324

Э

Эверт А. Е. 171
Экстен А. 141
Энгельс Ф. 280
Эрлих Г. 421

Ю

Юрнев К. К. 156, 278
Юрьев А. И. 372

Я

Яковлев Н. Н. 106, 112–114, 118,
160–161

Научное издание

Шубин Александр Владленович

**ВЕЛИКАЯ РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ:
ОТ ФЕВРАЛЯ К ОКТЯБРЮ**

Редактор *А. Н. Романов*

Художественный редактор *А. И. Ольденбургер*

Корректор *Е. Г. Галимзянова*

Электронная верстка *М. Е. Кузнецова, Е. С. Яценко*

Подписано в печать 08.11.2014. Формат 70х100/16.
Уч.–изд. 30,1 л. Усл. печ. 32 л. Тираж 2000 экз. Заказ 7409.

ООО «Родина МЕДИА»
127025, г. Москва, ул. Новый Арбат, 19,
тел. (+7495) 697–45–36

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf

тел. (+7495) 745–84–28, (+749638) 20–685

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Александр Шубин

*Шубин Александр Владленович родился в 1965 г. Доктор исторических наук (2000), Руководитель Центра истории России, Украины и Белоруссии Института всеобщей истории РАН. Профессор Российского государственного гуманитарного университета и Государственного академического университета гуманитарных наук. Автор 20 монографий и около 200 научных публикаций, преимущественно по проблемам советской истории и истории левых идей и движений, в том числе: *Вожди и заговорщики. Политическая борьба в СССР в 20–30-е гг. М., 2004; Социализм: «золотой век» теории. М., 2007; Великая депрессия и будущее России. М., 2009; Великая испанская революция. М., 2012; Махно и его время. О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М., 2013.**

ПЕРВОЕ ПРАВИЛО ИСТОРИИ — НЕ ДОПУСКАТЬ ДЖИ

